

ИРИНА КОТОВА

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

СОРВАННЫЙ ВЕНЕЦ

Annotation

Семь лет назад Рудлогом правила королева. Но ее оклеветали, назвали ведьмой, а после убили. И никто тогда не догадывался, что переворот приведёт к катастрофе. Извержения вулканов. Землетрясения. Возвращение драконов. Магия начала неумолимо уходить из мира.

Однако среди простого народа ходят слухи, что дочерям королевы удалось бежать из дворца и они скрываются где-то в глуши. Теперь их ищут лучшие агенты Рудлога. Ищут драконы. И враги...

...И наверняка найдут, если мы допустим ошибку. Ведь история о пропавших принцессах - это история обо мне и моих сестрах.

-
- - [Часть 1. Глава 1](#)
 - [Часть 1. Глава 2](#)
 - [Часть 1. Глава 3](#)
 - [Часть 1. Глава 4](#)
 - [Часть 1. Глава 5](#)
 - [Часть 1. Глава 6](#)
 - [Часть 1. Глава 7](#)
 - [Часть 1. Глава 8](#)
 - [Часть 2. Глава 1](#)
 - [Часть 2. Глава 2](#)
 - [Часть 2. Глава 3](#)
 - [Часть 2. Глава 4](#)
 - [Часть 2. Глава 5](#)
 - [Часть 3. Глава 1](#)
 - [Часть 3. Глава 2](#)
 - [Часть 3. Глава 3](#)
 - [Часть 3. Глава 4](#)
 - [Часть 4. Глава 1](#)
 - [Часть 4. Глава 2](#)
 - [Часть 4. Глава 3](#)
 - [Часть 4. Глава 4](#)
 - [Часть 4. Глава 5](#)

- [Часть 5. Глава 1](#)
 - [Часть 5. Глава 2](#)
 - [Часть 5. Глава 3](#)
 - [Часть 5. Глава 4](#)
 - [Часть 5. Глава 5](#)
 - [Часть 5. Глава 6](#)
-

Королевская кровь-1. Сорванный венец

Часть 1. Глава 1

Начало августа, Иоаннесбург

Марина

– Бензина не хватит, – с досадой сказала я, глянув на недвусмысленно загоревшийся красным огонек на приборной панели. Три мои сестры, только что загрузившиеся на заднее сиденье и предварительно сложившие пакеты с едой из торгового центра в багажник, дружно застонали.

– И куда мы доедем? – с отчаянием спросила Полина. Я и сама была готова застонать, ибо время было позднее, и тащиться с тяжеленными сумками к отчому дому на общественном транспорте, пусть даже у всех были проездные, не хотелось. Да и успеть бы на этот транспорт! Электрички в наш областной городок ходят до половины двенадцатого, а сейчас уже пол-одиннадцатого. Вокзал расположен на другом конце города, и что напрямую, что по кольцевой – топлива вряд ли хватит. Мы отправились в торговый центр сразу после того, как я закончила смену, и денег на покупки у меня было впритык. И последние я, как умная, потратила на крем для рук и ночнушку – старой уже можно было только полы мыть, да и руки мои после работы в больнице выглядели словно у сорокалетней.

– Я что, оракул? – огрызнулась я. – До заправки дотянули бы точно, если было бы, чем заплатить. А теперь как получится, все лучше, чем тащиться домой прямо отсюда. Если заглохнем – перегрузимся и понесем вещи на себе, аки верблюдицы.

Очередной дружный стон был мне ответом. Я завела машину, и она ответила уверенным мурчанием. Ах ты ж моя кошечка, не подведи, довези! Довезу как смогу, ответила моя старая, почти отслужившая свое кошечка, однако не на святом духе же.

Мы тронулись и покатались через ярко освещенную парковку к дороге, которая пролегла мимо огромного торгового центра и выводила на кольцевую. Машин практически не было, я крутила руль, погрузившись в невеселые мысли и в недобрые предчувствия. Успеть бы до электрички.

– Мариш, погоди! – заверещала сзади та же Полинка. Она сидела наискосок от меня и смотрела в окно. – Стой! Сдай назад! Смотри, там мужик стоит около остановки маршруток, давай его подбросим куда нужно, а он нам заплатит, нам же много не надо на бензин-то!

Идея была здравая, но я по природе такой застенчивый человек, что скорее руку себе отгрызу, чем навяжусь кому-то или попрошу об услуге. Впрочем, я давно научилась скрывать неуверенность в себе за показной бравадой и едкостью.

Я сдала назад – девчонки взволнованно запищали – и остановилась возле потенциального попутчика. Увидела через стекло только, что он опирается на трость, открыла окно. Мужчина чуть помедлил и наклонился.

– Здравствуйте, – сказала я самым нежным и завлекательным голосом, на который была способна. – Может быть, вас подвезти?

Он был как-то впечатляюще некрасив, даже возраст определить не представлялось возможным. Черты лица, состоящие из углов, крупный нос, широкий рот, мощные брови и большие, чуть сощуренные глаза. Мужчина усмехнулся, перевел взгляд на моих сестер. Девочки все тоже старательно улыбались и просто излучали радостное желание подвезти незнакомого и несимпатичного хромого мужика туда, куда тот скажет.

Наконец он заговорил.

– Нет, спасибо. За мной уже едут. Да и вряд ли вам со мной по пути.

Голос у него был спокойный, низкий, немного насмешливый и будто чуть простуженный. Неудивительно, если учесть, что он курил, и сигаретный дым проникал через окна в машину.

– Нам с вами по пути, по пути! – вразной заверили сестры, а я промолчала – зачем навязываться.

Но, видимо, на наших лицах отразилось такое разочарование, что он помедлил, уже с открытой насмешкой разглядывая нас и не отнимая руку от окна, а затем со словами «Впрочем, почему бы и нет» открыл дверь, выбросил сигарету и забрался внутрь.

Машина сразу показалась очень маленькой, мужчина мгновенно заполнил ее чужим запахом. Крепкий табак и свежая туалетная вода. Пассажир был высоким и сложился чуть ли не втрое, поморщившись, когда сгибал правую ногу. Трость он положил поверх колен.

Я тихо тронулась с места, глядя прямо перед собой. Было ну очень неловко.

– Вы не хотите спросить, куда мне? – ирония в его голосе просто убивала. – Или милые дамы решили меня похитить?

– Да, и правда, – я заставила себя улыбнуться, – куда вас подвезти?

– В центр, на Императорский переулок, дом три. Знаете, где это?

Знала ли я? Конечно, я знала. Это было что-то из прошлой жизни, где мы не считали деньги, а работать членам нашей семьи считалось просто невозможным.

– Знаю, – сухо ответила я, чем заработала косой взгляд с его стороны.

Так мы и поехали: я – старательно глядя только прямо или в зеркала, он – беззастенчиво разглядывая меня или посматривая на дорогу, а сестры сзади – в каком-то траурном молчании. Они, видимо, тоже стеснялись. Или, как и я, вспоминали. Хотя Каролинке тогда было всего четыре года.

Мы ехали минут двадцать, и моя красавица с моторчиком даже не фыркнула. Я стала робко надеяться, что дело не в бензине, а в неисправности его индикатора, и что, может, доберемся-таки до дома без приключений.

С оживленного центрального проспекта, где, несмотря на поздний час, машин было много, а света еще больше, мы свернули в тихий проулок. Еще несколько поворотов и пять минут поездки – и мужчина кивнул влево.

– Остановите здесь, пожалуйста.

Да. Огромный дом, выглядывающий из глубины утопающего в зелени сада. Невысокие, но явно недоступные для незваных гостей ворота и витая ограда вокруг. Горящие окна только на третьем этаже – там, где традиционно живет прислуга. Автомобильная дорога до дома, освещенная наземными фонариками. Деньги, власть и многие поколения аристократии. Я почувствовала, как у меня встает комок в горле.

– Конечно, – произнесла я вежливо, развернулась и припарковалась у ворот дома.

– Спасибо, – сказал мужчина, открыл дверь, не без труда выбрался из машины под наше гробовое молчание и вышел.

Мы посидели немного, наблюдая, как он медленно, хромя и опираясь на трость, идет к воротам, открывает маленькую калитку, проходит внутрь, и тут неугомонная Полина озвучила общую мысль:

– А как же деньги?

У меня не открылся рот попросить у него денег. Если он сам не сообразил, то как-то неловко... Да, я дурочка и поступила глупо и нелогично, но что поделаешь, если в таких ситуациях, когда надо просить для себя, у меня все противится внутри и отнимается язык?

– Может, доедем без дозаправки, – оптимизма в моем голосе было хоть отбавляй.

Но не тут-то было. Не отъехав от дома и трехсот метров, машина встала прочно и бескомпромиссно.

Я в ярости вышла из автомобиля, достала пачку сигарет и закурила. В нашей семье курила только я одна; впрочем, работая в хирургии, трудно не закурить. Девчонки выбрались из салона, окружили меня. Переулок был глух и тих, ближайшая заправка из тех, что я помнила - в двух километрах отсюда, а метро – рядом с ней. Автобусы в этом районе не ходили – у аристократов, живущих здесь, просто не было в них нужды.

– Может, бросим машину и продукты, дойдем пешком до метро, а завтра вернемся и заберем? – предложила молчавшая до сих пор Алинка.

– Продукты испортятся, – тоскливо протянула Полина, – да и посмотри, какой квартал. До завтра машину обязательно эвакуируют, потом ищи ее на штрафстоянках и выкупай. А откуда мы деньги возьмем?

Пухленькая Каролина ожесточенно жевала пончик и молчала. Она всегда ела, когда нервничала, и надо бы ее показать психологу, но он стоил больше, чем содержание машины или пончики.

Я докурила, пальцы мои дрожали, как всегда перед отчаянным шагом. Было дико страшно.

– Я сейчас все решу, ждите в машине. – И я пошагала обратно, к дому, у которого мы высадили попутчика.

Подошла к воротам, позвонила. Засветился экран справа, появилось изображение охранника.

– Что вам нужно?

Я тряслась как заячий хвост.

– Я владелица машины, довезла хозяина дома, ну вы видели ведь?
– По его лицу было непонятно, слышит он меня или нет. – Дело в том, что он забыл кое-что.

– Сейчас к вам выйдет охранник, отдадите, – отчеканил сидящий в экране.

– Да нет, нет, – суетно заговорила я, – он не вещь забыл, а забыл нам кое-что отдать.

– Зайдете завтра, заберете, в такое время я беспокоить хозяина не стану.

– Но я не смогу завтра зайти, – с нажимом произнесла я, – мне надо сегодня!

– Извините, ничем не могу помочь, – и экран погас.

Я повернулась спиной к воротам, прислонилась к ним. Снова закурила. В трехстах метрах отсюда, в машине, полной необходимых нам продуктов, сидели сестренки, которых везти ночью на общественном транспорте ой как не хотелось. Пусть из-за летних каникул завтра никому не надо в школу или в институт, перспектива ночевки в машине тоже не вдохновляла. Я побилась легонечко о холодный металл затылком, стало полегче. Звонить отцу или старшей сестре? Это значит искать стационарный телефон, будить соседку. У нас мобильных не было, да и чем помогут родные? Я стала лихорадочно вспоминать знакомых или коллег, к кому могла бы обратиться. Беда, что старых друзей не осталось, а с новыми я, памятуя о старых, сходилась очень трудно.

– Проблемы? – раздался сзади насмешливый и хриловатый голос.

Я обернулась. Оказывается, он все время сидел рядом, на скамейке, расположенной у ворот и укрытой от лишних глаз какими-то цветущими кустами.

– Что вы, – со злостью сказала я, – никаких проблем.

Оттолкнулась от ограды и, громко топая, пошла вверх по улице, к машине.

Оставшись без собеседницы, Люк покачал головой. Ему сразу стало понятно – нервничающим девицам что-то от него нужно, поэтому он и не сдержал любопытства, сел на свой страх и риск в машину. Да, начальство по голове за это не погладило бы, благо, оно не

в курсе его авантюры. Милые попутчицы вполне могли оказаться нанятыми убийцами, похитителями или подосланными забраться в койку, чтобы завтра появился благородный папаша с дюжиной свидетелей и священником. Поэтому Люк всю дорогу ждал, пока заговорит старшая.

Что-то точно было нечисто, так как она старательно не смотрела на него, а уж сидела с таким выражением на лице, будто сейчас оторвет от напряжения руль. Девчонки сзади почти высверлили в его затылке дырку своими взглядами, да еще и подглядывали в зеркало. И он был почти разочарован, когда его спокойно высадили и уехали. Сел на скамейку у ворот, спрятанную в «розовом гроте», закурил, позвонил Михаилу, чтобы разворачивал автомобиль, высланный за ним к торговому центру, послушал пение птиц, отхлебнул коньяка из фляги, чтобы унять растревоженную ногу. И тут старшая вернулась. Охранники молодцы, сработали на «отлично», но проклятое любопытство все-таки дернуло Люка обнаружить свое присутствие. И что же? Ни выстрела, ни попыток соблазнения (хотя он понимал, что это глупо, за время поездки его можно было убить много раз). Но что же тогда надо проклятой девице?

Люк быстро, насколько позволяла нога, пошел к пункту охраны, как только собеседница скрылась из виду. Двое охранников подняли на него взгляды.

– Борис, сходи, посмотри, что там, – обратился он к тому, что постарше. Тот кивнул и вышел из сторожки на улицу.

Сестры встретили мое возвращение вопросами «Ну как, получилось?», но я покачала головой.

– Девочки, меня даже внутрь не пустили.

– Ты молодец, что попыталась, – приободрила меня Полина. – Я бы со страху умерла.

Учитывая, что сестра училась на геологическом, отделение вулканологии, и уже проходила практику на вулкане, это был весомый комплимент.

– Что же нам теперь делать? – всхлипнула Каролинка. Ей только исполнилось двенадцать, и она очень просила взять ее с собой за покупками. Теперь она устала, перенервничала и отчаянно зевала. Алина, наша спокойная и немногословная сестра, обняла ее за плечи.

В стекло с моей стороны неожиданно постучали, да так неожиданно, что я взвизгнула. Заглядывал в салон тот же охранник, что разговаривал со мной по коммуникатору.

– Выйдите из машины, – сказал он. Девчонки испуганно примолкли.

– Что вам нужно? – я приоткрыла окно чуть больше, всем видом показывая, что для нашего разговора этого достаточно.

– Нет, это вам что нужно? – резко спросил он. – С какой целью вы рвались в дом, почему не уезжаете сейчас?

– Да не рвалась я! – я была уязвлена до мозга костей.

– Дяденька, – вмешалась Полина жалобно, – да у нас бензин кончился. А мы вашего хозяина подвезли, вот и думали, что вдруг он поможет. Машина полна продуктов, до заправки не дотолкаем, а если и дотолкаем, то оплатить нечем.

Лицо охранника смягчилось, и он снова оглядел нашу расстроенную компанию.

– Покажите багажник, – сказал он.

– Зачем?!! – возмутилась я.

– Хотите помощи – показывайте, – настойчивости ему было не занимать.

Я хотела послать его подальше и послала бы, если бы была одна. К сожалению, люди, находящиеся под твоей ответственностью, очень способствуют усмирению гонора, особенно если это младшие сестры.

Охранник тщательно просмотрел все пакеты, прохлопал дно багажника и повернулся ко мне.

– Можно ваши документы?

– Ну конечно, – мне оставалось только язвить. – Можно и документы, и деньги. Правда, денег нет.

Он внимательно глянул на меня.

– Либо документы, либо мне придется вас всех обыскать.

– Мы бросимся врассыпную, – я протянула ему водительское удостоверение, – и будем визжать на всю улицу.

Охранник, по-моему, даже улыбнулся в усы и скомандовал:

– Ждите, сейчас попробую решить.

Он отошел, начал кому-то звонить.

– Да, – доносились его слова, – все в порядке, я проверил. У девочек кончился бензин, хотели попросить помощи. Да? Нет, скорее

всего, нет. Михаил уже поехал домой. Да, понятно. Сейчас.

Усатый дядька выключил телефон и подошел к нам. Мы с надеждой, как цыплята на маму-курицу, воззрились на него снизу вверх.

– Хозяин зовет вас в дом, пока мы будем решать вашу проблему, – сказал он.

Я, конечно, и смутилась, и возмутилась, и попыталась отказаться. Решающим стал голос Каролины, которая пропищала, что хочет в туалет. Пришлось выбираться из машины и идти к дому. Ключи от автомобиля я оставила охраннику.

У ворот уже ждал лакей, который проводил нас в дом и пригласил, расположившись в небольшой гостиной, подождать, пока изволит явиться хозяин. Каролинка сразу же попросилась в дамскую комнату, и слуга повел сестру куда-то вглубь дома. Я села в мягкое кресло, и меня немедленно потянуло в сон. Встала я сегодня в шесть и была уже на пределе.

Полина и Алина изучали гостиную.

Да, комната была прекрасна, как и сам дом. Небольшая, но просторная, с диванчиком и несколькими креслами из зеленой кожи посередине, поставленными вокруг невысокого чайного столика из красного дерева. Высокие стены, обитые по низу светлыми деревянными панелями с вырезанными лилиями и розами, а по верху – такими же панелями из красного бархата. Камин – вычищенный, со стальными приборами на треноге и аккуратно сложенными дровами рядом. Книжные полки, уставленные книгами. Телевизор на полстены и небольшая, но мощная аудиосистема, из которой сейчас лилась приятная расслабляющая музыка.

Алина сразу схватила какую-то книгу, забралась с ногами на диван и погрузилась в нее. Я мельком увидела название: «Редкие и исчезающие виды живых существ». Ну, она всегда любила читать, поэтому и была самой умной из нас. Мне боги такого ума не дали, поэтому я и пошла учиться на медсестру в училище, параллельно подрабатывая на «скорой помощи» и ухаживая за престарелыми пациентами. Сейчас я работала в государственном госпитале хирургической сестрой, и это было неплохо. Денег платили мало, но их отсутствие было еще хуже.

Полинка ходила по комнате, изучая обстановку, изредка касаясь каких-то предметов пальцами. Она вдруг оглянулась, и я увидела в ее глазах отражение своих чувств. Семь лет мы не были в таком доме. Прошлое вовсе не забылось, оно просто спряталось, чтобы напоминать о себе тяжестью в груди и горькими сожалениями, которыми, впрочем, делу не поможешь. Поэтому я ободряюще улыбнулась ей и кивнула на кресло. Сядь, посиди, не трави себе душу, сестренка. Ну и мне, конечно.

В комнату вошла Каролина, уже успевшая где-то обзавестись чашкой с чаем, за ней – тот самый лакей, который нас встретил у ворот, с подносом в руках. Он ловко расставил по столику чайные приборы, разлил чай и водрузил в центр корзину со свежееиспеченным хлебом. От сладковатого и душистого запаха у меня судорожно сжался желудок – после работы я ничего не ела. Сестренки, такие же голодные, как и я (кроме Каролинки), быстро окружили столик.

Раздалось какое-то дребезжание, и красивая пышная женщина в годах вкатила в гостиную тележку, полную еды. Она поздоровалась с нами («Здравствуйте», – поприветствовали мы ее нестройным хором), разгрузила содержимое тележки на столик и ушла. Теперь сидеть и ждать неизвестно чего было совсем невыносимо. Еда яростно пахла, желудок яростно грыз меня изнутри.

– Как королевичи принимают, – горько произнесла Алина. Я усмехнулась, а Полинка нахмурилась. Каролина села на диван и, прихлебывая чай, рассказала, как она побывала на такой огромной кухне, где поместится весь наш дом и где та самая повариха, Марья Алексеевна, угостила ее чаем и конфетой и сказала идти в гостиную, ибо хозяин приказал нести туда ужин.

Тут вошел сам хозяин. Он выглядел посвежее и даже не таким страшным, хотя и симпатичным его при всем желании назвать было нельзя. Он заметно хромал и опирался на трость. По всей видимости, пока мы его ждали, наш попутчик успел принять душ и переодеться.

– Вот мы и снова увиделись, – сказал владелец дома, кивая в знак приветствия. – Дамы, мне очень неловко, что из-за меня вы оказались в такой ситуации. Давайте поужинаем, а за это время слуги решат проблему.

– Всего нет, – я с усилием подняла на него глаза. – Мы бы оказались в такой ситуации в любом случае. Это полностью моя вина,

я не подумала заправиться заранее. Мы благодарны вам за ваше гостеприимство, лорд?..

Он улыбнулся, разгадав мой маневр.

– Лорд Кембритч. Теперь вы тоже можете представиться.

– Мы сестры, – медленно проговорила я.

– Я Каролина! – выкрикнула одновременно со мной младшенькая.

Кембритч перевел взгляд на нее.

– Очень приятно, Каролина. А как зовут твоих сестер?

Ничуть не смутившись, Каролинка представила нас. Марина, Полина, Алина, Каролина. Что сделаешь, если с детства чувствуешь себя частью детской считалочки. Хорошо, что здесь нет Ангилины и Василины, а то ситуация стала бы комической. У родителей были накрепко связаны руки в том, что касалось выбора имен. Но на их месте я точно постаралась бы как-то соригинальничать. Хотя у нас традиция еще достаточно мягкая. Были и похуже. У Инлэндеров, правящей королевской семьи соседней с нами Инляндии, все мужские имена должны были начинаться на букву Л. А в семействе Ши мужчины назывались именами, несущими значение, близкое к слову «великолепный». Каково всю жизнь прожить с именем Великолепный Ши? Лучше уж быть Мариной, так я думаю.

– А ваш род? – снова спросил он.

– Богуславские, – ответила я. Сестры посмотрели на меня и закивали. Богуславские – это одна из наших родовых фамилий. Правда, такая дальняя и малозначащая, что публично ее не объявляли никогда. На моей памяти – уж точно никогда.

– Вот и познакомились, – хрипло сказал лорд Кембритч. Глаза его впились в мое лицо, будто изучая или пытаясь что-то понять. Даже при том, что узнать нас было невозможно, мне стало не по себе. – Давайте ужинать.

Формат гостиной предполагал, что гости едят, взяв тарелки в руки. По этикету в таких ситуациях хозяин сам ухаживает за гостями. Но так как ему было тяжело двигаться, эту роль взяла на себя я. Конечно, лорд Кембритч мог пригласить нас в столовую, но это означало бы ту степень близости, которой мы не обладали.

Я двигалась вокруг столика, выполняя пожелания хозяина и сестер, и чувствовала на себе его раздражающий взгляд. Больше всего я боялась, что он каким-то чудом узнает нас. Хотя это было

невозможно, но кто поймет иррациональный страх? Поэтому я, не глядя на владельца дома, обошла вокруг столика, убедилась, что все имеют на тарелках всё, что хотят, и села на свое место. Наконец-то я могу поесть!

Полина, которая ела как птичка и весила столько же, увидев мое состояние, стала развлекать (и отвлекать, умничка моя, сестричка любимая) лорда, расхваливая его дом и расспрашивая об обстановке, о том, кто еще живет здесь (жил он один, со слугами), женат ли, где путешествовал, и задавая прочие обязательные и безопасные с точки зрения этикета вопросы.

Несмотря на голод, мне кусок в горло не лез. Я взяла чай в руки, откинулась на спинку кресла. Раздражал взгляд хозяина. Беспокойно было, как там моя машинка, каким образом нам помогут – дадут денег или зальют бензина, и насколько трудно будет ехать по загородной ночной дороге долгие два часа до дома. Я снова прислушалась к разговору.

– А что с вашей ногой? – учтиво спрашивала Полина, подливая лорду чай. – Надеюсь, ничего серьезного?

– Глупости, – отмахнулся Кембритч и снова искоса взглянул на меня. Достал, ей-богу. Я ясно представила, как размахиваюсь и бросаю чашку с чаем ему прямо в лицо. Последние несколько лет у меня бывали такие приступы, когда хотелось что-то разбить или кого-то убить. – Я как любитель был участником небольшого ралли в горном районе, не справился с управлением, и мы свалились с берега в реку. Больше воды наглотались.

– Ох, – сказала Полина, глядя на него лучистыми глазами, – вы же могли погибнуть!

Умничка моя. Умничка!

– Там не река, а одно название, – усмехнулся хозяин дома. Ага, а ты не хвастун и не тщеславен. – Да и было это полгода назад. Мы проехали почти полторы тысячи километров и стали бы первыми, если бы я не гнал слишком быстро и был осторожен на берегу.

В моей голове зашевелились обрывки новостей: ралли «Северная звезда», катастрофа, реанимация. Фотографии были во всех газетах и новостях. Странно, как я его сразу не узнала. Виконт Кембритч, бывший гонщик, скандально известен в свете. Любитель, как же. Небольшое ралли, ага.

– А что говорят медики, что будет с ногой? – продолжала сестричка.

– Хромота постепенно уменьшается, но перегружать ногу не стоит...

Теперь все мои сестры смотрели на него с восхищением. Я же смотрела на девочек и забавлялась. Раненый герой, гонщик и к тому же лорд. Что еще нужно, чтобы заставить девичьи сердца биться чаще. Глупышки мои. Я сжала губы и отвернулась.

Черт, черт, черт, опять его взгляд! Ну что же такое! Пальцы крепче сжали ручку чашки, а с губ уже было готово сорваться колкое замечание. Не надо на меня смотреть. Я вам не знакома. У меня самая обычная внешность. Она не может вам никого напоминать.

– Марина, вы напряжены. Что-то не так?

Спросил все-таки, не удержался. Я изобразила светскую улыбку.

– Все в порядке, лорд Кембритч, спасибо за заботу. Я устала после смены, вот и кажусь не очень общительной.

– А где вы работаете?

– В областном госпитале, в Земноводске.

– Марина у нас хирургическая медсестра, – похвасталась Полли, – может, даже делала вам операцию после аварии.

Не сестренка, а святая простота. Наш хозяин улыбнулся, покачал головой.

– Нет, меня сразу переправили в Королевскую лечебницу, на листовете.

Понятно. Простых смертных на листоветах в лазареты не доставляют. Видимо, благородный облик воздушного корабля-капли не сочетается с неаристократической кровью.

– А живете вы где? – прервал он мои размышления.

Спас нас лакей, заглянувший в дверь и сообщивший, что машину заправили и перегнали в гараж особняка.

– Лорд Кембритч, благодарю вас за помощь и прием, но нам нужно ехать, – сказала я со слишком явным облегчением и отругала себя. – Время уже позднее, родные наверняка волнуются.

Лорд с изумлением и неодобрением посмотрел на меня.

– Госпожа Богуславская, неужели вы думаете, я отпущу вас из дома после полуночи, да еще и за рулем? Это просто возмутительно!

Да, это было на грани оскорбления, но пусть думает, что мы не знаем этикета, чем ломает голову над тем, откуда мы его знаем. И так уже подставились по полной.

– Тем не менее я настаиваю, – твердо сказала я, глядя ему в глаза.

– Ни в коем случае, – ответил лорд своим простуженным голосом, не менее твердо глядя на меня. – Мои предки мне этого не простят.

Мы сидели друг напротив друга, а девчонки на диванчике замолкли, перестали жевать и даже, по-моему, дышать, ожидая, чем закончится наше противостояние.

Казалось, что он смотрит уже не в мои глаза, а куда-то внутрь головы, в затылок, и пауза в те моменты, когда мы сверлили друг друга взглядами, затянулась до неприличия. Мир вокруг поплыл и заглох. Стучали часы, поскрипывало окно от ветра, я слышала, как колотится кровь в висках. Мы будто неслись навстречу друг другу на невысказанной скорости, и до столкновения оставались какие-то доли секунды.

Я с трудом отвела взгляд.

– Хорошо. Но рано утром мы уедем. Спасибо вам за все, что вы сделали для нас.

В эту ночь Люк Кембридж, властительный господин и лорд, долго не мог уснуть, пытаясь понять, что же в девицах Богуславских было такого не соответствующего их внешнему виду, и вспомнить, не мог ли он видеть их раньше. Но вспомнить виконт ничего не мог, как ни пытался сопоставить виденные им вечером девичьи лица с набором лиц из прошлого. И это было неудивительно – тех, кем его гости были раньше, он мог встретить только на официальных портретах и фотографиях много лет назад. Да и трудно было бы даже искусственному разуму сопоставить светловолосых и сияющих юных девушек и девочек с забредшими к нему потрепанными и усталыми девицами.

Я проснулась засветло, действительно рано, и в первый миг не поняла, где нахожусь. Затем все вспомнила. На часах было около пяти, но что поделаешь – привычка вставать на работу не оставляла мне выбора даже в выходные. Я просыпалась до восхода солнца, и уснуть снова не получалось, а валяние в кровати вызывало головную боль.

Вчера, измученная долгим днем и неудачным вечером, я просто упала в кровать. Мне едва хватило сил, чтобы снять одежду. А теперь я могла изучить комнату. Все равно сестер будить еще рановато, да и по дому бродить тоже.

Спальня была обставлена выше всяких похвал. Сдержанные тона, много дерева. Огромная кровать у одной стены, напротив нее – туалетный столик с зеркалом. Справа от кровати во всю стену шторы, рядом с ними – столик, кресло. Слева – дверь в коридор, следом – двери в гардеробную и, по всей видимости, в ванную комнату. Ох, если там есть ванна, я знаю, чем займусь!

Ванна была. Нет, не так. Там была ВАННА. Огромная, со ступеньками, спускающимися ко дну, с батареей нераспечатанных бутылочек с шампунями, гелями и маслами. Огромное же зеркало, умывальник, напоминающий формой морскую ракушку, прикрепленную к стене. Кабинка с туалетом. Недолго поколебавшись, я повернула вентили кранов, и в ванну с гулом забили мощные струи воды. Почистила зубы, пока она набиралась, скинула белье и зашла в теплую воду получить свои полчаса удовольствия. Когда еще придется побывать в таком доме?

Через полчаса я приказала себе встать. Честное слово, не хотелось. Хотелось остаться тут жить, пока не растворись в бурлящей от хитро сделанных массажных струй воде, спрятаться от того, что ожидало нас за пределами этого дома. Хотелось продлить сказку. Но по опыту я знала, что чем дольше ты в сказке, тем больше от нее отрываться. Поэтому я безжалостно выгнала себя из воды, жестко растерлась полотенцем и вышла из ванной обратно в спальню.

Стрелка на часах еще не дошла до шести – чем мне было заняться? Есть не хотелось, воды я напилась из стоявшего у кровати кувшина, книги навевали скуку. Хоть в окно посмотреть, что ли. Я подошла к тяжелым шторам, занимавшим всю стену и спускавшимся до пола, и с силой дернула их в стороны. И замерла, медленно отодвигая занавески до упора – сначала одну, потом другую.

Моя спальня находилась на первом этаже, а шторы закрывали огромное высокое окно во всю стенку.

А за волшебным окном колосилась пшеница мне по грудь, расцветенная затесавшимися среди колосьев фиолетовыми вьюнками и голубыми колокольчиками. В розовом и красном сиянии из-за

пшеничного поля поднималось солнце, и лучи его пробивались через утреннюю дымку, освещая мое лицо. Вдалеке виднелся какой-то лес. Слева вставали горы – судя по характерным красным склонам, пограничные Милокардэры, которые находились больше чем в тысяче километров от Иоаннесбурга.

– О боги, – прошептала я, потрясенная. Я была права – в таком доме мне вряд ли еще придется побывать. Рука сама потянулась к едва различимой двери в прозрачной стене.

Я вышла из дома. Прямо от двери через поле уходила узкая тропинка. Было уже жарко, как и всегда на юге. Пели полевые птицы, вьющие гнезда прямо в пшенице. Стрекотали цикады. Мир был полон покоя и счастья.

Я не собиралась уходить далеко от дома, но тут вдруг побежала навстречу солнцу, крича от восторга, чувствуя, как давно забытое и зарубцевавшееся раскрывается новой надеждой, будто я сейчас смогу взлететь, полная этого чувства. Но не смогла – упала. И впервые за последние годы заплакала. Слезы пошли тяжелые, густые, будто из души изливался гной, прятанный все это время под старой раной; они липкими каплями падали на одежду, протекали сквозь пальцы, прижатые к лицу, и никак не хотели останавливаться. Я лежала, скорчившись на боку, в одной майке и трусиках, посреди прекрасного, освещенного восходящим солнцем поля и тихонько, но безудержно выла, чувствуя, как судорожно царапает горло, как что-то сжимает сердце, как подкатывает к горлу тошнота, будто слез не хватало, чтобы извергнуть из себя все накопившееся.

Так я лежала достаточно долго, пока не кончились слезы. А с ними – и мое самоуважение. Семь лет я клялась себе, что не пророню ни слезинки после того, что случилось. Надо было быть сильной ради отца, ради сестер. И вот, хватило нескольких часов привета из прошлого, чтобы я расклеилась, а то, что так хорошо держалось внутри, вышло наружу.

– Простудитесь.

Нет, только не это.

Не глядя на него, я встала и пошла к дому. Он хромал следом.

Здесь, в южных полях, дом был одноэтажным, с полностью стеклянной стеной. Судя по отдернутым шторам в соседней комнате, этой ночью мы были соседями.

Перед входом я обернулась и постаралась, чтобы мой голос звучал уверенно. Насколько вообще может звучать уверенно голос девушки, одетой в тапочки, майку и трусики, измазанной с одного бока землей, с опухшим лицом и красными глазами.

– Спасибо за гостеприимство и помощь, лорд Кембритч. Мы в течение часа уедем. Прошу вас, не провожайте нас. Мы доставили вам немало хлопот.

Он покачал головой, но ничего не сказал. В глазах его я увидела понимание. Ситуация была неловка нам обоим.

– До свидания, – произнесла я сухо и, закрыв волшебную дверь, задернула шторы.

Мы приехали в Орешник к одиннадцати утра. Я была молчалива, сестры же наперебой обсуждали наше «приключение». В других обстоятельствах и я бы к ним присоединилась, но только не сейчас. Я еще глубоко переживала и свои слезы отчаяния, и неловкую ситуацию в поле за домом. Были и хорошие стороны – бак был полон, и его хватит надолго, продукты не испортились, так как их держали в холодильнике.

Кембритч так и не появился, а слуги очень вежливо нас накормили, собрали и проводили. Усатый охранник, прощаясь, даже подмигнул мне.

Папа копался в огороде. После гибели матери отцу надо было чем-то заниматься, чтобы мы не умерли с голоду. Работать по понятным причинам он не мог – кто же возьмет инвалида? А вот свое хозяйство как-то вдруг пошло. Огородом, курами и козами заведовал отец, а кухней и домом – Ангелина. Ей было уже под тридцать, и она фактически заменила нам мать, насколько ее можно было заменить.

А вот и она, машет из окна, приглашает скорее зайти в дом. Ветер и правда пронизывающий. Крупная Ангелина с покрасневшим лицом, закатав рукава, пекла пирожки. Мы дотащили пакеты и стали рассортировывать продукты: что в холодильник, что в чулан, что в погреб, семена – отцу на стол.

Девчонки со смехом рассказывали о вчерашних происшествиях, а я молча наблюдала за Ангелиной. Когда-то она была изумительно красива. На руках ее не было следов от ожогов, появившихся, когда она только училась готовить, и мозолей от работы в огороде. Учиться надо было быстро, ведь на попечении оказались бестолковые сестры и

раненый отец. У Ангелины тогда были длинные белые косы, а сейчас – закрученные в узел черные волосы чуть ниже плеч. Не было морщинок и усталой спины, не было потухших глаз.

«А ведь она помнит больше нас всех, – вдруг подумалось мне. Растревоженное прошлое никак не хотело возвращаться туда, где оно хранилось все это время. – Кто знает, что ей пришлось пережить, когда от нее отказался жених, когда у нее были самые блестящие перспективы и ей предрекали счастливую жизнь. Светлый Ангел, Снежный Ангел, так ее называли. Не плачет ли она каждую ночь так, как я сегодня?»

После смерти мамы я ни разу не видела Ангелину плачущей. Она всегда была тепла и всеобъемлюща, ее любви, казалось, хватало на всех. Сестра полностью взяла на себя хозяйство и уход за отцом после произошедшего. Пока он выздоравливал, она фактически одна тянула на себе нас и дом. Мы, конечно, помогали по мере сил. Но именно Ангелина устроила младших в школу, неизвестно каким образом договорившись с директором, и настаивала, чтобы они учились. Именно она решала все вопросы с главой поселения, когда он интересовался, откуда в Орешник прибыла такая необычная семья. Именно она уговорила отца отпустить сестру замуж, когда королевский егерь, небогатый, но происходящий из древнего рода, попросил руки Василины.

Конечно, в прежние времена такой мезальянс был бы невозможен. Но не сейчас – приходилось быть практичными. Мы действительно никогда не сможем отплатить Ангелине за все, что она для нас сделала.

Полинка с Алинкой побежали в огород обнять отца и показать ему семена, которые они купили. Каролина помчалась в другую сторону – к соседским девчонкам. А я вымыла руки и стала помогать сестре.

Часть 1. Глава 2

Начало июля, Милокардэры

– Эй, Плишка, не теряй следа!

Охотники, забравшиеся так высоко на Драконий хребет, он же Стиральная доска, как только позволял разреженный воздух, остановились на привал, с усмешками наблюдая за самым молодым и неопытным, карабкающимся далеко позади. Кричать не следовало, чтобы не снять лавину, но удержаться от поддразнивания младшего товарища не было мочи. В команде каждый из них когда-то был новичком и каждый проходил через это. Что поделаешь, таковы законы существования в мужском коллективе.

Плишка упорно карабкался вверх, недоумевая, почему он решил пойти в охотники, а не остался, как заповедовала мамка, простым и понятным землепашцем. Позарился, дурак, на возможное богатство.

Охотники, убившие хотя бы одного снежного барана, потом ходили гологами, сорили деньгами, все девки были их. Богатеи платили за шкуры баранов больше, чем крестьянин мог выручить за свой годовой урожай, а зубы, рога и жёлезы маги выкупали еще охотнее. У каждого охотника был свой крепкий дом. Не барский, конечно, но получше, чем у селян. Вот и потянуло дурака на приключения.

Весь секрет ценности снежного барана был в том, что жил он там, где большинство людей уже теряли сознание от недостатка кислорода. Шкура его была непробиваема не только для пуль, но и для выпущенных пушечных ядер – в старину проверяли. Правда, от сломанных ребер она не уберегала, но от верной смерти – да. Питался сей реликт исключительно лишайниками, растущими в пещерах и на склонах Драконьего хребта, и лишайники эти в буквальном смысле делали его практически бессмертным.

Среди охотников упорно гуляла легенда о стаде горных снежных баранов, спрыгнувших с обрыва высотой в километр, разбившихся внизу почти в отбивные, а через пару часов восстановившихся и мирно пасшихся на лугу. Поэтому шкура шла на бронежилеты, доступные лишь очень богатым людям, доспехи для боевых магов, а все

остальное, включая фекалии, – на различные лечебные микстуры, эликсиры и прочие лекарские штуки.

Почему не добывать этот лишайник напрямую? Потому что только в бараньем желудке он ферментировался, делая баранов неуязвимыми. Что не мешало им мирно помирать от старости. Но после естественной смерти волшебные бараньи свойства волшебным же образом испарялись, поэтому туши их годились разве что на еду. И то на любителя, ибо жилисты они были исключительно.

Поймать или загнать барана ввиду его не менее исключительной прыгучести было куда труднее, чем подстрелить. Били барана в ноздрю или в глаз. Но лучше в ноздрю, так как глаз портился, а значит, охотники получали меньше денег. Учитывая, что в глаз попасть ничуть не легче, чем в ноздрю, в стрелки шли только самые меткие, выносливые и жадные. И не каждой команде за всю жизнь удавалось убить снежного барана. Часто зверобой так и перебивались всю жизнь дичью поменьше и попроще. Счастливчикам же истово завидовали, их имена передавались из уст в уста, обрастая легендами и становясь сказаниями.

Горе-охотник Плишка поднял руку, чтобы убрать пот с лица... и упал, покатился вниз по склону. Гора заходила ходуном, тут и там змеились трещины, а от земного оглушающего гула душа уходила в пятки.

Вдруг все затихло. Плишка, пролетевший вниз не менее полукилометра, медленно, в звенящей тишине приходил в себя. Раздался топот сотен копыт, и, огибая охотника, вниз пронеслось стадо снежных баранов. Но Плишка даже не подумал дернуться к ружью. Он широко раскрытыми глазами, будто в каком-то трансе, наблюдал, как вершина горы, на которой сбоку была стоянка его товарищей, где металась и кричала в ужасе бегущие к нему люди, медленно и со страшным вибрирующим скрежетом сползает вниз. Линия разлома проходила именно там, где он стоял несколько минут назад. Огромная скальная масса с покрывающими ее ледниками, все ускоряясь, ползла к ущелью, пока не рухнула с оглушающим грохотом, взметнув фонтаны камней и снега. С гор вокруг побежали лавины, снег под Плишкой тоже дрогнул и рванулся по склону, увлекая охотника за собой.

Когда он вновь очнулся, то лежал почти у подножия горы, каким-то чудом оставшись в живых. Сверху продолжали сползать массивные языки снега и ледников, сыпаться камни. Речка, питавшая долину, была перекрыта огромным скальным осколком, бывшим когда-то пиком Драконьего хребта. Плишка поднял глаза на саму гору... и побежал, хромя, вниз по склону, попискивая, как загоняемый заяц, чувствуя, как еще немного – и вонзятся в спину длинные когти, поднимут, разорвут и разворотят. И было чего бояться.

Над срезанным пиком летали, потягивались, взмывали в небо и просыпались десятки и сотни давно исчезнувших ящеров – белых драконов.

Через три недели голодный и оборванный Плишка добрался до родной деревни. Деревенский голова, серьезный и обстоятельный мужик, выслушал рассказ чуть не двинувшегося от увиденного парня и отправил его к матери – откармливаться и отмываться. Строго-настрога велел молчать об увиденном. Убила охотников лавина – и все тут. Не бывать парню зверобоем, зато дурь из головы выбита надежно, будет крестьянствовать и мечтать о легком богатстве перестанет. Жаль, конечно, погибших, у многих остались дома, огороды... Ну, они всяко без хозяев не останутся, приедут родственники, заселятся.

Чуть позже голова сам собрался, не доверив это дело посреднику, с новостями к владельческому барону. Пробуждение белых драконов было не тем слухом, о котором можно было бы промолчать.

Начало августа, Иоаннесбург

Люк Кембритч

Глава разведки парламентской республики Рудлóg, она же Красное поле, в первый раз на памяти Люка Кембритча проявлял признаки волнения. Черный как смоль, с оливковым лицом и большими миндалевидными глазами, он скорее был похож на какого-то тидусского актера, чем на главу спецслужбы. Лицо его всегда выражало дружелюбие и уважение к собеседнику, губы были сложены в полуулыбку, а глаза так и светились вселенской добротой. Многие обманывались, но не Люк. Лорд Кембритч видел своего начальника в деле и знал, что он не моргнув глазом отдаст приказ закопать живьем любого, если это будет нужно государству.

Начальник Управления государственной безопасности Мэйло Тандáджи был обладателем уникального ума, что и позволило ему из

иммигранта и простого агента вырасти до нынешнего положения. Немало поспособствовала этому и революция. Останки его предшественника мирно гнили на Северном кладбище, что было, по мнению Люка, очевиднейшим свидетельством его, предшественника, профессиональной непригодности.

Кабинет, в котором Люк находился не первый раз, был расположен в Зеленем крыле бывшего королевского дворца, а ныне дворца правительства, и представлял собой апогей организованного хаоса. Каждый вошедший терялся среди обилия бумаг, карт, записок, схем, прикрепленных на стены, лежащих на полу и на стульях. Однако эффективности работы Майло это никак не мешало – казалось, что для него система расположения всего этого хлама вполне понятна и организована (впрочем, за некоторые бумаги из этого «хлама» главы разведок иностранных государств печень бы пожертвовали и обе почки).

Приглашение от Майло пришло Люку с утра. В нем начальник любезным образом сообщал, что, когда у лорда Кембритча найдется время, он хотел бы его видеть. У Тандаджи была странная страсть к кокетству, смешанному с язвительностью. По факту это означало, что Люку надо спешно поднимать свою задницу и мчаться в Управление настолько быстро, насколько возможно. Не забыв уничтожить послание, конечно. Слуги во все времена были любопытны и болтливы, а чем меньше людей знает о том, что лорд Кембритч сотрудничает с Зеленым крылом, тем лучше. Самим людям.

У выезда из дома он остановился возле поста охраны, опустил стекло, подозвал охранника.

– Борис, ты запомнил номер машины наших вчерашних гостей?

– А то! – обиделся охранник. – Я и номер водительских прав помню.

– Раздобудь-ка мне информацию о них. Кто родственники, где работают-учатся, где живут, с кем встречаются. Ну, учить тебя не надо, сам все знаешь.

– Сделаю, лорд Кембритч.

Крутя руль, Люк вспоминал вчерашнее утро. Он так и не вышел проводить гостей, хоть это и было верхом пренебрежительности. Просто ему, 35-летнему прожигателю жизни, видевшему на своем веку немало неприятных ситуаций, было чудовищно неловко. Он будто

подглядел момент обнажения такого сокровенного горя, которому свидетелем не должен был быть ни один человек. Он и последовал-то за девушкой, потому что испугался, что она заблудится с непривычки, так как поле шло под уклон и разглядеть дом через несколько сотен шагов было невозможно. Потом потерял ее, наткнулся уже на лежащую и плачущую, похожую на маленькую девочку в этих своих майке и трусиках. Скрюченное тело на голой земле, в измятых колосьях не вызывало никакого эротического чувства, только жалость и неловкость, будто он подсматривает за чем-то непристойным. И он бы вряд ли открылся, но что-то толкнуло остановить ее вытье, безнадежное, как у собаки с перебитым позвоночником.

Хотя и заработал за это взгляд, способный заморозить даже вулкан.

Лицо Марины было ему незнакомо, но поведение вызывало много вопросов, а больше, чем машины и скорость, Люк Кембритч любил загадки. Нерешенная загадка мучила его днем и ночью, как зуд в труднодоступном месте, мешала заснуть, заставляя работать мозг и упорно искать решение. Зуд по этой загадке начался еще вчера, сразу после отъезда девушек. Промучившись день и ночь, Люк понял, что ему не хватает информации, и решил доверить ее сбор профессионалу.

Люк, опираясь на трость, дошел до кабинета начальника, постучал и зашел внутрь. Майло жестом показал ему садиться. Сам он что-то писал и, удивительное дело, периодически нетерпеливо постукивал карандашом по столу и поглядывал на дверь.

Но вот она открылась, и сзади раздались шаги. Люк повернул голову и мысленно присвистнул. Дело обещало быть не просто интересным, а **ОЧЕНЬ** интересным. В кресло у окна опустился премьер-министр Мйнкен, поприветствовавший лорда Кембритча легким кивком.

– Прежде всего, – заговорил премьер, – я вынужден просить всех присутствующих не упоминать о данном разговоре нигде и никогда.

Это предупреждение было излишним, но Люк и Тандаджи кивнули, подтверждая услышанное.

– Лорд Кембритч, господин Тандаджи рекомендовал вас как крайне молчаливого человека, специализирующегося на особо щекотливых делах.

Люк из чувства внутренней иронии промолчал, только кинул быстрый вопрошающий взгляд на начальника. Тот был невозмутим, как всегда.

Минкен молчание собеседника оценил, одобрительно сверкнув глазами.

– Еще раз прямо скажу, что дело, с которым я обратился в Зеленое крыло, крайне конфиденциально. Повторяю: никто, кроме нас троих, не должен знать об этом поручении.

Люка начало раздражать это хождение вокруг да около, и он с тоской вспомнил, что забыл сигареты в машине. Тандаджи был крайне демократичен, и, ежели сотрудник хотел курить, он мог курить в его кабинете – не прерывать же из-за этого совещание! Сам начальник рудложской разведки не курил. Точнее, курил, но не табак, что очень расстраивало его мамочку и жену, периодически объединявшихся ради избавления сына и мужа от хоть и редкой, но вредной привычки, несмотря на перманентное состояние войны между собой.

Дело в том, что Тандаджи, как истинный тидусс, был крайне привязан к маме и настоял, чтобы она жила в их с супругой замечательном доме. Но две хозяйки превращали его пребывание там в ад, поэтому трудоголиком Майло был не только прирожденным, но и вынужденным.

А уж наличие или отсутствие сигареты в руках сотрудника никак не мешало господину начальнику секретной службы хвалить его, если есть за что, или методично и досконально втоптывать в землю, ежели, не дай боги, сотрудник где-то напортачил.

– Вам будет предоставлена только та часть информации, которую вам нужно знать, – продолжал Минкен, водя длинным пальцем с аккуратным ногтем по ручке кресла. На среднем пальце левой руки у него поблескивало черное кольцо-печатка, передающееся от одного премьера к другому. – Ваша задача – в кратчайшие сроки посетить указанных в этом списке людей и задать им необходимые вопросы. Ответы желательно записывать на диктофон, но так, чтобы, если вас перехватят, носитель не нашли, даже разделав труп.

Деликатный Тандаджи при слове «труп» чуть поморщился – не потому, что боялся или не одобрял разговоры о мертвых. В его должности с отошедшими в мир иной приходилось встречаться чаще, чем с любимой супругой, а некоторым (ладно, больше чем некоторым)

и организовывать встречу с иным миром раньше срока. Просто в его ведомстве мальчигов не было, все знали инструкции и понимали, как нужно действовать, чтобы избежать утечки. А уж возможную смерть тем более не обсуждали, заданию просто присваивалась степень сложности от самой легкой «Д» до самой сложной и опасной «А». «Агент всегда должен быть готов умереть», – любил повторять впитавший мудрость своего народа Тандаджи, читая лекции в школе службы внутренней и внешней безопасности. Правда, тидуссы вместо «агент» говорили «мужчина», но сути это не меняло.

– С необходимой информацией вас ознакомит подполковник Тандаджи, – закончил премьер и встал. – И, лорд Кембритч, – он понизил голос и пристально глянул на смотрящего на него снизу вверх виконта, – если ваши поиски увенчаются успехом, я вас не забуду.

После этих слов он величественно проследовал из кабинета, оставив Люка в веселом недоумении, а Тандаджи – в состоянии легкого недовольства от вторжения вышестоящего аристократа на его территорию. Впрочем, недовольство на лице Майло было скорее похоже на улыбку от дурман-травы.

– Что это было? – спросил Люк, когда шаги премьера затихли.

– Это, мой молчаливый друг, – равнодушно (но получилось с изумительным сарказмом) ответил Тандаджи, – очередная попытка войти дважды в одну реку. Подойди-ка сюда.

Люк послушно встал, прихрамывая, обошел стол и остановился у плеча начальника.

– Возьми в верхнем ящике, – обронил Майло, раскрывая толстенькую папку, лежащую прямо перед ним. На папке наискосок была приклеена бирюзовая зачарованная полоса – знак высшей секретности. Папка настраивалась на конкретные руки, и открыть ее могли только несколько человек. В случае попадания не в те руки она мгновенно исчезала, чтобы появиться в огромном начальственном сейфе, стоявшем в святой святых Зеленого крыла – личной спальне Тандаджи, где его запрещалось трогать и в которой он отдыхал от трудов праведных и любимых домашних мегер.

Люк непонимающе глянул на начальника, наклонился открыть ящик и чуть не прослезился – там лежал блок сигарет его любимой марки «Вулканик» и россыпь зажигалок.

– Отец родной, – простонал он, затягиваясь, – все, ты меня купил с потрохами. Я у тебя любимчик, да?

– Ты у меня головная боль, гонщик недоделанный, – процедил Тандаджи, брезгливо отряхивая пепел с драгоценных бумажек, хаотично застилающих стол. – Смотри сюда. Справишься – забуду про дурь с участием в ралли и сломанную накануне парламентской встречи ногу.

Люк опустил глаза в папку. Пилил начальник с большим умением, «поговорил и простил» – это было не про него. А проштрафился виконт знатно.

Тогда проходила какая-то архиважная встреча между братскими и связанными нерушимой дружбой (правда, Тандаджи едко называл эту дружбу взаимным зажатием в клещи) государствами Инляндия и Рудлог. Люку, как инляндскому коренному дворянину, предстояло провести среди соотечественников почти десять дней, занимаясь благородной разведкой, а если попросту – вынюхивать, подсматривать и подслушивать, не вызывая при этом подозрений из-за своего происхождения. Вместо этого он отдыхал в реанимации, выйдя из комы только на третий день.

Люк снова затянулся, глядя через плечо начальника на большое фото из папки. Фотография была обработана под черно-белый вариант, но все равно производила сильное впечатление.

Посередине сидит высокая статная женщина с очень светлыми, почти платиновыми волосами. На голове – изящная корона с семью зубцами. Взгляд ее полон силы, сама она немного полновата, но это не портит ее удивительную холодную красоту. Королева Ирина-Иоанна в тяжелом и широком бальном платье с узким корсетом и орденскими лентами, надетыми наискосок через обнаженное плечо, держит на коленях младшую дочь – четырехлетнюю Каролину. Из-за их близости видно, насколько волосы дочери темнее, чем у матери: если у королевы платина, то у принцессы, насколько он может судить по черно-белому снимку, скорее русые. Каролина с лицом-сердечком и убранными назад волосами очень старается не шалить, и поэтому вид у нее немного испуганный.

За королевой, положив одну руку на спинку ее кресла, а другую убрав за спину, стоит ее третий супруг – невысокий, с острым лицом, густыми бровями и лихо закрученными усами. Он одет в парадный

полковничий мундир, а через плечо тоже спускается орденская лента. Святослав Федорович Вóлков, принц-консорт, представитель одной из древнейших фамилий Рудлога, не побоявшийся стать третьим мужем Ирины-Иоанны.

Справа от отчима, с гордо выпрямленной спиной и надменным взглядом, в пышном платье – 23-летняя принцесса Ангелина, дочь первого мужа королевы, лорда Виктора Ставийского. Насколько Люк помнил, лорд погиб в результате аварии листолета через пять-шесть лет после свадьбы. Ангелина единственная из всех, кроме королевы, несет на голове небольшую корону, как и положено первой наследнице. Этот день должен был стать день ее помолвки, но особого счастья у девушки на лице не видно. У нее такие же светлые волосы, как у матери, но лицо более тонкое, волевое, с выделяющимися скулами и поджатыми губами. Да и сама она ниже ростом и гораздо стройнее, хотя каждый, кто видит ее властный взгляд, меньше всего обращает внимание на хрупкость принцессы. Бальное платье обнажает тонкие руки и выделяющиеся ключицы. На вкус Люка, она даже слишком худая и маленькая. Надо, чтобы у женщины было хоть какое-то подобие груди.

По другую сторону от Святослава стоит принцесса Васили́на. Ей девятнадцать, и она тоже дочь от первого мужа, очень похожа с сестрой. Но, в отличие от кронпринцессы, в глазах ее видно хоть что-то человеческое – теплота, доброта, спокойствие. Возникает ощущение, что она ободряюще улыбается фотографу, внезапно оробевшему от такого количества королевских особ. Она выше и крупнее Ангелины, но кажется больше только по сравнению с первой наследницей. Если сравнивать со среднестатистической женщиной, Василина очень стройна. Но ее стройность, в отличие от сестринской, не вызывает желания запереть в столовой и кормить, пока не нарастет хоть немного мяса. У принцессы мягкие светлые кудряшки до плеч, схваченные обручем, покрытым драгоценными камнями. На плечах – меховая накидка. Василина стоит вполоборота, и платье в стиле ампир мягко облегает ее фигурку. Мужской взгляд невольно останавливается на очень аппетитных выпуклых ягодицах, деликатно прикрытых светлой тканью платья.

Рядом с Василиной – принцесса Марина. Девушка находится в самой поре девичьего цветения, ей шестнадцать, но ее волосы собраны

в строгую прическу с минимумом украшений, платье простое, длинное, перетянутое на талии пояском, с закрытым декольте и руками. Она смотрит прямо в камеру, но напряжение в глазах и линии рта позволяет предположить, что ее раздражает и фотограф, и процесс фотографирования и хочется поскорее скрыться. Фигурка тем не менее у нее очень приятная, напоминает песочные часы. Люк посмотрел в сопроводительную записку – Марину королева родила от второго супруга, графа Михаила Романовского, который погиб через два года после рождения дочери. А три младшие – дети последнего мужа, принца-консорта Святослава.

Принцесса Полина – рядом с первой наследницей. У нее короткое каре с прямой густой челкой, сильно подведенные, несмотря на очень юный возраст – всего двенадцать! – и горящие любопытством глаза, оригинальное асимметричное платье, но тем не менее вполне светское, в пол. Она еще подросток, и фигура у нее мальчишеская, спортивная, развитая.

Алина младше Полины на два-три года, стоит с другой стороны. Девочка тоже кудрявая, как Василина, но не так выразительно, волосы ее скорее волнистые. Заколотые сверху, снизу они свободно спадают на спину. У нее единственной из всей семьи очки, за которыми практически не видно глаз. Платье красивое, но какое-то невыразительное, что ли. Девочка худенькая и производила бы жалкое впечатление, если бы не сильная линия подбородка и губ и разворот плеч, свойственный всей семье Рудлог. В этих плечах нет никакой мягкости, будто на них можно положить весь мир, и они не согнутся.

– Это их последняя официальная фотография, – сказал наконец Тандаджи. – Старшей принцессе тогда было двадцать три, значит, сейчас ей около тридцати. Младшей – почти пять, значит, сейчас ей двенадцать. Неизвестно, жив ли отец. Королева погибла в результате переворота.

Люк повертел окурок в руке, ища глазами пепельницу, и Майло сунул ему под руку какую-то чашку с засохшими чайнками.

– В деле материалы твоих предшественников. Принцесс искали буквально везде, но они как сквозь землю провалились. Из чего я делаю вывод, что они либо тоже погибли, либо прячутся где-то за границей, что очень усложнит дело, либо разделились и растворились где-нибудь в глубинке.

– Это и есть мое задание? – хриплым после курения голосом спросил Люк. Он не спрашивал, зачем их искать – если надо, ему скажут, а если не говорят, то лишняя информация – лишние заботы.

– Твое задание, мой азартный друг, – повторно собрать информацию у тех, с кем наши красавицы близко контактировали при жизни во дворце. Няни, подруги, любовники... Хотя их вроде бы не было, и это странно... при такой-то матери.

Люк, воспитанный, в отличие от Тандаджи, в культуре, благоговейно относящейся к монархам и прощающей им их слабости, поморщился. Какая бы она ни была, все-таки королева. А начальник продолжал:

– Да, мы уже общались со всеми указанными в списке шесть лет назад, когда правительство только восстанавливалось и нужен был монарх для укрепления государства. Но тогда мы искали девушек у этих людей. Сейчас другие агенты прочесывают Рудлог, а тебе нужно искать информацию. Возможно, кто-то из королевской семьи имел тайного возлюбленного, кто-то состоял в секте или клубе, кто-то баловался наркотой, а кто-то разводил на стороне птичек на продажу. Мне нужна любая зацепка, потому что все, что было, мы уже отработали. Все, что помню лично я, тоже отработано. Любая, даже невероятная версия о том, где они могут быть, нам поможет.

Люк не мог не вспомнить о девушках с такими же именами, как у принцесс, в машину которых он сел. Но лица у них были совсем другие. О пластике там речь не шла, у Люка на это дело глаз был наметан, а магически наведенная личина просто исчезла бы при входе в дом. Практически у всех аристократов стоял полог, дезактивирующий маскировочные заклинания. Но Кембритч все равно мысленно похвалил себя за то, что попросил Бориса собрать информацию, пообещав себе разобраться до конца, чтобы точно быть уверенным – вчерашние девушки не имеют отношения к пропавшим принцессам.

– А потом, после того как ты сотрешь ноги по, гхм, бедра, бегая по данным адресам, у меня для тебя будет еще одно особое задание, – Майло что-то написал на маленьком листке бумаги, запечатал лист в конверт и отдал подчиненному вместе с папкой, где были собраны адреса и телефоны всех тех, с кем хоть как-то контактировали принцессы.

– Еще особое, чем имеющееся крайне особое задание? – заинтересовался Кембритч.

– Гораздо особое, – ехидно подтвердил Тандаджи, волшебным образом не меняя ни выражения лица, ни тона голоса. Люку иногда казалось, что он сам придумывает эмоции в речи начальника.

– Надо передать одному человеку мое послание, – сказал тидусс, выразительно глядя на виконта. – Но вот беда – я не знаю ни как его сейчас зовут, ни где его можно найти.

Люк, не удержавшись, закатил глаза. Порой ему думалось, что задания в стиле «пойди туда, не знаю куда» руководитель придерживает специально для него.

– Оригинально, – хрипло сказал он, потянувшись ко второй сигарете.

– Ну ты же мой любимчик! – Кембритч мог бы поклясться, что уловил-таки на физиономии Майло глумливое выражение. – Для тебя все самое сладенькое.

Виконт передернул плечами.

– Что за выражения, Майло? Сладенькое, гладенькое. Ты со своими стервами не решил ли из честных мужиков переквалифицироваться?

– Ты пошути еще, – равнодушно сказал Тандаджи, – и следующим заданием переквалифицироваться придется тебе.

– Все, понял, не буду больше, – Люк выставил перед собой ладони, словно защищаясь. Сигарета чадила, зажата между пальцами. – Так кого там надо найти?

Выходя от начальника, он чертыхался. Больше всего на свете (после нотаций отца) Кембритч не любил рутинную работу. Его коньком были импровизации, мгновенные операции, можно сказать, блицкриги. И каждый раз, получив от Тандаджи задание, предполагавшее длинный и нудный перебор вариантов, наблюдение или, не дай боги, копание в бумажках, он обещал себе, что, как только закончит – уволится на хрен. Но после удачных заданий увольняться на волне эйфории не хотелось, а после неудачных – не хотелось уходить проигравшим. Сам того не понимая, Люк плотно прикипел к работе Зеленого крыла – она дарила ему чувство опасности, исключительности и свободы. А это немаловажно, если твой отец всю жизнь пытается подчинить тебя своей воле.

Часть 1. Глава 3

Начало августа, Иоаннесбург

Большой Высокий Совет бурлил и волновался. Почтенные мужи и молодые дворяне были на взводе, распорядитель тщетно пытался успокоить их, повелев разносить пирожные и прохладительные напитки. В баронской ложе уже затребовали коньяка, и отсутствие оного грозило перерасти в погром.

Старички в орденах и лентах обсуждали что-то громкими ломкими голосами, не замечая внимательно наблюдавшего за ними премьер-министра.

– Это надолго, – сказал Ярослав Михайлович Минкен министру обороны тоном человека, знающего, что в кабинете его ждет непаханый край работы, но смирившегося с вынужденной проволочкой.

Министр обороны согласно кивнул, созерцая из министерской ложи стремительно заполняющуюся чашу Высокого Совета.

Прозвучал звонок, привлекая внимание к трибуне.

Почтенные владетельные лорды создавали ворчливый гул, тем самым живо напоминая министру Минкену гул нерадивых студиозусов в аудиториях.

Спикер Слёвин еще раз прокашлялся и наклонился к микрофону. Сам он был похож на бульдога, говорил медленно, с остановками, иногда словно забывая, о чем хотел сказать. Впрочем, выбрали его на занимаемую должность не за красноречие и педагогические таланты (потому что только блестящий педагог, по мнению премьер-министра, мог бы справляться с ныне неуправляемой толпой самодовольных лордов), а по причине глупости самого Слевина. После переворота и последующих событий дворянство не стремилось занимать видные должности, так как останки предшественников просто вопияли о том, что дело это опасное и, прямо сказать, расстрельное. Вот он, Ярослав Минкен, вполне осознанно согласился на пост премьера, понимая, что второго шанса не будет. А кто не рискует, тот до конца жизни останется на периферии большой политики. Спикер же Слевин стал спикером просто потому, что по глупости своей не понимал опасности.

– Господа и дамы, в связи с чрезвычайным происшествием на юге страны, о котором в той или иной степени вы все осведомлены... эээммм... да-да, осведомлены... кхе-кхе... эээ... сейчас на трибуну поднимется distinguished ректор Университета магии и магических наук, профессор... эээммм... Александр Данилович Свидёрский.

В зале внезапно стало тихо-тихо, так что было слышно, как бурчит в животе у кого-то в третьем ряду.

Лорда Свидерского ввели под руки двое его помощников. За последний месяц профессор Свидерский очень изменился. Он выглядел очень старым, гораздо старше, чем любой в этом зале. Совершенно седой, с прямой как спица спиной, с чисто выбритым лицом, изборожденным глубокими морщинами. Его подвели к трибуне, он оперся на нее и кивком отпустил помощников. Глаза его, глаза молодого человека на лице старика, внимательно обвели зал, отмечая знакомых. Многие отводили взгляд. Алекс Свидерский в последний месяц не показывался на публике. Часть присутствующих помнила его еще крепким, активным мужчиной, выглядевшим максимум на тридцать пять лет. И сейчас все были в шоке и пытались понять причины такого быстрого изменения.

– Приветствую уважаемое собрание, – голос у старика остался мощным, его было слышно во всех уголках чаши Совета без усиления. – Прежде чем я начну говорить, вы обязаны подписать заговоренные копии соглашения о неразглашении информации, которые сейчас появятся перед вами.

Стоящий за ним помощник махнул рукой, и на столики перед парламентариями и министрами опустился «кровавый набор», как ехидно называл его Минкен, – лист с соглашением, упаковка со стерильной иглой и кровеостанавливающий пластырь. В зале недовольно заворчали.

– Информация настолько серьезна, что мы не можем допустить ее разглашения, – пояснил Свидерский.

– Но мы можем поклясться, слово дворянина! – выкрикнул хвастун и забияка Ампило́гов с последнего ряда. Минкен поморщился, а сидевший с мягкой улыбкой на лице Тандаджи сделал себе мысленную пометку занести дурачка в список под наблюдение. Расположившиеся вокруг крикуна провинциальные дворянчики

одобрительно загудели, старожилы же смотрели искоса и качали головами. – Зачем это позорное кровопускание?

– Юноша, – произнес профессор наставительно и с некоей снисходительностью, показывающей, что он вынужден тратить драгоценное время на идиота, – дворянское слово не убережет от воздействия алкоголя, наркотиков или красивой бабы-шпионки... – В зале тихонько захихикали. – И тем более не спасет от хорошего менталиста или духовника. А соглашение, закрепленное вашей кровью и зачарованное на исполнение, заставит вас молчать даже при магическом воздействии.

Ампилогов покраснел от осознания собственной дурости, дернул иголку из упаковки, быстро проколол себе палец и показательно приложил его поверх надписи «Расписываться кровью здесь». В зале тут и там раздавалось ойканье и шипение, когда почтенные лорды дырявили себе пальцы. Леди Маришку Бжéжек, боящуюся вида крови, пришлось откачивать от обморока нюхательными солями.

Наконец суета закончилась, документы по взмаху помощника аккуратно поднялись в воздух, потрепетали, просыхая, и с разных сторон, как косяки уток по весне, потянулись в руки молодого мага, оформляясь в аккуратную папочку. Профессор кивнул ученику, и тот эффектно исчез, унося с собой заветные листочки. Лорд Свидерский снова тяжело оперся на трибуну.

– Продолжим. Как вам всем известно, около месяца назад, в конце июня, произошла катастрофа – обрушился Драконий пик. По свидетельствам очевидцев, над обрушенной горой видели драконов, которые потом улетели в южном направлении.

В зале зашумели, послышались выкрики «Так это правда?», но голос волшебника перебил шум, зазвенев так, что задребезжали витражи в окнах зала собраний.

– Наши менталисты работали там две недели, плотно сотрудничая с агентами господина Тандаджи, – кивок в сторону начальника тайной службы и ответный подтверждающий кивок от Майло. – Послушали и прощупали свидетелей, изучили скол горы. В памяти очевидцев есть четкие картины кружащихся и пролетающих над головой драконов. На образовавшейся террасе найдены останки трех драконов, а также углубления в форме спящего в позе эмбриона ящера. – Свидерский прокашлялся, выдержал паузу и тихо добавил: – Судя по собранным

уликам, слухи имеют под собой реальную почву. Большое количество драконов было каким-то образом заключено в гору на долгое время. Такое долгое, что мы не помним, когда и как это произошло. И по какой-то причине их тюрьма потеряла прочность. Уцелевшие и сумевшие выбраться ящеры улетели в южном направлении. Куда конкретно – неизвестно, возможно, на южные склоны Милокардер или дальше, в пустыню.

Почтенные лорды начали спрашивать одновременно, перекрикивая друг друга. В зале царила ужасная какофония. В целом все вопросы и выкрики сводились к трем основным темам: «Чем это нам грозит?», «Откуда они там взялись?» и «Хватит орать, дайте профессору сказать!» Минкен недовольно морщился, хотя уже много лет наблюдал этот зоопарк, мог бы и привыкнуть. Спикер отчаянно звонил в колокольчик и кричал «Прошу тишины!», но на него, как и всегда, никто не обращал внимания.

– Позвольте мне продолжить, – профессор отставил стакан с водой, из которого, воспользовавшись паузой, попил. Голос его снова зазвучал с прежней силой. Аристократы затихли, напряженно ожидая, что же дальше скажет Свидерский. – Помимо работы с отправленными на место катастрофы следопытами, я дал задание своим ученикам перерыть архивы, чтобы найти всю информацию, касающуюся драконов. Ведь мы привыкли считать их существование легендой. К сожалению, около четырехсот лет назад в главной рудложской библиотеке случился пожар, уничтоживший, как мы понимаем теперь, бесценные сведения. И тем не менее мы сумели найти кое-какие упоминания в различных свитках и даже художественных произведениях. Возможно, нашим соседям известно больше, но необходим официальный запрос. Министр Минкен обещал подумать, как это лучше сделать, исходя из политической целесообразности момента.

В зале снова поднялся гул, немного раздраженный и в целом выражающий общее мнение: «Ну не томите уже!»

Свидерский выпил воды, не обращая внимания на шум голосов. Годы работы со студентами закалили его волю получше, чем военная служба у иного генерала.

– Потерпите, господа и дамы, мы уже подобрались к самому важному. Итак, найденные записи гласят, что более пятисот лет назад

случилась большая война между воинами-драконами и тогдашним королем, Седриком-Иоанном Рудлогом, в ходе которой Седрик сумел заключить всех существовавших на тот момент драконов в гору. Из-за чего конкретно была война, наши источники умалчивают, указывается лишь, что причиной стал какой-то мощный магический артефакт. Как известно, представители венценосного рода Рудлог обладают, точнее, обладали, гхм, своеобразной родовой магией. В том числе они служили защитой для нашей страны, уникальным магическим аккумулятором и усилителем. Проще говоря, те необычные свойства, присущие членам королевской семьи, которые мы все помним, связаны именно с этой особенностью.

Среди заседающих ощутимо повеяло тревогой, лица их словно окаменели, а подполковник Тандаджи даже наклонился вперед, с нехорошим интересом разглядывая профессора. Тот снова помолчал и продолжил развивать негласно запретную тему.

– Видите ли, полезно время от времени читать старые свитки. Оказалось, даже то, что мы воспринимали как ничего не значащую традицию, было основой безопасности нашей страны. Часть из вас наверняка помнит, как королева Ирина-Иоанна раз в шесть лет со всем двором выезжала к Милокардерам и там проводила особый ритуал, который заключался в... гм... напITYвании алтарного камня королевской кровью.

Лица почти всех присутствующих в чаше Совета при упоминании королевы и допереворотных времен выразили гамму чувств: от вины до испуга. И только молодежь, недавно получившая титул и место в Совете, слушала старого волшебника с искрящимся любопытством. Еще бы – запретная тема, о которой при дворе говорить просто неприлично, а на расспрашивающего о старых временах смотрят как на полоумного! А тут информация от живого свидетеля тех дней!

– И этот ритуал, если говорить примитивно, питал силой Стену. Феномен Стены изучен достаточно хорошо, хотя природа ее от нас ускользает. Стена, как нам всем известно, благополучно и долгое время защищала нас от любых внешних интервенций. К сожалению, она не уберегла от интервенций внутренних. И теперь, в отсутствие королевской крови, она слабеет. Как слабеет и магия в стране. Уже стали недоступны сложные заклинания, перестала действовать часть артефактов. Я сам – живой пример ослабления магического фона. В

допереворотное время я легко поддерживал метаболизм и регенерацию.... эээ... говоря проще, мне было легко оставаться молодым и здоровым. После смерти королевы магия стала убывать – сначала медленно, потом быстрее и быстрее, и за последний месяц утечка достигла такого уровня, что я не могу больше поддерживать функционирование организма на уровне молодого человека. И последствия отсутствия крови Рудлог, гх, гхм, на троне мы видим каждый день. Места простых бытовых артефактов все больше занимают механика и электроника, которые дороже и менее долговечны, требуют больше ресурсов, загрязняют воздух. Ранее прогресс шел в ногу с магическим развитием, и негативное воздействие науки удавалось нивелировать магией. Сейчас же наука доминирует. Да вы сами это видите.

Свидерский снова выпил воды, отдышался.

– Однако ни артиллерия, ни бомбы не спасут нас от драконов, которые сами по себе являются источниками магии и живыми магическими артефактами. Стена ослабевает и скоро истончится до предела. И никто не гарантирует, что закованные в гору нашими предками ящеры не захотят отомстить.

И еще. По всей видимости, Стена служила чем-то вроде стабилизатора нашей земли. Рудлог находится в ложе между двумя цепями высочайших гор и потухших вулканов, и по всем законам физики геоактивность в нашей стране должна быть катастрофической, сравнимой с заокеанской. Блакорийские специалисты, с которыми мы начали работать в тесном сотрудничестве, утверждают: кое-где магма подходит так близко к поверхности, что именно ее влияние является причиной температурной аномалии, когда у нас зимой в среднем на семь-десять градусов теплее, чем у соседей.

Однако вопреки расчетам, исследованиям, результатам глубоких бурений и наблюдений за вулканической активностью – земля у нас под ногами стабильна. Точнее, была стабильна. Обрушение пика Драконьего хребта – лишь начало. По докладам баронов Севера, началось обмеление озера Верхнее Олёнье, и это не может быть объяснено циклическими причинами. Прямо под столицей, в каких-то двухстах километрах, целый пастбищенский луг превратился в грязевой вулкан, глубина которого достигает, по нашим прикидкам,

двух километров. Кстати, дамы и господа, возьмите на заметку, что грязь там целебная. Опробовано на моей спине.

Господа и дамы оживились.

– А на юге, в Виноградной долине, открылось несколько десятков гейзеров. Нет больше Виноградной долины. И это, поверьте, только начало. Стабилизатор наш трещит по швам.

Зал наполнился криками, спорами. Старички повскакивали со своих мест, подбежав к трибуне, стали взволнованно о чем-то спрашивать.

Премьер-министр, уже предварительно выслушавший в составе Кабинета по безопасности эту информацию, внимательно следил за присутствующими. Понимают ли они, к чему клонит профессор и что уже было решено на совете по безопасности? Судя по лицам некоторых – они понимали. А вот спикер Слевин не понимал, что надо наводить порядок, пока не наткнулся на ледяной взгляд лорда Минкена с вопросительно приподнятой бровью. Он тут же зазвонил в колокольчик и начал призывать собравшихся сесть на места и задавать вопросы по одному. Возбужденные лорды стали неохотно расходиться по местам. Слово взял граф Милóнов, наверное, ровесник профессора – такой же старый и сморщенный.

– Достопочтенный коллега (граф одно время преподавал в Университете естественных наук и очень гордился этим фактом), – проскрежетал он старческим фальцетом, – мы правильно вас поняли, что для восстановления магического фона и защитной Стены нам нужна королева?

– Королева, король – не важно, – ответил Свидерский. – Нам нужна королевская кровь первого наследования, прошедшая инициацию браком. Другими словами, чтобы защитить страну и вернуть в нее магию, нам нужно найти старшую дочь Ирины-Иоанны, выдать ее замуж для дополнительного усиления и возвести на трон древним ритуалом коронации. Если ее признают боги, то она сможет питать силой алтарный камень и проводить прочие ритуалы.

– Но мы уже пытались найти членов королевской семьи! – крикнул кто-то из старших лордов, не дождавшись своей очереди. – Они как сквозь землю провалились! Возможно, они уже мертвы!

– Позвольте, я отвечу, – премьер-министр встал и оперся на перила своей ложи, наклонившись к микрофону.

Свидерский согласно махнул рукой, взял стакан и стал мелкими глотками пить воду, уступая лорду Минкену слово.

– Господа, нам придется постараться и поискать еще лучше. Времени, как вы понимаете, почти не осталось. Уже завтра на месте столицы может вырасти вулкан, а послезавтра – прилететь стая пылающих жаждой мести драконов. Я утрирую, конечно, но время работает против нас.

У вас в ближайший месяц есть задача – проверить свои владения, узнать, не появлялась ли шесть-семь лет назад в ваших городах и деревнях новая большая семья, состоящая из шести сестер. Мы, со своей стороны, с помощью ведомств господина Тандаджи и уважаемого лорда Свидерского сделаем все, чтобы найти королевскую кровь. Главное – объединить усилия. Это все, слушаем ваши вопросы.

Первым взял слово старый граф, генерал в отставке Хофэй Бельведёрский, чье колебание и временное бездействие, как со злорадством вспомнил Минкен, стало одной из причин падения трона Рудлога.

– Допустим, девочки живы, – он явно прилагал усилия, дабы не показать свое волнение. – Каким образом мы уговорим наследницу взойти на трон и вступить в брак? Ведь именно из-за нас... эээ... Полагаю, у них нет причин верить нам, помогать или возвращаться на трон.

В зале стало тихо, старики слушали генерала и кивали. Все взгляды в конце концов обратились на премьер-министра.

– Верно, генерал Бельведерский, – чуть поклонился Минкен. – Причин возвращаться у них нет. Более того – не исключено, что принцессы постараются спрятаться или уехать за границу. Именно поэтому вы и подписывали соглашение о неразглашении, чтобы ранними слухами не спугнуть наследницу раньше времени. Нам нужно только встретиться, а уговорить ее – дело техники.

– Вы ведь не будете применять силу? – проскрежетал генерал, волнуясь уже очевидно.

– Нет, ни в коем случае. Никакого насилия. Только убеждение.

К микрофону пробился князь Василёвский.

– А что касается свадьбы, за кого будем выдавать замуж будущую королеву? – спросил он. – Я понимаю, рано еще думать, – добавил князь, расслышав сзади смешки, – но ведь это тоже важно.

– Ограничения таковы, – подал голос профессор. – Это должен быть мужчина древнего рода, потому что только у них сохранилась родовая магия, пусть гораздо слабее, чем у королевской семьи. Он должен быть достаточно здоровым и в том возрасте, чтобы суметь, гм, гхм, инициировать королеву и дать ей детей. И чем меньше будет пересечений в их родах, тем лучше, тем сильнее потомство.

Князь расстроено удалился – его прабабушка приходилась отцу бывшей королевы тетей, а значит, сделать одного из своих наследников принцем-консортом не удастся.

– Поэтому, господа, ищите, – в спину ему повторил Свидерский. – Помните, нам нужна королевская кровь. И чем скорее, тем лучше.

Часть 1. Глава 4

Начало августа, Иоаннесбург

Люк Кембритч

Итак, думал Люк, сидя в своем кабинете и в очередной раз просматривая папку, выданную Тандаджи, ему предстояло посетить более ста пятидесяти человек, которые имели с сестрами или королевой какие-то, скажем, неделовые отношения. То есть не просто были слугами или подданными, но и общались с монаршей семьей в неформальной обстановке. И нужно было аккуратно опросить их, не вызывая подозрений и волны слухов о том, что пропавших Рудлогов ищут. А параллельно требовалось и вовсе отыскать человека, который, скорее всего, очень не хочет, чтобы его нашли, и имеет все ресурсы для того, чтобы затеряться навсегда.

Здравствуй, новое задание. Сейчас мы подкормим мозг завтраком – и в долгий, нудный, но необходимый путь. Хорошо хоть, что бóльшая часть опрашиваемых живет в столице, а для путешествия в другие крупные города есть телепорты, которыми ему как госслужащему с особыми полномочиями можно пользоваться бесплатно. Билет на телепорт стоил в несколько раз дороже железнодорожного, и на то имелась причина – массовые порталы поглощали гигантское количество энергии, и управляющим ими магам не хватало своего запаса. Поэтому ранее, до эпохи электричества, телепортисты «заряжались» от огня, сейчас для этого использовали электрические кабели. Магическая энергия, являясь всего лишь еще одним видом энергии наравне с электричеством, теплом, полями, прекрасно преобразовывалась из одного вида энергии в другой, но исключительно с помощью мага. Наука разгадать способы трансформации энергии из не-магической в магическую пока не смогла. А вот талантливые маги легко работали таким «преобразователем», еще и получали бонусы в виде долголетия и отменного здоровья.

Только к нескольким адресатам, непредусмотрительно поселившимся далеко от городов, придется ехать на машине или лететь на листолете. Ну что, начнем?

– Здравствуйте, уважаемая госпожа.

– Здравствуйте, – старушка с аккуратно уложенными кудряшками настороженно смотрит на приятного светловолосого мужчину с бородой. Она выглядывает из-за тяжелой двери квартиры на окраине Иоаннесбурга, расположенной там, где столица незаметно переходит в пригороды.

– Мы незнакомы, госпожа, я писатель. Позвольте представиться – Евгений Ёнклер, – он кланяется. – Я пишу книгу об истории королевской семьи Рудлог. А вы ведь служили у младших детей няней?

Он видит, как старушка суровее, качает головой, готовится закрыть дверь, и быстро тараторит:

– Мой подход иной, я считаю, что королевскую семью намеренно порочили. Я поставил задачу обелить их имя.

Через несколько минут госпожа Митина разливает чай, а писатель скромно сидит в кресле за невысоким чайным столиком и слушает старушку.

– Все эти журналистики, которые и двух слов связать не могут, с ужасным воспитанием! Чего только они не писали о моих девочках и о ее величестве! Что и ведьмы, и вырожденки, и избалованные куклы! И... – тут хозяйка осекается, – таких слов в приличном обществе-то не употребляют, а ведь печатали прямо на первой странице, что они развратницы, что любовников меняют...

– Но ведь это неправда? – спрашивает он, осторожно пробуя ароматный травяной чай. На хрупком столике перед ним стоят малюсенькие пирожные, такие же аккуратные, как сама Дарина Станиславовна Митина.

– Королеву любили мужчины, это да, – строго произносит она, немного поизучав его, пожевав губами и словно приняв какое-то решение. – Но в ее поведении не было ничего развратного или неприличного. И девочки, – Дарина Станиславовна всхлипывает, – солнышки мои!.. Я пришла, когда старшая принцесса уже выезжала в свет, – продолжает она, аккуратно пригубив чай, – а младшая только родилась. Каролина была поздним ребенком, но ее величество хлопотала с ней, как с первой. Сама грудью кормила, ночью с ней спала. Тогда королева очень похудела, взглянуть было страшно, вот и взяли меня в помощь.

Писатель внимательно слушает, делая какие-то пометки в большом блокноте, и вдохновленная его вниманием старушка подробно рассказывает о быте королевской семьи, скрытом от публики.

– Про старших я мало знаю, мы практически не встречались, они часто с матерью и отчимом участвовали в официальных мероприятиях. Ее высочество Ангелина всегда была как рыба в воде с этой официальнойщиной. Никогда я ее не видела непричесанной или неопрятно одетой, хоть сейчас посольство принимай. Очень вежливая, холодная, хотя, честно говоря, несколько раз я ее заставляла в таких же приступах гнева, которые и королеве были свойственны. Что подделаешь, наследственность. Говорят, все Рудлоги как пламя – долго горят ровно, но если уж вспыхнут, то сокрушают все на своем пути.

А вот Василина, наоборот, очень спокойная была и добрая. И единственная, у кого я не припомню приступов семейного гнева. Если и были, то по сравнению со старшей – как легкий ветерок. Сама сдержанность и очарование, она на всех вокруг как-то умиротворяюще действовала. Жизнь светская и выезды ей очень не по нраву были, я не раз слышала, как она просила мать не брать ее с собой. Ей нравилось рисовать что-то, вышивать, расписывать. Любила готовить, часто на кухне я ее встречала. Ирина-Иоанна кривилась, конечно, но молчала. Однако Васенька редко оставалась дома, королева собиралась устраивать какой-то межгосударственный брак, поэтому настаивала, что она должна знать все то же, что и старшая принцесса.

Зато про младших сколько угодно могу рассказать. Марина всегда была немного замкнутая, мнительная, но упорная. Очень любила животных. У нее жил огромный лохматый пес, Боб, абсолютно невоспитанная собака. С лошадьми ладила, постоянно пропадала на конюшне. Ездил верхом лучше всех в семье, даже какое-то призовое место на юниорском чемпионате взяла.

«Проверить ветеринарные клиники и частные конюшни», – написал лже-Инклер и ободряюще кивнул старушке.

– Но при этом из принцесс Марина была самая чувствительная, застенчивая. Если ругалась с сестрами, то плакала потом сильно. Краснела постоянно. Вроде как была у нее подружка из аристократов, с которой они вместе гимназию посещали, та часто у нее гостила. Но где она сейчас, не знаю.

«Евгений Инклер» строчил, забыв, что диктофон включен и все можно будет потом прослушать и осмыслить.

– Полечка, четвертая принцесса, – вот это настоящий бесенок в юбке. Этикет ей давался очень трудно. Знать-то правила она знала, но сколько энергии в ней кипело! Ей очень трудно было следовать им, правилам этим. Постоянно носилась по дворцу, что-то ломала, роняла. Очень спортивная – королева рано отдала ее на борьбу, чтобы немного унять энергию. Помимо школы, она еще ходила не только на борьбу, но и на фехтование, стрельбу и, кажется, скалолазание, но все равно переворачивала дворец вверх дном. И к языкам была способна. Принцессы, конечно, все девочки-умнички, но Поля просто феномен какой-то была... постоянно с ободранными коленками, локтями, с синяками после занятий, но в принципе никогда не унывающая.

А вот Алиночка, хоть всего на два с половиной года младше, полная противоположность ей. Спокойная, умненькая. Постоянно читала, как ни увижу ее – с книжкой сидит или обучающий фильм какой смотрит. Сочиняла сказки и рассказывала Каролинке, малышка вечером без очередной просто не засыпала. Конечно, Алина в очочках была, посадил ребенок себе зрение постоянным чтением. И глаза, в отличие от всей семьи, зеленющие, непонятно в кого. Может, и не от мужа... эээх... Это не пишите, пожалуйста...

Писатель обещает, что ни намек в книге на предполагаемое отцовство пятой принцессы не появится, и вообще, перед тем как издать, он обязательно пришлет почтенной госпоже текст, чтобы она посмотрела и, если что не понравится, – вычеркнула. Успокоенная няня продолжает:

– Я, бывало, выйду с ними гулять, Каролиша в коляске, Марина с собакой к своим лошадям сразу уходит, Полюша бегает вокруг нас кругами, на деревья залазит, по изгородям ходит. Падает и сразу вскакивает, бежит дальше. Я первое время аж за сердце хваталась. Один раз сама слезть с дерева не смогла, так ее двое гвардейцев снимали, а королева только плечами пожала, даже не отругала.

А Алинка сядет под деревом с книжкой и сидит, читает все. Или рядом идет и рассказывает что-то. Идет и вдруг: «А знаешь, нянюшка, что у серениток матриархат и они по два, а то и по три мужа иметь могут?» И срам-то такое девочке знать, но она будто и не понимает, что в этом неприличного, просто знаниями делится. Или расскажет, как

она из головастика лягушку выводила и для школы записывала. Мерзость, а слушаешь, надо поощрять ведь тягу к знаниям...

Хозяйка снова разливает чай, ведь за время разговора все уже выпили, а писатель вон как ее чай нахваливает.

– А вы не знаете, девочки встречались с кем-нибудь? – спрашивает он и, видя недоуменный взгляд няни, уточняет: – Читатели любят романтику. Я имею в виду молодых людей. Были какие-то сердечные привязанности?

– Что вы, – всплескивает руками Дарина Станиславовна, – какое там! Ангелина вон была со вторым инляндским принцем помолвлена, только он, подлец, помолвку разорвал, как заварушка эта началась. Хотя, думаю я, это просто повод был, а причина в другом. Они виделись-то несколько раз всего.

Люк, точно знавший, что так оно и было и что их второй принц действительно воспользовался слухами, скромно молчит.

– А вот про Василину, – неожиданно произносит старушка, – слышала кое-что. Будто за ней пытался какой-то молодой военный с Севера ухаживать, и что с ним она познакомилась во время очередного выезда по военным частям. Но точно ничего не знаю, немного при дворе поговорили об этом да и затихли.

И она с умилением глядит на вежливого писателя, который активно записывает все в блокнотик.

– Про Марину ничего не скажу, но по-моему, ее по-настоящему только животные интересовали. А остальные очень уж малы были.

Напоследок журналист спрашивает:

– Как вы думаете, где они сейчас?

– Ой, милый, откуда ж мне знать? В свое время сама голову сломала, куда они могли подеваться. А только я скажу – к лучшему это. Королева близких слуг и двор отослала, а то ведь и нас бы порешили. И девочек, если б не сбежали, тоже поубивали бы. Прячутся где-то, а где – неизвестно.

Люк на прощание целует старушке руку и обещает обязательно прислать ей в подарок книгу, когда напишет.

Не все посещения были столь информативны. Через неделю Люк взвыл от нудятины, через две – ходил мрачнее тучи, пугая слуг. Он скурил, наверное, годовой запас сигарет и часто угрюмо напивался

вечерами в своем кабинете, когда собранная информация никак не выстраивалась в стройную систему. Коньяк ничуть не помогал делу, зато проклятые бумажки напрочь лишали его сна. Часть адресатов за столько лет успела переехать, другие не могли встретиться или переносили встречу, кто-то уже умер. Он представлялся журналистом или писателем, поэтому пришлось немного изменить внешность, чтобы никто не понял, что лорд Люк Кембритч из светской хроники, которого неоднократно показывали по телевизору, и журналист Евгений Инклер, которым он назывался, – одно и то же лицо. Ежедневный устойчивый грим раздражал, но Люк с упорством буйвола пер вперед.

За это время ему, переехавшему в Рудлог уже после переворота, стали понятны события и настроения, предшествовавшие смене власти. Люк обзавелся знаниями о привычках и характерах сестер, о поведении королевы и ее мужа, но ни на каплю не продвинулся в их поисках. После неполного месяца встреч и «интервью» оставалось обработать около десятой части списка.

– Здравствуйте, леди Симонова. Меня зовут Евгений Инклер, я писатель. Пожалуйста, могу я задать вам несколько вопросов?

Стройная молодая женщина с темным асимметричным каре, одетая богато и с большим вкусом, стоит возле красного автомобиля, в который только что погрузила покупки. На пакетах – сплошь знаки дорогих магазинов и домов мод. Она внимательно оглядывает подошедшего, величественно наклоняет голову.

– Добрый день. Чем я могу помочь?

– Миледи, – усердно демонстрируя небывалое смущение и волнение, продолжает «Инклер», – простите, что я так некорректно подхожу к вам, вместо того чтобы договориться о встрече по телефону. Но ваши слуги не передавали мои просьбы, и я решился сам...

– Говорите наконец, что вам нужно, – герцогиня Екатерина Симонова, урожденная Спасская, явно не обладает большим терпением.

– Пожалуйста, уделите мне несколько минут, – как можно любезнее просит Кембритч. – Я писатель, пишу книгу о королевской семье Рудлог. Чисто биографическую, без политики. Я знаю, что вы были вхожи в семью, дружили с одной из принцесс.

Она с внезапным и явным страхом глядит на подошедшего, отворачивается, открывает дверь в машину.

– Мне нечего вам сказать, – резко отвечает она, поворачивая ключ зажигания.

– Ваша светлость, – Люк поспешно наклоняется к ней, протягивая свою «писательскую» визитку, – пожалуйста, подумайте. Если вы хорошо относитесь к подруге, у вас есть возможность разрушить всю ту чудовищную ложь, которую вокруг них нагромоздили. Бояться уже давно нечего. Позвоните мне, пожалуйста, если вы решитесь...

– Отойдите! – властно командует она, захлопывая дверь. Но визитка остается у нее. И теперь нужно набраться терпения и подождать.

Через несколько дней он получает сообщение с предложением встретиться вечером в арт-кафе «Империя», расположенном в самом центре Иоаннесбурга. Это место для томных аристократов, с кабинками для частных встреч и умеющими молчать официантами. Молодая герцогиня ждет его у окна в приват-ложе, курит. Она сильно накрашена – бледное лицо, темные глаза, темные волосы, ярко-алые губы. Весь вечер он любуется ею, напоминая себе, что он на задании, а она замужем. Он любит таких, как госпожа Симонова, – тонких, ухоженных, дорогих. Но почему-то во время их разговора в памяти всплывает совсем другое лицо – уставшей заплаканной девушки и ее прозрачные от слез серо-голубые глаза.

– То, что я вам расскажу, останется между нами, – предупреждает она.

– Но как же книга? – удивляется «писатель».

– Плевать, выкрутитесь как-нибудь. Мое имя упоминать запрещаю. Понятно?

– Понятно, – покорно кивает подставной журналист. – Зачем же вы тогда решились на встречу?

– Я устала жить с этим, – тихо говорит леди, и «Евгений» вдруг со всей очевидностью понимает, что она на грани истерики. – Мне нужно хоть с кем-то поделиться, иначе я сойду с ума.

Екатерина тушит сигарету, вытаскивает ее из мундштука и тут же закуривает вторую.

– Мне кажется, я видела Марину после... после того, что случилось, – наконец произносит она, и видно, что страшно

переживает.

Писатель резко наклоняется к собеседнице, глаза его блестят.

– Как? Когда?

– Сначала, – она раскрывает свою сумочку, – вы мне поклянетесь на проклятии, что не причините ей вреда.

Люк, понятия не имеющий, зачем Тандаджи ищет королевскую семью, с некоторой опаской берет маленький плоский черный камень с иголочкой посередине.

– Я, Евгений Инклер, клянусь, что собираю информацию исключительно в познавательных целях и не для причинения вреда королевской семье или тем, кто дает мне информацию. – Он прокалывает указательный палец торчащей иголкой. Кровь шипит, впитываясь в парные желобки, отходящие крестом от иглы, а запястье его окутывает едва ощутимая невидимая лента клятвы.

Симонова кивает и даже расслабляется немного. «Да уж, – думает Люк, – отважная женщина». А если бы он оказался из тех, кто давно ищет королевскую семью, чтобы уничтожить? Как она справилась бы с ними?

– Интересные вещицы у вас во владении, – замечает он, откладывая окровавленную салфетку, которую прижимал к ранке. Страшно захотелось курить, и он, подумав, все-таки плюет на конспирацию – ведь в отличие от виконта Кембритча писатель Инклер не курит, – достает сигарету и, щелкнув зажигалкой, затягивается.

– Наследство от бабульки, – спокойно говорит Симонова. – Она была из потомков блакорийской аристократии. Из Темных.

«Инклер» чуть не давится дымом от таких признаний. Ах да, чего ей бояться, он же клятву закровил, что не причинит вреда.

– Именно поэтому, – говорит она с нажимом, – я прекрасно знаю, что никто из королевской семьи не обладал ни каплей ведьмовства. Ни-че-го черного в них не было.

Люк с некоторой опаской и огромной долей азартного любопытства глядит на молодую аристократку. Ее суждению можно доверять, черная черную почует издалека.

– Мы легализованы, – объясняет Екатерина, поняв его опасения. – Регулярно ходим в храм, но это, если честно, не нужно. Темной крови во мне капля, не больше. Так что не бойтесь, кровь вашу я пить не

буду. Тем более что это слухи. Потомки Черного поглощали энергию, и кусаться им для этого не было нужды.

– Но... – Люк задумывается, пытаясь сформулировать, – откуда все эти сплетни про то, что принцессы якобы были Темными, фотографии? Вы были свидетельницей происходящего, расскажите, пожалуйста.

– Они все, я имею в виду девочек, обладали какой-то специфической силой как наследницы Красного. Как все представители королевских семей континента. Эти сплетни – чистый бред, – она фыркает, и Кембритч с ней соглашается. – Все они – дети своих отцов, и среди их предков потомков Черного точно не было, так что и проявиться умениям неоткуда. Но вы же знаете простых людей – они готовы поверить во что угодно, если им это усердно втолковывать. Если учесть, как не любят в стране носителей Темной крови и какие ужасы им приписывают... Это был очень умный ход по дискредитации дома Рудлог.

– Вы меня обескуражили, леди, – хрипло произносит Люк, затягиваясь и глядя на собеседницу с новым интересом. И герцогиня, кажется, все понимает по этому взгляду, напрягается на мгновение – и иронично улыбается ему. – Как приятно поговорить со здравомыслящей, умной женщиной. И красивой, – добавляет он, ничуть не погрешив против правды, и леди вполне благосклонно принимает комплимент. – Расскажите мне, пожалуйста, про королевскую семью. И про то, как и когда вам показалось, что вы видели принцессу Марину.

Она делает глубокий вдох. Пока думает, в кабинку, постучавшись, заходит пожилой официант. Он, не здороваясь, ловко расставляет чашечки с кофе, конфеты, мороженое, пирожные, меняет пепельницу и величественно удаляется. Екатерина перехватывает удивленный взгляд своего собеседника.

– Я, когда нервничаю, либо курю, либо сладкое ем, – объясняет она с улыбкой, набирая ложечкой мороженое. – Успела заказать, пока ждала вас.

– И как вам удастся сохранить такую фигуру?! – восхищается он вполне искренне, а она расслабленно смеется и грозит ему облизанной ложечкой:

– Осторожно, господин Инклер, а то я подумаю, что вы со мной флиртуете.

Он наклоняется вперед, позабыв и про бороду, и про дурацкие светлые волосы, и хрипло спрашивает:

– А что, если и так?

И видит ответ в ее расширившихся зрачках.

Эту ночь они проводят вместе, и их любовь болезненна и остра, как у всех одиноких, случайно пересекшихся людей.

Наутро, одеваясь и периодически затягиваясь из лежащего на подставке мундштука, Кэти спокойно рассказывает о своем детстве и юности. Люк вытирает тело после душа и внимательно слушает ее.

Она рассказывает о том, как, придя в первый класс королевской гимназии, где наравне с детьми простых горожан учились дети аристократов, она увидела заплаканную светленькую девочку и с удивлением узнала, что эта плакса – третья принцесса Марина Рудлог. О том, как ей стало жалко всхлипывающую малявку, она подсела к ней и поделилась шоколадкой. О том, как ее с родителями, до того бывавшими во дворце только на общих приемах, пригласили в личные королевские покои, где были Марина, хорошенькая, как куколка, в нарядном кружевном платье, и сама королева.

– Ее величество приняла нас очень ласково. Маринка рассказала ей, что подружилась с девочкой, которая ее успокоила и поддержала, и Ирина-Иоанна решила поближе познакомиться с семьей такой «великодушной леди».

Последние слова Екатерина произносит с иронией. Она и не думала дружить с плаксой, да и как можно назвать человека другом после дня знакомства? Однако Марина, воспитанная в ограничениях дворца, не имела опыта дружбы и поэтому стремилась к любому человеку, который был к ней добр. Вот так благодаря половинке не самой дорогой шоколадки семья Екатерины стала вхожа в ближайший круг принцессы. Благодаря Марине судьбы и самой Екатерины, и ее сестер сложились наилучшим образом – леди Симонова, хоть и не была аристократкой, сделала отличную партию, выйдя замуж за герцога, сестры ее тоже не остались без выгоды.

– Марина всегда очень переживала из-за всего, у нее был несколько невротический тип характера, – с печалью делится герцогиня. – Плохая оценка, замечание, парень не так посмотрел – она

в слезы. А я постоянно была «жилеткой». Не плакала она только со своими животными. Как-то Огонек, конь у нее такой был, случайно брыкнулся и заехал копытом ей в бедро. Вскользь, но синячище был на полноги, черный. А она даже не всплакнула, представляешь? Зато как ругалась королева, как грозилась не пускать больше к лошадям. У ее величества к Маринке всегда было особое отношение, мне даже казалось, что она ее любимица. Во всяком случае за нее она тряслась больше всего. И вот тогда, когда мать пообещала отобрать Огонька, я в первый раз увидела у Марины приступ фамильного гнева, испугалась страшно.

Екатерина вдевает в уши тяжелые серебряные серьги, наверное, тоже непростые, бабушкины. Серьги завораживают, качаются, касаясь изящной шеи, а Люк вспоминает старое поверье, будто Темные не выносят серебра, и в очередной раз убеждается, что верить народной молве глупо.

– Выпускались тоже вместе, напились тогда, как поросята, – улыбается герцогиня, надевая полумаску, – и нас личный водитель вез до дворца, а там уж нас до Маринкиной комнаты тайно провели, чтоб королеву не встретить. Ей потом все рассказали, конечно, и она сама наутро в комнату пришла и лекцию прочитала, как правильно пить. А нам та-а-ак плохо было, это что-то. Правда, моим родителям королева сказала, что все было в порядке, мы вели себя прилично и пришли вовремя. Удивительная женщина... Никогда не понимала, что она сделает в следующий момент, какотреагирует. Жаль, что потом все так получилось.

Леди Симонова вздыхает, подходит к голому Люку и сладко целует его в губы, да так, что ему снова требуется душ, и желательно холодный.

– Спасибо, что дал мне возможность снова почувствовать себя живой, милый.

– Кэти, подожди, – останавливает ее Люк, видя, что герцогиня уже подходит к двери. – Когда ты видела Марину?

Она пожимает плечами.

– Мне иногда кажется, что это бред какой-то, что я обозналась. А с другой стороны, я практически уверена, что это была она. Это произошло в день свадьбы с Симоновым.

Фамилию мужа она произносит, немного кривясь, будто на язык попало что-то горькое.

– Уже шел послесвадебный фуршет, шампанское, официанты, весь свет был там. Проходило это все в нашем доме, потому что после мы собирались сразу ехать в Симоново, чтобы, – она зло усмехается, – зачать наследника под сенью родового поместья. Я была трезвая как стеклышко – это чтобы наследник здоровый получился, и голова болела от голода, потому что платье такое, что не вздохнуть. Злая была, хотелось сбежать от этих рыл, снять корсет, поесть наконец нормально и выпить обезболивающее. Тут ко мне подошла горничная и сказала, что меня какая-то девушка видеть хочет и очень настаивает. Утверждает, что одноклассница, что учились вместе, и желает поздравить.

Я не поняла ничего, выглянула в холл и попросила показать эту девушку. Она у дверей стояла, грустная такая. Выглядела как неформалка – волосы красные, макияж какой-то ужасный. Я сначала сказала, что не знаю ее и не пойду никуда, а потом снова посмотрела... а она на меня. – Екатерина передергивает плечами. – И тут я как будто Маринку увидела. Словно там два человека один на другой наложены были. Дернулась было к ней, но не успела – охрана подбежала и выпроводила ее как неприглашенную. Вот и все. Не знаю, может, это от голода у меня в голове помутилось или от переутомления.

«А может, – думает Люк, – это твои способности позволили разглядеть то, чего другие не замечают».

Эта потрясающе красивая и очень одинокая женщина бросает на любовника последний взгляд, подмигивает ему и выходит за дверь.

Поздним вечером, после бесплодных посещений очередных адресатов из списка, когда он сидел и курил на любимой скамейке у ворот, Люк вдруг вспомнил кое-что важное.

– Борис, а где отчет о девочках?

Охранник обескураженно посмотрел на него и наморщил лоб, пытаясь вспомнить.

– О каких девочках, лорд Кембригч?

– О тех, у которых машина сломалась, они еще ночевали у нас. Я тебе задание давал – разузнать, кто они и откуда. Что, не сделал? – Люк очень удивился.

Борис глянул на него так, будто хотел покрутить у виска пальцем.

– Так я ж вам через неделю отчет принес, лично в руки отдал. Вы мне еще премию обещали за скорость.

Люк нахмурился. Да уж. Заработался ты, милый друг. Точно ведь – приносил, папочка еще желтенькая такая была. И куда он ее засунул?

И Кембритч, погруженный в свои мысли, медленно пошел к дому.

Охранники проводили его взглядами, переглянулись.

– Опять наш чудит что-то, – сказал второй охранник, сочувственно похлопывая Бориса по плечу.

– Ну главное, разрешилось, – жизнерадостно ответил «проштрафившийся», с облегчением понимая, что все сделал правильно. – А чудит – так аристократия, они все немного тогось.

Люк все-таки нашел ту проклятую папочку. Она все это время издевательски лежала прямо перед его носом, и он, погруженный в расследование, использовал обложку для черчения каких-то схем и в качестве подставки для кофе или чая. Выглядело это все в результате сильно непрезентабельно – с кругами от чашек, помятое. Но главное было внутри. И Люк, испытывая странный трепет, открыл ее и начал читать.

Итак, пять сестер. А принцесс шесть. Даты рождения... он быстро сверился с датами рождения принцесс... отличаются. Его знакомые все младше дочерей королевы, кто на несколько месяцев, кто на год. Гхм, но это еще ничего не значит. Если они – те, кого все ищут, и они прячутся, то логично, что даты рождения изменены. Нелогично, что девушки не поменяли имена. Точнее, это бред какой-то. И куда тогда делась вторая по старшинству? Ладно, смотрим дальше.

Фамилия Богуславские. Очень слабая ветвь дворянства, из нетитулованных. Мать умерла после рождения младшей дочери. Долгое время жили на Севере в местечке Чистые Ручьи (пометка – узнать, точно ли жили там, спрашивать соседей), в школе местной не учились, но это ничего не значит – многие дворяне обучались дома. Затем, четыре года назад, продали в Ручьях дом и переехали под столицу. Отец нигде не работает, как и старшая сестра. Так, листаем дальше.

Описание внешности и фотографии тех, кто учится или работает в государственных учреждениях. Фотографии старшей нет, описания

нет, но есть пометка, что если нужно, охранник съездит по адресу и сфотографирует.

А вот и Марина. Фотография из личного дела медицинского училища. Темные волосы, убранные в конский хвост, светлые глаза, тонкие губы и нос.

Люк открыл общий портрет королевской семьи, начал сличать. Ничего общего, даже если выкрасить ее в светлый, как у принцессы, цвет. Точнее, какое-то неуловимое сходство есть, но, возможно, это только из-за того, что ему очень хочется его найти. Работает девушка в областной клинике хирургической медсестрой, в характеристике с места работы описана как хороший пунктуальный сотрудник, в личных отношениях замкнута, спокойна, особо близко ни с кем не дружит.

Полина, фотография из университетского дела. Поступила два года назад, месяц как на третьем курсе учится. Специализация: геология, вулканология. «Ну и специальность для девушки», – фыркнул он про себя. С принцессой общего мало! Что-то отдаленное есть, в форме носа, в линии подбородка. Тоже черноволосая, короткая стрижка под мальчика, темные, в отличие от сестер, глаза и даже немного крепенькая, широкая. Когда он ее видел у себя дома, она выглядела гораздо стройнее, и волосы были длиннее. Видимо, учеба дается нелегко.

Алина. О, а тут есть общее – она тоже в очках. Но на этом сходство заканчивалось. Выпустилась из школы в этом году, балл отличный. Сдает экзамены сразу в несколько университетов – ого, сильна девочка!

И наконец Каролина. Пухленький подросток с тяжелым взглядом карих глаз, с коротким темным каре. Учится в школе, но не очень хорошо. Как и следовало ожидать, с фотографией принцессы ничего общего.

Люк потянулся, потер глаза костяшками пальцев, закурил. Все это бесполезно. Девочки живут на виду, носят те же имена. Только идиот стал бы прятать нечто ценное таким образом... или очень умный человек. И куда, если это они, делась вторая сестра?

Однако версию нужно отработать, чтобы потом идти дальше со спокойным сердцем.

Гадать бессмысленно: если им изменили внешность, то сделали это качественно. Хотя пригласить посмотреть на них штатного мага, конечно, надо. Еще остается анализ крови или любого другого материала – волос, ногтей, кожи. Ни одно заклинание смены личины не может поменять генетику. Достаточно каким-то образом взять у одной из его знакомых материал и сравнить его с имеющимися данными по королевской семье. Ежели таких нет – вся королевская усыпальница к его услугам. Но это, конечно, не Борису нужно делать.

Завтра он обсудит это с Майло, а сейчас поздний ужин – и спать.

Часть 1. Глава 5

Начало июля, Пески́

Старый белолунный Нодери сидел на песке рядом с шатром, глядя на бесконечное звездное небо. Народ его спал, и старик поспал бы тоже, но его старые кости были другого мнения. Внучка дала ему травки – пожевать, успокоить кости, – но она с каждым разом помогала меньше и меньше. Годы старого пастуха Нодери подходили к концу, а жить вопреки всему хотелось сильнее. Ум его оставался острым, память – великолепной, опыт – бесценным, а вот тело подводило, слабея и дряхлея с каждым днем. Вечерами и бессонными ночами с тоской вспоминал он рассказы о былых временах – временах величия народа пустыни. Когда жили и кипели города со шпилями до небес и куполами в полнеба, когда в белых дворцах сидели волшебные Владыки и правили народом мудро и строго. Когда из фонтанов и родников в городах били холодные струи, колодцы были полны, а в погребках зарождался лед и снег. Когда дожди орошали цветущие пастбища, а от рыжих верблюдов и белых овец поля казались покрытыми оранжевыми и белоснежными покрывалами.

Потом пришла война. Все чаще отлучались Владыки из своих дворцов и все реже шли дожди, все желтее и ниже росла трава. Молодых воинов Белого города Истаила собрали под свое крыло опытные военачальники, и они двинулись на север, на границу с Рудлогом, страной потомков Красного Воина, вероломно напавшей на Пески. Там шли страшные бои, но войска драконов выстояли, и король Рудлога запросил мира. И предал прилетевших на праздник в честь подписания мирного договора драконов, заключив их в гору, которую впоследствии назовут Драконьим пиком.

Легенды рассказывали: когда драконы не вернулись, дворцы опустели, фонтаны перестали бить, а подземные снежные хранилища растаяли. Дожди прекратились, и песок забрал тучные пастбища себе. За несколько недель и города занесло песком. Растерянные и осиротевшие дети пустыни, чтобы спасти стада и свои жизни, собрали пожитки и ушли кочевать по оазисам. И было это ровно пятьсот лет назад...

Старый Нодери всмотрелся в звездное южное небо, вздохнул. Глаза его явно подводили – иначе как объяснить почудившуюся ему огромную крылатую тень, закрывшую на миг звезды? Он долго вглядывался в темноту, а в груди вспыхивала и гасла безумная надежда. Пока он наконец не встал и не поковылял за шатер, на крутой бархан. Нодери с трудом, опираясь на палку и преодолевая проклятую старческую слабость, преодолел такие нужные пятьдесят шагов и замер, восстанавливая дыхание и откашливаясь. Далеко впереди, на юге, колыхались и вспыхивали под звездами мерцающие призрачные занавески – великолепное и редчайшее небесное сияние.

Старик грузно опустился на песок и вознес небу короткую молитву. Затем поспешил обратно в поселение. Надо было сообщить пустынному народу, что Владыка Истаила вернулся и Белый город снова жив.

Через три дня в пустой и чистый город сквозь барханы со всех сторон начали приходить кочевые дети пустыни, далекие правнуки тех, кто покинул когда-то опустевший Истаил. Они пришли, ведомые надеждой. Люди не забыли ни своих обычаев, ни своих предков, ни того, кто властвовал над ними. Поэтому первым делом они отправили в возвышающийся над городом дворец сотню старейшин с богатыми подарками, красивейшими женщинами и лучшими верблюдами, жеребцами и баранами. Был среди старейшин и белолунный Нодери. Его, как первым возвестившего возвращение Владыки, везли с особыми почестями, на крепком паланкине, взятом на плечи четырьмя молодыми парнями.

У ворот молчаливого бело-лазурного дворца с радужным куполом они остановились, спешили и все как один встали на колени.

– О великий Валлерудиан, Владыка Песков и Дождей, – начал Нодери давно заученную формулу своим старческим дребезжащим голосом, – прими детей своих, окажи нам свою милость, дай нам свое благословение.

Белые резные ворота молчали. Молчали фонтаны у ворот и в городе, и небо не проливалось дождем. Молчали и молились стоявшие на коленях старики, прекрасные женщины и суровые воины. Они были готовы молчать так, пока не свалятся замертво. Владыке нужно было время, чтобы услышать их молитвы, подумать и узнать их снова.

Солнце давно опустилось за край мира, когда над коленопреклоненными людьми подул влажный прохладный ветер. Скрипнули ворота, приглашая гостей зайти. Запели, забили живые фонтаны ледяными струями подземной воды. А за городом, над сухими и безжизненными пастбищами, стали собираться темные дождевые тучи.

Вошедшие старики и сопровождавшие их молодые помощники, оставив дары у ворот, долго шли к тронному залу. Но господина своего они нашли на ступенях во внутреннем дворе с колоннадой по стенам и проснувшимся фонтаном посередине.

Прежде, как рассказывали, Владыка был белокож, красноволос и красив, теперь же они увидели совершенно лысого, безбрового, страшно худого и посеревшего нагого мужчину. На руках и ногах его не было ногтей, кожа была покрыта струпьями, словно облезала. Глаза его были закрыты, грудь хрипло вздымалась. Губы были бескровны и сухи.

Нодери встал на колени и прикоснулся рукой к груди Владыки, там, где редко и неровно билось сердце. Владыка умирал. Видимо, оживление Белого города забрало его последние силы.

Старый пастух повернулся к остальным и прошептал, стараясь не потревожить умирающего:

– Бегите ко входу и ведите сюда баранов, не меньше десятка! А вы – жгите костры, прямо здесь!

Никто не посмел ослушаться. Сопровождающие быстро натаскали штор из драгоценного суссона и сундуков из кедра и сосны, порубили их и возожгли костры. Пламя занялось быстро, наполнив и так раскаленный воздух жаром. Владыку перенесли на сооруженное ложе из шкур, укрыли. Баранам резали горло, набирали горячей крови и поили ею господина сначала по чайной ложке, потом чашками, а затем и ковшами – попеременно кровью и ключевой водой из фонтана.

Нодери первый увидел, как черты лица Владыки стали разглаживаться, услышал, как задышал спокойнее и ровнее царь его народа. И тут же приказал вести еще баранов, прямо сюда, во внутренний двор, да поскорее. А приведя их, прятаться у стен и не двигаться. Господин сейчас будет просыпаться.

Огонь костров быстро сожрал принесенную драгоценную пищу, и теперь угли тлели и переливались вокруг неподвижно лежащего тела.

Бараны испуганно мемеркали, люди, почти не дыша, прижались к стенам круглого двора за колоннадой. Были слышны только молитвы стариков и крики животных, чувствующих необъяснимый ужас.

Тело на шкурах дернулось, выгнулось, забилося, разворачиваясь в лежащего на спине белого дракона. С устрашающим ревом зверь бился во дворе, круша хвостом и перьевыми крыльями фонтан и колонны. Затих, с трудом перевернулся на бок, сфокусировал красный туманный взгляд на людях за колоннами. Потянулся к ним... но тут снова закричали и побежали прочь бараны, а чудовищный белоснежный ящер с утробным воем рванулся за ними, схватил первого, разорвал, брызнув кровью, мгновенно проглотил, потом второго, третьего.

Бойня продолжалась около часа, и с каждым съеденным животным движения дракона становились увереннее, а взгляд — осмысленнее. Наконец он остановился, оставив из стада не больше пятнадцати отчаянно мемеркающих барашков, грузно повернулся к фонтану, опустил в воду заляпанную кровью морду и начал гулко пить. От его пасти по водной поверхности пошли маслянистые кровавые круги.

Наконец он напился, повернул голову к затаившимся за колоннами людям. Глаза дракона были темно-вишневыми, он шумно вдыхал воздух, изгибал шею, осматривая дворец и своих спасителей. Он и забыл, какие люди маленькие и хрупкие, словно червячки.

Вперед вышел ковыляющий дед, и дракон рыкнул, запретив подходить ближе. Дед повалился на колени.

— Великий Владыка, Царь Юга, Нории Валлерудиан. Мы, дети твои, пришли под твое крыло. Просим тебя, позволь нам остаться в городе и служить тебе.

— Как тебя зовут? — пророкотал дракон.

— Нодери, мой господин.

— Награжу. Трижды. Как долго меня не было?

— Пятьсот лет, Владыка, — тихим голосом сказал старик, и дракон замолчал, прикрыв глаза, будто эти сотни лет давили на него невыносимым грузом.

— Вы верны нам, дети Песков, — гулко прорычал он наконец, — вы порадовали меня. Кто пришел ко мне сегодня?

— Все языки, кроме тех, кто был слишком далеко и кого забрал песок. Все ждут твоего слова.

– Награжу, – снова пророкотал дракон. – Кто моего рода есть во дворце или в городе?

– Мы никого не видели, господин. Мы осмотрели все покои до того, как нашли тебя, – старик закрыл голову руками, опасаясь гнева. – Город тоже пуст.

Дракон опустил голову.

– Осмотрите снова. Ранее в Истаиле и окрестностях проживала почти тысяча драконов. Должен был спастись хоть кто-то.

– Да, господин.

– И пошлите гонцов в остальные города. Я должен знать, кто из драконьего семени еще выжил.

– Да, господин.

Сзади, не дожидаясь повтора приказа, поспешили к воротам гонцы – осматривать дворец и собирать посыльных в другие города. Нодери счастливыми слезящимися глазами смотрел на хозяина дворца и не заметил, как сам склонился набок и повалился на влажную землю.

Дракон хлопнул крыльями, отгоняя подбежавших было детей песка, перекинулся в человека и подошел к старику, встав перед ним на колени и проведя руками над его грудью. И печально вздохнул.

– Что ж ты так, старый, – сказал укоризненно, а Нодери смотрел на него тускнеющими глазами, улыбался и видел красноволосого гиганта с темно-вишневыми глазами и белой, как светящийся перламутр, кожей. Красивого и мощного, как в сказках, которые передавались от стариков к детям все эти пятьсот лет, пока осиротевший народ бродил по пустыне.

– Обещал наградить, – шепнул он из последних сил.

– Да, – склонил голову Владыка-дракон.

– Обещай, что не оставишь больше своих детей.

– Обещаю, – уверенно сказал красноволосый.

– Обещай, что выбирая между войной и миром, всегда подумаешь, как решить дело миром.

В глазах Владыки вспыхнул огонь ярости, он покачал головой.

– Я не могу дать такое обещание, старик.

– Обещай, – прошептали холодеющие губы. И дракон склонил голову.

– Обещаю, – сказал он.

Нодери улыбнулся и, не высказав третью просьбу, умер на руках своего господина, выполнив свое предназначение.

Из многих сотен проживавших в городе и вокруг него драконов во дворец вернулись только шестеро, из них две драконицы. Дети пустыни, отправленные на поиски, нашли еще двоих упавшими далеко в песках, напоили, оживили и пошли искать дальше. Валлерудиан приказал пройти весь путь от города до рухнувшего пика, надеясь найти оставшихся в живых после почти пятивекового заключения соплеменников.

А Истаил тем временем оживал, радуясь каждому вернувшемуся человеку, каждому животному, пьющему из его колодцев. Скоро яркими заплатками расцвел базар, наполнив воздух ароматом специй, трав, табака и жареного мяса с медовыми лепешками. Задымили, зашумели сараи, принимая первых постояльцев и наливая жирный травяной чай с верблюжьим молоком высохшим старикам. Потянулись к городу вереницы караванов, пошли торговые люди и сопровождающие их воины. Счет детей, родившихся в ожившем городе, перешагнул за сотню, и услуги повитух стали цениться очень высоко. Вот и первый вор сел в тюрьму. За городом колыхались зеленые луга, и снова они казались покрытыми белыми и оранжевыми одеялами от пасущихся стад лошадей, овец и верблюдов.

Владыке Валлерудиану было чем заняться днем, восстанавливая жизнь города и дворца. Надо было назначить управляющих и военачальников, советников и служащих. Заполнить огромный дворец слугами, казармы – охраной и новобранцами, выбрать судей и начальников стражи. И возродить гарем, в конце концов.

Наследников-драконов он мог иметь только от женщин своего племени, но мягкие, почтительные и послушные дочери Песков помогали Владыке ночами забывать ужас сковывающей крылья горы, наведенного сна и стоны умирающих от истощения в толще каменной породы братьев и соплеменников. А девушки, разделившие с ним ложе и понесшие от него детей, с почестями и подарками отправлялись домой, чтобы быть принятыми родными как героини.

Часто он брал в ночь и двух, и трех женщин, и никому от него не было обиды или боли, только сладкая ласка и жаркая любовь.

Владыке нравились заботы по восстановлению Истаила, он находил в них радость. Но более всего сердце его возрадовалось, когда во внутреннем дворе дворца приземлился его единственный младший брат, которого он уже не чаял увидеть живым. Э́нтери, родная кровь, так похожий на него.

Итак, из великой семьи Истаила их осталось всего десять, включая двух дракониц. И вряд ли в остальных городах ситуация лучше – значит, драконьему племени грозит вымирание. Но об этом Владыка подумает завтра. А сейчас он собирается праздновать.

Их было десять за огромным столом, и от длины этого стола, где ранее проводились празднества, ощущение того, что они враз осиротели, только усиливалось. Солнечные лучи, падающие через решетчатые высокие окна, отражались от овальной столешницы из черного полупрозрачно-дымчатого шлифованного камня, на поверхности которого проступали цветочные узоры из хрусталя разных цветов.

Ранее этот зал назывался Залом Радости. Он был ярок и красив: бело-синие мозаичные стены, круглый пол, выложенный узорчатой зеленой плиткой, высокие окна, небесно-голубая кипень кружевного купола. Всюду были высажены цветы, по углам били маленькие фонтаны с резвящимися в них золотыми рыбками.

Теперь его впору было называть Залом Скорби. Одной стороной он выходил в центральный фонтанный двор, вокруг которого кругом и был выстроен дворец. Другой – в длинную колонную галерею, спускающуюся в огромный сад с прудами, цветочными полянами, беседками и купальными чашами с пузырьчатой минеральной водой. Этот сад можно было назвать лесом, так велик он был.

Вокруг собравшихся драконов тихо сновали слуги, накрывая на стол. Нории еще раз оглядел остатки своих подданных. Он никак не мог привыкнуть, что это – все и больше никто не выжил. Ни малыши сестры Оди́ти, ни двоюродные братья, с которыми они в детстве провели немало увлекательных дней, исследуя волшебный сад и окружающий мир. Ни дорогая его сердцу Ма́рити, приемная дочь его дяди и тети, которая волновала его с тех пор, как он осознал, что испытывает уже вполне взрослые желания. Но слава богам, что хоть эти живы.

Приветствую, братишка Энтери, ты даже не представляешь, как я счастлив, что ты нашелся... Непривычно худой и серьезный, ты давишь пальцами виноград и вдыхаешь аромат спелых ягод, будто не можешь поверить, что снова способен чувствовать. Мне очень хочется узнать, где ты пропадал целый месяц, но это ты расскажешь после пира, когда мы останемся вдвоем.

Здравствуй и ты, друг Чэтери, дракон-воин, старейший из оставшихся. По твоему опыту и силе быть бы тебе Владыкой и нести на себе ответственность за восстановление драконьего рода. Но так случилось, что кровь сильнее у меня. Жду не дождусь, что ты, лично облетевший остальные девять городов пустыни, расскажешь нам, много ли осталось нашего рода в Песках. Ты неравнодушен к металлу и оружию, вот и сейчас взял откуда-то тонкое лезвие с костяной ручкой и водишь острием по зеленым и красным хрустальным цветам на поверхности стола, словно решая одному тебе понятную головоломку.

И вы, неожиданные близнецы Марит и Дарит, здравствуйте. Вы, остолопы, заслужили мою благодарность за то, что выжили. Вы, конечно, второй крови, поэтому не красные, а желтовато-рыжие. Много драконов гораздо сильнее вас погибло, а вы, два неугомонных подростка, чудом остались живы. Вы рассказываете, что спаслись только потому, что успели долететь друг до друга и сплестись, как в материнском яйце. Так и лежали в толще горы, грея друг друга и помогая не сойти с ума от одиночества.

Позволь полюбоваться тобой, невероятно красивая, гибкая в человеческом теле, тонкая Огни. Волосы у тебя ярко-красные, ведь ты моя двоюродная сестра. Ты потеряла мужа, Владыку соседнего города, и поэтому вернулась в семью. Ранее яркая, уверенная в себе, сейчас ты сидишь с потухшим взглядом и мысленно, скорее всего, возвращаешься к тому дню, когда мы всем драконьим народом полетели подписывать мирный договор и наткнулись на предательство.

Смейся, смейся, несмотря ни на что, желто-рыжая Медити, моя четвероюродная племянница. Вас было три сестры, выжила только ты одна. Ты смеешься, не обращая внимания на мрачность остальных, кокетливо трясешь своими золотыми волосами, общаясь с сидящим рядом драконом с огненной, яркой душой, – Мйри, который ни чуточки не изменился.

Он тоже, как Огни, двоюродный, только с другой стороны, а еще он совсем не воин, а вовсе даже поэт и бард, и сейчас он подшучивает над страстью Четери к оружию, просит Энтери прекратить, богов ради, насиловать ягоду и отбивать ему аппетит облизыванием пальцев.

Четери красноречиво проводит лезвием у своего горла, Мири в ужасе изображает, как прячется за Медити. Он всегда такой, как искорка в мрачном царстве.

Вдруг он хватается висящую за спиной бантру – маленькую гитару – и начинает что-то наигрывать и подпевать себе, дразня Чета:

Не поймет чурбан поэта,

В чурбане поэта нету.

Ты дракон, а не оса,

Не жужжи,

Тоска!

Сидящий рядом с ним Вэтери, дипломат и хитрец, разделяющий страсть старейшего к оружию и не разделяющий балагурства соседа, комично закатывает глаза и с ругательствами отбирает бантру у непонятого поэта. Медити хихикает. И в этот момент всех пронизывает ощущение, что у нас никого на свете больше нет. Мы молчим, и даже Мири опускает голову, прощаясь с братьями и сестрами из стаи.

За столом сидит еще один дракон, и он так же молчалив, как Огни. В горé у Тедерí погибли жена и весь выводок детей. Он мрачен и не реагирует ни на дурачество драконобарда, ни на испытующий взгляд Владыки. Внутри него только пустота и чернота, и с этим придется что-то делать, иначе одним мертвым драконом у нас будет больше.

Владыка снова переводит взгляд на Четери, который как раз приобнимает за талию обслуживающую их темноокою служанку и что-то шепчет ей. Девушка мягко освобождается, опускает голову, идет дальше.

Четери перехватывает взгляд Владыки.

– Ты же знаешь, Нории, никогда против воли.

– Ты не меняешься, Гроза, – усмехается Нории. Дракон, которого прозвали когда-то Грозой не только за виртуозное владение холодным оружием, но и за то, что он был грозой девичьих сердец, разводит руками:

– А как иначе? Пока в мире остается хоть одна женщина, мне есть ради чего жить. Правда, моя красавица? – он подмигивает темноглазой

девушке, которая как раз обслуживает Тедери, сидящего напротив. Девушка вновь опускает глаза, проигнорировав его.

– Чет, оставь решение сердечных дел на потом.

– Да разве ж это сердечные? – искренне возмущается крылатый бабник, провожая выскользнувшую из Зала служанку потемневшим взглядом. – Ну хорошо, давайте к делу.

Сидящие за столом поднимают на него глаза – кто-то внимательные, кто-то азартно заблестевшие, кто-то мрачные.

– Как всем известно, я посетил остальные города. Почти везде остались драконы. Хуже всего дело в Ата́нии – там одна красноволосая драконица, Гíти, и четыре дракона. Лучше всего в Ста́вии – вернулось сорок восемь, из них тридцать дракониц. Та́фия пуста. Из Владык остался только ты, Нории, как мы все и ощутили.

– Сколько нас всего? – Энтери, как и остальные сидящие за столом, потрясен. Все надеялись на лучшее.

– Ровно триста двадцать четыре. Из них меньше трети красноволосых. И сто двадцать женщин.

– Из почти четырехтысячной стаи, – горько произносит брат Владыки, сжимая и разжимая кулаки. Медити всхлипывает, а близнецы тарашатся на Чета так, будто надеются, что он скажет, что пошутил.

– Проклятые колдуны, – с ненавистью, словно плюясь, выдыхает Огни. – Уничтожить бы эту проклятую страну, и дело с концом!

Молчащий Тедери, остро и с пониманием глянув на нее, снова уходит в себя.

– Те, кто сделал это с нами, давно уже мертвы, – напоминает Четери, сочувственно глядя на драконицу. – Нам некому мстить.

– Да и мы уже мертвы, разве непонятно? – драконица со злостью передергивает плечами. – С таким размером стаи мы просто вымрем. Даже если каждая из оставшихся женщин займется круглогодичным высиживанием яиц, все равно мы получим первого половозрелого дракона через тридцать пять лет. И наш максимум – три яйца за кладку, вы все это прекрасно знаете. Вот и думайте, сможем ли мы хотя бы поддерживать численность, не говоря уже о том, чтобы снова заполнить города и заставить их жить. Нет выхода!

– Вообще-то, – осторожно начинает Чет, – выход есть. Нории?

– Королевская кровь? – Владыка знает ответ на этот вопрос.

– Что такое «королевская кровь»? – спрашивают близнецы и смущаются, когда все поворачиваются к ним. Четери глядит на Нории, словно спрашивая, можно ли делиться информацией с остолопами. Красноволосый гигант кивком разрешает.

– Это не «что такое», а «кто такое», точнее, «кто такая», – Чет, как заправский актер, выдерживает паузу, пока на него с нетерпением смотрит молодняк. – Жена для нашего Владыки.

– Ну-у-у-у, – Медити морщит нос, – если для дела надо, то я, конечно, могу. В жены. Только что это нам даст?

Драконы хохочут, и даже Огни улыбается.

– Милая, любой дракон посчитал бы за счастье жениться на тебе, – примирительно говорит Нории, увидев, что молодая драконица чуть обиделась. – Но все дело в том, что нам нужна носительница особой, древней крови не нашего рода.

Медити, ничуть не расстроившись, тихонько и с облегчением выдыхает. Потом просит Нории рассказать подробнее, потому что пока ничего не понимает.

– Ты же знаешь, какова наша природа? – спрашивает Нории. Медити, не очень поняв вопрос, качает головой, и он вздыхает. – Ты знаешь, что мы являемся живыми магическими артефактами, потомками любви земных воплощений богов, Воды и Воздуха. По своему строению мы мало отличаемся от людей, во всяком случае, в человеческом облики. Мы способны иметь детей от человеческих мужчин и женщин. А вот наша аура совершенно иная по структуре, нежели человеческая, и позволяет оборачиваться в дракона. Ты помнишь, какими свойствами обладает любой дракон независимо от окраса?

Медити не успевает ответить, когда один из близнецов радостно выкрикивает:

– Целительство, плодородие и богатство!

Нории одобрительно кивает.

– Совершенно верно, Дарит. Дракон – это живой артефакт, который приносит земле, на которой селится, изобилие и плодородие. И если вы, рыжие, больше притягиваете золото и драгоценности, и вашего живого влияния едва хватает, чтобы озеленить и дать воду в одну деревеньку, рядом с которой вы находитесь, то красноволосые

уже работают, условно говоря, по гораздо бóльшим площадям. Но они и рождаются реже. При этом золото им не дается.

– А Владыки? – спрашивает Медити.

– А Владыки мало того, что рождаются крайне редко, еще и обладают весьма специфическим могуществом. Им подчиняются стихии Воздуха и Воды, и они могут, в зависимости от возраста, озеленить и сделать плодородными и безопасными сотни километров пустыни. И они же способствуют изобилию во всем. У всех без исключения живых существ, живущих на территории дракона, увеличивается плодовитость. А степень увеличения зависит опять-таки от возраста. Чем моложе Владыка, тем она слабее.

– А вы какой?.. – она краснеет. – Вы сильный?

– А я молод и очень слаб, милая, – смеется драконий Владыка. – Но у нас есть выход. Дело в том, что в мире, кроме нас, есть еще живые магические артефакты, тоже наследники божественных первопредков. Например, бёрмонтские оборотни-берманы ведают лесом и видят магические источники и разломы. Инляндские монархи, родственные нам дети Воздуха, всегда были прекрасными виталистами-целителями и имели защиту от ментальной магии, смиряли ураганы. Все эти магические особенности королевских родов даны нашими божественными предками, как указывается в книгах, для поддержания баланса в мире.

– Для поддержания баланса был дан Рубин, – ворчит Ветери тихо, что-то наигрывая на бантре.

– Сейчас речь не о Рубине, – мягко замечает Нории.

– Тен Нори, ну при чем же здесь жена? – не выдерживает нетерпеливая Медити.

– Не просто жена, милая, а жена из определенного рода. И не просто из рода, а старшая незамужняя женщина этого рода, которая может иметь детей.

– Так зачем же вам жениться, Нории, ну расскажите, пожалуйста!

– Немножко терпения, Медити. Дело в том, что члены семьи Рудлог в той или иной степени тоже являются магическими артефактами. Универсальными усилителями магии.

– То есть, – хмыкает Мири, – наш Нории – артефакт и леди Рудлог – артефакт. И что происходит, когда два артефакта... э-э-э... контакт?

– Взрыв? – осторожно предполагает Медити.

– Точно, взрыв. Взрыв рождаемости, если точнее! – гогочет крылатый гитарист.

– Подожди, не путай, Мири, – останавливает его Владыка. – Видишь ли, малышка, брак с сильнейшей девой рода Рудлог и ее инициация приведет к многократному усилению моих способностей. Я смогу оживить все города и все Пески. У людей чаще будут рождаться двойни, а драконьи кладки будут не из двух-трех яиц, а из шести-восьми, и это уже дает надежду на будущее.

– Инициация? – переспрашивает непонятливая Медити. Подростки рядом с ней краснеют, а Четери весело говорит:

– Я тебе потом объясню все, девочка. Когда вырастешь. Итак, – обращается он к Нории, – нам нужна королевская кровь?

– Нам нужна королевская кровь, – подтверждает Владыка, отпив чудесного прохладного вина из тяжелой серебряной чаши.

Часть 1. Глава 6

Конец августа, Магический государственный университет Иоаннесбурга, столицы Рудлога

– Сйтников, Поляна-а-а-а-а, быстро в кабине-е-е-е-ет ректора-а-а-а-а! Ситников, Поляна-а-а-а-а, вас жде-е-е-е-е-ет у себя ректо-о-о-о-о-о-ор!

Расположенные в стенах коридоров и на специальных стелах на территории столичного Магического университета камёны – каменные лица, вписанные в орнаментальные заклинательные круги, – вдохновенно пропевали вызов нерадивым студентам. Получался многоголосый хор. Новенькие часто заслушивались им, но скоро это надоедало, потом начинало вызывать раздражение. А к концу обучения все так привыкали, что не реагировали, даже если камень начинал орать над ухом. Надо ли говорить, что талантливая и креативная магическая молодежь не могла пройти мимо столь заманчивых полотен, и из года в год с поступлением младой поросли будущих магов камням пририсовывались усы, рога, ослиные уши и волосы, красились веки и губы, делались препохабные подписи – чтобы потом угрюмо оттирать свое творчество. Камены с удовольствием закладывали вандалов, а при оттирании либо оглушающе пели дурными голосами, либо старались кусануть за руку, либо отпускали похабные же комментарии, глумясь над отрабатывающим наказание хулиганом.

А вообще они были замечательные, только скучали без общения. Сторож Василий Иванович вечером обходил их с бутылкой самогона, беседовал по душам. Увы, алкоголь действовал только на сторожа, поэтому МагУниверситет частенько оставался без присмотра. Впрочем, на него было наложено столько защитных щитов и сигналок, что все только дивились: зачем академии сторож, да еще и алкоголик? Нет, он хороший дедок, но смысл? И только ректор Свидёрский знал, что на самом деле сторож Василий вовсе не сторож, а прирожденный собеседник для каменей. Где он еще найдет добровольца, готового развлекать каменных глашатаев и рассказывать им все дневные новости?

На двух мчащихся по лестнице вверх шестикурсников встречные студиозы и преподаватели, зачем-то зашедшие в университет в конце лета, смотрели по-разному: первые – с сочувствием, вторые – с ехидством. Парочка спешащих студентов зарекомендовала себя в качестве разгильдяев и прогульщиков, сдающих сессии только благодаря силе, которой не каждый взрослый маг мог похвастать, да недюжинному таланту. Однако сейчас они все еще не были переведены на седьмой, последний курс – с начала лета у них висели «хвосты» и «хвостики», и первая осенняя неделя учебы для других, более удачливых студентов, могла стать для них последней в университете. Так и сказал декан – последний шанс все пересдать за один раз, так что грызите, недоумки, как я от вас устал, чтоб вас по три дня похмелье мучило, гранит науки и магии, иначе полетите со справкой из универа и будете всю жизнь подрабатывать в лавках, заговоренную водичку доверчивым гражданам толкать.

Поэтому и бежали «хвостатые» студенты так быстро, как могли, ибо магическую науку, несмотря на общее раздолбайство, любили и вне ее себя представить не могли. А тон обычно добродушного декана абсолютно четко показывал, что никаких поблажек и оценок за красивые глазки и статус лучших в потоке больше не будет и что все серьезнее некуда.

У кабинета ректора, который зачем-то – явно затем, чтобы студент, забираясь наверх, проникся тщетностью бытия, – находился на самом верхнем этаже университета, да еще и в башне, студенты остановились отдышаться. Возле тяжелой деревянной двери, на которой красивой серебряной вязью было выгравировано «Ректор Александр Данилович Свидерский», за таким же тяжелым столом сидела Наталья Максимовна – секретарь ректора, или «демон в юбке». Наталья Максимовна Неуживчивая работала очень давно и прозвищем скорее гордилась, ведь основной ее заботой было оберегать ректора от бесполезных посетителей. Полезность посетителей определялась самим же секретарем, отчего значительный процент просящих искал другие пути подхода к господину ректору. Александр Данилович не переживал, «кому надо – тот до меня дойдет», - говорил он. Наталья Максимовна железной рукой курировала хозяйственную деятельность университета, благодаря чему студенты всегда были накормлены,

одеты и обуты, а также имели место для учебы и сна в чудесной бесконечно гуляющей общаге.

И это место Матвей Ситников и Дмитро́ Поляна рисковали потерять вместе с ежевечерними пьянками, набором первокурсниц на любой вкус и множеством таких же безалаберных приятелей. Короче говоря, положение было безрадостное. И Наталья Максимовна их бы не остановила. Но она и не собиралась, только поджала аккуратно покрашенные губы, повела седыми бровями и сухо произнесла:

– Проходите. Александр Данилыч вас ждет. Поляна, стойте! Немедленно заправьте рубашку в брюки, в университете запрещено все, что ниже пояса болтается. Вы же мужчина, а не чучело.

Увы, ржания не получилось, момент был не тот. Это потом они запишут очередной прикол от «демона в юбке» в специальную тетрадь, которая существовала уже в нескольких десятках томов и передавалась от выпускающихся студентов тем, кто только перешел на седьмой курс, являя собой наиболее полное собрание высказываний от Неуживчивой.

Тяжелая дверь отворилась сама собой, и тут вдруг над их головами зловеще и гулко ухнула сова, отчего студенты подпрыгнули и чуть не заорали. Немного успокоившись, они осторожно вошли внутрь. А вот если бы обернулись, то увидели бы на ухоженном лице Натальи Максимовны невиданную и непрофессионально довольную ухмылку. Потому что прикол с совой всегда срабатывал на «отлично», привнося в будни «демона в юбке» приятное разнообразие.

Сильно постаревший ректор Свидерский сидел за огромным столом и плел крючком что-то из странных липких и мохнатых нитей, по цвету больше всего похожих на толченую крапиву. Увидев посетителей, он прижал палец к губам, аккуратно досчитал «семь, шесть, пять, четыре, три, два, один» и, закрепив петлю, отложил вязание на стол.

Студенты были в шоке. Одно дело – слышать сплетни о том, как за лето постарел их кумир, боевой маг, один из сильнейших на континенте. И совсем другое – видеть это своими глазами.

– По квадратным глазам сразу вижу прогульщиков, – с ехидцей сказал Александр Данилыч, подманивая оторопевших студентов к столу. – И первый вопрос, тунеядцы: что я вяжу и зачем?

Поляна мысленно застонал, проклиная вчерашние посиделки с гитарами и сивухой, отчего мозги были неповоротливы и напоминали вязкую сладкую вату. А друг его, удачно (как оказалось, удачно!) промаявшийся вчера животом, ответил:

– Похоже на заговоренную цепь из крапивного семени. Простая цепь не удержит нежить, а такая – да.

– Почти правильно, мой юный друг, – забавляясь, ответил ректор. – Считай, на один ноготок ты уже на последнем курсе. А вторая часть вопроса? Так зачем я это делаю? Разве у нас мало мастериц, которые изготавливают растительные артефакты в промышленных масштабах?

– От нечего делать? – брякнул Поляна раньше, чем успел подумать.

– Мда, – Александр Данилыч покачал головой, – правду мне говорили, борзости в вас многовато. Увы, считайте, что сделали шаг назад. К вольной жизни вне университета. В, так сказать, золотую и прекрасную осень, которая вся впереди.

И он повел рукой в сторону окна. Там колыхались вершины гигантских типанов, и золота в них еще было мало, но парни приуныли. В вольную осень не хотелось. Это с пар сбегать прикольно, а уходить, когда дают образного пинка под зад, вовсе не весело.

– Ну-ну, не вешайте носы, господа студенты, у нас еще куча времени, – словно издеваясь, «ободрил» их ректор. Хотя почему «словно»?

– Еще варианты есть? Вопрос третьего курса, практикум «заклинания». Кто-то из нас вяжет, кто-то на гитаре или пианино играет, кто-то перебирает зерна, кто-то пазлы или мозаику складывает, кто-то йеллоуви́ньские головоломки протягивает...

В голове Ситникова смутно забрезжил ответ. И правда ведь, что-то говорили по этому поводу, пару раз под пивко, и даже в общежитии есть несколько блаженных, которые со спицами сидят или с крючком, как ректор. Правда, они всегда смеялись над такими, а вот зачем заучки это делали, как-то из памяти улизнуло.

– Развивать пальцы? – раздался сбоку несколько удивленный своей догадкой, но мутноватый голос Поляны.

– Тепло, тепло, мой юный недоучка. Зачем нам развивать пальцы?

И Александр Данилыч поднял ладони и выразительно пошевелил длинными, украшенными перстнями пальцами.

От этого движения контакты в голове Ситникова наконец-то сомкнулись, и он выпалил:

– Для кастования заклинаний необходима крайне точная координация движений каждого пальца, потому что чем точнее рисунок каста, тем сильнее заклинание! А упражнения развивают координацию и силу пальцев!

Им с Поляной никогда не нужно было заниматься этой чепухой – пальцы и так были гибкими, да и талант не пропьешь. Поэтому и подзабыли элементарную вещь.

– Молодцы! – ректор изобразил бурные аплодисменты. – А притворялись глупенькими. И в чем отличие кастования от волшбы?

Студенты со смущением потупились, и раздухарившийся огромный Ситников гулко ответил, будто солдат перед генералом:

– Волшба использует готовые заклинания! Заговоры, обереги, стандартные заклинания из книжек – это волшба! А при кастовании используются чистые потоки силы, которые моделируются по известным или выводимым формулам в зависимости от необходимых параметров и искомого результата! Для волшбы не нужна работа рук, а для кастования это необходимость. Все, господин ректор!

– Молодец, – повторил Александр Данилыч, – от страха что только не вспомнишь. А теперь, когда мы убедились, что мозги в ваших головах работают хотя бы на простые логические построения, самое время приступить к сдаче собственно зачета.

Ситников и Поляна, вообразившие вдруг, что их мучения уже закончены, глухо застонали.

Александр смотрел на них и улыбался про себя. Давно ли он был таким же разгильдяем, воображавшим, что мир прекрасен и только и ждет, чтоб принять его в объятия? Да уж, а ведь давно. Мальчишки-то талантливы, одни из самых талантливых юных магов, прошедших через университет за много лет его ректорства, но с опасным ветром в голове. Хотя... их компания повзрослела уже после выпуска, когда оказалось, что мир полон чужого горя и просьб о помощи.

А вслух он сказал:

– Придется вам меня удивить, господа студенты. Даю десять минут: разминаем пальцы, собираемся с духом, – тут он подмигнул, щелкнул пальцами, и в голове Дмитро Поляны образовалась чудесная, трезвая, прекрасная ясность, – и кастуем мне Зеркало Вызова.

Поляна и Ситников оживились: Зеркало Вызова они использовали чуть ли не каждый вечер, когда пиво заканчивалось, а гонцом в ближайший магазин идти никто не хотел. Тогда они просто (ну, или сложно, в зависимости от количества, употребленного ранее) пробивали Зеркало до продавца магазина, и тот передавал им вожаделенное пойло. Но зачем тогда столько времени? За десять минут они тут десять Зеркал нарисуют.

– Адресаты, – ехидно сказал Свидерский, явно читая их мысли, – ректор Блакорийской высшей магической школы Мартин фон Съедентент, придворный маг Инляндии Виктория Лыськова и Малыш... тьфу, Максимилиан Тротт, живущий в Гостловском лесу в Инляндии. Все параметры – в формулярах. Адресаты на местах и ждут. Приступайте.

Под колени ошарашенным студентам ткнулись удобные стулья, а на колени спланировали папки-формуляры с биометрическими и географическими параметрами адресатов. Они тут же договорились между собой, что сначала прокладывают Зеркало до ближайшего мага (им оказалась леди Виктория), а уж потом подцепят к созданному пространственному Зеркалу дополнительные слои.

Протрезвевший Дмитро Поляна монотонно, словно закручивая волчок, затвердил формулу, вставляя в нужные места поправки и необходимые данные. При этом он перебирал пальцами, будто играя на воображаемой флейте, поставленной вертикально и размером с палку от швабры. Александр внимательно наблюдал за ним и даже увидел парочку весьма нестандартных решений. Ситников стоял на подстраховке, купирюя лишние нити силы и придавая оставшимся нужную форму и плотность.

Вот между ними сложился узкий овал, будто сотканный из прозрачного стекляннного, но не бликующего кружева. Вот центр кружева начал мутнеть, но тут Поляна сбился с ритма, и нити лопнули, чувствительно дав по ушам. Ситников, не успевший подхватить слетевшую нить, из-за отдачи отлетел к стенке вместе со стулом, врезавшись в книжную полку.

Студенты расстроились. Вообще забавно было наблюдать за ними во время работы. Идеальная боевая пара. Глаза блестят от вдохновения, полное понимание друг друга, предугадывание, что

сделает партнер в следующий момент. Интересно будет посмотреть на них лет так через двадцать, если доживут, конечно.

– Чего сидим, добры молодцы? – гаркнул, забавляясь, ректор. – Зачет волшебным образом у вас в книжках не проявится. Попытка номер два. Ситников, упускаешь правый край, активнее задействуй мизинец. Поляна, просто медленнее, ритм держишь хорошо.

Второй раз сплелось кружево, начал мутнеть и сереть центр, а овал стал растягиваться по бокам, пока не превратился в огромное Зеркало. Раздался длинный высокий звук, переходящий в невыносимую для уха частоту, и резко оборвался – связь установилась. Из портала на Александра Данилыча обеспокоенно смотрела черноволосая и смуглая молодая женщина с темными глазами. А студенты уже вплетали стабилизаторы, чтобы переход мог держаться без их участия, затем, убедившись, что связь стабильна, начали накладывание слоев.

– Санечка, – с придыханием обратилась к ректору высокая волшебница, но, увидев, как он скривился и показал глазами куда-то вбок, моментально поменяла тон. – Александр Данилович, добрый день. Кто там у вас?

– Семикурсники, я думаю, – ответил он, с теплотой глядя на черноволосую красавицу. И тут же рявкнул на отвлекшихся разгильдяев: – Узор держать! До конца задание выполнять! Обрадовались, умники!

Умники сосредоточились. В растянувшемся Зеркале один за другим появились барон фон Съедентент и лорд Тротт. Они, не обращая внимания на студентов, быстро закрепляющих стабилизаторы, заговорили одновременно.

– Милая, я скоро вернусь, – низкий и немного раздраженный голос барона с четким выговором гласных звуков.

– Иду, минутку! – это Тротт, наверняка спешно что-то доделывает или дозаписывает результаты опытов.

– Александр Данилыч, мы теперь удержим, – это Виктория. Она обеспокоенно глядела на ректора, и студентам хотелось погреть уши и остаться, но не тут-то было.

– Все, раздолбай, идите, зачетки потом у Натальи заберете. И чтоб на моем практикуме я вас видел постоянно, понятно? Один прогул – и полетите. В эту самую золотую осень. Все ясно?

– Понятно! – еще не веря, что так легко отделалась, «талантливая молодежь» выбежала из кабинета быстрее, чем иные телепортом уходят. Раздалось дружное хмыканье – господа профессора, кавалеры кучи разных орденов явно вспоминали себя и веселились.

– А давайте ко мне? – пригласил друзей Александр Данилович, делая широкий жест. – Не люблю общаться через Зеркало, потом глаза режет, как песком насыпано.

– Лучше уж к Виктории, – черноволосый красавчик Мартин, избавившийся от дамы в спальне, оглядел придворного мага Инляндии и подмигнул ей. – Хочу посмотреть, какие хоромы наша акулочка себе по контракту отжала.

Виктория, ставшая придворным магом всего полгода назад, нахмурилась и бросила:

– Обойдешься. Тебе и в лучшие-то времена в мою спальню вход был заказан. Сколько лет, а наш бароша не меняется – рядом всегда хотя бы одна баба.

– Но-но! – развеселился блакорйец. – Чтоб ты знала, это не просто баба. Это целая герцогиня...

– Не знаю и знать не хочу, – брезгливо ответила Виктория и демонстративно закрыла уши.

Тем временем Рыжик, или Малыш Макс, он же сильнейший природник в мире Максимилиан Тротт, уже перешел из своей лаборатории в кабинет Александра, попутно вытирая руки белоснежным полотенцем. Они обнялись, и Макс пораженно уставился на друга.

– Саш, что с тобой? Это эксперимент какой-то?

– Почти, – Александр пригласил его сесть рядом. Аккуратный, высокий, с чисто выбритым породистым лицом рыжий инляндец был автором более полутора сотен уникальных зелий. Свидерский усмехнулся, вспоминая, как в юные годы их студенчества гениальный друг неоднократно пробовал свои зелья на одноклассниках, и частенько последствия ставили в тупик и преподавателей, и приглашенных спасать горе-экспериментаторов специалистов. – Я сейчас все расскажу, подожди.

– А чего рассказывать? – громогласно объявил подошедший Мартин. – Алекс решил, что ему скучно быть живым ректором, непременно нужно стать мертвым героем.

– Не тараторь, – поморщился Макс, и Мартин странным образом послушался.

– Я могу докачать тебе источники, – предложила Виктория хозяину кабинета. – Хватит еще на пару месяцев. – Она протиснулась к столу, наклонилась, чтобы собрать бумаги, и Мартин, конечно, не преминул при этом оглядеть тылы придворного мага и восхищенно присвистнуть.

– Вот почему, – задумчиво протянул Макс, – когда мы по отдельности, то мы уважаемые ректоры, профессора и маги? А когда вместе – те же придурки, что и в университете?

– Это потому, что с вами я могу быть самим собой, – тряхнул черными волосами Мартин, к кривлянию которого это замечание в основном и относилось. – Вики, не обижайся, ты красавица, как всегда. Просто у меня душевная незаживающая рана от твоего отказа на седьмом курсе. Ты, можно сказать, мне жизнь сломала, жестокосердная. Малыш, а ты еще не женат? – внезапно сменил он тему.

И трое магов, профессоров и ректоров захихикали над старой общей шуткой. Макс единственный из них никогда не состоял в браке, так как был женоненавистником и считал женщин, за исключением Виктории, с которой они были знакомы почти всю жизнь, досадным недоразумением.

– Женюсь, когда ты по бабам перестанешь бегать, – огрызнулся Макс.

– Вас бы слепить, а потом поделить, и получились бы два идеальных семьянина, – Алекс с улыбкой наблюдал за переругивающимися друзьями.

– Упаси боги, – хором заявили они.

Холодный и рассудительный Макс и темпераментный, постоянно втягивающий их пятерку в разные неприятности Мартин были абсолютными противоположностями. Что не мешало им вставать друг за друга горой и прикрывать спины, когда это было нужно. Но с тех пор, как это было нужно, прошло много-много лет. Теперь они почтенные мужи, пусть даже внешность всех, за исключением Александра, тянет максимум на тридцать-тридцать пять лет. И пусть от скуки и монотонности иногда сводит скулы, Свидерский, вопреки

смешкам Мартина, предпочел бы помирать от скуки, чем от того, встреча с чем, как вопили его инстинкты, им предстояла.

Виктория тем временем деловито собрала с его стола бумаги, аккуратно сложив их на ближайшей тяжелой тумбе, сбегала обратно в свои покои через чуть поддрагивающее, но стабильное Зеркало и притащила несколько пузатых бутылок, блюдо с яблоками и апельсинами. Затем порылась в огромном шкафу, достала оттуда несколько запыленных высоких бокалов, сполоснула их в раковине в углу, хотя Мартин предлагал не ходить далеко и использовать для этого бьющий у стола Алекса маленький фонтанчик. Для удобства у магов в покаях и кабинетах всегда были источники шести стихий: бегущая вода – фонтанчик или водяная мельница; земля, обычно в цветочном горшке; растение – жизнь, воздух; «музыка ветра» – гармония; камин или лампада – огонь, и какие-нибудь кости или чучело – вместилище стихии смерти.

– Хозяюшка, – с умилением сказал Мартин, успевший уже цапнуть бутылку, откупорить ее зубами и знатно приложиться. Виктория выразительно показала ему «боевую клешню», успешно заменяющую у магов знак «урою». Правда, урывали обычно нежить, но и Мартин впечатлился.

– Недотрога и Кусака, – прогнусавил он удовлетворенно, делая еще несколько глотков. – Но вот вино у тебя всегда хорошее. Эй, без членовредительства! – барон подскочил на кресле, чувствительно ужаленный в мягкое место слабеньким, но коварным разрядом. – А если б ты на пару сантиметров промахнулась?

– Тогда бы пэры Блакóрии мне памятник поставили, – ухмыльнулась покусившаяся на самое дорогое волшебница. – Может, хоть половина рождаемых аристократами детей перестанет быть похожа на тебя. Кроликов в роду не имелось?

– Ну, ты преувеличиваешь, – гоготнул забывший про недавнюю опасность Мартин.

– Разве что самую малость, – прищурилась Вики.

Пока друзья переругивались, Макс встал, взял из рук Виктории бокалы и наполнил их вином. Они выпили, по привычке первый раз не чокаясь – за пятого.

– Итак, – Тротт снова разлил вино и оглядел одnogруппников, – теперь можно рассказать, что за таинственная повестка дня и почему

ты, Александр, так выглядишь.

– Все просто, – ответил ректор, расслабленно сидя в кресле и сжимая в руке бокал. – С исчезновением стабилизирующего фактора королевской крови на троне уровень защиты на континенте потихоньку стал снижаться, несмотря на то что другие правящие семьи остаются на своих местах. Ранее стабильный стихийный поток идет теперь волнами, то густо, то пусто.

– Это мы все знаем, – спокойно сказал Макс. – Это не критично, уже все приспособились – с накопителями и источниками. Почему ты-то, сильнейший из нас, выглядишь как восьмидесятилетний старик?

– Я выгляжу на свой возраст, – возразил Алекс. – Наш возраст, – добавил он тихо.

– Алекс думает, что где-то, возможно, в нескольких местах, в момент отлива волны произошел точечный пробой, – перебил его нетерпеливый Мартин. – И, опять-таки возможно, нас скоро ждет демонический прорыв.

– С чего ты взял? – заволновался обычно невозмутимый Макс. – Я ничего не чувствую.

– Ты со своими зелеными друзьями и дракона за спиной не почувствуешь. – Способность Малыша уходить в работу с головой давно стала притчей во языцех.

– И что? Как это связано?

– Им требуется пища, и чем качественнее, тем лучше, – пояснил Свидерский. – А если пища ослаблена физически, но при этом магически сильнее большинства живых существ, да еще и доступна? Какова вероятность, что захотят подкрепиться именно ею?

– Так ты у нас вроде приманки, что ли? – поразился Макс. – Ты с ума сошел, Данилыч? Именно поэтому ты блокируешь метаболизм, дурень? Я думал, что в нашей компании место патентованного идиота прочно занято Мартином. – Фон Съедентент не обиделся, просто широко улыбнулся и отсалютовал бокалом. – Но ты сразу побил все рекорды. Или, пока я отсутствовал, вы мозгами поменялись?

– Не ори, – поморщился ректор МагУниверситета. – Думаешь, мне радостно больше двух месяцев сидеть в скрипучем, стареющем теле? Но я уже и так прикидывал, и эдак, прежде чем решиться. Найдут наши «благородные» дурни королеву или нет, непонятно, рисковать мы не можем. Хотя мой внешний вид послужил для лордов-

заседателей отличным стимулятором. Пришлось наврать, что это из-за оттока магии, зато впечатлились. Задумались, наверное, что будет с их семейными артефактами и защитой имений. Но я не об этом... Магическое поле все-таки крайне нестабильно, и по косвенным признакам я посчитал, что пробой уже произошел.

– Это по каким таким признакам? – поинтересовался Макс. Молчащая Виктория хмурилась и с жалостью поглядывала на Алекса.

– А какие есть признаки прохода демонической сущности? – пожал плечами Алекс. – Седьмой курс, лекции Алмаза Григорьевича.

– Необъяснимые массовые психозы, самоубийства, – перечислила отличница Виктория. – Увеличение силы Темных, уменьшение их способности себя контролировать. Активизация и резкое увеличение числа и силы нежити.

– Собственно, – Алекс налил себе еще вина, – сообщил мне о возможном прорыве мой давний знакомый, Темный. Они с семьей зашли попроситься, решили переехать на побережье, поближе к монастырям Триединого. Там им проще не поддаваться. Он сказал, что у него усилилась тяга к подпитке. Черные целыми семьями снимаются с мест и уезжают туда. И это легализованные, социально устойчивые. Что происходит в семьях со старым укладом – боюсь представить.

– Так вы думаете, – Макс обвел друзей напряженным взглядом, – что прорыв уже произошел?

– Либо уже, либо в самом скором времени произойдет, – тихо сказал Александр. – Но где, я не знаю. В Рудлоге или на границах с соседями. За границей королевские семьи держат крепко, там появление одержимого маловероятно. Даже направления не чувствую. Зато знаю, куда демон почти наверняка придет, чтобы поскорее вступить в полную силу. В место, полное не только молодых и вкусненьких магов с брызжущей во все стороны энергией, но и с десертом в виде меня. И бонусом – студенческой общагой, этой порочной смеси борделя, алкогольного бара и лавки с дурман-травой. Там уж точно он будет как рыба в воде.

– Почему сюда, а не в любую другую академию? – спросил неприятно потрясенный Малыш.

– Самое крупное заведение страны, сам знаешь, и самые мощные преподаватели, самые одаренные студенты, – ответил Алекс. – В других обучаются десятки и сотни, у нас тысячи. Да, это допущение,

но допущение очень вероятное. Если прорыв был, он не может не прийти сюда. А возможно, он уже среди поступающих или принятых на работу преподавателей. Или даже среди давно обучающихся студентов, если там были Темные. Но пока я не чувствую ни присоски, ни усиления оттока. Несмотря на это, я приказал отслеживать студентов с необычными магическими способностями. А когда он дотянется до меня, я почувствую и смогу узнать, кто это.

– Все-таки ты идиот, – обреченно выдохнул Макс. – И вы это поддерживаете? – обвиняюще глянул он на друзей. – Данилыч ослабленный, в дряхлом теле, да он двух шагов не может сделать, чтоб не развалиться. А от демона, как мы знаем, придется бегать! Несмотря на то, что мы гораздо сильнее сейчас, чем тогда...

– Это если мы не накроем его раньше, – перебил Алекс.

– Я предлагала не страдать дурью, а обратиться к Алмазу Григорьевичу, – стала оправдываться Вики, – но ты же знаешь Алекса, он скорее подставится демону, чем покажет старикану свою несамостоятельность.

– Восемьдесят лет, а ты все еще дуешься на него из-за «тройки» по демонологии? – изумился Макс.

– Единственной «тройки» в аттестате, между прочим, – отозвался Алекс. – Старик лишил меня диплома с отличием, зато обеспечил десяток лет боевой практики по трактам и кладбищам, за что ему, конечно, поясной поклон. В то время как вы проходили практику при дворах и университетах, мы с Михеем мерзли и мокли под дождем и снегом.

– Хорошо, – Макс поморщился. – Как ты думаешь его одолеть? С демонами практика у нас не очень удачная. Мягко говоря.

Как всегда, при упоминании о погибшем друге и «практике» общения с демонами они притихли и помрачнели.

– Поэтому и нужно вычислить его до того, как он насосется энергии и войдет в полную силу. Заманим, свяжем Сетью или Ловушкой, а потом раскатаем. Заманивать, – Свицерский усмехнулся, – будем мной.

– А если это не сработает? Данилыч, обещаю мне, что обратишься к Алмазу. Иначе я сам к нему приду! Не будь дураком, цена ошибки слишком велика.

– Не кипятись, – успокаивающе попросил Алекс. – Дай мне пару недель, и я обязательно схожу к Деду на поклон. Но ты же знаешь его: если я что-то не учту, пошлет и еще спасибо, если посохом поперек спины не огреет. Он сейчас занят теорией глобального сеяния, ему не до мелочей типа демонов. Он божественные истины познает.

– Нам нужны еще участники, – Виктория в упор посмотрела на Александра. – Нужно обращаться к магам Йёллоувиня, к серениткам, пригласить сюда служителей Триединого. Духовники нужны как воздух, без них ты не справишься.

Свидерский тяжело вздохнул.

– Друзья, я не хочу никого звать. Я доверяю вам троим, а остальные... сами знаете. Никогда не будешь уверен, что перед тобой не затаившийся Темный. Полукровки могут не проявляться всю жизнь. А если устроим облаву, нагоним специалистов, спецслужбы, то спугнем. И ищи его потом – когда он силы наберется, как в прошлый раз.

– Чем мы можем помочь, Данилыч? – нетерпеливо спросил Макс. Его ожидала работа в лаборатории, и было не до долгих разговоров.

– Прежде всего я хотел попросить вас временно поработать в университете в качестве приглашенных специалистов. Мартин, с тобой можно согласовать это в рамках обмена опытом и преподавателями. Обещаю, когда все закончится, провести у тебя годичный курс лекций и практикумов. Ну соглашайся, ты же умрешь от скуки и любопытства, если не согласишься.

– Все-то ты знаешь, – широко улыбнулся захмелевший уже господин блакорийский ректор и отсалютовал другу бутылкой. – Соглашусь, если Вики меня поцелует.

Виктория, не говоря ни слова и чеканя шаг, подошла к опешившему барону, наклонилась, схватила за грудки, подтягивая к себе, и впиалась в его губы поцелуем. Макс и Алекс наблюдали только квадратные глаза шутника.

Когда поцелуй закончился, Виктория вернулась на место, взяла бокал и иронично отсалютовала Мартину.

– Что ж сразу так пугать-то, Кусака, – проворчал пытающийся отдышаться фон Съедентент. – Меня чуть удар не хватил. Я понял, что это серьезно. Кстати, как тебе поцелуй?

– У твоей герцогини отвратительный вкус помады, – скривилась Виктория, демонстративно оттирая губы.

– Так я ж ее не ем, – глумливо засмеялся Мартин. – Ладно, я согласен. Я бы и так согласился, вы же знаете. А ты, Макс? Пересилишь себя?

Алекс повернулся к природнику:

– Да, Макс, я знаю, как ты не любишь людей...

– ...я не люблю тупых людей, – поправил педантичный Малыш.

– Ну что сделаешь, если почти все человечество тупее тебя? Но мне нужны глаза и уши. И твои репелленты. На демонов ты их еще не мешал? Вот тебе и поле для экспериментов.

– Ну что ты меня как маленького уговариваешь, – устало отмахнулся Максимилиан. – Естественно, я помогу тебе. Только жить в общаге я не буду, уж уволь. Ты же знаешь, как могут доставать студенты. Буду ходить через Зеркала. И никаких студенток на занятиях.

– Хорошо, – вздохнул Свидерский. – Спасибо, друже! Вики?

– Я возьму отпуск на пару месяцев. Потом ничего не обещаю. Но зато пока смогу пожить в общежитии, помониторить там ситуацию. И все равно я считаю, что нам нужна помощь.

– Я обещаю тебе поговорить и с коллегами, специализирующимися на демонологии, и с Алмазом. Спасибо, что согласилась, дорогая.

– Не за что, – Виктория цапнула со стола дольку апельсина. – Хорошо, что мы снова в деле.

– Ага, – произнес ставший вдруг серьезным Мартин. – Главное, никого не потерять больше. Как в прошлый раз.

Перед уходом, пока Алекс с Мартином чертили схемы силового поля, Виктория подошла к моющему руки Максиму и прислонилась к нему сзади.

– Хочешь, я пойду сегодня с тобой, Малыш?

Его спина напряглась, и прошло несколько мгновений, прежде чем он глухо сказал:

– Нет, Вики, не нужно. Иди домой.

Она только горько улыбнулась. В который раз.

Часть 1. Глава 7

Конец августа, Белый город Истаил, Пески

– Садись, брат, хорошо, что ты проводил меня в мои покои. Да, я пьян, я пьян оттого, что я живой, и оттого, что они все мертвы. Мама, отец... Во мне бьется безумная надежда на то, что они, так же как и я, как все мы, чудом спаслись...

Что тебе рассказать? Когда нас поймали в камень, я находился выше, чем ты, поэтому, наверное, и выжил. Отец с матерью парили под нами. После того как прилетел стазис, я еще чувствовал их, чувствовал, и когда мы погружались во тьму. Они успокаивали нас, помнишь? Пытались бороться, пытались спасти нас...

Иногда я думаю: я выжил, потому что не стал бороться, а они умерли, потому что потратили лишние силы, пытаюсь противостоять проклятому Сэдрику.

Нет, я не хочу спать. Я боюсь спать. Смешно, да? Теперь я боюсь темноты и боюсь засыпать, потому что ночью снова оказываюсь там, под тысячами тонн скалы, и задыхаюсь, бьюсь, не могу вырваться. Кто бы знал, что взрослый дракон может вести себя как рыдающая женщина? Мне очень стыдно, но я поэтому и напиваюсь, чтобы отключиться и спать без снов...

Не надо меня жалеть, я не маленький. Ну хорошо, пусть для тебя я всегда малыш, но я тебе шею сверну, если ты еще при ком-то это повторишь. Да, брат, я тоже тебя люблю. Знаешь, а пойдём наверх, а? Как раньше, посмотрим город на закате?

Двое очень похожих красноволосых мужчин сидят на скате крыши второго этажа дворца. Только один – крепкий, с длинными волосами, завязанными в узел, а другой – исхудавший, с неровно отрастающими короткими прядями. Черты лица его немного мягче, чем у старшего. Присмотревшись, можно заметить и другие отличия: в волосы старшего вплетен амулет, напоминающий ключ, и тела мужчин покрыты едва видимыми разными узорами, которые проступают в свете солнца, зато ночью, напитанные солнечной энергией, мягко, чуть заметно сияют.

Небо налито синевой и пурпуром, огромное солнце дрожит в вечернем мареве, опускаясь за горизонт. Дворец расположен на возвышении, и Белый город, окрашенный закатом в нежно-розовый цвет, ручейками улиц уходит вниз, светится огоньками в длинных и густых синих тенях между домами, гудит многоголосым базаром, звучит вечерними молитвами в храмах богов. Братья молчат и смотрят, словно подпитываясь желанием жить от тех, кем они когда-то были, когда приходили сюда провожать солнце.

Младший внезапно закрывает лицо руками и трясется от горьких рыданий, всхлипывая и шмыгая носом, как в детстве. Старший, ничего не говоря, обнимает его. В глазах его тоже стоят слезы. Сейчас можно, ведь никто не увидит, как они оплакивают родителей.

– Как мы будем теперь жить, брат? Без них? И зачем, почему я выжил, а они – нет?

Самое забавное, что я даже не помню, как улетал с места нашего пленения. Помню только ощущение безумной легкости: я тогда еще подумал, что наконец-то умер.

Я не помню, куда и как долго я летел. Помню, что очнулся в хижине в горах. В этой хижине жили старик и две его дочери. Старика звали Михайлис. Он охотник, отшельник. Потом я узнал, что они нашли меня, лысого, истощенного, всего измазанного кровью, среди оставшихся от их скудного стада трех козочек. Добрые люди не поняли, кто я такой, подумали, что на коз напали волки, а откуда взялся я – непонятно.

Я был так слаб, что почти не мог шевелиться. Старик каждый день уходил на охоту, но часто возвращался ни с чем. Иногда с ним уходила старшая из сестер, а младшая хлопотала по хозяйству. Я наблюдал за ней, и за ее сестрой, и за их отцом, когда они возвращались. Если мясо добыть не получалось, мы ели овощную похлебку и домашний хлеб. Точнее, сначала они кормили меня, а потом уже ели сами. Удивительные люди.

Старшую сестру зовут Таисия, а младшую Лори. Младшая красавица, каких поискать. Я часто заглядывался на нее даже в том состоянии, так хороша она. Золотистая кожа, темные блестящие волосы, пухлые губы, брови вразлет...

Старшая некрасива, лицо ее с одной стороны обезображено давнишней встречей с горным леопардом. У нее мягкие русые волосы

и строгие голубые глаза. Она широка в кости, но спину всегда держит прямо, как будто и не стесняется своего увечья. Все-таки какое счастье, что у нас настолько сильна регенерация и шрамы рассасываются без следа!

Я был все еще слаб и практически не мог двигаться. В глазах иногда начинала стучать темнота, тогда мне хотелось перекинуться и попробовать их крови. Видят боги, чего мне стоило подавлять дракона. Ты знаешь, Нори-эн, как обессиливает дракона голод, ты ведь сам через это прошел. Иногда мне казалось, что я трачу последние крохи энергии на то, чтобы обуздать жажду крови.

Домик у них небольшой, одноэтажный, с белыми мазаными стенами и голубыми наличниками на окнах. Внутри кухонька и две комнатки. Старый Михайлис уступил мне свою комнату, а сам расположился на кухне. Мы почти не разговаривали: я не мог, только сипел, а обитатели домика сами по себе не очень разговорчивы. Но когда они говорили, я почти все понимал: язык очень похож на старорудложский, но много новых слов, которые я со временем выучил.

Внутри всегда тепло, топится печка, но мне все равно было недостаточно тепла! Я все время мерз, иногда не мог двинуться от судорог. Тело пыталось восстановиться, но ему не хватало пищи, хотя я ел больше, чем мои хозяева втроем. Но ведь надо было накормить голодного дракона, а для него это капля в море. Меня иногда выводили на солнце, тогда я сидел, укутанный в несколько одеял, и грелся. От невозможности восстановиться мне все время было холодно, и я трясся, пока не свалился в лихорадке.

Той ночью меня бросало то в жар, то в холод. Старый Михайлис ушел вниз, в селение, за целителем, а девушки следили за мной. Через несколько часов пришел целитель, осмотрел меня, и я услышал, как он что-то взволнованно говорит старику. В меня влили какое-то лекарство, подпитали витой, и я наконец-то заснул.

Проснулся я весь в поту, стуча зубами от холода. Пытался позвать на помощь, но не мог издать ни звука. Упал на подушку, закрыл глаза и вдруг почувствовал теплые руки на лбу. Это была Таисия. Она обтерла меня, приговаривая: «Потерпи, я знаю, что тебе холодно, сейчас пройдет», передела в сухое белье, и мне сразу стало теплее. Помогла прийти до уборной – я не мог себе позволить, чтобы хрупкие женщины

выносили за мной, если я в сознании. Путь туда и обратно отнял все мои силы, я висел на ней, пока мы доползли до моей постели. Таисия перестелила ее, усадив меня на стул. Я наблюдал за ней и остро ощущал свою слабость и то, что мне нечем отблагодарить этих людей.

Меня снова начало трясти. Она уложила меня в постель, укрыла одеялами, принесла завернутый в ткань нагретый кирпич, чтобы согреть ноги. Мне было холодно, и она напоила меня горячим молоком, которое немного убавило дрожь. Мне казалось, я умираю от холода, и тут она подняла одеяла и легла ко мне, прижалась и сказала: «Тихо, тихо, сейчас станет лучше». Не сразу я понял, что она так греет меня. Я лежал на спине, а она, обхватив меня руками и ногами, – сбоку, и я чувствовал, как бьется ее сердце. Тело у нее горячее, как солнце, и дрожь почти ушла. Я заснул, а когда проснулся, Таисия уже не было рядом. Сестры вдвоем ушли на охоту. Старик посмотрел на меня и покачал головой, но ничего не сказал.

Когда Энтери рассказывает о девушке, на его губах появляется странная, немного виноватая и удивленная улыбка, он встряхивает головой, стучит пальцами по крыше.

– Знаешь, Нори, я, лежа рядом с ней, вспоминал маму. Помнишь, когда мы болели или пугались по ночам, она приходила к нам, ложилась рядом, обнимала и рассказывала смешные истории? Вот и рядом с Таисией я чувствовал себя, как рядом с мамой. Безопасно. Мне не снились кошмары.

С того дня я пошел на поправку. Уже мог сам садиться, есть. Иногда я смотрел на свои руки – они были похожи на руки мертвеца: кожа, кости, белые жилы и голубые вены. Представляю, как устрашающе выглядело мое лицо.

Таисия продолжала приходиться ко мне ночью, грела меня. Я не чувствовал запаха желаяния или какого-то возбуждения от нее, только тревоги за меня. Мне было неловко от такой заботы, но ее тепло – единственное, что не давало мне замерзнуть ночью.

Помнится, учитель рассказывал нам про древних, которые, чтобы продлить себе жизнь, обкладывали себя на ночь юными девственницами. Я тогда не понимал и хихикал вместе со всеми, а сейчас понимаю. Мне кажется, Таисия щедро делилась со мной своей жизненной энергией, и я не мог от этого отказаться. Хотя моя гордость страдала, мне казалось, что я не имею права пользоваться ею, что это

некрасиво. Сейчас я понимаю: мне было неловко, что я, такой большой и сильный, завишу от доброй воли этой странной девушки и от тепла ее тела.

И однажды ночью, когда она снова пришла, я сказал ей, что уже вполне терпимо себя чувствую и она может не тратить на меня время, я уже могу согреться сам. Таисия посмотрела на меня спокойными глазами, кивнула и ушла в свою комнату, а я вдруг вместо удовлетворения почувствовал себя подлецом, который кидается добровольным и поэтому драгоценным даром. Я лежал, трясся от холода и думал – а вдруг я обидел ее? Я же не знаю, каковы обычаи народа, к которому она принадлежит. Вдруг это норма гостеприимства, а я не понял и тем самым нанес оскорбление людям, которые так бескорыстно приняли меня. Да, я удовлетворил свою гордость, но гордость не согреет тебя ночью и не спасет от кошмаров и судорог.

Пока я размышлял, в доме что-то изменилось. Я не сразу понял – поменялся запах. Запахло солью и горечью, и я долго не мог сообразить, откуда тут морской запах, пока не понял, что это запах слез... Да, ты понимаешь, почему я не смог оставаться на месте.

Меня словно подбросило на постели. Я встал, побрел к двери своей комнаты, держась за стены, и шел, наверное, минут десять. Ноги с непривычки тряслись, как у старика, на лбу выступила испарина, и вообще я себя чувствовал как в каком-то киселе. Отдышавшись у двери, тихо приоткрыл ее и вышел в кухню, где спал отец девушек. Прошел несколько шагов, случайно глянул на его постель... и наткнулся на его совершенно не сонный, требовательный взгляд.

Клянусь, брат, мне многого стоило тогда не повернуть обратно. Но запах... он усилился, я не ошибся.

Я открыл дверь их с сестрой комнаты и зашел внутрь. Лори спала у окна, а Таисия – на узкой кровати у стены рядом с дверью. Она лежала спиной ко мне и плакала, плакала беззвучно.

Надо ли говорить, какой скотиной неблагодарной я себя почувствовал? К тому времени ноги меня совершенно не держали, и я буквально рухнул на колени у ее кровати. Она, конечно, услышала меня, но не обернулась, сделала вид, что спит. Она тоже гордая, как оказалось. А я... я начал извиняться. Шепотом, чтобы не разбудить Лори. Говорил, что я чурбан, и неблагодарная свинья, и дурак набитый. Гладил ее по спине, волосам и боялся, что она оттолкнет

меня, но она не шевелилась и даже, кажется, затаила дыхание. Я шептал: «Тася, Тасенька, мне так холодно без тебя». Кончилось тем, что я залез к ней под одеяло, обхватил ее сзади и заснул, греясь ее теплом.

Наутро Таси опять не было рядом со мной, но я впервые совсем не испытывал чувства холода. Даже сам смог встать, добрести до уборной, умыться.

Старик Михайлис сидел на завалинке и чистил ружье. Тогда я не понял, что это такое, мне позже объяснили и показали. Это, брат, такое оружие, с которым охотятся. Вроде копья, да, но копий много и они очень маленькие, отлиты из железа и называются пули. Они вылетают из полой железной трубки, как дротики у племен, живущих восточнее Ставии, только в эту трубку не дуют, в ней взрывается порох, и от взрыва пуля летит быстро и очень далеко, так далеко, что может убить оленя за двести шагов от стреляющего.

Нории поднимает брови:

– Чудеса какие-то рассказываешь, брат.

– Я скоро дойду до этого, потерпи, братишка. Это важно для нас, и для стаи, и для Песков.

– Сначала я хочу дослушать, что случилось дальше, Энти-эн.

– А что дальше? Старик поманил меня к себе, я сел рядом, наблюдая за его действиями. Мы некоторое время молчали.

Потом Михайлис сказал:

– Я знаю, кто ты такой. Я понял сразу, как увидел твои отрастающие красные волосы.

– И кто же? – спросил я, глядя на него.

– Ты – божественный змей, теаклоциакль, высшее существо, оборачивающееся из змея человеком. Потомок Белого Целителя и Синей Богини. Наш народ давно поклонялся вам, и по легендам, в нашей семье течет кровь одного из твоих братьев.

Я и раньше обращал внимание на то, что у Михайлиса и его дочерей знакомый мне золотисто-медовый оттенок кожи, хотя она гораздо светлее, чем у аборигенов Загорья, которые построили нам огромные храмы в джунглях между Песками и Йеллоувином. У Михайлиса, Таисии и Лори такие же острые носы с горбинкой, только у Таси не черные волосы, а русые, видимо, в мать.

– Откуда вы пришли сюда? – спросил я. – Я знаю похожий на вас народ, но они живут по ту сторону Песков.

Старик пожал плечами.

– Насколько я знаю, все поколения нашей семьи жили здесь. Внизу – целое поселение людей нашего народа, мы называем себя дети Нобии, то есть дети дракона.

После его слов я с удивлением вспомнил, что был Владыка с таким именем, он умер до того, как родился отец. Помнишь, Нории, нам в школе рассказывали, что он был увлеченным путешественником, каких мало, и облетел почти весь мир?

– Таисия знает? – вопрос мучил меня, потому что в голову внезапно пришла оглушающая мысль – а вдруг она все это делала из-за того, что я для них божественен, а не для меня самого.

– Нет, – произнес старик. – Но ты ей скажешь сам.

– Скажу, – кивнул я. – Так вы поэтому не остановили меня вчера? Потому что я, по-вашему, высшее существо?

Старик долго не отвечал, отложил в сторону ружье, закурил.

– Ты зря думаешь, что меня остановила бы твоя божественность, если бы ты решил обидеть мою девочку, – сказал он. – Я не остановил тебя, потому что ты хороший человек, хоть и змей, и не можешь не чтить законы гостеприимства.

Я взял его руку и поцеловал ее.

– Спасибо, отец.

Он хмыкнул что-то вроде «ну надо же», ровно как наш старый учитель, и мы опять помолчали, глядя на колышущийся свежий зеленый лес.

– Коз-то ты поел? – наконец подал он голос.

– Да, – признался я.

– А зачем?

– Истощен был очень, отец. У нас в таком состоянии разум отключается, для восстановления дракон должен наестся свежего мяса или напиток свежей крови. Простите меня. Да и мясо помогло, только чтобы не умереть там же на месте. Мне бы раз в двадцать больше – самое то для восстановления.

– Ну вот сегодня и наешься. Таська с Лоркой оленя завалили.

– А вы как узнали?

Он кивнул головой куда-то вверх, и я действительно увидел далеко над лесом небольшие облачка дыма, уходящие вверх с некоей периодичностью.

– Вот девчонки молодцы, – я был восхищен. – Только вы, пожалуйста, когда я есть буду, близко не подходите, а лучше спрячьтесь в лес. А то могу и вас нечаянно. В таком состоянии трудно себя контролировать.

Михайлис поднялся, надел на спину полотняный волок и ушел.

Они вернулись под вечер, таща на волокушке оленя. Михайлис по дороге успел еще подстрелить нескольких кроликов, и теперь они свисали у него с пояса. Я же во все глаза смотрел на Таисию и поймал-таки ее быстрый взгляд. Показалось, или она улыбнулась?

Я встал и на слабых ногах побрел навстречу сестрам. Запах свежего сырого мяса и крови ударил в нос, в глазах начало темнеть. Дракон внутри заворочался, но я привычным делом подавил его голод. Мне нужно было поговорить с Тасей, пока я не перекинулся.

Однако прежде, чем я подошел, она смущенно отвернулась и куда-то побежала.

– Тася, стой! – крикнул я. – Я должен тебе что-то показать.

Она остановилась, а Михайлис взял Лори за руку и отвел ее подальше от волокушек. Я подождал, пока отец с дочерью отойдут на безопасное расстояние, и отпустил дракона.

Помню безумный голод. Мне стыдно, брат, но от оленя даже рогов не осталось, а мне все было мало. Я помню, что доев, захотел полететь на охоту, но не смог взмахнуть крыльями. Хотя мне было гораздо лучше, но все еще не хватало сил для полета. Я краем глаза увидел стоящих неподалеку людей. Старый человек с молодой девушкой явно были испуганы и медленно отступали к лесу. А вторая девушка тихонько приближалась ко мне и произносила какой-то набор звуков. Я предостерегающе зарычал. Пахла она знакомо, как своя. Но дракону нужны были мясо и кровь, и я боялся не справиться.

Она подошла ко мне, и я понял: то, что она повторяет, – мое имя. Всегда смешно было: в драконьем облике человеческая речь отчего-то звучит очень высоко и быстро, как колокольчики на ветру. Я воспринимал ее как совсем малютку, размером с мою лапу. Она с благоговением и без всякого испуга смотрела на меня, подошла почти

вплотную к морде, несмотря на предостерегающий крик отца, протянула руку и погладила мой нос.

– Хороший, хороший мой, тихо, тихо, все хорошо, – произнесла она, а я, не справившись с волной эмоций и голода, отпрянул, зарычал и бросился от нее подальше.

Впрочем, далеко я не ушел, свалился у самой кромки леса, так что мне, уже перекинувшемуся и слабому, помогли дойти до дома. А через пару часов еще и накормили жарким с зайчатинной. Удивительные люди!

Братья некоторое время сидят в тишине. Энтери переводит дух и достает из кармана маленькую длинную трубку, вбивает в нее табак, поджигает и затягивается. На недоуменный взгляд Нории смущенно поясняет:

– Михайлис подарил. Мне забавно было смотреть, как они выпускают дым, и я попросил попробовать, а потом и затянуло. Ты лучше посмотри, какая красота перед нами, брат!

Город из розового становится контрастно-фиолетовым, воздух свежеет и влажнеет, несмотря на легкий сухой ветерок с Песков. Между домов – чернильно-синие тени в легкой дымке, в садах распускаются ночные цветы, и их тяжелый, дурманящий голову запах доносится и до сидящих на крыше дворца мужчин. Птицы, днем почти не слышные из-за гула базара, начинают выводить трели своими тонкими высокими голосами. Уходящее солнце делает горизонт багряным, словно обнимая дугой переодевшийся к ночи город.

В юности братья, приходившие любоваться на смену дня и ночи, с первым запахом ночных цветов начинали чувствовать смутное томление, нередко перерастающее потом в горячие и сладкие ночи с податливыми дочерьми пустыни. Город, как честная жена, днем рядился в белые одежды невинности, а ночами превращался в тоскующую по любви, изнывающую по мужчине женщину. Вот и сейчас Нории думает о том, что спать один он сегодня не будет, но пока не время идти искать страсти – нужно выслушать брата. А Энтери тянет носом сладкий, пахнущий почему-то яблоками дым и тоже томится страстью, думая о Таисии, девушке с обезображенным лицом, которая стала его наваждением. Но спать он будет один. Он уже знает, что это любовь, которая не терпит подмены.

– В эту ночь, – продолжает Энтери, и Нории усилием воли выныривает из морока желаний, – я сам пришел к ней и попросил лечь со мной.

Она ничего не ответила, и я долго ждал ее, пока не уснул. Меня уже не так мучил холод, но больше, чем холод, меня терзало сомнение – вдруг я испугал ее, и она не поняла, что я сам боялся, как бы не навредить ей.

Ночью мне снова стало тепло и легко, и сквозь сон я понял, что Тася все-таки пришла. А утром она впервые осталась со мною...

...Девушка со спелой золотистой кожей, покрытой мелким пушком, который светится в лучах утреннего солнца, сидит, скрестив ноги, на кровати и заплетает длинные и крепкие русые косы. Косы получаются толстые, почти как канаты – так много у нее волос. Энтери лежит на кровати у стенки, лицом к ней, и первый раз видит ее так близко. Коварное солнце просвечивает длинную, доходящую до самых стоп ночнушку, скромную, белую, с какими-то невинными голубенькими цветами на ткани. Солнечный свет очерчивает профиль девушки, золотится на пушистых тяжелых волосах, и он разглядывает ее такое близкое тело, крепкие руки с четко обрисованным рельефом, аккуратные остренькие холмики груди, при взгляде на которые у него сохнут губы и влажнеют ладони. Ночнушка очерчивает небольшой валик животика и расходится к разведенным коленям, скрывая волнующими тенями и изгибами все самое сокровенное. Однако сладкий и мягкий послесонный женский запах она скрыть не может, и дракон какое-то время борется с собой, закрывая глаза и сжимая ладони.

Чтобы отвлечься, Энтери сосредотачивается на ее аккуратных небольших ступнях со светлыми ноготками-пуговками, которые контрастируют по цвету с загорелыми ногами, но это совсем не помогает, а даже наоборот.

Тогда он тихонько подкрадывается рукой к ее ступне, касается указательным пальцем мизинца и виновато смотрит на нее – прости, не могу удержаться. Таисия легко улыбается и качает головой. Осмелев, он накрывает рукой всю ее маленькую ножку, гладит подъем ступни пальцами и чуть не взлетает внутри от восторга. Кожа у нее мягонькая, как персик, и просто не верится, что Тася почти все время проводит в огороде или на охоте. Девушка насмешливо улыбается,

будто понимает, что с ним происходит, и будто это она старше и мудрее, а он совсем юный мальчишка, впервые прикасающийся к женщине.

Она сидит обезображенной стороной лица к нему, шрамы старые, идут наискосок от глаза к шее, отчего уголки глаза и губ немного опущены вниз.

– Как это случилось? – спрашивает Энтери, глядя ее по щеке. Шрамы под рукой – как насмешка над красотой этой удивительной девушки.

– Мне лет пять было, – голос у нее низкий, глубокий, – а Лорке два годика. Зима была очень суровая, и звери выходили к жилью. Отец застрелил кабана, который рыл под домом, и они с матерью разделявали его прямо там, на снегу. А мы рядом играли.

Родители понесли мясо в ледник, а в это время из леса вышел леопард. Они, бедные, с высоты спускаются вслед за косулями, им голодно в лютые зимы, лапы мерзнут. Леопарды красивые обычно, с пушистой зимней шкурой, важные, а этот уж очень тощий был – то ли больной, то ли голодный сверх меры.

Он к мясу оставшемуся сразу пошел, а на его пути мы. Я Лорика схватила и бежать. И тут слышу сзади рывканье. Может, решил, что мы мясо хотим унести, кто его знает, а может, инстинкт на убегающую добычу сработал. Догнал, короче, и давай мне сзади спину рвать. Я на Лорку упала, сверху ее прикрыла и кричу. На крик мама с папой прибежали. Он полушубок рвал толстый, до спины почти не добрался. А лицо уже задел, когда дернулся от выстрела. Отец его застрелил.

Энтери приподнимается, кладет большую ладонь ей на спину и спрашивает:

– Покажешь?

Тася пожимает плечами, расстегивает пуговицы на сорочке, идущие от груди под самое горло. Поворачивается к нему спиной, опустив ноги с кровати, и стягивает сорочку с плеч. Косы льнут к ее обнаженным плечам, от затылка мягкий светлый пушок спускается по позвоночнику вниз. Под лопаткой виднеется след страшной лапы – несколько наложенных друг на друга полос, будто леопард не один раз зацепил спину, а несколько.

Дракон наклоняется и целует затылок девушки, пробуя наконец-то на вкус ее кожу – она как молоко, море и мед, – а Тася только вздыхает.

Он спускается поцелуями вниз по позвоночнику, вдыхает ее запах. Шрамы его уже не волнуют. В глазах темнеет, дыхание сбивается, и вот уже он касается ее острой груди, гладит соски большими пальцами, сжимает их, отчего она тихо стонет и вздрагивает. Запах ее меняется, и Энтери окончательно пропадает. Он шепчет: «Какая же ты сладкая, Тасенька, позволь мне, пожалуйста, позволь...»

Она дрожит и хрипло постанывает своим низким голосом, как кошечка, от его ласк или от его слов, отчего он мгновенно приходит в неистовство. С силой проводит руками по мягкому животу, поворачивает девушку к себе, кладет на кровать, берет за затылок и наконец-то целует в мягкие, сладкие и вкусные губы, щекочет их языком, приоткрывая. Он сминает ладонью сорочку на ее колене, поднимая мешающую и раздражающую преграду выше бедер. Рука его уже между ее ног, ласкает, гладит, трогает и изучает. Шерсть на его загривке стоит дыбом, он уже почти ничего не соображает, добравшись наконец до того, что так сильно желал.

В какой-то момент он чувствует запах страха и угрожающе рыкает, не понимая, кто осмелился испугать его женщину. Затем до него доходит, и он отдергивает руку, утыкается лицом ей в шею и тяжело дышит, дрожит, успокаивая дракона внутри. Через несколько минут, остыв, осторожно отодвигается от нее, приподнимается, опираясь на локоть.

Таисия смотрит на него своими чудесными голубыми глазами, и ее нагота заставляет все внутри сжиматься и переворачиваться, до боли и стиснутых зубов.

– Испугалась? – зачем-то спрашивает Энтери, хотя и так все понятно.

– Да, – говорит она хрипло.

Он наклоняется к ее лицу и вдруг лижет ее в нос. Тася хихикает.

– Сколько тебе лет, шари? – он улыбается, довольный, что удалось разрядить атмосферу.

– Двадцать шесть будет через месяц. А тебе?

– А мне, милая, будет семьдесят восемь. И за всю свою жизнь я не хотел никого так сильно, как хочу тебя. Скажи мне, солнце мое, что мне сделать, чтобы ты не боялась меня и стала моей?

Тася садится, застегивает сорочку.

– Я не боюсь тебя, глупый ты дракон, и твоей страсти тоже не боюсь, – говорит она тихо. – Я не буду жить с мужчиной вне брака. В нашем народе таких женщин называют «отляжкон» – отчаявшиеся. Если ты хочешь меня, тебе придется сделать меня своей женой.

Энтери дотягивается до ее ступни, щекочет ее, наклоняется, целует пальчики, а Тася снова хихикает, теперь уже немного напряженно, и отбирает ногу – щекотно и страшно ждать, что же он ответит. Вдруг рассмеется и улетит, оставив глупую человечку жалеть о своих словах всю жизнь?

– Я хочу этого больше всего на свете, – наконец говорит Энтери серьезно.

...он, конечно, не рассказывает всего брату, потому что это то, что должны знать только двое. Просто говорит: «Я решил жениться на ней». И Нории понимает, что все слова, которые он хотел сказать – про то, что драконов осталось немного и нужно ради выживания рода летать в брачные полеты с драконицами, – бесполезны и только рассорят его с братом. Поэтому Владыка вздыхает и протягивает руку:

– Дай-ка мне попробовать эту твою трубку, Энти-эн...

...Михайлис и Лори куда-то ушли, оставив записку, чтобы до завтра не ждали, и целый день теперь принадлежит им одним. Все невинно и прилично – ну не считать же неприличным тисканье у стенки дома, после которого оба ходят раскрасневшимися, или долгие поцелуи, после которых так трудно остановиться.

Таисия утром хлопотала по хозяйству – мыла полы, скоблила длинный деревянный стол, готовила еду. А Энтери все пытался помочь и был изгнан с кухни, потому что «больному на всю голову дракону нужно спать, есть и набираться сил, а не пытаться хватать ведра с водой, которых она за свою жизнь без всяких с хвостом перетаскала».

Он расспросил Тасю о родных и узнал, что мать ее была из Рудлога, познакомилась с отцом, когда приезжала сюда на практику со студентами-зоологами, да тут и осталась. Умерла она два года назад от легочной болезни, с тех пор они живут втроем с отцом. Девочки закончили школу, но в университет поступить не было денег. Живут они с огорода и охоты, еще отцу немного доплачивают от поселения за то, что он приглядывает за лесом и горной дорогой, предупреждая о пожарах или возможных камнепадах с гор. Иногда приезжают туристические группы из самых разных стран, и тогда он работает

проводником. Туристы платят хорошо, останавливаются у них в домике. На чердаке оборудованы лежанки, там тепло и можно нормально разместиться.

Энти уточнил значение непонятных слов «практика», «студенты» и «зоологи» с «туристами» и попросил рассказывать дальше. Оказалось, народ тараноби живет за границей Рудлога на восточных склонах Милокардер, переходящих в Пески, и официально не является гражданами ни одной страны, ну а неофициально Рудлог давно выдал им свои удостоверения гражданства, получает с них налоги и платит зарплаты и пенсии. Все довольны – дети дракона сохраняют свою независимость и при этом пользуются всеми благами государства. Основное поселение находится внизу, у железной дороги, и там, в отличие от их домика, работает телекоммуникационная антенна, есть магазины, даже свой театр и музей.

Энти спросил значение «удостоверения», «гражданства», «пенсии» и прочих чуждых его уху слов и задумался. Побарабанил пальцами по столу, выбивая привычный ритм.

– Тасенька, я только что понял – нужно сначала рассказать тебе о себе. Потому что я совсем не знаю и не понимаю, сколько прошло лет с того момента, как я покинул свой дом, я не понимаю, где нахожусь и тот ли вообще это мир. И я бы очень хотел знать, спасся ли кто-то из моих сородичей.

Во время последующего рассказа девушка так распереживалась, что отложила картошку и нож, сполоснула руки и села рядом с ним, глядя его по плечу. Когда Энтери закончил, она с изумлением и сочувствием поглядела ему в лицо – не разыгрывает ли? Может ли такое быть, что весь драконий род был чьей-то злой волей заключен в камень?

– Я никогда не слышала ничего похожего, – покачала головой Тася. – Если вы были в той горе, которая недавно треснула и перегородила реку, – значит, попали вы в нее давным-давно. Может, отец знает какие-то легенды? Или, – девушка оживилась, – давай съездим в городок, поспрашиваем стариков, может, кто-то что-то слышал? А еще у нас есть библиотека, и при ней работает матушка Вилайтис, она не только библиотекарь, но и кто-то вроде почетной хранительницы. Она и книжку подскажет, и если уж кто-то что-то о вас знает, то только она. Только сначала, – девушка окинула дракона

скептическим взглядом, – я тебя накормлю. А то ты мне там людей поешь, неудобно перед соседями будет.

Энтери хмыкнул и послушно уселся за стол. После сытного обеда Тася выдала ему вещи отца и велела переодеться, а голову, чтобы скрыть цвет волос, обмотала тонким цветным шарфом на манер бедуинов, объяснив, что многие мужчины у них так носят химу вместо шляп.

Дракон не спросил, что такое шляпа, – и так понятно, что это какой-то головной убор. Он вообще чувствовал себя немного потерявшим опору под ногами – страшно было представить, сколько же продлилось его заключение, и очень хотелось верить, что он не единственный выживший. Таисия, словно чувствуя это, окружила его заботой – то погладит по плечу, то чмокнет в подбородок, то шепнет на ухо какую-нибудь нежность. От этого ее старания на душе становилось как-то теплее и спокойнее.

Они вышли из дома часа через два после полудня, когда солнце уже палило жарой. Хотя на высоте всегда было прохладно, светило было яркое, явно несвойственное холодному сезону. Пока Таисия вела Энтери куда-то за дом, он что-то мучительно соображал, потом спросил:

– Какое сейчас хоть время года? Ну, что не зима, понимаю, а что конкретно? Лето? Середина лета?

– Август скоро. Ты же видишь, мы урожай начинаем собирать.

– Там, где я раньше жил, мы урожай круглый год собирали, – объяснил Энтери, наблюдая, как она открывает ворота сарая и выводит, надев длинные кожаные рукавицы, оттуда какую-то чудо-тележку.

То, что «это» – какая-то вариация телеги, он понял, потому что у выведенного Тасей чуда были четыре хоть и непривычно широких, покрытых черным ребристым материалом с противным запахом, но вполне узнаваемых колеса. На эти колеса была поставлена узкая, короткая и мягкая скамья с углублениями для сидения. Впереди было что-то похожее на оленьи рога.

Тася запрыгнула на тележку, как всадник на коня, похлопала рукой по скамье за собой.

– Садись, поехали!

– Это какая-то волшебная телега? – Энтери осторожно уселся за ней, внимательно осматривая аппарат – где находится двигательный артефакт или свиток с заговором? – Она ведь без лошади ездит?

– Без лошади, – рассмеялась Таисия, поворачивая руку на «рогах», отчего волшебная телега затряслась и заурчала, как обвал в горах. Энтери вздрогнул и тут же отругал себя за это, надеясь, что девушка не заметила. Еще подумает, что замуж за труса пойдет!

– Это вездеход на бензиновом двигателе, – продолжила объяснять Тася. – Бензин – такое топливо, энергия, которую ест эта машина, чтобы двигаться. А вот это руль, – она потрясла «рога». – Ну все, поехали. Держись за меня, а то соскользнешь с непривычки!

Когда-то давно отец взял Энтери и Нории на далекую реку, в гости к их двоюродному дяде. Дядя слыл оригиналом, потому что жил не как всякий приличный белый дракон – в Песках или, на худой конец, недалеко от Песков, – а в чужой стране, до которой они летели долго, с ночевками. А тот уже пригласил мальчишек прокатиться на паруснике. Детский восторг, который Энти испытал от похода на легком, словно летящем над водой корабле, был сравним с нынешним от поездки на вездеходе.

От дома Михайлиса к городку шла узкая, но достаточно ровная лесная дорожка, и добрались они до поселения меньше чем за час. Таисия тут же организовала небольшую экскурсию по основным достопримечательностям городка.

Городок Теранови был по меркам современности небольшим – в нем едва ли насчитывалось двадцать тысяч населения. Там было все, что могло быть востребовано в провинциальном и сильно удаленном от метрополии городе – автобусная и железнодорожная станции, вагонетная линия, по которой весело катили трамвайчики по единственному маршруту, опоясывающему город. Телевизионная вышка, телефонная станция – сюда еще не добрались только-только появившиеся мобильные коммуникаторы. Магическая и светская школа, расположенные в одном здании, храм шести богов (на всякий случай молились всем) и отдельно – столб трехликому Творцу. Все три лика Творца подозрительно смахивали на драконьи.

Под конец Таисия провезла Энтери мимо круглой, тонкой, отлитой из какого-то серебристого металла арки (девушка пояснила, что это телепорт, которым изредка пользуются маги и чиновники,

остальные-то ездят нормальным транспортом, без выкрутасов), мимо больницы и наконец выехала на главную площадь Теранови, круглую, как блин. Переполненный впечатлениями и вопросами дракон слез с вездехода и начал крутить головой. Прямо перед ними стояло приземистое здание, на вывеске которого была красноречиво нарисована книга – значит, вот она, библиотека. Напротив нее через площадь стояло представительное строение с колоннами и флажками – наверное, дворец местного властителя. Перед дворцом находился небольшой помост с крышей, выглядящий как огромный дом на столбах без окон и передней стенки.

– Для казней? – спросил Энтери, неприятно поразившись. Публичность этих мероприятий, по его мнению, никакого воспитательного смысла не несла, а только удовлетворяла низменные инстинкты толпы. Поэтому в Белом городе правосудие вершилось за закрытыми воротами Двора Наказаний.

– Для выступлений и праздников, – Тася покачала головой. Да уж, дракон ей попался, прямо сказать, ископаемый и дикий. Казни, надо же. Она и не слышала, когда последний раз такое было. Преступники, конечно, никуда не делись, были и бандиты, и убийцы, и насильники. Но магическое участие помогало раскрывать преступления, исключая обвинения невиновных, а виновных и осужденных отправляли на тяжелые работы, чтобы не переводили людской хлеб, прохлаждаясь в тюрьме.

– Здравствуй, Тасенька, – звонко окликнул ее невысокий старичок в пестрой лоскутной накидке и цветной химе, со стеклышками на носу. Он с другими старичками и старушками, такими же пестрыми и дряхлыми, сидел на стульях у маленьких столиков около входа в библиотеку и смотрел в какую-то плоскую коробку с картиной на передней стенке. – Жениха привезла? Наконец-то!

– Здравствуйте, дедушка Никóлис! – широко улыбнувшись, громко заорала Тася, так громко, что Энтери покосился на нее с удивлением, прежде чем понял, что старички, видимо, глуховаты. – Это папин знакомый, археолог! Я ему город показываю, заодно, может, в библиотеке что-то по своей научной работе найдет!

– ...архиолох, ишь ты, – забормотали старички, а пестренький Никóлис потряс пальцем и сказал строго:

– Нам археолохи не нужны, нам женихи надобны!

Во время этой шутильной перепалки Энтери с Тасей дошли до дверей библиотеки по импровизированному коридорчику мимо болтающих и попивающих чай старейших жителей города. Энтери едва не испугался, увидев в том, что он принял сначала за картинку на коробке, молодую женщину, которая строго говорила: «В районе Северных застав Оленья, Медвежья, Лосиная ожидаются ночные заморозки...» Еле удержался, чтобы прямо там, при стариках, не начать спрашивать, что же это такое и как оно работает. И как туда засунули женщину, интересно?

В библиотеке хорошо пахло бумагой, старыми книгами и почему-то воском, хотя освещалось все уже привычными, но по-прежнему удивительными для проспавшего все на свете дракона электрическими фонарями. В углу искрил круглый почтовый телепорт, похожий на маленькую шаровую молнию, подвешенную на две изогнутые высокие ножки, – как объяснила его спутница, небольшие посылки и письма проще и дешевле отправлять так. Энтери при виде телепорта вспомнил семейные зачарованные чаши, которые использовались драконами для общения.

Тася представила его матушке Вилайтис, степенной пожилой даме, одетой в той же пестрой манере, вручила ему стопку журналов посмотреть, а сама завела с библиотекаршей тихую беседу. Женщины шушукались и изредка поглядывали на Энтери, а он, ловя эти взгляды, снисходительно улыбался – женщины во все времена одинаковы. На месте он не усидел и с позволения матушки начал ходить по библиотеке, трогая разные книги, вытаскивая некоторые и просматривая. Читать ему было трудно, зато картинки очень интересовали. Какие-то сюжеты ему были знакомы и понятны, например, битва или обнимающиеся пастушок с пастушкой на пригорке, а какие-то странны или вовсе недоступны для понимания, как изображение радиоприемника или спортивного клуба.

Тем временем шушуканье закончилось, и матушка исчезла меж высоких полок, до потолка заставленных книгами. Вернулась она не скоро, так что Энтери даже успел пролистать пару журналов и увидеть достаточно занимательного. Чего стоит только материал под названием «Панорамы континентальных столиц». Фотографии огромных многоэтажных городов создали в нем ощущение легкой паники – сколько же он все-таки провел в горе?

Язык Энтери понимал через раз – слишком много упрощенных, измененных или вовсе непонятных слов – но упорство и любознательность заставляли листать один журнал за другим, впитывая образы нового мира.

Матушка Вилайтис наконец-то вынырнула из библиотечной тени, неся в руках несколько тоненьких книг и один толстенный талмуд. Талмуд назывался «Эн-ци-кло-педия сов-ре-мен-ного ми-ра» и предназначался в подарок Энтери. Он поблагодарил, поклонившись и прислонившись лбом к запястью матушки в знак уважения. Не забыть бы спросить, что такое энциклопедия, вдобавок к тысяче других вопросов – например, о живой картине, на которую смотрели старички на улице.

Остальные книги были для Таси, в том числе «Легенды гор» и «История государства Рудлог». На первой книжечке были изображены горы и летящие среди них драконы, похожие почему-то на страшеньких головастика с крыльями. «История про то, как ящеры зловредныя в камень заключены были», – прочитала девушка и с опаской посмотрела на возлюбленного. Энтери был спокоен, только в уголках губ, способных быть и нежными, и умоляющими, прорезались жесткие складки.

– Ну, это мы потом почитаем, – поспешно сказала Тася, убирая книжку в большую сумку. – Вот, смотри, – она провела пальцами по оглавлению второй книги. – Список королей с датами правления. Как, ты говоришь, звали того, с кем вы воевали?

– Седрик-Иоанн Рудлог, – сквозь зубы произнес имя бывшего друга Энтери, и ему, несмотря на прошедшее время, сколько бы его ни было, снова стало очень больно.

Тася быстро провела пальчиком вверх по табличке с именами монархов, датами правления и кратким перечислением свершений – от нынешнего времени к древности.

– Та-а-ак, сейчас у них короля нет, ранее была Ирина-Иоанна, Константин-Иоанн, Даниил-Иоанн... Вот же... И чего они все Иоанны, интересно?

– Так звали их первопредка, – ответил Энтери, напряженно следящий за пальцем Таисии. Каждое движение вверх – еще поколение минус, а то и два, если монарх отличался отменным здоровьем. Поколение, ушедшее для драконьей расы в небытие.

– Ага, вот! Седрик-Иоанн, он же Змееборец. Ну надо же!

Однако Энтери и сам уже увидел даты правления Седрика: 4257–4301 от т.ж.

Долго же он жил! Интересно, мучили его кошмары или он спал спокойно и без всякого сожаления? А сейчас 4762 год от т.ж., как говорит Тася. Что такое т.ж. – «творение живого» – он знал, так отмечались года и в их время, и эта связь времен, как и сочувственно сопящая девушка рядом, каким-то образом удержали его от позорной истерики из-за осознания того, что прошло целых пятьсот лет, ведь война случилась через три года после коронации Седрика. Энтери уже трижды должен был умереть, и на Туре должны были жить его праправнуки.

Обратно они едут в сумерках, потому что чем ближе к югу, тем раньше темнеет. Хижина стоит с темными окнами, но с приходом людей оживает, наполняется теплом и светом. Девушка усаживает дракона за стол, сама хлопчет вокруг него, выставляя приготовленные утром кушанья. Застарелый драконий голод заявляет о себе громче потрясения, и вот уже Энтери по привычке уминает тройную порцию рагу, запивая его из огромной керамической кружки ароматным и сладким горячим чаем. Сама Тася садится напротив и, положив щеку на ладонь, внимательно и печально смотрит на любимого своими чудесными глазами.

Когда ее персональный ископаемый дракон наедается, девушка на пару минут выходит из дома, а потом, нагруженная стопками полотенец, простынок и каких-то загадочных вещей, зовет его за собой.

Двигаться не хочется, хочется лечь и все обдумать, а может, и пожалеть себя – только так, чтобы любимая не видела, ведь какой мужчина желает показаться в минуты слабости? Но Таисия непреклонна:

– Пока ты мой пациент, слушайся меня!

– А потом, когда выздоровею? – Энтери выходит за ней из дома и улыбается – так забавна она сейчас, когда командует.

– И потом, – Тася наставительно поднимает палец вверх, изящно маневрируя со своей высокой стопкой между деревьев. Они поднимаются куда-то в гору. От попытки отобрать и понести она

ругается: мол, потом натаскаешься еще, не переживай, возможностей будет много.

Идут они недолго, может, пару минут, и внезапно в ароматы хвои и листвы вплетается родной, свежий и ласковый, как запах матери, – запах близкой теплой воды.

Девушка и ее дракон выходят на маленькую, белую от соли террасу, над которой стоит дымка. Терраса размером с три их дома, и в ней цепочкой расположены несколько каменных углублений с водой разной степени нагрева. Горячая струя бьет прямо из скалы, и купаться в самой близкой к источнику чаше нельзя, сваришься. Зато четвертая как раз подходит, чтобы отмыть давно не мытого дракона. Что там эти обтирания, даже самые тщательные, баловство одно.

Тася командует раздеваться, и Энтери подчиняется, одновременно наблюдая за ней. Девушка стоит к нему вполоборота, натягивает широкую рубаху и уже под ней скидывает платье и белье. Однако он успевает увидеть и стройные бедра, и круглую попку и с каким-то веселым предчувствием думает, что купание будет тяжелым.

Сам он раздевается донага – чего стесняться, чего она там не видела? И медленно, блаженствуя от ощущений, заходит в воду. Она тепленькая, вкусная – прямо из недр земли, целебная, дар Синей богини-матери, и он пьет ее горстями, пока его будущая жена в смешной широченной рубахе, в которую ее четырежды можно обернуть, заходит в воду.

Коварная водица приподнимает полы рубахи, Тася розовеет и мгновенно плюхается в воду, а Энтери мечтательно улыбается.

В чаше удобный выступ, где можно посидеть, и они, откинувшись на пологий каменный склон естественной ванны, долго отмокают, обнявшись. Проклятая рубаха кажется неуместной, тяжелой и очень мешает им обоим. Энтери играет с пуговками, расстегивает сверху одну, другую, но его останавливают, поворачивают к себе спиной и начинают яростно скоблить, отмывая дракона набело.

Тася трет Энтери сзади мочалкой, стараясь не думать о том, как привлекательно его тело. Он такой огромный, что она со своим немаленьким ростом достает ему до плеча. И еще очень худой, но спина и руки уже бугрятся мышцами и жилами, и на его коже проступает чуть заметный орнамент, который едва-едва светится в темноте.

Девушка проводит пальцем по тонким светящимся линиям.

– Что это такое, Энти?

– Линии нашей ауры, – отвечает он хрипло. – Чистая энергия. Это и есть дракон. Когда мы перекидываемся, именно эти линии, раскручиваясь, создают контуры нашего нового тела.

– Я не понимаю, – шепчет Тася, замороженно глядя чудесный орнамент.

– Я и сам не очень-то понимаю, – отвечает он так же тихо, сосредоточенный на движении ее рук. – Когда мы поженимся, я познакомлю тебя с учителем, он все объяснит. Если, конечно, он остался жив, – вспоминает Энтери и тут же мрачнеет.

Тася, как настоящая женщина, чувствует смену настроения и понимает, что нужно снова отвлекать. Поэтому она в липнувшей к телу рубашке перебирается вперед, становится на колени в воду перед ним и предупреждает:

– Руки держать при себе!

– А то что? – спрашивает он, с интересом глядя, как она намыливает мочалку и придвигается к его груди.

– А то останешься грязнулей, – грозитя девушка, приступая к делу.

Энтери любитя ею – волосы выбились из поднятых наверх кос, и влажные прядки падают на лицо, она периодически сдувает их вверх, но они снова падают, мешая.

Он протягивает руку и заправляет прядь ей за ухо. Тася улыбается:

– Спасибо! Ну все, ополаскивайся.

– А как же нижняя половина дракона? – хитро интересуется Энтери, выныривая из воды. Пена быстро уходит в следующие бассейны.

– А нижнюю половину дракона вымоет верхняя половина дракона, – фыркает Тася, и он хохочет так, что вокруг него закручиваются небольшие бурунчики.

– А может верхняя половина дракона вымыть какую-нибудь половину своей любимой? – вкрадчиво интересуется он, притягивая Тасю к себе на колени, усаживая боком и чувствуя ее всем телом. – А лучше и всю любимую. Ох, милая, что же ты со мной делаешь?

Она краснеет, шлепает его по плечу мочалкой, но не вырывается, уткнувшись ему в шею, пока он расстегивает неподатливые пуговицы, а потом стаскивает с нее рубаху, вытаскивает мокрую противную одежду, зажатую между его бедром и ее мягкой попкой, и швыряет рубаху на камень. Все сразу становится так, как должно быть.

Тася напряжена, и он успокаивающе гладит ее по спине, чувствуя под пальцами старые шрамы.

– Я только помою тебя, – глухо шепчет Энтери ей на ухо, целуя и ушко, и шею, – и посмотрю на тебя. Тасюш, не бойся меня, пожалуйста.

Он, конечно, возбужден, и она не может этого не чувствовать своим бедром, но он же не животное, чтобы насиловать или соблазнять ее здесь, вопреки ее желаниям.

Тася медленно-медленно расслабляется под его легкими поглаживаниями, затем, видимо, принимает решение и вкладывает мочалку ему в руку. Энтери ставит Тасю перед собой и на миг сомневается в разумности своего поведения, потому что ничего прекрасней он никогда не видел. Капельки воды блестят на ее теле, пока она расплетает волосы. Наконец он касается ее мочалкой и несколько минут старательно трет, стараясь сосредоточиться на задаче и не пропустить ни одного местечка. В мыльной пене она похожа на сливочное пирожное, и Энтери не удерживается – наклоняется вперед и трогает языком ее сосок, пусть покрытый невкусной пеной, но все равно сладкий. Тася от неожиданности пищит и от греха подальше окунается в воду с головой.

После Энтери сажает ее между своих ног и долго моет чудесные волосы, наслаждаясь прикосновением ее тела к своему. Руки дракона то и дело опускаются ниже, гладят грудь с торчащими бутонами сосков, живот, трогают кругленькую попку, прижатую к самому дорогому. Тася разморена от теплой воды и ласк, иногда, на особенно нескромных движениях, прерывисто вздыхает, но не уходит.

«Она же верит тебе, тупица», – понимает дракон, и от этого внутри становится тепло-тепло.

Когда намыливание закончено, он подхватывает ее под ягодицы, с восторгом чувствуя все округлости, и под визг Таисии окунается вместе с ней с головой.

После они еще долго лежат в воде, лениво и сладострастно целуются, изучают друг друга в каком-то невообразимом волнующем состоянии и любуются на огромную чернильно-синюю чашу неба с крупными - как будто можно протянуть руку и взять - сияющими звездами.

С утра дракона разбудило отчаянное меканье и окрики Михайлиса. Энтери, приподнявшись на локте, выглянул в окошко, сквозь стекло которого уже пробивались первые лучи солнца. Двор был заполнен колыхающейся серой массой, в которой спросонья он не сразу разглядел головы, копыта и хвосты. Старый Михайлис с Лори пригнали целое небольшое стадо!

Тася в длинной ночной рубашке спала лицом к нему и во сне казалась совсем малышкой. Он потихоньку, чтобы не разбудить ее, вылез из-под одеяла, оделся и вышел на кухню.

Лори жарила блины и была свежа и прекрасна, как чудесный цветок. Она хихикнула, увидев заспанного дракона. А Энтери с удивлением понял, что, отдавая дань ее красоте, остается к девушке совершенно равнодушным. Сколько их было, прекраснейших из прекрасных, а такую, как Тася, о которую можно отогреться, он встретил впервые.

«Да уж, – подумал Энтери, – старею, видимо».

Он вышел на улицу, умылся в рукомойнике и подошел к старику. Тот стоял, наблюдая за привязанными друг к другу животными, и курил.

– Хорошее утро, – поздоровался Энтери, ощущая внутри заворочавшегося голодного дракона.

– Хорошее, – благожелательно кивнул старик. – Это все тебе, подранок.

Внутри ликующе взвыл дракон, а человек внимательно посмотрел на старика и спросил:

– Откуда вы их взяли? Я не знаю, сколько сейчас стоят овцы, но у нас не всякий мог их себе позволить.

Михайлис внезапно рассердился.

– Ты мне тут еще поупрямься! Не твое дело, откуда я тебе взял еду! А только моя задача – гостя вылечить, чтобы ты снова летать смог!

– Отец, – тихо сказал Энтери, – я же на Таисии жениться хочу. Я честный дракон, а не залетный какой-нибудь. Какой я вам гость?

Михайлис глянул на него, пожевал длинный мундштук трубки.

– Ну надо же, – проворчал он свою любимую присказку. – Сговорились уже?

Дракон кивнул.

– Тем более – куда я тебя отправлю, если ты летать не можешь? Без слез не взглянешь – не дракон, а суповой набор! Скажут, что старый Михайлис совсем стыд потерял – не откормил, не выходил, дочку за доходягу выдает.

– А зачем меня куда-то отправлять? – не понял Энтери.

Старый охотник протяжно и как-то ностальгически вздохнул, выпуская дым.

– А как же иначе, сынок? Помню, когда я за ее мать сватался, еле выдержал. Это обычай у нас такой. Как сговариваетесь на помолвку – повязываются на руки черные тиньки, плетеные брачные обеты, на верность и постоянство. Черные потому, что чернее тоски нет ничего. И затем влюбленные расстаются на три месяца. Ни встречаться нельзя, ни говорить. Как раз срок хороший, чтобы, если не твоя половинка, это осознать и жизни друг другу не поломать. А если выдержишь, – продолжал его будущий тесть, – тут вы уже считаетесь женихом и невестой, вас оглашают в храме, и на руки повязываются тиньки красные. Потому что красный – ретивый, упорный. После этого надо еще три загадки от невесты отгадать, они для всех одинаковы, но мужикам женатым делиться решениями строго запрещено – проклят будешь от Синей Богини.

– И что? – спросил немного ошеломленный столкновениями культур дракон. Он-то думал, сходят сегодня-завтра в храм, проведут обряд, и унесет он свою Тасеньку в материнский дом в Истаиле, если тот еще стоит. И там она наконец-то станет его – и душой, и телом.

– Ну, если загадки решаешь, тут жрец и проводит обряд. Свадьбу играем, молодых поздравляем, и на ночь вы в храме остаетесь, на половине Синей. Там супруги и познают... гммм... гхм... да... друг друга.

На словах про «познание» старик смутился, снова затянулся, выпустил дым – о дочери все-таки говорит.

Энтери, обалдевший настолько, что даже мекающие овцы и возможность наконец наесться досыта ему стали безразличны, как-то нервно протянул руку к трубке.

– Можно? Давно хочу попробовать.

– Ну давай, – с сомнением сказал старик. – Только дым не глотай, держи во рту, не вдыхай, кому говорю!

Но дракон уже надрывно кашлял, вытирая слезы в уголках глаз. Потом попробовал еще раз, так, как говорил Михайлис. Никаких особенных ощущений он не испытал, но ритмичное вдыхание-выдыхание дыма вводило в своеобразный транс.

– Успокаивает, – заметил он, передавая трубку обратно.

– А то! Потому и курю, – ответил старик. – Со смертью жены начал...

Когда они вошли обратно в дом, Тася уже встала и, одетая в цветастое платье до колен, нарезала крупными кусками свежее испеченный хлеб. Дух от хлеба шел сногшибательный. Улучив момент, когда отец и сестра девушки отвернулись, Энтери провел губами по Тасиному затылку, вдыхая ставший уже родным запах, и, воспользовавшись тем, что огромный нож остановился – Тасенька замерла от его близости, – коварно стянул ломоть, получив, впрочем, за это шлепок по удирающей спине. Они захихикали, девушка продолжила резать хлеб, а Энтери мгновенно справился с украденным куском, сел на лавку и начал смиренно ждать завтрака.

Старый Михайлис тоже улыбался сквозь усы, потому что легендарный теаклоциакль, змей небесный, и его суровая несмеяная дочка, которая, казалось, заморозилась после смерти обожаемой матери, вели себя как дети. Смеха старшей дочери он не слышал уже два года и только за это готов был змеюке скормить хоть сто голов скота. Главное, чтоб паршивец, улетев, не почувял свободу и не забыл его девочку. Иначе она снова замерзнет. А он, видят боги, возьмет ружье, найдет и пристрелит несостоявшегося зятя.

Так думал старик, и улыбался, радуясь за дочь, и сверкал глазами, и хмурился, а Энтери, поймав его взгляд, почувствовал себя как-то неловко, будто в чем-то провинился, непонятно, правда, в чем. Но тут перед ним поставили горшочек с дымящейся кашей, в которой аппетитно желтело сладкое сливочное масло, и он думать забыл о странных взглядах хозяина дома.

После завтрака Михайлис полез в огромный сундук, стоящий у него в комнате, долго что-то искал, наконец вынырнул оттуда, держа в руках вязаный мешочек и статуэтку Синей Богини размером с человеческую ладонь. Богиня была изображена по канону – босоногая, со строгим лицом, укрытая покрывалом с головой, обнажавшим тем не менее левую грудь, живот с пупком и верхнюю часть бедер. Одной рукой она придерживала покрывало у шеи, другой – на бедрах.

– Дети мои, Таисия и Энтери, идите сюда, возьмитесь за руки, – позвал Михайлис.

Тася смущенно взяла Энтери за руку, потянула за собой, и они, остановившись, обнялись. Лори как сидела на лавке, так и не смогла встать, только широко раскрыла глаза, сказала «ой» и прижала ладонь ко рту.

Михайлис тем временем колдовал над статуэткой – поставил ее в деревянную чашу со специальным углублением, чтобы не упала, обмазал ароматным маслом, поклонился, зажег курительную палочку и обошел с ней дом, а затем вставил ее, еще дымящуюся, в углубление у ног богини. И начал ритуальное вопрошение:

– По взаимному стовору даете вы обеты друг друга ждать, верность хранить, хорошо все обдумать и через три месяца ответ друг другу дать – хотите ли вы быть вместе так же сильно, как сейчас?

Когда власть страсти пройдет и сотрется облик любимого из памяти – захотите ли вы быть вместе так же сильно, как сейчас?

Когда пройдете разлуку и искушения, захотите ли вы быть вместе так же сильно, как сейчас?

А для того, чтобы помнили об обетах в разлуке, богиня вам помощи, пусть будут они всегда у вас на той руке, которая от сердца.

И он повязал им на левые запястья в несколько оборотов длинные черные плетеные ленты с какими-то непонятными дракону рисунками, с утяжеленными золотыми капельками-кисточками на концах.

– Золото для того, чтобы вы помнили, какая награда вас ждет в конце, – завершил наконец ритуальное славословие Михайлис и велел поклониться богине, прежде чем убрать все обратно в сундук.

– Если бы ты мне сказала, что это такая долгая история, милая, – жалобно прошептал Энтери на ухо смутившейся девушке, – я бы украл тебя и увез в свою страну, как положено дракону, и там мы бы

поженились без месяцев разлуки. Как же я буду без тебя и твоего тепла, Тасенька?

Ее губы дрогнули.

– Справимся, – прошептала она в ответ. – Ты только прилетай поскорее обратно.

– Чтобы прилететь поскорее, мне надо улететь поскорее, – сказал он печально, приобняв ее за талию и выводя из дома. Тиньки холодком змеились по запястью, постукивая золотыми капельками на кисточках.

– Тогда ешь давай и лети. Затянем – только труднее будет расставаться. Сейчас, подожди, – она забежала обратно в дом, чтобы появиться через минутку с небольшим узелком. – Тут твоя энциклопедия, и я добавила еще несколько книжек и старых журналов, будет полезно почитать. Только как ты понесешь – в зубах, что ли?

– Привяжешь мне на лапу. Только пока я не поем, не подходи, Тась. И лучше не смотри, я боюсь, тебе неприятно будет.

– Но это тоже ты, – сказала она, глядя прямо ему в глаза.

Энтери крепко обнял свою нареченную, стараясь запомнить ее запах, мягкость кожи и волос. Тася льнула к нему как веточка. Он скользнул губами по ее губам, отвернулся и пошел к загону с овцами.

Таисия, крепко вцепившись в сумку с книгами, со смесью восторга и отвращения наблюдала, как страшный крылатый ящер одну за другой ловит, рвет и закидывает себе в пасть истошно вопящих овец, как его белая морда окрашивается в багряный цвет. Михайлис всего один раз подошел к окну – чтобы увести Лори, испуганно глядящую на будущего зятя.

Наконец дракон, так не похожий на ее сдержанного, ласкового, нуждающегося в ней Энтери, наелся. Он несколько раз махнул крыльями, проверяя силы, потом посмотрел на девушку и вытянул вперед шею, положив голову на землю.

Тася подошла к нему, переступая через лужи крови и какие-то неопознаваемые клочки плоти, прошла вдоль страшной пасти и длинной шеи под огромное белое крыло. Грудь дракона ходила ходуном, а внутри будто работали чудовищные кузнечные меха – так громко он дышал.

Она привязала к его лапе сумку, погладила серебристо-белую кожу в крапинках крови и пошла обратно, но около морды вдруг остановилась и поцеловала дракона куда-то в область щеки. Он

заурчал, смешно закурлыкал, как большой голубь, потом заклекотал, махнул крылом – и девушка отбежала, а ее персональный дракон взлетел над горой и издал трубный глас.

Он парил, хлопая крыльями, над поляной и глядел на нее.

– Улетай! – крикнула она жалко. – Ну же, улетай, Энтери! Улетай!!!

Дракон склонил голову, махнул крыльями и улетел.

И только тогда Таисия позволила себе сесть на землю и наконец-то расплакаться.

...Черный город, звенящий ночными звуками, горит огоньками фонарей и редких светящихся окон, как гнездо светлячков. Запах цветов становится невыносимым, требовательным, и разговаривать в эту ночь уже никто не желает.

– Я тебе дам завтра эту эн-цик-ло-пе-дию, брат, – произносит Энтери устало. Он уже почти трезв и пить больше не хочет. – Мир очень изменился. То, что я описал тебе – ружья, телевизоры, электрические лампы, самодвижущиеся машины, – это малая часть. Если раньше наш народ был самым развитым, то теперь люди ушли далеко вперед. Нам очень многое надо узнать, прежде чем действовать. Таисия говорила, что в Рудлоге нет больше монархии, там правит аристократия. Как нам найти ту, кто тебе нужна?

– Времени у нас очень мало, – тихо отвечает Нории, переживший с братом его любовь и разделивший его разлуку. – Я подумаю, что можно сделать. Спасибо, что поделился со мной сокровенным, Энти-эн.

Братья уходят с крыши. Энтери идет в свои покои, где долго ворочается, думая о Тасе, – всего три дня прошло с того момента, как они расстались, но эти три дня уже кажутся вечностью.

Нории тоже ненадолго наведывается в свои покои, но вскоре выходит оттуда, одетый в просторный светлый плащ.

Через сад он выходит в город. Редкие прохожие узнают его и приветствуют, кланяясь, и он доброжелательно отвечает им. Нории держит путь в храм Синей, где прихожанки и жрецы дарят нуждающимся любовь и благословение богини. Запах цветов и рассказ брата растревожили его, и только плотская любовь способна на какое-то время унять появившуюся тоску.

До самого рассвета Владыка Нории Валлерудиан, как простой послушник, дарит любовь двум молоденьким сестричкам, только-только вступившим в зрелость. Они пришли в храм, как многие женщины Песков, чтобы получить благосклонность богини, а получили еще и незабываемую ночь с обожаемым Владыкой. Им немного страшно, но они любопытны, игривы, свежи, юны и застенчивы, а он щедр, ненасытен и ласков, и на их ложе царят только смех, радость и страсть. Утром они расстаются под строгим взглядом богини верности, богини любви, унося с собой ее одобрение и благословение.

Часть 1. Глава 8

Конец августа, Орешник, Иоаннесбургская область, Рудлог

Ангелина

Так бывает – в двадцать лет ты наследница древнего рода, второй человек в государстве, самая завидная невеста мира, любимица народа и предмет обожания многочисленных подруг и воздыхателей. Не очень бескорыстного, правда, обожания.

В тридцать – первый человек на закопченной деревенской кухне с покрытыми ожогами от проклятой печки руками, забывшая, как выглядит твое лицо в зеркале. Да и в зеркало лишний раз, честно говоря, посмотреть не хочется, потому что глядит оттуда расплывшаяся тетка без возраста с короткими темными волосами, приятным, но совсем не девичьим лицом, кругами под карими глазами и глубокими складками вокруг рта.

Ты научилась виртуозно доить коз огрубевшими пальцами, на которых раньше сверкали кольца, и на каждое из таких колец можно было купить десять подобных деревень со всеми жителями и их скарбом, доить и не морщиться от козьего запаха. Ты умеешь стирать огромное количество белья вручную, потому что старая стиральная машинка отдала концы три года назад, а на новую нет денег. Ты забыла уже, когда вставала позже пяти утра, самое лучшее развлечение для тебя – возможность полноценно поспать, а в подругах у тебя полуграмотные, но искренние в своей простоте, понятные соседки. И никаких битв за твою благосклонность.

Единственное, что осталось неизменным, – это древность рода, но толку от нее немного. Древностью рода не вымоешь полы и не вскопаешь огород.

Ты смирилась с тем, что твоя жизнь теперь принадлежит не тебе и что ты всегда должна быть самой мудрой, предусмотрительной и решающей все проблемы. Ты привыкаешь к тому, что соседские мужики смотрят на тебя не как на женщину, а как на домашнюю уборочную и готовящую технику, словно прикидывая, подойдет ему эта модель или он еще не настолько отчаялся.

Ты понимаешь, что из бесконечного объема знаний, которым тебя пичкали чуть ли не с младенчества, в реальной жизни применимы процента два, потому что в реальной жизни важно знать, как найти и приготовить еду, заплатить за электричество и одеть младших сестер, не имея денег. Умение красиво расписываться, знание этикета всех стран мира или способность отличить блакорийского темного жеребца от изящной йеллоувиньской породы оказываются бесполезны.

...Ангелина, или Анька, как ее кликали соседки, крошила огромным тесаком капусту на щи, пирожки и тушение, краем уха прислушиваясь к болтовне своей подруги Валентины. Валька была большеглазой, большеротой и заразительно смеялась над любыми, даже несмешными шутками. Смеялась, несмотря на то что у нее было трое детей, а муж прошлым летом подхватил грипп, перешедший в воспаление легких, и умер, оставив их на грани нищеты.

– Матушка моя говорит, сегодня у директора скандал случился с учительницами по языкам и рисованию. Они еще младшие классы вели. Аккурат рядом с кабинетом мыла полы, вот и подслушала. Сначала тихо говорили-то, а потом разошлись на весь этаж.

– И в чем причина скандала? – вежливо спросила Ани, слушавшая свежие деревенские сплетни в исполнении Валентины каждый день как сводку новостей.

– Да они увольняться решили, в гимнасий какой-то их в столице позвали. А что они не видели в тех столицах? Смог, толпы народу, душегубы всякие, машины каждый день кого-нибудь давят! Аристократишка поедет, а полиция впереди, движение стоит, пробки, народ злой.

– Валь, так что там с директором?

– А! Так эти увольняться, а он кричит – у меня начало года, где я вам на три класса сразу двух учителей найду! А у меня комиссии! А у меня проверки! А детям экзамены сдавать в конце года! И по столу – хрясь! Темпераментный мужик, Авдей Иваныч этот!

– И что, уволились?

– Так да, не удалось сатрапу этому их запугать. Уж он и ругался, и льстил, и повышение жалованья обещал – ни в какую. Молодые еще, столицы манят. А что там в этих столицах? Правильно я говорю?

– Правильно, подруга, – рассмеялась Ангелина.

– Так что, Анька, – голос Вальки вдруг утратил привычную несерьезность, – бросай свою капусту, надевай попримочнее какую одежду и шкандыбай давай в школу, учителем устраиваться.

– Валюш, ты чего? – изумилась Ангелина. – Я учителем никогда не работала. Да и кто меня без документов и дипломов возьмет-то?

– А я тебе скажу, что моего мальчика ты лучше любого учителя научила, когда он матери нервы мотать вздумал и учиться бросил. Речь у тебя непростая, ровно как благородная балакаешь. Математику, письмо знаешь, географию вон моему Митьке подтянула. Так что давай-давай, – она грудью оттеснила Ангелину от стола. – Переодевайся, кому сказала, и в школу иди. Попытка не пытка, а вам любая копейка нужна.

Переодетая в старенький, но чистый бежевый костюм, отданный ей два года назад сердобольной Валькой, Ангелина шла по городку в сторону школы. Соседки, работающие на сборе урожая у своих небольших домиков, приветливо махали ей руками, звали поговорить, но она отговаривалась спешкой.

Чирикали птицы, мычали в хлевах приведенные с пастбища коровы, мемекали козы, тут и там на пыльной дороге, проходящей между небогатыми изгородями, чинно шествовали или сидели важные куры, обмениваясь своими куриными сплетнями. В небольших прудиках размером со стол плескались и гоготали гуси. Раньше она всегда поражалась умиротворенности этого городка по сравнению с насыщенной, полной различных развлечений и событий жизнью столицы.

Орешник был малюсеньким городом, состоявшим из деревенской и «городской» частей. Он вырос лет тридцать назад рядом с давно и исправно поставляющим натуральные продукты на прилавки столицы и области фермерским хозяйством. Единственная заасфальтированная улица с неоригинальным названием Центральная рассекала его на две половинки. Вокруг улицы королевским указом было когда-то построено штук десять пятиэтажек, предназначенных для работников ферм и их семей. Потихоньку около многоэтажных домов появились «самозахватные» огородики, а потом и деревенские домики и дачки. Первое время с захватчиками пытались бороться, а потом махнули рукой, провели дачную амнистию и легализовали владения, решив, что так выйдет дешевле.

Одноэтажное здание администрации в центре, на пересечении заасфальтированной Центральной и не удостоившейся такой чести Пекарной улицы было украшено гордо реющим флагом, на котором, словно в насмешку, все еще был изображен семейный герб Рудлогов и их фамильная корона. Ее, Ангелины, корона. При взгляде на нее Ани расправила плечи.

И в самом деле – чего бояться? Деньги им нужны, даже очень, и любой работающий член семьи немножко снимет бремя нищенства со всех них. Ради работы можно и попросить директора, и даже поумолять, если понадобится. Хотя за всю свою жизнь Ани никого не умоляла. Да и просить научилась только семь лет назад.

«Нечего бояться», – твердила она себе. Программа вряд ли изменилась за прошедшие годы, а уж образование она получила лучшее в стране и одно из лучших в мире. Да и мать в рамках сближения с народом настаивала, чтобы дочери участвовали в общественной деятельности. Помимо прочих публичных обязанностей, старшая проводила уроки и занятия в школах и детских садах. «Справишься с детьми – справишься и с дворянским собранием», – как-то пошутила мать, когда принцесса с возмущением спросила, за какие грехи ее опять отправляют в школу, к шумным, нагловатым, невоспитанным детям.

Погруженная в свои мысли, Ангелина дошла до приземистого здания школы, возле которого практичный директор разбил огород, на котором отрабатывали провинности двоечники и прогульщики. Он ничуть не стеснялся несовременной эксплуатации детского труда, объясняя возмущенным родителям, что, раз они не могут воспитать детей, пусть это сделает благородный труд. Благодаря усилиям «эксплуататора» в столовой школьников круглый год кормили бесплатно – выращенной руками лоботрясов картошки, капусты и моркови хватало на всю небольшую школу.

Директора в поселке шепотом ругали и величали сатрапом, но воспитательный эффект был наглядным и быстрым. Что неудивительно, дети – практичные создания, и даже самый последний неуч между днем прополки картошки и выполнением домашнего задания выбирал учебу.

Зайдя в школу, Ангелина поздоровалась с мамой Валентины, которая совмещала в себе почетные обязанности уборщицы,

гардеробщицы и повелительницы звонка, и спросила, у себя ли директор. Получив утвердительный ответ и ободряющее «Иди-иди, небось не выгонит, наоралси уже», постояла немного у кабинета, выдохнула, снова расправила плечи и постучала.

– Кого еще черти принесли? – раздался «добрый» голос педагога и воспитателя. – А-а-а, Ангелина Станиславовна. Какими судьбами?

– Здравствуйте, Авдей Иванович, – Ани прошла в чистенький, но потертый кабинет и села на стул перед массивным директорским столом. – Мне тут сорока на хвосте принесла, что вам учителя срочно нужны...

Высокий, грузный, начавший лысеть Авдей Иваныч с красными от утреннего разноса глазами оценивающе глянул на нее.

– Так нужны, уважаемая, нужны. Али есть кто на примете?

– Есть, – сказала Ангелина твердо. – Я.

Авдей гулко захохотал, и над их головами угрожающе задребезжала огромная стеклярусная люстра, смотревшаяся в кабинете как инородное тело.

– Ну ты и шутница, Станиславовна. А пришла-то на самом деле зачем?

Ангелина начала злиться.

– Я вовсе не шучу, Авдей Иванович. Так вам нужны учителя или нет?

– Да нужны, нужны, – протянул он тоскливо. – Только я ж с улицы не могу никого взять. Нет, ты не обижайся, Ангелина Станиславовна, баба ты порядочная, ладная, говорят, занималась с детишками, помогала им. Но мне диплом нужен. Понимаешь, диплом педагогический! А есть у тебя диплом? Видишь, нету. А если в министерстве узнают, что у меня учитель без образования детей учит? Что будет, я тебя спрашиваю? Скандал будет, вот что!

– Насколько я помню, – осторожно сказала Ангелина, – есть королевский указ, что в малых поселениях учителем может быть любой, знающий программу и сдавший тестирование. А я, Авдей Иванович, его сдать могу хоть сейчас.

– Да где эти указы сейчас, – сморщился директор. – Там же, где и королева. Он вроде на бумаге есть, а реально нам особо отметили, что без крайней необходимости не надо людей без педобразования принимать. А я, Ангелина Станиславовна, человек маленький, никогда

такого не делал, да и мне лишнее внимание к школе со стороны чинуш не надо – и так по сто шкур дерут. Сейчас напишу запрос в министерство, может, выделят выпускниц каких на замещение. А ты иди, милая, иди, дел у меня много.

– То есть, – холодно спросила Ангелина, – вы мне отказываете?

– Ну не сердись, милая, никак не могу я, никак.

– Ладно, – улыбнулась принцесса, поднимаясь и чувствуя, как внутри рвет резьбу с закрученного вентиля, а ощущение собственной беспомощности, невозможности купить сестрам нормальную осеннюю обувь, чтобы не болели, как в прошлом году, оплатить отцу протез, вкус надоевшей капусты и общая усталость заливают ее изнутри какой-то мрачной решимостью. Вот же старый козел, даже пошевелиться не хочет, а ей хоть волком вой... – Только вы мне в глаза это скажите, Авдей Иванович...

Директор тоскливо посмотрел на нее.

– Ну что ты, Ангелина Станиславовна, не серд...

– Вы сейчас позвоните в министерство и спр́сите разрешения провести тестирование, – ласково произнесла Ани, в упор глядя на него. – Скажете, что ситуация критическая, а здесь у вас самородок, который, хоть и без специального образования, сомнений в пригодности не вызывает. Объясните, что я ранее вела занятия на дому, имею самые положительные отзывы от односельчан и администрации Орешника и готова и класс вести, и уроки дополнительные, и продленку – и все на одну ставку.

Глаза Авдея Ивановича остекленели, и он, неотрывно глядя на Ангелину, медленно снял трубку и стал набирать нужный номер.

– И пободрее голос, пободрее, – улыбнулась Ани, снова садясь на стул. Теперь главное, чтобы никто не зашел в кабинет, иначе неадекватное поведение необычайно тихого и покладистого директора сразу заметят.

Неизвестно, что сыграло роль – возможность сэкономить или общая незначительность сельской школы, такой маленькой, что не стоило особо обращать внимание на качество образования деревенщины и фермеров, но согласие с той стороны было получено на удивление быстро. Директор, договорив, положил трубку и преданно уставился ей в глаза.

– А теперь давайте мне тестирование, господин директор.

– Распечатать надо, – с готовностью сообщил он Ангелине.

– Распечатывайте, – благосклонно кивнула она.

Тест она заполнила быстро: удивительно – как все, несмотря на прошедшее время, всплыло в голове. Ангелина просмотрела ответы в последний раз и отдала несколько заполненных листов директору. Он все так же смотрел ей в глаза. Она наклонилась к нему.

– Когда я выйду, вы все спокойно проверите и, если я прошла тест, начнете оформление меня в школу. Вы очнетесь и будете себя прекрасно чувствовать, вести себя как обычно. Помните вы будете только то, что я вас уговорила позвонить в министерство и вы согласились. До завтра, Авдей Иванович!

– До завтра, – с обожанием глядя на нее, кивнул директор.

Ангелина вышла и выдохнула. Зря она, конечно, так раскрылась, но другого выхода не было. Отец обязательно расстроится, он просил, чтобы дети не использовали свои способности, по специфике которых их легко можно было вычислить. Но как же надоела эта беспросветная, нищая жизнь! Как вспомнишь болезнь Каролинки, когда они не могли купить лекарства, и если бы не Валюха с мужем и их помощь... Нет, она все сделала правильно. Вообще, может, их уже оставили в покое, и странное поведение Авдея Ивановича, его смелость в общении с вышестоящим руководством и взятие на работу неспециалиста останутся без внимания.

– Ну как все прошло, Анька? – к ней уже, пылая любопытством, спешила тетя Рита, Валина мама.

– Вроде как согласился, тетя Рит, – улыбнулась Ангелина, – завтра точно будет известно.

– Ну хорошо-то как! – искренне обрадовалась пожилая женщина. – Ты вот что, Анюш, иди в библиотеку, к Раисе Палне, скажи, я послала. Тебя поставят на второй класс, скорее всего, так что проси программу, учеба скоро начнется, надо готовиться. Она тебе и уроки первые поможет составить.

– Спасибо большое, тетя Рита! – растроганная Ангелина обняла женщину. Вот почему чистые душой, отзывчивые и добрые люди встречались ей в основном среди бедняков? Наверное, дело в том, что богачи сосредоточены только на себе. Когда-то и она такой была. Ангелина отодвинулась от Валиной мамы и тепло улыбнулась ей.

– Приходите завтра вечером на пироги с капустой. И Валентину тоже позову с мальчиками. Завтра директор даст ответ по тестированию. Если да, отпразднуем сразу, а если нет, хоть наедемся от пуза.

– Да в жисть не поверю, чтоб ты и не написала эту филькину грамоту, – ткнула ее соседка локотком. – Иди давай в библиотеку, коза-дереза, а мне подмести вокруг школы надоть.

На следующее утро к ним в дом зашел директор и, сам себе удивляясь, сообщил, что Ани оформлена в школу на ставку учителя младших классов. При этом он с таким недоумением косился на нее, что было понятно – он сам не понимает, как решился на подобный шаг. Отец, заметивший это, нахмурился и внимательно посмотрел на Ангелину, но ничего не сказал. Дело было сделано, и предстояло срочно готовиться к учебному году, не забывая при этом и про домашние обязанности. И печь обещанные пирожки, кстати.

Вечером за столом собралась почти вся их большая семья. Василинка только родила третьего ребенка, и поэтому приезды их семьи, и без того крайне редкие, откладывались на неопределенный срок. Зато ближе к вечеру с ночного дежурства приехала Марина, привезя с собой двух младших сестер, рано утром умчавшихся в город по каким-то своим девичьим делам. Оставшаяся дома Каролинка уже успела схватить пирожок и увлеченно жевала его, вздыхая от удовольствия. Да, Ангелина научилась печь шикарные пирожки. И даже отец оторвался от своего огорода и пришел в дом на заманчивый запах выпечки и смех дочерей. Соседи обещали заглянуть чуть попозже, но сил ждать не было.

– А у нас новости, – Полина подождала, пока все рассядутся и Ангелина разольет чай из огромного пузатого чайника. – Сначала ты, Алиш, – и она ткнула младшую сестру под бочок.

Алина поправила очки и покраснела. «Волнуется, – отметила Ангелина, – влюбилась, что ли?»

– Я п-поступила в университет! – наконец выпалила Алина. – На бесплатный! И там дается общежитие!

Все застыли, а затем стали дружно поздравлять сестру; отец же поманил ее к себе и крепко обнял.

– Постой, а какой университет-то? – уточнила Марина.

Алиша нервно сглотнула и взглянула на отца.

– Магический...

Напряженная тишина была ей ответом. Они все это время избегали магов и духовников, не зная, способны ли те «прочитать» их. А тут одна из сестер суется прямо в осиное гнездо!

– Нет, это невозможно, Алин, – жестко сказала Марина. – Нам останется только встать на площади Победоносца посреди столицы с плакатами «Мы королевские дети, стреляйте в нас кто хотите!».

– Ну п-почему, – возмутилась Алина, как всегда, начиная немного запинаться, – т-тебе можно работать в публичном месте, где маги бывают, и часто! Полинке! Полинке м-можно учиться в крупном институте, а м-мне идти туда, куда лежит душа и куда я, между прочим, поступила сама, б-б-без взяток, с конкурсом семьдесят человек на место, – нельзя! Нельзя! Вы вообще понимаете, ЧТО это означает? Что такое – поступить туда, куда весь континент поступает, и быть первой на потоке по баллу? С моим слабым даром?

– На самом деле, Марин, – примирительно сказала Пол, – мы уже и так засветились. Пусть я намеренно поступала в самый заштатный институт, но если нас захотят найти, то найдут. А Алинке надо учиться, у нее классические магические способности, по словам учителя, достаточны для обучения, хоть и с небольшими девиациями.

– Девиациями? – переспросила Каролинка с набитым ртом.

– Отклонениями, милая, – пояснила Полли, – то есть немного отличаются от нужного уровня, но не сильно.

– Я так с-с-с-старалась! – горячо заговорила Алина, и ей, застенчивой по натуре, тяжело давалась эта настойчивость. – Я поступала сразу в три вуза, про два из них вы знаете. И во все три п-п-поступила. В Магическом у меня лучший балл и на потоке п-п-первое место! Могу я выбрать то, чем я буду заниматься всю жизнь? Мне надоело бояться, Марин, надо жить дальше. Там б-б-будет стипендия, ты не думай, мне не нужно будет просить у тебя денег!

– А вы как считаете? – спросила у отца и старшей сестры капитулировавшая перед таким напором Марина.

– Я согласен с тобой, – ответил отец. – Но дело сделано. Боюсь, что отказ одаренного подростка учиться в лучшем университете страны так же опасен в плане привлечения внимания, как и продолжение учебы. Ректор там Александр Свидерский, я немного

общался с ним. Он из рук такое сокровище, как наша Алиночка, не выпустит.

Алинка покраснела от похвалы, а отец тяжело вздохнул. Страшно за девочек, но всю жизнь не получится провести, не высовываясь. Остается надеяться, что их оставили в покое.

– А я поддержу Алину, – неожиданно сказала Ангелина, и новоиспеченная студентка Магического университета расплылась в улыбке. – Тем более что у меня тоже есть новости. Я нашла работу, здесь, в школе. Буду учить детишек.

– Здорово! – Полли захлопала в ладошки. Сестры нестройным хором поздравили старшую. Как-то все привыкли к тому, что Ангелина и кухня друг без друга долго не могут, а тут такая новость!

– Но как тебе удалось уговорить директора? – спросила Марина, внимательно глядя на Ани. И сестры, все как одна, подозрительно уставились на нее.

– Мы поговорили, и я сумела доказать ему, что стоит попробовать, – легко ответила Ангелина, чувствуя сбоку взгляд отца. – Это тоже хорошая новость, не так ли?

– У меня тогда тоже новость! – Полина подняла чашку с чаем, привлекая внимание. – Мы группой едем на границу с Бёрмонтом, там просыпается древний вулкан, так что у нас – та-да-да-ам – внеочередная практика! На полтора месяца! Сегодня только узнала!

Полина обожала легализованные откосы от учебы, такие как возможность поехать на практику.

– Не опасно это? – нахмурилась Марина.

– Ну что ты за бука! – Пол стукнула по столу чашкой, отчего на стол выплеснулся чай. – А у Маринки тоже есть новости, – злорадно заявила она.

– Не носи чушь, Полли, – поморщилась ее сестра-ворчунья.

– И какие? – заинтересованно спросила Ангелина.

– У нее появился поклонник!

Алинка хихикнула, Марина закатила глаза, показывая, что это чушь и бред, отец нахмурился, а Ангелина, отпив чая, спросила:

– И что за поклонник?

– Да помнишь, мы рассказывали про мужика, которого подвозили, а он потом нам с бензином помог? Мы еще ночевали у него в супердоме! Аристократ, виконт! – чуть ли не подпрыгивая на месте,

начала «сдавать» сестру болтушка Пол. «Вот же язык без костей», – подумала Маринка. А неугомонная Полли продолжала: – Вот я сегодня к больнице после собрания группы подъехала, решила Марину с работы в кафешке подождать, посидеть просто, да и Алинка должна была скоро появиться. И тут вижу – сидят они вдвоем, он ее обхаживает, глаз не сводит. А наша сестра только губы кривит и слушает. Суровая такая, – и Полина скорчила рожицу, показывая, как именно сурово выглядела Марина в этот момент.

Теперь все взгляды обратились на Марину.

– Да я сама не знаю, зачем он приходил, – не выдержала она. – Больше месяца прошло, какая-то странная любовь неземная, не находите?

– А может, – подала голос обожавшая любовные романы Алина, – он все это время боролся с собой, так как он лорд, а ты простая горожанка... И вот, – она мечтательно вздохнула, – он не совладал с собой и решил увезти тебя к себе во дворец.

– Да, но я-то тут еще, а не во дворце, – язвительно заметила Марина.

– Как зовут лорда? – уточнил отец.

– Кембритч, папа.

Святослав сдвинул брови.

– Я знаю его отца. Припоминаю по парламенту. Неприятный, очень себе на уме, высокомерный. Про сына ничего не скажу, я даже не знал, что у него есть сын. Неожиданный выбор, Марин.

– Да слушай их больше, отец, – раздраженно ответила Марина. – Они меня и замуж без моего ведома выдадут. Говорю тебе, странно это.

– Чего странного, – настаивала Алина, краснея, – влюбился он.

– Я не верю в сказки, – жестко отрезала Марина.

Марина

...Я и правда не верила в сказки. Особенно трудно в сказки верится, когда накануне ты отпахала продленную смену, потому что привезли срочный аппендицит, поспала три часа в подсобке и потом прыгнула в «скорую» на вызовы. А с утра, на собрании, которое ну обязательно нужно посетить – иначе я бы давно спала дома, – нас «обрадовали» внеурочной сдачей анализов, а меня попросили

подменить дежурную медсестру на утреннем обходе, потому что у нее приезжает сын от бабушки, надо встречать.

И вот я, с дыркой в вене, с гулкой от недосыпа головой, с невымытыми волосами... Нет, я девушка чистоплотная, но, поверьте, очень трудно остаться с аккуратной прической, когда ты потеешь над пациентом с медицинской шапочкой на голове, или бегаешь по палатам, или спишь, где упала.

Такой красавицей, с призовыми синяками под глазами и опухшим бледным лицом (как зеркало не треснуло, не знаю), я провела обход на автомате, раздала баночки для анализов, собрала баночки с анализами, взяла кровь у полусотни пациентов, и наконец-то выбралась в курилку, обессиленно прислонившись к стенеи подумывая, что никуда я уже сегодня не поеду, останусь спать в подсобке. И тут по громкой связи: «Богуславская Марина Станиславовна, подойдите в кабинет главврача!»

Потащилась я туда как недоуспокоенная нежить, готовясь застрелиться, если мне скажут, что нужно еще кого-то подменять или куда-то ехать.

Зашла, постучавшись, и увидела его. Это было так неожиданно, что я даже не удивилась, просто спокойно посмотрела и кивнула. Он при моем появлении сразу встал, тяжело опираясь на трость, и захотелось сказать «Сидите, не надо вставать», но я промолчала.

В кабинете присутствовал не только он, был еще и Олег Николаевич, оставшийся сидеть, – не аристократ все-таки. Это в высшем свете мужчины встают, когда дама входит.

Был главврач непривычно благодушным, смотрел с доброй улыбкой и прямо-таки излучал радушие.

– Здравствуйте, Марина Станиславовна, – сказал он приветливо, – садитесь, что же вы стоите.

– Так уже здоровались с утра, Олег Николаевич, – в тон ему ответила я и осталась стоять. – Случилось чего?

– Так вот знакомый ваш пришел, проведать вас, – и Олег Николаевич недоуменно покосился на стоящего, как его там, Кембритча.

– Здравствуйте, Марина, – лорд поклонился, и я еле удержалась, чтобы не сделать книксен в ответ. А я и забыла уже, какой у него странный голос, будто он постоянно простужен или курит так, что

хрипит и сипит. И говорит он тихо, но низко, и вся эта вокальная смесь царапает и щекочет где-то у меня за грудиной, будто бронхит начался или холодного воздуха наглоталась.

– Здравствуйте, – вежливо ответила я и замолчала. Так мы и стояли молча и глядели друг на друга. Я – от усталости, а он – явно не зная, что сказать дальше. Олег Николаевич, видя это, засуетился:

– Ну я пойду, а вы пообщайтесь, пообщайтесь. Лорд Кембритч, еще раз спасибо за оборудование в педиатрию, это очень щедрый жест.

Мой визави кивнул ему, продолжая глядеть на меня чуть искоса, будто стеснялся смотреть прямо.

– Олег Николаевич, – проговорил он этим своим ужасающим, пробирающим меня насквозь голосом, – не стоит волноваться, будет крайне некорректно с моей стороны занимать ваше рабочее место. Марина, – обратился Кембритч ко мне, – не будет ли с моей стороны слишком смело пригласить вас на чашечку чая? Я заметил кафе напротив поликлиники, «Сиреневый дворик», кажется.

– «Сиреневый лужок», – машинально поправила я. Да уж, изящно. Отказать тебе я не могу, потому что главный меня потом с потрошками съест, за оборудование-то. А идти очень не хочется, не доверяю я тебе.

– Лорд Кембритч, – я постаралась, чтобы голос звучал спокойно, – я сутки нормально не спала и не могу в таком виде пойти в присутственное место.

– Вы прекрасно выглядите, Марина, – так же спокойно проговорил он. Да-да, среди покойников я была бы звездой. – Я обещаю, что не займу у вас много времени. Пожалуйста, позвольте проводить вас в этот «Сиреневый лужок». Уверен, кафе замечательное.

Голос его дрогнул, и я не поверила своим ушам – ирония?

– Поверьте, – продолжал он, – чашечка хорошего ароматного чая прекрасно вас взбодрит.

Да-да, в «Лужке» только такой и подают – ароматный и хороший. Просто нам он ни разу не попадался. А взбодрить меня после той дозы кофеина, что плещется в моих венах, может только конский транквилизатор. Снова захотелось, как в первую встречу, запустить в него чем-то тяжелым. Но вместо этого я кивнула и сказала:

– Подождите меня внизу, я должна переодеться.

Снять халат и форму, быстрый душ, чистка зубов, расчесаться, влезть в брюки... на влажное тело – брррр. Уложились я в пятнадцать

минут. Лицо свежее не стало, но зато голова начала хоть немного связно мыслить.

Он терпеливо ждал меня на кресле в приемном покое, а вокруг, в почтительном отдалении, уже собрался фан-клуб из медсестричек и внезапно оздоровившихся пациенток, которые бросали на лорда – невиданное явление в больнице для простых горожан – любопытные взгляды.

Разглядев, как я подхожу к предмету их воздыханий, медсестрички зашушукались громче, и ничего не оставалось, как в упор посмотреть на них тяжелым взглядом (подсмотренная у Ангелины опция), под которым они стушевались и замолкли.

Кембритч, увидев меня, тяжело встал с кресла, и мне захотелось подбежать к нему и помочь. Профессиональная реакция, уже на автоматизме. Но под такими взглядами я всегда тушуюсь. Не надо на меня смотреть, будто на мне цветы распускаются, ваша милость. Вслух я недоуменно спросила:

– Что-то не так, лорд Кембритч?

– Все нормально. – Опять бронхит, чтоб его, первая стадия, аж дыхание захватывает. – Просто вы так отличаетесь – в халате такая строгая и взрослая, а сейчас выглядите очень молодо и свежо.

– Благодарю, – улыбнулась я, а про себя подумала, что он мне безбожно льстит, и это не к добру.

– Вы так мило смущаетесь, – усмехнулся он, хромя рядом со мной.

– Мило я смущалась в пятнадцать лет, лорд Кембритч, – жестко сказала я, не поддержав игру, – а сейчас я недоумеваю: в чем причина вашего визита?

Он промолчал и молчал до тех пор, пока мы не дошли до кафе. Официант, увидев редкого высокого гостя, засуетился, предложил нам выделенную терраску, но Кембритч махнул рукой, отодвигая стул за маленьким столиком у окна и предлагая мне сесть.

– Нам и здесь будет прекрасно, уважаемый. У вас ведь можно курить?

– Конечно! – официант, которого в жизни не называли «уважаемым», мгновенно организовал нам пепельницу, поставил на столик неизвестно откуда взявшиеся цветы, принял заказ: «Чай найдем самый лучший, обязательно». Виконт закурил, пока я заказывала себе

завтрак. Внезапно я поняла, что страшно голодна, и, раз уж меня пригласили, грех не воспользоваться случаем.

– Вы ведь тоже курите, Марина? – спросил он, пододвигая мне сигареты. Пальцы у него были ухоженные, длинные, ногти аккуратные. На большом и указательном виднелись едва заметные желтоватые пятна от табака. И сигареты, конечно же, «Вулканик», самый дорогой сорт.

– У меня свои есть, – сухо сказала я, доставая из сумочки пачку крепкого «Дымникоффа» и вытаскивая сигарету. В пачке осталось всего две, он это заметил и улыбнулся, словно говоря: «Все равно у меня получится вас угостить».

Лорд Кембридж протянул мне горящую зажигалку, я наклонилась вперед и прикурила, хотя первым порывом было забрать у него зажигалку из рук и прикурить самой. Но это уже совсем детский сад бы был.

Мы курили и исподволь, сквозь дым, разглядывали друг друга. Такой же высокий, жилистый, каким я его запомнила, ни капельки не красавец в общепринятом смысле. Интересно, что он сейчас думает обо мне? Зато обаяния у него, не сладенького мальчишеского, а такого, тяжелого мужского, хоть отбавляй. Кажется, это называется харизмой.

Слава богам, он молчал, а то стоит ему открыть рот, и мне хочется взять стетоскоп и послушать, откуда вообще берется такой голос. «Не обманывай себя, тебе просто хочется дать научное объяснение его воздействию на тебя, Марина», – прозвучало у меня в голове так громко, что я испугалась, не произнесла ли я это вслух.

Подошедший официант тем временем расставил чашки, разлил из цветастого чайничка чай, сладко пахнущий какими-то ягодами и фруктами. С поклоном (я обсмеялась внутри – сколько хожу в заведение с коллегами, нам даже не кивнули ни разу, не то чтобы кланяться) поставил передо мной блинчики с творогом и розеточку с клубничным вареньем.

Я, махнув рукой на этикет, начала есть, иначе захлебнулась бы слюной. Виконт же аккуратно попивал чай, внимательно глядя на меня и не спеша начинать разговор. Под этим взглядом я чувствовала себя какой-то бродяжкой, которую подкармливают из милости.

Наконец я прикончила свой скудный завтрак и достала последнюю сигарету. Опять в его глазах промелькнула ирония, но он

молча поднес мне зажигалку.

Выпустив дым и стряхнув первый пепел, я наконец-то поинтересовалась:

– Так какова цель нашей встречи, лорд Кембритч?

Он пожал плечами и хрипло ответил:

– Я захотел вас увидеть, Марина.

– Зачем? – прямо спросила я.

– А вы не догадываетесь? – опять этот голос и взгляд прямо в глаза. Как раздражает-то, а!

– Ваша милость, – устало сказала я, – я ведь не шутила, когда говорила, что очень мало спала. Единственное мое желание сейчас – поехать домой и поспать хотя бы часов шесть, потому что в ночь мне снова ехать на работу. Честно говоря, у меня просто нет времени играть с вами в отгадки, потому что мне каждая минута дорога. Поэтому я задам вам вопрос еще раз, и не обижайтесь на прямоту – что вам нужно?

Он молча смотрел на меня и, когда я уже была готова встать и уйти, произнес:

– А что может быть нужно мужчине от привлекательной и интересной девушки? Вы мне понравились. Вы меня заинтриговали. Вы – загадка, тайна, то ранимая и нежная, то жесткая и серьезная.

От воспоминания о нашей последней встрече и моих позорных слезах я покраснела. А он продолжал:

– Поэтому я здесь. Вы довольны ответом?

– Бред какой-то опереточный, – честно сказала я. – Чувствую себя звездой школьного спектакля. Давайте я оплачу завтрак и пойду, ладно?

И я уже собралась позвать официанта, когда сзади раздались голоса и к столику подошли двое хорошо одетых мужчин. Они пожали руку вставшему Кембритчу, и один из них, невысокий и немного полноватый, с забавными бакенбардами, сказал, словно оправдываясь:

– Дружище, прости, но мы подъехали раньше, пробок почти не было. Вот и решили зайти, выпить кофейку. Если бы знали, что ты с прекрасной дамой, то не стали бы беспокоить!

Его спутник, молодой человек с внимательными синими глазами, молча кивнул, соглашаясь с говорящим.

– Ничего страшного, – медленно произнес Кембритч, – мы уже собирались уходить. Я должен довезти даму до дома, она себя не очень хорошо чувствует.

Я уставилась на него, совсем не эстетично открыв рот от изумления, а господин с бакенбардами пристально осмотрел меня с ног до головы и спросил, обращаясь к Люку:

– Познакомишь?

– Конечно, – отозвался он. – Господа, позвольте представить вам госпожу Марину Богуславскую. Марина, это господин Лисовёцкий, Андрей Евгеньевич, и его помощник, Марк Сенцов. Мы в некотором роде коллеги, состоим в одном клубе.

Андрей Евгеньевич кивнул, еще раз оглядев меня, и стало некомфортно – будто отсканировал. А вот его помощник очень мило покраснел, взял мою руку и поцеловал со словами: «Очень приятно, рад знакомству». Мужчины быстро попрощались, а я в расстроенных чувствах схватила пачку, потянулась за сигаретой, но наткнулась на пустоту.

Виконт молча протянул мне свои сигареты, я так же молча взяла пачку из его руки, на мгновение почувствовав тепло и крепость его пальцев. Закурила, выдохнула.

– Лорд Кембритч, я...

– Люк, – поправил он меня.

– Что? – не поняла я. Личным именем друг друга могли называть только друзья, родные, ну и любовники, естественно.

Он вдруг вздохнул, словно ему вся эта ситуация страшно надоела.

– Марина, выслушайте меня. Вы мне очень понравились при первой встрече, и я не смог вас забыть за все это время. Поэтому и нашел вас. И сейчас только укрепился в этом ощущении. Если я вам не неприятен по каким-то причинам, если не отталкиваю и не вызываю отвращения, давайте попробуем хотя бы подружиться? Узнаем друг друга получше, а дальше уже как встанут звезды.

Почему-то мне, после его «если я не вызываю отвращения» вдруг показалось, что он комплексует из-за своей внешности, и внезапно стало его жалко. Ситуация по-прежнему виделась мне очень странной, но просто нахамить и уйти я уже не могла. А спать хотелось все больше. Я поднялась, и он тоже встал, взял в руки трость.

– Марина, позвольте отвезти вас домой.

– Ни в коем случае, – твердо сказала я. Этого еще не хватало, чтобы он всю семью увидел в сборе. – Мой отец – инвалид, он очень негативно относится к гостям, а не пригласить вас в дом будет форменным свинством. Как-нибудь в другой раз.

Его милость склонил голову.

– Стоит ли расценивать это как указание на то, что другой раз все-таки будет?

Невыносимый, просто невыносимый хриплый голос.

– Посмотрим, – сказала я. – Все слишком уж неожиданно. До свидания, лорд Кембритч. Вы знаете, где меня найти.

Он взял меня за руку, и я, застыв, наблюдала, как он склоняется к моим пальцам и целует их. Почему-то начали гореть губы, а к глазам подступили слезы. «Истерическая реакция, – равнодушно отметил голос внутри, – сдаешь, Марина». Я почти выдернула руку и быстро вышла из кафе. Мне навстречу уже неслись Полина с Алиной. Мы погрузились в машину и через полтора часа уже были дома.

...Валя с тетей Ритой и тремя неугомонными пацанами пришли чуть позже, и дома сразу стало весело и тесно. Ангелина, уставшая за день от работы, полулежала на диване рядом с непрерывно болтающей Валентиной, пока ее мама кормила внуков пирожками, и ей было тепло и сытно. Тетя Рита общалась с отцом, чинно обсуждая с ним урожай и заготовку семян на будущий год. За стенкой спала Маринка – она сразу, как выпила чай, пошла отдыхать. Алинка с Полиной в своей комнате перешивали какие-то старые вещи, чтобы было что носить во время учебы. Периодически оттуда раздавался девичий смех и заговорщический шепот, но идти и проверять, что там происходит, сил не было.

– ...мы скоро уже пойдем, – говорила Валентина, потирая глаза руками. – Я еще документальный фильм хочу новый посмотреть, сегодня объявляли, что покажут вместо сериала. Про убитую королевскую семью. Пойдешь смотреть?

Ангелина застыла и заметила, как дернулось лицо отца.

– Да... да, – медленно повторила она, – пожалуй, посмотрю.

– Тогда пойдем, Ань. Бедные девочки, – тараторила Валентина, – ужас какой тогда творился, врагу не пожелаешь. И всё молчали про

них, молчали, будто и не было у нас королевы, а тут уже третья передача за неделю. Интересно, почему так?

«А уж мне-то как интересно», – мрачно подумала Ангелина, со всей отчетливостью понимая, что ой как не вовремя она пошла на работу устраиваться, а Алинка – поступать. Внутреннее чутье кричало ей, что надо собираться и уезжать как можно быстрее, бросая все...

– ...Трудно сказать, с чего все началось, – вещал репортер со скорбно-торжественным лицом, стоя у ограды с видом на их бывший дом, королевский дворец. – Мы постараемся установить, каковы были последние недели правления королевы Ирины-Иоанны и почему так случилось, что нация сошла с ума. Возможно, для нас всех пришло время покаяния...

Часть 2. Глава 1

7 лет назад, Иоаннесбург

Трудно сказать, с чего все началось. Потом, когда улеглись волнения, когда заговорщики были осуждены, Рудлог вынужденно стал парламентской республикой, а власть перешла в руки кабинета премьер–министра Мйнкена, объявившего себя местоблюстителем трона до момента появления монарха, народ с удивлением смотрел на себя и спрашивал – что за волна ненависти, дурости и абсолютной нечувствительности к доводам разума накрыла их? Что заставило собираться в толпы, бросать работу, детей, жен, рушить семьи и устраивать бессмысленные протесты? «Как демон попутал», – говорили многие. И были, как говорится, недалеко от истины.

Трудно сказать, когда именно и откуда в Рудлог пришел господин Фáбиус Смітсен, стройный и невысокий человек с приятным лицом, обаятельной улыбкой и гигантским счетом в банке. Вернее, официальная биография человека под именем «Фабиус Смитсен» вполне доступна. Оставался вопрос, был ли этот Фабиус тем же самым, который был описан в этой биографии, не представляющей собой до поры до времени никакого интереса: родился в Рудлоге, вырос, женился, родил четверых детей, работал геологоразведчиком и жил крайне скудно. Однажды с группой геологов уехал на север, на границу с Бермонтом, искать редкоземельные металлы в горах. А вернулся один, пешком, неся за спиной рюкзачок, набитый редчайшими фиолетовыми бриллиантами.

Следствие установило, что вся группа ученых погибла под обвалом, а сам Смитсен чудом остался жив да еще в придачу нашел старинный клад, открывшийся в пещере после обвала. И вот, о чудо, простой горожанин даже после уплаты налогов стал одним из самых богатых людей Иоаннесбурга. Он оперативно развелся с женой, оставил ее и детей в их старой квартирке, а сам переехал в огромный дом на Дворцовой стороне. Ни с женой, ни с детьми он больше не виделся.

И в один прекрасный момент Смитсен стал заметной фигурой. Месяц назад его никто не знал, и вдруг имя медиамагната Фабиуса

Смитсена оказалось у всех на устах. Вместе с ним появились новые газеты, журналы, кабельные каналы. Все в них было очень остро, честно и по делу. Там загибается ферма – позор чиновникам. Здесь аристократик обрюхатил горожанку и бросил ее – позор зарвавшейся аристократии. Тут дом престарелых с директором–тираном, а вот сенсационное расследование про траты королевской семьи и их роскошные балы, когда в стране кризис и почти голод.

Рудлог был обычным королевством, не лучше и не хуже других, со своими проблемами и узкими местами, а значит, весьма уязвимым для пропаганды. Увы, экономике свойственно развиваться волнами, и материк в данный момент переживал финансовый кризис. Кризисы были и раньше, и куда хуже – беспристрастные цифры говорили о том, что в правление Ирины–Иоанны Рудлог стал второй экономикой мира, а его жители – одними из самых обеспеченных жителей материка. Но людям свойственно смотреть не на цифры, а на свои доходы. И если цены растут, а продажи падают, если жена пилит, что ей не на что купить новую машину, а детей давно пора отвезти на море, то виноваты всегда не абстрактные экономические циклы, а проклятое государство.

Честнейшие и неподкупные новообразованные средства массовой информации били точно в болевые точки – в разницу между аристократией и горожанами, в привилегированное положение первых и трудности вторых. В коррумпированных чинуш, которые в любом государстве жируют на хлебных местечках. Истории о разорившихся предпринимателях были душераздирающими, хотя таких была дай боги десятая доля процента от всех дельцов королевства. Слухи и сплетни о королевской семье и ее окружении преподносились так, что юридически было не подкопаться, а практически народ ужасался и качал головой, читая о выходках избалованных принцесс или их распутной и равнодушной к страданиям простых людей матери.

Народ, спокойно живший при монархии и воспринимавший королевскую семью как национальное достояние и гордость, читая и смотря это, плевался, отворачивался, перелистывал страницы, но потихоньку упорно капающий яд стал разъедать самых нестойких.

В ход пошли и карикатуры, и анекдоты, и юмористические шоу, высмеивающие жизнь короны и аристократии. Однако пресса

поддерживала видимость объективности – некоторые персонажи удостаивались хоть строгой и сдержанной, но похвалы.

Особое внимание уделялось бедственному положению армии. Честные офицеры и солдаты, до этого прекрасно переносившие стандартные тяготы военной службы, вдруг узнали, что им недоплачивают, их недокармливают и вообще не очень уважают. И нельзя сказать, что эти сочувственные статьи не находили отклика в отдельных сердцах.

Пока раскачался тяжеловесный аппарат министерства по делам прессы, пока тревожные звончки слились в оглушающий набат, новоявленный властитель умов человеческих уже был в Рудлоге если не полноправным хозяином, то одним из самых влиятельных людей. Как его восхождение пропустил тогдашний начальник Управления разведки и госбезопасности, бессменный руководитель Зеленого крыла Игорь Стрелковский, – непонятно. Возможно, он привык к тому, что страна у него под контролем. Хотя позднее анонимные источники утверждали, что часть агентов была перекуплена или запугана и информация к нему поступала с заметным опозданием. А может, он просто пропустил появление внутренней угрозы, сосредоточившись на шпионских играх с коллегами из соседних королевств.

Как бы то ни было, когда Стрелковский спохватился, он уже мало что был в состоянии поменять. Сделал все, что смог, и даже больше... но чуть-чуть не дотянул до выигрыша.

Одновременно с Фабиусом Смитсеном в Рудлоге появилась моралистская секта Триединого. Эти товарищи с удрученными от постоянной аскезы лицами объявили себя истинными служителями Творца. Их идея, внедряемая в народ через открываемые молельные комнаты и храмы, а также через предоставляемые независимыми СМИ каналы, была очень проста: все проблемы человека – от его грехов, а проблемы страны – от грехов ее правителей. Мысль была не новой: надо поменять правителя, и желательно на такого, который сам из народа и радуется за народ. Начавшиеся аресты подавались как страдания за правду, и люди стали поначалу тихо, а потом громко роптать, глядя, как кротких монахов с мученическими взглядами сытые и суровые полицейские «пакуют» в автозаки. Не обошлось и без красочных фотографий – огромный стражник избивает стоящего на коленях и плачущего старика-монаха; или братья-монахи молятся, стоя

на коленях, – фотография сделана сквозь решетки автозака на рассвете, и лучи восходящего солнца окутывают мучеников неземным светом...

Паровоз истории набирал ход и, срывая тормоза, катил под откос. И только очень пронизательный рудложец в этот момент общего раздрая и крушения идеалов смог бы понять, что падение в бездну организовано и вполне управляемо.

– Как это понимать, Игорь? – королева подняла голову от газеты «Честный день», которую только что просматривала. Ее ухоженное красивое лицо выражало брезгливость, когда она аккуратно, как ядовитую змею, откладывала газету на журнальный столик в кабинете начальника разведки.

– Что конкретно вы не понимаете, ваше величество? – уточнил Стрелковский. Вопрос был лишним и играл скорее роль катализатора для выброса монаршего раздражения. А если бы раздражения не было, королева не примчалась бы сюда с утра пораньше, одетая в простые прямые светлые штаны и темно-синюю водолазку, вместо того чтобы вызвать облажавшегося по всем фронтам руководителя Управления госбезопасности к себе на разгон.

– Эта скотина опять распространяет чушь! В прошлом месяце, после Маринкиного выпускного, в этой газетенке написали, что моя дочь с подружкой перепились чуть ли не до зеленых чертей, шлялись по улицам без нижнего белья и приставали к прохожим. А теперь вчерашнее посещение Маринкой клиники описано так, будто она ездила делать аборт, хотя малышка просто забирала витамины для своих лошадей. Ну как люди могут вестись на этот бред? – и она, вскочив, схватила газету и кинула ее на стол Игорю Ивановичу.

Он посмотрел на проехавшуюся по его бумагам растрепавшуюся газетенку: на главной странице была фотография совершенно спокойно входящей в клинику шестнадцатилетней Марины, сопровождаемой охраной. Любой здравомыслящий человек, критически оценивающий то, что ему показывают, а не то, что услужливо написано снизу, не нашел бы в фотографии ничего, свидетельствующего о случившемся или планируемом аборте. Беда в том, что здравомыслящих людей в королевстве, кажется, не осталось. А в кадр будто бы случайно попала вывеска «Гинекологическое отделение».

Огромный заголовок гласил: «Последствия выпускного, или Принцесса Марина опять в беде?» А ниже – фотографии воодушевленной толпы с плакатами «Долой жирующих аристократов» и «Рудлог – народу» на фоне их королевского дворца. Подпись была следующей: «Народовластие уже идет».

– Игорь, – очень жестко сказала королева, необыкновенно привлекательная в этот момент со своими льняными волосами и воинственным выражением лица, – надо эту богадельню прикрывать. Хватит, наигрались в свободу слова. Я задницей чувствую, что в воздухе витает беда. Через неделю помолвка Ангелины, к воскресенью тут не продохнуть будет от августейших особ. И если, не дай боги, какая провокация случится, то социального взрыва не миновать. Ты же это понимаешь? И так неудобно будет перед коллегами за этот балаган с демонстрантами.

Игорь Иванович, знающий о надвигающейся грозе поболее королевы и понимающий, что все его действия пока никак не купировали организованное наступление на дом Рудлог, постучал пальцами по столу.

– Ваше величество, – повторил он уже многократно сказанное, – необходимо отозвать с застав армию и ввести в городе чрезвычайное положение. Без поддержки армии в городе я не могу сделать ничего. Аресты приведут только к усилению волнений. Вы же помните, на прошлой неделе, когда пришли обыскивать молельную комнату этих... моралистов, на полицейских попытались наложить проклятие гниения. Двое ребят, принявших основной удар на себя, умерли страшной смертью, врагу не пожелаешь такого. И виталист не помог. А только этих старичков стали вязать, набежали журналюжки с фотоаппаратами и камерами, и вуаля – народ возмущен: как так, смиренных монахов обижают. Когда включается инстинкт толпы, мозг людей отключается. И включить его можно только страхом за свою жизнь. Будет тут стоять армия – будет порядок.

Королева заколебалась. Стрелковскому она доверяла больше, чем кому бы то ни было, – он служил практически с начала ее правления и ни разу не дал повода сомневаться в своей верности.

– И попросите поддержки у Высокого Совета, – посоветовал Игорь Иванович, и глаза королевы снова полыхнули яростью, –

польстите им, один раз за всю жизнь можно и поклониться этим старперам. Одна вы не выиграете.

Ее величество несколько раз перевела дыхание, успокаиваясь. Ей? Кланяться? Просить кого-то?

– Хорошо, – наконец сказала она, – я дам приказ генералу Бельведерскому о выдвижении армейских частей к столице. Но армия в город зайдет только после того, как уедут последние высокие гости, чтоб их! А ты, Игорь, – она посмотрела на него холодным взглядом, пробравшим до пяток, – избавь наконец меня от этих сектантов и от господина Смитсена тоже. Я устала жить как на пороховой бочке, ожидая, когда страна покатится к черту.

Стрелковский наблюдал, как она сжимает кулаки – красивые пальцы, ухоженные руки – сколько раз он уже видел этот жест, которым королева пыталась усмирить свой фамильный гнев.

– Ваше величество, я сделаю все, что в моих силах. Но вам нужно быть осторожной. И подумайте о том, чтобы отложить празднование помолвки Ангелины. В данных обстоятельствах мы не можем гарантировать безопасность гостей.

Взгляд Ирины снова заледенел, но она усилием воли справилась с собой и кивнула, соглашаясь.

– Я верю в тебя, мой друг. Ты сможешь защитить меня и девочек. И я буду очень благодарна тебе, если ты безболезненно выведешь страну из этой ситуации.

И она, эта непостижимая женщина, встала и вышла, как всегда – с прямой спиной и высоко поднятой головой, оставив за собой резкий и соблазнительный, как вкус апельсинового мороженого, запах духов.

Стрелковский, уже испытавший ранее и холод, и ярость королевы, в который раз подивился воздействию, которое она оказывала на окружающих. Особенно окружающих мужчин. Он доподлинно и точно знал, кто и когда побывал в ее постели, и, хотя отмеченные благосклонностью молчали как заговоренные, во дворце шила в мешке не утаишь – всегда найдется тот, кто что-то видел или слышал. Удивительно, как это терпел муж, хотя какое ему, Игорю, дело. Его дело – выбить почву из-под ног господина Смитсена, принесла же того нелегкая в Рудлог.

И он в который раз стал просматривать досье Смитсена, пытаясь нащупать что-то важное, что каждый раз ускользало от него. То, чем

медиамагната можно было подманить, подсечь и публично завалить как особо опасного зверя. Так, чтобы никто и пикнуть не посмел, что его арестовали не по делу. Тогда, лишившись источника и опоры в виде полноводного потока финансирования, рухнут и медиаубийцы, разойдутся по домам протестующие, исправно получающие от смитсеновских фондов горячее питание и одежду. Да и кроткие монахи без арендуемых молельных комнат и строящихся храмов тихо сойдут на нет – все-таки они питаются не святым духом, даром что аскеты.

Убрать олигарха, так сказать, физически, не представляло особой сложности, несмотря на его многочисленную охрану. Однако убийство ничего не решит – ну будет вместо Смйтсена его заместитель Щеглов, и ничего не изменится, кроме того что все подконтрольные смитсеновскому холдингу СМИ будут вопить о политическом заказном убийстве. Это никак не сдвинет чашу весов в пользу трона. Поэтому гибче надо действовать... пока есть время. Потом хочешь не хочешь, а придется действовать грубо.

Но времени, как оказалось, практически не оставалось.

Ирина-Иоанна, уверенно шагая по дворцу в сторону Семейного крыла, где располагались ее с мужем личные покои и комнаты детей, прекрасно чувствовала – что-то в отношении слуг и придворных поменялось. Ей угодливо улыбались, кланялись, открывали двери, но как будто держали дистанцию. Страх витал во дворце, слабенький и игнорируемый, но вполне осязаемый. Все прекрасно понимали, что может сделать толпа, прорвавшись за ограждение парка, и два полка охраны успокаивали придворных чисто номинально.

Несмотря на то что со стороны казалось: светская жизнь во дворце такая же активная, как и раньше, – она все больше напоминала движение по инерции. На самом деле многие его обитатели больше всего на свете хотели уехать подальше и не возвращаться, пока все не закончится. Часть придворных так и сделала, предпочтя переждать заварушку в загородных имениях.

Святослав и дети уже ждали ее в обеденном зале. Завтрак подходил к концу – она специально просила ее не дожидаться. Муж встал при ее появлении, поцеловал в щеку, отодвинул стул. Девочки все были аккуратненькие, в домашних платьях, кроме, конечно же, Поли, предпочитающей штаны. Алина при виде матери спрятала книгу

под стол и стала усердно мазать клубничный джем на хлеб одной рукой.

На высоком стульчике рядом с Алинкой сидела румяная, кудрявая, как барашек, четырехлетняя Каролина и под присмотром няни аккуратно ела серебряной ложечкой утреннюю кашу. При виде матери она заулыбалась и потянулась к ней.

– Алина, положи книгу на полку. Потом дочитаешь, – строго сказала королева, одновременно целуя Каролинку и вдыхая сладкий детский запах. Внутри от счастливого ребенка на руках будто отпустило сжатую пружинку. Она опустила девочку на место, села рядом и обвела остальных детей взглядом. – Какие у кого планы на сегодня?

– Мама, – с упреком сказала Ангелина, – мы же вчера обсуждали. Мы сейчас поедem по магазинам. Платья готовы, я хочу посмотреть аксессуары.

– Тебе все могут привезти во дворец, милая, – напомнила королева.

– Нет, я хочу развеяться. Меня все это нервирует, – парировала Ангелина. – Мы с Лоуренсом никогда не могли найти общий язык, и я совершенно не уверена, что помолвка что-то изменит.

– Я не поеду, – Марина умоляюще посмотрела на мать. – У меня соревнования через три дня, я не хочу пропускать тренировку.

– Конечно, солнышко, – улыбнулась Ирина-Иоанна, – не хочешь по магазинам – не надо.

– И я не поеду, – заявила Алина. – Я только устаю от этого перебора побрякушек. Лучше почитаю.

– Только на улице, чтобы подышать воздухом, и не забудь зонтик от солнца, – кивнула королева.

– А я поеду, – Полинка уже доела и откровенно тосковала, – только я отдельно от Ани с Васькой буду, с ними скучно! Они как курицы, медленные!

– Полина, – одернула ее мать, – не груби сестрам.

Полина скорчила рожицу, но промолчала, а Василина укоризненно посмотрела на нее.

– Ани, – в сотый раз устало повторила королева, возвращаясь к разговору со старшей дочерью, – никто тебя не заставит выходить за него насильно. Но помолвка укрепит нашу связь с Инляндией, а нам

это сейчас крайне важно – иметь поддержку такой сильной державы. Что сделаешь, если он единственный из ненаследных принцев, кто более-менее подходит тебе по возрасту? Не за его дядю Уильяма же тебя выдавать?

– Отчего же? – удивилась Ангелина. – Уильям хотя бы умеет себя вести, он порядочный и вежливый. И уж точно не доставит хлопот.

Легкая улыбка тронула губы королевы. Выбор мужей по принципу «не доставит хлопот» – это, видимо, их семейная черта.

– Ангелина, – мягко вступил в разговор принц-консорт Святослав Федорович, – дай матери поесть. Поезжайте куда хотите, но обязательно возьмите с собой охрану. И, может, уже закроем тему с твоей помолвкой, раз она тебя так расстраивает?

– Как скажешь, отец, – холодно сказала Ангелина и взяла булочку.

После завтрака девочки разбежались кто куда, а королева пошла в кабинет – просматривать отчеты министра сельского хозяйства о собранном и планируемом урожае. Святослав ушел в парк. В данный момент принц-консорт, имевший архитектурно-дизайнерское образование, руководил возведением отдельного здания для дворцового музея, куда они, чего греха таить, решили отдавать бесконечные, часто сделанные с любовью, но, к сожалению, не всегда очень эстетичные или подходящие под интерьер дворца подарки верноподданных.

Конечно, муж королевы мог не заниматься этим лично, но праздность была не в его духе. Святослав Федорович и до женитьбы любил работать, но не считать же работой бесконечные приемы или благотворительность! И когда они поженились, и встал вопрос о его занятости, королева первая предложила ему продолжить работу на должности главного дворцового архитектора.

Ирина-Иоанна, разбирая скучнейший, но полезный отчет, разговаривая с министром и его помощниками, ставя подписи под указами, периодически бросала взгляды в парк, где в пределах видимости возводился музей, иногда выхватывая среди рабочих и архитекторов статную фигуру мужа, и улыбалась. Святослав стал ее отдушиной, ее самым близким человеком тогда, когда она уже была готова сойти с ума. И пусть между ними так и не вспыхнула жаркая страсть или неземная любовь – его мягкое, понимающее тепло она

ценила куда больше. Любовь у нее уже была, а страсти в ее жизни и так навалом, куда бы деть ее, эту страсть.

Ирина росла единственной наследницей королевского дома Рудлог. Мама умерла, когда принцессе было всего три годика, отец, его величество Константин-Иоанн Рудлог, так и не женился повторно, предпочитая алкоголь и многочисленных любовниц. К дочери он относился со всей нежностью слишком занятого родителя, который еще и не очень представлял, что нужно делать с детьми, но очень старался.

Ирина с детства ходила за ним как привязанная: она всегда знала, где отца можно найти; если он был во дворце – а это бывало, увы, нечасто, – устраивала истерики няням, требуя выпустить ее из детской, и, если получалось, с радостным визгом бежала по коридору к отцовскому кабинету, или через парк к казармам, где он в это время проводил смотр гвардейцев, или в королевские покои, заставляя его величество с очередной бутылкой. Монаршее сердце обычно не выдерживало проявлений детской любви – и маленькая Ирина тихо как мышка сидела на коленях короля на совещаниях или важно глядела на гвардейцев с отцовских рук. Слушала, наблюдала и училась. Советники и министры, поначалу недовольно застывавшие при виде неподобающего поведения девочки, со временем соотнесли ее появление с отсутствием фамильных вспышек монаршего гнева и сделали свои выводы.

Константин был человеком хоть и вспыльчивым, но добродушным и сентиментальным. Он очень переживал из-за истерик дочери – одну из них король застал, когда няни пытались отодрать сбежавшую к отцу принцессу от дверей кабинета и отвлечь ее. Узнал причину, растрогался от вида заливающегося слезами ребенка и велел приводить Ирину к нему, когда захочет. За исключением ночей, конечно. Со временем Константин стал брать ее с собой на все выезды – из-за занятости они очень мало общались, и он пытался хотя бы так компенсировать дочери недостаток внимания и отсутствие матери.

Маму Ирина помнила плохо – голос, тепло, прикосновения, любовь. И обожала, когда король рассказывал про нее.

Константин периодически впадал в запой, тосковал, приходил к маленькой Ире в детскую, сажал ее к себе на колени, и они гляделись в зеркало. «Мы с тобой – два одуванчика», – ласково говорил его

величество, дыша перегаром. Король и его дочка и правда были белыми, кудрявыми – чисто одуванчики под летним солнцем.

Иногда отец ругался на министров и подданных, да так, что трясся дворец (и принцесса Ирина нахваталась от отца экспрессивных выражений), но простые люди очень любили короля Константина, несмотря на бедственное состояние бюджета. Он внимательно слушал их, обладал превосходным чувством юмора, с легкостью принимал участие в народных праздниках, не чурался даже самых странных обычаев в разных уголках страны и помнил о своих обещаниях. И пусть он не был грозным или великим, но все знали, что он добр и великодушен. А что пьет – ну пьет, мужики всегда пьют.

Будущая королева ходила в обычную гимназию – так было заведено, и этой моде следовали все аристократические семьи, – занималась танцами, верховой ездой, много читала. Никто не учил ее родовой магии – что-то получалось само собой, что-то Ирина подглядела у отца. Она росла настоящей красавицей, купалась во всеобщем восхищении и поклонении. И с нетерпением ждала своих шестнадцати лет, чтобы дебютировать в свете. За три месяца до дня рождения Ирины ей начали шить бальное платье, в котором она должна была блистать на балу в честь своего праздника.

Но судьба распорядилась иначе. За месяц до шестнадцатилетия дочери король Константин умер во сне во время одного из длительных запоев. У нее так и не случилось дебюта. После похорон Ирина была оглушена, растеряна и совершенно не готова к свалившейся на нее ответственности. Она в куклы-то перестала играть совсем недавно и еще не закончила школу. И огромной поддержкой для нее стал друг отца, герцог Виктор Ставийский, образованнейший человек, знавший Ирину с детства и принявший на себя все хлопоты после случившегося несчастья.

Он мягко направлял ее, подсказывал, слушал жалобы, отвечал на вопросы. Решал все проблемы, почтительно докладывая о результатах работы. И, когда ей сообщили, что перед коронацией желательно выбрать себе достойного и высокородного мужа, она, не раздумывая ни минуты, назвала имя герцога.

Именно Ставийский стал принцем-консортом и первым мужчиной ее величества Ирины-Иоанны. И получил место премьер-министра в королевстве.

Юная королева училась в университете, практически не принимая участия в решении государственных дел, боготворила мужа, рожала – сначала Ангелинку, через год после свадьбы, потом Васюту еще три года спустя.

Ирина была спокойна, довольна, всецело положившись на консорта. Пока не узнала, что Виктор изменяет ей с ее же фрейлиной, особо не скрываясь и одаривая любовницу различными привилегиями.

Именно тогда произошла первая ее мощная вспышка, по сравнению с которой детские и юношеские истерики показались совершенно незначительными. Вся злость, обида, непонимание, разочарование и чувство невероятного унижения вылились в бушующий ледяной шторм, заморозивший половину дворца.

После того как королева пришла в себя, последовали решительные действия, которых никто не ожидал от куклы на престоле. Любовница была вышвырнута из дворца, принц-консорт, залечивающий обморожения и переломы, лишен кресла премьера и отослан в свое имение, а королева, спорить с которой в таком состоянии мог решиться только слабоумный, распустила кабинет министров, заменила людей на всех основных должностях во дворце, армии и министерствах. Именно тогда занял свою должность Игорь Стрелковский, именно тогда Святослав Волков, нынешний муж Ирины, получил место придворного архитектора. Сама же королева принялась упрямо вникать в дела государства, учиться быть жесткой, холодной и отстаивать свои интересы перед Высоким Советом, вовсе не желавшим делиться властью.

Ей, 21-летней женщине с двумя маленькими детьми на руках, было очень сложно. И именно тогда Ирина поняла, что обязана воспитать старшую дочь так, чтобы ей никогда не пришлось расплачиваться за свою мягкость и романтичность.

Муж, ссыльный принц-консорт, периодически предпринимавший попытки к примирению, продолжал жить в своем поместье. А через полгода после той вспышки, закончившейся ледяным штормом, у королевы произошел первый приступ, ввергнувший ее в панику. Благо попавшийся Ирине под руку мужчина ничего не помнил. Придворный маг разводил руками: максимум, что он мог сделать – предложить ее величеству антидот, помогающий продержаться подольше.

Со временем королева смирилась с этими приступами. Других проблем было достаточно.

Через два года после своей отставки Виктор погиб при крушении листолета. Ирина не горевала. В конце концов, она вполне могла тогда убить его сама, и то, что он выжил, было чудом. А вот девочки тяжело переживали ее размолвку с отцом и его гибель тоже.

Второго мужа Ирина выбирала придирчиво и тщательно, рассматривая кандидатуры из других государств. Но в результате влюбилась в задиру и повесу Михаила Романовского, только появившегося при дворе после принятия графского титула. Они стали любовниками. Граф был безнадежно далек от власти, очень походил на ее отца – обожал скачки, алкоголь, охоту и азартные игры, был добр и нервен, великолепен в постели, ревнив и обидчив как ребенок. Именно он был ей нужен.

Через полгода отношений Ирина узнала, что беременна, и сама предложила Михаилу брак и титул принца-консорта. Приступы более не беспокоили ее, и королева решила, что это навсегда.

Но три года счастья закончились трагедией – Михаил сломал шею на охоте, упав с лошади. Смерть мужа вывернула ее наизнанку, заморозила и переломала. Собраться Ирина смогла только через год, и весь этот год с ней рядом был Святослав – деликатный, терпеливый, спокойный. Он-то и стал ее третьим супругом.

Задумавшись, королева даже чуть вздрогнула, когда хорошо поставленный голос камердинера объявил, что второй завтрак подан в малую семейную столовую. Она поблагодарила и попросила позвать Святослава, чтобы составил ей компанию.

Ирина-Иоанна с мужем, вопреки всем правилам, сидели и пили чай на мягком чайном диванчике с широкими подлокотниками, куда смело можно было поставить чашку и блюдо с десертом. Они любили так «похулиганить», когда их никто не видел. К сожалению, жизнь во дворце даже в семейных покоях накладывает определенные ограничения. Иначе потом сплетен не оберешься: королева-то, как простая горожанка, чай пьет, сорит крошками и оставляет пятна на мебели. А сплетен им и так хватало.

Святослав, допив чай, положил себе на колено стройную королевскую ногу и начал ее массировать, сняв туфельку. Королева благодарно улыбнулась ему и прикрыла глаза от удовольствия, сделав

еще один глоток и положив в рот мягкое, тающее во рту шоколадное пирожное.

– У тебя глаза чернеют и температура явно повышена, – отметил муж, прикоснувшись для уверенности к королевскому лбу рукой. – Скоро уже, да?

– Несколько дней еще есть, – отозвалась Ирина. – Продержусь, сколько смогу. Я надеялась, будет больше времени, все-таки и полугодом с предыдущего раза не прошло, но нет, накрывает. Не вовремя это все, конечно, пережить бы приезд гостей.

– Я тебе в этот раз помочь не смогу? – сочувственно спросил Святослав, поднимая себе на колени вторую ногу жены и снимая туфлю.

– Ты и так помогаешь, Светик, – королева с любовью и грустью посмотрела на мужа, – но сейчас мне, как обычно, нужен кто-то другой.

Их прервали. В дверь, выходящую на садовую веранду, ворвалась Алинка:

– Мамочка, там Ангелина... Ее нужно успокоить, а у нас не получается!

Королева метнулась к двери в коридор, чтобы не бежать по улице. Ее муж последовал за ней. Алинка неслась следом. Комнаты старшей дочери находились в конце Семейного крыла, и навстречу то и дело попадались испуганные слуги. Дверь в покои наследницы была распахнута, возле нее упрямо стояла мрачная охрана.

Королева издали заметила кровавые пятна у них на лицах и одежде, синяки под глазами и заострившиеся черты лица, но держались телохранители стойко. Увидев правящую чету, охранники немного расслабились и... вдруг попадали на пол, зажимая себе уши и изгибаясь в судорогах. Из носов и ушей их текла кровь. Из комнаты раздался, усиливаясь и заставляя вибрировать стекла в витражах коридора, оглушительный визг, который все нарастал и нарастал... Святослав споткнулся, прохрипел: «Беги!» – и сполз по стене коридора, поддерживаемый малышкой Алиной.

Королева быстро преодолела расстояние до двери. Старшая дочь, лежа на полу, билась в истерике и визжала на одной ноте, ее прижимали к полу Василина, с сосредоточенным, серьезным лицом

что-то шептавшая Ангелине на ухо, и бледная, растерянная, рыдающая Маринка. Увидев мать, она заплакала еще сильнее.

Ирина-Иоанна подбежала к дочерям, схватила ничего не видящую и не слышащую наследницу за виски, приблизила к себе и резко подула ей в лицо. Дула она куда дольше, чем это мог бы делать обычный человек. У визжащей Ангелины перехватило дыхание, визг на секунду прекратился, она взглянула на мать – и в этот момент королева с силой произнесла: «Спи!» Наследница сразу обмякла, лицо ее выровнялось, глаза закрылись, и она заснула крепким сном счастливого человека.

Маринка продолжала тихо плакать, сидя на полу, пока Василина с матерью относили Ангелину в спальню, где обнаружилась испуганная, но живая и здоровая камеристка наследницы. Она, оказывается, спряталась в ванной и пережидала бурю там. Увидев, в каком состоянии находится ее госпожа, камеристка охнула и начала раздевать принцессу, чтобы та не спала в уличной одежде.

– Попробуй успокоить сестру, Васюш, – попросила королева, когда они вышли из спальни. Ее величество прошла мимо рыдающей Маринки, мягко погладила ее по голове. – Я сейчас вернусь, нужно проверить, как там охрана и отец.

Охранники, бывшие с наследницей чуть ли не с первого дня ее жизни, были калачами тертыми, чего ждать от принцессы, знали и все инструкции выполняли четко. Но, увы, от ментального неконтролируемого удара не спасает ни верность, ни стойкость. Ребята уже очнулись и вытирали все еще текущую кровь полотенцем, добытым тут же, на оставленной убежавшей горничной стойке со сменным бельем. Рядом с принцем-консортом суетился придворный виталист – маг жизни, – останавливая кровь.

– Как вы, орлы? – королева подошла к охране.

– Нормально, ваше величество, – бодро отрапортовал старший, – сейчас нас подлечат, и будем как новенькие.

Виталист уже колдовал над его напарником, и мужчина оживал на глазах. Святослав, вполне живой и здоровый, общался с подошедшим начальником дворцовой стражи. Королева крикнула, чтобы сюда срочно вызвали Стрелковского. Она досадливо морщилась – после манипуляций с Ангелиной еще немного поднялась температура, и кожа стала чувствительной, и запахи ощущались острее. «Один день в

минус», – подумала Ирина, жестом приглашая охранников войти в гостиную наследной принцессы. После них, запыхавшись, в комнату вошел обеспокоенный Стрелковский.

– Что случилось? – спросил он, обведя присутствующих внимательным взглядом. Королева кивнула дочери, Василина вздохнула и начала рассказывать. Иногда ее дополнял старший телохранитель, и рассказ выходил нерадостным.

После завтрака принцессы спокойно доехали до сверкающего рекламными экранами торгового центра, выгрузились. Полинка побежала сразу на верхний этаж, в игровую зону, и ее охрана – за ней. А старшие сестры Рудлог в сопровождении телохранителей пошли по первому этажу.

В будни и утренние часы народу в центре было немного, но, конечно, девочки замаскировались в пределах разумного: волосы – под модные длинные платки, на лицах – часто используемые аристократией простые, легкие тканевые полумаски в тон платкам. После случая с Мариной мать настояла, чтобы дети носили их на публике. Полине, кстати, и маскироваться не надо было – мало кто мог связать угловатую девчонку в бандане, шортах и спортивной майке с четвертой принцессой Рудлог. Ее даже в сопровождении сестер часто принимали за какую-нибудь подружку или воспитанницу.

Ангелине нужно было купить перчатки – хотя их у нее было много, но из-за насыщенной светской жизни они теряли вид да и просто со временем выходили из моды. Выбрав перчатки, принцессы решили зайти в ювелирный магазин, работающий по лицензии от их королевского дома, но по пути попали в секцию с магазинчиками нижнего белья.

Ну и... какая девушка откажется выбрать новое белье, если и время, и финансы позволяют? Так что принцессы сначала долго и медитативно перебирали кружево, атлас и шелк, а потом пошли в кабинки примерять понравившееся. Телохранители расположились у входа в магазин, привычно сканируя территорию. По галерее, несмотря на все маскировочные ухищрения, уже сновали журналистики и фотографы с камерами, хищно ожидая, когда девушки выйдут. Видимо, проследили автомобиль принцесс от дворца.

Василина быстро примерила выбранное и уже расплачивалась у кассы, когда их с продавщицей оглушил дикий визг, от которого

пробивающая чек кассир сразу свалилась в обморок.

От примерочной, в которой переодевалась наследница, метнулся человек с юрким лицом, сжимающий фотокамеру, но метнулся не к выходу, а куда-то вглубь магазина. Двое телохранителей бросились за ним, а двое – к принцессе. Ани́ была одета только в бюстгальтер, прикрывалась снятой блузкой и билась в истерике. Маску она в примерочной сняла. Видимо, ушлый фотограф, каким-то образом попавший в магазин, сфотографировал наследницу, когда она уже примерила верх комплекта и готовилась примерить низ. Понятно, почему у первой принцессы случилась истерика, – достаточно было представить, что завтра ее фотография будет транслироваться по всем каналам и публиковаться во всех газетах и газетенках.

Королева недовольно поморщилась – в юности она была такой же пробиваемой и не могла сдержаться в минуты стресса, поэтому учиться после коронации пришлось быстро. Надо будет Ангелине дать пару уроков.

А Василина продолжала рассказ. Услышав визг, в магазин ринулись фотографы, поэтому телохранителям пришлось жестко теснить их к выходу. Вторая принцесса одела начавшую успокаиваться Ангелину, но, как только они вышли, защелкали фотоаппараты, засветились камеры, им начали кричать что-то фамильярное, и Василина со страхом увидела, как вновь стекленеют глаза сестры. Она стала торопить охрану, и тут у наследницы начался второй приступ.

Журналисты падали как подкошенные, взрывались камеры и фотоаппараты, телохранители, преодолевая себя, тащили ломающееся тело принцессы к машине, но, уже садясь в автомобиль, не выдержали, попадали в обморок. Василине пришлось затаскивать здоровенных мужиков в машину, садиться за руль и вести.

– Я пробовала ее успокоить, мама, – сказала вторая принцесса жалобно, – но она буквально на пару минут замолкала и снова начинала кричать. Видимо, сил мне не хватает.

Королева внимательно посмотрела на вторую дочь и мысленно поставила себе галочку вместе с Ани начать поглубже учить и Василинку. В их возрасте она сама бы и пары минут покоя при таком срыве не смогла обеспечить. И тем более удивительно, что дочери этого никто не объяснял, она просто «считала» принцип действия, наблюдая за матерью.

У ворот, когда позади уже видны были машины очухавшихся и жадно гнавших, как звери свою добычу, журналистов, принцесс встретила Марина, прощающаяся с подругой по конному клубу. Сразу поняв – что-то неладно, – Марина заскочила в машину, проехала с девочками до дворца и помогла донести старшую сестру в ее покои, благо можно было подъехать прямо к веранде, на которую выходили летние двери.

Очнувшиеся с прекращением мозгодробительного визга телохранители проскочили в паузу между приступами через покои, эвакуировали находящихся поблизости слуг и встали у дверей. Алина, читавшая в саду и видевшая все происходящее, прямо оттуда побежала к матери.

Пока Василина рассказывала, в покои принцессы, постучавшись, заглянул один из побежавших за фотографом телохранителей.

– Говнюка... э-э-э-э... простите, ваше величество, – извинился он, почувствовав суровый взгляд начальника, – задержали, фотоаппарат отобрали. Сдали журналиста дознавателям. Оказывается, там черный выход в магазине был, туда продавцы курить бегали.

– Почему заранее не проверили, вашу мать! – заорал Игорь Иванович, багровея. Трудно оставаться спокойным, когда твои подчиненные откровенно портачат. Подчиненные опустили головы – промах был серьезный.

– Игорь Иванович, не ори, в соседней комнате спит Ангелина Викторовна, – тихо приказала королева, и он, сверкнув на нее глазами, опустил голову. – Дальше, – ласково попросила ее величество покрасневшего телохранителя.

– Когда вернулись, в коридоре как после взрыва все было, тела вперемешку, аппаратура... Ну, мы камеры у тех, кто там валялся, позабিরали, доломали что смогли. Но к тому времени уже новые набежали, снимали нас издали. Из лежащих никто еще в себя не пришел, так что, может, повезет и в газетах ничего не будет. Камеры наблюдения тоже почистили. Продавщицу, чтоб молчала, предупредили.

Но им, увы, не повезло. Видимо, кто-то из попавших под ментальную истерику принцессы очнулся раньше коллег и убрался вместе с записью от греха подальше. На следующий день все каналы облетело видео с одной из камер – как бледную Ангелину в маске, но

вполне узнаваемую (а кто не узнал – тому помог комментатор), выводят из магазина; сверкают фотовспышки, она начинает визжать, перед ней взрываются камеры, падают люди, и через пару секунд гаснет и эта камера. В журналах вышли интервью с честными журналистами, взволнованно рассказывавшими, как на них безо всякой причины напала принцесса, проявив немотивированную агрессию и явно запрещенную нестандартную магию.

Именно тогда в одной из газет впервые прозвучал намек на то, что королевская семья может быть темной, что королева и девочки – ведьмы. Это было откровенной чушью, ибо достаточно было посмотреть на льняные волосы и голубые глаза ее величества и старших дочерей, чтобы признать их истинными Рудлог, потомками Красного воина. Но люди часто верят в противоречащие здравому смыслу вещи. Темных, потомков Черного Жреца, в Рудлоге исстари не любили и боялись, и слухи, что на престоле сидит то ли ведьма, то ли подменная королева, распространялись с невиданной скоростью именно из-за их невероятности. Проповедники секты моралистов получили новый повод для вдохновенного литья яда в уши прихожан. Задержанный журналистик, сфотографировавший принцессу в неглиже, воспевался как профессионал высочайшего класса, страдающий от деспотизма королевы за правду и истину.

Апофеозом стала фотография... нет, не принцессы без трусиков, хотя тут не знаешь, что было бы лучше. Как потом объясняла наследница, с омерзением рассматривая газетный расплывчатый снимок, сделанный с дальнего расстояния, – когда они вышли из машины перед торговым центром, Ангелина вспомнила, что не надела полумаску. Резко развернулась... и споткнулась, наткнувшись на телохранителя. Тот вежливо поддержал ее и проводил обратно до автомобиля.

На снимке с подписью «Перед помолвкой не нацелуешься» и «Наследственность превыше всего» было отчетливо видно – особенно людям, желающим это увидеть, – как запрокинувшая голову принцесса тянется губами к прижавшемуся к ней мужчине.

С утра после публикации снимка Ирине-Иоанне позвонил король Инляндии и вежливо предложил обсудить ситуацию на международном собрании. А чуть позже секретарь королевы проводил к ней премьера Северяна, который, пряча глаза, передал ей

приглашение прийти завтра на Высокий Совет по вопросам поведения членов королевской семьи и общей ситуации в стране...

Часть 2. Глава 2

7 лет назад, Иоаннесбург

В конференц-зале дворца Рудлог придворный маг с внимательно слушающими его учениками настраивал Зеркало, выглядевшее как растянутая и выгнутая прозрачная стена. Из-за количества участников Международного совета стандартным размером было никак не обойтись.

Королева пришла заранее, вместе с мужем, и, сидя за столом, наблюдала за работой магов. Это успокаивало.

Международный совет, как его пафосно называли, на самом деле включал в себя только государства континента Рика и прилегающего острова Маль-Серена, и лишь те, чьи королевские дома вели свои родословные от божественных первопредков. Таких государств было всего шесть, хотя на континенте находились и другие страны, а также княжества и великие герцогства: небольшие, условно независимые и идущие в фарватере крупных держав.

Участвовали в совете монархи, иногда подключались министры или маги, но часто это напоминало простой семейный междусобойчик – слишком тесные родственные связи были между королевскими домами и аристократическими дворами королевств.

Королева, подозвав стоящего у двери лакея, попросила принести ей чай. Вдобавок ко всем неприятностям она уже предчувствовала надвигающуюся мигрень. Обезболивающие, как правило, не помогали, а помогали виталист и долгий спокойный сон часов на двенадцать. Только где же их возьмешь, эти двенадцать часов, когда страна катится в бездну?

Вот сегодня толпы народа, видимо, взбудораженные вчерашними фотографиями и слухами, заполнили площади, в том числе площадь Победоносца, расположенную перед дворцом. Через ограду уже летели камни с записками «Черным не место на троне» и «Власть – народу». Пока это были эпизодические случаи, но никто не гарантировал, что толпа в любой момент не сдетонирует и не начнется полномасштабное восстание.

Королева передала генералу Бельведерскому приказ подвести войска к столице и дожидаться помолвки, чтобы ввести в столице режим тишины. Завтрашнее приглашение в Высокий Совет тоже немного беспокоило, как ноющий на периферии зуб. Но она привыкла решать проблемы по мере их поступления.

Первой в Зеркале появилась серенитская царица Иппоталия. Рядом с ней сидела старшая дочь Антиопа, которой Иппоталия планировала передавать власть. Обе женщины были в строгих темных нарядах-хитонах, без краски на лице, с собранными в узлы волосами. Прямые носы, идеальные губы, красивые брови, только Иппоталия все-таки чуть пофигуристее и постарше.

Увидев Ирину, она улыбнулась.

– Приветствую, ваше величество! Ты все такая же красавица, только выглядишь уставшей.

– И тебя приветствую, царица, – душевно ответила Ирина. С Иппоталией они всегда находили общий язык, не то что с правящими монархами других стран. – Все ли твои кобылки здоровы?

Царица Талия хохотнула.

– И кобылки, и жеребцы, милая, все прекрасно. А что у тебя там за безобразие творится? Совсем мужики от рук отбились? Ой, извини, Святослав, – бросила она, увидев, как поднял брови принц-консорт.

У серениток были весьма своеобразные представления об идеальной семье. Главенствовала всегда старшая женщина, которая могла официально иметь до трех мужей. Что сделаешь, если долгое время на острове Маль-Серене, отделенном от материка небольшим проливом, мужчин рождалось гораздо больше, чем женщин.

– Да, я обеспокоена, – подтвердила королева. – И еще очень интересно, зачем нас собрал Луциус.

– Сейчас все узнаем, – раздался бас короля Блатории. Он был мощен, черноволос и бородат, с пронзительными умными глазами. – Приветствую вас, мои прекрасные дамы.

Иппоталия сверкнула глазами, а Ирина улыбнулась и кивнула – король Гюнтер был известным дамским угодником.

– И почему, интересно, – пробасил он, – мы собираемся дистанционно, вместо того чтобы посидеть вместе, пообщаться поближе... Талия, может, заглянешь ко мне после совета?

– Может, и загляну, – благосклонно ответила царица, завлекательно поводя полными плечами. Ирина вдруг вспомнила, как Иппоталия несколько лет назад, на двадцатилетии своего восхождения на трон, когда на острове собрались высокие гости со всего континента, хвасталась норовистыми жеребцами. И когда один из них по какой-то причине взбесился, вскочила на него и сама лично вот этими обманчиво мягкими руками так придушила бедное животное, что тот покорился и рухнул, роняя пену. Да уж, серенитским мужикам не позавидуешь. А вот Гюнтер – мужик крепкий, его не сильно заламаешь. Ирина внутренне усмехнулась, представив себе, как вместо занятий любовью эти двое проверяют, кто сильнее. Настроение стремительно улучшалось.

В Зеркале уже появился молчаливый король Бёрмонта, Демьян, кивнул присутствующим и уткнулся в газету. Талия сделала страшные глаза и одними губами пробормотала: «Суров!»

– Я не суров, дорогая Иппоталия, – раздался из-за газеты голос правящего монарха, и царица поморщилась – забыла, что у оборотней-берманов абсолютный слух. – Простите меня, но во дворце нет ни минуты покоя, я с утра так наговорился на собрании министров, что для меня счастье помолчать.

– Конечно, Демьян, – вразнобой ответили его коллеги и примолкли. Демьян был гораздо младше всех, но так их порой отчитывал, что непонятно было, кто тут младше.

Зеркало тем временем уже показывало императорскую чету Йеллоувиня, чинно расположившуюся на высоком шелковом диване, и их первого наследника, сидящего у ног отца.

Все присутствующие встали и синхронно с императорской четой поклонились друг другу по восточному обычаю. «Надо было и Ангелину сюда привести, раз коллеги своих детей не постеснялись», – подумала Ирина-Иоанна. Хотя кто знает, о чем пойдет речь, а сюрпризов она не любила.

– Мои глаза восхищены счастьем видеть вас, братья и сестры мои, Ирина, Иппоталия, Гюнтер, Демьян, – мягким голосом произнес худой и высокий очень пожилой император Хань Ши. – Но где же наш сегодняшний хозяин? Опаздывает!

Йеллоувиньский император был очень пунктуальным и не переносил опозданий.

– Я уже здесь, – послышался нетерпеливый голос инляндского короля Луциуса. Высокий, стройный, рыжий, он усаживался в кресло. – Простите, коллеги, один из учеников мага, настраивающего Зеркало, упал в обморок, пришлось все заново начинать.

Все опять стали здороваться, спрашивать друг у друга стандартное «Как у вас погода, как дети-жены», и это затянулось минут на двадцать, пока молчавший Демьян Бермонт не произнес громко:

– Луциус, предлагаю вернуться к повестке дня. Я не могу сидеть тут до бесконечности.

И у всех сразу появился деловой настрой. А у монарха Инляндии появилось виноватое выражение на лице.

– Коллеги, я собрал вас здесь, чтобы официально объявить: из-за недостойного поведения Ангелины Рудлог мой сын настоял на разрыве договора о помолвке.

После этого наступила оглушающая тишина. Демьян Бермонт с громким шуршанием сложил газету, всем видом показывая: «Сейчас тут будет интересно», Гюнтер прошептал Талии: «Вот поэтому мы и собрались сегодня дистанционно», а королева Ирина-Иоанна преувеличенно ласково переспросила, чувствуя, как прекратившаяся было боль с новой силой застучала в виски:

– Лици, о каком недостойном поведении речь?

Луциус Второй, король Инляндии, опустил глаза, но твердо сказал:

– Ангелина крутит шашни со своим телохранителем. Народ моей страны не поймет, если второй принц станет принцем-консортом у б...

В глаза королеве ударила темная волна, и сквозь нее она видела, как Иппоталия привстает в возмущении со своего места, а кто-то, кажется, Гюнтер, кричит, срываясь в рычание: «Заткни свой поганый рот, Лици!»

Сзади Святослав положил руку ей на плечо, успокаивая, но Ирина этого уже не почувствовала. Плетки неконтролируемой ярости ударили по Зеркалу, заставив всех монархов выставить вперед руки в защитном жесте. Зеркало пошло волнами и помутнело, и придворный маг с учениками забормотали, двигая пальцами, пытаясь стабилизировать портал. С той стороны то же делали маги других государств.

– Ирина, успокойся, – кричал Гюнтер, а Талия что-то шипела Луциусу, сидящему неестественно прямо с выставленной вперед рукой и удерживающему защитный экран.

– Б...?! – орала королева, впавшая в фамильную рудложью ярость и хлеставшая Зеркало проклятиями. – Ах ты сукин сын, тварь, дерьмо поганое! Да моя дочь хранит себя нетронутой, пока вы, суки, оттягиваете помолвку, а твой сынок свой стручок половине королевства всунул! Да если бы я знала, хрен бы я в последний раз вам помощь в составе двух егерских полков отправила, может, сидел бы на троне очередной заговорщик и не смел на моих детей рот открывать!

Демьян Бермонт покачал головой, встал, легко удерживая щит, прошел сквозь нестабильное Зеркало, вызвав восхищенный вздох у тех, кто был в адекватном состоянии. Под щитом зашел к ничего не видящей, кроме Луциуса, Ирине и, спросив взглядом разрешения у Святослава, резко нажал орущей королеве на виски. Она сразу осела, в глазах посветлело, стали проявляться лица ее коллег. Талия, обеспокоенная и сердитая, Гюнтер, раздраженно выговаривающий что-то Луциусу, сидящему с красными пятнами на скулах, император с легкой спокойной улыбкой на желтом лице и его сын с расширившимися почти до нормального состояния глазами.

И очень близко – лицо Демьяна. Он держал ее за запястье и отсчитывал... три, два, один, в норме!

– Спасибо, Демьян, – сказала Ирина уже спокойно, – ты очень помог.

Бермонт молчаливо кивнул, принимая благодарность, и ушел к себе через Зеркало.

– Луциус, ты задница и скотина, и извиняться я не буду, – уже совершенно твердым голосом сказала королева. – Я так понимаю, это окончательное решение, и уговаривать тебя бесполезно.

Луциус кивнул, глядя ей в глаза.

– Тогда поделись с нами истинной причиной. Про поведение моей дочери – не надо меня смешить, все вы, кроме тебя, Талия, и вас, уважаемый император Хань Ши, – поклонилась она в сторону четы, – знаете, что такое желтая пресса. Никогда не поверю, Лици, что Лоуренса Филиппа, который героем скандальной хроники чуть ли не каждую неделю становится, или тебя могла смутить какая-то статейка. А уж своим подданным объяснить ты сможешь что угодно, как я год

назад объясняла, почему нареченный наследницы сфотографирован с двумя шлюхами в отеле. Так что, как я понимаю, это официальная причина. А какая реальная?

Король Инляндии смутился и сдержанно сказал:

– Я бы не хотел это сейчас обсуждать, коллеги. Ирина, мне очень жаль и за мои некорректные слова, и за разрыв помолвки. Я готов выплатить компенсацию и предоставить тебе батальон войсковой стражи в помощь. Думаю, она тебе понадобится.

– И выступишь, Лици, не сомневайся, – жестко сказала королева. – Но прежде изволь сочинить добропорядочную причину отказа от помолвки, безо всяких намеков на бесчестность или порченость моей дочери. Иначе я, клянусь Красным, разорву все договоры о военном сотрудничестве.

– Согласен, – Луциус, казалось, был счастлив, что все обошлось.

– И все же, кузен, – подал голос Гюнтер Блакорийский, – очень интересно, в чем причина этого спектакля и того, что малыш Лоуренс Филипп отказался от Ирининогo Ангелочка? Да будь мои ребятишки постарше, я бы зубами вцепился в такую возможность для второго принца!

Лицо Гюнтера вдруг озарилось.

– Постой, он что, всунул кому-то, от кого откупиться не получилось?

Кислый вид Луциуса подтверждал эту версию.

– И кто это? – продолжал глумливо допытываться король Блакории, прямо-таки светясь от пикантности ситуации.

– Тэри, – рявкнул Луциус, – я же сказал, что не хочу это обсуждать! Давайте лучше перейдем ко второму вопросу повестки дня...

– Коллеги, – раздался мягкий голос императора, и их величества примолкли, как нашкодившие дети перед дедушкой, – имея всю информацию, предположу, что причиной столь некорректной сцены стала прелестная Диана Форштáдтская.

У Гюнтера сверкнули глаза, Демьян поморщился, а царица Иппоталия, не удержавшись, засмеялась. Да, в Йеллоувине всегда была лучшая разведка в мире.

– Понятно, – протянула королева Ирина, – теперь все понятно. Или ты теряешь откупной за разрыв договора о помолвке, или весь

Форштадт. Как ты не уследил-то, Лици?

– А ты как за своими девчонками не можешь уследить, что их постоянно ловят в неудобных ситуациях? – огрызнулся Лици сухо. – Да, мы такими не были, к счастью.

– Были-были, ты просто одряхлел уже и ничего не помнишь, – усмехнулся Гюнтер и подмигнул виновнику скандала, вспоминая, как они с кузеном Лици в свои семнадцать лет ни одной юбки в летней резиденции Блáкори не пропускали. И как матушка, внушительная женщина, застав их на важном международном приеме вдвоем с одной фрейлиной, долго и вдумчиво материлась, обещая отправить отпрыска и дальнего кузена мыть раком полы в казармах, пока мозг от наклона не переместится туда, куда положено.

Луциус, похоже, прочитал его мысли, потому что поджал губы и твердым голосом продолжил:

– Коллеги, предлагаю рассмотреть вопрос о принятии в совет эмира Пёрсия. Эмират Тайтана сейчас, как мы знаем, вышел на приличный уровень экономики, ну а культурные различия не столь важны. Они давно уже подавали запрос. Что вы скажете?

Коллеги дружно проголосовали «за», потому что дружба с Тайтаной означала низкие цены на нефть и алмазы, а за это можно и потерпеть приторный запах духов эмира.

– И последний пункт на сегодня. Ирина, поведай, что творится у тебя в королевстве, хочется узнать из первоисточника, а не через разведку, и скажи, нужна ли тебе помощь?

Королева вздохнула и, преодолевая головную боль, кратко, почти по-военному, описала ситуацию.

– От помощи не откажусь, коллеги, – резюмировала она, – хотя в своих солдатах не сомневаюсь. Но всегда хочется иметь кого-то, кто долбанет по голове идиота с ружьем, идущего брать дворец, не терзаясь при этом сомнениями – вдруг это его родной племянник или брат жены?

– Я дам пятьдесят стрелков, больше не могу, прости, Ирин, – отозвалась царица Иппоталия.

– Этого более чем достаточно, дорогая сестра, спасибо, – благодарно улыбнулась королева.

– На меня не рассчитывайте, – Демьян покачал головой. – Я не поручусь, что мои воины не более опасны для вас, чем заговорщики.

– Конечно, ваше величество, это и так понятно, – успокоила его Ирина.

– Мои солдаты, увы, служат только мне, – сокрушенно произнес император. – Но я пошлю пятерку менталистов, пусть проверят и укрепят щиты.

– Вы очень добры, почтенный и великолепный император, – в общении с Хань Ши лести никогда не бывает мало, хотя сильных менталистов и у нее было навалом. Император тонко улыбнулся и тут же снова сделал каменное лицо.

– Мои гвардейцы завтра будут у тебя, – сказал уже повеселевший Луциус. А что печалиться: ни тебе крови, ни войны, одна бабская истерика – это он легко отделался.

– Мне нужно согласовывать с парламентом, – вздохнул Гюнтер, – а эти пустословы выводят меня из себя. Но если нужно, я могу отправить отряд личной стражи или оплатить наших частных телохранителей.

– Нет, не нужно, Тери, – улыбнулась королева. – Я не думаю, что в этом есть необходимость.

Их величества еще немножко посплетничали, и сеанс был закрыт.

– Я опять не сдержалась, Светик, – со вздохом сказала властительная королева, пока они шли на поздний обед. – Медитации, практики духовные, молитвы, духовники, приношения богам – все попусту. Не помогает. Гены берут свое. Сильно почернели?

Святослав остановился и заглянул ей в глаза.

– Сильно, – сказал он сочувственно. – Сколько еще вытерпишь?

– Не знаю, милый, – снова вздохнула она. – Уже чувствую – периодически прорывается, но пока могу гасить. И времени на это нет вообще... Ладно, буду действовать по обстоятельствам.

Генерал сухопутных войск Хофей Бельведерский молча рассматривал настоявшего на аудиенции гостя. Гость приехал в расположение штаба и просил встречи, утверждая, что у него есть крайне важная для генерала информация.

Гость Бельведерскому не нравился до такой степени, что он готов был встать и уйти, не начиная разговор. За свою более чем сорокалетнюю карьеру он видел множество людей, в том числе и тех, кто, обладая неприятной внешностью, являлся при этом прекрасным и добрейшим человеком. Но не в этом случае. Здесь, как вопила

генералу интуиция, внешность была едва ли не лучше того, что скрывалось внутри. Во всяком случае, взгляд темных маслянистых глаз гостя на фоне алкогольных синяков под глазами вызывал неприятное ощущение, будто в тебя целятся проклятием.

– Слушаю вас, – наконец произнес Бельведерский, подумав, что чем скорее он разберется с делом, тем лучше.

– Господин генерал, у вас ведь есть внучка? – прошелестел гость, растягивая полные губы в приятной улыбке, от которой его передернуло.

– Я не собираюсь обсуждать свою семью с человеком, который даже не потрудился представиться, – отрезал генерал, встал и пошел к двери. Правильно ему интуиция говорила: наверняка журналистик какой или другая дрянь. Но шелестящий голос догнал его уже у выхода:

– Я могу ее вылечить.

Генерал остановился, помолчал немного, затем вернулся, сел в кресло и отрывисто приказал:

– Говорите!

– Знаю, что медицина в вашем случае оказалась несостоятельна, как и приглашенные маги и духовники. Однако я гарантирую вам, что если вы согласитесь на небольшое одолжение, уже сегодня ваша малышка, – он чуть ли не причмокнул, говоря это, – будет здорова.

– Что за одолжение? – требовательно спросил Бельведерский. – Вам нужен чин или охрана?

– Нет, что вы, – кажется, предположение генерала позабавило его гостя. – Все немного проще. Вам вообще не придется ничего делать.

– Не тяните! – перебил военный, доставая зажигалку и сигарету.

– Через несколько дней вам придет приказ от ее величества – выдвигать подконтрольные части в город, чтобы прекратить беспорядки. Так вот, я хочу, чтобы вы... немного задержались с исполнением приказа. На два часа.

Бельведерский выпустил дым и, прищурившись, посмотрел на гостя.

– Так вы хотите, чтобы я нарушил присягу?

– Не нарушил, что вы, – залебезил гость, – просто немного задержал исполнение...

– Вон! – гаркнул генерал, долбанув рукой по столу. – Пошел вон, мерзавец!

Гость выкарабкался из кресла, куда его шарообразное тело едва уместилось, и уже от двери сказал:

– Вашей внучке сегодня станет лучше. Но, если вы не сделаете то, о чем я попросил, – она умрет. И, естественно, не стоит никому рассказывать о нашем разговоре.

– Во-о-он! – заорал генерал, вставая из-за стола.

– Да не кипятитесь так, милейший, – прошелестел гость из-за двери. – Если вы опасаетесь, что вас будут судить, то, уверяю, мы не только с вами работаем, но и с другими членами правительства и парламента.

– Охрана! – зычно рявкнул в пространство Бельведерский. Тут же в проеме образовалась пара дежурных пехотинцев. – Проводите господина до ворот, он уже уходит, – приказал генерал, а сам сел в кресло и зажег вторую сигарету. И с какими это членами правительства они работают? Неужто какие-то глупцы готовят переворот?

...Вечером Бельведерский зашел к сыну домой. Глаза невестки светились пролитыми от счастья слезами. Лежачая Настенька, тихо угасающая от четвертой стадии рака и не принимавшая пищу уже второй день, утром попросила поесть. И сейчас она выглядела как совершенно здоровая трехлетняя девочка, если бы не обритая голова. Она играла с отцом в лошадки, носилась и хохотала. Вызванные врачи и виталисты разводили руками – настоящее чудо!

Откинувшись на дверной косяк, старый генерал почувствовал, как у него кольнуло и заныло сердце. Сукин сын подцепил его на надежный крючок.

Часть 2. Глава 3

7 лет назад, Иоаннесбург

На следующее после монаршей встречи утро королева, как обычно, просматривала газеты и личную почту. В прессе наступила странная тишина, даже известие об отмене помолвки было дано в нейтральных тонах (если не считать откровенно желтых газетенки). Информация о предстоящей встрече королевы с Высоким Советом тоже давалась весьма скупо, даже без привычных фантазий на тему. И протестующие сегодня как-то попристихли, но это неудивительно – с утра началась настоящая летняя жара, а орать, требовать свободы и обвинять тиранов на жаре несколько труднее, чем в приятную комфортную погоду.

Среди утренней почты Ирина с удивлением увидела письмо от Талии, отправленное срочным курьером. Странно, вчера только виделись, что могло произойти? Но, открыв послание острым ножиком для бумаг, она только горько улыбнулась. Талия единственная из всех глав государств прислала ей официальное приглашение на случай угрозы жизни при перевороте – для всей семьи, личных слуг и тех аристократов, которые захотят уехать. Приглашение позволило бы пройти через межгосударственный телепорт без предварительной заявки и ожидания решения погранслужбы. Личный королевский телепорт располагался в Семейном крыле, и попасть туда в случае чего можно было довольно быстро. Королева мысленно пообещала себе не забыть этот дружественный жест и, если все уладится, придумать, как достойно отблагодарить царицу Маль-Серены.

В парке и дворце, кстати, уже располагались присланные Талией стрелки. Коротко стриженные, в хитонах до колена, мощные и накачанные, вооруженные, они вызывали боязливый интерес со стороны мужской части охраны. Некоторые пытались заигрывать с мрачными воительницами, но получали суровый отлуп. У серениток с мужиками было строго, и инициатива всегда принадлежала женщине. Это вызывало забавные по сравнению с континентом перекосы – из-за малого количества женщин мужчины старались приукрасить себя вовсю, тогда как избалованные отсутствием конкуренции дамы

относились к своему внешнему виду с явным пренебрежением. А зачем стараться, если будь ты трижды косая, лысая и хромая, – к тебе все равно выстроится очередь из желающих связать себя узами брака?

Ирина всегда недоумевала, почему бедные серенитские мужики, которые, по материковым меркам, были настоящими сокровищами и умели буквально все – от готовки до выращивания роз, да и в битвах были хороши, – не уезжают через пролив в ту же Инляндию, где женщин, наоборот, в избытке. Видимо, играют роль какие-то культурные и традиционные заморочки.

Ладно, хватит расслабляться, что там на повестке дня?

Все уже позавтракали и разошлись. У Марины сегодня начинались соревнования по конному спорту, и она очень просила мать, если получится, прийти поддержать ее. Ирина обещала постараться, но объяснила, что от нее мало зависит, а зависит больше от того, сколько будут вещать парламентарии.

Полли, оказывается, во время памятной поездки в торговый центр купила огромный батут. И теперь они с Алинкой, ради такого даже отложившей книги, прыгали и бесились на нем, установленном за верандой, под тревожными взглядами охраны, готовой ловить, если принцессы вдруг начнут вылетать с упругого полотна.

Ангелина с Василиной сегодня посещали дом престарелых, расположенный далеко в области, с подарками и своеобразной инспекцией, поэтому их ждали только к вечеру.

Ее величество задумалась о старшей дочери. Ангелина на удивление спокойно приняла известие об отмене помолвки, после того как королева как могла деликатно объяснила ей, что Лоуренс вынужден жениться на другой. Но принцесса прекрасно понимала, что этот отказ сродни оскорблению, ведь статус первой наследницы и будущей королевы был заведомо выше, чем у второго сына короля. И причины, побудившие Лоуренса отказаться, должны были быть сильнее желанного и почетного статуса принца-консорта.

– Видишь, желания исполняются, мама, – сказала Ангелина с коротким сухим смешком, подкрашивая губы сдержанной помадой цвета «утренняя роза». – Будем надеяться, что следующий претендент окажется более приятным.

Да уж, желания исполняются. Единственным желанием королевы было отдохнуть. Уехать куда-нибудь подальше и отоспаться там до

опухшего лица и ленивости во всем теле. Но не в этой жизни, видимо. Вместо этого пришлось поднимать себя и идти в Высокий Совет.

Здание Высокого Совета входило в большой дворцовый ансамбль, но стояло особняком, практически у самой витой ограды, отделяющей площадь имени Победоносца от территории дворца. Располагающееся в десяти минутах ходьбы от Семейного крыла, оно представляло собой изящный образец старой архитектуры – в виде крытого круглого амфитеатра, украшенного снаружи колоннами, с отдельными входами для членов королевской семьи, парламентариев и приглашенных граждан.

Внутри, перед расположенными полукругом рядами кресел, которые поднимались ступеньками почти до второго яруса, и министерскими ложами, расположенными как раз на втором ярусе, находилась невысокая сцена с трибуной для выступлений. Но, увы, эта трибуна была предназначена только для членов Совета. Монархи с давних пор выступали с маленькой, размером со скворечник, ложи над сценой, расположенной слишком высоко, видимо, чтобы подчеркнуть их превосходство над аристократией.

По дороге в здание Совета, когда Ирина уже почти подошла к выходу из Семейного крыла, ее искусно перехватил спешащий Игорь Иванович. Он поклонился, взял королеву за локоток и настойчиво отвел в ближайший кабинет.

– Я тороплюсь, полковник, – недовольно заявила она, – давайте позже. Меня ждут в Высоком Совете.

Он будто не услышал, насильно вручив ей тоненькую папочку.

– Подождут. Посмотрите, это не займет много времени, ваше величество.

– Что это? – спросила она, листая папку с фотографиями парламентариев, министров и генералов.

– А это, ваше величество, неполный список лиц, которых за последнюю неделю посетил некто Щеглов, заместитель господина Смитсена. Возможно, есть и другие. В большинстве случаев узнать о том, о чем они говорили, не представляется возможным. К счастью, среди них оказался мой старый должник, назовем его господин А., и он, поверьте, свой долг вернул с лихвой. Господин Щеглов настойчиво и прямолинейно вербует ваших подданных, используя в качестве пряника крайне необычные чудеса. Например, у нашего премьер-

министра встала и пошла парализованная жена. А у этого моего должника внезапно умерла дальняя родственница, оставив ему крупное состояние, а он был в очень стесненных обстоятельствах.

Смитсен прокололся в том, что А. за последние годы стал крайне верующим и перво-наперво после его прихода и внезапного известия о наследстве побежал советоваться к духовнику. А духовник прямо сказал, что такая власть над жизнью и смертью может быть только черной природы, и посоветовал деньги отдать детям родственницы, а про посещение рассказать властям. Что он и сделал, прежде чем спешно покинуть столицу.

Лично его Щеглов за полученное наследство просил сегодня проголосовать за сокращение ваших полномочий, моя королева, и за возможность смены правящей фамилии.

У Ирины-Иоанны сжались зубы.

– Смену фамилии, значит, им, да, Игорь? – прошипела она, внимательно разглядывая лица в папке. – Что ж, спасибо за работу. Это крайне важная информация.

– Ваше величество, уезжайте, – попросил он. – Давайте скажем, что принцесса очень переживает несостоявшуюся помолвку и вы поедете лечить ей нервы в загородную резиденцию. А лучше – подальше, на море! Я никак не могу понять, что творится, я не могу спрогнозировать, когда рванет и рванет ли, и мне это не нравится. Если мы имеем дело с магом или черным огромной силы, это может угрожать лично вам, детям, слугам ближнего круга. Мне будет спокойнее работать, зная, что вы в безопасности.

Королева пристально посмотрела на него.

– А к тебе он не подходил, Игорь Иванович?

Лицо начальника разведуправления словно окаменело.

– Подходил, Ирина Константиновна.

– И что предлагал, интересно?

– Ничего, что я не смог бы преодолеть, ваше величество, – сказал он сквозь зубы.

«Вы ведь хотите быть с ней? – искушал омерзительный человек напротив. – Бросьте копать под Смитсена, и через неделю вы уедете вместе...»

Взгляд королевы проник, казалось, до самого его затылка, но она вовремя опустила глаза.

– Я в тебе никогда не сомневалась, Игорь. А по поводу отъезда ты прав. Сегодня отправлю телепортом слуг и распущу придворных, а завтра с утра уедем мы с семьей. Старшие сегодня до вечера в отъезде, сегодня уже не успеем. Распорядишься? А то я не знаю, сколько времени займут у меня эти болтуны.

Стрелковский снова поклонился:

– Конечно, моя госпожа, сейчас же распоряжусь.

Ирина благодарно кивнула, пошла дальше, и тут ее скрутило по-настоящему. Кожа вспыхнула, в глазах зажглось красное марево, тело отяжелело и заныло. Она с хрипом согнулась пополам. О Великая Богиня, как же не вовремя!

Сзади ее подхватили уверенные руки, и сквозь свое тяжелое дыхание королева услышала:

– Моя госпожа, что с вами?

– Игорь... не трогай меня, – прохрипела она, усилием воли пряча глаза. – Отведи меня к Савелию, быстро. Только держи за одежду, прошу.

– У меня есть перчатки, сойдет? – спросил он.

– Да-а-а-а, – почти прорычала Ирина, – быстрее!

В своих покоях придворный маг, заставший еще ее отца, быстро оценил ситуацию и, не касаясь королевы, вколол ей двойную дозу антидота. Ирину быстро отпускало, но кризис никуда не делся – она уже одной ногой была в нем. Черт бы побрал этого придурка Луциуса с его озабоченным сынком и ее несдержанность! Так бы она точно до конца недели продержалась, а там уже на море нашла бы кого-нибудь побезопаснее... А тут... Игорь снова чуть не попал...

– Ваше величество, – обеспокоенно сказал маг, – я бы настоятельно рекомендовал вам никуда сегодня не ходить. До завтра антидота должно хватить, но чем дольше вы противитесь, тем сильнее потом отдача.

– О чем речь? – спросил стоящий у двери во время процедуры Стрелковский.

– Игорь, уйди, бога ради, тебя это не касается! – в голосе ее величества прозвучали стальные нотки.

– Да? – серьезно проговорил он, и в его глазах она со страхом увидела отблески воспоминаний. – А мне кажется, что касается.

– Пошел вон! – крикнула она в смятении.

– Простите, ваше величество, – Стрелковский опустил глаза. – Я клянусь, больше не скажу ни слова. Но позвольте мне проводить вас до зала Совета. Как человек, отвечающий за вашу безопасность, я обязан это сделать.

До здания Совета они дошли молча. У выхода из дворца к ним присоединились личные телохранители королевы, и к Совету подходили уже вчетвером, но Ирина остро чувствовала только одного мужчину сзади.

– Я буду здесь, – сказал Игорь ей в спину, когда они зашли в здание и она остановилась перед входом в зал Совета. – Дождусь вас.

Заждавшиеся парламентарии гудели как гнездо растревоженных ос. Увидевший королеву снизу взволнованный спикер с облегчением выдохнул и объявил в микрофон:

– Прошу встать. Ее величество королева Рудлога Ирина-Иоанна!

Она расправила плечи и вошла в свою ложу, спокойно улыбаясь и оглядывая зал. Ирина чувствовала себя немного оглушенной после приступа и успокоительного действия антидота. Зал был заполнен едва ли наполовину, часть министров в министерской ложе тоже отсутствовала. «Побежали крысы с корабля», – зло подумала она. Зато в гражданском отделении на третьем этаже Совета кто-то был. Присмотревшись, Ирина узнала в стоящем на галерке человеке надоевшего ей до мозга костей господина Смитсена. Рядом с ним расположился грузный, рыхлый коротышка с лицом забулдыги.

В крови, сдерживаемая антидотом, забурлила ярость, и тут же тело вспыхнуло, заныло. Усилием воли она остановила себя, холодно смотря прямо в глаза врагу. Эх, долбануть бы по тебе проклятием, скотина, чтобы ты под себя ходил и кровью блевал, за все, что ты с нами и со страной сделал. Но нельзя. Во-первых, если она использует магию, то и антидот не спасет, во-вторых, если это сделать на глазах аристократии, то ее от свержения ничего не убережет, спасибо, если в тюрьму не посадят. Рисковать нельзя.

Ответивший на взгляд королевы высокий приятный медиамагнат, словно прочитав ее мысли, издевательски поклонился и приподнял шляпу. Она позволила себе презрительно искривить губы и величественно наклонить голову и с удовлетворением отметила, как полыхнули злостью глаза противника.

Господин Смитсен обладал внешностью человека, сразу располагающего к себе. Невысокий, изящный, но не тощий, сдержанно одетый, с чисто выбритым, не считая аккуратных «кавалерийских» усов, лицом и мягкой, даже где-то застенчивой улыбкой, он был похож на почтенного учителя или профессора средних лет. Тот самый возраст, когда вся юношеская дурь уже позади, а старость еще далеко впереди. Тем удивительнее было то, что, несмотря на безусловный успех у женщин – и из-за внешности, и из-за манер, и, конечно, из-за безумного количества денег, – никто и никогда не видел его с дамой, и в отчетах агентов ни разу не упоминалось, что у него дома была женщина.

Спутник Смитсена, наоборот, производил впечатление абсолютно разложившегося в моральном плане человека. Он был толст, но не здоровой полнотой зажиточного горожанина: его тело было одутловатым и рыхлым. Лицо с висящими щеками и подбородком, синяки под глазами, сами глазки-щелочки – и весь он был как будто мокрый или намащенный, непрерывно вытирающий лоб и лицо платком.

Сравнив счет с Смитсеном, королева наконец-то села, позволяя сесть и застоявшимся парламентариям.

Место монарха, или, как она едко называла его про себя, насест для королевы, было маленьким, жестким и неудобным. Видимо, чтобы монарх, общаясь с дворянством, не забывал о том, что расслабляться и терять бдительность нельзя.

Пока спикер оглашал повестку дня и порядок выступления, Ирина изрядно заскучала. Никогда она не думала, что смещение правителя – такое обыденное и нудное дело. Но вот на трибуну поднялся премьер-министр Северян. Достал блокнот, немного нервно протер очки и начал:

– Уважаемые коллеги, уважаемые парламентарии, ваше величество! Мы все видим, в какой непростой ситуации находится сейчас наша страна! Производство и потребление падают, люди теряют рабочие места, задыхаются от налогов. По статистике, в этом году количество нищих выросло на двенадцать процентов, беспризорников – на семь процентов, оставляемых в роддомах детей – тоже на семь процентов. Социальные кухни при храмах и храмовых комплексах

испытывают острую нехватку продуктов и не могут накормить всех нуждающихся, потому что число их увеличивается.

Из более чем семидесяти миллионов наших граждан за последний год почти три миллиона стали жить за чертой бедности, в основном это происходит в маленьких провинциальных городках и деревнях. Беднота уходит в крупные города искать лучшей доли, но при этом увеличивает социальную нагрузку в самих городах. Увеличилось на тридцать восемь процентов количество тяжких и особо тяжких преступлений, а воровство выросло почти вдвое! Народ бунтует, требует снижения налогового бремени, улучшения помощи населению!

Он перевел дыхание и снова наклонился к микрофону:

– И, к сожалению, все чаще эти угрозы и недовольство выливаются на королевскую семью и лично на вас, ваше величество! Люди считают, что вы живете в недопустимой роскоши, что ваша семья слишком много покупает и тратит. Народные парламентарии, представители бунтующих, предлагают реформировать систему управления государством и сделать парламент не только аристократическим, но и представительским от нетитулованных граждан, с возможностью формировать кабинет министров и дворянами, и простыми гражданами. Также... – тут Северян запнулся и посмотрел вверх, на Смитсена, – должность премьер-министра должна быть выборной и без социальных барьеров, а часть обязанностей королевы, которые вы несете с большим трудом и, как видно из ситуации, с которыми не всегда из-за сильной загруженности можете справиться, должна перейти к нему.

Северян замолчал и со страхом посмотрел на королеву.

– О каких обязанностях идет речь? – ласково спросила Ирина.

– Утверждение бюджета, финансовой политики, назначение министров, управление армией, налоговыми органами...

– То есть, – все так же смиренно проговорила ее величество, – вы любезно предлагаете мне снять все обязанности по управлению государством, оставить только декоративные и представительские функции, а фактическое место главы государства уступить премьер-министру?

Замысел Смитсена стал ясен. Противник явно хотел пробиться в премьеры. Но вот зачем все это? И она еще раз внимательно взглянула

на него, пока премьер собирался с силами для ответа. Непонятно. Власти у него и так чуть ли не больше, чем у нее. Министры и аристократы либо куплены, либо запуганы. В чем смысл?

– Д-да, – наконец ответил Северян и умоляюще посмотрел на королеву. Ей бы непременно стало его жалко, если бы он не был предателем. Хотя в чем-то она его даже понимала. Что такое долг вассала перед монархом и перед родиной против счастья любимого человека? Если бы с детьми или со Светиком случилось что-то непоправимое, то что она могла бы сделать, на что пойти, чтобы это исправить? Не дай боги оказаться перед таким выбором.

– И что, – королева нарочито благожелательно оглядела напряженно взирающих на нее подданных, – все из вас эти... свежие предложения поддерживают? Может, проголосуем? Господа, встаньте, пожалуйста, те, кто согласен с предложением премьера.

Очень медленно и неохотно зал стал вставать. Аристократы и высокие советники краснели, бледнели, потели, тряслись, но поднимались, словно их сверху кто-то тянул за невидимые ниточки. На королеву не смотрел ни один. Смитсен же с интересом поглядывал вниз, словно отмечая в голове галочкой встающих.

Из почти сотни присутствующих сидеть осталось меньше трети.

Пока ее величество наблюдала за организованным предательством, она вдруг почувствовала легкое касание. Как будто кто-то набросил на нее сверху мягкую и почти невесомую сетку. Невольно дернувшись, Ирина даже заметила переливчатое свечение нитей, похожих на растекающуюся бензиновую пленку на поверхности воды. Нить от сетки тянулась к Смитсену, и он не мигая глядел на королеву, делая при этом вращательное движение рукой. Будто закручивая бутылку.

Затылок начало жечь, глаза заслезились. Ирина, конечно, могла бы снять с себя проклятие одним всплеском силы, но тогда приступ начался бы прямо здесь. И она терпела, чувствуя, как острые нити сетки до боли стягивают ее тело, заставляя мышцы сжиматься в судорогах, пока не сработала защита королевской ложи, сетка не полыхнула, а черный не отлетел к стенке ложи от отдачи. Услышавшие стук подняли головы вверх и быстро опустили их обратно. Да уж, знатно он их запугал.

– Я поняла вас, господа, – сказала Ирина с улыбкой. – Можете садиться.

– Каково ваше решение? – спросил премьер с натугой.

– Я еще не знаю, – отмахнулась королева. – Сами понимаете, господа, решение очень серьезное, мне нужно подумать несколько дней, условия прописать, посоветоваться с семьей, с юристами. Давайте соберемся через неделю в это же время, и я вам его озвучу?

Северян покосился наверх, и Ирина-Иоанна краем глаза увидела, как поднявшийся Смитсен кивнул ему.

– Конечно, ваше величество, пусть так и будет, – засуетился премьер-министр. – Тогда заседание можно объявлять закрытым?

– Постойте, – повелела ее величество. – Я не услышала альтернативы. Что будет, если я не проявлю, как вы сказали, здравомыслие и добрую волю и откажусь?

В зале установилась мертвая тишина. И вдруг несколько человек, из тех, кто не поднялся, захлопали. Пусть их аплодисменты прозвучали не очень внушительно в огромном полупустом зале, но на сердце стало как-то легче, ведь даже маленькая поддержка спасает от отчаяния.

– Э-э-э... Ваше величество, вы же разумная женщина, – заблеял окончательно потерявшийся Северян. – Народ разгневан, может произойти что угодно.

– Понятно, – улыбнулась Ирина. – Значит, либо отход от управления государством, либо переворот. А в живых меня и детей оставлять планируется?

– Ну что вы такое говорите, ваше величество, – почти натурально возмутился премьер.

– Понятно, – произнесла королева еще раз. – Ну, тогда я буду думать. Благодарю всех за встречу, это было очень... познавательно.

И она встала и вышла, ощущая на себе все эмоции зала – страх, жалость, раздражение, восхищение и угрозу, исходившую от приятного человека, стоящего на галерке.

– Моя госпожа, – позвал мрачно следующий за мчащейся ко дворцу королевой Стрелковский. Телохранители профессионально чуть подотстали, давая им возможность поговорить. – Ваше величество, так я распоряжаюсь об отъезде?

Она остановилась, взглянула на него, и в глазах ее было столько злости и решимости, что его будто в стену впечатало.

– Нет, Игорек, мы еще повоюем, – в голосе Ирины слышались какие-то даже безумные нотки, как у командира последнего гарнизона перед решающей битвой с многократно превосходящими силами противника. Начальник разведуправления с тревогой посмотрел на свою королеву. Ее болезненный азарт ни к чему хорошему привести не мог, но Ирина явно решила поставить на победу все. – Собери мне через три часа тех, в ком ты уверен. Не важно, пусть это будет не министр, а третий помощник секретаря министра. Мне нужны единомышленники, которые не продались. Да, тем, кто далеко, не звони, вдруг прослушивается. Хотя... извини, не мне тебя учить.

– Они дали вам неделю, ваше величество, – напомнил он.

– Ну и что? Сдаться, позволить связать руки и всю жизнь проработать церемониальной куклой? Не-е-е-ет, мы еще повоюем! – Она снова пошла вперед, и только нервные подергивания плеч, как у разгоряченной лошади, и взмахи льняных волос показывали накал ее нервозности. – Зато все маски уже сброшены. Теперь мы знаем врага в лицо. Игорь, – Ирина-Иоанна снова остановилась, подождав, пока он подойдет поближе, – дай задачу агентам, я знаю теперь, что нужно искать. Смитсен – черный, очень сильный. Я читала когда-то давно о них, только темным по силе мощные проклятия. Пусть поищут у него в доме доказательства. Мы его уроем, этого ублюдка! Как бы ни накручивал он толпу, опротестовать арест демона не сможет никто. Да! И подыщи мне консультанта по темным. Не такого, что демонов видел только в своих бесконечных диссертациях и единственное занятие его – брэнчать регалиями. Мне нужен практик, опытнейший и лучший среди лучших!

– Хорошо, ваше величество, – Игорь Иванович поклонился и быстро зашагал к противоположному от Семейного Зеленому крылу. Он знал, к кому обратиться. И хотя в душе безопасника все восставало против авантюры королевы, за долгую работу на нее он прекрасно уяснил, что в таком состоянии лучше не спорить, а по-военному четко выполнять приказ. Поспорить можно будет потом. А пока... надо продумать запасные варианты эвакуации. Настоять, чтобы большинство слуг и придворных покинули дворец и уехали в загородную резиденцию, например, объяснив для публики, что они

должны подготовиться к приезду королевской семьи через неделю. Собрать агентов, выслушать отчеты, составить план действий. И поприсутствовать на стратегическом собрании королевы, чтобы знать хотя бы примерно, чего ждать и от чего ее потом спасать.

Святослав, встречающий супругу у входа, был как всегда с закатанными по локоть рукавами и пятнами земли на коленях – опять, наверное, лично ползал по объекту, проверяя уровни и разметку. Он сразу понял, что ее величество изволит гневаться. Поэтому заседающих в столовой младших принцесс, напрыгавшихся до дрожи в ногах и набесившихся на хороший второй завтрак, он быстро отправил в детскую вместе с плюшками и чаем, заодно проверил, как ведет себя Каролинка (они с няней разучивали какой-то детский танец). Вернувшись в столовую, принц-консорт попросил слуг удалиться, сам налил жене чая, добавив тоника из личных запасов, и сел слушать.

Святослав мало понимал в политике, но искренне переживал из-за травли, устроенной его семье и детям. И если бы им пришлось пообщаться со Стрелковским, он бы горячо поддержал его предложение уехать и оставить разборки с врагом профессионалам. Но Ирина закусила удила, и ее было не остановить.

Выслушав рассказ королевы, принц-консорт испугался. За нее. И, обычно мягкий и спокойный, потребовал:

– Ира, эти игры не для тебя. Отдай приказ арестовать всех предателей. Введи в столицу войска, разгони этих бездельников, установи комендантский час. В армии, уверен, большинство офицеров верны тебе и исполнят свой долг достойно. Невозможно взять и купить триста тысяч человек военных и дворян. Не нужно играть по его правилам и на его поле, ты – суверен огромной страны, в твоей власти казнить и миловать. И не время сейчас рисковать или умничать, извини. Ты уже как тень, на тебе лица нет. Сколько ты еще продержишься?

– Светик, – сказала Ирина устало, раздосадованная его напором, – я не смогу держать бóльшую часть дворян королевства под арестом. У них у всех есть частные армии, пусть маленькие, но то, что ты предлагаешь, приведет как минимум к кровопролитию, а как максимум – к развалу страны. Самое безопасное и бескровное – уйти, как они и предлагают, сохранив лицо. Может, я бы и поступила так – чтобы

уберечь тебя и девочек, – если бы не нападение Смитсена на Совете. И если бы я понимала, ради чего он это делает. Ну нет ему смысла рисковать так и соваться под суд и обвинения в измене, если только за всеми этими манипуляциями не стоит какая-то непонятная нам цель. Смитсену даже для воздействия на законодателей не нужно лезть в кресло премьера – он легко может купить принятие любых законов, пролоббировав их через свои каналы так, что я не смогу их не подписать, – иначе очередная толпа дураков тут же соберется перед нашими воротами. И зачем ему лишать меня власти? Не понимаю, и это меня нервирует. Я не хочу оставлять страну неизвестно на какую судьбу, хоть сейчас эта страна и повернулась ко мне задницей.

Принц-консорт хотел еще что-то сказать, но Ирина остановила его, подняв ладонь вверх:

– Все, не спорь со мной. У меня нет на это сил. Надо набросать свои мысли к собранию, а от антидота я отупевшая, как курица.

И добавила, видя, как муж поджал губы:

– Извини, милый, но я на последнем издыхании. Не обижайся. Принеси мне лучше ручку и бумагу. И... просто посиди со мной, ты придаешь мне уверенности.

Часть 2. Глава 4

7 лет назад, Иоаннесбург

О чем говорилось на секретном королевском совещании – неведомо, ибо проходило оно за закрытыми дверями и тройным щитом придворного мага. Все присутствующие предварительно подписали договор о неразглашении полученной информации. Но зато когда двери открылись, любопытствующие слуги смогли увидеть выходящего начальника разведуправления, мрачного и качающего головой; руководителя государственного канала с парой журналистов, что-то взволнованно обсуждавших тихими голосами; начальника охраны дворца, главврача Королевского лазарета и даже известного певца Василия Луча́. Были там и другие, не столь известные персоны. Все расходились с выражением некоей растерянности и задумчивости на лице. А уставшая и почти сорвавшая голос на убеждениях и уговорах королева сидела в пустом кабинете на столе и жадно пила воду из бутылки. Заглядывающие немногочисленные придворные видели, что Святослав Федорович что-то взволнованно говорит ей. Сама же королева словно похудела вдвое и почернела. До вечера у нее должна была состояться еще одна встреча – с вызванным Стрелковским магом, специалистом по черным. А сейчас была возможность немного отдохнуть, переодеться, принять душ и пообедать.

Маг должен был появиться ближе к вечеру. И можно было бы, наверное, выделить время и успеть заехать к Марине на соревнования, но заставить себя отвлечься от напряженной работы ее величество так и не смогла. Поэтому она попросила мужа взять младших девочек, кроме Каролинки, благополучно после обеда уложенной спать, и съездить вместо нее.

Марина наверняка расстроится, но она уже большая девочка и поймет объяснения матери. А времени просто нет, и терять его смерти подобно.

Мага звали Стáров Алмаз Григорьевич, и жил он на окраине второго по величине города в Рудлоге – Великой Лесови́ны. Королевство Рудлог исторически делилось на три огромные части –

Центр, Юг и Север. Лесовина была столицей Севера, и люди, проживающие в ней, отличались крайней степенью честности и нелюбознательности. Соседи не лезли в жизнь друг друга и ничему не удивлялись, и именно поэтому в городе нашли прибежище чудаки, отшельники, художники, ремесленники и философы со всего королевства. В Лесовине не было многоквартирных домов, только частные, в большинстве своем необычные и яркие, и поэтому она расплзлась своими улочками и районами по окрестным лесам как дрожжевое тесто. Жители Севера были заядлыми охотниками, грибниками, рыбаками – местность недаром называлась Страной тысячи озер.

Иоаннесбург выглядел примерно так же еще сто лет назад, но столица развивалась бешеными темпами, а вот Лесовина осталась прежней.

Пожилой маг с чрезвычайно светлыми, словно прозрачными глазами, бородой и копной седых волос вызвал у королевы почти благоговение. Он был очень сильным: Ирина то и дело ловила свечение его ауры, и если у обычных магически одаренных это свечение было тусклым, как свет свечи в дальней комнате, то у Алмаза Григорьевича оно просто било в глаза как прожектор.

В кратком досье, предоставленном Стрелковским, было написано, что Старов более пятнадцати лет назад ушел с позиции ректора Магического университета, которую занимал почти полвека, и ударился в философию и изыскания. Какое-то время совмещал ректорство с работой придворным магом при ее отце, Константине Рудлоге. Написал множество магнаучных трудов, понятных лишь специалистам, и то не всем. Периодически брал на стажировку студентов, половина из которых этой самой стажировки не выдерживала из-за неуживчивого нрава руководителя и сбегала.

Неизвестно, каким образом Игорь смог разыскать его, уговорить оторваться от своих дел и доставить в такое короткое время, но Ирина понимала, что общение с этим человеком будет очень полезным.

Но перво-наперво, не успели сопровождающие выйти из кабинета, а она – открыть рот, Алмаз Григорьевич оглядел ее с ног до головы и сварливо заметил:

– Что ж вы сжигаете себя, ваше величество? Если срочно не сбросите энергию, так и в сумасшедший дом попасть можете!

Он покачал головой, а потом как собака втянул носом воздух.

– Руки поотрывать тому магу, кто колет вам антидот! Блокаторы родовой магии работают как мины замедленного действия, вы вообще не сможете себя контролировать, если сорветесь. Умеете сбрасывать энергию?

– Да оно как-то само получается, почтенный, – усмехнулась такой отповеди королева.

Алмаз Григорьевич пригляделся, чуть скосив глаза. Выглядело донельзя забавно.

– Да уж вижу, – он приглушенно выругался, – ничего не умеете. Папаня ваш такой же был. Сколько раз я говорил – приезжай ко мне на недельку, научу, пьянство это не доведет до добра. Он как раз излишки энергии в выпивке сбрасывал...

– А... сейчас меня научить не сможете? – с надеждой спросила королева, только час назад из досье узнавшая о том, что сердитый профессор был знаком с папенькой, из-за бесконечных запоев слишком рано закончившим свои дни.

Старов покачал головой, потеревил бороду.

– Простите, ваше величество, но для того, чтобы научить гигиеничному сбросу энергии, не хватит нескольких часов. Так что в этот раз сделаете как умеете, только не дотягивайте до приступа, прошу, иначе последствия могут быть печальными. Не для вас, конечно, вам ничего не грозит. А потом приезжайте ко мне в Лесовину, я еще при вашем батюшке, в самом начале его правления, служил придворным магом и о некоторых ваших родовых... особенностях осведомлен лучше, наверное, чем кто-либо в королевстве.

Ирина-Иоанна расстроено подумала, что в ее ситуации «потом» может и не случиться. А вслух сказала:

– Уважаемый профессор, собственно, для того, чтобы я могла со спокойной душой приехать к вам, мы и позвали вас. Я бесконечно благодарна, что вы откликнулись на просьбу...

Алмаз Григорьевич махнул рукой:

– Давайте к сути дела, милая. Не будем терять время на официальщину, поверьте, я ее наслушался в свое время по самое горло.

Ирина с некоторым раздражением и восхищением подумала, что только человек, поднявшийся над повседневностью, может позволить себе подобным образом общаться с королевской особой. Хотя с чего

ему благоговеть, если он старше ее раза в три и знал ее отца, когда она еще не родилась?

– Я хочу понимать, с кем имею дело, почтенный.

И Ирина подробно рассказала историю господина Смитсена: о чудесах, с помощью которых он воздействовал на ее подданных, о его неожиданном богатстве и его сегодняшнем нападении.

– Понимаете, – закончила она, – я не встречалась с черными, хотя в свое время, пытаясь разобраться в нашей родовой магии – ведь мы тоже умеем проклинать и воздействовать на сознание, – кое-что успела прочесть, когда позволяли дела. Хроники, воспоминания моих предков... признаться, совсем немного, хотя нужно бы... Натыкалась я и на упоминания о потомках Черного Жреца. И у меня создалось впечатление, что Смитсен слишком силен для простого темного. Ведь когда он бросил в меня удушающую сеть, я чувствовала, что он балуется или проверяет мои возможности, что для него это так же легко, как высморкаться. Я хочу понимать, достаточно ли у меня сил, чтобы защититься от него, и вообще – кто он такой?

– Эх, молодежь коронованная, – вздохнул профессор, – да и папеньке вашему спасибо, что так рано отошел в мир иной и ничему вас не научил толком. Почему вы меня раньше не нашли, спрашивается?

Королева пожала плечами.

– Да я как-то и не помнила о вас, – призналась она.

– Ваша семья и многочисленные родственники, ваши многоюродные братья-сестры и так далее никоим образом к черным не относятся, потому что происходите вы от Красного Воина Огня, ваше величество, – произнес Старов торжественно.

– Об этом мне известно, – улыбнулась Ирина, но маг продолжал лекцию:

– Это магия крови, родовая. У вас, красных, способности по большей части стихийные, проявляются неожиданно или в минуты стресса, но вам не нужно подпитываться от других людей, чтобы их использовать. Вы скорее, – тут он хмыкнул, – используете людей, чтобы сбросить излишки энергии, и сами являетесь ее источником. А черные происходят, как нам известно, от Черного Жреца Смерти. И их отличительная особенность – они берут энергию не как вы, из своей крови, а вытягивают ее из других людей. Кстати, всегда думал, что

любопытно было бы поставить эксперимент – взять потомка Красного за источник, а потомка Черного – за поглотитель источника. Считаю, что силы второго выросли бы многократно, если не до бесконечности. Такая вот у вас кровь, да... так о чем это мы? – опомнился он.

– Вы можете сказать, кто такой Фабиус Смитсен? – напомнила Ирина.

– Сказать не могу, предположить могу, – профессор подошел к окну, полюбовался парком. – Я, с вашего позволения, останусь сегодня во дворце, только пошлю сообщение ученикам, что вернусь завтра. Мне бы надо посмотреть на него, прощупать. Вы удивительные вещи рассказали про случаи исцеления, – Старов pokrutil пальцами нос, задумавшись. – Ведь если смерть легко устраивается ядом или проклятием, то восстановление парализованного человека или излечение от уже почти разрушившей тело болезни, к сожалению, ни магии, ни медицине неподвластно.

– Ну и? Кто это? – у королевы никогда не хватало терпения на долгие разглагольствования.

– Скорее всего, демон, одержимый, – легко сказал профессор, и Ирина непонимающе посмотрела на него. – Но еще раз повторю: я могу ошибаться и хотел бы ошибаться. Я сам встречался с демонами всего дважды, очень давно. И хотя знаю про них поболее остальных, все равно остается много белых пятен. Я предполагаю, что демоны – это духи из другого, Нижнего мира, которые прорываются к нам и по каким-то причинам вселяются в носителей черной крови. В таком случае человек может сойти с ума, но даже если не сходит, личность его меняется – и биография господина Смитсена это подтверждает. Демонический дух усиливает способности потомков Черного, а в них, как нам известно, входит способность убирать тяжелые болезни, восстанавливать материальное тело, останавливать эпидемии. Но дело в том, что для прорыва духов из Нижнего мира нужно очень много энергии. Все же необходимо посмотреть на Смитсена – проявившиеся черные обладают весьма характерной аурой. И интересно было бы понять, если моя гипотеза верна, – как он проник к нам?

– В досье говорится, что перед тем, как вернуться сюда, группа Смитсена попала под обвал, их накрыло в какой-то пещере, – напомнила королева.

– Мало! Камнепад или даже оползень не может сгенерировать проход, – поморщился Алмаз Григорьевич. – Нужно мощнейшее землетрясение, да и то такой проход очень недолговечен, закрывается через несколько минут после самого мощного толчка. Еще вулканы, разломы – там да, там могут быть более-менее стабильные проходы, и то нам неизвестны просуществовавшие более получаса. Через них обычно сначала лезет безмозглая, хоть и крайне опасная нижнемировая живность, огромные инсектоиды. Но такие случаи крайне редки. А проявлений демонов вообще я могу припомнить единичные случаи за всю историю наблюдений. Ничего хорошего они не несут. И всегда есть причина для их появления.

– И... какая же причина может быть в нашем случае? – обеспокоенно спросила Ирина. От обилия информации и новостей об их таком знакомом и относительно безопасном мире у нее снова разболелась голова.

– Спланированная диверсия? – предположил маг, внимательно глядя на нее. – Мы для них не только источник энергии, но и тела для проживания в уравновешенном мире. Хотя где демон, там уже о равновесии говорить не приходится. Возможно, Смитсену нужна энергия для того, чтобы открыть проходы для других духов, а кто обладает энергией большей, чем носитель королевской крови? Но, – Старов спохватился, – это все может быть лишь моей фантазией, не более. Слишком мало мы про них знаем. Давайте, как решили, я завтра на него посмотрю, и потом продолжим общение.

– Давайте, – проговорила растерянная королева. Демоны, проходы в другие миры – этого оказалось слишком много для одной монаршей особы. Нужно было разложить все по полочкам, записать появившиеся вопросы и, воспользовавшись тем, что профессор остается до завтра, вытянуть из него как можно больше информации. Особенно о своей семье. Отец умер, когда Ирине было пятнадцать лет, и ничему научить особо не успел.

Она распорядилась, чтобы Старова разместили со всеми почестями и удобствами, выполняли все желания, а сама села набрасывать список вопросов. Солнце уже клонилось к закату, должны были вот-вот вернуться старшие принцессы, когда в комнату ворвалась Алина.

– Мама, мама! – закричала она.

– Подожди, милая, – попросила королева, дописывая мысль. Иначе потом забудет. – Что такое?

Оказалось, девочки со Святославом Федоровичем вернулись с Марининых соревнований и, пока отец общался с конюхами (принц-консорт был страстным любителем лошадей), решили поиграть в прятки. И вот уже двадцать минут Алина с Мариной не могут найти Полинку. Внутренний компас ведет их в конюшню, но найти там сестру они не могут, на крики и просьбы выйти она не откликается.

Все это королева слушала, уже быстро вышагивая рядом со скачущей вприпрыжку Алиной по направлению к конюшням. «Боги, неужели ее похитили? Только не это», – внутри королевы все сжималось от страха за своего ребенка, хотя она прекрасно ощущала Полли в той стороне, куда направлялась.

У конюшен уже суетились вызванные Святославом охранники, слуги прочесывали окрестный парк. Однако невидимая нить притяжения от ее девочки явно тянулась в конюшню, рассеиваясь там, где, по идее, должна была прятаться Полина.

– Ничего не понимаю, – говорил встретивший их на входе в конюшню принц-консорт. – И Алина, и Марина в один голос утверждают, что их тянет сюда. Не под землю же она провалилась!

– На крыше смотрели? – спросила королева, входя в конюшню.

– Да. Может, она ударилась обо что-то и теперь без сознания? – предположил Святослав.

В стойлах был полумрак – яркий свет в вечернее и ночное время делал лошадей тревожными. Обеспокоенные обилием чужих людей животные тихо фыркали и переступали с ноги на ногу. Марина с расстроенным видом стояла в центре конюшни, но пока держалась, не плакала.

– Как соревнования, милая? – ласково спросила мать и королева, обнимая ее. Дочка несколько раз шмыгнула носом.

– Заняла третье место, мам. Жалко, что ты не видела. А теперь вот и Полли пропала, – и она все же всхлипнула.

– В стойла заходили? – спросила Ирина, осторожно открывая первое и внимательно оглядывая его. Тут оказался жеребец Святослава, и спрятаться было некуда. Во втором стояли кобылка Полинки и жеребенок. В третьем было пусто.

– Ничего не понимаю, – повторила она слова мужа. – Я ее тут чувствую. Должна быть здесь.

– Мам, – Марина тронула ее за руку, – спасибо, кстати, за жеребенка. Она такая красавица!

Королева почувствовала, как сильно забилося ее сердце.

– Я не покупала никакого жеребенка, Мариш, – сказала она медленно, возвращаясь ко второму стойлу. Маленькая лошадка стояла, забившись в угол, и дрожала. – Святослав, – позвала она, чувствуя, как в ней поднимаются ужасные подозрения, – ты не покупал?

Он отрицательно покачал головой. Подозванный конюх тоже не смог объяснить, откуда в стойле взялась новая лошадка.

– Ой-ёй, – тихо сказала королева, зашла в стойло, не обращая внимания на недовольно метнувшуюся лошадь, подошла к жеребенку.

– Полли? Девочка? – неуверенно позвала она.

Кобылка мотнула головой и вдруг, как маленький ребенок, заплакала крупными слезами, покотившимися по рыжей шерстке, и стала тыкаться носом в руки королевы. От осознания простой истины Ирина похолодела. Здравствуй, седые волосы; удивительно, если в зеркале она не увидит, что поседела по крайней мере наполовину. Ее величество обняла малышку и сама не удержалась от слез.

– Светик! – крикнула она. – Я не знаю, что делать! Я никогда с таким не сталкивалась! Это Пол, она каким-то образом превратилась в животное или кто-то ее превратил! Пожалуйста, вели срочно позвать остановившегося у нас профессора магии, может, он сообразит, как вернуть ее обратно!

К моменту прихода Старова ревела вся семья, обнимая и глядя лошадку и обещая, что все будет хорошо. Принц-консорт поочередно успокаивал жену и дочерей и сердился на задерживающегося мага. Он, женившись на Ирине, уже привык, что от супруги и детей можно ждать чего угодно удивительного или непостижимого. Его собственная родовая магия была очень слабенькой, направленной на понимание растительного мира: где какому дереву или цветку будет хорошо или почему болеет лес. Но превращения в животных и ментальные истерики старшей принцессы (или жены) – это что-то непостижимое, конечно.

– Эх, молоде-ежь, – недовольно покачал головой маг, увидев плачущих женщин. – Так, развели тут сырость, пре-кра-тить! Что

случилось?

– Вот, – королева показала на лошадку, – я думаю, что это моя дочка. Она как-то перекинулась и, наверное, не знает, как перекинуться обратно. И я не знаю.

– М-да, – профессор подошел к жеребенку, схватил его за мордочку, посмотрел в глаза. – Вашего отца действительно стоило бы воскресить и хорошенько выпороть за то, что он не потрудился вас обучить. Вы не в курсе, что все Рудлоги – полиморфы?

– Поли... что? – спросила королева, с тревогой наблюдая, как Алмаз Григорьевич что-то шепчет лошадке на ухо и она кивает ему в ответ.

– Полиморфы, – повторил профессор. – Вы можете принимать форму любых живых и неживых существ, мимикрировать под них, если проще.

– Я-я-я? – от удивления королева даже начала заикаться.

– И вы, ваше величество, и ваши дочери, это наследственная способность, – как дурочке пояснил Алмаз Григорьевич. – О боги, как можно так жить, вообще ничего о себе не зная? Достаточно же было заглянуть в любые записи ваших предков! Хотя и в этом нет вашей вины, припоминаю, что ваш батюшка тоже на моей памяти ни разу не перекидывался. А вот ваш прадед любил, любил, жаль, что не дожил до вашего появления, может и обучил бы. Та-а-ак, - он наморщил лоб, - для полиморфов, насколько я помню, есть ограничение – в ином состоянии можно находиться не более получаса, максимум – сорок минут, иначе сознание начнет меняться. Можно навсегда остаться в теле перевертыша. – И он ласково потрепал Пол по носу. – Будешь перекидываться обратно, милая?

Лошадка снова кивнула, и все затаили дыхание.

– Тогда найди внутри себя узел энергии у солнечного сплетения, это называется «якорь полиформы». И рассей его мысленным усилием. Эй, только не так резко!

«Лошадка» на глазах перетекала в стоявшую на коленях голенькую девушку. Это выглядело как изменение формы капли воды – никаких отпадающих хвостов и отрастающих волос, просто перетекание. Пол стояла с закрытыми глазами, вся вспотевшая и трясущаяся, и тоненько визжала от страха.

– Вот умница, молодец, – Старов деликатно отвернулся, а Святослав снял рубашку и надел ее на дочку, затем поднял принцессу на руки и понес ко дворцу. Остальные пошли за ним. Ирина же шла рядом с профессором, сокрушавшимся, что такая могущественная семья фактически глуха, слепа и безрука из-за безалаберности ее отца и дедов. Королева договорилась, что они обязательно приедут к магу всей семьей, чтобы научиться всему, что он помнит о способностях представителей дома Рудлог.

У входа во дворец Ирина еще раз поблагодарила Алмаза Григорьевича, и он ушел к себе в покои.

Пока лейб-медик и придворный виталист проверяли Пол, пока приехавшим старшим сестрам рассказывали, что случилось, пока четвертая Рудлог объясняла, как это у нее получилось... «Я просто захотела спрятаться и представила, как здорово бы было, если бы я стала лошадкой, мам, и никто бы меня не сумел найти»... И пока все отпивались от стресса чаем с молоком и отъедались горячими булочками, прошло немало времени. Королева, добравшаяся в конце концов до постели, уснула сном смертельно уставшего человека.

А с утра началась полномасштабная контратака по всем информационным фронтам. Точнее, она началась еще вечером, с разведки боем, когда вернувшиеся после совещания с королевой работники телевидения запустили по государственным каналам двухчасовой фильм о достижениях Рудлога за время правления Ирины в сравнении с другими государствами.

Популярный певец Василий Луч вышел вечером на многотысячном своем концерте в футболке со словами поддержки в адрес королевы. А перед самой кассовой песней объявил, что он с помощью ее величества запускает по всей стране музыкальные школы и школы искусств с питанием и проживанием для одаренных, но бедных детей, и что благодаря королеве все его концерты в следующем году будут бесплатными.

Надо ли говорить, что об этом гудела вся страна?

Конечно, подвластные Смитсену СМИ сразу постарались опозлать этот шаг, задав вопросы: «А почему этого нельзя было сделать раньше?» и «Интересно, сколько денег в карман положит певец за поддержку режима Рудлог?» Но на следующий день после концерта Василий Луч дал интервью, в котором рассказал, что

программа готовилась давно и половина суммы – личные средства королевы, а половина с его помощью собрана у спонсоров и меценатов. Тут же показали счастливые лица бедно одетых детишек, которым предстояло учиться в школах, несколько интервью с их достойными многодетными родителями, взяли крупным планом наполненные слезами глаза простой бедной горожанки... в общем, королева повела в счете.

А с утра во вторник, после извлечения Полли из конюшни, отлично выспавшаяся и ничуть не седая Ирина-Иоанна с дочерьми вышли на трибуну перед протестующими. Королева выглядела простой и понятной в черной водолазке, с забранными в хвост волосами и минимумом косметики. Принцессы были юны, печальны и трогательны.

Недавно проснувшаяся толпа застыла перед королевской семьей от изумления. И пока она не очухалась, Ирина начала говорить.

Она говорила о том, что разделяет и понимает желание протестовать в сложных условиях жизни, но при этом уверяла, что делает все для преодоления кризиса. Королева описала, как болит ее сердце, когда она видит столько неустроенных, но социально активных людей, и поблагодарила за то, что они своей активностью донесли до нее проблемы в государстве, которые не всегда доносил кабинет министров во главе с премьером.

Она сказала, что имеет возможность, но не хочет отправлять их по домам силой, и поэтому для всех протестующих будут оборудованы палатки для сна – чтобы не спали на голой земле, мобильные душевые кабинки, организовано горячее питание. А для тех, кто потерял работу, сейчас же будет установлен стол от службы занятости со списком доступных вакансий – чтобы безработные снова смогли работать и кормить семьи.

– Долой! – вдруг раздался крик из толпы, и несколько голосов поддержали его, но крикнувших быстро «замолчали» слушающие.

А королева продолжала. Она льстила, подспудно угрожала, обращалась к родительским чувствам, к долгу и достоинству. Она сказала, что из-за тяжелого положения в бюджете все на площади будет установлено на деньги, полученные от продажи их с принцессами личных драгоценностей, за исключением исторических или религиозных символов короны. И что каждый, абсолютно каждый

человек может оставить ей жалобу или просьбу в специальном ящике для писем, с которыми она обязуется разобраться. И это касается всех протестующих во всех городах.

И пусть Ирину провожали не бурными овациями, а всего лишь одобрительными аплодисментами, этот раунд она тоже выиграла. Естественно, выступление ее величества транслировалось в прямом эфире, и на особо спорных моментах камера демонстрировала очаровательную Каролинку, смущенно прячущуюся за мать.

«Королева испугалась и пошла на уступки и подкуп протестующих!» – завопила смитсеновская пресса.

«Сколько же мужества в хрупкой женщине, не побоявшейся без охраны с детьми выйти на площадь, полную ее недоброжелателей», – возражали им прокоролевские медиа.

И не то чтобы там не было охраны – на самом деле вся площадь была под перекрестным прицелом снайперов и присмотром гвардейцев и боевых магов, переодетых в штатское. Но ведь знать об этом никому не обязательно, правда?

Вопли воплями, а возможность поспать в нормальной постели, поесть горячей еды, помыться и получить работу всегда убедительнее, чем эфемерные лозунги о справедливости и смещении власти. Если, конечно, вопящие не делают это за большие деньги.

В тот же день, через час после выступления, королевская семья в полном составе дала развернутое интервью с ответами на прямые вопросы телезрителей. Были там и неприятные, и даже хамские. Однако все они были встречены улыбками и понимающим киванием.

– А как вы объясните тот случай, когда принцесса Ангелина черной магией чуть не убила несколько десятков людей?

Королева печально улыбнулась в камеру.

– Конечно, никакой черной магии там не было. Всем известно, что королевские и аристократические семьи Туры обладают родовой магией, полученной от божественных предков. Наша сила, сила семьи Рудлог – от воплощенного в теле человека бога-праотца, Красного Воина. Ангелина – стойкая девушка, но то, что пришлось пережить ей и мне как ее матери, я никому не пожелаю! Ведь у вас, – обратилась она к сидящим в студии людям, – у многих есть дети.

Слушатели закивали.

– Представьте, что ваших детей постоянно преследуют, освещают не только официальные моменты, но и личные, интимные. Вот вы, уважаемая, – Ирина обратилась к расположившейся на первом ряду полной женщине с лицом, вызывающим доверие, – что бы вы сделали, если бы в примерочную вашей дочери прокрался фотограф и сфотографировал ее голой?

– Да я б прибила его собственными руками! – возмущенно пробасила женщина. В зале раздались одобрителльные выкрики, а ее величество кивнула:

– Я знала, что мать всегда поймет другую мать. За своего ребенка мы отдадим все. А что же делать бедной девочке, когда она оказалась одна, без защиты, и мама далеко? Ангелина – трепетный, очень впечатлительный ребенок – (камера выхватила, как Ангелина покраснела и потупилась), – естественно, подобное хамство ввергло ее в истерику. Признаться, и я бы была выбита из колеи. А в истерике сработала наша родовая магия, которая к черной не имеет отношения. Эти слухи смехотворны.

– Но как мы можем быть уверены в этом? – настаивала ведущая.

– На вас серебряные серьги? – спросила в ответ королева. – Не дадите на несколько минут?

Ведущая сняла серьги, королева взяла их в руку, сжала в кулак, подержала так секунд тридцать, разжала. Рука была без опалин и ожогов. Серьги она отдала Ангелине, та тоже подержала в кулаке и передала дальше сестрам. Черные, по поверьям, не терпели серебра и если краткие прикосновения еще выносили, то долгие давали ожоги и боль.

– Ну, мне кажется, тут даже нечего спорить, – улыбнулась ведущая.

– А вдруг у вас не серебро! – крикнул кто-то из студии. – Давайте еще проверим для надежности!

Королевская семья перетрогала все серебро, бывшее в студии, на чем тема о природе их магии была закрыта.

«Королева пытается снискать дешевую популярность», – голосили просмитсеновские газеты и каналы.

«Королевская семья становится ближе к народу», – возражали им оппоненты.

После интервью Ирина-Иоанна встретила с Алмазом Григорьевичем.

Профессор снова осмотрел ее, недовольно хмыкнул, но ничего не сказал по поводу ее состояния.

– Посмотрел я на вашего оппонента, ваше величество, – произнес он, кривясь, – точно говорю: он черный, проявившийся. Очень аура похожа на ауру одержимого, хотя черные умеют скрывать проявления своей родовой силы, но мне удалось засечь остаточные эманации от его манипуляций. К сожалению, это не приложишь в МагКонтроль... да и не питался он ни от кого, как ни странно, а для проверки нужны большие обоснования. В любом случае, я на вас и девочек установлю щиты, он не сможет подойти к вам. Мой щит, конечно, не будет держаться все время, его нужно обновлять, но первые дни сработает. А вот то, что черного этого нужно из мира нашего убирать, – это точно. Не место иным сущностям на этой планете.

– А вы можете его убить? И как вообще это делается? – спросила королева, до последнего надеявшаяся, что Смитсен просто жадный и беспринципный делец со способностями мага, а не какое-то там вселившееся существо.

– Я могу, – невозмутимо улыбнулся Алмаз Григорьевич, – но я вам вряд ли понадоблюсь. Я очень занятой человек, и простите меня, ваше величество, но прыгать как заяц туда-сюда я не буду. По имеющемуся опыту скажу – демона можно ослабить присутствием духовников, и тогда справиться с ним сможет сильный боевой маг. Одержимые живучи, и, чтобы их уничтожить, надо разрушить физическую оболочку до такого состояния, чтобы он не смог ею управлять. Лишить головы или в нескольких местах перебить позвоночник. У вас сильный придворный маг, нужно лишь попросить Его Священство из Храма Всех Богов прислать вам духовников на подмогу. Сделаете, милая?

– Конечно, – со смешком сказала королева. Уж очень ее забавляли покровительственный тон профессора и его непочтительное к ней отношение.

Маг недовольно покрутил головой, потербил бороду и все-таки не сдержался.

– Легкомысленная девочка, как и все Рудлоги. Все тянете? Ждете, пока накроет и управлять собой не сможете?

– Да я как-то... – королева опустила глаза. – ...Стесняюсь... уж проще, когда накроет. Тогда вроде как и не я...

– Считайте это лечебной процедурой, и нечего ее стесняться, – строго сказал Алмаз Григорьевич.

– Хорошо, – королева вздохнула, – отправлю куда-нибудь семью и попробую сама.

– Вот и умница, – маг почти по-отечески потянулся потрепать ее по голове и только в последний момент, спохватившись, убрал руку.

Дети с радостью, а Святослав с некоторой тревогой восприняли мысль во второй половине дня уйти телепортом на море, в семейное имение – Лазоревое. Но королева их уговорила, с тем условием, что после купания вечером родные будут готовиться к завтрашним интервью и встречам, а завтра с утра вернутся во дворец. Сама она провела еще несколько интервью, посетила съемки кулинарного шоу, встретила с министрами и к половине десятого вечера еле доползла до кровати. Сняла макияж, приняла душ и провалилась в сон, забыв и про предупреждение мага, и про свое обещание.

Сны обычно ей снились, полные какой-то чепухи, но не страшные. Сейчас же, стоило закрыть глаза, она сразу поняла, что попала в кошмар. Вокруг нее были зеркала, и в них отражалась маленькая девочка. У девочки были ее глаза и волосы. Ирина моргнула – девочка моргнула в ответ. Ирина помахала рукой – ей помахали в ответ.

– Ты кто? – спросила она детским голосом, и многократно усиленное эхо понесло ее вопрос по лабиринту из зеркал.

– Я – это ты, – сказало одно из отражений и на глазах начало расти... стареть... рассыпаться в прах.

Ирина отвернулась, ей стало плохо. В зеркале напротив она увидела себя обнимающей окровавленную, переломанную Марину. Отражение подняло глаза и внезапно с улыбкой подмигнуло ей настоящей.

– Нет! – крикнула королева с болью.

– Да, да, да, – зашептали зеркала, надвигаясь на нее и закручиваясь в водовороте. Ее взгляд выхватывал страшные картинки: вот Полина и Алина вспыхивают как свечки и падают, корчась, на пол, вот Ангелина выходит замуж, поднимает фату, а вместо лица – череп, вот Святослав, раненый, без руки – из плеча торчит обугленная кость, а

изо рта идет пена, вот Игорь Иванович, дергающийся в судорогах, вот она сама, с выжженными волосами и бровями, с кровью, идущей из глаз и носа. Мерзкие картинки словно танцевали вокруг под чей-то отчетливо слышимый радостный мужской смех.

– Сгинь, нечистый, – произнесла королева, с усилием выталкивая слова из непослушного, схваченного судорогой горла, и выплеснула чистую силу наружу, выжигая кошмар синим пламенем. Она постаралась дотянуться до источника смеха и даже услышала, как взвыл, словно ошпаренный, ее недоброжелатель, но тут сон лопнул, будто мыльный пузырь, и королева проснулась.

Игорь Иванович Стрелковский тоже валился с ног. Со вчерашнего совещания он не уходил домой, отсыпаясь в комнатке за кабинетом. Удалось немного поспать и перед вечерним совещанием с агентами. Нужно было максимально оперативно собрать компромат на тех членов Совета, которые пошли на поводу у Смитсена, и проверить, что им важнее – парализованная жена или собственная жизнь, например. Конечно, многое было уже готово, но в таких делах лишняя информация никогда не помешает.

Двое агентов были внедрены в дом Смитсена под видом слуг и честно работали там уже три и четыре месяца соответственно, в удобные моменты обыскивая комнаты и пытаясь найти что-то, что позволит надолго и прочно усадить медиамагната за решетку. Да, они сильно рисковали, но их работа в принципе предполагает риск. Зато оплата соответствующая.

Нужно было окончательно согласовать с начальником охраны стратегию защиты дворца на случай атаки, план эвакуации королевской семьи и придворных. Новость о том, что их противник чуть ли не демон, мало беспокоила начальника разведуправления, несмотря на то, что он уже сталкивался с проявлениями темной силы много лет назад. Но окажись господин Смитсен хоть самым Черным Жрецом – его, Игоря Стрелковского, задача – обезвредить врага, и вопрос состоял только в подборе исполнителей и наличии рабочего плана. И он быстро писал, раскладывая заметки, проекты приказов и планы по разным папкам, стараясь не упустить ни одной мелочи.

Начальник разведуправления дописал распоряжение об усилении штата «слухачей» «болтунами», распространив нужные и полезные слухи, потянулся, закинув руки за голову, и продолжил

писать, когда услышал далекий стук каблучков в коридоре. Никого, кроме него, в управлении не оставалось, коридор был длинный, темный, и свет из-под двери начальника казался маяком тем, кто решал навестить его во внеурочное время.

Цок-цок-цок-цок – уверенно стучали каблуки по мраморному полу, и гулкое эхо повторяло этот стук в длинном коридоре. Игорь Иванович, мало чего боявшийся в этом мире, почувствовал, что у него увлажнились ладони, а в животе закрутился холодный страх, как перед опасным заданием или прыжком с парашютом. Стрелковский помнил этот стук очень хорошо. И оказался совершенно не готов к тому, что услышит его снова.

Перед его дверью шаги замедлились, остановились... и он не знал, чего хочет больше – чтобы она открыла дверь или чтобы развернулась и ушла.

Но дверь открылась, и мужчина опустил глаза, чтобы не смотреть ей в лицо.

– Ты же ни к кому не приходишь дважды, – сказал Игорь Иванович, упорно глядя в стол.

– Посмотри мне в глаза, Игорь, – хрипло попросила она, и в ее голосе он услышал мурлыкающие вибрации, на которые тут же отозвалось его тело.

– Нет, – Игорь Иванович для надежности закрыл глаза. – Уходи, Ирина.

Ее величество тихо и низко засмеялась, отчего волосы у него на затылке встали дыбом, а руки сжались в кулаки.

– Я не уйду, – шепнула она, и по звуку шагов он понял, что она обходит его сбоку. – Открой глаза, – прошептала королева ему на ухо, касаясь губами, обхватив тонкими пальцами подбородок Игоря и с силой поворачивая его лицо к себе. – Не вынуждай меня заставлять тебя.

– Нет! – прорычал он, рывком поднимаясь с кресла, и, перехватив руку, толкнул Ирину лицом к стене. – Я не хочу так! Не нужно играть со мной, ваше величество!

Он точно знал, что будет, если посмотрит ей в глаза – сейчас чернее ночи, как воронки, они лишат воли. Мгновения ослепительной страсти, такой, что не помнишь себя, а затем – холод, пустота и одиночество. И сны, наполненные запретными воспоминаниями, и

ощущение, что сходишь с ума, потому что тело кричит: «было», – а память шепчет: «не помню».

Королева, прижатая к стене, была очень горячей, почти обжигающей, одетой в какое-то тонкое летнее платье на голое тело, и эта близость и доступность сводили с ума, а от волос пахло так, что у него помутилось в глазах и захотелось попробовать их губами. Пальцы в его руке дрогнули, погладили ладонь и вдруг больно впились в кожу острыми коготками.

– Игорь, – промурлыкала она, подалась назад и потерлась о тело мужчины, – неужели ты думаешь, что можешь удержать меня?

От нее вдруг ударило разрядом, да так, что он отлетел, перелетел через стол и упал за ним, больно стукнувшись затылком и на мгновение потеряв ориентацию. Королева присела, опираясь на руки, и прыгнула за ним как кошка. Приземлилась сверху, практически вышибив из него дух, и зажала его руки над головой.

– Посмотри мне в глаза, черт возьми! – почти прорычала она ему в лицо. – Игорь, посмотри мне в глаза!

– Я сказал – нет! – рявкнул он упрямо, с силой отталкиваясь от пола и переворачиваясь вместе с ней. Она оказалась зажатой между ним и полом. Игорь предусмотрительно отвернул голову от ее лица и внезапно почувствовал, как она зашипела от злости и вцепилась зубами в его предплечье. Острые зубки терзали кожу сквозь рубашку, а он почти блаженствовал, чувствуя и извивающееся желанное тело под собой, и ее тоненькие руки в своих, и сбившееся вверх от их борьбы платье, и горячий, острый запах возбужденной женщины.

Кажется, она все-таки укусила его до крови, потому что вдруг сталализывать ранку, прямо поверх ткани, а потом почти умоляюще попросила:

– Игорь, ну пожалуйста... Ты мне так нужен...

– Нет, – ответил он глухо, поднимаясь и поднимая ее за собой.

Королева молча встала, поправила платье и вдруг, размахнувшись, с яростью вlepила ему пощечину, отчего его голова дернулась вбок. Замахнулась дать вторую, но он перехватил ее руку и, чувствуя, как срываются внутренние запреты, схватил за волосы у затылка, рванул на себя и жадно впился в губы, сминая и словно заявляя права на ту территорию, куда сам себе запретил ходить. Ирина тут же отозвалась, застонала, закинула на него ногу, и он, не прекращая поцелуя, забрался

под шелковое прохладное платье, жесткой рукой сжал ягодицы, чувствуя восхитительный жар ее кожи.

Ждать больше не было сил, и он подхватил ее, сделал несколько шагов, не переставая жадно целовать, опустил на стол, прямо на бесценные отчеты и папки с аналитикой. Королева лихорадочно расстегивала ему брюки и шептала в губы: «Быстрее, пожалуйста, быстрее», и от этого шепота он окончательно сошел с ума, схватил ее за бедра, наверняка оставляя синяки, пододвинул к себе и вошел, слыша возле уха ее хриплый вскрик и, наверное, крича сам.

В этой близости, во влажном дыхании и столах, в исцарапанной спине, отлетающих с рубашки пуговицах и сорванном платье, в шлепках и болезненных поцелуях не было ничего нежного или заботливого – они пользовали друг друга, как животные, рыча, кусаясь и царапаясь и стараясь не потерять ритм, затягивающий их под цунами наслаждения. И взрыв был невероятно острый, горько-сладкий, как и вся любовь начальника разведуправления к своей королеве.

– Я люблю тебя, – сказал он ей, неся свою обессиленную госпожу в комнату за кабинетом.

– Я знаю, Игорь, – прошептала она, улыбаясь и целуя его в грудь. От этой простой ласки он вздрогнул и чуть не выронил ее. Возбуждение, которое после прошедшего урагана должно было спокойно спать, снова проснулось в нем, учащая дыхание и делая мучительно чувственным прикосновение ее обнаженного тела.

– Ты невыносимо прекрасна, моя королева, – хрипло прошептал он в ответ, опуская ее на кровать и становясь перед ней на колени. – Я никогда не видел никого прекраснее.

Затаив дыхание, Ирина следила, как этот невероятно сильный и выдержанный мужчина, словно поклоняясь ей, прикасается губами к ее телу, посасывает и покусывает соски, вдыхает воздух между ее грудей. Поворачивая голову, касается мягких полушарий губами, гладит бедра со следами его страсти и длинные ноги, целует пальцы на ногах, щекочет пятки – она залиvisto смеется и отползает, – прикусывает внутреннюю сторону бедер зубами, ложится щекой ей на живот и, прикрыв глаза, вдыхает запах их яростной любви. А она запускает руки ему в волосы и гладит по голове, пропуская между пальцами короткие пряди.

Разомлевшие, они лежали, медленно лаская и изучая друг друга, пока она вдруг не оказалась на животе, снова кричащая от восторга и удовольствия, а Игорь – сверху, с силой опускающийся на нее в извечном ритме, доводящем обоих до иступления.

После они пили вино, ели в полутьме какое-то обнаруженное в ящиках стола засохшее печенье, долго смотрели в окно на спящий подмигивающий огнями трасс и бодрствующих квартир город. Игорь стоял сзади и целовал ее волосы, зарывался в них носом, а затем внезапно спросил:

– Полина – моя дочь?

– Да, – после небольшой паузы ответила Ирина, и руки, обнимающие ее, на миг стали жесткими.

– Почему ты не сказала мне? – глухо произнес Игорь, но объятий не разомкнул, только притянул ее теснее.

– А как? – сказала она тихо. – Ты не помнил ничего. Как мне подойти к тебе и признаться: «Прости, я отымела тебя без твоего ведома и забеременела, вот твой ребенок»? Ты ведь жениться тогда собирался... Почему ты не женился?

Он так долго молчал, что ответ стал очевидным, и она испугалась силы его чувств. Плечи покрылись мурашками, и вдруг стало понятно, что в комнате холодно.

– Как это... происходит с тобой? И почему? – спросил Игорь наконец.

– Не знаю, – ответила королева со вздохом. – Это как-то связано с тем, как часто я колдую. Если вообще не использовать магию, то, наверное, ничего не будет происходить. А если использую... меня в один прекрасный момент начинает всю ломать, я горю, становлюсь как кошка мартовская и вижу, кто мне нужен, чтобы... ну, снять приступ...

– У тебя глаза черные в эти моменты, – заметил он. – А сейчас не черные. Значит ли это, что сейчас ты со мной не потому, что тебе нужно «снять приступ»?

Вместо ответа королева повернула голову и поцеловала его, нежно, долго, и Игорь ответил со всей силой и пылкостью давно и безнадежно влюбленного человека.

Пытаясь насытиться ею в эту ночь, когда ее любовь принадлежала только ему, Стрелковский не хотел думать о том, что завтра будет больно и, возможно, гораздо больнее, чем когда бы то ни было. Но

едва осязаемая горечь предстоящей разлуки все равно заставляла Игоря спешить, и вот он уже разворачивает ее к себе лицом, подхватывает под колени и прижимает спиной к прохладному стеклу окна. И снова водоворот, снова шепот и вскрики, снова горячая плоть любимой женщины, запрокинувшей голову и кусающей губы от силы его любви, ее дрожь и страстные мольбы, судорожно сжимающиеся на его плечах пальцы, головокружительный запах волос, вкус кожи и волны ее наслаждения, когда она бьется в его руках и выкрикивает своим невероятным, сорванным от страсти голосом его имя. Это навсегда останется с ним, что бы ни случилось.

До утра было еще несколько часов, и Ирина погрузилась в легкую дремоту, лежа поверх тела Игоря, крепко обняв и уткнувшись носом ему в шею. Стрелковский не спал: он гладил королеву по спине, перебирал волосы, вдыхал ее запах и думал о том, что же ему делать дальше.

Утром у них была еще пара часов для любви, но все имеет свойство заканчиваться, и вот уже вызванная горничная с каменным лицом принесла королеве платье, завезла им завтрак. Они пили горячий чай и молчали – каждый о своем, а может, об одном и том же, кто знает?

Перед уходом Ирины Игорь крепко, до боли, обнял ее и упрямо прошептал:

– Я люблю тебя.

Королева печально улыбнулась, поцеловала его в последний раз и ушла, унося с собой весь воздух, которым ему можно было дышать, и все то, ради чего это стоило бы делать.

Часть 2. Глава 5

7 лет назад, Иоаннесбург

Дни мчались за днями, а королева, будто получившая второе дыхание, с поражающей всех энергией продолжала свой отчаянный бой. Она почти не ела и спала урывками. Святослав Федорович, правильно поняв произошедшие с супругой изменения, радовался тому, что она больше не срывается в приступы, но и беспокоился за ее моральное состояние. Их отношения были построены на таком доверии и близости, что он никогда бы не сказал ей ни слова упрека. Ревновал ли он? Поначалу – да. Сейчас Святослав скорее считал это несчастьем любимой жены и был готов на все, чтобы ей не приходилось терпеть боль. Однажды, в один из первых приступов, Ирина просто отшвырнула его, когда он, испуганный состоянием супруги, попытался остановить ее на выходе из спальни. Обошлось сломанной рукой и сотрясением мозга.

Наутро они поговорили, и Ирина, напуганная своим поступком, пообещала ему больше не поддаваться приступам и просила в следующий раз привязать ее к кровати и держать, пока она не выдохнется. Закончилось тем, что королева билась в путях, с воем и плачем, с судорогами и температурой всю ночь, и он, не в силах это вынести, сам развязал ее и отпустил. Принц-консорт знал, что она не променяет его ни на кого – слишком ценными были их отношения, – и готов был пойти на все, чтобы она не мучилась больше так, как в ту страшную ночь. И знать не хотел, кто был жертвой в этот раз. Главное – Ирина снова была здорова, насколько ее нынешнее возбужденное состояние вообще можно было назвать здоровым.

Остальные члены семьи тоже находились в состоянии, близком к истерическому. Совместные и личные интервью, выступления, поездки по городам, снова выступления, посещения больниц, школ, детских садов, армейских частей. Иногда они ухитрялись побывать в шести-десяти местах за день. Телепортисты работали посменно круглые сутки, а придворный маг с учениками выдали королеве, наверное, годичный запас тонизирующей настойки. Повара держали блюда горячими день и ночь, а стилисты и личные горничные сбились

с ног, готовя одежду, уместную по каждому поводу. Казалось, ее величество за короткий срок решила наверстать все, что упустила за прошлые годы в деле поддержания лояльности народа. И день за днем медленно, но верно настроения в Рудлоге улучшались, толпа перед дворцом рассасывалась, а уж футболки с надписями «Я люблю королеву» и «Единственная Ирина для нас» разлетались со скоростью пятничного пива.

Его Священство, настоятель Храма Всех Богов, милостиво согласился несколько раз упомянуть о королевской семье в своих проповедях, но этой самой семье пришлось отстоять длинную службу. И благодать не спасала от зевоты, пришлось обращаться к помощи заветной настоечки. Зато значительная часть верующих тоже оказалась на стороне Ирины.

Немногочисленные придворные, оставшиеся во дворце, начали шарахаться и прятаться по углам, если слышали настигающий их стук каблучков ее величества, – любой праздношатающийся бездельник тут же получал выволочку и приспособливался к какому-нибудь делу. И только один человек был бы счастлив услышать ее шаги и хоть несколько секунд поговорить наедине. Однако со Стрелковским они виделись теперь только на общих совещаниях и обязательных утренних планерках, после которых королева срочно удалялась. Он тоже пахал по-черному и почти не спал, агенты летали как заведенные, «слухачи» собирали слухи и сплетни в барах, кафе, фитнес-клубах и прочих присутственных местах, а срочно сорванные с остальных заданий «болтуны» распространяли нужную информацию, перебивая негативные разговоры.

В его сейфе лежали и ждали своего часа аккуратно подшитые папочки с компроматом на значительную часть продавшихся парламентариев, в том числе и на премьер-министра. Час икс наступал накануне обещанного срока, и собранный материал должен был заставить предателей задуматься над своим поведением.

А вот Смитсен был прозрачен как лед, и никаких зацепок для компромата, способного оправдать его арест так, что даже принадлежащая магнату пресса не смогла бы обелить хозяина, найти не удавалось, отчего Игорь Иванович скрипел зубами и мысленно желал ему сделать всем великий подарок и помереть от какого-нибудь инфаркта.

Внедренные агенты ежедневно докладывали, что успех не достигнут. И это было очень, очень плохо. Потому что, если не подсечь эту рыбку, все остальное не имело смысла. Конечно, у них были инструкции на крайний случай и необходимый инструментарий, чтобы все выглядело естественно и не вызвало шума. Но, во-первых, это практически наверняка означало бы смерть исполнителя – посмертные проклятия весьма действенны и не очень эстетичны, – а во-вторых, враг должен быть сломлен так, чтобы его дело уже не могли продолжить. Тут хоть самому меняй внешность и пытайся устроиться в дом, чтобы найти средство воздействия. Но, увы, времени не оставалось, приходилось работать в тех условиях, которые у него были.

Не спал Стрелковский еще по одной причине. Стоило ему закрыть глаза, как он видел дрожащую от страсти спину своей женщины, ее запрокинутую голову, длинные светлые волосы, намотанные на его кулак, ягодицы, сминаемые под его напором, чувствовал вкус и запах ее кожи и прикосновение обжигающей плоти, слышал хриплые крики «Игорь, Игорь!» Были и другие сны, выворачивающие его наизнанку от оглушающей ревности, когда он видел ее с мужем или с другими мужчинами, имена которых давно знал наперечет. И над всем этим шуршал тихий омерзительный шепот: «Прекратите копать под Смитсена, и через неделю вы уедете вместе».

Осознав после нескольких изнуряющих дней и ночей, что их враг нащупал его единственную слабость и теперь прицельно бьет в нее, Стрелковский лично съездил к Алмазу Григорьевичу в Лесовину и попросил поставить на себя щиты от ментального воздействия черных. Старый маг смотрел насмешливо и немного сочувственно, качал головой, ворчал: «Так и знал, что теперь ко мне весь дворец как к себе домой заглядывать будет», но просьбу, как ни странно, исполнил, и теперь начальник разведки мог хотя бы немного поспать – сном без сновидений. И непонятно, что было легче – быть ближе к ней каждую ночь хотя бы во сне или вообще не видеть ее.

В четверг с утра Ирина-Иоанна, одетая в простое светло-голубое платье, терпеливо ждала, пока камеристка уложит ей волосы, и недовольно хмурилась, слушая Марию Васильевну Сенину. Сенина служила статс-дамой уже много лет и научилась игнорировать недовольство своей королевы, особенно если это было нужно для дела.

У двери комнаты терпеливо ждал личный секретарь ее величества, общение с ней которого статс-дама невежливо прервала, настойчиво пытаясь попасть к королеве на прием.

– Почему ты мне раньше не напомнила? – раздраженно говорила Ирина, стараясь не дергать головой и не мешать укладке.

– Так не поймать вас никак, ваше величество, – Сенина развела руками. – Я уж стара, не угнаться мне за вами.

– погоди, – перебила ее королева. Она закусила губу и задумалась.

– Ваше величество, не кусайте губы и не хмурьтесь, будут морщины, – мягко упрекнула ее статс-дама. Ей было можно – она в свое время учила юную принцессу Ирину этикету.

– Да погоди ты, не мешай думать, Марья Васильевна, – королева, забывшись, тряхнула головой и тут же извинилась перед застывшей камеристкой. – Не вовремя этот бал, как же я забыла, – пробормотала она. – Устраивать его в нынешней ситуации – опять начнут писать про растраты и поливать нас грязью, сейчас повод давать никак нельзя.

– Но уже почти все готово, деньги все равно потрачены, – сокрушенно сообщила Марья Васильевна, по знаку королевы чинно усевшаяся в кресло напротив. Начавшие сесть волосы, которые она упорно не красила, были уложены «бараньими» кудрями вокруг маленького, тоже немного овечьего лица с робкими голубыми глазами. Внимательного наблюдателя могла насторожить уверенная манера поведения и шик, с которым она носила одежду, но не знающие Сенину вряд ли могли предположить, что эта дама обладает стальным характером и акульими зубами. Другие карьеру при дворе не делали.

– Так, – приняла решение Ирина-Иоанна, послушно опустив голову по просьбе камеристки. – Будем менять концепцию. Во-первых, – обратилась она к секретарю, – объяви, что в воскресенье у нас теперь ежегодный День Единения с народом, и проследи, чтобы журналисты быстро опубликовали это объявление. Во-вторых, сообщи приглашенным, что вход на бал будет платным, а сборы пойдут на помощь... ну, пусть малоимущим. Или детским больницам, подумай сам.

– Но это моветон – требовать плату за давно объявленный бал, – возмутилась статс-дама.

– Дурной тон – это послать псу под хвост все мои усилия ради того, чтобы аристократы могли пожрать и выпить бесплатно, –

отрезала королева. Сенина поджала губы: ей не нравились вульгарные выражения. – Ничего, – продолжила Ирина, – пусть раскошеливаются, не развалятся. – Она снова повернулась к секретарю. – Заодно сообщи, что на балу пройдет аукцион с возможностью приобрести драгоценности королевской семьи. Мы с девочками отберем то, что хотим отдать, главное – не забыть быть на балу без них. Раз обещала народу, надо исполнять. Деньги от продажи тоже направим на благотворительность. Да, и если кто-то из аристократии захочет присоединиться и выставить свои вещи – пусть.

Секретарь быстро записывал поручения в маленький блокнотик.

– Далее. Разошли приглашения богатым купеческим семьям и заметным медийным фигурам, пусть примкнут к нам. Их лояльность мне не повредит. А аристократы покрутят носами и смирятся. Да, давай сделаем не просто бал, а бал-маскарад, чтобы не было разделения по классам – а то соберутся в одном углу аристократы, в другом купцы, и будет нам сплошное и натуральное единение. Сообщи губернаторам, пусть оперативно подготовят народные гуляния, на дворе июль, пусть сцены поставят, ярмарку устроят, певцы-танцоры-фокусники повыступают. Фейерверки пусть организуют, не самые шикарные, но красивые. Тогда народ не так остро отреагирует на бал.

– Но им на подготовку всего три дня, – удивился секретарь.

– Успеют, – отмахнулась королева. – А не успеют, так полетят с кресел. Так и передай.

Агент Таша быстро шла по ночному Иоаннесбургу. Работа заканчивалась поздно, и приходилось долго идти пешком до ближайшей автобусной остановки. Она, конечно, могла бы позволить себе вызвать такси, но уборщица, уезжающая на такси, точно не прибавила бы легенде достоверности.

Сегодня они с Тандаджи наконец нашли то, что искали. В личной спальне Смитсена, куда прилежную и чуть глуповатую горничную допустили накануне, они обнаружили вторую дверь в шкафу. За ней оказалась маленькая комнатка, почти абсолютно пустая, но чисто убранная. Вделанное в стену матовое выгнутое внутрь черное зеркало из вулканического обсидиана размером в две ладони было похоже на круглый глаз. На зеркале – странные знаки по окружности, при взгляде на которые начинала болеть голова, а они сами словно прыгали в

глазах, кривляясь и изгибаясь. Это был запрещенный артефакт, позволяющий вмешиваться в сны человека. Присутствовали тут и другие магические предметы, недопустимые к использованию, – самый безобидный мог подчинить человека, если у владельца имелась хотя бы капля его крови.

Крупнейшая коллекция нелегальных артефактов – то, что нужно.

На выходе из комнаты они чуть не попались. Ничего удивительного в присутствии там самой Таши не было, но Тандаджи работал дворником и обязан был находиться вне дома.

Помощник Смитсена, так не вовремя вернувшийся домой, скользнул по целующейся у комнаты хозяина парочке острым взглядом и потребовал прекратить блуд в доме, пообещав рассказать обо всем начальнику. «Хозяин этого не терпит, – прокрипел он, – так что считайте, что вы уже уволены».

Тандаджи в своей роли тидусского иммигранта, плохо знающего язык, коверкая слова, заявил: «Хас-зяину сам мусчин, он миня паймета», – и с достоинством удалился, поэтому отдуваться пришлось Таше. Опустив глаза, приседая, кланяясь и извиняясь, умоляя не рассказывать Смитсену, как и положено бедной работнице, она чувствовала внимательный взгляд помощника и старалась вовсю. Кажется, он поверил. Во всяком случае, ощущение опасности ушло.

Таша не сильно расстроилась из-за предполагаемого увольнения. Конечно, лучше было бы ей продолжать работать, пока дело не решится, но уволят – так уволят. Дальше дело уже за официальным обыском в присутствии магов и духовников, и агент Таша спешила в управление, чтобы сообщить начальнику о результатах работы. Телефона у нее не было из-за легенды, а Игорь Иванович приказал при появлении каких-либо новостей сразу же докладывать ему.

Ночной город приветливо мигал глазами фонарей, обдувал теплым ветерком, а до прибытия автобуса по расписанию оставалось минут пять, когда она подошла к остановке и закурила в ожидании транспорта. Улицы были на удивление пустынные, хотя столица обычно не спала круглые сутки. По шоссе мчались машины, а вот людей практически не было.

Каким чудом Таша почувствовала нападение, сказать сложно. Видимо, не прошли даром ни тренировки по развитию интуиции, ни занятия боевыми искусствами. Вот она стояла и курила – и тут же

метнулась в сторону, развернулась, впечатала первому нападающему сигарету в лицо, проскользнула мимо второго и побежала, наклоня голову и ожидая выстрела. Это только в приключенческих романах одна героиня легко раскидывает семерых мужиков, при этом еще и успевая многословно думать, а частенько и длинненько поболтать с ними о том, как они дошли до жизни такой. В реальности все проще – мозг отключается, тело работает на рефлексах, а ум даден, чтобы понимать, когда нужно бежать. Благо бегом агенты тоже активно занимались.

Она уже довольно далеко убежала, когда услышала, что один из нападавших что-то выкрикивает ей вслед, и догадалась-таки нажать кнопку тревоги, вделанную в манжет куртки. В следующую минуту наведенное проклятие сбило ее с ног, парализуя, перемалывая кости, иссушая и высасывая жизнь.

Агент Тандаджи, известный у Смитсена как Ману́, работал, в отличие от Таши, с проживанием в доме, и со Стрелковским виделся в редкие выходные. В эту пятницу его не отпустили, а он и не настаивал. Связной всегда служила Таша.

Дворнику выделили маленькую пристройку у гаража, и он с утра до вечера махал метлой, намывал дорогу перед гаражом и крыльцо, убирал и сжигал листья, следил за кошками хозяина и исполнял мелкие поручения. Вставал Тандаджи рано, в пять, чтобы успеть убрать двор до появления медиамангата, и ложился, соответственно, тоже рано. И людям, прокравшимся в каморку с приказом брать его живым для допроса, это было прекрасно известно.

Сухощавый сутуловатый дворник дернулся, замычал, когда ему, зажав рот и приставив к шее нож, ловко вязали руки. Здесь обошлись без заклинаний, тидусс явно был напуган и, пока его вели на допрос, с ужасом повторял: «Я ничего ни краль, доброе господины, нет-нета, не краль я».

Привели его в комнату на втором этаже, где уже ждал, привалившись к столу, господин Смитсен и его помощник Щеглов. Увидев хозяина, тидусс завопил еще громче и неразборчивей, а пока его привязывали к стулу, кричал «Я честна!» и «Крошка чужу никогда не браль». Смитсен недовольно нахмурился и посмотрел на толстяка – тот вполголоса проскрипел: «Говорю тебе, наверняка он с девчонкой заодно, хотя в комнате только ее следы были».

Смитсен подошел к застывшему в ужасе дворнику, сжал его виски руками, брезгливо поморщившись из-за обильного пота, заливающего от страха лоб служащего. Тандаджи показалось, что ему проткнули голову. Он вполне натурально завизжал, а Смитсен, вглядываясь в его глаза, будто не слыша криков, произнес:

– Не могу прочитать: желтые и коричневые мне неподвластны, там другие духовные практики.

– Тогда, – подал голос толстяк, морщась от криков дворника и заверений в своей преданности, – может, стандартным способом?

Щеглов облизнулся. И столько надежды было в его голосе, столько предвкушения, что медиамагнат покачал головой и сказал:

– Ну давай, вызывай Симеона, но сам присутствовать не будешь.

Щеглов опустил уголки рта и как-то осунулся, но послушно вышел в дверь – видимо, за таинственным Симеоном. Хотя ничего таинственного для Тандаджи в этом не было, намеки были вполне прозрачны.

Он, не прекращая всхлипывать и бормотать с тидусским акцентом: «Хос-зяин, я нисего не сделал, честна слова, клянуся крыльями богини», еще раз просчитал обстановку. Двое охранников у двери, с пистолетами и шокерами. Двое у стен, сам Смитсен у стола, на единственном окне – решетка. Значит, выход только через дверь, и нужно ловить момент позже, когда его поведут – если поведут – по коридору в пыточную.

– Может, сами все расскажете? – спросил Смитсен, с насмешкой глядя на него. – Ваша игра очень убедительна, честное слово. Но утомляет. Расскажите – избавите себя от боли, а меня – от неприятного зрелища. – И он, наклонившись к отшатнувшемуся в страхе дворнику, доверительно добавил: – Понимаете, не люблю вида крови. И насилия. А приходится звать мастера-дознавателя...

– Хос-зяин-на, – всхлипывал дворник, – богиняй клянуся, не брала я нисего! – и мелко трясся, очень достоверно.

Смитсен внимательно посмотрел на него, покачал головой и, больше не обращая внимания, сел за стол, включил стоявший в углу телевизор, переключил на правительственный канал. Там королева как раз пекла детскую творожную запеканку, заодно рассказывая про своих детей и их воспитание. Гости студии сидели, открыв рты.

– Что делает, а, стерва, – с восхищением сказал Смитсен и вдруг, погрузнев, покачал головой и снова произнес: – Как я не люблю насилие...

За дверью раздались шаги, и в комнату вошли два человека – Щеглов и крепкий, плечистый невысокий мужик в возрасте.

– А, Симеон, – медиамагнат поманил его к себе, – смотри, это наш дворник. Он, к сожалению, не хочет нам ничего говорить. Зачем его подружка залезла туда, куда не следует, на кого он работает, успел ли передать сведения или нет. Пусть скажет, хорошо? Позовешь, когда заговорит. Только... давай сначала без крови попробуем.

И Смитсен, толкнув застывшего в надежде на то, что его забудут, Щеглова в спину, понукая того выйти, аккуратно затворил за ними обоими двери комнаты. Тандаджи понял, что выводить отсюда его никто не будет. И что если он и покинет эту комнату, то только вперед ногами, потому что слишком много сказал при нем Смитсен, чтобы оставлять его в живых.

«Мастер-дознаватель», а по-простому палач, не обращая внимания на бледного от страха дворника, расстелил вокруг него целлофан, насвистывая, открыл сумку, достал инструментарий. Прикрепил пару электродов на виски задержанному, пару на тыльную сторону рук. Присоединил их к аппарату с разноцветными веселенькими кнопками.

Аппаратик был агенту Тандаджи знаком по курсу «Ментальное воздействие и дознавательское дело», и знакомиться с ним ближе, на собственной шкуре, очень не хотелось. Достаточно было неприятного казуса с мокрыми штанами коллеги, который вызвался опробовать его прямо на профильной лекции.

Аппарат не калечил, не убивал – во всяком случае, напрямую, но от страха вполне могло остановиться сердце, а из-за попыток выбраться, уйти от боли, часто ломались руки-ноги.

Известно, что инфразвук вызывает у животных приступы неконтролируемого страха, когда инстинкт заставляет бежать со всех ног, подальше от места излучения. Человек мало чем отличается от животных, поэтому и принцип работы был прост – зачем причинять боль, чтобы вызвать страх, если можно напрямую воздействовать на сознание? Инстинкт выживания всегда сильнее любого другого, в том

числе тренированного навыка. И нет опасности, что объект допроса помрет от потери крови или прочих травм, несовместимых с жизнью.

– Итак, – скучно сказал «мастер-дознатель», – что вы искали в комнате хозяина? Кому успели передать информацию?

И нажал на кнопку, наблюдая, как начинает корчиться, дергаться и орать связанный, обливающийся потом тидусс.

Через час в особняк Смитсена ворвалась оперативная группа с закрытыми лицами, в форме без знаков различия, сопровождаемая несколькими оперативниками с камерами. Уложила охрану, прочесала комнаты и вытащила Тандаджи. Тидусс отделался сломанными от судорог запястьями и сорванным голосом. Зато отснятого видеоматериала – в том числе и в тайной комнате – хватило, чтобы старший следователь тут же, при включенных телекамерах, арестовал Смитсена и его помощника за незаконное удержание человека, применение к нему пыток и занятия черным ведовством. Смитсен не сопротивлялся. Он с насмешливой улыбкой позволил заковать себя в наручники и послушно ушел за оперативниками.

Игорь Иванович, получивший в конце вечера сигнал тревоги от Таши и информацию от группы поддержки о том, что обнаружено ее тело, не стал ждать. Он понимал, что просто так ее убить не могли – значит, они с Тандаджи что-то обнаружили. Что-то, что можно было скрыть, убрав агента. И раз убили одного, то, вероятнее всего, убьют и другого, и тогда полученная ими информация до него так и не дойдет.

Времени готовить и внедрять к Смитсену других агентов не было. Ну а закрытую форму оперативники надели ради той ничтожной вероятности, что ничего указывающего на принадлежность Смитсена к черным найти не удастся, и тогда придется просто вытаскивать коллегу, не оставляя доказательств того, что ворвавшиеся служат короне.

В субботу утром вышла разоблачающая программа с кадрами, снятыми в доме магната, и известием о его аресте. Его адвокаты, однако, заявили, что все это подстава и арест вызван политическим преследованием. Народ был в раздумьях, но лететь на площадь с требованием освободить узника не спешил. Тем более что впереди был праздник.

– Имя?

– Лоран Фабиус Смитсен.

– Возраст?

– Сорок восемь лет.

Изящно одетый мужчина сидит напротив старшего следователя и доброжелательно улыбается.

– Род занятий?

Мужчина задумывается.

– Род занятий?!

– Ну, пишите – владелец газет, телеканалов и журналов, – усмехается Смитсен.

– Дом по адресу Императорский переулок, 36 принадлежит вам?

– Да.

– С какой целью вы похитили и пытали служащего у вас дворника?

– Дворника? – задумчиво спрашивает Смитсен.

– Ману Тандаджи у вас служил?

– Да.

– Его нашли в комнате через одну от вашего кабинета привязанным к стулу, в окружении ваших охранников, с вашим служащим, который допрашивал его с помощью аппарата «Смык-1813».

– Понятия не имею, о чем вы, – с удовольствием говорит Смитсен.

– Я целый день работал, криков не слышал. Самоуправство, наверное.

Следователь, нехорошо прищурившись, смотрит на Смитсена. В разговор вступает стоящий за ним штатный маг Зеленого крыла.

– За вашим кабинетом обнаружена комната с запрещенным магическим инвентарем, господин Смитсен. Тоже понятия не имеете, о чем это мы?

– Не-е-ет, – растягивая слова, словно издеваясь, говорит Смитсен.

– На Черном зеркале ваши отпечатки, господин Смитсен.

– Понятия не имею, как они туда попали, господин дознаватель.

И Фабиус Смитсен тихо, с удовольствием смеется, пока ему надевают наручники, чтобы отвести в камеру под Зеленым крылом, – будто ему нравится то, что с ним происходит.

Королевский бал-маскарад и созданный для того, чтобы его не отменять, День Единения с народом обещали стать событиями года. С

самого утра воскресенья дворец напоминал растревоженный улей. Вернулись большинство придворных, заняв отведенные им покои.

Дамы щебетали, обсуждая свои наряды и порядок танцев. Кавалеры использовали момент, чтобы уничтожить дворцовые запасы коньяка, и поговорить о делах, и заодно подумать, кого из понаехавшего дамского цветника можно будет на маскараде зажать в уголке, пользуясь относительной анонимностью. Швеи и костюмеры дошивали последние маскарадные костюмы, повара сбивались с ног, готовя закуски, декораторы доводили залы до совершенства, ответственные за фейерверк и магические иллюзии проверяли оборудование, церемониймейстер пил утиные яйца, чтобы, не дай боги, при объявлении приезжающих высоких гостей не заскрипел или не сорвался голос.

Вне дворца, у простых горожан, тоже было беспокойно, но как-то радостно-небеспокойно. Еще в субботу на площадях открылись ярмарки с торговыми теремками, в которых можно было купить все – от расшитых красными и черными петухами передников до искусных изделий ювелиров; поесть тут же на выставленных длинных дубовых столах запеченное на углях мясо, запивая его горячим вином, чтобы согреться вечером, или холодным пивом, чтобы охладиться жарким днем.

Торговля шла бойко, несмотря на кризис. А между поставленных полукругом столов и окружающих их палаток приготовили деревянные настилы для танцев, собрали сцены, окружили их светящимися ночью фонариками и аппаратами для цветомузыки. Днем на сценах выступали популярные артисты, планировались выступления циркачей и конкурсы танцевальных групп, соревнующихся в национальном рудложском танце – болерне – бойком, веселом, с притопами и парными кружениями.

В полдень должно было начаться карнавальное шествие по главным улицам всех крупных городов, а в мелких городках люди просто надевали маски, костюмы и выходили веселиться в центр. Равнодушным не остался практически никто.

В вычурных купеческих домах тоже царил переполох. Тонкие и пышные, бледные и румяные купеческие дочери мечтали выйти замуж за аристократа, а купеческие сыновья – окрутить дамочку голубых кровей и, приняв фамилию супруга или супруги, примкнуть к семьям,

в чьих первопредках были воплощения богов на Туре. Отцы семейств наставляли отпрысков, дабы те не опозорили их вольным поведением. Многие на этом не ограничились и срочно, как только в четверг доставили приглашение, вызывали консультанта по этикету, который проводил экспресс-курс обучения правилам высшего света. Купеческие жены томно вздыхали, надеясь уломать мужа на покупку какой-нибудь королевской драгоценности, а их мужья довольно похлопывали по тугим кошелькам кулаками и новыми глазами смотрели на своих возбужденных будущим балом жен.

Готовились и столичные дворяне, недовольно сообщая друг другу, что им, о ужас, придется платить за то, чтобы праздновать в одном пространстве с простолюдинами, и что королева, кажется, сошла с ума из-за планируемого отречения. Но надвигающийся бал они бы ни за что не пропустили. Отчасти из-за вечного желания себя показать и других посмотреть, отчасти из-за любопытства – увидеть, как держится ее величество, да и ради новых сплетен: как перенесла принцесса Ангелина Рудлог разрыв помолвки, чем закончится противостояние королевы и парламента, кто что из драгоценностей продал, а кто купил.

Были среди них и те, кто был готов разбавить свою кровь купеческой ради восстановления фамильного благосостояния, поэтому дети аристократов тоже наставлялись приглашенными консультантами – как не испугать потенциального супруга чрезмерным высокомерием и сухостью.

Готовилась и королевская семья. Воскресенье должно было стать днем помолвки Ангелины, и королева прекрасно понимала, что старшая дочь будет привлекать особое внимание и вызывать шепотки за спиной, как и она сама. Поэтому они все должны были выглядеть безукоризненно и даже чуть холодно, чтобы вызывать благоговение.

Добиться этого при почти полном отсутствии драгоценностей было трудно, но недаром модельеры Королевского модного дома пользовались особым расположением семьи. То, что терялось с отсутствием камней, компенсировалось качеством и дороговизной тканей, оригинальным покроем, украшениями платьев. Маскарадные костюмы было решено не надевать, ограничиться масками, все равно от подданных не укрыться и членов королевской семьи узнают под любым костюмом.

С утра девочки во главе с матерью ушли в дворцовый термальный комплекс, после которого их кожа сияла, глаза блестели, светлые волосы всех оттенков переливались золотом и серебром, а маникюр с педикюром заставил бы удавиться от зависти дворцовых модниц.

Обед был легким, переходящим в послеобеденный сон, чтобы не клевать носом на балу. После того как они оделись, пришлось сделать общую фотографию – фотограф был приглашен заранее, на помолвку, и его тоже забыли отменить. Ко дворцу уже съезжались гости, ведь бал начинался в семь вечера. Королевская семья должна была появиться в девять, когда все соберутся.

Три центральных бальных зала, украшенных цветами, задрапированные воздушными тканями, сияющие огнями и магическими иллюзиями огромных цветов, плавающими под потолками, были соединены между собой высокими арками, увитыми лентами и бантами. На сцене в главном зале играл оркестр, но благодаря колонкам его было слышно и в самых отдаленных уголках. По периметру стояли столы с закусками, ледяными фонтанами и напитками. У стен – диванчики для притомившихся гостей, между которыми были выставлены стеклянные подиумы с драгоценностями короны. Лаунж для мужчин манил запахами дорогих сигар и коньяка. В дамских комнатах терпеливо ждали горничные – на случай, если их господам понадобится помощь: поправить платье или сменить поехавший чулок. Бал набирал обороты, гул усиливался, огни сверкали, музыка играла, гости прибывали.

Они подъезжали к центральному входу дворца, расположенному между крыльями здания. Вереница дорогих сверкающих автомобилей, мигая огнями, непрерывно въезжала в центральные ворота, медленно приближаясь ко входу. Вежливые молчаливые шоферы выходили из машин, открывали двери, почтительно кланялись. С сидений вставали главы дворянских и купеческих фамилий, одетые в дорогие костюмы или офицерскую форму – если они были военными, – сопровождаемые супругами в модных маскарадных платьях и отпрысками с горящими глазами, аккуратно и шикарно одетыми в костюмы героев разных эпох. Все были в полумасках.

Гости поднимались по длинной лестнице с широкими плоскими ступенями, покрытыми золотым бархатом, проходя мимо горящих по краям лестницы фонариков. Останавливались пообщаться друг с

другом у входа, раскланивались, целовали руки дамам и, сопровождаемые любезными королевскими распорядителями, заходили внутрь.

В зале прибывшие фланировали от столиков с закусками до диванчиков, от лаунжа до скамей фрейлин, возглавляемых Сениной, которые записывали в дамские танцевальные карточки порядок приглашений на будущие танцы и распределяли по парам тех, кто остался без партнера. Никто не должен был остаться обиженным.

Молодые светские львы подходили к краснеющим под масками девушкам, ждали, пока общие знакомые их представят, и просили предоставить им право танцевать с юными девами свободный танец. В воздухе ощутимо пахло любовью и выгодными браками.

Купцы и дворяне, не сталкивавшиеся ранее, знакомились и осторожно обменивались своими матримониальными планами. Танцы должны были вот-вот начаться, как раз тогда, когда все наговорятся, наедятся и будут готовы развлекаться.

Наиболее родовитые семьи приезжали позже всех, и церемониймейстер добавлял в объявление прибывших все больше торжественности, пока его голос не стал чистым пафосом, летящим над присутствующими. И вот настал момент, когда ему нужно было продемонстрировать глубокое дыхание и выдержку.

– Ее королевское величество королева Ирина-Иоанна Рудлог! Ее высочество кронпринцесса Ангелина-Иоанна Рудлог! Ее высочество принцесса Василина-Иоанна Рудлог!

Пока шло казавшееся бесконечным представление королевской семьи, Ирина с мужем и дочерьми спокойно стояли у входа в главный зал, улыбаясь и благожелательно кивая знакомым и незнакомым гостям, которые образовали цветастый и пестрый коридор по обе стороны от входа. Дамы присели в реверансах, кавалеры склонились в поклонах, и вдруг в наступившей почтительной тишине зазвучали первые звуки королевского тансо – величественного парного танца, когда партнеры словно парят по залу под торжественную мелодию, то убыстряясь, то замедляя шаг, будто качаясь на морских волнах.

Святослав Федорович повел жену открывать бал. Первый круг они протанцевали вдвоем, а затем к ним начали присоединяться гости. Младшие принцессы, еще не дебютировавшие, вежливо дождались окончания танца родителей и ушли с няней в детскую комнату. А

старшие тоже танцевали, даже Марина, которую пригласил молодой лейтенант.

Одна мелодия сменяла другую, гости пили, веселились. Королева будто поймала кураж – кружась в объятьях галантных кавалеров, заверявших ее в своей преданности и своем восхищении. Ее наконец отпустило напряжение прошедших дней. И все это – море света, цветов, маски и разноцветные костюмы, почтительные поклоны аристократов и членов купеческих семей – подействовало на нее как пузырящееся шампанское на морозе. Кажется, она снова почувствовала себя счастливой.

И вот зазвучали первые аккорды медленного тируме – этот танец исполнялся партнерами так близко, что незамужним девушкам и юношам запрещено было принимать в нем участие. А перед отдыхающей королевой склонился высокий мужчина в красном полковничьем мундире и черной маске, закрывающей верхнюю половину лица.

– Торжествуете, моя королева? – глухо спросил он возле ее уха, когда они прошли первые шаги танца, и мелодия подхватила их, унося в мир, где существовали только двое.

«Ох, Игорь, Игорь»...

– Благодаря тебе, – королева говорила так же тихо, чувствуя его дыхание на своей щеке, – я могу торжествовать. Я победила.

– Не скромничайте, моя королева, этот триумф исключительно ваш. Что вы будете теперь делать?

Она чувствовала тепло его крепкого тела, и ей хотелось оказаться совсем в другом месте – там, где они были счастливы.

– Завтра двор перебирается в летнюю резиденцию. А послезавтра я выставлю свои условия на Совете. Затем мы с девочками тоже уедем.

Касание рук, касание тел, дрожь по позвоночнику и синхронно бьющиеся сердца.

– Игорь, я хочу наградить тебя. Графский титул будет в самый раз, правда?

Чуть сжавшиеся пальцы и снова теплое дыхание возле уха.

– Не нужно, ваше величество. Для меня счастье служить вам, моя королева.

«Вы невыносимо прекрасны, моя королева...»

«Игорь, Игорь, что же мне с тобой делать?»

Безмолвный разговор-воспоминание, разговор-обещание. «Опять королева говорит о делах», – шушукались затюканные за прошедшую неделю придворные. Никто, увидев эту пару, не подумал бы, что за сжатыми губами ее величества и серьезным лицом начальника разведуправления стоят вопросы меньше чем государственной важности. И только принц-консорт, внимательно наблюдающий за танцующими, на одно мгновение прикрыл глаза, словно отгораживаясь от реальности.

– Я бы хотела, чтобы все было по-другому, – сказала она с тоской, растворяясь в надежных объятьях мужчины, который вызвал в ней забытый уже огонь.

«Да, чтобы мы с тобой были не теми, кто мы есть, а просто мужчиной и женщиной, Игорем и Ириной. Чтобы могли спокойно, как все люди, любить друг друга, не быть постоянно на виду, не прятаться как воры и не красть часы и минуты счастья у судьбы, чтобы надо мной не висел долг перед государством, перед детьми, перед моим мужем – моим любимым и незаменимым другом. И пусть от него я не горю, как от тебя, и ноги не слабеют, и сердце не бьется как сумасшедшее, но он не заслуживает того, что я хотела бы сделать. Он моя опора, мой дом, моя крепость. Но видят боги, как я хочу быть с тобой!»

Она не произнесла этого вслух, но ему и не нужно было слышать, чтобы понять.

– Я всегда буду рядом, моя госпожа, – произнес он, почти касаясь ее щеки губами, и от этих простых слов по ее телу разлилось тепло, а сердце сладко замерло от счастья.

Поздно ночью притомившиеся и изрядно выпившие гости вышли на огромную террасу – наблюдать за фейерверком и пиромагическим шоу. В парке крутились огненные колеса, били разноцветные фонтаны из искр, волшебные световые звери плавали между деревьев, окрашивая стволы и листву в красные, синие и желтые цвета. Кружили огромные бабочки – поднимаясь в небо, они увеличивались в размерах до тех пор, пока не рассыпались водопадом холодных искр, льющихся с неба до земли. В небе танцевали хороводы из звезд, складываясь в кружевные рисунки и постепенно затихая. Высокая публика встречала каждое новое чудо ахами и аплодисментами.

Фабиус Смитсен из маленького окошка под потолком своей камеры тоже любовался фейерверком. Он вообще любил красоту этого мира и восхищался выдумкой людей, создававших различные диковины. Люди оказались очень занятыми существами с вкусными, сытными эмоциями. И этот мир очень не походил на его мрачную, безрадостную родину, наполненную борьбой за выживание.

Смитсен улыбался. В последнее время улыбка практически не сходила с его лица, охранники даже забеспокоились – часом, не двинулся ли медиамагнат от ареста. Нет, не двинулся. Так мог бы улыбаться человек, который точно знает, что дело всей его жизни скоро будет сделано.

На следующий день к вечеру дворец снова опустел, но пустота эта была не тревожной, как раньше, а легкой и праздничной. Слуги убирали покои и бальные залы, а стук каблучков королевы, доделывающей дела, звучал как победная дробь барабанов. Она отпустила няню, и вечер провела с семьей, купаясь в огромном бассейне термального комплекса, греясь на медленно опускающемся к горизонту солнышке, обсуждая семейные дела и планы.

День Единения с народом прошел на ура, и рейтинги королевы взлетели до небес. Она подготовила условия, на которых проголосовавшие за сокращение ее полномочий не будут обвинены в госизмене и даже останутся на своих постах. И весь вечер чувствовала, как внутри словно играют фанфары, предвкушала, как вытянутся лица предателей и как она, слово за слово, вобьет их в землю. А потом милостиво простит. Да, она была мстительна, как любая женщина, гордость которой уязвили. Однако здесь дело было не только в мести, но и в уроке на будущее, чтобы сохранить государство от дураков.

Но выступить на Совете Ирина не успела. С утра, когда народ, собираясь на работу, периодически поглядывал во включенные для фона телевизоры, все каналы внезапно прервал экстренный выпуск новостей. И премьер Северян, запинаясь и пряча глаза, поведал, что ее величество в рамках борьбы с кризисом намерена поднять налоги, отменить все социальные выплаты и привилегии, вернуть обязательную службу в армии и давным-давно отмененный сбор десятой доли заработанного у горожан.

Все это звучало так невероятно на фоне событий прошедшей недели, что вместо работы большинство горожан пришло на площадь перед дворцом – требовать объяснений от королевы. И когда со стороны дворца раздались выстрелы и люди, одетые в форму гвардейцев, демонстративно перезарядив ружья, выстрелили еще раз и еще, после чего скрылись в направлении дворца, толпа озверела.

Кровь на брусчатке, тела погибших, передаваемые на руках по направлению к прибывшим реанимобилям, крики «Долой кровавую королеву!», и кто теперь разберет – кто кричал: сами оглушенные случившимся граждане или проплаченные провокаторы? Толпа ринулась штурмовать дворец, сломала ворота, и не остановили ее ни серенитские стрелки Талии, ни маги, ни охрана комплекса. Ворвавшиеся во дворец озверевшие люди стали крушить все вокруг, избивать испуганных слуг, метаться в поисках той, которая, по их мнению, отдала приказ стрелять.

Фабюс Смитсен, услышавший выстрелы в отдалении, с усмешкой встал, одним движением руки расплавил замок на дверях камеры и вышел, уложив метнувшихся к нему охранников. Прогулочным шагом он двинулся в сторону личных покоев королевы, а за ним, как за кровавым сеятелем, оставались тела пытавшихся остановить черного стражей.

Королеву разбудил стук в дверь.

– Ваше величество, – Стрелковский был собран и мрачен, как никогда, – немедленно берите детей и идите к телепорту. Я не знаю, насколько задержит толпу стража. У нас максимум десять минут. Быстрее! – рявкнул он, видя, что она спросонья ничего не понимает и собирается что-то спросить.

– Ты приказал Бельведерскому выдвигать части в столицу? – Ирина быстро натянула на себя первое попавшееся платье, по иронии судьбы – то самое, в котором она пришла тогда к нему. Принц-консорт тоже быстро оделся, пошел за детьми.

– Сразу как получил донесение о случившейся провокации, – Игорь взял королеву за локоть, невежливо потянул к двери. – Нас предали, Ирина, войска не придут.

Телохранители и с десятков стражей во главе с начальником охраны стерегли вход в личные покои, а во дворце уже слышался звук бьющихся стекол и рев толпы. Девчонки, испуганные и молчаливые,

сгрудились в коридоре у двери. Святослав держал хнычущую Каролинку на руках. Они, прикрываемые со всех сторон, двинулись к залу телепорта, расположенному в самом конце Семейного крыла.

Стрелковский ушел назад, проверить, не остался ли кто из придворных в своих покоях. В зале у телепорта уже хлопотал придворный маг с учениками, рядом с ним суетились боевые маги, присланные Алмазом Григорьевичем, но арка и не думала светиться, хотя запуск телепорта осваивал даже маг-первокурсник. Члены королевской семьи в нерешительности остановились посреди зала, рядом с замершими тут же духовниками, не понимая, что делать дальше.

– Выбиты кристаллы, – крикнул придворный маг в смятении, – сейчас заменим. Две минуты, ваше величество.

– Не торопитесь, милейший, – раздался спокойный голос из-за спин королевской семьи. Смитсен стоял в дверях и благожелательно оглядывал присутствующих, затем выставил вперед руку и что-то прошептал.

Ирина с ужасом и зарождающейся буйной яростью увидела, как падают один за другим ее охранники, как захлебывается кровью почерневший начальник охраны. Как Святослав, отдавший Каролину старшей принцессе и оттеснивший их к телепорту, рванулся к Смитсену и, напорвшись на какое-то взрывающее заклинание, покатился по полу. Левой руки у него не было, из плеча хлестала кровь, лицо и грудь были в крови.

Ирина видела, как ее проклятия, сбивающие обычного человека с ног, развеиваются, не долетая до Смитсена. Она видела, как духовники, синхронно создавшие полупрозрачную цепь и шагнувшие вперед, синеют и задыхаются, оседая на пол. Как разбиваются проклятия черного о щиты Алмаза Григорьевича, и те тускнеют, слабеют, истончаются. Видела, как группа магов во главе с придворным магом, окружившие королевскую семью защитным куполом, хлещут по медленно продвигающемуся вперед одержимому всеми возможными заклинаниями, но ни одно из них не достигает цели, в отличие от проклятий самого Смитсена, обращающих противников в прах.

Он обошел телепорт по кругу и уже приблизился к семье, когда сзади раздалась выстрелы. Стрелял Игорь, пробивая в груди Смитсена

кровоточащие дыры. Черный махнул рукой – Стрелковский отлетел к стене и замер там поломанной куклой. Враг приближался, шатаясь, – все-таки человеческая оболочка уже должна была быть мертва.

– Девочки, все мне за спину, – быстро сказала королева, разводя руки в стороны. Черный дошел до защитного купола и остановился, трогая его с кривой ухмылкой. Так, кружа по залу, переступая через трупы, они дошли практически до того места, где лежал ее муж. Он был еще жив, даже пришел в сознание и теперь сидел на полу, зажимая культю рукой. Бледный и раненый, Святослав был ей не помощник. Сзади рыдали в два голоса Каролина и Маринка. Ирина явственно почувствовала страх дочерей и отчаянно хотела их спасти, выгрызть врагу горло, сражаться за них как кошка за своих котят.

– Зачем тебе все это? – спросила она, желая выиграть время и вспомнить точную вязь мощного проклятия. Не было уверенности, что оно подействует, ведь ее враг был черным, а проклятия – их стихия.

– Ваше величество, – рассмеялся Смитсен, ощупывая как слепец защитный купол, – считайте, что я восстанавливаю историческую справедливость.

– Не понимаю, – произнесла она, отбивая в голове ритм проклятия.

– И не нужно, – произнес черный, пытаясь найти тонкое место в защите. – Если бы не ваше желание сохранить трон, сегодня не было бы крови. Это только ваша вина, королева. Ваша и вашей немереной гордыни. Но вы еще можете сдаться. Подумайте. Я оставлю вам жизнь, если вы согласитесь на мои условия...

Краем глаза Ирина видела, что лежащий у стены Игорь шевельнулся, неуверенно поднялся. Одна рука у него висела, видимо, сломанная, изо рта шла кровь. Занятый распутыванием защитного заклинания черный ничего не заметил. Он поддел пальцем одну из светящихся нитей купола, что-то прошептал – и защита лопнула со звенящим звуком как мыльный пузырь. В этот же миг королева накрыла детей своим щитом и ударила по врагу со всей мощью, так, что в зале посыпались стекла, а бегущего к ней Игоря сбilo с ног.

Смитсен остался стоять, хоть и выглядел теперь как обугленная головешка, а глаза его, утратившие все человеческое, сверкали змеиной зеленью сквозь спекшиеся глазницы того, кто был некогда Фабиусом Смитсеном.

– Упрямая, – прохрипело это существо и, падая в агонии, выпустило в сторону королевы шипящую черную кляксу, стремительно врезавшуюся ей в область груди. Дети закричали. Ирина, понимая, что не успевает, уже сгибаясь от невообразимой боли, дернула амулет, висевший на груди, и прокричала, давась кровью, несколько слов, намертво зазубренных еще в глубоком детстве.

Сзади воцарилась мертвая тишина.

Умирая, она видела бегущего и падающего перед ней на колени Игоря. И сквозь льющиеся от мучительной боли и осознания скорой смерти слезы, судорожно комкая влажной рукой то самое платье, пропитанное кровью, она все-таки успела прошептать ему: «Игорь... тоже тебя люблю».

Алмаз Григорьевич Старов проснулся от настойчивого звонка в дверь. «Кого еще нелегкая принесла», – ворчал он про себя, проходя через ночной двор и открывая ворота. Увидев стоявшего напротив человека, он скривился, но жестом пригласил его войти.

О чем они разговаривали, неизвестно, но к себе Старов поднялся, качая головой и периодически тяжело вздыхая. Гость прожил у него две недели и уехал так же неожиданно, как появился, получив то, за чем явился: амулет, позволяющий обмануть защитные сигналы и отвести глаза тем, кому нужно.

Тем временем в стране было сформировано новое правительство, возглавляемое премьером Северяном. Часть дворян покинула Совет и разъехалась по своим владениям. Народу, взбудораженному смертью королевы и предшествующими событиями, объяснили, что Ирина-Иоанна пала жертвой своих интриг и понесла заслуженное наказание от неизвестного мстителя, безусловно, потерявшего голову от смерти своих родных на площади перед дворцом. Похоронили ее тихо и быстро на закрытом фамильном кладбище, и никто не видел, как через две недели после похорон на могилу королевы пришел человек, молча просидевший там несколько суток.

Агенты, работавшие на Стрелковского, в большинстве своем поувольнялись, не желая работать на предателей, и его место занял один из тех, кто голосовал против Ирины на памятном Совете. Были и попытки найти королевскую семью, которые не увенчались успехом. Несколько месяцев нанятые ищейки безрезультатно прочесывали

страну. Рудлог был большим государством, и девочки с принцем-консортом словно канули в воду. Дружественные страны разорвали с Рудлогом дипломатические отношения, а Талия вообще грозила войной, и только уговоры короля Блакории позволили избежать полноценного военного конфликта. Верные королеве офицеры уходили со службы, Север объявил автономию и заявил, что преклонит колени только перед носителем крови Рудлог. Королевство медленно впадало в хаос, потому что верные монархии люди не желали мириться с существующим порядком, а их противники у власти использовали все имеющиеся возможности, чтобы заткнуть им рот.

Еще через пару месяцев в Иоаннесбурге произошло первое убийство. Премьер-министр Северян, возглавивший правительство после смерти королевы и уничтожения монархии, был найден застреленным у себя дома, в своей спальне. На пропитанной кровью подушке следователи нашли игральную карту – красную королеву. Вслед за ним в течение месяца были убиты новый спикер Совета, два министра, заместитель Смитсена Щеглов и новый руководитель разведуправления. Сыскари сбились с ног, разыскивая неведомого убийцу, собирающего кровавую жатву и оставляющего рядом с жертвами свою красную королеву. Но тот словно был невидимым, обходя каким-то чудесным образом и охрану, и щиты.

Генерал Бельведерский сидел в кресле библиотеки, когда открылось высокое окно веранды и в библиотеку вошел знакомый ему человек. Он был страшен – исхудавший, высокий, с заросшим бородой лицом. Только глаза горели яростным огнем фанатика, огнем без тепла, огнем поломанной души.

– Я ждал тебя, – сказал генерал и поднял голову. – Я это заслужил. Давай.

Человек поднял пистолет – и тут в библиотеку вбежала коротко стриженная девочка четырех лет с криком: «Деда, я не лягу, пока ты мне не считаешь!» Увидев вооруженного мужчину, она притихла, молча подошла к генералу, настороженно блестя черными глазами, положила голову ему на колени. Человек с пистолетом перевел взгляд на книгу – это были детские «Сказки про бурундучка и мешок бобов».

– Настюш, иди ложись, я сейчас договорю с дядей и приду, милая, – мягко произнес Бельведерский, подталкивая ребенка к двери.

– Точно придешь? – смешно шепелявя, спросила девочка.

– Точно-точно, котенок, иди. Нам нужно с дядей поговорить.

Девочка недоверчиво фыркнула, но убежала. Бельведерский перевел взгляд на гостя.

– Жизнь за жизнь, – объяснил он. – Я готов.

– Да пошел ты, сука старая, – процедил человек сквозь зубы. Глаза его потухли, он отшвырнул пистолет и вышел в ночной осенний сад.

Генерал остался сидеть в кресле. Руки его дрожали.

Часть 3. Глава 1

Начало сентября, наше время

Часто бывает, что, вспоминая уже свершившиеся события, их участники поражаются, насколько синхронно происходили в жизни изменения, настойчиво подталкивающие к участию в этих событиях. Казалось бы, человек живет в привычном ритме, ест, спит, встречается с друзьями и не знает, что неумолимая судьба уже включила его в свои планы и с каждым шагом он, не ведая этого, приближается к моменту, после которого его жизнь никогда не станет такой, как прежде.

Первый осенний день в Иоаннесбурге и области выдался на редкость ненастным и дождливым. И рано утром, когда все порядочные граждане еще видели сладкие сны, нашим героям не спалось, правда, по разным причинам.

Рано встала наследница рудложского престола принцесса Ангелина. Сегодня был первый учебный день, и она привычно разжигала печь и готовила завтрак и обед для большой семьи, испытывая смутное волнение, будто это она была первоклассницей, идущей первый раз в школу. Нет, она, конечно, подготовилась, выучила программу, сделала план занятий и даже отрепетировала свой первый урок с младшей сестрой, но врожденная ответственность и, чего греха таить, присущий ей перфекционизм не давали нормально поспать. И теперь она, нарезая овощи для супа, бормотала под нос темы уроков первого рабочего дня. Со времени ее налета на кабинет директора школы прошла неделя, тревога, вызванная начавшимися по всем СМИ восхвалениями и раскаяниями в адрес королевского семейства, утихла, и Ангелина была готова вступить в новую жизнь.

Не спала в студенческом общежитии Полина. Сегодня они с группой выдвигались к проснувшемуся вулкану, и она перепроверяла рюкзак, болтала с одногруппницами и пила крепкий чай. До отправки ей нужно было посетить еще одно место, и она очень боялась опоздать.

Рано встала и Алина, поступившая в Магический университет. Ей было одновременно немного страшно и любопытно, и она убивала время до утреннего сбора первокурсников, просматривая взятые

накануне в университетской библиотеке учебники. Чтобы не разбудить соседок по комнате, Алина вышла в холл и сидела за столом, периодически бросая взгляд за окно. На улице постепенно светлело, уже начинали ездить редкие машины, а непрекращающийся дождь рисовал на подзапотевшем стекле прозрачные узоры.

Не спалось в гостиничном номере Иоаннесбурга и Владыке драконов Нории Валлерудиану, накануне прибывшему в город со своим братом Энтери и Мастером клинков Четери на поиски невесты с королевской кровью Рудлог. До того как он увидел город – хотя брат и рассказывал ему, как все изменилось, да и энциклопедия, привезенная Энтери, тоже сыграла образовательную роль, – Нории и не подозревал, насколько трудной будет задача найти в этом огромном муравейнике одного человека. Машины, лифты, светофоры, рекламные огни, телевидение и рестораны поразили Владыку, и он вместе с друзьями как дикарь вертел головой и подпрыгивал от внезапно пронесшегося мимо мотоцикла или вспыхивающих огней светофора. К вечеру они попривыкли, хотя и были оглушены разницей между памятным им городком пятисотлетней давности и нынешней ревущей столицей. Обилие впечатлений сделало сон Владыки беспокойным. Вдобавок ко всему у Нории был очень чуткий слух, и он улавливал смех и разговоры внизу, в баре гостиницы, звуки открываемых дверей номеров, храп соседа с одной стороны, стук кровати и стоны любовников – с другой. Устав мучиться, дракон встал, облокотился на подоконник и сквозь пелену дождя стал наблюдать за жизнью просыпающегося города.

Лорд Люк Кембритч тоже не спал, и причин у него было целых три. Во-первых, сегодня должны были прислать результаты сравнительного анализа крови Марины Богуславской и ответить, является ли она членом королевской семьи. Во-вторых, накануне позвонил отец и сообщил, что вечером навестит его по крайне важному делу. А так как отца Люк не переносил, это не добавляло ему спокойствия. Третья причина, которую он, отчаявшись заснуть, снял в соседнем баре, в данный момент содрогалась в оргазме и постанывала в такт его движениям. Гостиничная кровать, не выдержавшая темперамента виконта, скрипела и угрожающе качалась, постукивая о стену. Да и дама оказалась не крепче – заснула, изнеможенная, прежде чем Люк сумел вымотать себя достаточно, чтобы уснуть самому. С

досадой глядя на спящую жрицу любви, Кембритч подумал, что вернее было бы выпить. Но было уже поздно – за окном светало. Оставив деньги на кровати, он оделся, закурил и вышел из номера.

Не спала и Марина, но для нее это было нормально. Под утро привезли сразу трех пострадавших в аварии, и она, не успев даже принять столь нужную дозу кофе, отправилась с самым тяжелым в операционную, подготовившись ассистировать дежурному хирургу.

Ворочался в своей постели ректор Магического университета Александр Свидерский. Его постаревшее тело выдавало классические для пожилого человека реакции – ныли мышцы, болели кости, громко стучала кровь в истончающихся сосудах. Свидерский очень надеялся, что поимка демонического засланца не доставит им хлопот и он снова сможет вернуться в привычное крепкое мужское тело, полное энергии и желаний.

А вот на другом конце страны, в спальне фамильного поместья Байдек, расположенного посреди северного леса, крепко спала вторая принцесса Василина. Здесь дождя не было. Солнце уже вставало над кронами деревьев, и редкие лучики осторожно пробивались сквозь закрытые ставни. В комнате царил полумрак.

Муж пришел под утро, когда птицы начали выводить рассветные трели, а слуги принялись за свою работу. Сквозь сон она слышала, как он раздевается, аккуратно складывает одежду в шкаф, принимает душ. Мариан всегда был ужасным чистюлей. Сон у нее, матери троих детей, был очень чутким, потому что младшая ночью стабильно пару раз просыпалась и требовала молока. Сейчас она благополучно дремала в своей кроватке в соседней комнате.

Капитан Мариан Байдек вышел из ванной, растирая тело полотенцем и разглядывая спящую спиной к нему жену. Это был крепкий, даже мощный мужчина среднего роста, с внимательными синими глазами, немного запавшими из-за ночного дежурства, короткой бородой и темными аккуратно стриженными волосами. Растительность покрывала не только его лицо, но и плотное, широкое тело.

Он любовался Василиной – взгляд прошелся от полных красивых плеч по изгибу покрытой простой сорочкой спины с небольшими складочками на боку до – о боги – наполовину выглядывавших из-под

сбившейся ночнушки округлых тяжелых ягодиц и длинных крупных ног, одна из которых была согнута в колене и лежала поверх одеяла.

Капитан аккуратно повесил полотенце на спинку стула, подошел к кровати, наклонился, почти невесомо целуя сладко пахнувший затылок со щекочущими его губы светлыми волосами. Затем скользнул к жене за спину, прислонился и приказал себе спать.

И не смог. Василина была такая теплая, податливая и мягкая, так волнующе пахла, а попка ее так удобно вписалась в угол между его животом и бедрами, что Мариан, как всегда, удивился тому, как идеально они совпадают, как будто боги специально сотворили их друг для друга.

Он прижался к ней, просунул руку под сорочку, чувствуя ладонью тяжелую, увеличенную материнством грудь, погладил мгновенно среагировавший сосок и тихо прошептал на розовое от сна ухо, целуя в шею, нежно, по очереди, касаясь тонкой кожи плеч носом, щекой, подбородком:

– Милая, ты такая сладкая...

– М-м-м-м-м, – проворчала Василина сквозь сон и вздрогнула от его прикосновений. Его тело тут же отреагировало, и Байдек в который раз за почти семь лет их семейной жизни поразился силе ощущений, которая только увеличивалась со временем. – М-м-м-м-м, как хорошо... Только я сплю...

– Вот и спи, василек, – хрипло прошептал он, опуская руку вниз, и под тихий стон супруги вошел в нее сзади, начав размеренно двигаться. – Я все сделаю сам.

Конечно, он разбудил ее своей страстью, и она лежала спиной к нему с закрытыми глазами, в томном мареве, разморенная, сонная и разгоряченная, чувствуя крепкое тело мужа сзади и движения, отзывающиеся почти болезненным и острым удовольствием. Поцелуи, и прикусывания, и касания языком на плечах и затылке, и сильные руки именно там, где нужно было нажать, погладить, ущипнуть или шлепнуть, чтобы ей было приятно.

Василине нравился его свежий мужской запах, нравилось, когда он внезапно загорался страстью и брал ее так – во сне, или на кухне, или в саду, прижав спиной к старой яблоне, шепча, как сейчас, слова любви, нежности и верности и при этом доминируя таким образом, как это может делать только уверенный в себе мужчина. Ей нравилось, как

волосы на его теле щекочут ее нежную кожу, нравилось, как он сквозь зубы постанывает и тяжело дышит, нравилось после ощущать на себе его запах и остро осознавать, что она его жена, а он ее муж в самом полном, первобытном смысле этого слова.

Байдек же благоговел перед ее телом, давшим жизнь троим их детям и с такой охотой принимающим его. После каждой беременности оно менялось – полнело и наливалось, но Мариану казалось, что с каждым разом оно становится еще красивее и желаннее.

После любовной игры, закончившейся умопомрачительным головокружительным полетом для обоих, капитан егерских войск, закаленный и опытный борец с браконьерами, лесными разбойниками и преступниками всех мастей, дважды раненный и дважды кавалер ордена Доблести, наконец-то уснул на плече своей жены, уткнувшись носом в мягкую грудь, вкусно пахнущую молоком, и обхватив Василину за талию, как подушку.

Они встретились десять лет назад, когда принцессе Василине-Иоанне было шестнадцать, а молодому дворянину, только-только получившему место в Егерском Северном полку – двадцать четыре. Королевская семья совершала ежегодный объезд войсковых подразделений и не пропускала их даже тогда, когда ее величество была беременна. Ирина-Иоанна накрепко впитала наставления отца о том, что армия – это мускулы государства, и эти мускулы надо тренировать, хорошо питать и выказывать им уважение. Несмотря на свою любовь к алкоголю, покойный король никогда не забывал об этом правиле, и традицию семейных поездок по военным частям ввел именно он.

В поездках королева посещала учебные части, проводила смотры солдат, навещала раненых и болящих, вручала награды за верную службу, осматривала укрепления. И принцессы с младых ногтей сопровождали ее, обучаясь важному искусству вызывать у суровых офицеров и простых солдат желание защищать их до последней капли крови.

Егерский Северный полк располагался у подножия Северных пиков, покрытых густыми лесами и россыпью озер, между которыми и располагались заставы – Лосиная, Медвежья, Беличья и так далее. Летом температура здесь не поднималась выше двадцати градусов,

хвойные леса, выросшие на светло-желтом озерном песке, были богаты ягодами, грибами и дичью. Множество старых магов и духовников сделало эти леса своими местами силы. Они постоянно жили где-то в чащобе, всегда имея под рукой по крайней мере три мощные природные стихии: землю из нависающих гор, воду из холодных ключевых озер, таких прозрачных, что дно было видно даже на глубине в несколько десятков метров, и жизнь – выдерживающие лютые зимние морозы высокие леса, уходящие в горы так высоко, насколько позволяла почва.

И люди, родившиеся и выросшие на Севере, были совершенно особенными, будто сделанными из чистейшего льда и твердого несокрушимого камня. Таким Василина увидела и своего будущего мужа.

Мариан Байдек, сын северного барона, был одним из лейтенантов, которым поручили заменить личную охрану королевы и принцесс. Не то чтобы королева не доверяла своим охранникам. Здесь она руководствовалась двумя соображениями – во-первых, местные всегда лучше знают, откуда ждать опасности, а во-вторых, это лишняя возможность повисить лояльность войск, оказав лучшим честь охранять королевскую семью.

В подчинении Байдека находилось двадцать солдат и три сержанта, и все они были крепкими, невысокими, но мощными, как молодые дубки, с темными волосами и синими, как небо, глазами – такой цвет был характерен именно для уроженцев Севера. Их одежда тоже была более традиционной, чем современная военная форма.

Они относились к принцессам и королеве с искренней почтительностью, безо всякой лести или заигрывания. Эти мощные мужчины трогательно заботились об удобстве своих гостей, смущались, но прямо и без особой изысканности отвечали, когда с ними заговаривали, не навязывали свое общество, не поигрывали мускулами и не пытались демонстрировать свою доблесть, как многие столичные офицеры, с которыми девушкам приходилось общаться. Это были люди, исполненные достоинства и верности.

Впервые за много лет было решено, что королева не будет лично посещать все заставы – это сделают старшие принцессы. И теперь Василина ехала на приземистом внедорожнике по лесной дороге, медленно поднимаясь в горы, в сопровождении отряда лейтенанта

Байдека. Проблема была в том, что листолеты, будучи аппаратами магическими, не летали выше трехсот метров над уровнем моря. И поэтому принцессе пришлось трястись на лесных ухабах несколько часов, чтобы потом еще переночевать на берегу горного озера и с утра на лодке переправиться на тот берег.

Северяне периодически останавливались, чтобы размяться и, чего греха таить, позволить сопровождаемой ими принцессе сходить в кустики. Василине в такие моменты было крайне неловко – когда почти три десятка мужчин знают, куда она удалилась, и охраняют ее по периметру во время процесса. Если бы не присущее ей чувство юмора, она бы краснела каждый раз, как только выходила из своего убежища. Но мужчины носились с ней как с хрустальной, и принцесса благодарила богов, что во время путешествия у нее не случилось расстройство желудка или не начался цикл. И так по ее милости остановки были слишком частыми.

Василина ехала только со своей горничной Лусией – это была принципиальная позиция королевы. Принцесса вспомнила разговор, свидетелем которому стала.

– Мама, – скривив губы, требовательно спрашивала Ангелина, – почему я не могу взять с собой Яна и Дмитрия? Мне было бы спокойнее со своими телохранителями, нежели находиться в обществе совершенно незнакомых людей.

Королева строго взглянула на дочь.

– Ани, северяне – гордые и верные люди. И я не хочу пошатнуть их верность, нанеся им оскорбление намеком на то, что они не могут самостоятельно защитить своих сюзеренов.

Да, это была политика. И Василина была крайне далека от нее, тогда как старшая сестра впитывала эти тонкости, словно губка. По праву рождения вторая принцесса дома Рудлог обязана была обучаться тому же, что и наследница, – вдруг произойдет несчастный случай или отречение, и право наследования перейдет к ней?

Однако Василина молилась всем богам, желая сестре долгой жизни на престоле. Нет, вторая принцесса училась исправно, но сказать, что ей было скучно, – значит не сказать ничего. Иногда она ощущала настоящую ненависть к бесконечному потоку информации, который в них вливали.

Ангелина же наслаждалась этим. Она была как рыба в воде во всех дворцовых интригах, выглядела как настоящая королева и вела себя так же. «Снежный Ангел» – вот как называли сестру. А ее, Василину, величали «Молодой матушкой». Она любила общаться с простыми людьми, слушать их рассказы, любила готовить и не боялась сплетен о своей «невеличественности» за спиной. Обожала возиться с детьми в те моменты, когда старшие принцессы Рудлог посещали детские сады и школы, отлично шила, вязала и вышивала. Сама ухаживала за больными в госпитале, который поддерживал королевский фонд, тогда как Ангелина просто удостаивала их своим сияющим посещением и величественно удалялась. Кстати, впечатления старшая сестра даже одним посещением производила больше, чем многочасовые заботы второй принцессы. Такова была Ангелина Рудлог.

Теперь из окна внедорожника Василина любовалась летней северной природой и периодически вовлекала в разговор расположившегося на переднем сиденье лейтенанта Байдека. Горничная ехала рядом и поначалу сидела, чопорно сложив руки на коленях и уставившись вперед. Впрочем, надолго ее не хватило, и она задремала, откинувшись на спинку сиденья и издавая при этом посвистывающие звуки. Принцессе же спать не хотелось, ей было интересно все – от обычаев северян до особенностей несения военной службы. Лейтенант отвечал спокойно, без подобострастия, но и без фамильярности, да и вообще его манеры были полны достоинства и осознания собственной силы.

– Я обратила внимание, что все ваши солдаты северяне, – говорила Василина, глядя наискосок на профиль барона. – Неужели здесь нет служащих из других частей страны?

– Есть, но очень мало, ваше высочество, – голос у мужчины был низкий, звучный – по нему сразу можно было узнать военного, привыкшего отдавать приказы и проводить строевую подготовку. И фразы были отрывистые, рубленые, грубоватые для ее уха, хоть он и старался смягчать свою речь. – Тем, кто не родился и не вырос на Севере, очень трудно переносить наши зимы и жизнь на заставах. Теплое лето, каким вы его видите, длится не больше месяца, а зелень держится около пяти месяцев. В остальное время приходится нести службу под проливными дождями или метелями. Мы с детства встаем

на лыжи, знаем, как укрыться от непогоды, как остаться в живых, если вдруг заблудился в лесах. Южане этого не могут.

Для них южанами были все те, кто проживал южнее хвойных лесов Севера. Говорил Байдек это без всякой гордыни или самодовольства – просто озвучивал существующий факт.

– А как же справляются ваши женщины, пока вы на заставах? Ваша жена, наверное, очень скучает?

Лейтенант немного помедлил с ответом.

– Я еще не женат, ваше высочество, хотя у нас к моему возрасту почти все мужчины уже женятся. Женщины в основном живут в городах или поместьях, но при необходимости они и на лыжах могут, и на охоту ходят наравне с мужчинами. Женщины у нас крепкие, выносливые, на них полностью лежит управление домом, забота о детях, о стариках.

«Не то что я, – подумала Василина. – Везут, в кусты провожают, чуть ли не опахалом от мух и комаров защищают».

Наконец они приехали на берег озера. Смеркалось; небо и вода были глубокого синего цвета. Принцесса устала от долгой дороги и, оставив мужчин разбивать лагерь на ночлег, отправилась побродить по берегу. Охранники неотступно следовали за ней, находясь в некотором отдалении.

Волны с мягким шелестом набегали на светлый песок, сосны подступали к воде, усеивая берег иголками и шишками. В воде играла рыба, а солнечная дорожка, дрожа и краснея, бежала прямо к начинавшему садиться солнцу. Было так тихо, непривычно тихо после шумного, наполненного индустриальными звуками города.

Василина присела и потрогала воду. Она оказалась теплой, как парное молоко. Была середина лета, озеро у пологого берега нагрелось и теперь медленно отдавало тепло остывающему воздуху.

– Очень хочется искупаться, – сказала она подошедшему по ее знаку сержанту.

Он кивнул и ушел, вернувшись через некоторое время с лейтенантом и горничной, несущей пакет с бельем.

– Ваше высочество, – почтительно обратился к Василине Байдек, ни словом, ни взглядом не выказывая неудовольствия или удивления от ее желания, – здесь в нескольких метрах есть безопасная заводь, без омутов и течения. Я приказал своим людям не беспокоить вас. Прошу,

не заплывайте далеко. Если вдруг почувствуете судорогу или замерзнете, пожалуйста, кричите, я хорошо плаваю.

– Я тоже хорошо плаваю, барон, – сказала принцесса вежливо, и он склонил голову и ушел. Впрочем, ушел недалеко, остановившись в нескольких метрах от Василины. Отвернулся и встал спиной к ней, как и двое сержантов, пока она переодевалась с помощью напряженно поглядывающей на мужчин горничной и заходила в озеро.

Все-таки северная вода была довольно прохладной, но при этом очень мягкой. Принцесса медленно шла по песчаному дну, чувствуя пальчиками нагретый песок и редкие острые камушки. У ее ног суетились мальки, щекотно тыкаясь в кожу и тут же отплывая, над водой мерно жужжали стрекозы. Воздух был летний, прогретый, напоенный лесным запахом. Василина решила не растягивать удовольствие: быстро опустилась в воду и решительно поплыла вперед, навстречу заходящему солнцу.

Мягкая прозрачная вода, запах хвои и наконец-то вожаделенное столь редкое одиночество. Время, когда можно побыть самой собой, забыть, что на тебя сзади внимательно смотрят несколько человек, готовые броситься на помощь. Раствориться в плеске воды, массирующей тело, в синхронных движениях рук и ног, когда в голове не остается ни одной мысли, и уже непонятно, двигаешься ли вперед или висишь над бездной, невесомая, будто сама стала водой. Как же хорошо и как жаль, что нужно плыть назад, иначе сейчас с берега раздастся обеспокоенное: «Ваше высочество, опасно, возвращайтесь». Но как же хочется наплевать на все и проплыть еще немного вперед. И еще. И еще. Ведь когда в будущем удастся так поплавать?

И Василина плыла и плыла дальше, с удовольствием толкая свое юное тело сквозь воду и не желая возвращаться назад. Плыла до тех пор, пока в сознание не проник плеск воды позади нее. Принцесса обернулась – к ней быстро, сильными гребками приближался барон Байдек. Берег вдруг оказался слишком далеко, и люди, стоявшие на нем, показались крошечными. Стало как-то неуютно – так далеко она еще никогда не заплывала.

Нагнавший девушку лейтенант подплыл ближе.

– Моя госпожа, прошу прощения, но вам лучше повернуть. Дальше пойдут полосы холодной воды, это только ближе к берегу она

прогретая. Озеро глубокое, рискуете попасть в ключевой колокол и схватить судорогу.

Он уговаривал ее, как будто она была несмышленной маленькой девочкой! Хотя, возможно, принцесса в свои шестнадцать лет и казалась ему девочкой.

– Да, вы правы, – сокрушенно сказала Василина и медленно поплыла обратно. Байдек плыл рядом с ней, будто боялся, что сейчас она уйдет под воду, словно какая-то неженка, и, как ей казалось, постоянно сдерживался, чтобы не двигаться слишком быстро. «Похоже, – думала принцесса, – он может несколько раз обогнуть меня по кругу, пока я проплываю пару метров».

На берег Василина вышла, игнорируя нахмуренные лица обеспокоенных этим заплывом военных, которые, впрочем, быстро отвернулись. «Они, наверное, думают, что я совсем безголовая и неуправляемая, – решила вторая Рудлог. – Знали бы эти ребята, какая правильная и добропорядочная у меня жизнь».

Лусия ожидала госпожу на берегу – подбежала, укутала ее в большое теплое полотенце. Лейтенант шел рядом, и принцесса несколько раз посмотрела на него сквозь ресницы, пряча свой интерес, чтобы не смущать. Мариан снял рубашку и обувь, чтобы доплыть до нее, но остался в длинных «охотничьих» коричневых штанах, которые теперь были пропитаны водой. Василина снова почувствовала себя виноватой и понадеялась, что Байдеку есть во что переодеться.

А вообще, конечно, на лейтенанта приятно было посмотреть. Широкие плечи, плотные мускулы на руках, развитая мужская фигура, кричащая о том, что это тело ежедневно подвергается физическим нагрузкам. На плече – татуировка с гербом егерских войск, оскаленной волчьей мордой на синем фоне. По телу барона ручейками стекала вода, впитываясь в мгновенно темнеющий песок, прилипающий к ступням. Прозрачные капли застревали в густой поросли на груди и животе. Темная дорожка мокрых курчавых волос обвивалась вокруг пупка и уходила по влажному животу стрелой под ремень брюк.

Да, определенно барон Мариан Байдек был очень привлекательным мужчиной. И Василина могла бы поклясться, что пару раз в его взглядах, брошенных на нее, она видела не только верноподданническое почтение к своей госпоже. И даже, кажется, барон на мгновение задержал взгляд на ее... месте пониже спины, не

оставлявшем равнодушным ни одного кавалера. Во всяком случае, в альбоме принцессы хранилось под сотню глупейших стихов, в которых ее ягодицам отводилось для восхваления особое место. Иногда они с сестрами перечитывали самые удачные и совсем невоспитанно смеялись взахлеб.

Василине даже показалось, что лейтенант смутился своей реакции и именно поэтому быстро ушел в сторону стоянки, приказав подчиненным проводить принцессу к лагерю, когда она будет готова. Но вполне возможно, что она ошиблась. Дворцовые кавалеры совсем не стеснялись демонстрировать свой интерес и флиртовать. Флирт был любимой светской забавой, и, хотя все знали, что их высочеств готовят к удачным политическим бракам и королева лично оторвет покусившемуся все выступающее, это не мешало кавалерам ухаживать за принцессами и надеяться урвать хотя бы поцелуй.

Если бы она ему понравилась, барон не упустил бы возможности сблизиться. Пошутить, отпустить двусмысленный комплимент, заверить в своем восхищении. Хотя кто их знает, этих северян? Может, они замороженные?

Вечером она выбралась из палатки, стоявшей чуть в отдалении от основного лагеря, чтобы присоединиться к солдатам, сидящим вокруг костра. На самом деле Василина очень стеснялась – в шестнадцать лет трудно находить общий язык со служивыми, значительная часть которых была более чем в два раза старше ее. И для того чтобы выбраться из своего убежища, ей пришлось напомнить себе, что она Рудлог и королевская дочь. И что ее задача – сделать так, чтобы эти люди в сложных ситуациях оставались верными ее семье.

Нацепив на лицо улыбку, Василина с уверенностью, которой не испытывала, подошла к костру. Разговоры стихли, и солдаты почтительно встали, приветствуя ее высочество.

– Садитесь, госпожа, – один из сержантов поднес ей раскладной стульчик, на который она и опустилась, пытаясь двигаться изящно. Не так-то легко сесть с достоинством на сиденье высотой ниже колен и крайне неустойчивое.

Солдаты продолжали стоять и смотреть на нее как на какую-то диковинку.

– Хотите чаю, ваше высочество? – спохватился один из них, пока остальные рассаживались на свои места. – Это наш, северный чай, с

медом и ягодами. Витаминный! Вмиг сделает ваши щечки еще розовее!

– С удовольствием, – сказала Василина, улыбаясь простоте говорившего, и тот налил ей в большую раскладную кружку горячего, но не обжигающего вара, и с почтением передал. Василина принялась – пахло хвоей, ягодами и какими-то пряностями. И на вкус было необычно, но не противно.

Солдаты продолжали глазеть на нее чуть ли не с умилением, и она чуть расслабилась.

– Как вам служба, тяжело? – спросила девушка, делая глоток.

– Да какое там, – махнул рукой тот, что наливал ей чай. – Тяжело землю пахать да хлеб выращивать, а здесь дисциплину блюди да за оружием ухаживай.

– Не жалуемся, – отозвался второй.

– Да вот, сидим, байки страшные от нечего делать рассказываем, – добавил третий.

– А расскажите и мне, – принцесса снова сделала глоток. – Действительно очень вкусный чай, спасибо!

Солдаты заулыбались. В это время к костру вернулся сержант, за которым шел и лейтенант Байдек. Принцесса отметила, что при появлении начальства солдаты быстро и привычно осмотрели себя – нет ли беспорядка в одежде, – но никакой напряженности не возникло.

– Принцесса просит сказку? – усмехнулся лейтенант, оглядывая свое воинство и тоже наливая себе чаю.

– Люблю сказки, – упрямо ответила Василина. Ей при появлении барона Мариана захотелось убежать, а смущение поднялось с новой силой.

– У нас только страшные, – прогудел один из солдат. – Напугаетесь, ночью спать не будете.

– Пусть страшные, но только чтобы с хорошим и счастливым концом, – попросила принцесса.

– Ну, тогда ладно, слушайте. Когда-то давно в деревне, стоявшей у подножия горы, лесные духи похитили ребенка, девочку, и заменили ее...

Мариан Байдек наблюдал за девушкой сквозь парок, поднимающийся от кружки. Совсем еще ребенок, мягкая, изящная – чистый котенок. Прямая спина, кудрявые очень светлые волосы до

плеч. Лицо как у куколки – пухлые губки бутонем, большие блестящие глаза, светло-голубые, как небо Севера зимой, по-детски округлое лицо, маленький носик. Сидит на неудобном стульчике как на троне, держа в руках огромную кружку, размером чуть ли не с ее голову, и аккуратно пьет, внимательно слушая рассказчика, ахая или посмеиваясь в особо интересных местах. За ее спиной уже темно, и свет от костра играет тенями на невероятно красивом лице. Она кажется чужеродной в этом темном лесу, среди солдат – ее место во дворце, на мягких диванах, среди драгоценностей и шелков. Но при этом, несмотря на изнеженность принцессы, она, как опытный дипломат, всего парой слов завоевала расположение его парней, и теперь они ее опекают как родную дочь.

Василина, словно почувствовав внимание лейтенанта, быстро взглянула на него, и он поспешно опустил взгляд.

Барон не страдал от отсутствия женщин и не был обделен любовью прекрасных дам, но эта девушка была из высшей, недоступной лиги. Нет, он видел женщин и красивее ее, но этот цветок дома Рудлог словно светился изнутри, и не ледяным, холодным светом, как ее старшая сестра, а мягким, согревающим, золотистым сиянием. Свет юности, свет только-только начавшего распускаться бутона.

На месте, когда похищенной девушке в зеркале начинает казаться пара следящих за ней багрово-красных глаз, принцесса в очередной раз ахнула и зажмурилась.

Мариан усмехнулся про себя. Никогда он не был поэтом, а тут надо же – «сияние, цветок». Правду говорят, что женщины рода Рудлог производят парализующее впечатление на мужчин. Но ему остается только восхищаться и любоваться ею, как картинкой в музее. И охранять. Вот это ему, лейтенанту егерских войск, понятно и близко. Барон любил свою службу, любил физические нагрузки и дисциплину, а в военной форме чувствовал себя комфортнее, чем в домашних тапочках. Восемь поколений мужчин семьи Байдек служили короне, после того как его предок получил баронство за особую доблесть во время войны. И дело Мариана сейчас – не млеть и пускать слюни, а защищать высокую гостью.

Он встал, кивнул солдатам, поклонился удивившейся его уходу принцессе и пошел проверять дозорных.

С утра Василину разбудил отдаленный гул лодочного мотора. Она, одевшись, вышла из палатки и увидела вдали на водной глади приближающийся катер.

Солдаты уже встали и под руководством лейтенанта занимались утренней зарядкой. Одеты они все были в тонкие майки и шорты, и зрелище это для ранее не наблюдавшей за физподготовкой армейских частей принцессы было завораживающее. «Отжаться!»с и двадцать мужчин падают на песок и дружно считают: «Раз, два, три...», – до тех пор, пока не раздастся следующая команда: «На кулаках!», – и счет начинается снова.

Пока горничная несла ей воду для умывания, принцесса успела понаблюдать и за приседаниями, и за наклонами, и за растяжкой, и понаблюдать, прямо скажем, не без удовольствия. Барон занимался наравне со всеми и стоял лицом к ней, но никак не отреагировал на ее внимание.

Закончилась зарядка криком «На пробежку», и занимающиеся убежали куда-то вправо по берегу озера. В лагере остались только дозорные и принцесса с Лусией, так что завтракала Василина в одиночестве. Было очень тепло, и утренняя дымка над сверкающим озером навевала какое-то расслабленное, мечтательное состояние.

Катер был уже совсем близко, может, пара километров осталась до берега, когда справа раздались шаги, а потом появилась группа бегущих солдат во главе с лейтенантом. Они остановились отдышаться: кто-то положил руки на колени и опустил голову, кто-то, наоборот, ходил по песку, восстанавливая дыхание. Принцесса подошла чуть ближе, наблюдая, как барон Мариан снимает с рук жесткие кожаные перчатки с отрезанными пальцами. Он заметил ее, быстро подошел и склонил голову.

– Доброе утро, ваше высочество. Я могу что-то для вас сделать?

От него пахло свежим и здоровым мужским потом, а кожа на груди и плечах была чуть влажной.

– Доброе утро, лейтенант. Я хотела бы еще раз искупаться, если есть время, – сказала Василина.

Барон оглянулся через плечо на озеро, что-то прикинул.

– Катер будет минут через пятнадцать, затем начнем грузить палатки и машины. Время есть, ваше высочество. Но вода холоднее, чем вчера, плавание может быть опасно.

– Ничего страшного, спасибо, лейтенант, – улыбнулась Василина.
– Я не боюсь холодной воды.

– Простите, принцесса, но я обязан беречь вас, – строго сказал Байдек. – Я не могу позволить вам простыть или схватить судорогу.

– А я не могу позволить себе не ополоснуться с утра, лейтенант, – настойчиво произнесла Василина. – И раз здесь нет душа, мне необходимо искупаться. Иначе я буду чувствовать себя некомфортно целый день.

Он поклонился.

– Как скажете, моя госпожа. Но я поплыву с вами.

– Хорошо, – не стала спорить принцесса и ушла в палатку переодеваться.

Холодная вода сняла сонливость и расслабленность, тело с радостью восприняло нагрузку, и Василина жалела только о том, что не разогрелась перед заходом в озеро. Вода, как всегда, принесла ощущение счастья и парения, и девушка двигалась вперед, слыша сзади мерный плеск волн, расходящихся от ее сопровождающего. Барон плыл в нескольких метрах за ней, и Василина периодически ощущала его взгляд на своей спине.

Мимо них медленно, заглушив мотор, прошел грузовой катер, распространяя высокие волны, причалил, и солдаты, громко переговариваясь друг с другом, начали загонять машины в трюм. Василина перевернулась на спину – стало любопытно понаблюдать за погрузкой – и застонала сквозь зубы, неловко барахтаясь и подгибая ногу: голень от резкого движения свела болезненная судорога. Вот тебе и не разогрелась. Молодец.

Она могла бы продержаться на воде, но движение еще больше скручивало ногу, пока принцесса упорно плыла к берегу, не желая просить о помощи. Ох уж эта хваленая гордость Рудлогов! Василина почти сдалась, когда ее подхватил подплывший Мариан, сообразивший по хаотичным движениям подопечной – что-то неладно.

Через несколько минут лейтенант вынес девушку на берег. Нога противно ныла, простреливая при попытке пошевелиться, поэтому Василина замерла, прижимаясь к теплему надежному телу. Он так ничего и не сказал – ни когда подплыл к ней, обхватив и двинувшись к берегу, ни когда вынес ее и усадил на поваленное дерево. А ведь мог и даже имел право указать на то, что был прав.

Слава богам, от места погрузки заводь была отгорожена какими-то кустами и уходила вглубь так, что солдаты не видели, как Байдек опустился перед Василиной на колени и, спросив «Какая нога?», взял лодыжку девушки в руки и стал разминать ее жесткими движениями, сгибая и разгибая стопу, чтобы восстановить кровоток. Ничего романтического в этом не было, Мариан действовал профессионально и безжалостно.

Принцесса закусила губу и сдерживала крики, потому что судорога крутила ногу немилосердно и хотелось выть. А выть члену королевской семьи совсем не к лицу.

Голову Байдек упорно не поднимал, один раз только глянул, когда упрямица, не сдержавшись, тихо зашипела – кровь начала болезненно покалывать в стопе, а лодыжку перестало выворачивать. Глянул и тут же отвел глаза.

– Сейчас уже станет легче, моя госпожа, потерпите чуть-чуть.

И пальцы его стали мягче, словно он вспомнил, что не подчиненному своему помогает, а хрупкой девушке с нежной кожей, на которой и синяки от такого усердия могут остаться.

– Спасибо, – робко произнесла Василина, когда боль отступила. И, выдохнув, признала: – Вы были правы, мне не стоило сейчас плавать.

– Я позову вашу горничную, – Мариан отвернулся, но принцессе показалось, что она увидела улыбку, скользнувшую по его губам. – Не благодарите, это мой долг, ваше высочество.

Лейтенант Байдек, наблюдая за погрузкой, поймал себя на том, что сжимает и разжимает кисти рук, будто все еще ощущая под пальцами нежную, чуть прохладную и упругую девичью кожу. Когда Мариан на руках выносил принцессу из воды, ему стоило огромных усилий не опустить глаза на маленькие грудки, прижимающиеся к нему, или не сдвинуть руку, удерживающую ее ноги, чуть выше. Барон был человеком исключительной воли, и голос, подбивающий его на недостойное поведение, был для него внове, выбивая из колеи. Тем более что нашептывал он недостойное по отношению к принцессе крови, его госпоже, которой Мариан дал клятву служить верой и правдой. Но при этом Байдек не сомневался, что справится с этим искушением. Он всегда со всем справлялся.

Погрузились они быстро и отплыли примерно через час после возвращения Василины на берег. Принцессе и ее горничной отвели

единственную каюту грузового катера, а военные разместились либо на палубе (те, кто не боялся ветра), либо в трюме, рядом с машинами.

Из-за своей грузоподъемности катер был тихоходным, но прекрасно сопротивлялся качке. Во всяком случае, лейтенант Байдек ее вообще не чувствовал, пока не увидел, как на носу корабля появилась тоненькая фигурка. Она облокотилась на поручни и опустила голову, но через некоторое время подняла ее. Так и стояла, обдуваемая ветром, в тонкой курточке. Байдек нахмурился – принцесса обхватила себя руками явно в попытке согреться. Он вздохнул, взял теплый плащ, на котором сидел, и пошел к ней.

– Ваше высочество! – Василина обернулась, и барон с тревогой заметил, как она бледна. – Вам не холодно?

– Холодно, – с обезоруживающей простотой призналась девушка, – но, к сожалению, я совершенно не взяла с собой теплых вещей. Не думала, что летом пригодятся.

– Позвольте предложить вам это, – и он накинул теплый подбитый замшей плащ ей на плечи. Принцесса зябко передернула плечами и благодарно кивнула.

– Не ожидала, что будет такой ветер. На берегу его вообще нет.

– Здесь всегда так, – лейтенант с удовольствием смотрел, как Василина кутается в его плащ. Кажется, она даже принялась к нему и чуть улыбнулась. Хотя чем он мог пахнуть? Мариан всегда тщательно следил за чистотой своих вещей, и плащ был стиран и утюжен прямо перед поездкой. Максимум, что она могла унюхать, это запах стирального порошка.

– Сколько нам плыть, лейтенант?

– Не меньше пяти часов, принцесса.

– Так долго, – девушка разочарованно закусил губу. – Почему так долго? Ведь противоположный берег виден, я даже могла бы переплыть озеро... если бы было чуть теплее, – добавила Василина, искоса глянув на собеседника и, видимо, припоминая свой последний заплыв.

«Все-таки она совсем еще девочка, и такой трудный путь не для нее», – в очередной раз подумал Байдек. А вслух ответил:

– Мы плывем к устью озера. Оно называется Полумесяц и полумесяц же напоминает. Дорога привела нас в нижнюю часть его

«рога», а мы плывем вверх, к впадающей в озеро реке Дикарке. Там и расположена Форелевая застава.

В этот момент катер несколько раз ощутимо качнуло, и Василина снова побледнела, схватилась за поручни и часто задышала.

– Вас... укачивает? Госпожа, давайте я отведу вас в каюту.

Она подняла руку, останавливая его, несколько раз глубоко вздохнула и подняла глаза.

– В моей каюте тошнит мою горничную, лейтенант, – произнесла принцесса с комичной серьезностью, – и я боюсь, что это слишком для меня. Бедняжка Лусия. Мне ее очень жаль, но, к моему огорчению, ее страдания вызывают у меня позывы к ней присоединиться. А вот на свежем воздухе гораздо легче. Спасибо вам за плащ, и правда очень тепло, – Василина плотнее запахнула на себе его плащ и при этом, кажется, снова принялась.

– Рад служить, ваше высочество, – барон понял, что разговор закончен, и решил откланяться, но принцесса посмотрела на него большими голубыми глазами и недоуменно произнесла:

– Ну куда же вы? Не уходите, побудьте со мной. Вдруг я потеряю сознание и вывалюсь за борт, у вас будет возможность спасти меня второй раз за день.

Мариан невольно улыбнулся и взглянул на нее – вторая Рудлог лукаво поблескивала глазами.

– Если причина в этом, то я обязан остаться.

– На самом деле причина в том, что мне скучно, – со вздохом признала Василина. – Поговорите со мной. Например, объясните, почему именно там построена застава? Ведь граница с Бермонтом еще дальше, за горами. Кого и от кого вы там охраняете?

Лейтенант оперся на поручень. Его ветер не пугал, и простыть он не боялся – бывали дни и похуже этого. А сейчас даже не шторм, не ливень и не грязь по колено. И прелестная девушка рядом, пусть и слегка зеленая.

– Речка стекает с гор, а выше по течению – рудники, где преступники, совершившие тяжкие преступления, отработывают свой срок, госпожа. Иногда они сбегают, а мы ловим. Пару раз был бунт в колонии, пришлось подавлять.

– Им там, наверное, трудно совсем? – дрогнувшим голосом спросила Василина.

– Не нужно их жалеть, госпожа, – жестко ответил Байдек. – На эти рудники отправляются только последние отморозки – убийцы-рецидивисты, в том числе и детоубийцы, серийные насильники, члены жестоких банд. По мне, так они заслуживают смерти. А на рудники можно отправить и добрых честных рабочих, только платить им побольше.

Принцесса покачала головой. Ни она, ни ее сестры не сталкивались с жестокостью мира, и ей было чудовищно слушать то, о чем говорил лейтенант.

– Я расстроил вас, моя госпожа, – мягко сказал он, – простите.

– Нет, все в порядке, продолжайте, барон. Преступники ведь сбегают не так часто, чтобы держать целый гарнизон?

– Вы правы. Чуть дальше рудников, за полем, образовавшимся после огромного оползня, есть старые каменоломни. В них водится... всякое. Магические академии частенько засылают сюда студентов на практику. Ну и они тоже имеют обыкновение теряться, а мы их ищем. Если какая-то нежить выбредает из каменоломен – уничтожаем, иначе либо в колонии людей порежет, либо до поселений доберется.

– А как же вы с нежитью боретесь без мага? – удивилась Василина. Честно говоря, после слов о нежити ей стало страшновато и очень по-детски захотелось обратно к маме.

– Почему без магов? У меня в отряде их двое – военные маги второй ступени, выпускники Военно-магической академии. Да вы с ними знакомы – один из них вам сказку рассказывал, помните?

– Я думала, это простые солдаты. Они совсем не похожи на магов. Ходят в той же форме, что и другие ваши подчиненные... у нас во дворце не так...

– Ну, в мантии и с посохом в походе трудновато, что бы ни говорилось в сказках, – усмехнулся Мариан. Разговор начал приносить ему удовольствие. – Естественно, у них те же нагрузки и та же форма, что и у остальных солдат. И нам они очень помогают, хотя, прямо скажу, против огнемета или гранаты мало кто из нечисти выдюжит и без помощи мага, – сказал барон, незаметно любуясь принцессой. Разговор так ее увлек, что про качку она забыла и только несколько раз передернула плечами, как будто отгоняя страх, когда он говорил про старые каменоломни.

– Я поняла, – Василина подняла руку к лицу и стала загибать пальцы. – Вы охраняете колонию, это раз, и отлавливаете нежить, это два. И все?

– Нет, конечно, моя госпожа.

Пальчики у нее были тонкие, трогательные, с короткими розовыми ноготками, и Байдек вдруг поймал себя на желании взять ее руку и поцеловать мягкую впадину в центре ладони. Боги знают, что с ним творится, как околдовала она его! Мариан тряхнул головой, прогоняя искушение, и продолжил:

– Основная задача егерского полка – охрана леса, а у нас – еще и озера. От браконьеров в первую очередь. Иногда появляются в лесах банды или шайки разбойников, которые останавливают машины или грабят поместья, вот с ними тоже разбираемся. Следим за старыми кладбищами – если вдруг замечаем, что начинается активность, сообщаем в отдел магконтроля, помогаем уничтожить. Дел хватает, ваше высочество.

– Не сомневаюсь, лейтенант, – мягко сказала Василина и посмотрела прямо ему в глаза. И этот взгляд что-то перевернул и смял в его голове – так, что даже закружилось все вокруг и стало трудно дышать. Цепи воли трещали, пока кто-то изнутри кричал: «Обними ее, дотронься, сделай хоть что-нибудь».

– Простите, ваше высочество, я должен идти, – Мариан резко поклонился, – проверю, как разместились мои парни.

И принцесса с удивлением наблюдала, как в очередной раз этот суровый вояка сбегает от нее. Неужто так трудно поболтать с ней о разных пустяках? Плыть еще так долго и так скучно. Да и ветер усиливается.

Василина снова закуталась в плащ лейтенанта и снова почувствовала свежий запах какого-то порошка, ненавязчивый аромат простой и крепкой туалетной воды, смешанный с приятным, теплым и здоровым запахом мужчины.

В результате принцесса провела эти часы на палубе, изредка переговариваясь с солдатами, выходящими покурить или подышать воздухом. В каюту пришлось пару раз заглянуть по естественным надобностям, но вид постанывающей и извиняющейся за свое состояние Лусии совсем не способствовал здоровым ощущениям, и

Василина спешила наверх, предварительно произнося положенные слова сочувствия и утешения.

Барон явно избегал ее, а принцесса была не в том положении, чтобы требовать внимания. Обычно внимания просили у нее. После их разговора Байдек подходил к ней всего несколько раз – предложил переместиться на корму, где накрыли столик с чаем и закусками, спрашивал, не замерзла ли она и не нужно ли принести одеял. Все это было крайне вежливо и почтительно и крайне же досадно. От Василины еще никогда не бегали, обычно она всем нравилась, а тут принцесса даже почувствовала себя неприятной особой, с которой не хочется проводить время.

В небольшом, но крепком старом баронском поместье Байдек, расположенном в двухстах километрах от северной столицы Рудлога – Великой Лесовины, баронесса Василина Байдек кормила грудью проснувшуюся малышку, пока ее муж отсыпался в их спальне. Он все равно не будет долго спать, встанет, как обычно, часов в десять, несмотря на ночное дежурство, и будет решать дела поместья, а потом играть со старшими детьми. Мальчиков Мариан обожал, но и держал в строгости, впрочем, без жестокости. А вот недавно рожденная девочка заставляла мужчину дрожать и сюсюкать не хуже престарелой бабушки.

Василина смотрела на малышку, которая, уже насытившись и прикрыв затуманенные глазки, медленно посасывала молочко. У второй принцессы сжималось сердце, будто не способное вместить огромную любовь, испытываемую ею к детям и мужу. А ведь всего этого могло и не быть...

Часть 3. Глава 2

Десять лет назад, застава на озере Полумесяц

Василина

Форелевая застава представлялась Василине маленьким укрепленным поселком на берегу озера. По факту застава оказалась высоким каменным фортом, заметным с воды издалека. Пять сторожевых башен, со стороны водоема – тяжелые ворота, куда после их открытия и зашел катер.

Разглядывая нависающую над ней громаду ворот размером повыше, чем у королевского дворца, Василина задумалась, не преуменьшил ли лейтенант степень опасности. Вряд ли такие укрепления нужны для защиты от браконьеров, заключенных или редких возможных набегов нежити.

На заставе вторая Рудлог должна была пробыть сутки – пообщаться со служивыми, осмотреть помещения, оценить удобство размещения и выслушать просьбы о требуемых улучшениях, вручить награды и пару листков с новыми званиями.

Это была рутина, которую она ненавидела. Нет, Василине всегда было интересно общаться с людьми, но вне церемониала, который регламентировал и широту улыбки, и то, что внимание должно доставаться всем в равной степени, и то, какие слова нужно говорить. А отступишь в сторону от церемонии – тут же заговорят о том, что вторая принцесса себя ведет как простолюдинка, что она опростилась и забылась, это подхватят желтые газеты и светские передачи с языкастыми ведущими – и прощай, спокойная жизнь.

Внутри огромных стен располагалась сама застава: невысокое здание комендатуры, где на верхних этажах проживали офицеры, а на нижнем работал комендант и находился небольшой госпитальный пункт, несколько одноэтажных теплых казарм, склады с запасами, большой плац с прилегающей спортивной площадкой, столовая с дымящейся кухней, баня. Комендант, пожилой подполковник Тóмаш Шúкер, такой же широкий, как его солдаты, с радушной красной физиономией и окладистой бородой, встретил принцессу со всей почтительностью. Он единственный жил на заставе со своей женой,

достопочтенной Божёной, которая явно обрадовалась появлению дам – сразу проявила к принцессе воистину материнскую заботливость и сама проводила ее в отведенную комнату, сообщив, что обед через час и если госпоже что-то нужно – пусть требует все, что угодно, принесем, добудем и сделаем в лучшем виде.

Пока Лусия, обрадовавшаяся твердой земле под ногами, раскладывала немногочисленные вещи, Василина приняла горячий душ, мурлыкая от счастья, завернулась в мягкий объемный халат и легла отдохнуть на широкую добротную кровать. Увы, она не любила долгие поездки и слишком ценила комфорт.

Комната была уютной, отделанной в старом стиле: по низу стен – деревянные панели, сверху – темно-синие тканевые обои. Стрельчатые узкие окна, завешенные трогательными кружевными шторами, синее бархатное покрывало на кровати, свежее, хрустящее от чистоты белье. В углу – женский столик с зеркалом, узкий гардероб, рядом с кроватью – тяжелая деревянная тумба, где стоял кувшин с вкуснейшим ягодным морсом. Им-то принцесса с удовольствием и освежилась, добавив лежащий тут же нарезанный лимон, накрытый прозрачной крышечкой.

Василина даже успела задремать и, когда Лусия позвала: «Время, ваше высочество», – с неохотой поднялась и села в кресло перед зеркалом. Глаза казались словно песком засыпанными, в теле была слабость, и, кажется, она все-таки простыла. Но долг и простая вежливость требовали ее присутствия на обеде, и девушка смиренно ждала, пока горничная быстро уложит ее волосы, сделает легкий макияж и осторожно, чтобы не задеть прическу, наденет на нее простое синее платье с длинным подолом, а на шею – пару ниток жемчуга. В этом наряде принцесса сразу стала выглядеть старше, но зато никаких вопросов по поводу уместности ее одежды не возникнет.

За пять минут до назначенного времени в дверь постучалась госпожа Божена, готовая проводить высокую гостью к обеду. Увидев принцессу, женщина охнула, сложила полные ладони на груди и воскликнула:

– Какая же вы хорошенькая, ваше высочество!

– Спасибо, – улыбнулась Василина, – вы тоже прекрасно выглядите.

Божена в темном тяжелом платье до пят, с добрым улыбчивым лицом и завитыми черными волосами напоминала оперную певицу. Но

пафоса в ней не было ни на ноготок. Активная и немножко суетливая, она задала, наверное, тысячу вопросов про дорогу, поахала над тем, как такую хрупкую девушку отправили в такой трудный путь, и с заботливостью наседки посадила ее во главе стола, расположившись рядом. Зачем – Василина поняла чуть позже, когда во время обеда госпожа Шукер настойчиво рекомендовала ей пробовать то или иное блюдо, отмахиваясь от строгих взглядов мужа, обеспокоенного напором жены.

На обеде присутствовали и офицеры гарнизона, чуть больше десятка, среди которых принцесса заметила и барона Байдека. Были и две офицерские жены, приехавшие на несколько дней навестить мужей. Их звали Тереза и Катарина, они тихо сидели рядом с супругами и во все глаза разглядывали ее высочество, чтобы потом, без сомнения, описать принцессу подругам во всех подробностях. Василина вежливо пробовала предложенные блюда, расспрашивала коменданта и представленных офицеров о жизни заставы и бесконечно улыбалась. И при этом старалась не расчихаться. В носу немилосердно свербело, и девушка мечтала о том, чтобы выпить горячего чая и залечь в постель. Но впереди было еще построение гарнизона, вручение наград и посещение казарм.

Последующие часы слились для Василины в какой-то зудящий кошмар. Она улыбалась, жала руки, фотографировалась с бравыми егерями, говорила речь перед строем, вручала наградные листки и звания, снова жала руки. К концу ее голос приобрел заметную гнусавость, а нос покраснел и опух. Наконец официальная часть закончилась, и принцесса, сопровождаемая комендантом с женой и частью офицеров, пошла в столовую на «чай с пирогами и вишневую, собственноручно сделанную наливочку».

Байдек шел в некотором отдалении, и Василина даже забыла про него, когда вдруг услышала его голос совсем рядом.

– Ваше высочество, – барон выглядел обеспокоенным, – вы все-таки простудились?

– Нет, – сказала она в нос и оглушительно чихнула. Все обернулись, а госпожа Божена всплеснула руками.

– Ах, бедняжка, маленькая принцесса! Томаш, нужно сейчас же растопить баню!

– Не надо баню, – попросила Василина слабым голосом, – мне, наверное, лучше лечь.

– Глупости! – со всем пылом уверенной в своей правоте женщины воскликнула хозяйка, но, наткнувшись на строгий взгляд мужа, попыталась исправиться и уже тише сказала: – Глупости, ваше высочество! Крепкий пар да хороший веник – и вся хворь уйдет! Пейте чай, а я пока распоряжусь натопить да замочить веники!

Принцессе оставалось лишь покориться неукротимому жизнелюбию и подавляющей заботливости этой женщины. За Василиной тут же стали ухаживать в трехкратном размере – два офицера притащили из кабинета коменданта его любимое, «самое удобное, уж поверьте» кресло, хозяйка сама сервировала чай и разлила его по чашкам, добавила туда пару здоровенных ложек малинового варенья и пристально следила, пьет ли несчастная бледненькая девочка волшебный напиток. Барон с чашкой стоял в углу, у напольных высоких часов, и вид у него был виноватый. Василина, несмотря на общее гнусавое состояние, даже немного позлорадствовала про себя – нечего оставлять меня без присмотра и компании, теперь вот мучайтесь.

Краем уха она выхватила Боженино «А кто же ее попарит, Байдек, может, вы? У вас волшебные руки» и, чуть не уронив чашку от ужаса, спросила:

– А разве в баню пускают мужчин?

Все поглядели на гостью, и в комнате стало тихо-тихо. Барон покраснел, вот прямо от кончиков ушей до носа, и несколько раз шумно перевел дыхание. Благо все смотрели на принцессу.

– Э-э-э-э, – почтительно промычала госпожа Шукер, – ваше высочество, у нас в банях мужчины и женщины парятся вместе. Да и не попарит вас женщина так хорошо, как мужчина. Тут крепкая рука нужна и аккуратная и выносливость. А с бароном вы знакомы уже...

«О боги, – в панике подумала Василина, – только бы не узнала мама и в газеты бы не попало. Что делать? Отказать – обидеть людей. Согласиться – дать повод для сплетен».

– Да вы не бойтесь, госпожа, – снова затараторила Божена, – там ведь с вами и горничная будет, и мы все, женщины, никто ничего плохого не подумает. В парку-то и не видно ничего.

«Я на самом деле слушаю рассуждения про то, как я буду лежать голая в пару и меня будет бить веником взрослый мужчина?!»

– Госпожа Божена. – Теперь все обернулись на голос Мариана, лицо которого уже приобрело нормальную окраску – в отличие от принцессы, розовевшей от пикантности ситуации, а глазами напоминавшей загнанного оленя. – Если ее высочество не хочет, не будем ее смущать. На юге традиции более строгие, чем наши, мы можем ее шокировать.

– Ну если так... – пробормотала растерявшаяся хозяйка, а полковник Шукер пробасил:

– И правда, рыбонька, что-то ты совсем засмутила нашу гостью. Хоть банька и была бы в самый раз, – добавил он после того, как Василина снова оглушительно чихнула.

На лицах находящихся в гостиной принцесса прочла такое смущение, будто они, деревенщины, нарушили этикет и предложили что-то крайне неприличное. Оно, конечно, так и было, но Василина поняла – надо срочно разрешать ситуацию. Ведь пила же она ритуальный напиток с сердцем ядовитой змеи, когда в свои четырнадцать лет ездила на юг, в горы! И целовала уважительно ноги статуи какого-то племенного древнего героя. Матушка всегда учила, что нужно чтить традиции местных, чтобы тебя не посчитали высокомерной и насмехающейся над ними. «Королевская семья должна быть близка народу», – не раз говорила она. И принцесса подняла руку, привлекая внимание.

– Уважаемые хозяева, госпожа Божена, уверяю, я не смущена, а просто тронута вашей добротой и заботой. Я с удовольствием попарюсь и надеюсь, ваш пар действительно чудесен, как и все, что я видела на Севере.

На лицах офицеров и хозяев отразилось явное облегчение, все заулыбались комплименту, и напряжение ушло. Не улыбался один Байдек. Цепи воли снова стали потрескивать, и он сжал зубы, восстанавливая душевный покой.

– Какой стыд! – причитала Лусия, расчесывая волосы своей госпожи, которая оделась в удобную просторную рубаху и сидела у зеркала. – Какое варварство! Приехали в какой-то вертеп! Вот была бы здесь ее величество!..

Василине это порядком надоело, и она в который раз повторила:

– Прекрати, Луси! Была бы здесь мама, она бы безо всякого сомнения приняла предложение госпожи Шукер. И ты примешь и ни словом, ни взглядом не покажешь своего недовольства, как и я!

Горничная возмущенно всхлипнула, переживая будущий позор. Виданное ли дело – париться в общей бане! У них в Инляндии даже супруги спят раздельно, чтобы не стеснять друг друга и лишний раз тело не демонстрировать, а тут прям какой-то свальный грех намечается!

– Если это поспособствует укреплению преданности местных офицеров короне, то я и голая готова по плацу пройти, – с несвойственной ей жесткостью, продиктованной скорее усталостью от дороги и общим недомоганием, отчеканила принцесса. – А твое дело – следить, чтобы я при этом хорошо выглядела. И точка!

– Хорошо, госпожа, – смиренно произнесла Лусия, испугавшись суровости хозяйки. – Но я буду там и глаз с вас не спущу, так и знайте!

– Вот и прекрасно, – улыбнулась Василина, хотя от повышенного тона заныло беспокоящее ее горло. – Тебе повезло, что мы к серениткам не ездили с визитом. Мама говорила, там парадный костюм для женщин – хитон с обнаженной грудью. А их королева у нас одевается в строгое платье, кстати. А еще могу взять тебя в Тайтану, мужчины там ходят в юбках длинных и цветных и с обнаженным торсом. Закрываются только низкородные. А женщины надевают покрывало и маску, хоть и жарко страшно. Мама говорила, чуть сознание не потеряла, а что сделаешь – традиция.

Лусия что-то пробормотала, из серии «лучше в покрывале и в маске, чем голышом и в бане».

– Не бурчи, богов ради, у меня и так всего пара часов, чтобы поспать, пока они топят баню. Голова раскалывается, уж лучше бы я с тобой в каюте осталась. Но это было бы ужасно, Лусия.

– Простите, ваше высочество, – пробормотала горничная, расстилая кровать. Она зеленела только при мысли об обратном пути. А ее принцесса продолжала размышлять, укладываясь в постель и наблюдая, как Лусия закрывает внутренние ставни, отчего в комнате воцарился полумрак.

– Любопытно, кстати, будет посмотреть, как там все устроено, я ведь только читала про северную культуру, но ни разу сама не видела.

Да и не было в книжках про совместный быт, вот что любопытно... Видимо, об этой традиции авторы деликатно не упоминают...

Комендантская баня находилась позади комендатуры, в закрытом дворе, и к ней был предусмотрительно выстроен узкий обитый изнутри деревом коридорчик с маленькими окошками. Не до конца проснувшаяся принцесса, сопровождаемая на глазах мрачнейшей Лусией и словоохотливой хозяйкой, с удовольствием втянула в себя воздух. В коридоре хорошо пахло сосновой смолой и чистотой. Сама баня представляла собой внушительную избушку, построенную из огромных круглых бревен. В предбаннике уже сидели завернутые в простыни офицерские жены, нестройным хором поприветствовавшие ее высочество.

– Ну-с, раздевайтесь, милая, садитесь, сейчас я вам чаю липового налью, – засуетилась госпожа Божена. Принцесса, снимая одежду, с любопытством крутила головой. Здесь запах дерева и пара, смешанного с ароматами разных растений, был сильнее. Да и неведомые строители постарались на славу. В предбаннике по стенам стояли тяжелые лавки, укрытые вышитыми полотенцами, а перед ними – длинный стол, на котором пыхтел тяжелый чайник, весело дыша парком, стояли плошки с вареньем и медом, лежали в корзинах круглые булочки и мягкое масло в розетках. Василина залюбовалась высокими расписанными кувшинами с блестящими глазурованными боками. Одна из офицерских жен, Тереза, кажется, разливала из такого кувшина какой-то светлый пенящийся напиток.

– Это квас, госпожа, – пояснила она, – но он очень холодный, поэтому мы будем поить вас чаем, чтобы прогнать простуду.

Квас принцесса пробовала и в столице, но не оценила. Горничная взяла ее вещи и аккуратно сложила их на деревянные полочки, где стопочками лежала женская одежда, а госпожа Божена, вся состоящая из складочек, с пухлыми ногами в ямочках и большой налитой грудью, уже куталась в простыню и вертела себе на голове что-то наподобие тюрбана.

– Сейчас я вам помогу, принцесса, – и она, схватив какое-то длинное полотно, закутила в него волосы Василины, ахая, какие же они красивые да светлые.

Принцесса закуталась в предложенную простынку и продолжила осматривать помещение, попивая ароматный липовый чай. На стенах

висели резные изображения каких-то фольклорных старичков с длинными бородами и хитрыми физиономиями. Они изображали сценки из банной жизни – один шлепал себя веником, другой грел ноги в какой-то кадке, третий лежал на лавке, четвертый плескал воду в печь.

– А кто это? – спросила она, показывая на старичков.

– Это наши северные банные духи, – ответила, посмеиваясь, Тереза. – Пар, Жар, Здрав и Драв. Мы их задабриваем, поливая камни печки квасом и пивом, иначе шалят – могут перепутать одежду, ущипнуть, заухать в трубе или вовсе ошпарить.

В мире банных духов стало как-то уютно, и принцесса расслабилась, шмыгая носом. От влажности из него потекло.

– А где же мужчины? – любопытствовала она, уже самостоятельно наливая себе чаю и хмурясь на не решавшуюся раздеться Лусию. Та с тяжелым вздохом начала снимать ботинки.

Дамы дружно захихикали.

– Ждут, когда позовем парить, – ответила за всех госпожа Божена. Она пила пиво и сладко щурилась, не забывая, впрочем, приглядывать за принцессой, чтобы у нее не кончился чай.

– Я думала, вы и моетесь вместе, разве не так?

– Так, но поболтать-то нам охота в женской компании, – подмигнула Василине расслабившаяся хозяйка. – Потом придут, не сомневайся. Жен-то у нас только мужья парят, а вот незамужних девок – холостые парни. Под присмотром матери или другой старшей женщины. У нас считают, что по юности нечего наготу прятать, зато потом не на теле мужик женится, а душу полюбит. У вас-то на юге почему они так на всех и после свадеб кидаются? Потому что тело под запретом. А у нас парень до зрелости насмотрится, поймет, что у всех все одинаковое, а что размер больше-меньше, так это преходяще, да и выбирает по душе себе да по сердцу. У нас и разводов-то почти нет по сравнению с вами почему? Да поэтому же.

– Логично, – пробормотала принцесса, впрочем, сомневаясь, что это работает. Чай приятно согревал изнутри, и стало даже жарко.

В предбанник, по размерам больше напоминавший комнату, выходила широкая дверь, из-за которой слышался интригующий плеск воды.

– Можно посмотреть? – Василина встала.

– Конечно-конечно, ваше высочество! Мы сейчас туда и пойдём, пора обмыться да на первый парок! Заходите, тут у нас купели да помывочная.

«Да уж, – подумала принцесса, проходя в помывочную, – монументально».

Там, как грибы на лужайке, стояли несколько огромных емкостей, по виду больше всего напоминавших огромные, широкие и очень низкие бочки, в стенки которых были вмонтированы подголовники и подлокотники. Из бочек непрерывно проливалась вода, которой было набрано до краев. В каждую из таких без труда могло бы поместиться человек десять.

– Солдаты у нас моются в общей бане, там одна купель, – с гордостью произнесла хозяйка, – а для нас тут мужчины расстарались. Это специально сюда бондарь приезжал, делал из местных гигантских дубов. Вот, проходите, только простынку снимите, ступайте в воду. Это сначала горячо, а потом привыкните, надо вас к парку-то подготовить, чтоб поры открылись да грязь первая сошла.

Принцесса опускалась в горячую пахнущую травой воду и ойкала про себя. Вода действительно оказалась очень горячей, но деваться было некуда. Василина кое-как, неловко спустилась по деревянным ступенькам на дно и тут же обнаружила, что у подголовников есть и подводная часть, что-то вроде сиденья с подставкой под ноги. Она повернула голову на визг – Тереза и Катарина прыгали прямо со ступенек в бочку с холодной водой и плавали там как в настоящем бассейне, а госпожа Божена забралась в другую, где вода была потеплее, и с покровительственной улыбкой наблюдала за своими гостями.

Василина закрыла глаза. Тело словно размягчилось и поплыло. Через некоторое время рядом с ней раздался плюх – голая, сухая как щепка, замотанная в тюрбан Лусия с видом страдальницы забиралась в бочку.

– Они сварить вас хотят, моя принцесса, – прошипела она, перебивая плеск воды.

– Не шипи, Луси, мне очень хорошо, – расслабленно ответила Василина. – Во всяком случае, нос хоть стал дышать. И тело не так ломит.

– Та-а-ак, – бодрый голос госпожи Божены раздался прямо над ухом, – теперь потихоньку выбираемся, обливаемся и на первый парок!

Лусия помогла разомлевшей госпоже выйти, и не успела Василина ступить на пол, как женщины облили ее прохладной водой, терпко пахнувшей каким-то травяным отваром.

– Ромашка и дуб для крепости, – пояснила Божена, тоже обливаясь. – А теперь в баню, пока тело не закрылось, марш, девочки!

Она словно забыла, что рядом особа из королевской семьи, и вела себя со всеми будто со своими дочерьми. Впрочем, Василину это устраивало. Уже потом она узнала поговорку, распространенную среди северян: «В бане все равны, в бане чинов нет».

Дверь бани выходила прямо в помывочную, и дамы гуськом прошли за хозяйкой. В парной тоже стояли лавки, покрытые цветными полотнами, на которых «девочки» и расположились. Только лавки были выстроены лесенкой, так что самые стойкие могли забираться чуть ли не под потолок. Василина предусмотрительно легла на нижнюю. В углу, источая жар, стояла высокая печка, обложенная снаружи большими озерными камнями-голышами размером с мужской кулак. Печка была огорожена небольшим заборчиком, чтобы никто не прислонился нечаянно и не обжегся. Хозяйка лила на камни квас из высокой кадки и что-то приговаривала – видно, возносила молитву банным духам. Принцессе вдруг стало так хорошо: и от этой компании, где ее принимали как свою, не заискивали и искренне заботились, и от тепла, и от разомлевшего тела, и от резкого квасного духа, что она не сразу даже уловила гулкий звук мужских голосов за стенкой.

– От и мужики наши пришли, голубчики, – довольно завохтала Божена. – Сейчас мы первым парком погреемся, затем снова в воду, а они пусть второй пар пробуют. Да, девочки?

– Да! – дружно ответили «девочки» и развеселившаяся отчего-то Василина. Странно, но смущения или неловкости от предстоящего она уже не испытывала. А вот Лусия сидела как злая ворона, с красным лицом и подергивающимся носом. Незаметно для других принцесса показала ей кулак.

Второй раз разогревшейся Василине предложили окунуться в бочку с теплой водой, а в воду хозяйка вылила «собственноручно

заготовленный» медовый настой из сосновых иголок. «Для скорейшего выздоровления», – пояснила она и уселась в воду рядом с принцессой.

– Так, где тут наши голубушки, – пробасил комендантский голос, дверь открылась, и Василина все-таки немного покраснела. Не каждый день увидишь четырех абсолютно голых мужчин, которые, никакой неловкости не испытывая, проходят к соседним бочкам и с охами в них окунаются. Байдек зашел последним, на принцессу и не посмотрел, а вот она не отказала себе в удовольствии оценить его тело. А чего теряться, если есть возможность?

То, что барон прекрасно сложен, Василина отметила еще во время их совместных заплывов. Но тогда он был в штанах, и теперь она понимала почему – видимо, купаться у них принято тоже голышом, а он не хотел ее смущать. И сейчас она с любопытством разглядывала его крепкие ноги, подтянутые ягодицы, рельеф которых менялся при ходьбе, валики мышц на боках и талии, живот – не втянутый, а мощный, без капли жира, четко обрисованную линию грудных мышц, плотные сильные руки и широкие плечи. Его фигура была скорее фигурой борца, чем атлета или тем более специально качающегося в зале культуриста. Никто бы не назвал его милым или ухоженным. Аккуратным – да, но это было стопроцентно мужское тело, без всякой томности или изящества, развитое, мощное, покрытое жесткими темными волосками. Ниже талии принцесса старалась взгляд не опускать. Все-таки для девушки ее возраста и воспитания это было слишком.

– Как вам первый пар, принцесса? – прогудел комендантский голос из соседней бочки.

– Я словно заново рождаюсь, полковник, очень хорошо, – ответила Василина. – И какая же у вас прекрасная баня!

– Да, мы старались, – похвала явно пришлась по сердцу хозяину. – Особенно моя рыбонька, все тут продумывала, и не зря – парится каждую неделю, и тело у нее как в восемнадцать лет, крепкое да упругое!

Василина улыбнулась и в очередной раз напомнила себе про то, что нужно уважать культуру своих подданных. Сидящая напротив Лусия почти уткнулась носом в воду. Щеки ее были красные-красные.

– Идите уж на пар, – довольно хохотнула в ответ мужу раскрасневшаяся Божена. – А то мы тут растворимся, пока вы

прогреетесь.

Так они менялись несколько раз, в перерывах пили чай и квас, завернувшись в простыни, мазались какими-то едко пахнущими мазями «на натуральной основе, для красоты», обмывались, терлись щетками, пока не пришло время париться. Замоченные веники были торжественно извлечены из кадки, и мужчины пошли «нагонять пар», как пояснила хозяйка. А затем и дамы проследовали в парную.

Ложась на лавку перед ожидающим ее бароном, принцесса уже не могла думать ни о чем, кроме как о мягкой постели и продолжительном сне. Дорога и оглушительное гостеприимство хозяев ее совершенно измотали. Так что ей было не до мужской натуры, пусть даже и такой привлекательной, как натура Байдека. Тем более что из-за пара практически ничего не было видно, а со всех сторон уже раздавались шлепки и повизгивания с охами дам. Лусия, не сводя убийственного взгляда с барона, расположилась на соседней лавке и приготовилась, если что, отдать жизнь, защищая честь госпожи. Хотя после сегодняшнего она уже чувствовала себя чуть ли не публичной девкой и мечтала только о том, чтобы на родине об этом не узнали.

Мариан, войдя в помывочную и увидев лежащую в воде девушку, затаил дыхание и испытал странное для северянина желание прикрыться. Для него, с рождения посещавшего бани и наглядывшегося на женские тела вдоволь, эта реакция была крайне необычна. Он чувствовал на себе взгляд Василины, но даже не осмелился еще разок посмотреть в ее сторону, опасаясь, чтоотреагирует так, как мужчина должен реагировать только в постели со своей женой и уж никак не на виду у всех.

И вот – она лежит перед ним, прикрыв глаза, распаренная и ладная, ожидая, пока он встряхивает от лишней воды веники, и ее маленькие грудки прижаты к грубой горячей лавке, пусть и прикрытой полотном. И принцесса вздрагивает, когда он в первый раз опускает на это чудесное светящееся юностью тело веник, и поджигает пальчики на ногах, когда он добавляет пару и нагоняет на нее сверху жар.

Сначала Байдек словно ласкает ее листвой, представляя, что это его руки проходят по гладким бархатным пяткам, изящным ножкам, круглой, замечательно круглой оттопыренной попке с розовеющими полушариями, на одно из которых налип листик. А потом, когда он наращивает темп и силу ударов, принцесса, поначалу

сдерживающаяся, начинает постанывать и вздыхать, и, чтобы остановить возбуждение, лейтенант повторяет в голове фигуры строевой подготовки и виды стрелкового оружия.

Василина переворачивается на спину, окидывает его всего томным взглядом, словно дразня, и Мариан, запрещая себе даже смотреть на нее, работает вениками так, будто делает это в последний раз. Принцесса, уже не стесняясь, довольно вскрикивает и стонет, и, хотя со всех сторон раздаются аналогичные звуки, ее голос заставляет его каменеть и думать о холодной купели, ожидающей снаружи. А лучше – о зимней проруби, жаль только, что сейчас лето.

И только когда раздается голос Божены: «Девочки, на выход, окунаемся» и Василина, срываясь с лавки, выбегает из парной и, довольная, с визгом прыгает в теплую воду, Байдек глубоко выдыхает, понимая, что все это время и дышал-то с трудом.

После этого принцессу, уже спящую на ходу, закутанную в тяжелый теплый халат, отводят в ее комнату, где она проваливается в глубокий целебный сон. Лусия в своей комнатке все еще переживает собственное грехопадение и молится Триединому. А барон Байдек, как следует наплававшись в ледяной купели, устраивает себе долгий вечерний забег – чтобы измотать предающее его тело.

Наши дни, начало сентября

В полдень первого дня осени укутанный дымчатым лиственным золотом и хвойной зеленью город Великая Лесовина дрогнул и затрясся. Трескались старые дома, рушились потолки и стены, падали столбы и гнулись деревья. Гордость северной столицы – высоченная Часовая башня – угрожающе накренилась и пошла трещинами. Жители в панике выбегали из домов, пока земля, как дрожжевое тесто, дышала и лопалась, вселяя во все живое первобытный ужас. Это продолжалось всего несколько секунд, а потом стихия отступила, оставив прекрасный город изрядно потрепанным. Там ревели сирены «скорых» и пожарных, а жители, оправившись от первого испуга, помогали извлекать пострадавших из-под завалов и оценивали ущерб.

С Северных гор, расположенных почти в полутысяче километров от пострадавшего города, сходили потревоженные землетрясением лавины и камнепады, и на заставах оперативно организовывались

поиски попавших под удар стихии лыжников и незадачливых туристов.

В двухстах километрах от столицы, в имении Байдек, тоже ощутили слабые толчки. Пострадавших не оказалось, за исключением поварихи – она как раз помешивала суп в кастрюле, и тот выплеснулся на руку.

Мариан был с мальчиками на озере – устраивал обещанную до дежурства рыбалку и заодно готовился побаловать жену – Василина безумно любила только выловленную и зажаренную озерную рыбу. Улов был скромн, и барон мешал прикорм, когда их мирные мужские посиделки прервались. По озеру пошла сильная рябь, вода стала скакать волнами вверх-вниз, как будто кто-то бил огромной ладонью по водной глади. Взбесившаяся рыба начала выпрыгивать из озера и падать обратно, и мальчишки застыли, открыв рты.

– Домой, – скомандовал строгий отец, не дав вдоволь насмотреться на чудо, и они спешно смотали удочки и побрели обратно. Мариан подстраивался под скорость сыновей, хотя ему изо всех сил хотелось бежать – проверить, все ли в порядке с женой.

С Василиной все было в полном порядке – она, честно говоря, даже не поняла, что случилось. Ну, закачалась чуть люстра, попадали несколько книг и подребезжала посуда. А малышка даже не проснулась. Когда барон почти вбежал домой, супруга утешала причитающую повариху и обрабатывала ей руку антиожоговым спреем.

– Вот увидите, Тамара Дмитриевна, через неделю и следа не останется, – уговаривала она пожилую стряпуху. – А пока отдохнете, погуляете, к родным можете съездить.

– А кто же вас и этих проглотов кормить будет? – страдающим голосом простонала повариха, махнув здоровой рукой в сторону зашедших за отцом мальчишек.

– Вы меня многому научили, вот я и поготовлю, – успокаивала ее принцесса.

– Вот еще, – фыркнула Тамара Дмитриевна, – вам надо спать и Мартиночку кормить. Ох, горе-горе, как же я так неловко?

Кухарка была немного склонна к театральным эффектам.

Мариан улыбнулся жене, успокоившись сразу, как увидел ее целой и невредимой, подошел сзади, положил руки на плечи и легко

поцеловал в губы.

– Руководишь лазаретом, василек?

– Да вот случился тут один раненый, – в тон ему ответила Василина. – Решаем стратегические проблемы с обеспечением нашего отряда пищей.

– Я все решу, не переживайте, дамы. Тамара Дмитриевна, – обратился барон к поварихе, – я вам назначаю отпуск, отдыхайте и лечитесь. А готовить на этой неделе попрошу Симона, он точно навыки еще не растерял. Заодно проедусь, посмотрю, все ли в порядке с домами арендаторов.

– Этот прохода будет кормить вас армейскими обедами, – недовольно пробурчала повариха, уже сдаваясь.

– Во-первых, не прохода, а слугитель Триединого, как вам не стыдно, почтенная, – и Байдек с притворной суровостью покачал головой. – А во-вторых, армейское меню – вкусное и питательное. Так что идите, Тамара Дмитриевна, отдыхайте. Надумаете поехать к сестре – позовите горничную, я распоряжусь, чтобы вам помогли собраться и довезли куда надо.

Мальчишки с восторгом разглядывали замазанную спреем руку пожилой поварихи, когда она проходила мимо. Василина про себя отметила, что нужно спрятать лекарства подальше, иначе точно стащат и будут играть в раненых.

Раздался телефонный звонок, и выглянувшая горничная сообщила, что просят позвать барона. Мариан пошел к лестнице, где стоял телефон, а его супруга скомандовала переодеться своим маленьким рыбакам.

– Мама, а мы рыбу поймали, смотри, – шестилетний Василь показал сетку, в которой билось с десятков рыбешек. – Мы бы и больше поймали, в озере много рыбы!

– Лыба плыгала высоко, и вода плыгала, – сообщил четырехлетний Андрей, протягивая маме по одной ноге, чтобы она сняла высокие сапоги. С отцом этот номер не прокатил бы – одевались и раздевались сами, потому что «большие уже мужики», а с мамой можно и побыть еще немного лялечкой.

– Разделись – и мыть руки, быстро! – Василина проследила за тем, как пацаны бросились в сторону ванной, а сама понесла пахнущую тиной сетку в кухню. Она надеялась, что Симон придет как

можно быстрее, потому что хоть она и научилась многое делать по хозяйству за это время, потрошение рыбы до сих пор вызывало спазмы.

Зашел муж, непривычно тихий, посмотрел на нее с тревогой.

– Мариан? – по позвоночнику Василины пополз холодок.

– Звонили из центра, я должен ехать, василек. В Лесовине много разрушений, произошло сильное землетрясение, требуется помощь армии, наш полк перебрасывают туда. На неделю минимум. Поэтому с арендаторами придется решать проблемы тебе.

– Ну конечно, – принцесса кивнула, – поезжай. Я дождусь Симона и поеду по фермам, посмотрю, как у них дела.

– Еще кое-что, милая, – произнес Мариан медленно. – Полковник Шукер сказал, что на него вчера вышел журналист из столицы, некий Ёнклер. Якобы пишет книгу о невинно пострадавшей королевской семье. Просил дать мои координаты как охранявшего принцессу Василину в ее поездке или связаться со мной, чтобы встретиться и поговорить. Собирает впечатления тех, кто лично общался с членами королевской семьи...

– Мне это не нравится, – Василину вдруг затрясло. – Вдруг он тоже, как этот... Смитсен? Вдруг он ищет, чтобы убить нас?

Барон обнял жену, уткнулся носом в светлую макушку и начал успокаивающе гладить ее по спине.

– Я не дам тебя в обиду никому, Васюш. Поверь.

– Ты встретишься с ним? – глухо пробормотала супруга ему в грудь.

– Да, иначе у него могут возникнуть подозрения. Дам минимум информации. Не переживай, может, он и правда журналист. В любом случае, даже если он попадет сюда – тебя не узнает. Причин бояться нет.

– Хорошо, – всхлипнула Василина, как всегда, найдя поддержку и опору в спокойствии и уверенности мужа.

Через полчаса Мариан уехал. Он еще успел подробно проинструктировать примчавшегося по первому зову Симона, обнять мальчишек и поцеловать малышку. А жене достался крепкий, но нежный поцелуй, которым он словно делился своей уверенностью, и обещание «скоро вернусь».

Часть 3. Глава 3

Начало сентября, Иоаннесбург

Люк Кембритч

Люк всегда был невозможно удачливым и при этом еще и обладал на редкость развитой интуицией. Те немногие коллеги, которым довелось поработать с виконтом и узнать, что под маской светского бездельника-осведомителя скрывается один из лучших агентов, за глаза даже называли его Лакьюнот, что в переводе с инляндского означало «Удачливый нос». Если Кембритч был на задании и цеплялся за какую-то деталь или натыкался случайно на человека, то в девяти случаях из десяти деталь помогала распутать интригу, а человек оказывался крайне полезным, если не искомым.

И сейчас виконт сходил с ума. Вся его натура кричала о том, что слишком уж удивительное совпадение – случайная встреча с девочками, чьи имена и порядок старшинства повторяют имена и порядок старшинства искомым принцесс, и что не может это ничего не значить. А факты указывали именно на совпадение, и не больше.

Поэтому Люк был мрачен. Он сидел в кабинете у Тандаджи, постукивая тростью по ножке кресла, и попивал отвратительно горький кофе. Кривился, но пил из чистого упрямства, чтобы хоть так перебить вязкий вкус неудачи и снять сонливость из-за бессонной ночи. Пришел Кембритч сюда рано и честно попытался подремать на двух составленных креслах, пока явление начальника не пресекло его безуспешные попытки.

Он опросил уже почти всех, кто был в предоставленном Тандаджи списке, и имел несколько гипотез в разработку, о чем и сообщил начальнику. Остались непрошенными всего несколько человек – из живущих далеко, до которых долго добираться. Но и с ними Люк собирался закончить на следующей неделе.

Виконта раздражало, что, несмотря на упорный труд, на то, что он как муравей выискивал и складывал крохи информации, никакого прорыва не случилось. И по второй линии расследования тоже – он так рассчитывал на анализ крови Марины или на сканирование на предмет личины! Его коллеги, так «удачно» заглянувшие в кафе во время их

встречи, подтвердили то, что он и сам подозревал, но решил удостовериться, вызвав ее «на свидание».

Менталист Марк прикоснулся к Марине, просканировал ее и никаких изменений внешности, да и вообще никакого магического воздействия не почувствовал. А Андрей Евгеньевич, специалист по пластической хирургии, с совершенной уверенностью заявил, что ни один скальпель лица девушки не касался.

Контрольным в голову стали результаты анализа крови Марины, ради которых Люку пришлось организовать внеочередной забор крови у служащих ее больницы через министерство здравоохранения. И что? Кембритч со злостью смотрел на листочек, лежащий на столе у начальника. Он его сам туда и положил. В отчете черным по белому было написано, что забранный образец даже при сильном желании не может принадлежать члену королевской семьи или кому-то из родных королевы. Все, закрылась дверца.

– Что отработал эту версию – молодец, – Тандаджи просматривал отчеты о встречах Люка с людьми из списка. – Что будешь теперь делать с девушкой?

Виконт пожал плечами и снова отхлебнул горького пойла, чтобы обдумать вопрос. Марина была необычной. Но с ней просто не получится, она как наждачка: если допустить до сердца – сдерет всю защиту и доберется до мягкого, незащищенного.

– Как обычно, встречусь еще пару-тройку раз, чтобы ничего не заподозрила, и разойдемся по-тихому, – ответил он.

Майло кивнул, не отрываясь от чтения.

– Скоро столицу придется переименовывать из Иоаннесбурга в Город разбитых девичьих сердец. Вот что они в тебе находят, Кембритч? Ты не красавчик, не гора мышц и даже серенады петь не умеешь.

– Я просто обаятельный, – скромно улыбнулся Люк. – Ну и натура женская остро реагирует на правило: удиви–позаботься–заставь себя пожалеть. Как только особа начинает подозревать, что ты одинок и несчастен, так сразу она в твоей постели. Работает и если она одинока и несчастна.

Тандаджи закрыл отчет и покачал головой.

– Жениться вам пора, властительный лорд. У нас говорят, муж без жены – как лепешка в помойке. Бессмысленное и бесцельное

существование.

– Упаси боги, – с утрированным ужасом сказал Люк, – не надо мне такого счастья.

И накликал, конечно, куда ж без этого.

– Как поиски? Что там у тебя дальше? – Майло резко сменил тему.

– Хочу закрыть несколько хвостов. Сейчас мои люди проверяют конные клубы страны – не появлялась ли там за последние семь лет девушка возраста принцессы Марины. Планирую от имени кого-то из их старых друзей дать для принцесс объявление в газетах, без упоминания имен, но так, чтобы было понятно им. Навещу мага, который посещал дворец в последние дни перед переворотом. Но найти его сложно, сейчас пробиваем адрес через профессоров МагУниверситета. Загляну на Север, там живет офицер, который, по словам няни, был влюблен во вторую сестру, может, ему что-то известно.

– А что с особым заданием? – ровно спросил Тандаджи.

– Ничего, – покаялся Люк. – Близких друзей у него не было, тех, кто с ним общался, мои ребята опросили. Ничего. Как в воду канул.

– Игорь Иванович – особенный человек, – Люк фактически впервые с удивлением услышал в голосе Майло эмоции. – И если он не хочет, чтобы его нашли, то найти его невозможно. Остается сделать так, чтобы он захотел. Я уверен – у него есть какие-то мысли о том, где могут быть принцессы. В конце концов, он единственный, помимо них и их отца, как я надеюсь, оставшийся в живых свидетель произошедшего в зале телепорта.

– Но... как заставить его откликнуться? – с сомнением спросил Кембритч.

– Стрелковский – человек чести, и государство для него – не пустой звук. Думаю, если он узнает, что все мы можем скоро оказаться покрыты слоем лавы и пепла, то сам выйдет на контакт.. Посмотри сюда, – начальник бросил виконту на колени папку с фиолетовой секретной лентой. – В течение полугода после смерти королевы практически все сановники, занявшие высокие должности, были убиты. Стрелковский мстил за свой провал и их предательство. Теперь давай подумаем, куда мог податься лучший разведчик этого королевства, потерявший дело, которому служил, и ставший преступником?

– Да куда угодно, – нервно бросил Люк. Он не любил проигрывать. – Вариантов тысячи.

– Плохо, плохо, лорд Кембритч. Не выспался, что ли? – сам не зная, Майло ударил по больному. Люк поморщился и потянулся за новой сигаретой.

– Господин подполковник, не томите, осените меня уже дождем вашей мудрости!..

Тандаджи поднял темные брови.

– Прошу, о догадливейший, – добавил Люк и вопросительно посмотрел на начальство. – Достаточно? Могу на колени встать, у меня брюки крепкие.

– Нет уж, – Майло покачал головой, – не надо на колени, а то коллеги заподозрят нас в слишком тесных отношениях. Так уж и быть, орошу твою скудную мозговую деятельность несколькими фактами. Во-первых, Игорь не выезжал из страны. Во-вторых, он крутится там, где его не могут узнать, – значит, это не публичная должность и не многолюдное место, оно не среди аристократов или военных и не там, где его случайно может увидеть журналист. Но при этом ему нужно что-то есть и где-то жить. Что остается?

Кембритч некоторое время смотрел на Майло. Потом склонил голову.

– Ты гениален, господин начальник. Не верю, что кто-то может быть лучше тебя.

– Поверь мне, – с едва уловимой горечью сказал Тандаджи, – Стрелковский был лучше. Ему просто не повезло.

Известие о землетрясении в Великой Лесовине застало лорда Кембритча в дороге, когда он все-таки решил поехать домой и немного поспать. Репортер по радио нервно делился впечатлениями от разрушенного города.

– В Лесовину на помощь спасателям отправлены армейские части, – говорил он взволнованно, – и штаб уже разбил палаточный городок для потерявших жилье людей. Удивительно, что нет погибших. Но больницы работают на износ, хирурги сбиваются с ног. Военные спешно формируют полевые госпитали и хирургические палатки. Из других городов в срочном порядке решено вызвать врачей и магов, специализирующихся на стихии Жизни. В течение суток должны прибыть более двухсот медиков и около пятидесяти виталистов.

– Насколько сильно разрушен город? – спросила ведущая.

– Сильно пострадали южная и юго-восточная части города, здесь разрушен примерно каждый десятый дом. Задет и центр – так, значительные повреждения получила знаменитая Часовая башня и парк фонтанов, обрушена кровля Музея искусств. Сильно поврежден Центральный госпиталь, что не может не добавлять проблем. Нетронутой на юге осталась только Военно-магическая академия благодаря щитам и усилиям преподавателей, вовремя среагировавших на удар стихии, они-то и стабилизировали здание. Сейчас все преподаватели и кадеты старших курсов помогают спасателям. Храни их боги!

– Вы прослушали репортаж нашего корреспондента из разрушенного землетрясением города Великая Лесовина. Это первое землетрясение за всю историю города и вообще историю Рудлога. Напомним, что аномальная сейсмическая активность наблюдается уже некоторое время...

Люк выключил звук, остановился и закурил. Затем развернулся и поехал в область.

Марина

Я валилась с ног. В последнее время из-за безумного графика все чаще стала задумываться, а не пойти ли мне на спокойную и, главное, нормированную работу кондуктора в трамвае, например. Знай выбивай билетки и высаживай безбилетников, пусть иногда пьяных и драчливых. Все проще, чем делать перевязку матерящемуся дальнобойщику, размахивающему руками.

Или в детский сад воспитателем. Здесь останавливало только то, что детей я не очень понимала, всегда их немного побаивалась, да и животных любила, честно признаться, больше, чем вечно кричащих, плачущих и сопливых малышей.

Почему-то именно после моего ночного дежурства всегда случалось что-то, из-за чего я должна была задержаться. В результате нескольких последних дней я дневала и ночевала на работе, отчего стала похожей на страшную куклу с вытаращенными красными глазами-бусинками и торчащей во все стороны шевелюрой. Благо на работе опытной мной была припасена смена одежды и белья. Поначалу стирать и развешивать сушиться трусы и лифчики в общей

душевой было как-то неловко. Впрочем, чувство неловкости быстро прошло, сменившись бесконечной усталостью.

Кротости мне такой график не прибавлял, и я всерьез опасалась, что сорвусь на главврача, услышав очередное «задержитесь, есть срочный пациент», и тогда уже работа кондуктора перестанет быть чисто умозрительной фантазией.

И вот наконец после очередного ночного дежурства и утреннего обхода я с внутренним напряжением ждала гласа Олега Николаевича, предлагающего мне в очередной раз остаться или кого-то заменить. Но главный лишь мазнул по мне взглядом, пробурчал что-то и пошел дальше. И я, не веря своему счастью, полетела поскорее на выход, чтобы, не дай боги, он не передумал.

И конечно, стоило мне только дойти до выхода, как по громкой связи объявили «Богуславская Марина Станиславовна, вас ждут в кабинете главврача».

Черт! Черт! Черт!

Я так шипела и ругалась, поднимаясь обратно, что встречные пациенты и коллеги шарахались и провожали меня удивленными взглядами. Перед дверью главного я выдохнула, постучала и вошла.

– Олег Николаевич, что случилось?

Главврач поманил меня к себе.

– Садитесь, Марина Станиславовна. Я тут задумался – а сколько вы у нас работаете уже?

От злости мне хотелось долбануть его по голове стулом. Кончики пальцев и затылок стало покалывать. Я почти при смерти, а он поболтать решил? Посмотреть в личном деле, сколько я работаю, – слишком трудная задача?

– Два года уже, Олег Николаевич, – отчеканила я и выжидающе посмотрела на него.

– Два года, – протянул он. – И хорошо ведь работаете, Марина Станиславовна.

Я упорно молчала, потому что очень боялась сорваться. Работа кондуктором при ближайшем рассмотрении вдруг потеряла свою привлекательность. Поэтому нужно спокойно выслушать этого поганца и бежать.

– Так вот, решил я отправить вас учиться на хирурга, моя дорогая. Все задатки у вас есть, практика тоже, так что пройдете ускоренный

курс и вернетесь к нам уже врачом. Ну как вам идея? – и он самодовольно подкрутил усы.

Я аж дышать перестала, настолько это было неожиданно.

– А как же работа? – вся злость куда-то испарилась.

– Учиться будете по утрам, работать во вторую смену. На полную ставку не получится, но зато будет стипендия. Согласны?

– А с чего такая щедрость, Олег Николаевич? – первый шок испарился, и я снова вернулась к своему обычному скептицизму. – И почему я?

Главный постучал ручкой по столу и начал объяснять, уже без официальнойщины.

– У нас текучка, Марина, сама видишь, какая. Врач только опыта наберется – и в столицу или частную какую клинику. А так я тебя учиться отправлю, а ты мне после этого по контракту пять лет отработаешь, без права ухода. Не бойсь, с хорошей зарплатой. Зато и тебе прибыль, и мне не надо думать, что завтра очередной врач мне заявление на стол положит. Да и не одной тебе я предлагаю учиться, человек десять со всего госпиталя пойдут.

Я задумалась. В принципе, терять мне нечего, а возможность получить профессию хирурга – моя не сбывшаяся из-за отсутствия денег мечта после окончания училища. С другой стороны, терпеть не могу обязательку, все равно этот договор – узаконенная форма долгового рабства. И на начальство лишний раз не гаркнешь, и не уволишься, когда припрет совсем.

– И когда надо ответ дать?

– Да вот сегодня мне уже документы нужно подать, Марина. Так что походи, подумай и возвращайся. Даю два часа. Учеба начинается через месяц, но списки формируются до конца недели. И чтоб без согласия не возвращалась!

Я вышла из кабинета немного ошеломленная. Походила. Вышла на улицу, покурила. Зашла обратно, решив, что раз уже не надо убежать, приму душ и переоденусь. Сон как рукой сняло, зато заурчало в желудке, и я пошла завтракать в кафе напротив, ругая себя за трату денег. Впрочем, ругала не сильно, ради такой новости можно себе это позволить.

Через два часа я подписала у главного заявление о согласии на обучение за счет госпиталя и застряла у юриста, оформляя договор.

Там уже сидело несколько моих коллег, тоже продавшихся в рабство ради диплома врача. Но унылыми они не выглядели, наоборот, все чувствовали какое-то радостное возбуждение.

А еще через полчаса нам сообщили о случившемся на Севере и о том, что вечером мы выдвигаемся в Великую Лесовину на помощь местным медикам. И домой я, конечно, так и не попала. Пришлось спешно помогать упаковывать перевязочные и фиксирующие материалы, переносную аппаратуру и диагностические карты. В госпитале оставалась половина состава, и мы смотрели друг на друга с паникой: они – потому что понимали, что работать придется в два раза больше, а мы – потому что не знали, чего нам там ждать.

И когда я наконец добралась до сестринской, чтобы урвать несколько часов сна, меня можно было уже выжимать. Оттого-то я и не удивилась, услышав окликнувший меня хриплый голос. Кажется, даже если бы передо мной явилась шестерка богов во главе с Триединым, я бы и тогда не отреагировала.

– Марина, – Кембритч стоял у входа в хирургию, опираясь на свою трость, и спокойно ждал, пока я подойду. И кто его, интересно, пустил на этаж? Потом я вспомнила про аппаратуру в педиатрию и поняла, что виконта теперь и в операционную запустят, если он изъявит желание.

– Лорд, – я подошла к нему, – что-то случилось?

Вблизи я разглядела и синяки под глазами, и общую его какую-то помятость и лохматость.

– Вы слышали про Великую Лесовину? – ответил он вопросом на вопрос, почему-то внимательно разглядывая меня.

– Не только слышала: нас туда отправляют на помощь. Не понимаю, как такое могло произойти. Будто земля сошла с ума.

– Я так и подумал, что вы уедете туда. Поэтому захотел увидеть вас до отъезда. Вы не против?

– На самом деле я собиралась поспать, – честно ответила я. – Я опять с суток, и ноги меня не держат. – Он на мгновение прикрыл глаза, словно от усталости, и я добавила: – И по-моему, выспаться нужно не мне одной.

– Что, паршиво выгляжу? – этот хриловатый голос снова начал задевать какие-то струнки у меня в груди.

– Как будто вас жевала корова, – кивнула я. – Но не переживайте, я наверняка выгляжу так, будто меня жевало целое стадо.

Люк криво улыбнулся, наклонился ко мне так близко, что еще немного – и коснулся бы губами моего уха, и своим невозможным голосом произнес:

– Вы выглядите как после ночи любви, Марина. Затуманенный взгляд, растрепанные волосы, блуждающая мечтательная улыбка...

– Улыбка? Вам показалось, милорд. Я никогда не улыбаюсь, – со всей серьезностью заявила я, не понимая, почему вообще еще с ним разговариваю. «Флиртуешь, Марина, ты с ним флиртуешь, – ехидно разъяснил внутренний голос. – Мягчеешь, подруга, еще немного, и слюнями его обкапаешь».

– Я тоже так думал, – ответил он серьезно. – Но вы улыбались, клянусь Богиней. Уголками губ, вот тут и тут.

И он мягко провел пальцем по моей нижней губе, от одного краешка до другого.

– Я сейчас закричу, милорд, и вам будет стыдно, – сурово сказала я, задерживая дыхание от его прикосновения.

– Люк, – сказал он, привлекая меня к себе. – Помните? Меня зовут Люк.

Он пах кофе, табаком, кожей и чем-то очень мужским, чем-то очень знакомым. Будто я знала этот запах всегда.

И я словно поплыла в его руках, и стало все равно, что мы в коридоре госпиталя, что из палат могут выглянуть пациенты, а из сестринской – коллеги. Он был гораздо выше меня, и я поначалу уткнулась ладонями в твердую грудь, собираясь оттолкнуть его. И забыла об этом, так и застыв с ладонями на его груди, чувствуя ускоряющийся стук мужского сердца.

Люк провел губами от моего виска к шее, вызывая слабость в ногах и головокружение. Потеря носом о чувствительное местечко за ухом, отчего по позвоночнику вниз побежали мурашки, похожие на крошечные электрические разряды. И когда он скользнул к моим губам и, глядя мне в глаза, стал легкими касаниями, каждое из которых провоцировало какой-то очумелый взрыв в теле, пробовать поочередно то верхнюю губу, то нижнюю, мозг мой отключился. Я со всхлипом потянулась к нему, за первым в своей жизни настоящим поцелуем от настоящего мужчины. И получила его – сначала нежный и сдержанный

поцелуй-знакомство, поцелуй-узнавание, от которого пространство сузилось только до нас двоих, а смысл жизни сосредоточился на месте касания наших губ. А затем – поцелуй-огонь, когда стук его сердца стал невыносим, а я стонала ему в губы и слышала ответное хриплое дыхание, когда руки стискивали меня до боли, а его язык творил такое, отчего я плавилась, и закрывала глаза, и отвечала ему с яростью, и вся вселенная крутилась вокруг нас огненным смерчем.

Не знаю, сколько это продолжалось, но очнулась я, прислоняясь щекой к его груди, в которой бешено колотилось сердце.

– Что это было? – пробормотала я рассеянно. – Вроде землетрясение произошло в Лесовине и утром, а не здесь минуту назад.

– Может, это от нашего общего недосыпа? – раздался сверху ироничный хриплый голос.

– Ты имеешь в виду головокружение, задержку дыхания, сердцебиение и слабость? Точно, это недосып виноват, – я потрогала губами его рубашку. – Мне нужно идти, Люк.

– Испугалась и сбегашь от меня, госпожа медсестричка? – он поднял мой подбородок и заставил посмотреть на него. – Не бойся. Я знаю, что ты девушка с характером, и не жду, что ты упадешь ко мне в руки как перезрелый плод. Но чаю-то можешь со мной выпить? Я уже успел соскучиться по вашему чудному кафе с лучшим чаем на свете, – Кембритч иронично изогнул губы. – «Сиреневый дворик»?

– «Сиреневый лужок», – поправила я его снова. И не удержалась от поддразнивания: – И знайте, милорд, вы застали меня врасплох. Я была измотана и не готова к обороне.

– Тем интереснее будет в следующий раз, – прошептал Люк, снова склоняясь ко мне. Я застыла как мышка перед удавом, чувствуя, как предательское тело снова начинает потряхивать в предвкушении. – Когда у тебя будут силы и ты будешь во всеоружии.

Я затаила дыхание, но он неожиданно легко прикоснулся губами к моему виску, задумчиво потерся небритой щекой и отпустил.

– А может, поедем ко мне, поспим? У меня широкая удобная кровать... – Его пальцы перебирали волосы у меня на затылке, и это было так приятно, что я окончательно разомлела. Да и внутренний голос, похоже, настолько ошалел от неожиданности происходящего, что потрясенно молчал.

– Хорошая попытка, – усмехнулась я, мягко отстраняясь от виконта. – И что, ты серьезно рассчитывал, что она сработает?

– А вдруг? – снова эта кривая улыбка и многообещающий хриплый голос.

Я кивнула, пряча ответную улыбку.

– Не сработало.

– Я в отчаянии, – этот невозможный человек словно гипнотизировал меня. – Но ведь с тобой просто не будет, да, Маришка?

– Не будет, – глядя в его глаза, подтвердила я. – Тем более в таком состоянии вам, милорд, любые резкие движения противопоказаны. Я, конечно, проведу реанимационные мероприятия, если вы свалитесь в обморок, но зачем нам этот экстрим?

– Какая упрямая девочка, – Кембритч насмешливо покачал головой. – Ну а поход в кафе, раз меня так сурово отвергли, остается в силе?

Мы сидели за тем же столиком и пили кофе. Все-таки у официанта где-то была припасена заправка качественного зерна, а не того, чем поили нас, простых смертных. Молодой человек исполнил подобающие моменту почтительные ритуальные пляски и, пока Люк не произнес «Благодарю, мы вас позовем, если понадобится», маячил около столика, всей фигурой выражая готовность услужить и подсказать.

Я закурила, и Кембритч, сам потянувшись за сигаретой, заметил:

– Ты много куришь.

– Работа такая, – пожалала я плечами. – А ты почему куришь? Тоже работа такая?

– Да какая работа, – отмахнулся он, выпуская струю дыма. – Я же титулованный бездельник, не то что ты. Провожу дни в неге и скуке.

– А не выспался почему? Кровать слишком мягкая? – не удержалась от шпильки я.

Он улыбнулся.

– Играл в казино, госпожа сыщик. Проматывал состояние батеньки.

Я иронично подняла брови.

– Я смотрю, мне попался замечательный экземпляр. Чистый эксклюзив.

– Какая ты колючая, – почти с восхищением выдохнул Люк. – Скажи мне, злая девочка, а что есть в твоей жизни, кроме работы? Расскажи мне о себе. Должен же я знать, на чей крючок попался.

Да, он неисправим. Но какой же обаятельный, зараза!

– А что рассказывать? Родилась на Юге, в деревеньке под названием Травяно́е, сейчас ее нет, все застроено разросшимся городом. Росла, выучилась в училище, пошла работать. Работа и есть моя жизнь. То, что остается, трачу на сон и общение с отцом и сестрами.

– Вы очень дружны, – заметил он рассеянно.

– А как иначе? – удивилась я. – Мы росли без матери, у нас никого, кроме друг друга и отца, нет.

– Мама давно умерла? – Люк сочувственно посмотрел мне в глаза, а у меня внезапно, хоть я и отвечала на эти вопросы раньше и легенду давно выучила наизусть, защипало в глазах.

– Давно. Почти двенадцать лет назад. Я была еще совсем маленькой, когда они с отцом попали в автомобильную катастрофу. Отец выжил, но остался без руки, а маму спасти не смогли.

– Извини, что напомнил, – Кембритч протянул руку через стол и накрыл мои пальцы теплой ладонью. – Как же вы жили после этого?

Обманывать было легко – инстинкт самосохранения перебивал чувство вины.

– Тяжело. Мы несколько раз переезжали, пока не остановились в Орешнике пять лет назад. Отец потерял работу, и мы жили совсем не богато. Слушай, – я тряхнула головой, – давай не будем об этом, иначе настроение упадет ниже некуда. Теперь твоя очередь.

– Слушаюсь, моя госпожа, – Люк затушил сигарету в пепельнице и с иронией поклонился. Второй рукой он продолжал держать мою ладонь, мягко поглаживая ее подушечкой большого пальца. Эта невинная ласка, как и вообще присутствие этого мужчины рядом, его хриплый голос творили со мной что-то невообразимое. Как будто я много лет спала внутри своего тела, и вдруг спящая проснулась, потянулась и начала остро чувствовать. И это состояние внушало тревогу – я слишком хорошо помнила, что это такое, когда внутри все выворачивает от душевной боли.

– Я родился в Инляндии, рос там, учился. Шесть лет назад переехал в Рудлог, так как унаследовал здесь от дяди по отцовской

линии имение. Можно сказать, сбежал от родственников. – Люк говорил, а я даже не понимала, что он говорит, только слушала его голос, и мое тело резонансом отзывалось на каждое слово. – Матушка моя – инляндская графиня, а отец – рудложский лорд и граф. Я имею несчастье быть их старшим отпрыском, на которого ложится тяжесть сохранения семейной чести и преумножения семейного состояния. – Люк произнес это с такой иронией, что сразу стало понятно, как он к этим обязанностям относится. – С тех пор я и веду здесь жизнь настоящего дворянина. То есть пью, играю и предаюсь пороку. Иногда вношу в жизнь разнообразие, участвуя в гонках, но сейчас это мне не дано, – он помахал тростью, стоявшей около кресла.

Видимо, на моем лице отразилось что-то такое, отчего Кембритч подмигнул и спросил:

– Что, ты от меня в восторге? Прочитай мне нотацию, маленькая медсестричка.

Я зевнула, забрав у него руку и прикрыв ею рот.

– Извините, лорд, но нотации пусть вам мамушки с нянюшками читают. Мне за вас замуж не выходить, чтобы вас перевоспитывать. Да и вы уже большой мальчик, правда?

Он криво усмехнулся, наклонился ко мне и хрипло, доверительно сообщил:

– Я очень, очень большой мальчик, Маришка.

Люк проводил отчаянно зевающую меня до дверей госпиталя, одарил почти целомудренным поцелуем (кажется, я уже начала привыкать к эйфорийным мурашкам от его прикосновений), сел в свою ужасно дорогую и блестящую машину («Игрушка для большого мальчика», – прокомментировал проснувшийся внутренний голос) и укатил. А я наконец-то пошла спать, решив обдумать неожиданно случившегося со мной лорда Кембритча завтра. Отъезд был через четыре часа, и я не хотела терять больше ни минуты столь вожделенного сна.

По прибытии в Лесовину мне стало не до душевных терзаний и самокопания. Мы вышли из государственного телепорта в каком-то парке, вокруг уже было темно. Там же и разместился наш полевой госпиталь, один из нескольких раскиданных по городу, в котором уже работали две бригады врачей из столичных больниц.

Следующие дни слились для меня в ужасающую череду срочных операций, повторных операций, реанимаций, составления списков поступивших для разыскивающих их родственников. Сон урывками, еда прямо перед операционной палаткой, куда ее нам приносили понимающие волонтеры. Походы в туалет, как в армии, можно было отсчитывать по секундомеру. Слишком велик был поток пострадавших. Закрытые переломы, открытые переломы, внутренние гематомы, пережатие кровотока, раздробленные кисти и ступни. Некоторые шли к врачам не сразу, а только через несколько дней, не осознав серьезности своего ранения.

Настоящее чудо случилось на пятый день – нам привезли двух детишек, пяти и полутора лет, девочку и мальчика, которых нашли под завалами. Осмотр не показал сколько-нибудь тяжелых повреждений, однако небольшое обезвоживание было налицо, и мы уложили их под капельницы. Привезшая детей женщина рассказала, что над ними крест-накрест упали балки, приняв на себя вес верхних этажей дома. Все это время старшая сестра грела братика – ранняя осень на Севере часто сопровождается достаточно зябкими ночами, – рассказывала ему сказки и поила из чудом закатившейся бутылки с водой. Их мама и папа лежали в реанимационной палатке, им чуда не хватило. Впрочем, чудом было и то, что при таких разрушениях и нескольких тысячах пострадавших никто не погиб. Это казалось невероятным.

В общем, суматошные и безумные были дни. Я поняла, что впереди забрезжило окончание командировки, когда обнаружила себя спокойно курящей с утра у выхода из нашей спальной палатки и проспавшей при этом почти целую ночь. Круглосуточная напряженная работа сменилась нормальным графиком с периодическими ночными дежурствами, и тут-то я вспомнила, что Василинка живет в каких-то двухстах километрах отсюда и ей можно позвонить – тем более что телефон нам в госпиталь провели в отдельную палатку. А если повезет, даже навестить.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Могу я поговорить с Василиной?

– Кто ее спрашивает? – А, это вечно подозрительная экономка как дракон на страже трубки.

– Это Марина.

– Одну минуточку, госпожа Марина.

Стук трубки, вдалеке слышен голос горничной, какой-то переполох, детские голоса. Все это отдает такой домашней, уютной и чужой мне суетой, что я ощущаю, как тоскливо покалывает сердце. «Так, это уже никуда не годится, подружка, – внутренний голос грозит мне пальцем, – хватит расклеиваться».

– Мариночка, – теплый, так похожий на материнский голос сестры будто гладит меня по шерсти, – как я рада!

Я улыбаюсь, хотя Василина меня и не видит.

– Угадай, где я? Я в Лесовине, сестренка, в составе лечебной бригады. Может, получится вырваться к тебе, когда все закончится.

– Ну надо же, как ты близко. Приезжай, конечно! В любое время, милая, мы всегда тебе рады. Посидим, поболтаем, если, правда, поросята мои дадут поболтать. Ой, – она словно вспоминает что-то, – Мариш, Мариан же тоже в Лесовине! Вы можете пересечься, и даже, если получится, он привезет тебя к нам, а потом увезет обратно. Давай я дам тебе телефон его части. Мы каждый вечер разговариваем...

– Хорошая идея, – я подпираю подбородком трубку и лихорадочно осматриваюсь в поисках ручки или карандаша, но ничего такого в палатке нет.

– Васюш, – зову я жалобно, – мне совершенно нечем записать. Может, он просто заглянет ко мне, когда будет посвободнее? Или я тебе еще завтра позвоню, принесу заранее ручку с бумажкой. Мы тут еще дней на пять минимум, успеем пересечься. И Мариана я тоже была бы очень рада увидеть.

– Договорились.

Я снова улыбаюсь и тепло спрашиваю:

– Как племяшки? Как Мартиночка? Высосала из тебя все соки?

Детей я не люблю, да, но не этих конкретных детей. Может, все дело в том, что с ними прекрасно справляются и родители, а мне остается только тискать их и умиляться в наши редкие встречи.

– Какое там, – вздыхает сестра, – я только и делаю, что расту вширь. Еще пара детей, и придется расширять дверные проемы.

– Мама тоже всегда полнела после родов, – я сначала брякаю, а потом понимаю, что только что нарушила негласное молчание на упоминание матери, которое мы, видимо, инстинктивно хранили с того времени.

– Да... – Василина молчит, потом просит: – Ты приезжай, Мариш, обязательно приезжай! Я так по вам всем соскучилась!

– Я тоже соскучилась, милая, – улыбаюсь я в трубку, и мы прощаемся. И только потом я понимаю, что глаза у меня на мокром месте.

Иногда кажется, что судьба словно насмехается над нами. До переворота у меня никогда не было тяги к врачебному делу, тем более к хирургии. Я связывала свою жизнь с конным спортом и моими ненаглядными лошадьми. А после пошла учиться на медсестру только потому, что на тот момент медперсонала активно не хватало и брали на работу и студентов, и выпускников без опыта. Мечта стать хирургом появилась куда позднее.

А вот наша Василя точно могла бы стать врачом. В ней это всегда было – любовь к медицинскому делу, умение найти общий язык с пациентами, теплое отношение к людям, терпеливость и добродушие. Но она теперь осваивает профессию мамы и жены, тогда как именно я, не обладающая ранее ни одним из этих пяти качеств, сижу тут, в полевом госпитале, и жду следующего обхода и перевязок наших раненых.

Часть 3. Глава 4

Десять лет назад, застава на озере Полумесяц
Василина

Утро после бани оказалось чудесным. Во-первых, Василина отлично выспалась. Во-вторых, тело ощущалось необычайно легким и свежим, и она точно чувствовала запах дубовых листьев от своей кожи. А в-третьих, от простуды не осталось и следа.

Принцесса немного полежала в постели, потянулась, свернулась калачиком и только решила еще немного подремать, как услышала с улицы приглушенные стеклом голоса. Повертелась, но любопытство взяло свое, и она, как была, в длинной ночной рубашке побежала босиком к окну и выглянула из-за занавески.

На плацу, расположенном за площадью комендатуры, шла утренняя зарядка, и лейтенант Байдек, стоявший лицом к принцессе, отдавал команды на смену упражнений. Сам он опять выполнял все наравне с солдатами. И когда пошли отжимания, Василина почему-то сглотнула пересохшим горлом. Уж очень привлекательно выглядела именно его мощная фигура, легко двигающаяся вниз-вверх. Несмотря на наличие нескольких сотен других мужских фигур.

Она вспомнила вчерашнюю баньку и закусила губу. Запоздало пришел стыд, смешанный с чем-то, что можно было бы охарактеризовать как «все равно было весело, интересно и познавательно, и я ничуть не жалею». И конечно, немалую часть этого «интересно» составляли барон Байдек и его волшебные руки, под которыми она буквально растеклась по лавке.

Герой ее мыслей тем временем командовал строиться на пробежку и, словно почувствовав ее взгляд, глянул вверх – в ее окно. Василина так и застыла – спрятаться не позволило с пеленок воспитываемое чувство собственного достоинства. Лейтенант несколько долгих секунд смотрел на нее сквозь головы пробегающих мимо солдат, а принцесса не опускала глаза, хоть щеки и предательски горели, в крови бесился адреналин, а внизу живота что-то сладко сжималось. Эти мгновения показались ей вечностью. Но затем барон почтительно склонил голову, прерывая контакт, и сорвался с места –

побежал вслед за солдатами. И только когда Мариан скрылся из виду, принцесса обнаружила, что судорожно вцепилась в подоконник – аж костяшки пальцев побелели.

Василина тихо отошла от окна, забралась в постель, обхватив подушку руками, и начала сосредоточенно думать. Так вот как это бывает, если происходит не в романах. Барон определенно волновал ее. Ей не с чем было сравнить и не у кого было сейчас спросить, но принцесса, поразмыслив, пришла к выводу, что Байдек ей действительно нравится.

И принцессе было одновременно и неловко, и страшно и в то же время чисто по-девичьи хотелось попробовать свою силу, пробить его невозмутимость, увидеть в его глазах то же волнение. Ощутить свою женскую власть, в общем. Пока же она каждый раз чувствовала себя как малышка, которая требует внимания и опеки.

Старшей сестре постоянно признавались в любви и с тоской смотрели вслед, Василина же имела совсем небольшой опыт, и ни один из кавалеров не вызывал у нее подобного любопытства и желания поиграть. И тем более никогда она не испытывала такого ощутимого томления просто от взгляда глаза в глаза. Принцессе, только входящей в самую женскую силу, страстно хотелось понять, как это, когда в тебя влюблен не придворный, а такой вот, настоящий, серьезный и мощный человек.

С другой стороны, ей осталось провести с ним несколько часов, поэтому, видимо, глупые фантазии останутся только фантазиями. Впереди прощальный завтрак, прогулка по окрестностям, прощальная же речь перед построением – и обратный путь.

Она с досадой стукнула кулачком о подушку, потом крепко сжала ее, вздохнула. Ну как, как это так легко получается у Ани?

Прощальный завтрак был обилен и торжественен, но атмосфера за столом была вполне расслабленной, почти семейной. И Василина улыбалась очень искренне, а не формально, и благодарила за баню, и отвечала, что да, действительно, простуду как рукой сняло, и что это чудесная традиция, и она обязательно сделает баню при дворце, чтобы вспоминать это путешествие и радушие замечательных хозяев.

Хозяева светились от удовольствия и делали принцессе комплименты, офицеры участвовали в разговоре и рассказывали, как устроены бани у них в имениях, жены офицеров обсуждали с

Василиной последнюю дворцовую моду. Она смеялась, шутила, болтала и при этом как горячее волнующее прикосновение чувствовала на себе взгляд лейтенанта Байдека. Иногда поглядывала и на него и даже пыталась втянуть в общий разговор, но он вежливо и немногословно отвечал или опускал глаза. Василина даже начала злиться – это уже ни в какие ворота не лезло. Он же смотрит! Она ведь не придумывает! Так почему нужно вести себя как угрюмый молчун? Все, она больше ему не скажет ни слова. И даже не посмотрит в его сторону. Будет еще она, Василина Рудлог, просить внимания какого-то барона!

После завтрака, когда слуги разливали чай, Катарина и Тереза, немного стесняясь, преподнесли принцессе прелестные кружевные салфетки ручной вышивки и фарфоровый чайный сервиз. Так было принято – не отпускать гостей без подарка. Госпожа Божена с мужем одарили ее фотоальбомом с видами озера Полумесяц и их Форелевой заставы, а также целым банным набором – вениками, маслами, тюрбанами, тапочками. Вторая Рудлог растроганно благодарила, а про себя сделала пометку отправить им ответные подарки по приезду во дворец, и не формальные, а личные для каждого. Поездка, конечно, была тяжелой, но здесь она познакомилась с по-настоящему милыми и добрыми людьми.

– А какие у нас тут виды, – говорила госпожа Божена, попивая чай. – Вы таких и не видали никогда. Чего только стоят водопады по той стороне, за каменоломнями. Вы знаете, что у нас здесь река падает с плато, расположенного выше нее на семьсот метров? И все это уступами, бурунами, в воздухе горят тысячи радуг.

– Я бы очень хотела посмотреть, – искренне сказала отяжелевшая после завтрака Василина. – Но, наверное, уже не успеем?

– Чепуха, моя милая, – отмахнулась Божена и обратилась к мужу: – Голубчик мой, давай отправим ее высочество к водопадам? Когда она у нас еще побывает, а тут сфотографирует, полюбуется, это ведь настоящее чудо природы, на всем материке такого нет! Да и на лошадях покатается, застоялись лошадки-то!

– Не знаю, – с сомнением пробасил комендант, – опасно все это.

– Чепуха, – снова махнула рукой госпожа Божена, – чего там опасного! Сто лет ничего не происходило.

– Я против, господин полковник, – вмешался в разговор Мариан Байдек, и принцесса повернула-таки голову на звук его голоса. Лейтенант был мрачен. – Я совсем не уверен, что это хорошая идея. Каменоломни совсем близко оттуда, а вы помните, почему введен запрет на туризм в этих местах?

Ах вот так, да?

– На самом деле я очень хотела бы посмотреть, – сказала Василина звонко, с вызовом глядя на барона, но тот нахмурился, слегка качнул головой, словно хотел сказать «нет», но передумал и снова уронил взгляд.

– Вот и чудно, – засуетилась Божена. – Милый, ну не противься.

Полковник Шукер явно колебался, затем принял решение.

– Ладно, ваше высочество, раз вы так хотите...

– Хочу, – подтвердила вторая Рудлог, с удивлением слыша в своем голосе капризные нотки, которых там отродясь не было. Да и вообще, куда делась спокойная и рассудительная девушка? Она чувствовала себя так, будто в нее вселился упрямый подросток, и все потому, что хотелось досадить мрачающему с каждым словом барону.

– Тогда нужно отправляться в течение часа, чтобы успеть к отплытию, – еще колеблясь, произнес полковник.

– Ничего страшного, если мы немного задержимся, – Василина ободряюще улыбнулась коменданту, – тем больше я проведу времени в этом чудесном краю.

Она говорила, а в голове зудело совершенно детское желание повернуться к Байдеку и показать ему язык.

– Ну раз так, – полковник хмуро посмотрел на жену, которая подала эту «замечательную идею» и теперь сидела с немного виноватым лицом, – я распоряжусь организовать сопровождение.

– Я позабочусь об этом, полковник Шукер. – Мариан встал, окинул высокую гостью недовольным взглядом и нехотя добавил: – Если ее высочество не против.

– Не против, – мило улыбнулась Василина, а потом молча наблюдала, как лейтенант выходит из столовой.

Байдек, впервые за много лет, был в глухом бешенстве. На внезапно поддавшегося женским глупостям командира – ведь полковник никогда не был тупицей и рохлей и умел адекватно оценивать опасность, а тут растаял. Да, вряд ли обитатели

каменоломен выберутся на свет божий солнечным утром, тем более что там сейчас три студенческие группы на практике по боевой магии. Но такую гостью нужно оберегать от любых, даже маловероятных опасностей.

Лейтенант злился на внезапно ставшую вздорной маленькую принцессу, смотревшую на него с превосходством, как натворивший пакостей ребенок. И на себя – потому что терял контроль от ее взглядов и обращений и начинал гореть, и горло перехватывало, и внятная речь давалась с трудом. Это было хуже, чем помешательство, и Мариан с нетерпением ждал того момента, когда закончится его миссия по охране. Она уедет в свой кукольный дворец, а он наконец-то обретет покой. И, возможно, пора начать поиск супруги из почтенного северного рода, которая станет верной и надежной хозяйкой его имения. А для него брачные узы будут надежным щитом от непрошенных мыслей и воспоминаний.

Принцесса, кажущаяся совсем малышкой в обтягивающем костюме для верховой езды, с убранными под плотный ободок кудрями, уверенно двигалась вперед, удаляясь от ворот заставы. Госпожа Божена предложила ее высочеству свою лошадку, которая слушалась маленьких рук наездницы, будто та управлялась с ней еще с жеребьих времен. Василина что-то обсуждала с подтянувшимся к ней военным виталистом Симоном, изящно повернув голову к собеседнику и искренне ему улыбаясь.

Барон ехал мрачнее тучи, и ни красóты природы, ни ласково греющее солнышко его не радовали. Василина его демонстративно игнорировала, и он, конечно, сам был в этом виноват. Отец бы точно отчитал его за неуважение к госпоже и был бы прав. Но что делать с собственной растерянностью от того, что он, далеко уже не мальчишка, теряется в ее обществе?

И вот она сидит, прямая, с гордой спиной, и нет ей дела до того, что он на эту спину смотрит и не может наглядеться. И на гордый разворот плеч, и на тонкую шею, и на талию, которую он, наверное, сможет обхватить пальцами, и на округлые мягкодвигающиеся в седле ягодицы.

На мгновение Байдек представил, как прижимает это тонкое тело к себе, как его ладони сжимают эту восхитительную попку, и судорожно дернул пальцами – стало болезненно и горячо.

Нет, скорее бы она уехала. Это и правда какое-то безумие. Неприятно сознавать, что все твое хваленое хладнокровие разбилось об одну маленькую гордячку.

Василина улыбнулась какой-то шутке Симона, затем наклонилась и погладила лошадку по холке. Мариан сжал зубы – виталист слишком злоупотреблял вниманием принцессы. И тут же устыдился – злиться на боевого товарища и друга, с которым они вместе начинали службу в одном гарнизоне, просто недостойно.

Байдек отобрал в сопровождение десять проверенных солдат и приказал экипироваться по максимуму. И теперь суровые бойцы, похожие на маленькую армию, ехали, окружив высокую гостью, и напряженно поглядывали по сторонам. Вперед барон выслал двух человек – проверять путь. Им предстояло проехать несколько километров до водопадов, и он хотел сделать безопасным каждый метр этого расстояния.

К тому времени как они подъехали к водопадам, лейтенант уже был готов убить Симона и с тоской признался себе, что не будь он таким идиотом, то бы мог ехать на месте товарища, слушать принцессу, видеть ее улыбку, обращенную только к нему, и не испытывать непонятной злости и тоски. Да, это было недостойно, но Мариан вздохнул с облегчением, когда их путь закончился и они выехали на площадку, перед которой клубился пар и сияли радуги.

Принцесса ахнула, пораженная открывшейся красотой, а он соскочил с седла, яростным взглядом пригвоздил к месту направившегося было к Василине Симона, отчего друг застыл, весело и вопросительно подняв брови. И сам подошел к ней, чтобы помочь спешиться.

– Ваше высочество, позвольте мне помочь вам, – осипшим голосом произнес Байдек и опустил-таки глаза, буквально на мгновение.

Принцесса недоуменно и с неудовольствием посмотрела на лейтенанта, но кивнула, перебросила ножку через седло, держась за повод, и мягко опустилась прямо в его руки. Барон придержал девушку за талию, чувствуя под мягкой жилеткой тепло ее тела, и тут же отпустил, сделав шаг назад. А недовольная чем-то ее высочество быстро пробежала мимо, к краю смотровой площадки, и застыла там, широко раскрыв глаза.

Горная река, стекающая по плато, с оглушительным ревом падала вниз широким блестящим полотном, разбиваясь о многочисленные уступы и исчезая в выбитой сотнями лет падения клубящейся пропасти. Оттуда вытекала уже мирная, спокойная речка, весело бежавшая к озеру меж покрытых лесом берегов. Солнце играло в облаках водяной пыли, создавая целый парад радуг, которые мерцали и переливались в его ярких лучах.

Отряд расположился на противоположном от водопада, относительно низком берегу, отлого спускавшемся к реке и обрывавшемся в нескольких метрах над галечным пляжем. Внизу он осыпался в воду, весь был в провалах и каменных глыбах, поэтому остановиться было решено метрах в пятидесяти от кромки воды, чтобы не подвергать опасности лошадей.

Принцесса любовалась водопадом, а Мариан любовался ею, стоя немного позади, пока его люди, расположившись полукругом, осматривали берег. Симон, остановившись рядом, насмешливо поглядывал на друга, но Байдек эти взгляды игнорировал – потом, конечно, виталист не отстанет, но сейчас язвить не посмеет.

– Я хочу подойти ближе, лейтенант, – Василина обратилась к нему так неожиданно, что Мариан вздрогнул.

– Там нестабильная почва, ваше высочество, – барон покачал головой. – Прошу вас, не нужно.

Она вздохнула и, как ему показалось, едва сдержалась, чтобы не топнуть ножкой.

– Всего на несколько метров, барон, – она прошла чуть вперед. – Видите? Ничего страшного не произошло.

Принцесса снова упрямо двинулась вперед, а он поспешил за ней, чтобы остановить. Но не успел. Она вдруг взмахнула руками, пискнула и полетела вниз, в стремительно расширяющуюся дыру под ногами. Осыпающаяся почва увлекла и Байдека, и бросившегося за ними Симона.

Упали они невысоко – может, три-четыре метра, но удар оказался крайне чувствительным – лейтенант даже на секунду потерял сознание. Очнувшись, он попытался осмотреться, но мешала продолжающаяся сыпаться сверху земля. У кромки образовавшейся дыры уже раздавались крики.

– Не подходите близко! – скомандовал он наверх. – Несите веревки!

Барон встал, прикрываясь рукой от барабнящей по голове почвы, стал взглядом отыскивать принцессу. Богиня, да где же она? Только бы все было хорошо, только бы была жива!

– Ваше Высочество! – позвал он. – Вы меня слышите?

Взгляд его наткнулся на маленькую фигурку, полузасыпанную землей. Белая рука безжизненно лежала ладошкой к небу, и он, холодея от ужаса, бросился к ней.

– Принцесса! Василина! Святые отшельники! – Мариан ругался сквозь зубы, поминая то святых, то демонов, пока откапывал ее из рыхлой почвы. Василина лежала на боку, вся измазанная землей, и он, освободив лицо, склонился к ее губам, чтобы почувствовать – есть ли дыхание. И тут же застывшее было сердце снова забилося – она дышала. Слава богине, она дышала!

Аккуратно взяв принцессу на руки, Байдек отошел под свод пещеры, чтобы уберечься от падающей земли, снял с себя куртку и уложил безвольное легонькое тело на получившееся скудное покрывало.

– Симон, – Мариан услышал стон друга и пошел к нему. Виталист сидел, мыча и баюкая правую руку. Лицо его было в крови.

– Руку, похоже, сломал, – процедил Симон сквозь зубы. – И булыжником сверху шандарахнуло. Где мы?

Байдек огляделся. То, что он поначалу принял за подмыв, оказалось длинной высокой пещерой, идущей к реке. Почва была заметно влажной и мягкой – видимо, недавно пещера была подтоплена. Возможно, это их и спасло.

– Ее высочеству нужна помощь, – сказал Мариан, наклоняясь и помогая встать другу. – Посмотришь?

Симон скривился.

– Посмотреть посмотрю, но, пока себя не вылечу, сам знаешь, ей помочь не смогу.

Сверху раздались шаги, посыпался гравий.

– Господин лейтенант, – крикнул один из солдат, – все живы? Мы принесли веревки.

– Живы, – проорал он в ответ. – Веревку кидайте нам, через эту дыру не выберемся, обвалится. Попробуем пройти к реке и пробраться

по берегу к скалам!

– Понял! – ответил солдат.

– Воды и фонарики спустите нам, – попросил Байдек. – Еще полотно для перевязки, Симон руку сломал. Лопатку найдите, она пристегнута у меня к седлу. И оставьте тут дозорных, а остальные пусть едут к скалам.

– Все сделаем, господин лейтенант, – и солдат ушел.

Через несколько минут у них были и вода, и свет, и Мариан, поглядывая на принцессу, быстро наложил повязку поскрипывающему зубами Симону. Тот, преодолевая боль, уже просканировал так и не приходящую в сознание Василину и успокоил барона – никаких опасных повреждений не было, ушибы и ссадины не в счет.

Пока Симон аккуратно прощупывал сломанную руку, запуская регенерацию, Мариан пытался привести принцессу в сознание. Приподнял ее, положил голову себе на колени, как мог, обтер измазанное грязью лицо и попытался напоить. Не получилось. Такой долгий обморок казался ему неестественным. «Хотя, – одернул он себя, – что ты знаешь о потере сознания у молоденьких и хрупких девушек?»

Дышала она, во всяком случае, ровно, хоть и была очень бледненькой, и Байдек, сам не осознавая, что делает, провел пальцем по ее щеке, словно оттирая грязь, откинул со лба светлые волосы. Бедная глупая упрямая девочка.

– Мар, – голос Симона заставил его вскинуть голову. Друг нюхал воздух, задрал нос вверх, и барон похолодел, понимая, что это значит. – Мар, нужно уходить. Я чую нежить. Еще далеко, идет группой. Видимо, пещера имеет выход к каменоломням, и они почуяли мою кровь.

– Какой тип? – Мариан без лишних слов проверил оружие, активировал фонарь и закрепил его на запястье. Затем поднял принцессу на руки и зашагал к реке. Симон быстро следовал за ним, иногда останавливаясь, чтобы принюхаться.

– Не могу точно определить, пока слишком далеко. Не мельче хоботочника, а то и сосальщики. Быстрее надо.

– Сам знаю, что быстрее, – процедил барон сквозь зубы, срываясь на бег. – Кастануть сможешь?

– Не во всю силу, – крикнул сзади виталист. – На солнце надо или к воде. Беги, твари ускоряются!

Они неслись по направлению к реке, и Байдек надеялся только на то, что, раз был подмыв, значит, вода поступала через какую-то дыру – возможно, через нее они смогут выбраться. Однако ход заворачивал параллельно берегу, под ногами хлюпала грязь, и нигде не было видно ни пятнышка солнечного света.

Сзади донеслось сопение, похожее на короткое похрюкивание. Мариан в очередной раз выругался. Хоботочники – твари размером с небольшую собаку, с длинным хоботом, на пяточке которого располагалась зубастая ядовитая пасть, – нападали всей стаей, висли на руках и ногах и могли растерзать жертву за пару минут. Если бы с ними не было девушки, вдвоем они могли бы отбиться. Но с ней... шансов уцелеть нет.

– Сюда! – крикнул откуда-то сзади Симон, изо всех сил врезаясь в рыхлую стенку пещеры. – Помоги, я чую здесь воздух близко, нужно пробиться!

Мариан бегом вернулся к другу, аккуратно посадил принцессу у стенки и стал спешно пробивать выход лопаткой. Виталист был прав – из-за слежавшихся комьев земли шел ощутимый сквозняк, и главное – прокопать, разгрести пусть небольшую дыру, вытолкать девушку, а вдвоем они здесь как-нибудь справятся.

– Близко, метров пятьдесят, – отрывисто сообщил Симон, не переставая копать. Комья глины и земли сыпались из-под рук товарищей и падали с той стороны преграды. Мариан сунул другу лопатку и начал долбить стену ногами, она дрожала, но держалась. В ушах грохотал адреналин, и Байдек уже строил план боя, когда хрюканье раздалось совсем близко. Но не успел он повернуться, как оглушительный визг буквально впечатал его в стену. Это кричала очнувшаяся принцесса, широко раскрытыми глазами глядя на приближающихся страшилищ. Точнее, приближались они до начала визга, потому что хоботочников расшвыряло не хуже, чем кости на игральном столе.

С потолка от этого ужасающего, разрывающего голову звука посыпались камни, барон услышал, как сзади охнул Симон, и, преодолевая боль, сквозь темные пятна, пляшущие в глазах, пошел к Василине. Перехватил, чуть ли не теряя сознание, встряхнул, зажал

рот рукой. Она билась и вырывалась в истерике и даже цапнула его за палец, но зато голова перестала болеть, мозг больше не зажимало в тиски.

Видимо, визг ослабил и проклятую стенку, потому что Симон, пнув ее ногой, сумел-таки пробить небольшую дыру, потом еще одну и еще. Хоботочки, приходя в себя, снова начали похрюкивать и прыгать вперед, раззадоривая друг друга и пытаясь запугать жертв. И Байдек, одной рукой прижимая к себе принцессу и зажимая ей рот, достал пистолет и стал стрелять по стае, пытаясь отпугнуть. Убить нежить таким способом было невозможно, но отвлечь – вполне реально.

– Выходи, – прошипел Симон, тоже доставая оружие, шагая в сторону и начиная стрелять. Мариан с принцессой на руках спиной вперед вывалился наружу и тут же откатился в сторону, давая место для выхода другу.

Они оказались на небольшом отлогом участке берега. Над ним нависали скалы, создавая густую тень. Водопад ревел совсем рядом, пятачок земли окружала вода. Уйти посуху не удастся, а входить в бурную реку без страховки – та же смерть. Твари и не думали отступаться, они по одной выбирались на воздух, выли от раздражающего света, но не забирались обратно, преследуя беглецов.

– К реке. В воду! Бегом! Марш! Вода их задержит! Побежала, быстро!!! – рывкнул лейтенант на ухо ошарашенной принцессе, и девушка, спотыкаясь и качаясь, послушно побрела к воде. – Симон, прикрытие! – И друг отступил ему за спину, снимая рабочей рукой со спины короткое ружье. Согнулся, уперев его в колено и зажав локтем, и стал заряжать ствол крупными патронами. А Байдек, достав единственное посеребренное оружие, которое у него с собой было, – длинный тонкий стилет, бросился кдвигающимся на них хоботочникам.

Василина, послушно зашедшая по колени в воду, расширившимися глазами смотрела на разворачивающийся перед ней бой.

Ба-а-ах! – это Симон выстрелил разрывным, и передняя тварь, получив дыру в груди, со злобой бросилась вперед. Ба-а-ах! – виталист отшвырнул выстрелом вторую, пока превратившийся из угрюмого

молчуна в какого-то невероятного бога войны барон вонзал длинный стилет в шею первой твари и отшвыривал ногой другую.

В это время на него бросились оставшиеся, и Байдек начал крутиться как медведь среди собак, расшвыривая их, хватая за загривки и добивая. Симон снова перезарядил ружье, делая это невероятно быстро для человека с одной рабочей рукой, и пробил череп вцепившемуся в ногу барона хоботочнику. Но вопреки всему тварь осталась жива, продолжая грызть живую плоть, и барон, тяжело упав коленом ей на спину, вспорол стилетом ей бок и отшвырнул.

Ба-а-ах! – и взорвалась морда очередной нежити. Хобот, повисший на кусочке кожи, волочился следом за тварью в следах из какой-то отвратительной черной слизи, видимо, заменяющей этим порождениям тьмы кровь. Один из хоботочников зашел сзади, присел и прыгнул на спину лейтенанту, впиваясь куда-то в шею. Василина вскрикнула, сжала кулачки. Но он, извернувшись, сорвал присосавшуюся тварь с себя и вонзил нож ей в глазницу.

Особь без хобота скрылась в пещере, а барон повернулся к реке и посмотрел на принцессу. Сделал глубокий вдох и осел на землю. И она в слезах побежала к нему, ничего не понимая – ни как они сюда попали, ни где находятся. Поняла лишь, что Мариан только что спас ее от отвратительных тварей и теперь серьезно ранен.

Симон перезаряжал ружье. Барон уже тяжело поднялся и, шатаясь, пошел навстречу девушке.

– Почему вышла из реки? В воду, быстро! Будем уходить, – резко бросил он.

– Но почему? – принцесса посмотрела на останки стаи. – Они же все мертвы!

– Сейчас сюда несутся полчища нежити со всех каменоломен, – ответил за лейтенанта подошедший виталист. – Текучая вода для них – естественная преграда. Нас сожрут прежде, чем мы дождемся помощи. Нужно уходить на тот берег.

Мариан уже стоял на берегу, обвязываясь веревкой, затем обхватил принцессу за талию, обмотал несколько раз, проверил узлы. Он был бледен, весь в бисеринках пота, глаза лихорадочно блестели. Обвязав девушку, барон пошел к другу – тот держал заряженное ружье, оглядываясь на выход из пещеры. И Василина с ужасом рассмотрела рваную рану на спине лейтенанта, почти у самой шеи.

– Вас нужно перевязать, – прошептала она.

– Потом, – выдохнул он сквозь зубы, заходя в воду. – Ступайте внимательно, прямо за мной. Веревку не дергайте. Не оглядывайтесь. Если что – не паниковать, не орать, не дергаться. Вытащим.

Переход через горную реку стал для Василины кошмаром. Несмотря на летнее жаркое солнце, ледяная вода мгновенно выстудила тело так, что принцесса минут через пять просто перестала чувствовать ноги и ступала за лейтенантом на чистом упрямстве. И еще потому, что видела страшный рваный укус с почерневшей вокруг него кожей и понимала, что идущему через бурное течение барону сейчас гораздо хуже, чем ей. Она слышала его сиплое дыхание, чувствовала крепкий запах пота и крови и просто не могла себе позволить подвести его и упасть.

В какой-то момент она потеряла счет времени и только ступала онемевшими тяжелыми ногами вперед. И считала. Шаг, два, три... пятьдесят, пятьдесят один... сто... От холода сильно хотелось в кустики, но кустики были на той стороне. А поступить по-иному... Королевская она дочь или нет? Сто тридцать... сто тридцать один... Сзади раздались многоголосый вой и рычание, и принцесса чуть не сбилась, но удержалась, чтобы не оглянуться... Сто сорок три... сорок четыре... Течение все же сносило их влево, к глубине, и в какой-то момент она ушла в воду по шею, веревки натянулись. Мариан оглянулся, нахмурился и как волнорез попер поперек течения, туда, где было хотя бы по пояс. Он уже не сипел, а хрипел, волосы сзади потемнели от пота, и Василине было до слез его жалко, а еще она очень боялась, что он свалится, и всю их троицу унесет на глубину.

Свалился Байдек только на берегу. И только после того, как вытащил на сушу ее, глупую курицу, которая от холода не могла даже поднять ногу, чтобы ступить на высокий берег. И только после того, как помог Симону разрезать веревки. Отошел на несколько шагов, оглянулся и свалился.

А на противоположном берегу бесновалась и выла нежить: маленький пяточок скалы был весь заполнен отвратительными существами. Принцесса, хоть и тряслась от холода, чуть не лишилась чувств, когда представила, что бы с ними было, если бы не этот безумный переход через реку.

Сверху над пяточком внезапно раздались крики – оставленные солдаты, видимо, привлеченные звуком выстрелов, подобрались к краю скалы и теперь показывали вправо. Симон приложил руку ко рту и проорал:

– Двигайтесь к переправе! К переправе!!!

Судя по тому, что солдаты исчезли, они поняли. Василина сжала ноги – вновь напомнил о себе переохлажденный организм.

– Я... я сейчас, – она быстро шмыгнула в ближайшие кусты. Байдек лежал без движения, но был в сознании, его била крупная дрожь. Он проводил принцессу взглядом и поморщился.

– Симон, антидот?

– Только на живые яды, Мар, – виталист достал из промокшей сумки ампулу-шприц, зубами надорвал упаковку и вколол другу в предплечье. – Сейчас волю в тебя виты столько, сколько смогу, но хватит максимум часа на четыре. Если бы я не был ранен, смог бы выжечь это из крови, а так только замедлю распространение яда. Через час-полтора начнет парализовывать. Потом кома и смерть.

Барон кивнул, терпеливо ожидая, пока Симон, положив единственную рабочую руку ему на сердце, выжигал яд в его крови. Это ощущалось так, будто у него резко поднялась температура. Мариана одновременно и колотило, словно от лихорадки, и было невыносимо жарко.

– Значит, у нас есть еще час, – произнес он и с усилием поднялся. – Вперед, ваше высочество, – кивнул он вышедшей из спасительных кустиков принцессе и снова попер вперед.

Василина со вздохом последовала за Байдеком. Железный он, что ли? Она чувствовала себя несчастной и виноватой, мокрая одежда липла к телу, сапоги стали натирать.

– Переправа в десяти километрах вниз отсюда, – вполголоса сказал следующий за ней Симон. – По этой местности не менее трех-четырёх часов пути. Лошади здесь не пройдут, поэтому до переправы, где нас будет ждать отряд, пойдем пешком.

– А что произошло, – принцесса сглотнула, – что произошло после того, как я упала? Как мы оказались у берега?

– Вы потеряли сознание, а подняться наверх мы не могли – почва слишком рыхлая, нас могло похоронить заживо. Пришлось идти искать другой выход, – ответил виталист.

- И вы не можете открыть Зеркало на заставу? Или хотя бы на тот берег к нашим сопровождающим? – недоуменно поинтересовалась Василина.

Маг сокрушенно покачал головой.

- Здесь горы, ваше высочество, пространство искажено, и я недостаточно силен, чтобы в горных условиях выстраивать переходы. Честно говоря, и на равнине я не способен открыть его больше чем за сто метров.

Василина вздохнула и снова посмотрела на Байдека. Он шел, сгорбившись, странно дергая левой рукой.

– Симон, – спросила она тихо, – а лейтенант, он... он насколько серьезно ранен?

Мужчина покачал головой и ничего не ответил. Принцесса получила ответ, когда пробирающийся вперед барон застонал сквозь зубы и рухнул. Они подбежали к нему – Мариан смотрел в небо и тяжело дышал.

Симон наклонился, провел над ним ладонью, хмуро выдохнул.

– Что не чувствуешь?

– Ноги, – проскрежетал Байдек. – И рука отнимается. Левая.

– Я понесу тебя, – виталист попытался поднять друга, но рука соскользнула. – Мы не успеем, Мариан.

– Плевать, – лейтенант словно выталкивал слова. – Бери принцессу и вали к переправе. Нужно доставить ее на заставу. Потом вернешься за мной.

– Мы не успеем, Мар, – с нажимом произнес маг жизни, роясь в своей сумке.

– Демоны тебя задери, Симон, это приказ! Вперед, без разговоров!

– Я никуда не пойду, – выпалила Василина и закусил губу – таким взглядом смерил ее барон. Он смог сесть, прислонился к стволу какого-то пышного дерева.

– Ваше высочество решила снова показать характер? – почти прорычал Байдек. – Или нам потратить время еще и на ваши уговоры? Развернулась и пошла! Ну! Нечего на меня смотреть!

Он почти орал, а она смотрела на него и понимала, что орет он не от злости, а от боли и отчаяния. И от своей слабости, которую не переносит. Вот такой момент женского прозрения.

– Симон дойдет гораздо быстрее без меня, – сказала девушка, наклоняясь и подбирая толстую ветку. – Он приведет помощь. А со мной ничего не случится.

– Что вы делаете? – устало поинтересовался Мариан. Он прикрыл глаза и будто выдохся, но, судя по ходящим туда-сюда желвакам, терпел невыносимую боль.

– Хочу развести костер, конечно, – спокойно ответила вторая Рудлог. – Симон, бегите, пожалуйста.

Виталист посмотрел на друга, потом на принцессу, кивнул, снял свое ружье, сумку и исчез в чаще.

Она собрала побольше сухих веток, нашла в сумке Симона зажигалку, развела костер. Пусть стояла жара, но одежду надо было просушить, вскипятить воды, если найдет в чем, напоить Байдека. Тот сидел у дерева, запрокинув голову, тяжело дышал и ни на что не реагировал.

Василина сняла с себя почти все, оставшись босиком в одной рубашке мужского кроя, развесила одежду у костра. Затем стала рыться в сумке.

– Что вы ищете? – глухой, хриплый голос. Лейтенант приоткрыл глаза и тяжелым взглядом смотрел на нее. Но она не станет краснеть, ни за что!

– Хочу вас напоить, нужно согреть воды. При отравлениях необходимо пить много горячей жидкости, тогда концентрация яда уменьшается.

Мариан попытался усмехнуться – его забавляла эта суета.

– Или он начинает действовать быстрее. Посмотрите в моей сумке.

Василина действительно нашла большую складную чашку – точь-в-точь как та, из которой она пила в начале пути, – сбегала к реке, набрала воды и поставила на огонь. Затем нерешительно подошла к своему спутнику.

– Мне нужно снять с вас одежду, лейтенант. Пусть просохнет. Вы ведь не будете отбиваться?

Он скривился, и только через несколько секунд принцесса поняла, что это такая улыбка через боль.

– Упрямая маленькая принцесса, – Байдек дернулся, отталкиваясь от дерева. – Снимайте, все равно ведь не переубедить вас.

Василина, пыхтя как сотня паровозов, изгибаясь и упираясь ногами, стащила с него сапоги. Обувь будто прилипла к его ногам. Да и ноги были тяжеленные, как стволы, неповоротливые и негнущиеся. Снять штаны оказалось не легче, она фыркала, вспотела и напряженно дышала, даже подумывала срезать их, но Байдек, тяжело вздохнув, приподнялся на руках, и она быстренько стянула с него неуступчивую часть одежды, стараясь не краснеть и не смотреть на него. Куртку барон снял сам. И принцесса быстренько развесила его одежду поближе к костру.

– И каков смысл ваших действий? – поинтересовался Мариан, снова откидываясь назад.

– Растирать вас буду, – ответила она, помахав бутылком со спиртом.

Барон снова закрыл глаза, словно поражаясь ее бестолковости.

– Василина, это не поможет. Это не растительный яд, а модификация трупного. Поможет только хороший виталист, но таковой есть только на заставе.

– Спирт вас разогреет, – упрямо произнесла она, – а Симон сказал, что яд разрушается при высокой температуре тела.

– А-а-а-а, – протянул лейтенант, – вот зачем костер.

– За этим, – кивнула девушка, передавая ему кружку с дымящимся кипятком. – Пейте воду и не дергайтесь, пожалуйста. От ожогов у нас ничего нет.

Вот теперь принцесса была в своей стихии. Сколько раз она растирала больные ноги и спины стариков в больнице – не сосчитать. И, признаться честно, эта суетливая деятельность теперь отвлекала ее от слез и отчаяния. Василина, налив в ладошку спирта, присела перед Байдеком на колени и стала растирать ему ноги. Кожа была холодной, а мышцы так напряжены, словно сведены судорогой. И она терла изо всех сил, стараясь разогнать кровь, хоть немного согреть его и пытаясь не думать о том, насколько она близко сейчас к его телу. Снова запыхалась, пот струился со лба, и она несколько раз фыркала, сдувая прилипающие к лицу пряди.

– Теперь руки. – И барон, как-то странно глядя на нее, протянул ей ладонь. – Вы пейте, пейте. Не отвлекайтесь.

Руки у него были мощные, жилистые, покрытые волосами, и Василина, пряча смущение, растерла и их, затем, немного помедлив,

потянулась к животу. Но Мариан перехватил ее ладонь, расплескав драгоценный спирт.

– Лучше спину, – сказал он хрипло, кашлянул и добавил, глядя в ее недоуменные глаза, – спина начала затекать.

Принцесса охнула, забежала за него и, стараясь не смотреть на уродливую почерневшую рану, стала мять и тереть огромные плечи и спину, на которой бугрились мышцы.

– Вы, определенно, погорячели, – радостно сообщила ее высочество.

– Д-да, – отозвался он сипло, – определенно. Вы просто мастер.

Она еще несколько раз, насколько хватило спирта, разминала его, кипятила воду, расспрашивала о службе, чтобы не упустить момент, если Байдек вдруг потеряет сознание. И даже начала немного надеяться на счастливое окончание истории, когда он вдруг захрипел, выгнулся и забился в корчах. Принцесса кинулась на него, прижала к земле, но это было все равно что прижимать к земле медведя.

Когда он наконец успокоился и остался лежать, тяжело дыша, она вдруг заплакала крупными слезами, растянувшись прямо на нем, всхлипывая и некрасиво шмыгая носом.

– Ну-ну, хватит, – произнес Байдек с трудом, – не плачьте.

– Мариан, – Василина зарыдала уже в полный голос, – прости-и-ите меня-я-я-я, пожа-а-алуйста-а-а! Я та-а-а-акая дура-о-о-очка! Не уми-и-и-ирайте-е-е!

– Принцесса, не плачьте, – попросил он, кривясь, – а то мне хочется погладить вас по голове, а я не могу даже двинуть рукой.

– Ы-ы-ы-ы-ы, – заревела она, приподнимаясь и размазывая слезы. Он еще и шутит!

Неизвестно, в какой момент ее осенило. Бывает так, что детские воспоминания всплывают внезапно, и это воспоминание было таким, что она мгновенно перестала плакать.

– Мариан, – позвала принцесса, – у вас есть нож?

– В сапоге, малышка, – ответил он, снова начиная тяжело дышать, как перед прошлым приступом, – вы что, решили добить меня, чтобы не мучился?

Принцесса кинулась к сушащимся сапогам, вытащила из внутренней петли маленький нож, полоснула себя по ладони и дернулась. Было очень больно.

– Мариан, пожалуйста, никогда никому не говорите, что я сделала, – попросила она, шмыгнув носом. В горсти начала собираться кровь, и девушка сделала несколько шагов в сторону лежащего барона.

– Не скажу, – согласился он, тяжело дыша, – а что вы делаете?

– Понимаете, – принцесса осторожно присела рядом с ним, приподняла его голову и подползла под него так, что голова Мариана оказалась у нее на коленях. – Понимаете... Это что-то в нашей крови, родовая магия.

Кровь начала капать с ладошки, Байдек следил за падающими тяжелыми каплями, и ему было страшно думать о порезанной нежной коже, хотя сам он сейчас испытывал куда более неприятные ощущения. Надвигался следующий приступ.

– Пейте! – Василина поднесла ладонь к его губам, и барон недоверчиво глянул на нее – она это серьезно? – Пейте, – повторила девушка с нажимом, и Мариан послушно открыл рот, решив, что, если это ее успокоит, он и камень сгрызть готов.

Горячая солоноватая жидкость пролилась ему в горло, а принцесса, придерживая его за голову, начала рассказывать:

– Я только что вспомнила. Мне, наверное, лет семь было, мы с матерью поехали в Йеллоувинь на коронацию императора. И там подавали кучу морепродуктов... и какую-то особую ядовитую рыбу... Отец... отравился, чуть не произошел международный скандал. Ему никто помочь не мог... даже виталисты...

Увлечшись рассказом, Василина машинально стала перебирать Байдеку волосы на голове, словно ребенку, и Мариан закрыл глаза, послушно глотая сочащуюся в рот кровь и незаметно расслабляясь от ласковых движений девушки. Кровь так кровь, бывало и хуже, зато этот момент близости он не забудет никогда. Если это никогда наступит, конечно.

– Он уже дышать почти не мог, и мама вскрыла себе вену и заставила его пить.

Василина говорила, снова переживая тот чисто детский ужас, когда близкому человеку плохо, когда все бегает, кричат, когда слышишь шепотки «Не жилец», когда врачи и маги разводят руками. Когда тебя, рыдающую, оставляют у постели мужчины, относящегося к тебе как к родной дочери, и ты ночью просыпаешься и видишь, как мать пускает себе кровь и поит ею хрипящего мужа. Василина очень-

очень испугалась тогда и никому ничего не рассказала. И только сейчас сопоставила это и последующее выздоровление Святослава Федоровича.

– Я очень надеюсь, что поможет, Мариан, – сказала принцесса. Кровь уже почти перестала идти, и Байдек несколько раз лизнул рану, словно пытаясь остановить сукровицу. Василина смутилась, отобрала ладонь. – Теперь будем ждать.

Он закрыл глаза. Конечно, он подождет. Все, что угодно, только чтобы она и дальше так же сидела и перебирала его волосы. В принципе, так и умереть не страшно.

Через некоторое время Василина осторожно выскользнула из-под крепко спящего барона, потрогала вещи и обувь – они уже высохли, добросила веток в костер.

Оделась, с сомнением оглянулась на Байдека. Он лежал прямо на земле. «Замерзнет ведь», – подумала она, подошла к нему с вещами и начала тихонько, чтобы не разбудить, одевать. Тело его уже было теплым и гибким, но спал он очень крепко. Штаны и носки принцесса кое-как натянула, сосредоточенно пыхтя и ворочая его уже достаточно смело. А вот поднять торс сил не хватило, поэтому просохшей курткой она его просто укрыла.

Так, теперь перевязать руку, умыться самой, сходить в заветные кустики... На принцессу вдруг навалилась тяжелая усталость, снова покатались слезы, и она уселась у костра, выплакивая потрясения сегодняшнего дня.

Выплакавшись, Василина задумчиво посмотрела на Мариана, побродила вокруг, рассматривая его, затем, словно решившись на что-то, снова присела рядом, перетащила его голову себе на колени, откинулась на ствол дерева и задремала.

Так их и нашли через несколько часов вернувшийся Симон и приведенные им солдаты. И если кто-то и удивился, застав в такой близости своего боевого командира и его подопечную, то виду не показал. Только Симон, осмотрев так и не проснувшегося друга, о чем-то крепко задумался, разглядывая смутившуюся Василину. Раны на шее и ноге Байдека затянулись и выглядели чистыми. Это было невозможно, но это произошло. Но с расспросами виталист решил повременить.

Встречать их вышел, наверное, весь гарнизон. Мариана несли на носилках, а затем его сразу отправили в лазарет. Принцесса же попала в заботливые руки госпожи Божены, которая, вздыхая и извиняясь за то, что подала такую опасную идею, бросилась обихаживать высокую гостью. Полковник Шукер был бледен, когда писал и отправлял почтовым телепортом донесение о случившемся в центр. То, что он не уберег высокую гостью от опасности, стало болезненным ударом по чести военного офицера. То, что это могло лишить его не только должности, но и расположения королевы, было второстепенным, но он понимал, что это будет заслуженно.

Конечно, о возвращении к матери сегодня не могло идти и речи, и Василина сначала долго отмокала в ванной под негодующее бурчание Лусии, а затем ее кормили и осматривали виталисты.

Вечером принцесса настояла, чтобы ее проводили в лазарет, и она долго сидела у койки со спящим после виталистических процедур бароном до тех пор, пока сама не стала клевать носом.

С утра Лусия упаковала вещи и со словами «Наконец-то мы уедем из этой безумной провинции» ушла вниз – проследить, чтобы чемоданы унесли на катер и аккуратно расположили в каюте. Хозяева дома вышли провожать Василину, и она тепло попрощалась и с госпожой и господином Шукер, и с выстроившимся гарнизоном. И с удивлением увидела ожидавшего ее на катере барона Байдека.

– Вам не следовало ехать, – произнесла она вместо приветствия, вглядываясь в его лицо. – Симон сказал, что как минимум три дня вы должны отлежаться под присмотром в лазарете.

Мариан пожал плечами, затем нерешительно взял ее порезанную руку, повернул ладонью вверх. На ладошке краснел свежий, только начавший затягиваться шрам.

– Больно? – спросил он и тут же отпустил ее руку, словно устанавливая дистанцию.

– Вам было больнее, – тихо проговорила она. – Вы простите меня?

– Вы не должны извиняться, госпожа, – мягко произнес он.

Василина покачала головой. Повисла пауза. Обоим было нужно столько сказать друг другу, и оба не решались заговорить или даже боялись сделать это. Так они и доехали до ставки королевы: в задумчивом молчании, прерываемом короткими ничего не значащими разговорами.

Королева была в бешенстве. Она раздраженно ходила по залу, куда прибыла принцесса, сопровождаемая лейтенантом Байдеком, и Святослав, просивший ее ранее быть посдержаннее, сейчас молча сидел и не встревал, наблюдая за надвигающейся грозой.

– Это возмутительно, лейтенант, – говорила Ирина грозно, снова переживая тот материнский ужас, когда прочитала послание. – Вы обязаны были обеспечить безопасность моей дочери, а вместо этого она чуть не погибла.

– Мама! – крикнула вторая Рудлог, и королева, повернувшись к ней, рывкнула:

– Помолчи! Я считаю, что вы не можете больше продолжать военную службу. Отправляйтесь в свое имение и ждите трибунала. И молитесь богам, чтобы это не имело последствий для здоровья Василины.

Барон опустил на одно колено и склонил голову. Королева была права, и он это заслужил.

– Мама! Послушай меня! – снова крикнула принцесса. – Ты неправа!

– Ах, неправа?! – королева повысила голос. – Немедленно иди к сестрам, Василина!

– Выслушай меня сейчас же! – каким-то взрослым, с нотками железа голосом отчеканила ее маленькая дочь, сжимая кулачки. В зале потемнело, задрезжали окна. – Немедленно! Мама! Немедленно!!!

Ирина-Иоанна с внезапным любопытством посмотрела на склонившегося барона и на нависающую перед ним, словно защищающую его принцессу. Монарший гнев прошел так же резко, как начался.

– Барон Байдек, прошу вас выйти и подождать снаружи, – спокойно сказала королева и, подождав, пока лейтенант удалится, продолжила: – Рассказывай, Василина.

Через полчаса принцесса выбежала из двери зала, ободряюще улыбнулась Мариану и прошептала:

– Мама ждет, идите.

И Байдек с каким-то смешанным чувством снова пошел к грозной властительнице.

Однако Ирина-Иоанна совершенно спокойно сидела за столом и задумчиво барабанила по нему пальцами, а ее муж что-то говорил ей,

склонившись над столом.

– Я должна перед вами извиниться, барон, – произнесла королева величественно. – Василина мне все рассказала. К сожалению, от капризов ни один, даже самый лучший охранник не застрахован. Однако вы сполна исполнили свой долг...

– Ваше величество, – барон склонил голову, – я действительно виноват, и мне нет оправдания. Жизнь ее высочества была под моей ответственностью, и, как бы это ни закончилось, уберечь ее высочество я не смог. Я обязан был предусмотреть все возможные опасности.

Королева как-то странно хмыкнула, снова забарабанила по столу.

– Возвращайтесь в часть, я распоряжусь о повышении звания. И если у вас есть какое-то иное желание, лучше выскажите его сейчас, пока я... впечатлена рассказом Василины. Вы отчаянно храбры, лейтенант. И скромны.

Мариан Байдек покачал головой, собираясь сказать, что ему ничего не нужно и что такая милость королевы – лучшая награда. Но вместо этого, с трудом выдавливая из себя слова, произнес:

– Я прошу руки вашей дочери, ваше величество.

Королева замерла, брови ее поползли вверх, а принц-консорт подался вперед и положил руку жене на плечо, словно успокаивая. Но барон не опустил глаз. Тишина стояла оглушающая. Через несколько длительных напряженных мгновений Ирина-Иоанна заговорила, и понять ее тон было очень сложно:

– Неожиданное продолжение разговора, лейтенант Байдек. Чем вызвана ваша просьба?

– Я люблю ее, – просто ответил Мариан, и в голове его после этих слов воцарились совершенная ясность и порядок. Видимо, для полного осознания нужно было произнести это вслух.

Королева снова помолчала, изучающе глядя на молодого человека, но тот держался спокойно и будто даже ушел в себя.

– Буду с вами предельно честной, лейтенант, – серьезно сказала она. – Вы, безусловно, достойный человек и офицер и можете сделать любую женщину счастливой. И я не буду ставить под сомнения ваши слова, понятно, что вам не нужны ни должности при дворе, ни другие привилегии, которые получит человек, женившись на любой из моих дочерей.

Он непонимающе взглянул на нее: какие, к демонам, привилегии?

– Еще раз подчеркну: в вас и ваших чувствах я не сомневаюсь. Я знаю вашу породу людей, вы не бросаете слов на ветер. И мужем вы будете прекрасным и верным, уверена... Но Василина...

Мариан прекрасно понимал, что его просьба нереальна, но каждое слово королевы что-то убивало у него внутри.

– Василине всего шестнадцать, лейтенант. Она еще девчонка, поймите, и с мужчинами-то толком не общавшаяся. Даже если ее сейчас спросить и она скажет «да», потому что пережила с вами яркое и опасное приключение, вы для нее герой, – будет ли это любовью? Или это всего лишь восторг молоденькой девушки, которая навоображала себе невесть что? Как я могу отдать ее замуж, если не уверена, что она любит или сможет полюбить вас? Да и сама она не имеет достаточно опыта в силу своего возраста, чтобы судить, любит – не любит, увлечена или восхищена. Честно говоря, только на таких условиях я готова пойти на столь неравный брак.

– Вы мне отказываете? – спокойно уточнил лейтенант.

Королева нахмурилась. Ситуация была сложная, и необходимо было решить ее, не обидев офицера.

– Я, скажем так, настаиваю, чтобы вы дали ей время повзрослеть. Пусть войдет во взрослую жизнь, нагуляется, натанцует, нафлиртует, изучит мужчин, наберется опыта. Любовь никуда не денется, если она есть. Только окрепнет.

– Благодарю, ваше величество! – Барон посмотрел на свою госпожу, помолчал и все-таки спросил: – Когда мне будет позволено снова просить ее руки?

– Два года, – ответила королева. – Думаю, к своим восемнадцати она уже сможет принимать ответственные решения. Я позволю вам сделать предложение, обещаю. И тогда она сама даст ответ.

Когда Байдек откланялся и вышел, королева искоса посмотрела на мужа.

– Наглец, – произнесла она задумчиво. – Но хорош, ничего не скажу. Такой северный медведь.

– Влюбленный медведь, – поправил ее Святослав.

– И она дала ему свою кровь... беда с этими девчонками, – вздохнула Ирина. – Ну посмотрим, что из этого выйдет.

Через неделю после отъезда королевской семьи Мариан впервые напился в компании молчаливого Симона. Алкоголь отказывался его брать, и он с грустной усмешкой вспоминал свои размышления о том, как легко ему будет, когда принцесса уедет.

Байдек тосковал по ней как оставленная без хозяина собака. Не позволяя себе срываться на подчиненных, изматывал тело физическими упражнениями. Несколько раз ходил на поляну, где она поила его своей кровью и держала его голову на коленях. И когда от королевы пришло распоряжение зачистить каменоломни от нечисти, выжечь все там под корень, почти с облегчением принял участие в длительной операции, помогая боевым магам.

Через месяц полковник Шукер передал ему подарок, пришедший на заставу. Посеребренный нож с фигурной рукояткой-ладонью, в центр которой был вделан красный рубин. Ножны и пояс в цветах королевского дома Рудлог – красном, белом и золотом.

Мариан усмехнулся, повертев его в руках. Нож был совершенно не приспособлен для боя, красивая игрушка. Но дорогая его сердцу игрушка, подарок-напоминание только для двоих. К подарку прилагалась записка, написанная аккуратным округлым почерком: «Лейтенанту Байдеку на долгую память от Василины-Иоанны Рудлог. Спасибо».

Он увез нож домой, спрятал в ящик стола и часто доставал, грел в руках, перечитывал записку и снова тосковал, бесконечно тосковал.

Шли дни, и иногда тоска отступала, чтобы потом наброситься с новой силой. Обычно она подстерегала его на выходных, когда он приезжал в свое имение. Кралась за ним по длинным коридорам фамильного поместья, затаившись, выжидала, пока барон ляжет спать, и накидывалась снами и воспоминаниями, выгрызая все внутри.

Было время, когда он как одержимый начал смотреть светскую хронику, ожидая, покажут или нет в выпуске тонкую фигурку принцессы. Байдек наблюдал, как Василина посещала больницы и школы, встречалась с делегациями других государств, давала благотворительные обеды, участвовала в балах и торжествах.

И со временем, глядя на кадры, где его принцесса кружилась в танце с каким-то кавалером, Мариан со всей отчетливостью понял, что он – наивный глупец, придумавший себе невесть что.

Даже если на секунду представить, что ему бы позволили жениться на Василине, жизнь жены военного не для нее. А он не создан для дворцовой суеты и праздности. Между ними глубочайшая пропасть, и пусть его род и до баронства был одним из древнейших в королевстве, а ветвью по прадеду и вовсе восходил к бермонтским берманам, это не делает его возможным мужем для принцессы.

Да и с чего он взял, что она согласилась бы? Принял ее природную доброту и заботу за какие-то чувства, которых и быть не могло. И Василина уже наверняка забыла о нем. А ему, хоть забыть о ней и не получится, нужно жить и возвращаться к спасительному хладнокровию. В конце концов, он получил свои минуты счастья, и не дерзостью ли было рассчитывать на большее? Королева мудра и своим решением не только спасла дочь от неравного брака, но и дала своему офицеру время осознать всю нелепость его поведения.

Слуги с удивлением восприняли приказ разобрать все телевизоры в поместье по домам, но задавать вопросы никто не решился. Молодого хозяина поместья Байдек уважали и любили.

И когда Василине исполнилось восемнадцать, Мариан, конечно, не пришел просить ее руки снова. К этому времени он уже понял, что в устах королевы это был просто вежливо оформленный отказ, который он, не привыкший к иносказаниям, принял за проблеск надежды.

Часть 4. Глава 1

Вторая половина сентября, Иоаннесбург

Люк Кембритч

Говорят, в начале времен, когда Триединый создавал этот мир, он так утомился, что обустроить его сил уже не хватило. Ну или, сделав самую сложную работу, Всевышний, как любая творческая личность, потерял интерес и полетел творить что-то новое. Как бы там ни было, чувство ответственности у него все-таки присутствовало, и он решил переложить остальную работу на плечи помощника, дав ему крупицу божественной силы. Но немного перестарался, и помощников оказалось целых шесть. Они-то и стали источниками стихий для магии и новыми богами для мира.

Другие говорят, что божественные стихии являются неотъемлемыми частями этого мира. В начале времен первоэлементы так были напоены силой Творца, что стали разумными воплощениями самих себя. Синяя богиня – воплощением воды, Пахарь – земли, Воин – огня...

Люк не был особо набожным человеком и в храмах бывал редко, в основном тогда, когда отвертеться уже не представлялось возможным. Большею частью это были свадьбы, похороны и религиозные праздники, во время которых вся аристократия вдруг становится донельзя верующей и устремляется в святилища. Не в какие-то, а в центральные, огромные, с удобными скамеечками – чтобы и себя показать, и других посмотреть, и не сильно утомиться при этом.

Распространены были маленькие храмы, посвященные всего одному богу, да и в богатых домах обычно находилась часовня: комнатка, засыпанная белым песком, на котором стояли статуэтки богов, ждущие подношений. А вот центральные святилища были именно такими, в какое сейчас пришел Люк. Круглый двор с расположенной в центре статуей Триединого, всегда удивлявшего Люка какими-то ящероподобными мордами. Творец мог бы быть и посимпатичнее. Окружавшие его изваяния вполне человекообразных богов стояли дружным полукругом.

Строгая и нежная Синяя Любовь Воды с обнаженной грудью. Свирепый Красный Воин Огня, великий кузнец с молотом в руке. Белый Целитель Жизни, он же божественный Воздух; Желтый Ученый Разума – всемирная гармония. И Зеленый Пахарь Земли, который суровым лицом и мощным торсом совсем не походил на мирного земледельца. И только статуя Черного Жреца Смерти сиротливо стояла где-нибудь в уголке или вовсе была задрапирована тканью. Убрать ее не смели, но и поклоняться ему в Рудлоге запрещалось.

Традиции традициями, но магический прогресс оставил и здесь свой отпечаток – большой храмовый двор, усыпанный белым песком, закрывался сверху погодным куполом, чтобы приходящие барышни не месили грязь туфельками, если пойдет дождь или снег. Внутри всегда было тепло.

Люк, вздохнув, перехватил трость, достал пузырьки с ароматическими маслами и совершил положенный ритуал возлияния – в чаши, выдолбленные в пьедесталах у ног пяти статуй. Черному жертва была не положена. Масла (каждому свое, и не дай боги перепутать) впитались в пористый камень без следа. Ничего не произошло, Великие Стихии взирали на забредшего к ним грешника с полуулыбками на величественных лицах.

– Рад вашему рвению, лорд Кембритч, – у входа во внутренний храм, где велась вся хозяйственная деятельность, а дальше, в закрытых помещениях, жили монахи, никогда не появляющиеся на людях с открытым лицом, стоял невысокий белый как лунь старичок. Он выглядел немощным и очень старым, но эта немощность была кажущейся. Его Священство легко мог скрутить с десятков боевых магов одним движением брови. Другое дело, что дураков нападать на него не было – боги требовали от своих избранников обет не атаковать и использовать силу только в крайних случаях, для защиты, но и силы этой отмеряли с лихвой.

– Ваше Священство, – Люк поклонился, – спасибо, что согласились принять меня.

– Это не я, – легко ответил старичок, – меня благословили на помощь вам.

Они прошли в покои, в аскетично обставленный кабинет священника, пропахший маслами, и Его Священство, сняв накидку, долго усаживался на жесткий стул без спинки, жестом предложив

Люку сесть на такой же. «Вообще он, конечно, мог бы позволить себе и мягкое удобное кресло под спину, – подумал Люк, – вряд ли боги обладают настолько садистскими наклонностями».

– Итак, лорд Кембритч, суть вашего дела я понял, – благожелательно молвил старый служитель, пронзительно глядя на него. – Но меня благословили помочь вам при одном условии.

– Каком же? – осторожно и несколько нервно спросил Люк. Кто знает этих помощников Триединого, еще заставят обет какой соблюдать или в монахи податься.

Старик улыбнулся, глядя на заерзавшего лорда. Трудно знать что-то наперед, но зато как интересно наблюдать за теми, кто не знает!

– В ближайшие дни у вас должен состояться разговор с отцом. Он сделает вам... некое предложение. И вы согласитесь.

Люк криво ухмыльнулся.

– Вообще-то разговор должен был состояться еще позавчера. И, зная папеньку, не уверен, что он не предложит мне пойти и утопиться.

Кембритч снова вспомнил, как орал в трубку его родитель, когда он, приехав после встречи с Мариной, сонно сообщил папаше, что встречи не случится, потому что он всю ночь пил, гулял и играл и теперь будет спать. Ничего, Люк тоже с удовольствием поорал в ответ.

– Знаю, – мягко сказал Его Священство. Глаза его смеялись. – Обещаю, это не больно и даже повысит ваше материальное благосостояние.

Лорд Кембритч задумался, рука машинально потянулась к пачке сигарет, он вытащил одну, покрутил, затем вспомнил, где находится, и со вздохом убрал обратно. Священник все так же весело наблюдал за ним.

В принципе, что он теряет? Нет, наверняка это какая-нибудь гадость, на которую сам, без божественного нажима не согласился бы. С другой стороны, папенька постоянно пытается привлечь сына к работе парламента, может, это и есть его желание? Соглашаться неизвестно на что было не в стиле виконта, но ощущался в этом и какой-то азарт. А Люк был игроком. А еще больше он любил раскрывать тайны, и если это обещание поможет ему пополнить список своих побед, то так и быть.

– Согласен, – наконец произнес Кембритч, и рука снова дернулась к сигарете.

– Вот и отлично, – окончательно развеселился служитель Великих Стихий. – Вы можете курить, лорд, не стесняйтесь, я переживу.

– Нет уж, – пробормотал Люк, – я, пожалуй, потерплю. А то вдруг божественные наши господа бонусом еще и курить бросить потребуют. Скажите лучше, вы нашли его? Он действительно здесь? Дело крайне важное.

– Вы даже не представляете, насколько, – со внезапной серьезностью сказал самый могущественный человек в Рудлоге, протягивая собеседнику увесистый конверт. – От встречи он отказался, но просил передать вам это.

Люк почувствовал странное разочарование. Ему очень хотелось увидеть человека, про которого даже Тандаджи говорил с примесью благоговения. И который после переворота уничтожил более десятка самых влиятельных на тот момент людей, чем дал возможность вернуть жизнь в стране в нормальное русло. И хотя Люк не разделял подобных методов, все-таки он был сыщиком, а не убийцей, понять, каким образом Стрелковский в одиночку, когда его искали, обходил охрану и собирал свою кровавую жатву, было бы познавательно.

Письмо Люк прочел уже дома.

«Лорд, – было выведено четким острым почерком, – меня настойчиво попросили дать вам информацию, объяснив, какие последствия может иметь для страны мое молчание. Я скажу прямо – эта страна заслуживает всего с ней происходящего. Но я многим обязан Его Священству, который передал мне приказ тех, коих послушаться я не имею возможности.

Я не знаю, где могут быть принцессы и живы ли они вообще. Я хотел бы их найти, но в одиночку это осуществить было невозможно. В ваших руках мощь Зеленого крыла, и вам легче. Но я не буду желать вам удачи. Если они живы, то после всего случившегося заслуживают невмешательства в свою жизнь. Ради памяти их матери. Но если вы их найдете, я не знаю, какие доводы нужно будет привести, чтобы организовать возвращение рода Рудлог на трон.

Тем не менее я подробно изложу события последних дней, предшествовавших перевороту, и события самого дня. Возможно, это вам поможет».

Далее следовало длинное, подробное и очень конкретное изложение случившегося, в котором Стрелковский педантично

описывал все значимые и не очень события, как и пообещал.

Заканчивалось письмо припиской:

«Передавайте привет Тандаджи. Я рад, что именно он сменил меня на этом посту. Возможно, мы с ним еще увидимся. И.И.С.»

Люку действительно многое стало ясно, и он, закулив и налив себе коньяка, еще раз, медленно, обдумывая детали, перечитал письмо Стрелковского. Значит, исчезли сестры и раненый принц-консорт после того, как королева сорвала с шеи некую подвеску и выкрикнула какое-то заклинание. И последние дни во дворце присутствовал маг, Алмаз Григорьевич Старов, которого Кембритч тоже разыскивал. И, вероятно, он сможет объяснить, что это была за подвеска и куда она могла девочек забросить.

Секретарь ректора МагУниверситета после напоминающего звонка дала следующий ответ: нынешнее местонахождение мага неизвестно, однако у Старова есть дом в Великой Лесовине, и он часто там бывает. Но на звонки сейчас, видимо, в связи с землетрясением, не отвечает. И продиктовала адрес.

«Значит, Лесовина, – Люк выпустил струю дыма в потолок, – все сходится в Лесовине. И с Байдеком там встреча будет. Сразу двоих закрою. И Марина, кстати, тоже там...»

Он хмыкнул, помимо воли вспоминая их первый шальной поцелуй в коридоре госпиталя, и слегка улыбнулся. Чудная девчонка, такая сладкая и колючая. Ни капли робости или благоговения перед лордом, обратившим на нее свое внимание. И ни капли доступности. Его натура преследователя и охотника вся изнывала от желания раскусить этот крепкий орешек, победить, завоевать и покорить. Снять с нее доспехи и доказать, что он сильнее, перевести их противоборство в жаркую и полную наслаждения горизонтальную плоскость, чтобы эта женщина стала покорной, томной и нежной от его ласк и просила еще и еще.

И только одна деталь отрезвляла Кембритча. Когда Люк прочитал в письме, что принц-консорт потерял в противостоянии с демоном руку, его охотничий инстинкт взвыл как пожарная сигнализация. Потому что виконт слишком хорошо помнил, как Марина рассказывала, что у ее отца тоже нет руки. Не слишком ли много совпадений для одной провинциальной семьи?

Ангелина

Ангелина уже вторую неделю работала с второклашками, и всю эту неделю ее не покидало ощущение абсолютного счастья, давно подзабытого за эти семь лет. Дети были разные, вредные и воспитанные, крикливые и тихие, но на удивление слушались ее так, будто она за послушание выдавала им шоколадные конфеты.

Она словно вернулась в тот период, когда все смотрели ей в рот и подчинялись, и пусть сейчас это были семи-восьмилетние дети, ощущение, что она нужна хоть кому-то, кроме своей семьи, стало для нее живительной пилюлей.

По сути, на попечении Ангелины остались Каролинка да отец, сестры разъехались по институтам и работам, и стало, конечно, гораздо легче. И даже появилась надежда на то, что они сумеют выбраться из этой нищеты и потихоньку обустроить нормальную жизнь. Не все же жить на огороде и тратить те деньги, которые зарабатывала Марина или присылали Василина с Марианом.

Директор, проходя мимо новой учительницы, все косился недоверчиво, посетил вместе с завучем несколько уроков, но, уходя, даже сдержанно похвалил. И предложил ей еще и вести географию в пятых классах. А чего бы не похвалить, если она проводила над учебниками, методичками и подготовкой к урокам все свободное время, засиживаясь часто далеко за полночь. Но оно того стоило.

Сейчас Ани как раз вела географию, мироустройство. И пыталась объяснить его так, чтобы было интересно и понятно, да и близко деревенским ребятишкам.

– Итак, дети, – говорила она, – наш мир напоминает перепелиное яйцо, только круглое, и называется он Турá. Это на старом диалекте и означает сразу и «шар», и «яйцо».

На подставках-научных артефактах перед детьми выросли иллюзорные шары размером с кулак и стали медленно крутиться вокруг своей оси. Ученики хихикали, совали сквозь магоголограмму руки, но при этом внимательно слушали учительницу.

– Снаружи оно твердое, как скорлупа, а внутри есть полутвердое горячее ядро – как желток, и расплавленная масса – как белок, такая же тягучая и горячая, как плавленный сахар. А на поверхности, как на скорлупе, есть темные пятнышки – это материки, и светлые – это океаны. У нашего мира-яйца три больших темных пятнышка-материка, видите? Это наш материк Рíка, что значит «земля», соединяющийся с

ним снизу жаркий маленький материк Манэзия, что значит «остров», и на противоположном полушарии, видите? Длинный треугольник материка Түна, что значит «гора».

– А почему гора? Не похож на гору! – загомонили дети, тыкая в прозрачные шарики иллюзий, чтобы увеличить их и посмотреть на материки.

– А потому, ребята, что он практически весь состоит из горных пиков и вулканов. На нем никто не живет, потому что там постоянно происходят извержения. Люди живут только на Рике и Манезии. У нас, в Рудлоге, тоже много гор и вулканов, но сейчас извергаются они очень редко.

– Ангелина Станиславовна, – пропищала девочка, дочка их соседки через два дома. – А расскажите, почему наша страна называется Рудлóg? Это тоже что-то значит, да?

– Рудлог значит «красное поле», Маша, – улыбнулась она. – Потому что давным-давно, когда стране только давали название, вулканы извергались куда чаще, и огромные поля были залиты красной лавой. Сейчас мы как раз про него поговорим. А теперь быстренько взяли ручки, запишем несколько названий.

Если посмотреть на наш материк, то Рудлог – самая большая страна, протянувшаяся как шарф с севера на юг и ограниченная с юга горами Милокардэрами, а с севера – Северными пиками. С севера, то есть, если смотреть на карту – сверху, Рудлог граничит с Бёрмонтом. С востока, то есть справа – с огромным Йеллоувíнем. За Йеллоувином лежит Тидúсс, но мы с ним общих границ не имеем. С запада от Рудлога – сверху по нашей границе – находится Блакóрия, а ниже – Инляндия. А в море за Инляндией – остров Маль-Серéна. На юге, за Милокардэрами, лежит огромная малонаселенная пустыня – Пескí, а еще южнее, за Песками – уже другой материк, на котором расположены эмираты. Каждый эмират – независимое государство, в котором правит эмир.

А еще есть много независимых княжеств и герцогств, которые формально считаются частью той или иной страны. Например, при Инляндии есть княжество Форштáдт, которое на самом деле независимо, хоть и считается вассалом инляндской монархии.

В каждой из крупных стран, кроме эмиратов и Тидусса, правят старые монархические династии, восходящие своими корнями к

божественным первопредкам. Точнее, – запнулась она, – уже не в каждой. У нас монархии нет.

– А почему? – крикнул сын Вальки.

– Произошел переворот, дети, и королеву убили. Теперь некому сидеть на троне.

– А принцессы?

– Жалко королеву!

– Я смотрела про принцесс, они добрые и красивые!

– А мама сказала, они все ведьмами были!

– Сама ты ведьма! Дура!

– Ангелина Станиславовна, скажите ей!!!

– Тихо, ребята, – произнесла она вполголоса, но дети послушно замолкли. – Обзывать нехорошо, Рита. А принцессы не были ведьмами, они были такими же, как вы, детьми и девушками постарше. Их просто обозвали так, но это неправда.

– Обзывать нехорошо! – авторитетно сказала Машенька.

И в этот самый миг раздался страшный гул, школа задрожала, запрыгали по столам артефакты, падая на пол, дети в испуге повскакивали, кто-то не удержался, упал. Ангелина сама с трудом удержалась на ногах. Тряска продолжалась, и она крикнула:

– Все прячемся под парты, быстро! – и, шатаясь, побежала по рядам, засовывая растерявшихся и кричащих пятиклассников под столы.

Землетрясение прекратилось так же резко, как началось, дети плакали, и Ангелина, проверив их на наличие разбитых носов (таковых не оказалось), быстро вывела класс из школы.

Это был первый слабый толчок из более чем десятка, накрывших столицу и Иоаннесбуржскую область. И хотя это землетрясение, в отличие от случившегося в Лесовине, было очень слабым и не принесло значительных разрушений, людьми постепенно овладевала паника. Скрывать усилившуюся сейсмоактивность в стране стало невозможно, и перед Высоким Советом встал вопрос – как успокоить народ, не открывая правды?

Или, может быть, пришла пора ее открыть?

Начало сентября, Иоаннесбург

Драконы

Администратор отеля, привлекательная брюнетка, одетая в строгую красную форму, посмотрела через стойку и выдохнула. Вчера все девчонки, хихикая, обсуждали троих шикарных парней, поселившихся в номерах на верхнем этаже. И, о да, сейчас они вышли из лифта и направлялись прямо к ней, провожаемые влажными взглядами дам, находящихся в холле, и оценивающими – мужчин. И какие же они парни? Это настоящие мощные мужики! Ладони вспотели, и девушка спрятала их под черный пластик стойки.

И где, интересно, таких делают? Выше всех мужчин, которых она знала, почти на голову. Мощные, но при этом движения текучие, как вода. Длинные красно-рыжие волосы у двоих из них и короткие у третьего. Бледная кожа, зеленые глаза. Лица – будто у статуй древних воинов, выставленных в королевском музее.

Все трое были чем-то неуловимо похожи. «Братья, наверное» – решила брюнетка и немного скованно улыбнулась подошедшей мечте всех женщин в трех лицах.

– Милая девушка, – глухо проговорил один из них, с длинными волосами, где пряталась косичка с вплетенным в нее ключом. От рокочущих интонаций в его голосе сердце забило чаще. – Подскажите, есть ли здесь человек, который может показать нам город и рассказать об обычаях вашего доброго народа?

– Конечно, господин?.. – голос даже не дрожал, он срывался.

– Валерий, – улыбнулся ей мужчина.

– У нас есть экскурсионное бюро, там гиды проводят экскурсии.

– Экс-кур-сии? Гиды? – задумчиво проговорил Валерий, оборачиваясь на коротковолосого, а тот, кажется, прошептал: «Потом посмотрим».

– Вы издалека, да? – задала вопрос любопытная девушка. Слова они произносили с заметным акцентом, похожим на старорудложский говор жителей горных районов юга. В гостинице останавливались разные люди, и администратор слышала уже, наверное, все диалекты. Все было понятно, но уху непривычно.

– Очень, очень издалека, – заверил ее гигант с косичкой. – Давно здесь не были, все очень изменилось. Поэтому мы... растеряны. И нам нужен знающий человек, который станет нашим проводником... за хорошее вознаграждение, конечно... расскажет историю страны, да что происходит сейчас. Покажет город, храмы...

– А хотите, – ладони снова повлажнели, но упускать такой шанс было глупо, – мы с подругами вас вечером после смены провезем по городу и все покажем? Бесплатно!

Второй длинноволосый вдруг улыбнулся и подмигнул ей.

– Ну, если подруги такие же хорошенькие, как ты, милая дева... – И на его ладони из воздушных потоков вдруг соткался прозрачный цветок, который он положил на стойку перед ошалевшей администраторшей.

«Они еще и маги, мамочка! Вот девки-то обзавидуются!» – подумала она, одаривая преподнесшего цветок мужчину волнующей улыбкой.

Драконы, ошеломленные хаосом большого города, посоветовавшись, решили, что действовать нужно последовательно. Для начала – освоиться, а затем уже искать информацию о будущей жене Владыки. И вообще – искать. Возможно, нанимать людей, благо денег они на свои камни в приграничном городке наменяли столько, что можно было купить этот отель и еще парочку.

У них оставался всего месяц до тех пор, когда Нории нужно будет вернуться, чтобы поддержать жизнь в Белом городе. И желательно вернуться не с пустыми руками.

Ранним вечером в номере раздался звонок, и взволнованный девичий голос пригласил драконов на экскурсию. Светлана, отработав смену за стойкой администратора, позвала двоих подруг, не подумав, как они все поместятся в ее небольшом автомобиле.

Ничего, поместились. И теперь коротковолосый сидел на пассажирском сиденье рядом с ней, а с заднего раздавались шуточные визги и смех – огромные длинноволосые братья предложили ее предательницам-подружкам разместиться у них на коленях за неимением другого места, и девчонки всю старались произвести впечатление.

Представившийся как Четери, самый симпатичный и, видимо, привыкший к женскому вниманию, с восхищением сказал, что не думал, что экскурсоводы бывают такими очаровательными, и поэтому он готов слушать своих гидов хоть каждый вечер. «А может, каждую ночь», – добавил мужчина лукаво, и идиотки снова захихикали. А Светлана, как дура, тоскливо крутила руль и громко рассказывала о достопримечательностях. Вот Королевский дворец, а

это – музеи, это – театры, это – памятники, а это – Храм Всех Богов. Ее сосед по машине, Энтери, вежливо слушал девушку, но никакой игривости, увы, не проявлял, улыбался доброжелательно, но равнодушно.

Вечер закончился в шикарном ресторане, где она, как ответственная за развоз тел после пьянки, тоже не пила, скучно размешивая сок трубочкой и рассказывая Энтери о жизни в городе.

– А почему ты не с ними? – спросила Светлана мимоходом, показывая на танцующих рыжих братьев и ее подруг.

– У меня есть невеста, – признался Энтери, и она с завистью подумала об этой счастливой девушке.

А девчонки веселились вовсю, поняв, что с деньгами у их кавалеров все очень неплохо, как и с желанием их тратить. Красавчик Чет, на которого Света периодически бросала внимательные взгляды, предложил в конце концов всем переместиться в отель, что они и сделали. В результате Светлана и Энтери спали в одном номере – целомудренно на разных кроватях. Хотя спали – сильно сказано, скорее, пытались заснуть, так как длинноволосые развратники растащили пьяненьких подружек по своим номерам и, по всей видимости, показывали им там чудеса акробатики, от которых тряслись стены. Выносливости им было не занимать, и, так и не сумев заснуть под эту порнографию для ушей, Светлана предложила Энтери спуститься в холл и поболтать до утра за чашечкой чая. Так они и поступили.

Наутро сонные, но ужасно довольные предательницы-подружки спустились в холл в обнимку со своими партнерами и потащили тоже сонную, но не такую довольную Свету в бар – пошущукаться. Нет, она отлично провела время – Энтери оказался прекрасным собеседником и, что важно, слушателем, и они душевно поболтали остаток ночи. Но ощущение, что она оказалась не у дел, так сказать, за бортом праздника, не радовало. А подруги вообще вызывали раздражение.

– Он тако-о-ой! – тянула одна, закатывая глаза.

– Ага! – вторила другая.

– Энтери говорил, что они скоро уедут, – попыталась остудить их пыл Светлана.

– Ну и что? Такие классные мужики! Я и не жду продолжения!

– Хоть на одну ночь, это того стоило!

– Ты посмотри, что они нам подарили!

И подружки, порывшись в сумках, дружно извлекли на свет крупные, как орехи, явно драгоценные камни.

– Красота, правда?

– В отпуск съезжу, квартиру поменяю... Это же целое состояние!

Светлана не верила своим ушам.

– Девочки! Вы что, с ума сошли? Вы же не проститутки, чтобы плату за секс брать!

Замечание подружек явно оскорбило, и одна, пряча «орех» в сумку, протянула:

– Не зна-а-ала, что ты такая завистливая, Светка.

– Это потому, что тебе ни мужика не досталось, ни подарка, – поддержала ее вторая.

– Да идите вы, идиотки, – в сердцах сказала Светлана и покинула бар. Может, она и завидовала, но совсем немного. И уж точно не стала бы брать «подарок», пусть на него можно лет пять безбедно жить, не работая. Есть что-то, что отличает девушку от шлюхи, и платный секс это различие стирает начисто. А вот поведение подруг Свету сильно разочаровало.

Пока дамы шушукались в баре, драконы, вальяжно развалившись в креслах холла, пили горячий кофе и тихо переговаривались.

– А что же ты девочку не порадовал, Энтери? – подкалывал Четери, хищно двигая ноздрями. – Она, конечно, кажется холодной, но внутри должен быть вулкан, поверь мне.

– Света – хорошая девушка. Но у меня невеста есть, – привычно ответил Энтери. – Да и пока вы там баловались, у нас была очень познавательная беседа. Если кто забыл, мы сюда не девиц осчастливливать приехали.

И он выразительно глянул на брата. Тот пожал плечами.

– Одно другому не мешает. Не учи меня, Энтери. И что рассказала тебе наша милая экс-кур-со-водша?

– Рассказала о последних событиях в Рудлоге. Мы же издалека, – он усмехнулся. – Так вот, линия Рудлог пресеклась семь лет назад, во время переворота. Королева была убита, но никто не знает как, ходят странные слухи. У нее было шесть дочерей, и они пропали. Видимо, твоя будущая жена где-то скрывается, но где – непонятно. И Светлана уверена, что все они были темными. Якобы про это долго говорили.

– Что такое темные? – нахмурился Нории.

– Дар-тени, брат.

– Что за выдумки? Рудлоги никогда не были половинками.

– Вот и я удивился, брат. И сразу вопрос – как искать-то твою женушку будем?

Нории помолчал.

– Я узнаю любого из красных по ауре, – наконец произнес он. – Покажу вам, как это делается. Я ауры вижу четко, а вот вам придется всматриваться.

– В этом городе несколько миллионов человек, брат. А она может быть и не в столице.

– Я увижу, если она будет в городе. Старшая кровь Рудлог – как пожар до неба, невозможно не увидеть. Только придется полетать. А потом... если она не здесь... значит, поедem по стране.

– А сейчас-то что делать? – лениво полюбопытствовал Четери и вдруг встал, улыбнулся: – Вот и Светлана, сердце красотой услаждающая.

Подошедшая девушка скептически сморщила носик.

– Приятно было провести время, ребята. Если еще понадобится помощь или машина – буду рада помочь. А я спать, уж извините. Вы ночью так старались, что сон не шел.

На лицах «ребят» не было ни капли раскаяния, а Чет и вовсе порочно усмехнулся:

– Надо было присоединяться к нам с Диной. Тогда бы сон точно не пошел.

– Нет уж, спасибо, – злобно процедила она. – Я не по этой части.

– А зря, – заявил наглец и, подмигнув, протянул: – Тебе бы было очень хорошо, Све-е-ета.

– Четери, оставь девушку, – ровно сказал Валерий, и нахал мгновенно соорил серьезное лицо. С неожиданной мягкостью взял Свету, прямо-таки кипящую от злости, за руку, и что-то вложил в нее.

– Это тебе за экс-кур-сию, милая.

Она посмотрела – в ладони лежал сверкающий «орех». Светлана аккуратно обошла улыбающегося Чета, подошла к столу, разжала пальцы. Драгоценный камень со стуком покотился между чашек с кофе. Энтери одобрительно посмотрел на нее.

– Я же сказала, что бесплатно.

Настроение резко упало.

– Светлана, не сердись на него и извини за грубость, – проговорил Валерий. – Он больше так не будет. Правда, Чет?

– Правда, – пробурчал тот, не выходя, впрочем, особо раскаявшимся.

– Ты иди отдыхай, а вечером, не откажись помочь, отвези нас в главный храм. И, раз ты не хочешь принимать оплату, просто подели с нами трапезу в любом заведении, на твой выбор. Согласна?

– Хорошо, – она помедлила, но спросила: – А подруг звать?

– Нет, не надо, – Валерий сыто потянулся. – Попробовали и хватит. Все, что они могли дать, они уже дали. Тебе быть с нами, тебе интересны мы, а не наши деньги.

В душе Светланы что-то запело от его слов. Эта троица была необычной, и интуиция подсказывала – они что-то поменяют в ее судьбе. Если уже не поменяли.

Вечером Света позвонила в номер и спокойно пригласила братьев-магов в машину. Мужчины поздоровались с ней как со старой знакомой, и она всю дорогу ехала и почему-то глупо улыбалась. Рядом со Светланой теперь сел Чет, поминутно достающий ее вопросами и подколками. Два других брата не вмешивались, спокойно сидели и переговаривались о чем-то сзади.

– Светла-а-ана, – гнусно тянул Чет, – а ты со мной сегодня потанцуешь? По душе мне пришлись здешние танцы.

Она молчала, хотя злость прошла, появилось желание показать язык.

– Ну Све-е-ета-а-а!

– Отстань, а? Уже голова болит от твоих брачных стонов, – беззлобно ответила она и с удовольствием увидела, как он хмурится.

Нет, ну почему он такой придурок, а? Красивый до невозможности, но совершеннейший придурок. И, кстати, она так и не спросила: а зачем же им в храм? Сильно набожными они не выглядят.

– А зачем вам в храм, парни?

– Пообщаться кое с кем, – раздался сзади приглушенный голос Валерия. Иногда казалось, что он специально говорил тише, чем может.

– Знакомые?

– Ну, – хмыкнул он, – можно сказать и так.

Братья пошли в святилище, и Света, посидев немного в машине, все-таки увязалась за ними. Интересно же, что там за знакомые! Если эта троица такая необычная, то и знакомые должны быть им под стать.

Девушка осторожно заглянула во двор. Все трое стояли перед полукругом богов... на коленях?

Действительно, издалека приехали. У них так никто не делает.

А Валерий еще и что-то говорил. Она подошла ближе и расслышала:

– За вами долг. Я требую помощи в ее поиске.

Завыл ветер, скручивая белый песок в плети, раздался какой-то оглушительный рев, пахнуло невозможным жаром.

– НЕ ПОЗВОЛЮ! – страшный рык, от которого Света свалилась с ног. А вот странная троица, наоборот, быстро на них поднялась.

– За тобой долг, Красный! – Боги, о чем говорит этот Валерий? С кем он спорит?

В вихрях беснующегося песка появилась огромная человекообразная фигура, будто состоящая из огня. Света всхлипнула и начала отползать, надеясь, что ее, маленькую и тихую, не заметят. А бог-огонь поднял огромный кулак, потряс им и снова проревел:

– УБИРАЙТЕСЬ! ПРОКЛЯНУ!

– Мы уже были прокляты! Я в своем праве, Красный! – этот рокочущий, перекатывающийся как валуны в камнепаде голос – это и есть настоящий голос Валерия? Да и Валерия ли?

Она перевела взгляд на братьев и замерла. Они стали выше ростом, мощнее и страшнее, застыли своеобразным клином, готовясь встретить раздраженного бога. Молчун Энтери поигрывал каким-то переливающимся шаром, стоя за спиной у Валерия, вытянувшего руки вперед и ставящего щит. А придурок Чет спокойно снял рубашку, кинул ее на песок, мазнув по ней, Светлане, взглядом темно-вишневых глаз. В следующий момент на его теле засветились красным и зеленым какие-то сложные орнаменты, а в руках у гиганта появились тонкие изогнутые клинки. Он безмятежно улыбнулся ей, развернулся как танцор и встретил несущуюся на них огненную махину ударом клинков.

Светлана, затаив дыхание и не в состоянии поверить в происходящее, смотрела, как развратник и тупой хохмач танцует с огненной смертью, танцует так, будто это наивысшее из удовольствий

в мире. Он танцевал и смеялся в ответ на рев бога, а его татуировки светились и мерцали в такт ударам. Да он и сам казался в этот момент божеством.

Красный теснил троицу к стене, щит Валерия прогибался от огненных ударов, а Четери все так же оборонялся и смеялся, поддерживаемый огнем магических шаров Энтери. И на их лицах она не видела страха, скорее, там было удовольствие.

В какой-то момент бог-огонь натолкнулся на сжавшуюся в комочек Свету, поднял в раздражении пламенную ногу – чтобы раздавить? Ее? Девушка всхлипнула, закрыла глаза, чувствуя, как оплавляются ресницы, и тут же была подхвачена и выдернута из-под огненной колонны крепкой мужской рукой.

Светлана приоткрыла глаза – она стояла у стенки храма, за двумя братьями, а удаляющийся Чет насмешливо кивнул ей, отворачиваясь и снова встречая скрещенными клинками удар огненного кулака.

– ХВАТИТ! – голос, состоящий из многих голосов, звона, рева ветра и волн. – КРАСНЫЙ, ОТСТУПИСЬ!

Рядом с братьями в вихрях начали появляться огромные фигуры, и Светлана заскулила – это было для нее слишком. Белый вихрь, принявший человеческую форму, опустился гигантским мужчиной, окутанным сиянием, положил руки на плечи красноволосях братьев.

Еще трое... богов?!. встали перед ними, закрывая от беснующегося жара. Среди них была женщина... Строгая, тонкая, текучая, с голубой прозрачной кожей, она направилась-потекла прямо к атакующему Красному, рассыпалась перед ним водой, поднялась стеной, обвила руками-струями и даже, кажется, погладила по огромным огненным плечам.

– ХВАТИТ! – сказала она настойчиво, и в ее голосе шумело море.

– Я НЕ ОТДАМ ЕЕ! – проревело пламя, как будто умиряемое удивительной женщиной-водой.

– ТЫ ДОЛЖЕН ИМ ПЯТЬСОТ ЛЕТ, – умиротворяюще прожурчала богиня, обвиваясь вокруг огня. – ОТСТУПИСЬ.

И пламя успокаивалось, сдаваясь, отступало назад, пока не застыло огромным краснокожим богом, осторожно прижимающим к себе женщину-воду, положившую голову ему на грудь.

– ХОРОШО, – уже умиротворенно проворчал мужчина-пламя. – НО ЗАСТАВЛЯТЬ ЕЕ МЫ НЕ БУДЕМ.

Белый бог-вихрь, обнимающий красноволосях, гулко рассмеялся.
– РАССЧИТЫВАЕШЬ НА ФАМИЛЬНЫЙ НОРОВ ТВОИХ НАСЛЕДНИКОВ, БРАТ?

– ПОСПОРИМ? – рявкнуло пламя.

– ХВАТИТ, – прошумела морем божественная любовь, прижимаясь к пламени. – ОДИН РАЗ УЖЕ ПОСПОРИЛИ.

И показалось Светлане, или все великие покровители покосились на безмолвно стоящую в отдалении каменную фигуру Черного Жреца?

– Пойдем, – пока девушка наблюдала за семейной жизнью богов, к ней подошел Чет, уже в нормальном размере и без клинков. – Они без нас поговорят.

– К-куда? – растерянно спросила Света, протягивая дрожащую руку.

– Куда захочешь, – улыбнулся воин, поднимая ее на ноги. – Сегодняшний вечер твой, женщина.

Она автоматически кивнула и пошла за ним, потому что мозг отказывался воспринимать происходящее.

– ПОСТОЙ! – пророкотало пламя, и Света обернулась в страхе, опасаясь, что именно ее зовет божественный воин-огонь. Но он обращался к Четери. – ПОДОЙДИ, БЛАГОСЛОВЛЮ.

Чет успокаивающе сжал ее ладонь, подошел, встал на колени – такой маленький перед огромными фигурами богов. Красный протянул руку.

– ТЫ ПРЕВОСХОДЕН, – пророкотал бог, – ПОРАДОВАЛ МЕНЯ. – И склонившуюся фигуру охватило пламя.

Света вскрикнула, побежала туда, где в беснующемся огне поднимался на ноги Четери, но тот обернулся, покачал головой.

– ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА, – умиротворенно прорычал бог, и пламя вокруг мужчины стихло.

– ХОРОШАЯ, – ласково кивнула женщина-вода.

– Знаю, – отозвался Четери, взял Свету за руку и повел к выходу из храма.

Она так и не смогла сесть за руль, и они долго шагали по булыжникам мостовой, которыми были выложены все старые улицы. Четери молчал, давая девушке время прийти в себя, а она ничего и не спрашивала. Затем затащил ее в какой-то полутемный кабаk, где вокруг маленькой танцевальной площадки стояли круглые столики с

горящими на них свечами, вполголоса переговаривались посетители. А на сцене под аккомпанемент саксофона и пианино полная смуглая женщина в тюрбане хриплым голосом выводила бесконечные протяжные песни с рваным ритмом.

Он снова превратился в шутника, дразнил ее, пытался вывести из себя, но назвать его, даже мысленно, «придурком» после того танца с клинками у нее язык не поворачивался. Света вяло улыбалась на его поддразнивания и думала о том, какие финты иногда выкидывает судьба, и что все в жизни предопределено. Ведь до того, как начать работать в гостинице, Светлана Никольская училась на историка. К сожалению, в гостиницах платили больше, и диплом с отличием так и остался пылиться в родительской квартире. Как и выпускная работа под названием «Древние расы Туры: классификация, история, мифология».

Они долго сидели в кабаке, и Света пила коньяк, закусывая его крошечными бутербродами, нарезанными фруктами и мороженым. В голове постепенно становилось легко и пусто, а реальность стала плотной и вязкой. На обращение Чета отвечала невпопад, и он, так и не растормошив ее, потянул Свету танцевать. Там она и задремала у него на плече – мудрый организм решил, что хозяйке проще будет пережить стресс во сне.

Девушка смутно осознавала сквозь алкогольный дурман, как ее куда-то несут, как усаживают в салон такси и тихо переговариваются с водителем. Как укладывают на кровать, снимают туфли, прикрывают пледом. Как матрас прогибается под тяжестью мужского тела, и ее подтягивают к себе. И как мужчина целует ее в висок и что-то ласково шепчет на незнакомом языке. Но, возможно, это ей снилось.

Ближе к утру она заворочалась, задышала в обнаженную мужскую грудь, на которую каким-то образом перебралась ночью, и сильная рука стиснула ее плечи, затем легонько погладила по спине.

– Что, Светлана? – глухо пробормотал Четери, с закрытыми глазами проводя подбородком ей по макушке.

– Я знаю, кто ты, – прошептала она, тоже не раскрывая глаз. Под ухом размеренно бухало чужое сердце и хорошо пахло мужчиной, а от поглаживающей ее руки она совсем обмякла и снова провалилась в полудрему.

– И кто же? – через какое-то время равнодушно спросил он, так и не собираясь просыпаться. Она слышала вопрос, уже уплывая на волнах настойчивого сна.

– Дракон, – еле слышно сказала Света и замерла, щекоча дыханием его кожу.

– Да. Засыпай, наконец, – недовольно пробурчал он, перекатил ее, как куклу, спиной к себе, обнял, уткнулся носом в волосы, шумно выдохнул и засопел.

И она тоже заснула, с полным ощущением, что шагнула за пределы обычного мира и оказалась в волшебной сказке.

Часть 4. Глава 2

Семь лет назад, поместье Байдек

Василина

День, когда страшное существо в человеческом облике убило маму, Василина помнила очень четко, буквально поминутно. Воспоминания еще долго всплывали снами, особо болезненными оттого, что мама в них была жива.

Василина помнила, как они бежали по коридору к телепорту, как страшно было беспомощно стоять за маминой спиной и смотреть на то, как она защищается и отступает. Как панический ужас перехватывал горло от смерти людей, которые охраняли их. А вот момент, когда Ирина-Иоанна их перенесла, вторая принцесса не уловила, как и использованное матерью заклинание.

Честно говоря, она вообще переноса не почувствовала. Потому что пыталась помочь истекающему кровью принцу-консорту Святославу, стремительно бледнеющему от потери крови из того, что осталось от левой руки. Она знала, что нужно пережать артерии, и старалась крепко перевязать культю жгутом, свернутым из отодранного рукава его же рубашки. Василина слышала взволнованное дыхание и всхлипы сестер, голос матери и ее противника, но не поднимала головы, потому что было страшно. И не заметила, как вокруг установилась оглушающая тишина.

А когда подняла глаза, чуть не заорала от неожиданности. Впрочем, не она одна. Девушки, совершенно не похожие на ее сестер, но одетые в ту же одежду, совсем забыв про то, что член королевской семьи всегда должен сохранять достоинство, посмотрели друг на друга и запищали, закричали, заплакали сестринскими голосами.

Василина, плохо соображающая, что происходит, обвела взглядом помещение, не понимая, где они оказались. Явно какой-то старый дом – обветшалые дубовые панели, тяжеловесная лепнина, тусклая люстра, огромный старинный письменный стол, диван, покрытый зеленым сукном, несколько кресел, буфет с бумагами, на столешнице которого стоял кувшин с водой и запыленные стаканы. Это же кабинет, только чей, интересно? Она, наконец, заторможенно перевела взгляд на

принца-консорта и застыла потрясенно – перед ней лежал совершенно незнакомый человек. Однако вместо руки были все те же кровавые ошметки, пережатые рубашкой.

К горлу подкатила дурнота, комната покачнулась, и принцесса свалилась бы в обморок, если бы не раздавшиеся за дверью мужские голоса.

Девчонки настороженно притихли, и только Маринка судорожно рыдала, обхватив себя за плечи. Она стала еще тоньше, чем была, и теперь выглядела как очень худая темноволосая и светлоглазая девушка с лишь отдаленно напоминающим свое лицом.

Василина еще раз оглядела сестер. Стройная ледяная красавица Ангелина превратилась в полноватую женщину, выглядевшую гораздо старше ее возраста, с широкими плечами и бедрами и совершенно крестьянскими руками. Только спина ее была такой же прямой да подбородок так же вздернут. Новая Ангелина держала на руках всхлипывающую Каролинку – она тоже стала визуальнее крупнее, глаза и кожа теперь были темными, а чудесные спиральки-кудряшки сменились прямыми тяжелыми волосами. Спортивная Пол стала выше и больше, отчего ее платье болталось где-то в области коленок. А Алинка осталась в очках, но на этом сходство закончилось – она, как и сестры, поменялась на свою полную противоположность.

Хотя, если присмотреться, какое-то сходство между ними прежними и нынешними имелось. Такое могло быть между троюродными родственниками, например.

«Интересно, а как выгляжу я?» – мелькнуло у принцессы в голове, когда в замке уже поворачивался ключ, а девочки, сбившись в кучу, со страхом следили за открывающейся дверью.

И когда вошел он, Василина снова ощутила все прелести предобморочного состояния. Спасло ее только то, что Святослав застонал, и она опустила глаза на раненого. В голове была одна мысль – так не бывает, так не может быть.

Барон Мэриан Байдек хмуро осматривал заплаканных и испуганных разновозрастных девиц, сгрудившихся посреди его кабинета как козы перед волком. Потом взгляд его переместился на окровавленного мужчину, рядом с которым суетилась еще одна, затягивая на кровоточащей руке повязку. Следующий за Байдеком Симон присвистнул, определенно растерявшись. А барон,

поморщившись, тяжелым шагом направился к девице, сидящей около раненого, наклонился, безмолвно поднял ее и переставил, освобождая себе место, и сам занялся раной, бурча что-то про слабых женщин, которые, если не умеют, лучше пусть не берутся. И правда, он умело и сильно, не то что она с ее слабыми ладошками, пережал окровавленный обрубок, будто делал это не первый раз. Кровь сразу перестала идти, и Байдек с силой затянул жгут. Подскачивший Симон тоже начал производить какие-то манипуляции, накачивая Святослава энергией жизни.

А Василина, оттирая руки от липкой крови подолом платья, во все глаза смотрела на Мариана и не могла оторваться, благо он был занят отцом. Байдек стал еще шире и мощнее, чем она его запомнила, и каким-то... суровым, что ли, и тяжеловесным. Между бровей появилась складка, синие глаза, ранее спокойные, казались колючими. Медведь заматерел и вошел в свою силу.

Наконец Святослав задышал спокойнее, его лицо порозовело, кровь совершенно остановилась. Виталист снял жгут, и рана даже немного затянулась. Барон с ослабевшим Симоном перенесли мужчину на диван, Мариан достал из буфета стопку тонких полотенец, плеснул на одно воды из графина и вытер руки. Подошел к своему столу и, перед тем как сесть самому, спокойно сказал:

– Присаживайтесь, дамы, извините, что не предложил сделать это сразу. Итак, кто вы такие и как попали в мой кабинет?

Он переводил взгляд с одной сестры на другую, пока они рассаживались по креслам, и терпеливо ждал ответа. Ангелина с достоинством выпрямилась, насколько это вообще было возможно в треснувшем по швам платье, и заговорила:

– Лейтенант...

– Капитан, – прервал он ее, и глаза «крестьянки» гневно вспыхнули, как у той, прошлой Ангелины.

– ...капитан Байдек, мы знакомы. Два года назад вы сопровождали мою младшую сестру Василину в поездке на Форелевую заставу.

Он ничего не сказал, даже не поменял выражение лица, а Василинке вдруг стало страшно обидно, что он ее не узнал, даже если она изменилась сильнее, чем старшая сестра. Девушка оглядела себя – вроде руки-ноги того же размера. А вот волосы... принцесса потянула за прядь и расстроено ахнула – остались светлыми, но были гораздо

темнее ее прежних и, главное, больше не вились! Как бы увидеть свое лицо?..

Подняв голову, она заметила, что капитан наблюдает за ее манипуляциями, но что за эмоции скрывали эти синие глаза, понять ей не удалось.

– А вы, я полагаю, – сказал барон, дослушав сестру, – ее высочество Ангелина?

– Совершенно верно, – ответила девушка и добавила: – Здесь вся наша семья, кроме мамы.

– И каким образом вы здесь оказались, ваши высочества?

Вот это самообладание! И не поймешь, иронизирует он или спрашивает на полном серьезе. Младшие напряженно таращились на Байдека и молчали. Ангелина задумалась, и вторая принцесса, глядя на сестру, словно услышала ее мысли. Безопасно ли раскрывать всю информацию, не зная, можно ли доверять этому человеку? Или сделать вид, что это розыгрыш, и сбежать, пока не поздно? Они отлично слышали, как Стрелковский говорил матери, что армия их предала и войска на помощь не придут.

– Ани́, – произнесла вторая принцесса мягко, – лейтенант... капитан Байдек – честный офицер и безусловно предан нашей семье. Он заслужил доверие, поверь. Расскажи, как все было. Тем более что ты уже назвалась.

Она буквально кожей ощутила, как Мариан повернулся на звук ее голоса и замер.

– Простите, пожалуйста, – попросил он Ангелину, собравшуюся говорить, и позвал: – Симон, посмотришь?

Виталист, уже немного пришедший в себя, встал с дивана, на котором сидел рядом со Святославом, и подошел к растерявшейся Василине.

– Позвольте, госпожа? Я недостаточно силен, чтобы видеть ауру глазами, но как любой виталист, могу «видеть» руками, при прикосновениях, виталистические параметры ауры, и запоминаю их у тех, кого лечил...

Симон взял ее за ладонь. Принцесса почувствовала, как тело будто овеивает потоками теплого, покалывающего, насыщенного статическим электричеством воздуха. Было не очень-то приятно, и она

отдернула руку. А Симон странно посмотрел на нее, отступил на шаг, поклонился и произнес:

– Здравствуйте, ваше высочество. – И обернулся к застывшему барону. – Это действительно она. Параметры ауры полностью совпадают, с поправкой на взросление.

Василина с вызовом глянула на Байдека, а тот задумчиво смотрел на нее, и глаза его излучали такой ледяной холод, что захотелось поежиться.

– Прошу прощения, ваше высочество, – обратился барон к Ангелине, наблюдавшей за этой пантомимой со сдержанным изумлением, – за недоверие. – Он встал, не смея сидеть в присутствии королевской семьи. – Я готов вас слушать.

– Садитесь, капитан. Конечно, я все понимаю, – наследница благосклонно, совсем по-матерински улыбнулась, и у второй принцессы заняло сердце. – В столице произошел переворот, толпа ворвалась во дворец.

И она подробно, не упуская деталей, поведала о случившемся, закончив рассказ на заклинании Ирины.

– Я не знаю принцип его действия, – говорила Ани немного дрожащим от сдерживаемых слез голосом, тогда как остальные девочки давно уже хлюпали носами, а прижимающаяся к ней Каролинка совсем по-детски тоненько подвывала, вытирая нос о сестринский лопнувший рукав. – Но результат вы видите. Мы перенеслись сюда и совершенно не похожи на себя. И возвращаться во дворец, не зная, что с мамой, да и что там вообще сейчас происходит, просто опасно.

Барон Байдек внимательно и мрачно слушал рассказ первой принцессы, не перебивая и не выдавая эмоций. Ангелина замолчала, глядя рыдающую Каролинку по голове.

– Мне очень жаль, – наконец сказал он, – что вам пришлось это перенести. Заверяю вас в моей преданности. Мой дом и моя жизнь в вашем распоряжении.

– Благодарю вас, капитан, – откликнулась наследница.

– Завтра я еду в часть, постараюсь узнать информацию так, чтобы никто не заподозрил, что вы у меня. Звонить сейчас опасно, будут вопросы – ведь, как я понимаю, у нас еще никто не в курсе, что

случилось. Я поговорю с офицерами, и мы решим, как поступить. Север никогда не согласится на измену короне.

– А есть у вас телевизор? Вдруг там покажут, обошлось или нет? – шмыгнув носом, спросила Полина.

– Нет, – отрезал капитан Байдек. – Телевизоров в поместье нет. – И тут же смягчил тон: – Леди, сейчас я прикажу выделить вам комнаты, чтобы вы смогли отдохнуть и прийти в себя. Святославу Федоровичу тоже нужен уход, он потерял много крови и, насколько я понимаю, будет спать по крайней мере до завтрашнего утра. – Он бросил вопросительный взгляд на Симона, и тот кивнул, подтверждая его слова. Затем капитан встал и направился к двери. – Сейчас же распоряжусь приготовить обед. За слуг не бойтесь, они не болтливы. Болтливые у меня не задерживаются.

– Благодарю вас, капитан, вы очень добры, – Ангелина величественно протянула руку, и барон подошел, почтительно поклонился и чуть коснулся пальцев наследницы губами.

Пока пожилой дворецкий, не высказавший ни капли удивления при появлении их потрепанной компании в кабинете хозяина, провожал принцесс на второй этаж и показывал комнаты, Василина с любопытством оглядывалась по сторонам. Поместье Байдек было большим, но действительно немного обветшалым. Чувствовалось, что хозяин есть, но денег на достойное содержание явно не хватает. Тусклый деревянный пол, кое-где трещины на стенах, часть из которых была свежоштукатурена. В коридоре сохранились отдельные витражи в окнах, но большинство окон были просто остеклены, а то и заколочены. Расписные панели на стенах, местами высохшие, местами обкрошившиеся, но при этом очень красивые – с сюжетами охоты или военной тематикой. Попадались и пейзажные мирные сценки с пастушками в пышных юбках и пылкими пастухами.

В общем, очарования старины хватало.

Дворецкий привел гостей на небольшой второй этаж, где располагались, по всей видимости, гостевые и хозяйские спальни. Василина с Ангелиной выбрали небольшую комнатку, смежную с другой, где было решено разместить отца. Каролинка тоже осталась с ними. А остальные сестры заняли соседнюю комнату.

Спальни были чистенькие, маленькие и светлые – с огромными окнами в пол, что открывались на широкую террасу, за которой

виделся большой яблоневый сад, переходящий в лес. Обстановка была скудная – мощный широкий шкаф, не менее мощная кровать, где не то что втроем – впятером можно разместиться, пара стульев, столик, дверца в уборную... и да! Зеркало! Зеркало!

Василина подбежала к нему и застыла. Совсем чужое лицо, которое ей сразу не понравилось. Обычное лицо, ничем не примечательное. Светло-русые волосы. Ростом она стала чуть выше и немного полнее. Но ей казалось, что она изменилась до неузнаваемости.

– Красотки, да? – Ангелина усадила красноносую Каришу на кровать, подошла к зеркалу. – Как нам мама угодила. Точно никто не найдет, даже если очень захочет.

– Ты думаешь... она жива? – Василина просто заставила себя произнести это вслух.

– Я надеюсь на это, – и наследница обняла сестру, погладила ласково по волосам, как маленькую. Это движение, видимо, стало решающим для платья Ани, и оно, проиграв бой с новой фигурой ее высочества, просто отпало вперед как передник, задержавшись на мощных бедрах принцессы.

– Надо бы попросить у нашего доброго барона какую-нибудь одежду, Васюш, – с ледяной иронией проговорила Ангелина, – иначе он очень удивится, увидев меня в таком виде за обедом. И обувь, а то держать лицо при туфлях размера на три меньше непросто.

Внезапно холодком мазнуло по позвоночнику, а пальцы на ногах поджались. Идти на встречу с ним? С этим новым, незнакомым и суровым Марианом? Идти и «держать лицо», как говорит старшая сестра?

Конечно, надо идти. Она же Рудлог. Вот Ани пошла бы хоть к демону, если бы это было нужно. Но боги, как же ей страшно. Вроде и не с чего, но страшно.

Василина быстро прошла по скрипучим полам, спустилась по лестнице с истершимися кромками ступеней, пересекла холл и постучалась в кабинет хозяина поместья.

– Проходите, – раздался его уверенный голос, и она, переведя дыхание, открыла дверь.

Барон Байдек сидел за своим подавляющим письменным столом и проглядывал бумаги. Он уже успел снять куртку, закатать рукава у

рубашки, и ручка, и исписанный лист смотрелись странно в этих мощных покрытых жесткой порослью руках, предназначенных для того, чтобы драться и держать оружие.

– Ваше высочество, – капитан встал, и глаза его снова подернулись холодком, – чем могу помочь?

К Ангелине он обращался гораздо теплее!

– Барон, – только бы не сорвался голос! – наша одежда в плачевном состоянии. Нет ли у вас возможности выделить нам что-то на время нашего здесь пребывания?

Он внимательно посмотрел на Василину и словно только заметил пятна крови на ее платье.

– Простите мою невнимательность, принцесса, я сейчас же попрошу экономку подобрать вам что-то из одежды матушки. К сожалению, женщин вашего возраста в поместье нет, и одежда довольно старая, но Матильда может попозже съездить в торговый центр и купить вам все, что нужно. Подготовьте, пожалуйста, список, письменные принадлежности вам принесут.

Он подошел к окну и отвернулся, словно показывая, что разговор закончен. И надо было уйти, и Василина уже направилась к выходу, но все-таки задала от двери мучающий ее вопрос.

– Капитан, вам несколько раз присылали приглашение во дворец, как и полковнику Шукеру, и другим офицерам заставы. Почему... почему вы не приезжали? Они приезжали, а вы нет?

Он пожал плечами, но так и не повернулся. И это было невежливо, тем более по отношению к принцессе крови.

– У меня были более важные дела, ваше высочество.

– Конечно, – пробормотала она глухо. – Спасибо за вашу доброту, барон.

И выскочила за дверь, чтобы он, не дай боги, не увидел, как запылали яростью ее щеки. Более важные дела! Более! Важные! Дела!

А Байдек слушал яростную дробь ее удаляющихся каблучков, упираясь лбом в прохладное стекло окна, и думал о том, что он где-то прогневил богов. Очень сильно прогневил, если они решили так подшутить над ним.

В огромном ворохе старых, но чистых и выглаженных нарядов девочки с грехом пополам смогли подобрать себе одежду. Матушка барона, по всей видимости, была женщиной строгого склада, и,

направляясь к обеду, они были похожи на процессию монахинь. Ангелине подошел черный балахон почти до пола, явно «беременного» покроя, Василина выбрала себе летнее платье ниже колен траурно-фиолетового цвета с наглухо закрытым воротом и рукавами. Марина и Полина предпочли брюки, тоже, увы, не радужных оттенков, а Алинка откопала-таки юбку светло-синего цвета, видимо, из матушкиной молодости, когда она не была столь сурова, и тонкий черный блейзер к ней. И только бедняжка Каролинка осталась в прежнем тесном наряде. А вот с обувью не так повезло, поэтому пришлось идти в своей. И стараться не кривиться при этом.

Обед прошел вежливо и молчаливо. Когда сестры пришли, стол уже был накрыт, а хозяин дома стоял у зимнего камина, ожидая высоких гостей. Мариан проводил наследницу до ее места во главе стола, сел рядом, и девочки расположились по старшинству.

Конечно, Василине ничего не оставалось, как занять место напротив барона. И в голове вдруг вспыхнуло воспоминание об обеде на заставе, где Байдек игнорировал ее, вызывая раздражение, и что потом из этого вышло. Да уж, будто в прошлой жизни случилось.

Стол был незамысловат и небогат, но все оказалось очень вкусным, и оголодавшие на фоне стресса и слез сестры накинулись на еду, едва удерживаясь в рамках приличий. Их наряды вызвали у Василины ассоциации с поминками, и сердце сжималось от мыслей о матери и тяжелого предчувствия. Разговор тоже как-то не клеился.

– Превосходный обед. У вас прекрасный повар, – похвалила старшая принцесса, когда трапеза подошла к концу.

– Она в этом доме работала еще до того, как я родился, – отозвался Байдек. – Я передам вашу похвалу, ей будет очень приятно. Тамара Дмитриевна давно уже не готовила больше чем на троих человек и очень переживала.

– А что вы ей про нас сказали? – с любопытством спросила Ангелина.

– Что вы дальние родственницы, приехали с отцом погостить и посетить святые места. У нас тут в лесах живет много магов и старцев-духовников, вот и приезжают паломники. Иногда просят остановиться в домике сторожа на том берегу озера.

– Изящно, – одобрила наследница. – Хочу поблагодарить вас за одежду. Мы подготовили список необходимого, после обеда Василина

передает его вам. И хочу заверить, что ваша преданность не останется без вознаграждения.

– Я это делаю не за вознаграждение, принцесса, – сухо сказал капитан, и старшая Рудлог очаровательно улыбнулась, пытаясь сгладить промах. Василине было очень странно видеть мимику Ангелины на чужом, непохожем лице. – Мой долг – служить вам, как и сказано в военной присяге.

– И это, безусловно, ваше достоинство, капитан, – снова улыбнулась принцесса. – Вы проведете с нами время после обеда?

Он покачал головой.

– Простите, ваше высочество, у меня есть насущные дела, которые невозможно отложить. Но мой дом в вашем распоряжении.

– А у вас есть библиотека? – спросила Алина.

– Да, рядом с кабинетом. Без стеснения берите любую книгу, принцесса.

– А лошади есть? – это Марина.

Он кивнул.

– Три, конюшня за домом. Вас проводить?

– Нет-нет, я сама, – Марина поднялась и пошла к выходу из столовой, а Пол с криком «Я с тобой» бросилась за ней. Ани поморщилась – Полли всегда была далека от этикета. Василина понимающе вздохнула – им всем требовалось занять себя чем-то, чтобы не сойти с ума от ожидания новостей и мыслей о матери.

И тут Каролина, эта святая простота, своим писклявым голосом спросила:

– Дядя Мариан, а почему вы такой волосатый?

Василина укоризненно взглянула на сестру, затем, наверное, первый раз за весь обед, посмотрела на капитана, не таясь. Его глаза смеялись, и он выглядел таким... таким расслабленным, уютным и мягким. И синие глаза эти были не льдом, а ясным и теплым солнечным небом.

– У меня в роду, давно-давно, были оборотни, – сказал Мариан серьезно, но так, будто рассказывал сказку. – Так давно, что оборачиваться я не могу. Остались бессонница при полной луне и волосатость. Мне повезло, что я не девушка.

Василина помимо воли фыркнула, барон перевел взгляд на нее и снова заледенел. Нет, это невыносимо.

– Я пойду посижу с отцом, – сказала она, вставая. – Ани, что будешь делать?

– Иди, – сестра махнула рукой, – я отдам должное еще этому прекрасному десерту, затем уложу Каришку спать и сменю тебя.

– Я не хочу-у-у спа-а-а-ать, – заныла Каролинка, а затем вдруг зарыдала, – хочу, чтобы мама меня уложи-и-ила-а-а, как все-е-егда-а-а-а!

– Мамы пока нет рядом, милая, – Василина подошла к Ангелине, взяла нелегкое тельце сестренки на руки. – Я сама уложу ее, Ани. Не переживай.

Пока Василина усыпляла младшую сестру, пришла Ангелина, тихонько прошла в комнату к отцу. Вторая принцесса уже успела заглянуть к нему – Святослав так же спал. И когда Каролинка с распухшими от слез глазами все-таки мирно засопела, перед Василиной остро встал вопрос, чем же заняться.

Сначала нужно было занести барону внушительный список необходимых, действительно крайне необходимых девушкам вещей. Белье дружным решением не вписали, решили потом лично шепнуть о нем экономке. «Не вписанными» оказались и предметы женской гигиены, и слава богам, потому что ей и так было неловко отдавать этот список. Одеть шестерых девиц – недешевое удовольствие, а поместье просто-таки кричало о том, что денег у хозяина немного.

Василина готовилась к очередной встрече с бароном, собираясь с духом, но все оказалось проще – его просто не было в кабинете. И принцесса, положив лист бумаги на стол, выскользнула из помещения.

Она, снедаемая тревогой, немного побродила по тихому холлу, зашла на кухню – попроситься помочь, но была отослана крупной краснолицей пожилой женщиной со словами: «Идите лучше молитесь, госпожа, без вас разберемся». Затем направилась в библиотеку, где привидением маячила Алина, уже успевшая прочесть добрую половину выбранного тома. Скорочтение далось ей бонусом к уму. Василина же читала медленно, любила магию слов, любила пробовать их на язык и ощущать их вкус.

Именно затем, чтобы отвлечься, она выбрала томик со стихами какого-то старого и неизвестного ей поэта с эмиратским именем Аль-Ашанабби, посидела в библиотеке, но было душно, и девушка решила прогуляться. Заглянула на конюшню, где Мари, вооружившись щеткой,

уже всю помогала старику-конюху, а Пол сидела на заборе и болтала ногами.

Василина направилась в сад. Шла с раскрытой книжкой по извилистым тропкам, между деревьями с согнутыми от тяжести поспевающих яблок ветвями и читала:

Кладу себя к твоим ногам – душой и телом твой,
Мой сон и явь – лишь ты одна, дышу одной тобой.

Герой, попав в твои силки, не может не страдать:

Любую кару я готов от этих рук принять.

Опутан прелестью твоей, молю о снисхожденьи

К рабу и глаз, и губ твоих, и этой гибкой шеи.

Она катала на языке волшебные строки, чувствовала их хмельной вкус, через сотни лет пронесенную страсть поэта. Чуть не врезалась лбом в огромную, просто гигантскую яблоню, ветви которой ломались от плодов и склонялись до земли. А сама яблоня была шире ее, Василины, и, что интересно, от основного ствола где-то на уровне бедер девушки под прямым углом отходил второй, поменьше, и затем стремился ввысь, образуя что-то вроде скамеечки. Туда, меж двух стволов, в тень, она и присела, слушая шепот листвы и зачитываясь эмиратской поэзией.

И сидела долго, пока в ее очарованное сознание не ворвался какой-то ритмичный стук. Тук. Тук. Тук. Будто кто-то неподалеку ронял камни на брусчатку.

Василина еще немного посидела и пошла на звук. Любопытно же.

В голове все еще звучали обрывки волнующих строк, когда она, прошагав несколько метров, вынырнула на поляну. С одной ее стороны стояло сооружение, больше всего напоминавшее сарай без стен, но с крышей, заполненное... дровами? А с другой вполборота к Василине барон Мариан Байдек ритмично махал тяжелым топором и рубил дрова.

Она быстро шагнула назад, под ветви дерева, вжалась в ствол. Еще подумает, что она за ним следит, а принцесса, наоборот, решила свести контакты к минимуму. Раз уж она на него действует как северный морозный ветер. И вот тебе сюрприз.

Интересно, зачем он это делает? Что-то вроде физподготовки на свежем воздухе? Вместо тренажеров, такой деревенский фитнес, чтобы потом с легкостью рубить нечисть и прочую дрянь?

Барон был обнажен до пояса, и на блестящей от пота спине его, когда он поднимал и опускал топор, перекачивались мышцы. Мощные руки держали огромный инструмент так, будто он был невесомым.

Мариан ставил толстое полено на колоду, размахивался и в один удар расправлялся с ним. Откидывал ногой полученные дрова... и снова огромное полено, и свист топора, и ритмичный стук, и шумный выдох, и вновь и вновь поднимающийся и опускающийся торс, и сильные руки, и волчья татуировка на плече, и перекачивающиеся мышцы, и волосы, прилипшие к затылку, и... шрам от укуса хоботочника точно на том месте, где Василина его видела в последний раз.

И опять склоняется и поднимается, жестко и точно рубит топором, и снова завораживающий ритм, и выносливый крупный мужчина, способный так двигаться целую вечность, и его напряженное дыхание, и вся его фигура, такая мужская и совершенная, что во рту становится сухо, а грудь под грубым платьем оказывается слишком чувствительной, отзываясь на каждое его движение.

Василина сглотнула, поспешно отвернулась и чуть ли не бегом направилась обратно. Она была уже большой девочкой. И прекрасно, в отличие от себя шестнадцатилетней, понимала, почему капитан Байдек так ее волнует. И испытывала страшное чувство вины, потому что там, за тысячу километров, переворот, и убитые люди, и мама, и неизвестно, что с ней. А здесь, на втором этаже дома, раненый отец и ни о чем не подозревающие сестры. Но ладони все равно влажные, сердце гонит горячую кровь по отяжелевшему телу. А в ушах, словно издеваясь, стоит ритмичный стук, и свист топора, и шумное дыхание работающего мужчины.

Наутро второго дня очнулся принц-консорт, и Симон осмотрел его, предупредив сестер, что раненому из-за большой потери крови прописаны постельный режим и покой. Барон уже уехал, и они сначала долго объясняли изумленному вторжением незнакомых девиц Святославу, кто они такие и что случилось после того, как он потерял сознание. Принц-консорт при известии о том, что они попали в поместье к барону Байдеку, покачал головой и пробормотал что-то вроде «Никогда бы не подумал». Он, не дрогнув, выслушал рассказ о последних минутах, когда девочки видели мать, и потом долго лежал, уставившись в потолок и глядя ластящуюся Каролину по голове.

– Будем надеяться, что Байдек привезет хорошие новости, – наконец произнес он хрипло.

– Отец, – позвала Ангелина, отвлекая Святослава от невеселых мыслей. Все они называли его отцом, хотя родители у девочек были разные. – Может, вы сможете объяснить принцип действия этого переноса? Что это за амулет?

– Твоя мать говорила, что это фамильный защитный амулет, он достался ей от отца с наказом постоянно носить. Но чтобы он менял внешность, я не знал... – Святослав покачал головой. – И такой гигантский территориальный перенос, не все телепорты с таким справляются, а здесь никакого силового поля не было, никаких кристаллов. Просто камень с острой кромкой, вплавленный в серебро. Ирина все ругалась, что царапается, но практически не снимала его.

– Жаль, сплошные загадки, – разочарованно проговорила первая принцесса. – Я бы хотела понять, как мы сюда попали. И долго ли я буду выглядеть, как доярка.

– У тебя вполне приятная внешность, Ани, – попыталась ободрить сестру Василина, но наследница только рукой махнула, показывая, что не надо ее утешать, все равно не получится.

День прошел в тревожном ожидании, девочки ходили притихшие и с мокрыми глазами – не выдерживали нервы. И не спасали ни ворох вещей, купленный и привезенный Матильдой, ни библиотека, ни конюшня, ни прогулки по саду. В результате Василина напросилась-таки в помощь на кухню. Иначе от безделья и ожидания она просто сошла бы с ума. Благо повариха была дамой словоохотливой и больше говорила, чем спрашивала. Оставалось агакать, угукать и кивать головой.

Там она узнала, что отец Мариана погиб год назад, что его мать живет под Лесовиной со своей сестрой – старой девой, что барона неделями не бывает дома, а гости здесь редки, как дождь в пустыне.

Тамара Дмитриевна еще рассказала, что поместье крепкое как камень и наверняка простоит много сотен лет, а вот косметический ремонт необходим, и в редкие приезды капитан сам лично им и занимается.

– Лучше бы жену завел, – ворчала повариха, ничуть не стесняясь постороннего человека, – а то либо работа, либо с утра до вечера крышу перекрывает или по стенам шпателем шаркает. А потом снова

на службу. А что там на службе? Солдатня одна, нежить да дикие звери. Конечно, может, и есть у него там баба какая, мужик ведь в самом соку, без бабы не может, но сюда он ее не кажет. Так и живет бирюк бирюком.

Василина вежливо улыбалась. Конечно, он не блюдет целибат, это невозможно. Но как же хочется запустить очищенной луковицей прямо в добродушное лицо Тамары Дмитриевны!

подавив недостойный королевской дочери порыв, она с яростью бросилась кромсать картошку к супу.

А за домом, у конюшни, Алина с Полиной ставили эксперимент. Возможно, это и не пришло бы им в голову, но бездействие и ожидание для их натур – одной исследовательской и второй деятельной – тоже было невыносимым.

– Ты точно помнишь, как выглядишь? – спрашивала Алина, по пунктам отмечая на листочке тетради необходимую последовательность действий.

– Я уже сказала, да! – раздраженно отзывалась Пол, которой эта медлительная въедливость была словно нож острый.

– Ты помнишь, как перекидываться обратно?

– Найти в районе солнечного сплетения якорь полиформы и рассеять его, – отгитараторила Полли, уже подпрыгивая на месте.

– Ну тогда давай. Три, два, один... начинай!

Пол зажмурилась, старательно представляя себя до переноса и пытаясь вспомнить ощущения, которые она испытала, перекинувшись в лошадку. Тогда кружилась голова и перед глазами плясали разноцветные пятна. Сейчас ничего не произошло.

– Ну как? – спросила она, открыв один глаз.

– Попытка номер четырнадцать провалена, – отчиталась Алинка. – Давай сделаем контрольное. Попытайся снова в лошадь.

– А если я обратно не смогу? – занервничала Пол. – Тогда старик Алмаз был рядом.

– Струсила? – ехидно спросила Алина, глядя на сестру из-под очков. О да, она хорошо умела манипулировать. Тем более Полей – ее слабые места были на виду.

– Вот еще, – оскорбленно фыркнула четвертая принцесса. – Давай.

Она снова закрыла глаза и представила себе своего жеребчика, Минтая. Земля ушла из-под ног, в глазах заплясали пятна, а по ощущениям она будто упала в гору пуха.

Пол открыла глаза. Алинка стояла высоко и сосредоточенно что-то записывала.

– Значит, запрет только на нашу изначальную форму. Интересно-о-о. Чем же он снимается? Ай! Не кусайся!

Цапнувшая сестру за ногу четвероногая Полли совершенно неприлично заржала, задрал хвост трубой.

– Давай обратно. Теперь я попробую.

Оборот прошел легко, и пришел черед Полины ехидничать и подкалывать – у Алинки не получалось, пока она не додумалась подойти к мирно стоящим в стойлах лошадам, положить на одну из них руку и попытаться «считать» ее.

– А давай попробуем во что-нибудь неодушевленное, в яблоню например, – говорила возбужденная Алина, записывая ощущения во время оборота в тетрадь.

– Нет уж, в дерево превращайся сама, – пошла в отказную Поля.

– Хорошо, – смиренно согласилась великая исследовательница. – Но если обратно не получится, проследи, чтобы меня подкармливали и не жрали с меня яблоки. Это уже будет каннибализм.

Все получилось. Так они развлекались до вечера, стараясь не думать о новостях, которые должен привезти барон.

Марина чистила стойло со стариком-конюхом и помогала ему обихаживать лошадей, иногда прислушиваясь к едва различимым голосам сестер за конюшней. Они со старичком удивительно сработались на почве любви к лошадям и понимали друг друга с полувзгляда. Принцесса тихонько молилась всем богам, чтобы мама оказалась жива, и глаза у нее постоянно были на мокром месте. Старый Мика деликатно молчал.

Ангелина весь день занимала Каролинку и ухаживала за отцом, и времени на мрачные мысли было немного. Но спазмы нет-нет да сжимали грудь, перехватывая дыхание. И в отличие от сестер, она знала, что надежды нет. Знала со всей очевидностью, потому что ночью ей приснилась мама в церемониальной погребальной одежде. Она гладила ее по голове и шептала: «Прячьтесь так долго, как возможно, родные».

До вечера все извелись и были совершенно опустошены и известие о возвращении барона восприняли с облегчением. Все лучше неизвестности и ожидания.

Капитан, прямо в военной форме, ждал их в кабинете. Спустились все, даже слабый Святослав, которому дочери помогли преодолеть лестницу. Зайдя в помещение, Василина кинула быстрый взгляд на Байдека. Тот выглядел измотанным, и неудивительно – преодолеть на машине более двухсот километров утром туда и вечером обратно.

Перед Марианом лежала толстая пачка газет.

– Мне очень жаль, – произнес он, и они всё поняли. Василина обняла судорожно всхлипнувшую Маринку, стоявшую рядом с ней. – Ее величество убита. Погромщики подожгли дворец и хозяйственные пристройки, часть замка выгорела. Также сгорели конюшни. Вместе с лошадьми.

Марина обмякла и без чувств повалилась на Василину. Остальные не плакали, сидели и смотрели на этого человека как на гонца, принесшего плохие вести, будто в надежде, что он сейчас скажет, что пошутил или что информация непроверенная.

– Мама? – тоненьким голосом произнесла Каролина и завывала, цепляясь за отца, пытаясь залезть на него как мартышка. И будто по сигналу всхлипнула и заплакала крупными злыми слезами Пол, за ней зарыдала Алина, и вторая принцесса тоже почувствовала, что по ее щекам катятся горячие капли.

Не плакала только Ангелина. Она с силой сжала подлокотники кресла и ровно спросила:

– Какая обстановка в столице? Кто у власти?

– Заговорщики, – отозвался барон. – Их поддерживают несколько армейских частей. Они ищут вас. Сегодня в Лесовине были пойманы сыскари, расспрашивающие людей о семье из шести девушек и одного мужчины. Их допросили и выслали. Генералы Севера объявили военную автономию до тех пор, пока убийство ее величества не будет расследовано и на трон не вернется кровь Рудлогов. Они готовы встать под ваши знамена, ваше высочество, если вас найдут, и идти на столицу, разговоры только об этом идут. Я, естественно, не выдал вашу тайну.

Ангелина горько покачала головой.

– Под чьи знамена, барон? Посмотрите на нас. Меня примут за самозванку и будут правы. Я понятия не имею, как вернуть себе свое лицо. Девочки, – она кивнула на рыдающих в обнимку Полинку с Алиной, – девочки сегодня пытались вернуться в свои тела, ничего не вышло. Я тоже понятия не имею, как это сделать. Да и куда нам идти? Сама я бы рискнула, попросила бы подтвердить то, что я – это я, у магов, которые умеют видеть ауру, но у меня пять младших сестер. Их жизнь мне важнее трона. Если убили маму, то нас, ничего толком не умеющих, убьют еще скорее. Нам нужно скрыться там, где нас не найдут. Верно я говорю, отец?

Святослав Федорович немного помедлил с ответом.

– Я поддерживаю тебя, – сказал он, глядя по спинке рыдающую Каролинку. – Ваша безопасность важнее.

Поздней ночью, когда измученные ожиданием и новостью принцессы уснули, никто уже не слышал, как страшно, сдавленно, кусая подушку, плакал-рычал от невыносимого горя принц-консорт Святослав.

Следующие дни прошли под знаком отчаяния, злости и страха. Девушки ознакомились с газетами, которые продолжал привозить капитан Байдек. Ни одно из центральных СМИ не посмело выступить в защиту королевской семьи. Самые смелые просто напечатали сухой фактический отчет о расстреле митинга, погроме дворца, смерти королевы и пропаже принцесс. Самые экзальтированные пестрели заголовками вроде «Кровавая ведьма получила по заслугам», «Монархия запятнала себя кровью и была уничтожена богами» и «Здравствуй, новый, свободный Рудлог!» Повсеместно были размещены материалы о поиске принцесс для участия в суде, дабы определить степень вины за злодеяния матери, и все это – за огромное вознаграждение. Были даже прозрачные намеки, что ведьмино семя нужно найти и выжечь, дабы уберечь страну от потрясений и мести в будущем. И все острее приходило понимание того, что решение спрятаться и затаиться было самым правильным.

Капитан, возвращаясь после службы, каждый день привозил не только прессу, но и новости. Так они узнали, что на границе Севера ставят блокпосты и копают укрепрайоны, потому что в столице достаточно воинственно восприняли верность северян короне. Узнали и о похоронах матери, информация о которых была передана лично

оставшимися в Иоаннесбурге верными людьми, поддерживающими контакт с сослуживцами. Узнали, что увольняются офицеры, что Его Священство хранитель Центрального Храма Всех Богов отказался дать благословение премьеру Северяну. Много было информации, и страшной, и обнадеживающей. Только вот маму было уже не вернуть.

Марина больше не подходила к лошадям, игнорируя укоризненные взгляды старика Мики. Ему взялась помогать Пол, чтобы сгладить неловкость от поведения сестры. Алина находила утешение в библиотеке, Ангелина целыми днями занималась с младшенькой – Каролишка постоянно цеплялась то за нее, то за отца, закатывая истерики, если существовала опасность остаться одной.

Принц-консорт теперь был опорой и утешителем в одном лице – то одна, то другая дочь приходили со своими страхами и сомнениями, или просто помолчать вместе, или попросить рассказать еще что-нибудь о маме, какие-нибудь истории из ее жизни, неизвестные принцессам. Заканчивалось это обычно слезоразливом, но и служило своеобразной терапией, будто мать все еще была с ними.

Больше всего Святослава беспокоила Марина. Она замкнулась в себе, много бродила одна, к нему или к сестрам пожаловаться и поплакать не подходила, на попытки поговорить или приласкать огрызалась или даже откровенно хамила. Девушка не выплескивала горе и боль наружу, а прятала глубоко внутри. Он стал подмечать злые огоньки у нее в глазах, когда сестры разговаривали о каких-то отвлеченных вещах или, забывшись, шутили, и сжатые губы, будто она сдерживалась, чтобы не наброситься на них с обвинениями в бесчувственности и равнодушии к смерти мамы.

А Василина прочно поселилась на кухне, слушала Тамару Дмитриевну, плакала – всегда можно было сказать, что очень уж острый лук попался, – подменяла Ангелину при младшей сестренке... и скучала. Капитан приезжал поздно вечером, уезжал рано утром, хотя раньше, как поведала повариха, всегда оставался на неделю в части. Видимо, он не хотел, чтобы они чувствовали себя брошенными. И принцессы были очень благодарны ему – без новостей было бы совсем тоскливо.

Так прошло пять дней. А рано утром в субботу вторая принцесса проснулась от какого-то шума под террасой. Полежала немного,

подумала, но любопытство опять оказалось сильнее. И она, запахнув старенький «матушкин» черный халат, вышла на террасу.

Барон носил воду в здоровенных ведрах от глубокого колодца куда-то за угол дома. Как помнила Василина, там была наружная сетчатая лестница, ведущая на чердак. Странное развлечение.

– Какой невероятный экземпляр мужчины, – тихо сказала подошедшая сзади Ангелина. Она тоже проснулась от скрипа колодезного вóрота и стука ведер и вышла за сестрой, оставив на постели крепко спящую Каролинку. – Жалко, что такой сухарь.

Они ушли обратно в кровать, еще повалялись, оделись, помылись, застелили постель, а он все носил и носил эти ведра, и долго скрипел колодезный ворот.

Было очень рано, и Василина, спустившись на кухню помочь Тамаре Дмитриевне с завтраком, осторожно спросила, зачем и куда барон Байдек носит воду.

– Так насос сломался водяной, уж с месяц как, – охотно ответила повариха, посадив принцессу взбивать яйца к омлету. – Скважины только на первый этаж хватает, дальше баки для второго насос накачивал, а теперь ему самому приходится. Вот он и таскает на чердак, там баки по пятьсот литров, чтобы вам было чем мыться.

Принцесса все еще не понимала.

– А почему он не купит новый насос или не наймет кого-нибудь?

Тамара Дмитриевна посмотрела на нее как на блаженную.

– Так на что купить-то? Почитай, мы все на его жалованье одно живем, арендной платы от фермеров немного, вот недавно крышу перестелили. Он и дрова на зиму колет сам, и сено для лошадей косит. Жену бы ему работящую, – снова вздохнула она на любимую тему.

У Василины запылали щеки, и она вспомнила, как только сегодня утром минут двадцать стояла под душем, наслаждаясь горячими струями. Это, получается, она ту воду выливала, что он таскал? Но почему же он не предупредил, что нужно бережно к расходу воды относиться?

Перед завтраком принцесса спешно поднялась наверх, рассказала девочкам услышанное. Все невольно покосились на огромный шкаф, где еще лежали неразобранными пакеты с заказами по списку. Часть вещей, казавшихся «действительно необходимыми», оказалась не востребовавшей. А ведь весь этот банкет был за счет барона.

– Понятно, – проговорила Ангелина, снимая с шеи золотую цепочку с кулоном, усыпанным драгоценными камнями. Он был на ней в утро переворота. – Так, девочки. Во-первых, воду использовать экономно, мыться быстро. Во-вторых, сдавайте драгоценности. Васюша, ты у нас опыт переговоров имеешь с нашим сухарем, вручишь барону, только деликатно.

Девочки не спорили, быстро сняли и сдали – кто сережки, кто цепочки, кто колечки. Спорили даже серебряные бантики с туфель Ангелины и золотые запонки с платья-рубашки Полли. В результате получилась блестящая груда размером с детский кулачок, которую Василина завернула в носовой платок. Но по стоимости на это могла, не голодая, год существовать небольшая семья. На насос точно хватит, хоть на десять насосов.

– погоди, – остановила ее старшая принцесса, когда они уже направились к двери. Ангелина скручивала с пальца врезавшееся кольцо. – Вот это еще положи.

Василина взяла украшение.

– Ани, это же наше фамильное обручальное. Ты что, зачем?

Принцесса кивнула.

– Бери-бери, оно дорогое, а замуж нам пока не светит. И долго светить не будет. Зато хоть нашему самоотверженному хозяину полегче станет.

Довольные своей идеей, они спустились в столовую, где их уже ждали барон и отец. Поздоровались, сели завтракать. И когда допили чай, Ангелина обратилась к молчаливому Байдеку:

– Барон, у нас есть к вам просьба.

– Слушаю вас, – откликнулся тот, поднимая глаза на наследницу.

– Василина, – позвала старшая принцесса. Святослав Федорович нахмурился, не понимая, что происходит.

– Д-да, – Василина достала с колен платок с драгоценностями, протянула его Мариану. Тот взял, развернул, непонимающе уставился на переливающийся металл и камни. – Мы просим вас взять это в благодарность за доброту и гостеприимство. – Девушки закивали, а принцесса, осмелев, продолжила: – Неизвестно, насколько затянется наше пребывание здесь, а мы не хотели бы быть обузой для вас...

Она осеклась. Барон поднял голову и обвел притихших девушек потемневшим взглядом. Он на глазах наливался тяжелым гневом,

очень ощутимым в повисшей вдруг тишине, и она ясно видела, как сжимает он зубы, как играют желваки на щеках, как каменеет лицо. Святослав Федорович неодобрительно качал головой, Ангелина сидела с благожелательной, будто приклеенной улыбкой, пытаясь понять, где и что они сделали не так. Девочки опустили глаза к тарелкам, и только Василина в упор широко раскрытыми глазами смотрела на капитана Байдека в ярости, и по ее позвоночнику бежали холодные мурашки.

– Мне очень жаль, ваши высочества, – наконец заговорил он, чеканя слова, обращаясь ко всем, но глядя прямо на Василину, и, кроме ярости, в глазах его была совершенно черная тоска, – что я не имею возможности обеспечить вам достойные вас условия. Однако принять этот щедрый дар я не могу. Спасибо за вашу доброту и прошу меня извинить.

И он встал, холодный, разъяренный, и вышел из столовой.

Все потрясенно молчали.

– Надо, наверное, извиниться перед ним, – Ангелина наконец-то сбросила ужасную улыбку. – Только я не пойму, из-за чего он взбеленился.

– Эх, дети, – Святослав встал из-за стола, потрепал Каролину по голове. – Капитан Байдек без раздумий и колебаний предоставил нам свой дом, дал свою защиту и свою заботу, разделил хлеб и кров, и все это от души, по зову его честного сердца. А вы оскорбили его, назначив за это цену и просто предположив, что он может взять у вас, потерявших все, ваши последние драгоценности. Вы – его гости, а законы гостеприимства – дело чести. А для мужчины, тем более такого, как капитан, тем более на Севере, где мужчины отвечают за своих женщин, где гостям отдается все и еще сверх того, ваш поступок крайне оскорбителен. Вы фактически сделали из него мародера, наживающегося на вашем горе и безвыходном положении. Опустили его радушие до уровня расчетливости, как будто он это делает в надежде на вашу материальную благодарность.

– Но мы совсем другого хотели, отец! – воскликнула красная, смущенная Ангелина.

– То, что вы дурного не хотели, понятно. А вы постарайтесь понять, как это выглядит с его стороны. Барон беден, но горд. Он всеми силами пытается создать вам максимальный комфорт. А вы вместо этого словно высмеяли его старания, показали, будто несмотря

на то что он отдает вам всего себя, вам этого мало, и вы милостиво решили его подкормить.

– Надо пойти извиниться, – Василина будто услышала себя со стороны.

– Не надо, не ставьте его в еще более неловкое положение, доченьки. Я сам поговорю с ним.

Принц-консорт вышел, и в столовой стало очень тихо.

– Ну, девочки, – Ангелина снова вымученно улыбнулась, – как будем исправлять ситуацию?

Василина все-таки набралась храбрости и подошла к нему, когда Мариан подвязывал яблони в саду. Постояла сзади, понаблюдала, и он, видимо, почувствовал ее присутствие, потому что спина его напряглась.

– Мариан... Барон Байдек, – произнесла она твердым голосом, но получилось как-то жалко и по-детски, – простите нас, пожалуйста. Мы не хотели обидеть вас.

Капитан повернулся, внимательно посмотрел на нее.

– Все в порядке, принцесса. Это я должен извиниться. Я повел себя непростительно.

Но глаза у него оставались холодными, и она спешно заговорила, боясь, что он сейчас отвернется, и ей опять придется уйти, чтобы сохранить гордость.

– Неправда! Неправда, – уже тише добавила Василина. – Вы ведете себя безукоризненно. Вы столько делаете для нас, сколько никто и никогда еще не делал. Вы один стали для нас хранителем и спасителем, а мы... мы повели себя как глупые девчонки. Окажись мы в другом месте, у другого человека, и нас могли бы уже убить или выдать убийцам. Ваша верность делает вам честь, капитан. Вы изменили свою жизнь ради нас.

Мариан снова смотрел на нее, и взгляд этот совершенно точно был не ледяным.

– Делало бы честь, если бы я совершал что-то необычное, – наконец сказал он глухо. – Служить вам и есть моя жизнь... моя госпожа.

Часть 4. Глава 3

Вторая половина сентября, Иоаннесбург

Люк Кембритч

За всю свою жизнь Люк никогда серьезно не болел. Были переломы, ушибы, сотрясения, ожоги, порезы – короче, полный набор, который собирает к двенадцати годам почти каждый мальчишка вне зависимости от его происхождения. Но банальные простуды и вирусы большей частью обходили виконта стороной.

Но в этот воистину знаменательный первый раз вирусы, видимо, решили отомстить ему за долгое уклонение и вдарили по полной. С температурой сорок сильно не побегаешь, особенно если ломит все тело, голова кружится, а сигаретный дым не имеет вкуса. И как же отвратительно валяться в постели, пялиться в телевизор с больной головой и быть совершенно беспомощным! Люк бы сбежал на работу, невзирая на болезнь и тем более на возможность заразить сослуживцев, но организм, словно подозревая, что хозяина обычным набором не возьмешь, удумал укладывать его в предобморочное состояние еще до того, как тот доходил до двери дома.

Безобразие прекратил семейный врач, доходчиво объяснивший «неугомонному мальчишке», что чем больше он дергается, тем дольше продлится болезнь, а если будет смирно лежать и не выплескивать разведенные порошки, а пить их, то на ноги встанет дней через пять. А если нет – заработает себе осложнения. «Неугомонного мальчишку» Люк врачу простил – все-таки дядьке было уже сильно за шестьдесят. И, скрипнув зубами, перестал бегать. Смирно лежал в постели, маялся от жара и бесился от собственной беспомощности.

Приглашенный виталист развел руками и сказал, что болезнь уже запущена и что, скорее всего, первые симптомы пациент перенес на ногах, так что теперь проще подождать выздоровления, чем тратить огромный магический резерв на выжигание заразы без гарантии, что в ослабевший, но не получивший иммунитета организм не залетит еще какая-нибудь бацилла. Этот план тоже провалился, и Люку ничего не оставалось, как ждать отступления болезни.

Через пять дней он действительно встал на ноги, ослабевший, но злой на задержку расследования до безумия. И вот в этом веселом состоянии виконту пришлось встречать отца. Папенька и так планировал зайти еще неделю назад, поэтому дальше тянуть Люк не стал.

Старший лорд Кембритч был мужчиной холеным, высоким, с благородной сединой на висках. Этаким вызывающий всеобщее доверие политик и дипломат. Он был коренным рудложцем, потомком объединения в далеком прошлом двух семей, инляндской и рудложской; матерью его тоже была инляндка, которая по существующей традиции могла пожелать и пожелала, чтобы второму сыну дали инляндское имя. Старший брат умер, не оставив наследников, и титул перешел к лорду Джону. Он мог часами разглагольствовать о политике, заложив правую руку за отворот пиджака, но Люк помнил другое. Многочасовые нотации о том, как должен вести себя настоящий аристократ, в редкие приезды отца в Инляндию, его уничижительные реплики в адрес матери, которая была слишком неконфликтна, чтобы настоять на своем. Его постоянный шантаж: супруги – тем, что он заберет себе детей, Люка – тем, что увезет его от матери. Удовольствие от доминирования в мелочах – кресло должно стоять там, где он его поставил, даже если оно всем мешает, дети должны носить одежду только определенных цветов, а жена – не подавать голос, пока ее не спросят. О нет, он не бил ее – для этого старший Кембритч был слишком хорошо воспитан. Он просто любил уничтожать супругу словами, без ругани. И хорошо, что леди Шарлотта обладала завидной стойкостью и чувством юмора, без которых выдержать такое давление было бы невозможно.

Отца Люк ненавидел.

Поэтому, когда граф Джон Кембритч вошел в кабинет, Люк нагло дымил уже третьей сигаретой, зная, что сигаретный дым тот не переносит. На столе стояла бутылка коньяка, уже ополовиненная, закуска, неряшливо сваливающаяся с тарелки. И вообще бардак был такой, будто тут сутки гуляла рота солдат. Надо потом извиниться перед экономкой, кстати.

Да и сам Люк вполне вписывался в концепцию кабинета богатого бездельника – небритый, исхудавший после болезни, со стойким

запахом алкоголя (пришлось прополоскать рот коньяком) и вселенской скукой во взгляде.

– Оу, папа, – он приподнялся поприветствовать почтенного родителя, но покачнулся и свалился обратно в кресло. – А что, уже вечер?

Лорд Кембритч-старший брезгливо сощурился, подошел к окну, распахнул его и затем только повернулся к сыну.

– Я же сказал, что ты должен быть трезвым! – зазвенел он хорошо поставленным голосом публичного политика. – Дело, которое я собираюсь с тобой обсудить, требует ясного ума!

– Я трезв как стеклышко, – с предельной честностью сознался Люк и, глупо улыбнувшись, отсалютовал отцу бокалом. – Говори, я весь внимание.

Лорд-старший скрипнул зубами, но, видимо, дело и правда было архиважным, потому что он не ушел, хлопнув дверью, а с достоинством уселся в кресло с мягкой витой спинкой, стоявшее перед столом Люка.

– Сын, – торжественно начал папаша, – в нашей жизни рано или поздно приходит время, когда мы должны принимать важные решения, способные изменить все. Менее сильные люди могут побояться ответственности, но ты – Кембритч, а значит, понимаешь, что такое долг, смелость и достоинство.

«Эк папенька соловьем разливается, – с нехорошим предчувствием подумал Люк, – и угораздило же дать обещание принять его предложение...»

– И ты должен понимать, какая ответственность на тебе лежит. Ты старший сын, наследник Кембритчей. В тебе течет кровь, по древности не уступающая монаршей, и ты должен быть достоин своих предков, преумножая наше семейное благосостояние и повышая статус.

Нехорошее предчувствие превратилось в аварийный ор чувства самосохранения, и Кембритч-младший уже совершенно искренне отхлебнул из бокала. Он очень надеялся, что вся эта словесная прелюдия предназначена только для того, чтобы затащить его в парламент.

А граф продолжал разглагольствовать:

– К сожалению, я не смог улучшить нашу кровь, женившись на твоей матери. Ведь род Кембритчей по древности не уступает

Дармонширам.

«Зато ты получил ее деньги и связи, старый козел».

– Но у тебя есть уникальная возможность вписать Кембритчей в элиту страны навсегда, – с пафосом заявил лорд Джон. – Тогда все забудут про твой образ жизни и, – лорд высокомерно оглядел сына, – моральный облик, а твоя семья получит не только почет и уважение, но и огромный политический вес.

«Да не томи же ты уже, договаривай».

– Конечно, – произнес Люк, звучно отхлебывая из бокала, – что нужно сделать? Я мигом!

– Вот и отлично, – с облегчением произнес почтенный руководитель парламентской партии, вытирая лоб вышитым платком с монограммой «ДК». – Тогда, как только найдут наследницу дома Рудлог, ты женишься на ней.

Люк хорошо умел держать удар, но в тот момент не мог не уловить издевательскую иронию судьбы. Майло обхохочется. Виду не покажет, конечно, но обхохочется.

– Я, конечно, польщен, папа, – сказал виконт почти нормальным тоном, – но не мог бы ты объяснить поподробнее?

Кембритч-старший удовлетворенно блеснул глазами. Видимо, решил, что Люк протрезвел от шока.

– Нам запретили рассказывать об этом, но, раз ты будущий принц-консорт, мне дали особое разрешение. Сейчас спецслужбы, – он почти благоговейно прошептал это слово, показывая, что допущен к закрытой информации, – активно ищут принцессу Ангелину, чтобы возвести ее на трон. Партии все договорились, что ради целостности страны мы не будем этому препятствовать. Просто так эта девчонка никому бы не сдалась, но она, по словам магов, может остановить аномальную сейсмоактивность в стране. И сила ее гарантированно возрастет только при условии вступления в брак – не фиктивный, запомни! – с наследником древнего рода, подходящего возраста и не связанного близкими родственными узами с домом Рудлог. И вот – ты подходишь по всем параметрам!

– Чему я бесконечно рад, – язвительно произнес Люк. – Всегда мечтал быть фоном для блистательной королевы и часами торчать на приемах. Ладно хоть старшая Рудлог, судя по портретам, ослепительно красива, хоть в этом повезло.

Но делегат Высокого Совета Джон Кембритч словно не слышал его тона, он как-то равнодушно-благосклонно кивнул и продолжил вещать:

– Тебе ничего больше делать и не придется. Ты даже можешь продолжать пить и играть, но не в своих плебейских клубах, а во дворце, с первыми лицами королевства! Главное – сделай жене наследника, а мне внука, чтобы укрепить наши позиции. Будем надеяться, что она невинна и ты не напортачишь с обрядом. А об остальном позаботится наша партия и я лично. Наберем большинство, поставим своего премьер-министра...

Люк неприлично расхохотался.

– Отец, ты что, метишь на место премьера Минкена?

– Минкен – консерватор и тупица, – процедил Джон Кембритч, – и не видит перспектив. Он хочет полностью восстановить монархию! А как будет принимать решения девчонка, которая уже семь лет где-то в бегах? Мы считаем, что нужно оставить королеве представительские функции, а полноту власти отдать премьеру и парламенту.

Кембритч-младший снова расхохотался, теперь про себя. Ситуация начинала становиться донельзя абсурдной. Интересно, какотреагирует Минкен на известие о том, что, дав сигнал к поиску пропавших принцесс Рудлог, он тем самым усилил позиции оппозиционной партии? И, скорее всего, потеряет премьерское кресло? Да и сам поиск принцесс для Люка теперь приобрел немного пикантный оттенок: с одной стороны, азарт от раскрытия сложного дела, с другой – покачивающееся над шеей брачное ярмо. И все, что можно сделать, – это попытаться немного отыграть ситуацию в свою пользу.

– Я все понял, отец. Но что в этой ситуации получаю я?

И с удовлетворением увидел, как настороженно блеснули глаза Кембритча-старшего.

– Я же сказал, – с раздражением начал перечислять он, – ты поднимешь семью наверх, дашь нам власть и вес, сможешь влиять на королеву...

– Не-е-ет, – довольно протянул Люк. – Это нужно тебе. Мне слава, почет и место семьи в иерархии местной аристократии абсолютно безразличны. Вот и получается, что все в плюсе, кроме меня. Ты получаешь кресло премьера, принцесса – трон, страна – стабильность

и безопасность. А я остаюсь в минусе. Или ты считаешь, что я буду в восторге от почетного статуса принца-консорта, осеменителя королевы? Да на хрен он мне сдался! Все время держать лицо, никакой свободы, ни в клуб, ни в бордель, ни на пьянку...

Старший лорд презрительно поморщился, побарабанил пальцами сложенных «домиком» рук по животу:

– И чего ты хочешь?

– Вот, это другой разговор, папочка, – гадко улыбнулся Люк. Он быстро соображал, что включить в список. – Ты в течение двух дней подпишешь документы на развод с матерью. Оставишь в полное владение ее родовой замок и вернешь ей деньги. И больше никогда не будешь настаивать на встрече с ней. Самому не звонить, не встречаться, а лучше пропасть из ее жизни.

Наступила пауза. Лорд Джон, прекрасно зная отношение сына и не удивившись его требованию, размышлял, а Люк допивал коньяк. Не самый лучший, кстати. Или это у него от новости испоганилось восприятие?

– А если я не соглашусь?

– Будете искать другого осеменителя, папенька. Мне ваши политические игры неинтересны, и собственный образ жизни меня устраивает. Так что для согласия мне нужна очень весомая причина.

Виконт, конечно, блефовал, и хорошо, что отец не знал – выбора у Люка нет.

– Ладно, – нервно сказал Кембридж-старший, поднимаясь. – Через два дня у тебя будут все документы. А ты согласишься мне согласие вступить в брак с наследницей, чтобы я мог предъявить его членам партии.

– А вы не подумали, что она уже давно может быть замужем, с выводком прелестных детишек? – ехидно поинтересовался Люк, наблюдая за переживающим свой проигрыш отцом. Но тот только рукой махнул:

– Покойная королева ухитрилась произвести на свет шесть дочерей. Хоть одна незамужняя для тебя найдется. Но все мы надеемся, что это будет Ангелина, самая сильная кровь. И, Люк, – он с нескрываемым отвращением оглядел сына, – перестань уже пить, наконец. И вымойся, от тебя несет, как от бочки с сивухой.

– И я был рад тебя видеть, папочка, – Кембритч-младший отсалютовал бокалом закрывающейся двери.

После ухода отца он заехал в Зеленое крыло и подробно рассказал начальнику о состоявшемся разговоре. Майло Тандаджи хмыкал, и непонятно – сочувственно или ехидно.

– Теперь в Лесовину? – спросил подполковник, получив подробный отчет об идущем расследовании.

– Угу, – печально отозвался Кембритч, в ушах которого издевательски звучали звуки свадебных песнопений. – Послезавтра встреча с Байдеком, потом буду искать старого королевского мага. Пойдем принцип действия королевского амулета – найдем... мою будущую супругу.

– Не расстраивайся, – с непроницаемым лицом сказал Люку на прощание Тандаджи. – Брак – это дело такое. Больно только первые десять лет. Зато получишь иммунитет к пыткам.

Марина

Хриплый шепот обволакивал меня, заставляя ерзать под теплым одеялом и сжимать коленки.

– Мар-ри-ина... Мар-риш-шка... Пр-р-ро-о-ос-с-сни-и-и-ись...

Во сне огромный коварный змей с горячей шелковой чуть шершавой шкурой обвивался вокруг моего обнаженного тела, терся о мою кожу, что-то шипел и рычал мне в ухо, и это заводило меня до неприличия.

– Пр-рос-с-сыпайс-с-с-ся... де-е-етк-а-а-а...

Сон как рукой сняло, я подскочила на койке. В моей палатке, у моего спального места, сидел лорд Люк Кембритч и, похоже, улыбался. В темноте разобрать было сложно.

– Лорд, вы в своем уме?! Что вы здесь делаете?

– Люк, – напомнил он невозмутимо.

Я откинулась на подушку и застонала, подавляя желание ударить его по голове чем-нибудь тяжелым. Часы, стоявшие рядом с кроватью, показывали два ночи. Я заснула час назад, и в шесть нужно было опять вставать, принимать смену.

– Сюрприз не удался, – сообщила я ему очевидное. – Повторяю вопрос: что вы здесь делаете? И, поверьте, от него зависит то, как сильно я буду вас бить после того, как получу ответ.

– Я соскучился, решил приехать сюда, за тобой. Ну и зашел поздороваться...

Бах! – подушка врезалась в него, а он хрипло и весело захохотал, откидывая голову. Сразу вспомнился змей из сна, стало жарко.

– В два часа ночи? В ДВА ЧАСА НОЧИ?! Когда я сплю после чудовищно тяжелого дня? Чертов эгоист! Как тебя вообще пустили на территорию госпиталя?

– Ну не злись, Маришка, – ничуть не раскаиваясь, попросил Кембритч. – Я на пару минут.

– До завтра нельзя было отложить? – огрызнулась я. – Отвернись!

– Никак нельзя, – прошептал он. – Я очень соскучился.

Люк все-таки послушно отвернулся, и я выбралась из-под одеяла, нащупала длинную рубашку, набросила на себя. Страшно захотелось курить. Вот за что мне этот большой избалованный ребенок? Захотел – сделал, и плевать на все остальное.

Вышла из палатки, закурила. Он подошел сзади, обнял за талию, положил голову на плечо.

– Не злись, – прошептал в ухо.

– Люк, ты невозможен. Я почти не спала все это время, и только выдалась возможность – ты меня будишь. И я еще молчу о моей репутации среди коллег и пациентов после твоего визита.

– Темно, – он потерся носом мне о затылок, коснулся его губами.

– Твоя репутация в безопасности. А досыпать сейчас пойдешь. Я только хотел поздороваться. И пригласить тебя на свидание.

Мне хотелось смеяться и плакать одновременно. Точно, большой эгоистичный ребенок.

– Люк, мы находимся в разрушенном городе, в госпитале более десятка тяжелых пациентов и полторы сотни легких. Какое свидание? О чем ты?

– Марина, – сказал он неожиданно тоскливо, будто у него кончились силы. Или будто вся тяжесть мира давила на него. – Пожалуйста, Маришка. Я сейчас уйду. Хоть недолго завтра побудь со мной.

Он стоял, уткнувшись лицом мне в чувствительное место между плечом и шеей, согревая мою кожу своим дыханием, и смиренно ждал ответа.

И я согласилась, конечно.

За беготней по пациентам и очень непростой повторной операцией мужчины со сложным повреждением органов брюшной полости я начисто забыла об обещанной вечерней встрече. И сдав смену, устало направилась в сторону жилой зоны полевого госпиталя – взять в палатке душевые принадлежности, помыться в общем помывочном блоке, а после поесть. Желудок требовательно заурчал, намекая, что надо бы изменить последовательность действий.

Однако в палатке меня ждал мой ночной кошмар – свеженький, элегантный и бодрый до отвращения.

– Как ты все-таки сюда попадаешь? – пробурчала я вместо приветствия, когда он поднялся навстречу с огромным букетом золотистых пышных цветов. Красиво. Но голова раскалывается, и ехать никуда не хочется.

– Договорился с градоправителем, он дал пропуск, – Люк приобнял меня, поцеловал в висок. Что-то уж слишком быстро я сдалась и подпустила его к себе. «Втрескалась, подружка?» – тоном психотерапевта спросил внутренний голос, и я фыркнула. Вот еще.

– А градоправитель у нас кто?

– Лорд Тóмаш Бжіжек. Несколько раз вместе в карты играли, – сообщил Кембритч.

– А, ну да, конечно. Причуды аристократии. Напился вместе – уже лучший друг.

– У нас свидание, а ты ругаешься, – и голос прямо в ухо, укоризненный, а большие руки греют спину.

Я вздохнула. Обещала – надо выполнять.

– Подожди, пожалуйста. Я в душ, переоденусь и буду готова.

– Предлагаю другой план действий, – хрипло произнес он, и волна возбуждения скользнула по моему телу, словно горячая птица задела краешком крыла. – Прямо сейчас едем ко мне, там примешь шикарную ванну, переоденешься, отдохнешь, потом я тебя накормлю. А потом – сюрприз.

Я красноречиво глянула на него.

– Обещаю держать руки при себе, – искушал Люк. – Ну неужели ты, Маришка, просто маленькая трусиха?

Я улыбнулась, отстранилась.

– Хорошая попытка, лорд Кембритч.

– Это уже становится девизом наших отношений, – усмехнулся он беззлобно. – Так что, нет?

– Естественно, нет. Ограничимся моим кормлением и сюрпризом. Если сюрприз не предполагал перенос меня из ванной в твою постель, конечно.

Люк судорожно вздохнул, и карие глаза на мгновение полыхнули жаркой, многообещающей тьмой. Перевел дыхание, отступил.

– Провоцируешь, трусиха? – его хриловатый голос так понизился, что я ощутила, как резонансом отзывается на эти искушающие перекаты все мое тело.

«Играешь с огнем», – шепнул внутренний голос.

– Разве? – спросила я, улыбаясь и наконец-то честно признаваясь себе, что мне нравится то, как реагирует на меня этот мужчина. Пусть для него это игра – охота за необычным трофеем, но удовольствие от наших перепалок я получаю совсем не шуточное. Ну а с реакцией собственного тела... разберусь.

Внутренний голос выразительно крутил пальцем у виска.

Ресторан, в который Люк привез меня на очередной сверкающей спортивной машине, был из категории «не для простых смертных» и находился в неразрушенной части города. Судя по всему, не только гражданам, не обладавшим титулами, но даже беститульным дворянам сюда вход был заказан. И антураж соответствующий – золото, бронза и эмиратские однотонные ковры, инляндские зеркала, инкрустированные камнями, панели на стенах из мореного дуба, несколько шедевров знаменитых художников, огромная люстра из чистейшего хрусталя и маленькие светильники над столами из него же, серенитские кружевные скатерти ручной работы – такие исправно плели мужчины острова.

Небольшой оркестр играл классические мелодии, столы стояли в нишах, и посетители друг друга не видели. Накрыты они были с претензией – столовых приборов подавляющее количество, все из черненого серебра. Все было сделано для того, чтобы привередливые лорды могли спокойно вкушать пищу, наслаждаясь при этом своей исключительностью.

В результате ужин прошел очень мило. Насколько вообще может быть мило с этим харизматичным, высоким, ехидным Кембритчем, чей сиплый голос щекочет и ласкает, будто занимается с тобой тягучей,

медленной, сладкой любовью. И слушать его я могу бесконечно. Он расслабляет и завораживает, отступают и напряжение, и усталость, и страх, и недоверие. Или это я уже от недосыпа и переутомления погружаюсь в транс?

– А теперь обещанный сюрприз, – Люк встал из-за стола, подошел ко мне, протянул руку. – Тебе понравится.

Да, ресторан и правда был непростым. Потому что задняя дверь выходила на знакомые мне южные пшеничные поля, за которыми темнели Милокардеры, расположенные на другом конце страны. В нашем дворце тоже была волшебная смотровая стена с дверью, открыв которую, можно было выйти из другой двери - в стене нашего южного имения. Когда-то это стало модным, и с тех пор такие были в домах почти у всех аристократов высшей крови. И в доме у Люка. Фактически стена являлась стационарным телепортом, который позволял не только перейти за сотни километров, но и видеть то, что там происходит. Стоили такие переходы безумных денег.

И если в тот день, когда мы познакомились с Люком, я встречала на таком поле восход, то теперь мы, взобравшись на холм, провожали пышущий жаром закат. По красноватой от солнечных лучей пшенице змеился ветерок, пели и ворковали полевые птицы, одуряюще пахли простые цветочки, и вся земля словно была погружена в истому.

И Люк, стоявший сзади, в какой-то момент отвел мои волосы назад, заставляя немного склонить голову, и коснулся языком ямочки за ухом. Я замерла, подчиняясь. Он тяжело вздохнул, втянул носом воздух и впился в мою шею, то лаская чувствительную кожу, то прикусывая ее зубами. И когда я, сдаваясь, тихо застонала, перехватил стон своими губами, начав умопомрачительный, тягучий, соблазнительный поцелуй.

Садилось красное солнце, а его руки, медленно обжигая, скользили по моим бедрам вверх, под платье, ласкали живот и мимолетно касались умелыми пальцами отяжелевшей груди. Шумел ветерок, сливаясь с громким прерывистым дыханием мужчины, вжимающегося в меня сзади, и тело его было таким горячим, что это сводило меня с ума.

– Хватит, – сказала я почти неслышно, но Люк остановился, прижавшись ко мне, уткнувшись лицом мне в плечо и восстанавливая дыхание. Мир вокруг плыл, и я плыла вместе с ним.

– Злая девочка, – прошептал он хрипло, и я улыбнулась.

Мы долго сидели на холме, обнявшись и наблюдая, как вытягиваются тени от дальних гор, небо подергивается фиолетовой дымкой, а огромный багровый шар скрывается за горизонтом. Разговаривали о какой-то ерунде, подсмеивались друг над другом, спорили. Замирали посередине разговора, тянулись один к другому и целовались, расслабленно, вдумчиво. И только когда стало совсем свежо, а южные созвездия закружили над нами в медленном танце, мы молча, будто ничего и не произошло, двинулись к дверям в обычную жизнь. Люк держал меня за руку, шел, немного прихрамывая, а я прислушивалась к себе. Мне было хорошо. И спокойно. А об остальном я подумаю завтра, когда уйдет очарование этого вечера и я снова смогу трезво мыслить.

Внутренний голос настороженно молчал.

– Поехали ко мне? – лорд Кембритч открыл передо мной дверь машины, помог сесть, придерживав за руку.

Я посмотрела на часы. Почти полночь. Ничего себе «побудь со мной хоть немного».

Внезапно накатила отступившая было усталость, а с ней вернулся и ясный ум, и мне показалось, что по моему лицу он понял, что я отвечу, потому что иронично улыбнулся уголком губ.

– Не сегодня. Отвези меня в госпиталь.

Часть 4. Глава 4

Семь лет назад, поместье Байдек

Василина

Барон Мариан Байдек проснулся от какой-то возни за дверью и мгновенно сел на кровати, настороженно прислушиваясь. Создавалось такое впечатление, что там, в коридоре, старательно шаркая тапочками, ходит по кругу целая толпа старушек. Слышались тихие девичьи голоса и заговорщицкий шепот, иногда прерываемые строгим «Тс-с-с». Тогда голоса замолкали, чтобы через какое-то время раздаться снова.

«Никакой дисциплины», – подумал капитан Байдек, почему-то улыбаясь. Его жизнь с появлением в ней принцесс встала с ног на голову. Никогда еще этот дом не был так полон. Никогда ему еще так не хотелось сюда возвращаться.

Когда Мариан открыл дверь, застуканные на месте преступления их высочества, напрягшись, впрочем, совсем немного, продолжали тереть тряпками полы, намывать стекла, протирать подоконники и панели и начищать перила широкой лестницы, ведущей на первый этаж.

– О, барон, доброго утра, – вытерев широкой ладонью совсем не величественно вспотевший лоб, поздоровалась наследница. «Доброе утро», – нестройным хором протянули остальные. Василина, на коленях домывающая пол у своей комнаты, покосилась на капитана и слабо улыбнулась.

– Нам не спалось, и мы решили немного размяться, – вдохновенно продолжала Ангелина. – Хорошо успокаивает нервы, оказывается. Вы ведь не против... нашего способа лечения нервов, барон?

И все снова напряглись. Кроме наследницы, конечно. Ну как можно на них сердиться? Даже если их высочества таким нестандартным способом снова предлагают свою помощь?

– Как я могу быть против, леди? – отозвался он благосклонно, и леди выдохнули.

– А после обеда мы можем собрать поспевшие яблоки! – выкрикнула неугомонная Полли и тут же получила тычок в бок от

Алинки.

– Тоже в рамках терапии? – полюбопытствовал Мариан.

Девушки вразнобой закивали.

– Работа на свежем воздухе – прекрасное средство от бессонницы, капитан, – светским тоном сообщила Ангелина, величественно глядя на него.

– Тогда я не смею вам отказать, ваши высочества.

Девушки заулыбались – переговоры прошли успешно. Все, кроме Марины, которая, уйдя в себя, сосредоточенно натирала сухой тряпкой и так сияющее оконное стекло.

Байдек прошел по свежевывмытым полам, вдыхая аромат чистоты и свежего воздуха из открытых окон. Чуть замедлил шаг около Василины... и тут ему в голову ударила волна сладкого, волнующего запаха, такого невыносимо притягательного, что он чуть не потерял сознание. Замер на секунду, восстанавливая контроль, и быстро двинулся вперед, к лестнице, буквально оттаскивая себя от второй принцессы. Спустившись по влажным ступенькам, прошел через сверкающий чистотой холл. Тело словно окаменело и горело, жутко крутило суставы, и барон, выйдя во двор, долго приходил в себя. Ничего подобного с ним раньше не случилось.

А на втором этаже Василина со стоном разогнулась, потеряла побаливающую с самого утра поясницу.

– Что, – сочувственно спросила Ангелина, заметив болезненную гримаску сестры, – полнолуние скоро?

– Ага, – со вздохом призналась Василинка. Ее цикл один в один совпадал с полнолунием, и за пару дней до этого начинали ныть спина и низ живота, что вместе с переменчивым настроением служило бесплатным и точным лунным календарем.

За завтраком барон почти ничего не ел, отвечал на вопросы вежливо, но напряженно, и, извинившись и еще раз подтвердив, что против «терапии» ничего не имеет, а даже будет рад и абсолютно счастлив, если его яблоневый сад поможет снять стресс, быстро сбежал из столовой, сославшись на неотложные дела.

Святослав Федорович, постфактум поставленный в известность об утренней уборке, проводил Байдека задумчивым взглядом. Он помнил молодого храброго офицера, который с достоинством просил руки Василины и говорил о своей любви. Но теперь этот сильно

повзрослевший мужчина ни словом, ни взглядом не проявлял своих чувств. Перегорел? Настолько силен, что сдерживает себя? Или не любил по-настоящему, и проверка, устроенная Ириной для дочери, помогла образумиться и ему тоже? Не зря же он возмутительно игнорировал приглашения в столицу?

В любом случае этот брак был невозможен тогда, и сейчас мало что изменилось. Святослав был уверен, что рано или поздно ситуация разрешится, Ангелина взойдет на трон, и после ее свадьбы Василина станет самой выгодной партией и влиятельнейшим доводом при заключении союза между их королевским домом и домом другого государства.

Он горько усмехнулся. В их паре именно Ирина всегда размышляла категориями государственной пользы, а он – вполне земными понятиями. Теперь, когда ее не стало, принц-консорт то и дело ловил себя на мыслях, которые могла бы озвучивать только она.

После завтрака вставшие еще до рассвета девушки пошли отсыпаться и мирно проспали до обеда. А на обед барон, передав через Святослава извинения, не явился. Сказал, что пока стоит сухая погода, нужно докосить сено, и тратить время на прием пищи у него нет возможности. Принц-консорт и сам бы присоединился к работающему капитану, но отсутствующая рука лишала его даже таких простых радостей.

Детство и раннюю юность Святослав провел в деревенском поместье и не раз работал в поле вместе с отцом, считавшим, что не выйдет толка из землевладельца, не прочувствовавшего на своей шкуре все нюансы земледелия и ведения большого хозяйства. Кто же знал, что бегающий вместе с деревенскими мальчишками паренек поступит в престижный Королевский архитектурно-строительный институт, блестяще закончит его и, обойдя почти три сотни кандидатов, получит место архитектора при дворе? Это произошло спустя четыре года после коронации юной Ирины-Иоанны. Как-то незаметно их деловое общение перешло сначала во взаимную приязнь, а потом и в крепкую, искреннюю дружбу. Затем погиб второй супруг королевы... и она, подождав положенный срок, сама предложила Святославу пожениться. «Мне будет комфортно с тобой», – сказала она тогда. А он, с первой встречи влюбленный в нее, не мог позволить себе упустить этот шанс.

– Не ест ничего, носится где-то, – ворчала повариха, намывая гору посуды. Василина стояла рядом, протирая тарелки, и слушала причитания Тамары Дмитриевны. – Даже воды с собой не взял, пошел на солнцепек косить. Что, трава не подождала бы, пока пообедает? Пчелы бы пожрали? Э-э-э-эх, беда-мужик.

Василина помалкивала, но, видимо, это молчание было таким выразительным, что повариха несколько раз покосилась на нее, открыла рот, закрыла и все-таки заговорила:

– А вы бы, госпожа, присмотрелись к нему, мужик-то хороший. А что молчаливый, то оно и лучше. Знаете, как мне мой болтун за двадцать лет, храни его память боги, надоел? – она сентиментально всхлипнула, утерла глаза мокрой рукой. – Зато барон наш и работающий, и крепкий, сразу видно – может девку так стиснуть, что аж косточки досладка заломит...

Принцесса стремительно краснела и готовилась спастись бегством.

– А что? – Тамара Дмитриевна явно не страдала излишней деликатностью, да и статус гостя не был в ее глазах настолько высок, чтобы утруждать себя почтительностью. Хотя, вероятно, даже знай она титул, ее бы это не остановило. – Не все ж вам молиться да сохнуть. В старости напаломничааетесь. Вот вы какая хорошенькая, ну посмотрите на него пару раз с прищуром, с поволокой, улыбнитесь, что ли, растает, вот не видать мне сковородок, растает!

И повариха продемонстрировала, как именно нужно смотреть и улыбаться, чтобы владелец поместья растаял. Василина не удержалась и хихикнула. С разговорчивой, восхитительно бестактной, доброй и честной северянкой было на удивление уютно. Ну и, признаться честно, она выдавала столько информации о Байдеке, что не слушать не было сил.

– Вот что, госпожа, – после помывки посуды повариха оперативно собрала в контейнер еды, положила все это в корзину, добавила бутылку с холодным морсом. – Отнесите вы ему обед, будьте добренькой. Зажарится он там да еще и оголодает. Мужика кормить надо! А раз ему эта трава важнее моего обеда, – обиженно проговорила она, – то пусть ест на поле. А голодным в этом поместье ходить никто не будет.

– А может, лучше вы? – испуганно попросила Василина. – А я овощи к ужину почищу.

Лимит ее храбрости истек накануне вечером, когда она подошла просить прощения. Не хотелось выглядеть дурочкой, таскающей за ним повсюду.

– Идите-идите, – Тамара Дмитриевна почти насильно вручила ей корзину и подтолкнула к выходу в холл. – Разомнетесь, воздухом подышите. Косит он, скорее всего, на лугу, что у озера. Километра два отсюда, не заблудитесь, пройдете через сад, там вдоль леса тропинка идет налево. Давайте, а то загнется там хозяин-то наш!

Василина, как было велено, прошла через сад, где выпавшиеся девчонки собирали в большие корзины ярко-красные и солнечно-желтые скороспелые яблоки, и, все-таки дрогнув, позвала с собой Полли. Сестричка с радостью слезла с дерева и побежала за ней.

Так они и шли – Василина в длинном легком платье, с корзиной в руке, и Пол, несмотря на жару, бегающая вокруг как олененок, собирающая цветы и пару раз даже сделавшая колесо, голосящая от отчаянного подросткового счастья, которое может проявляться и в самые тяжелые периоды.

С одной стороны тянулись поля арендаторов, огороженные кустами малины с сонно жужжащими в них пчелами, с другой ласково шумел высокий хвойный северный лес, влажно пахнувший мхом и грибами. Тропинка неуклонно заворачивала влево, пока не блеснула впереди ярким серебром и синью спокойная гладь озера, а в воздухе не запахло ощутимо одуряющим ароматом свежескошенной травы.

Барон мерно работал косой, стоя далеко впереди, к ним спиной, и травы срезал он уже очень много, но луг все равно казался бесконечным. И пока Василина думала, как бы так отдать корзину и побыстрее уйти, Полинка громко крикнула:

– Барон! Барон Байдек! Мы принесли вам обед!

И, выхватив из рук сестры корзинку, радостно побежала по высокой траве к работающему хозяину поместья.

Мариан обернулся, опершись на косу, улыбнулся несущейся к нему Поле, перевел взгляд на Василину... и она замерла в паре десятков шагов от него. В ушах зашумело, пришлось остановиться, потому что смотрел он на нее так, будто если она сделает еще шаг, то произойдет что-то непоправимое. И она совершенно не представляла, что ей со всем этим делать.

Мариан Байдек работал как одержимый, решив победить утреннюю телесную слабость единственным знакомым ему и действенным способом – тяжелой работой. И тело, повозмущавшись для начала, постепенно вошло в ритм, суставы, прогревшись на жарком солнышке, перестали ныть, а в голову прекратили лезть неподобающие мысли, выстроившись в строгий порядок и аккуратно заняв свое место в темнице подсознания.

И все было прекрасно, пока ветерок, дующий в спину, не донес до него тот самый пряный, сладкий женский запах с нотками железа, соли и моря, который он слышал утром, и возведенные с таким трудом барьеры снова рухнули, словно домик из спичек.

Он почувствовал ее задолго до появления и решил, что сходит-таки с ума. Незнакомое ощущение какой-то звериной тоски подняло дыбом шерсть у него на теле, смешалось с желанием все бросить и бежать – то ли навстречу, то ли от нее, как можно дальше. Барон не раз сталкивался по жизни с такими тварями, от которых ужас выжигал рассудок, ноги превращались в кисель, а древний инстинкт требовал спастись – но всегда выигрывал эту битву с самим собой. А сегодня чуть не дрогнул. И только ему было известно, чего стоило остаться на месте.

Через бесконечное число минут работы со сжатыми до боли зубами Мариан понял, что она рядом. Услышал оклик Полины, обернулся, перевел взгляд на идущую к нему Василину и чуть не зарычал. Темная агрессивная волна ударила в голову, и он сжал пальцы на рукоятке косы, задерживая дыхание, расслабляя напрягшиеся мышцы. Девушка остановилась, недоуменно посмотрела на него, неуверенно улыбнулась...

В ногу барону ткнулась корзина, и он опустил взгляд. Полина с восхищением смотрела на косу, потрогала рукоятку, протянула ладошку к лезвию, и он мягко убрал ее руку.

– Порежетесь, принцесса. Очень острое лезвие.

– А дайте покоси-и-ить, – заныла Полли, и Мариан был готов расцеловать ее за то, что отвлекла его.

– Полина, – раздался мягкий голос второй принцессы, – пойдём, не нужно мешать барону.

Байдек так и стоял, не прикасаясь к еде, пока запах Василины не развеялся поменявшим направлением озерным ветерком, а мышцы не

отпустила судорога. Как хорошо, что завтра на службу. Он уедет на целую неделю, до выходных, и плевать, что это невежливо. Зато сбежит от этого безумия, которое, он теперь точно знал, связано с девушкой в легком летнем платье, стоявшей напротив и улыбавшейся ему.

Он все-таки уехал, тем же вечером, а его безумие осталось в его поместье. Чем дальше Байдек отъезжал от своих владений, тем яснее становился его ум. И понедельник прошел в знакомой, простой и понятной военной реальности, среди боевых товарищей, мужских разговоров, стрельб, утренних построений и проверок патрулей.

А на второй день капитан участвовал в разговоре между офицерами, обсуждавшими смиренных неприметных людей, объезжающих в отсутствие хозяев северные поместья и дома арендаторов. Они расспрашивали, не появлялась ли в округе семья из шести девушек и мужчины. Все понимали, о ком идет речь, и общим решением было усилить охрану поместий и попытаться поймать шпионов. А Байдек, выждав для отведения возможных подозрений еще день, взял срочный отпуск, отговорившись семейными делами. И хотя он почти не соврал, для озвучивания даже такой маленькой хитрости ему пришлось сделать над собой усилие.

Мариан вернулся домой поздно ночью, проехав по тихой лесной дороге к крепко спящему под полной луной имению. Он очень устал и сразу же лег спать.

Принцесса Василина беспокойно ворочалась рядом с мирно посапывающими сестрами, то падая в тяжелый сон, то выныривая из него. Ей было душно и жарко, ночная рубашка липла к телу, спина болела, ныл и живот. Увы, женские дни равно не щадят ни простолудинок, ни обладательниц божественной крови. Только вчера начался очередной цикл, а она уже чувствовала себя разбитой и раздраженной, да еще и сестры не давали вдоволь наворочаться в поисках удобной позы, раскинуться на кровати, сняв надоевшую сорочку.

Так и не сумев уснуть, Василина сунула ноги в разношенные тапочки, накинула старенький «матушкин» халатик и тихонько выскользнула из комнаты.

Нужно было прогуляться, подышать свежим воздухом – тогда, возможно, тело немного остынет и она сможет заснуть.

Огромная голубоватая полная луна, зависшая над горизонтом, не вызывала никакого желания восхищаться и любоваться ею. Трудно испытывать восторг, когда эта красота с ранней юности ассоциируется с неприятными днями. А вот окутанный призрачным сиянием яблоневый сад был действительно прекрасен. Длинные тени ложились меж серых стволов, теплый пахнувший спелыми яблоками воздух лениво шелестел листвой и обдувал разгоряченное тело. Василина будто плыла по покрытой легкой дымкой дорожке, и ей было хорошо и спокойно.

Принцесса посидела на любимой яблоне, погрызла сорванное по дороге кисленькое яблоко. Спать или возвращаться в дом не хотелось совершенно. Она обхватила дерево рукой, прислонилась виском к шершавому стволу и замерла, впитывая волшебство этой ночи.

Первый рокочущий низкий звук девушка приняла за раскаты далекого грома и просто не обратила на него внимания. Зато второй, раздавшийся гораздо ближе, заставил ее, взвизгнув, сорваться с места. Развернувшись, она со страхом вглядывалась в тени между деревьев, но вокруг так же мирно шелестела листва, и, ничего не разглядев, она поспешно направилась к дому.

Тогда-то принцесса и увидела его. Большого и опасного зверя, прекрасно различимого в голубоватом свете луны. Закрыв ей дорогу к безопасному имению, прямо на тропинке, угрожающе наклонив к земле лобастую башку и расставив мощные лапы, стоял огромный медведь. Он не двигался, наблюдая за замершей девушкой блестящими дикими глазами, и тяжело, с порывками дышал.

– Мамочка! – пискнула Василина сиплым от страха голосом и осторожно сделала шаг вправо.

Медленно, медленно обойти по широкой дуге, не делая резких движений, и потом только броситься к дому.

Зверь повел носом, страшно, коротко рыкнул и двинулся на нее.

«Сожрет, – с отчаянием подумала принцесса, отступая назад. – И чего мне дома не сиделось?»

Гость из леса внезапно легко для такого крупного зверя прыгнул вперед, и Василина, взвизгнув, повернулась к нему спиной, потеряв при этом тапочки, и помчалась вперед, по направлению к поленнице. Может, получится залезть на нее и переждать. Может, получится убежать. Может...

Медведь догнал ее, сбил с ног, и она больно проехала колени по траве, замерла, скукожившись. Огромная лапа прижимала девушку к земле, прокалывая когтями ткань халата и сорочки и царапая спину, а зверь агрессивно рычал где-то совсем рядом с ее шеей. Сейчас он вспорет лапой спину и начнет жрать. Боги, только бы не долго мучиться. Только бы поскорее!

Василина тоненько, жалобно заплакала, от боли и страха перестав что-либо соображать. Но хозяин леса не спешил прекращать ее мучения. Он с утробным ворчанием тыкался мордой ей в шею, царапая клыками кожу, и от этих раскачиваний когти снова и снова впивались ей в плечо, заставляя каменеть от ужаса.

Принцесса зарыдала сильнее, дернулась и каким-то чудом выскользнула. Правда, всего-то и получилось, что перекатиться на спину меж его лап и снова застыть. Зверь нависал над ней огромной, подавляющей тушей, и Василина чувствовала жар, исходящий от этого мощного тела. Морда ее мучителя теперь находилась прямо перед лицом, и бешеный огонь, горевший в его глазах, не оставлял надежды на спасение.

– Ну же, – крикнула она отчаянно прямо в его морду, – давай, жри! Тварь поганая! Урод! Жри! Не играй со мной!

И, от ярости или от страха, размахнулась, как могла, и заехала рукой прямо по лобастой башке с темнеющими провалами безумных глаз. Удар получился несильный, но медведь ошалело покачал головой, словно отряхиваясь, отступил. Принцесса, всхлипнув, поползла назад по влажной траве, но уперлась спиной в дерево и снова замерла.

Зверь снова двинулся к ней, шумно и хрипло дыша, и она привсталала, вжалась в дерево, когда он, грозно ворча, ткнулся носом ей в живот, а потом снова и снова.

«Кровь почуял... с живота начнет, – в голове всплыли давние уроки зоологии. – Медведи всегда начинают с живота».

Медведь все тыкался в нее носом, вызывая волны страха и какого-то странного возбуждения, потом спустился ниже, шумно задышал в развилку между ногами, ткнулся и туда. От неожиданности принцесса снова взвизгнула. Он еще и извращенец!

– Не ешь меня, а? – попросила она тихо. – Мне очень страшно. Не надо.

Лохматое чудовище, припавшее на передние лапы, шумно дышащее и лезущее носом ей в самое сокровенное, внезапно дернулось, задрало башку и медленно, очень медленно отступило назад. Снова замотало башкой и вдруг заскулило совсем по-щенячьи, легло на землю и поползло к ней на брюхе.

От неожиданности Василина даже на секунду перестала бояться.

А подобравшийся к ней медведь осторожно коснулся носом ее босых исцарапанных ног, снова заскулил и начал быстро-быстро лизать пальцы горячим шершавым языком. Он терся мягким лбом об ее израненные коленки, поскуливал, опять облизывал пальцы, иногда робко касался носом между ее ног, шумно вздыхал и снова опускал голову.

– Хороший мишка, – дрожащим голосом прошептала принцесса, пребывая в некотором шоке от действий лесного гостя, – красивый мишка. Ты, наверное, голодный? Отпусти меня, а? А я тебе мяса с кухни принесу.

Медведь мягко боднул девушку головой, уткнулся лбом в живот, грея его своим жаром.

– Ты меня очень напугал, – продолжала уговаривать его Василина, – очень сильно...

Хозяин леса вдруг тихо, жалобно заворчал, отступил от нее на шаг и... разлегся на земле прямо у ног принцессы, огромный, массивный, закрывая морду лапами и подставляя Василине мягкий живот.

«Животные открывают живот в знак покорности, – пронеслось у нее в голове. – Боги, и что же мне с этим мохнатым чудовищем делать?»

Она осторожно протянула трясущуюся руку и начала гладить зверя по мягкой шерсти на животе. Мишка довольно урчал, внутри него рокотало. От подбородка к паху шла белая дорожка меха, и в таком ракурсе он казался совсем безобидным и плюшевым.

– Ну можно я пойду? – спросила Василина жалобно, когда рука от поглаживаний совсем устала. – Я тебе вынесу мяса, честно. Домой хочу, спа-а-а-ать, – на последнем слове она снова всхлипнула, вытерла выступившие слезы.

Медведь вскочил, ткнулся под руку отшатнувшейся принцессе. Он фыркнул ей мокрым носом в ладонь, рычал, припадал к земле и на передние лапы, терся об нее своим огромным телом, пока она не

поняла. Схватила его за загривок, забросила на него ногу и разлеглась на огромной горячей спине, крепко держась обеими руками за шкуру.

– Домой? Домой?

Однако медведь мягко порысил прочь от дома, к лесу. «В берлогу несет», – отстраненно подумала Василина, прижавшись щекой к пышущему жаром зверю. Она уже почему-то совсем не боялась. Под ухом раздавались утробный сип и ворчание, будто внутри у ее похитителя извергался маленький вулкан. Девушка даже немного задремала на нем, обессиленная от пережитого страха и мягко укачиваемая плавными движениями. И почти не проснулась, когда соскользнула с огромного зверя на подушку из сухой листвы.

Лесной хозяин стоял, обнюхивая свою добычу, снова облизывал пальцы ног и коленки, поддевал ее носом, а Василина недовольно дергала ногами и сонно шептала «Отстань!» и «Лежать!». И он таки лег, прижавшись к ней, грея ее своим жаром, как огромная, шумно дышащая печка, периодически тревожно вдыхая воздух и тихо поскуливая. Но принцесса этого уже не слышала – она крепко спала.

Барон Байдек медленно, тяжело просыпался, будто выныривал из кошмарного сна, который не желал отпускать его. Тело болело, словно после дневного марш-броска в полной выкладке, в голове стучала кровь, а все чувства были обострены до предела. Он медленно приходил в себя, осознавая, что лежит на чем-то теплом и мягком. И проклятый, сводящий с ума запах женщины, настойчиво преследовавший его даже в кошмаре, заставлял кипеть кровь и сжимать зубы.

Он открыл глаза и мгновенно закрыл их, оглушенный яростной звериной волной, ударившей в голову. Моя! Здесь! Схватить! Сжать! Прикусить за плечо, чтобы не вырвалась! Порвать! Взять! Насытиться!

Барон лежал на мирно дышащей принцессе Василине. Ночью он буквально подмял ее под себя, уткнувшись в шею, обхватив рукой и забросив ей на бедра тяжелую ногу. Удивительно, что она не проснулась.

Мариан, тяжело дыша, преодолевая рвущееся к девушке тело и ломающий его волю древний инстинкт, отодвигался, стараясь не разбудить крепко спящую принцессу. В голове, ускоряясь, начали мелькать события прошлой ночи – воспоминания шли будто через пелену горячего бреда. Он помнил все, но его разум отказывался

это воспринимать. Помнил и ее страх, и слезы, и отчаяние, и то, как желание разорвать мягкое тело и попробовать ее крови боролось с желанием ползать на брюхе и просить у самки прощения. И это все был он, только не Байдек-человек, а Байдек-зверь.

Отодвинулся, перекатился, привстал, опираясь на кулаки, сам не замечая, как трепещут ноздри, вдыхая его персональный наркотик. Голова кружилась. Василина скорчила гримасу, поежилась, лишившись тепла его тела, пошевелилась, и барон отпрянул. Бежать. Бежать подальше отсюда. Пока он не совершил непоправимое.

Обнаженный мощный мужчина медленно двигался сквозь предутреннюю дымку под прозрачным сереющим небом. С каждой секундой, отделяющей его от оставленной под вывороченным деревом девушки, капитану становилось легче. И тяжелее. «Ты не единственный дикий зверь в округе, – шептал ему прежний, хладнокровный и сильный Мариан. – Ей нужна защита. Не бросай ее».

Байдек упрямо шел к спящему поместью, полагая, что сейчас для Василины он опаснее, чем любой дикий зверь. Двигался, пока не наткнулся на перевернутую маленькую тапочку, лежащую на тропинке. И на еще одну – чуть дальше.

Василина проснулась от холода. «Видимо, не закрыла вчера дверь на веранду», – лениво подумала девушка и перевернулась на другой бок. Но под телом зашуршала явно не простынь, а плечо отозвалось саднящей болью.

Она вспомнила ночь. И открыла глаза.

На стволе упавшего дерева шагах в десяти от ее убежища, низко опустив голову, сидел совершенно голый барон Байдек и сжимал в руках ее тапочки. Василина почувствовала, что стремительно краснеет, а ее и так смятанный ум просто отказывается понимать происходящее.

– Барон? – позвала она, сев на ворохе шуршащей листвы. Он поднял голову, и она содрогнулась от лихорадочного блеска его глаз. – Барон, почему вы в таком виде? И... здесь был медведь... Где он? Вы его прогнали?

Байдек помолчал, сминая в сильных руках несчастную обувь. А когда заговорил, Василина со страхом услышала в его голосе рычание ночного зверя.

– Дело в том, – сказал он медленно, низко, хрипло, словно подбирая слова, и она зябко запахнулась в халат, – дело в том,

принцесса... что, по всей видимости, я и есть... медведь.

– Но вы же не оборачиваетесь, – сказала она жалобно, хотя где-то внутри уже знала, что это правда. – Вы сами говорили!

– Я и не оборачивался, – барон снова глянул на нее, а затем опустил взгляд. – До сегодняшней ночи. Ни я. Ни восемь поколений предков до меня.

– Я не понимаю, – Василина покачала головой. – Я ничего не понимаю. Как же это может быть?

– А я понимаю? – рыкнул он, и принцесса сжалась. – Я понимаю, почему, вместо того чтобы защищать вас, я напал на вас? Я понимаю, почему я заснул в своей кровати, а проснулся здесь, с вами? Боги, я ведь мог растерзать вас! Я поранил вас!

– Не кричите, Мариан, – тихо попросила девушка, и он сжал зубы. – Не растерзали же.

Они помолчали, ошеломленные и объединенные общей тайной и воспоминаниями.

– Что же нам теперь делать? – дрожащим голосом спросила Василина.

– Вы останетесь здесь, в имении, – ответил Байдек, играя желваками, – я буду уезжать на ночь. А днем держаться подальше. Я не смогу жить, если с вами что-нибудь случится.

«Я не смогу жить, если с вами что-нибудь случится!» Кто бы знал, как чудесно могут звучать некоторые слова!

– Я не думаю, что вам нужно уезжать, барон, – проговорила принцесса, искоса глянув на него. – Я не верю, что вы представляете для меня опасность. Все же обошлось. Что вы можете мне сделать?

– Не верите? – прорычал он угрожающе, вставая. – Василина, – он двинулся к ней, замер, судорожно вздохнул, снова двинулся, теперь обходя по кругу. – Василина. Я едва контролирую себя. Я слышу, как бьется ваше сердце. Я чувствую ваш запах, и он сводит меня с ума. Запах крови. – Вторая Рудлог смутилась. – Меня тянет к вам так, что темнеет в глазах. Я боюсь... боюсь сорваться. Прямо сейчас.

– Я не боюсь вас, – принцесса встала, болезненно поморщившись – ощутимо болела лодыжка, – и начала развязывать халатик. Она и правда не боялась. Если уж совсем честно, то каждое его слово что-то такое делало с ней, будто она залпом выпивала бокал шампанского. А потом еще и еще.

– Что вы делаете? – от удивления барон даже перестал рычать. Василина сняла халат, оставшись в тонкой сорочке, и бросила ему.

– Прикройтесь. Нам нужно попасть в имение. Не думаю, что слуги обрадуются, увидев вас в таком виде.

Байдек раздраженно бросил ей тапочки, обмотал халат вокруг бедер. Ох уж эти южане с их стыдливостью! Развернулся к ней спиной.

– Они еще спят. Пойдем? Только не подходите ко мне близко, прошу, Василина.

Она и не могла подойти и, закусив губу от боли, смотрела, как он быстро удаляется. Ноющая лодыжка подвела принцессу при первом же шаге, и она, свалившись ободранными коленками на листья, перевела дыхание, чтобы не заплакать.

Он остановился. Повернулся.

Постоял, глядя на нее и словно что-то решая.

Пошел обратно.

Снова остановился, теперь уже в нескольких шагах от нее.

– Лодыжка, – виновато прошептала Василина.

– Не можете идти?

Она замотала головой.

Он помолчал, шумно втягивая носом воздух.

Двинулся к ней.

Остановился, тяжело дыша, и это дыхание отозвалось дрожью в ее теле.

– Принцесса, – проговорил Мариан через силу. Его трясло, было страшно даже просто глядеть на него. – Сейчас я возьму вас на руки. Прошу. Не двигайтесь. Не говорите. Не смотрите на меня. Не касайтесь. Понятно?

– Да, – Василина опустила глаза, и сильные руки легко приподняли ее, прижали к груди. Он постоял так немного, уткнувшись губами ей в висок. Сглотнул. И сделал первый шаг.

Он ошибся. Слуги уже встали, и экономка Матильда с изумлением наблюдала, как открывается дверь и напряженный почти голый хозяин поместья проносит чуть более одетую гостью через холл к кабинету.

– Вызови Симона, Матильда! – рявкнул никогда не повышавший голоса барон, и экономка спешно побежала к телефону. – И принеси мне одежду!

Симон прибыл через двадцать минут, и все это время Василина пролежала на диване, застеленном зеленым сукном, молчаливо наблюдая за застывшим у окна Марианом. Матильда, с любопытством сверкая глазами, принесла одежду, и Байдек оделся, не оборачиваясь и не глядя на принцессу.

Виталист быстро залечил царапины на коленях и спине девушки, тревожно посматривая при этом на стоящего спиной друга, облегчил боль в ноющей лодыжке.

– Попробуйте, ваше высочество, встаньте. Нормально? Стоять можете? Окончательно спасть отек должен к вечеру. Растяжение не страшное, но может быть небольшая сонливость после процедуры.

– Все хорошо, спасибо, Симон, – принцесса оперлась на предложенную руку, встала. – Вы прекрасный виталист.

От окна раздалось тихое рычание, из-за которого у Симона глаза чуть не полезли на лоб. Василина печально покачала головой, ободряюще улыбнулась магу-лекарю и выскользнула за дверь.

– Что случилось, Мар? – Симон подошел к другу, заглянул ему в лицо и поразился, насколько болезненным тот выглядел. – Ты заболел?

– Можно сказать и так, – усмехнулся барон, не улыбаясь. Как только девушка скрылась за дверью, ему сразу стало легче. И мозг начал работать.

Через полчаса Мариан Байдек, уже приняв душ и побрившись, постучал в комнату принца-консорта. Только вставший Святослав Федорович принял гостя со сдержанным удивлением, которое в дальнейшем переросло в откровенное беспокойство. Барон Байдек кратко и честно рассказал о произошедшем, пояснил, что понятия не имел о том, что оборотничество в его случае возможно, и принес свои извинения. И добавил, что во избежание повторения этой ситуации он намерен уезжать по ночам за озеро, в старый домик лесничего, но днем просто обязан держаться возле поместья, потому что принцесс ищут. И рано или поздно, если не принять меры, кто-то из арендаторов или случайных посетителей имения Байдек все равно проболтается, что видел здесь девушек. И изменение внешности никого из ищущих не смутит.

Святослав обещал обдумать информацию, и барон, поклонившись, вышел, решив вернуться к делам. Даже то, что ты ночь бегаешь медведем, не оправдание безделию. И Байдек,

предусмотрительно взяв у сентиментально поглядывающей на него Тамары Дмитриевны корзину с едой и воду, ушел на сенокос. Там, под мерный свист косы и плеск озерной воды, он снова обрел потерянное хладнокровие и трезвость. А вечером уехал на другой берег озера, как и планировал.

А вот принцесса Ангелина, поджидавшая отсутствовавшую ночью сестру, устроила ей форменный допрос. И Василина, которой по-женски нужно было хоть с кем-то поделиться, рассказала старшей сестре все. Но не сухо, как разговаривали мужчины, а с подробностями, деталями и эмоциями. И с предысторией, случившейся три года назад.

Василинка все говорила и говорила, а наследница с изумлением поглядывала на нее, не узнавая в раскрасневшейся взволнованной девушке свою мягкую, деликатную сестричку, с молоком матери впитавшую умение владеть собой. Ани очень любила Василину и боялась за нее. И только поэтому после окончания рассказа позволила себе попросить сестру держаться подальше от барона, потому что берманы-оборотни, тем более новоявленные и не умеющие еще контролировать своего зверя, крайне опасны.

За пару часов до обеда Василина, как и всегда, пришла помогать на кухню. Повариха была непривычно молчалива, но бросала на принцессу любопытствующие взгляды. И не выдержала, сразу взяв быка за рога:

– Я гляжу, госпожа, вы взялись за дело и таки соблазнили нашего бирюка? Когда свадьба-то?

– Да не было ничего, – пробормотала Василина, промывая фасоль.
– Несчастный случай произошел, вот и все.

– Да я понимаю, что не было, – хмыкнула повариха. – Если бы было, то вы, красавица, сейчас стоять не могли бы. Я и говорю, на руках тебя принес, все как в романах. Теперь тебе его надо зажать в уголке где-нить и поцеловать. И все, бери голыми руками!

– Тамара Дмитриевна! – простонала Василина, не в силах сдержать нервный смех. – Ну вы скажете тоже!

– А что? – повариха ловко подхватила кастрюлю с супом и переставила ее на другую конфорку, чтобы освободить место для сковороды. – Мужик сейчас тугой пошел, ему надо доступно все

объяснять. А уж доступнее поцелуя, считай, ничего нет. Тут уж не отвертится.

Обед и ужин прошли для Василины грустно. Младшие сестры смотрели на нее с благоговением и нездоровым любопытством, будто на героиню фильма. Ангелина и отец – с беспокойством и тревогой. А вот обладатель синих глаз, обычно сидевший напротив, никак не смотрел. Ни мрачно, ни с раздражением, ни с ледяным холодом. Потому что он просто отсутствовал. И это было обидно.

Перед сном она долго стояла на веранде, вглядываясь в залитый голубоватым сиянием сад. Завтра луна уже должна пойти на убыль, а с ней и ее ежемесячные «лунные гости». Но смотрела она, конечно, не на луну. Она ждала, не мелькнет ли среди яблонь силуэт большого медведя. Принцесса, непонятно на что надеясь, собрала днем немного малины, и сейчас она сладко благоухала тут же на веранде, сложенная в маленькое лукошко. Но он не пришел, и Василина с тяжелым сердцем пошла спать.

Часть 4. Глава 5

Семь лет назад, поместье Байдек

Василина

Где-то в конюшне громко, испуганно ржали и бились лошади, и Василина мгновенно проснулась, вскочила, схватила большой плед, лукошко с малиной и побежала к выходу. Мариан не простит себе, если задерет своих лошадок. Надо увести зверя от конюшни. Ее он не тронет. Она уверена.

– Василина, нет! – проснувшаяся старшая принцесса ухватилась за ручку двери, перекрывая выход. Она говорила громким шепотом, чтобы не разбудить Каролину. – Пожалуйста, сестричка, не ходи туда! Отец запретил нам выходить ночью! Мы уже потеряли маму, мы не можем потерять тебя!

Но ее мягкая, добрая сестра взглянула на нее как на пустое место и отчеканила:

– Пусти, Ани. Немедленно пусти. Иначе я вылезу с веранды. И так, поверь, вероятность разбиться гораздо больше, чем то, что он меня обидит.

– Да что же с тобой происходит? – недоуменно закричала шепотом Ангелина в спину протиснувшейся мимо сестре. – Что в нем такого, что ты готова бежать за ним, невзирая на свой титул, достоинство, долг? Разве мужчина может стоять гордости?

Василина оглянулась.

– А то ты не знаешь, что происходит, – совсем по-взрослому улыбнулась она и побежала к лестнице.

Медведь ждал ее прямо под верандой. Просто стоял и смотрел, как она подходит, и фыркал носом, втягивал воздух с порывками. Василина остановилась в некотором отдалении. Было все-таки боязно, что бы она ни говорила сестре.

– Вот я и пришла, – сказала девушка тихо. – Ты ведь сегодня будешь хорошим мишкой? Не будешь меня обижать?

Медведь виновато рыкнул, подошел к ней, снова ткнулся носом и лбом в живот. Он казался... умиротворенным, и Василина не без

трепета протянула руку, почесала его между ушей и ниже, по массивному загривку.

– А я тебе малины принесла, – она взяла на ладонку несколько ароматных ягодок, протянула ему под нос. – Будешь?

Мохнатый зверь понюхал ягоды и быстро-быстро слизал их языком, закатывая глаза и урча. Огромные клыки влажно поблескивали в жаркой пасти. Затем он требовательно ткнулся ей в ладонь.

– Жадина, – Василина снова высыпала на ладонь малину, протянула медведю. – Ай! Щекотно же! Какой у тебя язык шершавый. Вот смотри, все рассыпала из-за тебя!

Молча стояли на балконе Ангелина и разбуженный ею Святослав Федорович. Они напряженно наблюдали, как их укутанная в плед сестра и дочь кормит с ладони страшного зверя, гладит его, треплет за уши, что-то спрашивает и сама за него отвечает. А затем – как он ложится перед ней на брюхо, а Василина бесстрашно садится на него верхом, хватая за загривок, легонько шлепает, потому что он начинает баловаться, подпрыгивая на месте. Он обиженно ревет, и от этого рева волосы встают на затылке от страха, а она смеется и грозит ему пальцем. А потом огромный медведь увозит сидящую на нем девушку вглубь сада.

– Ты знаешь, что она давала ему свою кровь? – Святослав отвернулся от созерцания сада, в дымке которого растаяли силуэты большого зверя и прижавшейся к нему девушки. Дочери, которую он может больше не увидеть.

Ангелина немного нервно всхлипнула.

– Знаю. Она сегодня рассказала. Думаешь, это из-за нее барон начал оборачиваться?

– Я могу только предполагать, дочка. Ирина... – лицо его дернулось, – не раз говорила, что кровь Рудлогов, отданная добровольно, усиливает магию. Любую магию. И классическую, и родовую.

– Но, отец, это произошло три года назад. А Вася сказала, что у него первый... точнее, уже второй оборот. Или он так на нее отреагировал? На ее присутствие или?..

Наследница не договорила – не стоит озвучивать мужчине мысли о том, что именно полнолуние и цикл Василины спровоцировали оборот.

– Остается только догадываться, Ани. Давай спать. Все равно мы сделать уже ничего не можем.

И если Святослав уснул достаточно быстро, то старшая Рудлог из-за тревоги за сестру так и не сомкнула глаз до утра.

Медведь бежал довольно долго, и Василина снова слушала его хриплое дыхание, прислонившись щекой к горячей спине и крепко держась за шерсть на загривке. Мысли в голове, видимо, от тряски, стали все какие-то легкие и радужные. Ночь была теплой, и вокруг таинственно пели свои шелестящие песни деревья, качая ветвями в призрачном свете голубоватой луны. Вдали светились редкие огоньки домов с не спящими в них по каким-то своим причинам людьми.

Под лапами несущего Василину зверя вдруг заскрипел песок, по коже мазнул теплый влажный ветерок. Она подняла голову. Медведь медленно приближался к неподвижной мерцающей глади озера. Принцесса торопливо скинула плед на песок, потому что он и не думал останавливаться. Зашел в воду, громко сопя носом и отфыркиваясь, поплыл и вдруг нырнул, оставив девушку на поверхности. И сразу поднырнул обратно, скользнув по ее животу лбом и обдав брызгами.

«Неужто поплавать привез?» – удивилась Василина, двигаясь к берегу. На глубине ночью было страшновато.

Медведь снова скрылся в воде, а через какое-то время оказался перед ней, напугав девушку до визга. Она могла поклясться, что он довольно заулыбался всей пастью от ее испуга и снова нырнул. И всплыл прямо под ней, подняв над водой своей спиной. Играет, чтоб его.

– Фу, какой ты мокрый, – принцесса шлепнула по воде рядом с медвежьей мордой, и зверь недовольно заурчал от прилетевших брызг. Мокрая сорочка неприятно липла к телу и холодила, поэтому девушка соскользнула с покатою спины в теплую воду, поплыла рядом. Медведь косился на нее и старательно перебирал лапами, вытянув голову и холку над водой. Затем перевернулся на спину и задвигался быстрее, вышел на берег и отряхнулся, как большая собака. Повернулся к озеру, встал на задние лапы, внимательно наблюдая, как Василина выходит из воды.

Принцесса быстро сбросила промокшую рубашку, закуталась в теплый плед, села. Мишка расположился чуть в отдалении, брезгливо отряхивая светлый песок с мокрых лап. После подошел, положил

мокрую тяжелую голову ей на колени, мученически вздыхая и втягивая воздух ноздрями. Уткнулся носом в складочку под животом и прикрыл глаза. Девушка посидела, погладила его, затем вместе с пледом откинулась на землю. Над ними, завораживая, опрокинутой темно-синей чашей медленно двигался по кругу огромный звездный купол, и через несколько мгновений вглядывания в небо ей казалось, что она отрывается от земли и летит туда, в эту манящую и пугающую бесконечность.

Уже сонная Василина забралась обратно на подсохшего зверя, и ее снова понесли куда-то. Оставалось только крепче держаться, дабы не соскользнуть с перекатывающейся спины.

Снова болит все тело, и снова голова тяжелая и гулкая. Под спиной – сухие и немного колючие листья. И вновь ноздри ловят сладкий аромат женщины, и кто-то лежит, прижимаясь, и опалает шею горячим дыханием. И внутри все то же желание смять и подчинить, такое же яростное и сильное, и кулаки сжимаются, помогая человеку восстановить контроль.

Барон открыл глаза. Его безумие спало на его плече, и ресницы ее трепетали в такт дыханию. Удивительно, но сейчас, когда она была так близко, он ясно видел в ней черты прежней Василины, будто проступающие через незнакомое лицо.

Такая близкая и такая недоступная.

Запах выкручивает все изнутри, а в низу живота собирается томительное напряжение.

Закутанная по грудь в плед и все равно ощущаемая всем его телом.

Рука, протянувшаяся погладить теплый затылок, отдернута назад.

Спящая... значит... не заметит? Не узнает?

Она же не против, когда его зверь трогает ее?

Она же его не боится?

А если испугается?

А если он дотронется и потеряет контроль?

Не имеющая представления о том, какие силы сейчас борются в его душе, Василина сонно повела рукой, натянула плед на плечи, зябко поджала ноги под поднявшееся покрывало, забираясь на лежащий рядом источник тепла. От этих манипуляций ткань немного распахнулась, и ее маленькая грудь и мягкий живот прижались к нему.

Мариан зарычал, выдохнул. В голову одна за другой били волны сокрушительного вожделения. Выдохнул сквозь зубы, потом еще и еще. Отвел руки в стороны, впился пальцами в листья, превращая их в труху. Снова вдох, выдох и снова, потому что если он сейчас не выдержит, то потом – только стреляться. Потому что в картинках, которые принесло с собой яростное желание, нет ни капли нежности или деликатности. Только ее крики и его рычание.

Так они и лежали – напряженный, тяжело вдыхающий и выдыхающий мужчина с закрытыми глазами и свернувшаяся на нем принцесса. Лежали, пока первые лучи выглянувшего из-за горизонта солнышка не развеяли дымку, исполосовав поляну светом и тенью. В какой-то момент Мариану стало легче, будто солнце перехватило влияние у луны и дало ему передышку. А Василина, на лицо которой упал теплый луч, сморщилась, повертела носом и чихнула. И проснулась – Байдек ощутил это, даже не открывая глаз.

Не завизжала, не отпрянула от него, будто так и было нужно. Вытянулась, скользнув голой грудью по его груди, приподнялась над ним, с любопытством заглядывая ему в лицо. Мариан наблюдал за ней из-под ресниц, ничего не говоря. И она, помедлив, осторожно потянулась к нему и коснулась его губ мимолетным, едва ощутимым поцелуем. И подняла голову, улыбаясь.

И он сдался.

Одной рукой скользнул под плед, ощущая ладонью разгоряченную сном нежную кожу спины.

Другой нырнул в спутанные волосы, притянул ее к себе.

И впился губами в ее дрогнувшие губы.

Жесткий, голодный, обжигающий поцелуй, трепет тела лежащей на нем девушки, ее неопытные, робкие движения, только распалюющие кровь.

Ее тонкие пальчики, вцепившиеся ему в плечи.

Ее приглушенный болезненный стон от прикушенной губы.

Мягкие ягодицы под ладонью.

Истома била обжигающими электрическими плетьюми, заставляя рычать, переворачиваться вместе с девушкой, подминать под себя, а она не сопротивлялась, только вздрагивала, когда руки или губы становились особенно настойчивыми.

И это доверие и бесстрашие, с которыми она принимала его ласки, заставили в какой-то момент остановиться, отстраниться, перекатившись на спину. Он тяжело дышал, глядя в небо, и рядом раздавалось такое же затрудненное дыхание.

– Что мне делать? – прошептал он потерянно. – Я не могу жить без тебя.

– Ну, – Василина приподнялась, оперлась на локоть и положила голову на ладонь, глядя на него. И было в ее взгляде что-то новое, уверенное и спокойное, что бывает только у убежденных в своей силе женщин. – Теперь, после всего случившегося, барон, вы просто обязаны на мне жениться.

Мариан молча протянул руку, взял ее ладошку, положил себе на сердце. Оно гулко и часто толкалось в ее руку, словно заходило в ликовании. Все было понятно без слов.

Выдохнул, успокаиваясь.

Зверь никуда не ушел, просто затаился, настойчиво рыча и толкая к ней.

Мариан даже не мог вспомнить, почему так долго боролся с собой. Ничто больше не имело значения, кроме девушки, что спокойно смотрела на него и держала его сердце в своей ладони.

– Вы не пожалеете, – он будто давал ей клятву, и видно было, как трудно этому бесстрашному обычно мужчине подбирать слова. Словно он боялся, что она после его болезненных признаний рассмеется и скажет, что пошутила. И тогда останется только подохнуть от тоски. – Никогда не пожалеете, принцесса. Моя жизнь, любовь и верность давно принадлежат вам. Я не в силах отказаться от вас. – Барон повернулся, чтобы посмотреть ей в глаза. – Василина, вы станете моей женой?

– Конечно, – ответила она твердо. – Я точно знаю, что не пожалею, барон.

Тапочки она утопила в озере благодаря разыгравшемуся медведю, и он снова нес ее на руках до дома, чтобы принцесса не поранила ноги. Пледом пришлось поделиться, и Василина во все глаза смотрела, как мужчина разорвал плотную ткань, будто это была тонкая бумага.

Она не пожалеет. Точно не пожалеет.

Было как-то легко и весело.

В холле оказалось тихо и пустынно, и барон донес ее до двери комнаты, легко коснулся лба губами, не удержавшись, втянул носом воздух у основания шеи и поспешно отступил к своим покоям.

– Как ты могла уйти? – бушевала Ангелина. – У тебя напрочь отрезало чувство самосохранения?! Почему ты голая? Что он с тобой сделал?!

Она не выпалась и была крайне раздражена. Тем более что сестра сладко потянулась и, не обращая внимания на ее крики, улыбнулась. Василина как была в пледе, так и завалилась на кровать, обнимая подушку. А младшие сестры сидели как мышки, переводя взгляд с нее на Ангелину. Только Марина стояла, уткнувшись лбом в окно и сжимая в руке стакан с водой, – иногда она отстранялась и делала несколько глотков.

– У него в состоянии оборота какой запах – звериный или человеческий? – поинтересовалась Алина, воспользовавшись установившейся паузой.

– Я тоже хочу на нем покататься, – заняла Полли. – Это же круто, Васют!

– Девочки, молчать! – рявкнула Ангелина. – Василина, это недопустимо! Он мужчина, ты компрометируешь себя!

– Он мой будущий муж, – сонно проговорила Василина, снова потягиваясь всем телом. Она выпалась, но хотелось выгибаться и тереться о простыни, как довольной кошке.

Ангелина потрясенно замолчала.

– Отец никогда не даст согласия на этот брак, Васюш, – уже достаточно хладнокровно произнесла старшая принцесса, внезапно успокаиваясь. – Барон – достойный человек, но он не нашего круга.

– Какого круга, Ани? – с внезапной злостью огрызнулась Василина, садясь на кровати. – У нас нет больше ничего. Ни дома, ни матери, ни состояния, даже имя мы должны скрывать. Так почему я не могу выйти за мужчину, которого люблю? Из-за фамильной гордости? Да к демонам эту гордость! Если понадобится, я готова идти за ним пешком на его заставу, и варить ему там супы, и мыть полы, и спать с ним в одной постели! Даже если он откажется от меня, я все равно пойду за ним!

Младшие сестры затаили дыхание: старшенькие буравили друг друга взглядами, и в комнате ощутимо похолодало, стало потрескивать

электричество, потянуло ветерком. Наследница хмуро кусала губы. Привычка, от которой, как Ангелина думала, она избавилась еще в детстве.

– Барон не тот человек, который откажется от своего слова, Вась, – наконец проговорила старшая сестра. – Но он и не пойдет против воли нашей семьи.

– Значит, – с силой проговорила вторая принцесса, – ты, как глава рода, убедишь отца, чтобы он дал согласие на эту свадьбу. Иначе я, богами клянусь, соблазню его и все равно женю на себе. Я уже совершеннолетняя, Ани. И способна понять, как поступить правильно.

Неизвестно, к чему бы привело все возрастающее напряжение между двумя сильнейшими дочерьми Ирины-Иоанны, и выстояло ли бы после этого благополучно пережившее пять веков поместье, если бы в этот момент третья дочь не швырнула в ярости стакан с водой об стену.

– Какие же вы мерзкие, – прошипела Марина, бледнея на глазах. – Еще двух недель не прошло с момента смерти мамы! А вам все равно! Вы жизнью наслаждаетесь, да? Пока она там гниет? Одной ничего не нужно, кроме ее книг, другая носится целый день, как дура. А ты, Васюша, тоже хороша – трешься по ночам с почти незнакомым мужиком, острых ощущений захотелось, да? Невмоготу, да? Мама бы никогда не согласилась на этот брак!!! А теперь она умерла, и можно и погулять, да?!! И ты, – крикнула она в лицо Ангелине, – ты никогда ее не заменишь!

Заплакала напуганная криком и упоминанием о матери Каролина, зарыдала с резким переходом в истерику, упала, выгибаясь, на пол. Ани бросилась к ней, обняла, посадила на колени, укачивая.

– Марина, закрой рот, – жестко сказала Василина.

– А то что? Измажешь меня розовыми слюнями? – крикнула, как плюнула. – Ненавижу тебя! – заорала младшая сестра. Орала она без слез, и это было страшно. – Всех вас ненавижу! Лучше бы я умерла там с ней! Вам всем все равно! Мы даже траур носим потому, что тряпья другого цвета нам не дали!

– Заткнись, Мари! – завопила Пол. Вскочила, сжала кулаки. Алинка смотрела на нее с изумлением, нервно вытирая руки о платье. – Ты думаешь, тебе одной плохо? Мне тоже плохо! Только я не хожу

как живой укор окружающим! Что ты знаешь о том, что мы чувствуем? Эгоистка!

– Тихо всем, – негромко сказала Ангелина, поглаживая всхлипывающую Каролишу, но сестры почему-то послушались, тяжело переводя дыхание. Марина сглотнула, взгляд ее приобрел осмысленность.

– Прости, Пол, – пролепетала она и заплакала. – Васют, прости.

Полли бросилась обнимать ее и тоже зарыдала.

– Так. – Ангелина встала, передала Каролину на руки второй принцессе. – Заканчиваем массовые рыдания, скоро завтрак. Будете опухшие, возникнут вопросы. А я пойду, – она взглянула на Василину, покачала головой, – поговорю с отцом.

Когда наследница вышла в коридор, к двери комнаты принца-консорта как раз подходил барон Байдек. Он остановился, поклонился, приветствуя ее.

– Ваше высочество, я бы хотел поговорить со Святославом Федоровичем.

– Знаю, – сказала она устало, – я буду присутствовать при разговоре. Пойдемте, капитан Байдек.

Разговор прошел непросто. Святослав только что оделся, и эта процедура в отсутствие руки не способствовала его умиротворению. Как и ночной демарш дочери.

– Барон, – сказал принц-консорт, выслушав капитана и кривясь от того, что нужно было сказать, – я, право, не знаю, что вам ответить. Вы, без всякого сомнения, достойный офицер, и я крайне благодарен вам за вашу верность. И верю, что вы можете сделать Василину счастливой. Но я вынужден говорить с вами откровенно и надеюсь на ваше понимание. Ситуация может измениться в любой момент, и, если Ангелина займет трон, Василина должна стать ее политическим союзником, вступив в брак с человеком, способным поддержать корону. Как и другие дочери. К сожалению, вы этого обеспечить не можете. Я не имею права лишать наследницу такой мощной поддержки. Которая нам, безо всякого сомнения, понадобится.

Мариан Байдек спокойно выслушал его слова. Раньше он бы отступился. Но не сейчас. Не сейчас, когда знал, что борется и за ее счастье тоже.

– Тем не менее ее величество обещала не препятствовать моему повторному предложению по достижении принцессой Василиной восемнадцати лет.

Ангелина подняла брови, с удивлением посмотрев на капитана. Ну надо же. А мать никогда ей про это не говорила.

– Восемнадцати лет, барон, – с нажимом сказал принц-консорт. – А Василине девятнадцать. Почему вы не использовали тот шанс? Девочка ругалась с матерью, выбивая для вас приглашения на ассамблеи. Почему вы не приезжали?

Байдек не опустил глаз, хотя на его скулах проступили красные пятна.

– По тем же соображениям, что вы изложили мне, ваше высочество. Я прекрасно понимал, что не ровня ей и что огромной дерзостью было даже мечтать о том, чтобы она стала моей женой, а тем более обращаться с этим к королеве. Я хотел оградить нас от неловкости.

– И что же изменилось? – мрачно спросил Святослав. Ему было не по себе, словно он влез в чужую, неприятную и несвойственную ему шкуру. – Раз вы все понимаете, что изменилось, барон?

– Теперь это вопрос и ее счастья, ваше высочество, – твердо ответил Байдек. – Будь я один, я бы отступил. Но она хочет этого. А ее желания для меня... – он замолчал, подбирая слово.

Но его поняли.

– Отец, – заговорила принцесса Ангелина. – Я поддерживаю и разделяю твою точку зрения.

Байдек остро глянул на нее и сжал зубы.

– Но ради мира в семье и ради того, чтобы не вынуждать мою сестру и барона на недостойный поступок, я прошу вас дать разрешение на этот брак.

И в этот момент ее интонации и манеры были так похожи на тон Ирины, решающей дипломатические споры, что Святослав прикрыл глаза.

Дверь распахнулась, в комнату с радостным визгом «Спасибо, Ани!» вбежала Василинка, повисла на шее у сестры. Затем решительно встала рядом с Марианом, сжала его руку своей теплой ладошкой. В открытую дверь робко заглядывали немного опухшие младшие принцессы.

Принц-консорт, глядя на этот бедлам, тяжело вздохнул.

– Хорошо. Я даю согласие на помолвку. Но свадьбе быть не раньше, чем через месяц, хотя бы в память о королеве. И, барон, вы обязаны найти мага, который обучит вас справляться с вашими пробудившимися способностями. Иначе я никогда не буду уверен в безопасности Василины.

Тем же вечером за ужином Мариан Байдек надел на палец своей невесте скромное помолвочное кольцо, тем самым закрепив свои права. Его зверь сыто порывивал где-то на задворках сознания, перестав беситься. Может, дело было в том, что полная луна уже пошла на убыль. А может, в том, что та, кого он так сильно желал, смотрела на него светящимися глазами, обещающими, что совсем скоро она будет принадлежать только ему.

Ночь. Осень. Мелкий теплый дождь гулко и часто стучит по стеклам. Пахнет свежестью, дымом и сладкой осенней листвой.

Старый домик лесника с единственным светящимся окошком. За домиком веет дымком из пристроенной баньки, спускающейся настилом прямо в озеро.

У окна двое. Девушка, прижавшаяся к плечу мужчины, и ее муж, бережно обнимающий ее и что-то тихо рассказывающий ей на ухо.

Когда-то давно, возлюбленная моя, так давно, что и не вспомнить, на Севере жили такие же суровые и неуступчивые люди, как сейчас. И не было тогда других венчальных обрядов, кроме того, что творили двое в полном молчании под присмотром лунной ночи. Это обряд поклонения жене, обряд обновления и нового рождения...

Я раздену тебя донага, любимая моя, сниму кольца и серьги, чтобы ничего, кроме брачного браслета, не оставалось на теле, распушу твои прекрасные волосы. Отнесу тебя в дом Жара и Здрава и трижды омою тебя озерной водой под присмотром богов. Обрежу твои светлые волосы на три ладони, и мы сохраним их для оберегов наших детей. Нет ничего сильнее, чем волосы девушки в ночь, когда она станет женщиной...

– Хорошо, – выдыхает она покорно, замороженная его низким голосом.

Я распарю твоё тело так, что ты перестанешь чувствовать себя, а кожа твоя станет светящейся, как шелк. Окуну в прохладную купель, и

ты будто заново родишься. Бережно оботру тебя, сердце мое, собирая капли воды с твоего тела, расчешу гребнем и одену в белую чистую сорочку с вышитыми божественными колесами. А затем возьму тебя, теплую и разомлевшую, на руки и отнесу сюда, на наше супружеское ложе. Здесь ты будешь отдыхать и ждать меня, не произнося ни звука, пока я буду омываться сам и творить брачную молитву, чтобы боги даровали нам здоровых детей и долгую любовь. А потом я поднимусь к тебе и сделаю тебя своей женой...

– Хорошо, – шепчет она, и он легко касается ее губ целомудренным поцелуем.

Скрипучая широкая кровать, застеленная хрустящими белоснежными простынями. Потертый теплый ковер на полу. Много цветов, небрежно брошенных чьей-то торопливой рукой, и их медовый запах.

Огонь в камине, статуэтки богов на каминной полке, терпкий запах смолы и раскаленного камня. Девушка, сидящая на кровати в длинной белой сорочке. Мужчина у ее ног, словно поклоняющийся ей. Диковатый блеск его глаз и мощные руки, скользящие вверх по тонким гладким щиколоткам. Хриплый шепот...

Моя...

Теплые губы на внутренней поверхности бедра, головокружительный женский запах, чуть царапающаяся мужская щетина, тонкие пальцы в волосах мужчины, его судорожный вздох.

Моя...

Какое счастье, что я могу смотреть на тебя, сколько захочу, и не отводить взгляд. Какое счастье, что я могу трогать тебя так, как захочу, и видеть, как розовеет твоя кожа и туманится взгляд. Как описать, что я чувствую, когда ты так открыта для меня, любимая? Когда ты так близко, что меня трясет от твоего запаха?

Скользящая вверх по телу брачная сорочка, прикрытые блестящие глаза, совершенная грудь в отблесках пламени. Теплые руки на мягком животе и влажный сосок, попробованный на вкус. Первый приглушенный стон. Первый вздох удовольствия. Пальцы, сжимающиеся на плечах. Мягкое тело на хрустящих простынях.

Как я могу описать тебе, что ты делаешь со мной, просто касаясь меня? Твоя ласка такая робкая, что я периодически замираю, боясь тебя спугнуть. Твои губы такие сладкие, что я бы попробовал их вечно и

не мог бы насытиться. Ловлю твое дыхание, чтобы познать, как ты откликаешься.

Моя...

Как я боюсь сделать тебе больно. Как я хочу тебя. Сердце мое, жизнь моя.

Ты заставляешь мое тело гореть и ударяешь в голову как терпкое вино. Видят боги, я не могу больше ждать. Я слишком долго ждал и точно умру, если прямо сейчас не возьму тебя.

Движение, вскрик, всхлип, стон, слезы в уголках глаз. Мощные руки, удерживающие на месте. Прерывистое дыхание. Нежные касания губ. Прости.

Совсем моя...

Скрип кровати, стук дождя, низкий рык мужчины, сладкий запах цветов, прикрытые затуманенные глаза, судорожные всхлипы-полустоны, треск поленьев в камине, ногти, царапающие сильную спину, наслаждение на грани боли или боль на грани наслаждения.

Как же я жил без тебя все эти годы, не имея надежды хоть когда-нибудь прикоснуться к тебе?

Мыслей больше нет. Есть только бесконечное и безжалостное движение, хриплые крики, стреляющие безумным огнем по позвоночнику, нетерпеливые вздохи. Ставшие вдруг требовательными мягкие губы, солоноватый запах страсти, влажные тела, взгляд глаза в глаза и все ускоряющийся мир, который неумолимо чернеет и вдруг взрывается, заставляя глухо рычать и содрогаться.

Тишина, прерываемая громким дыханием двоих. Ночь, стыдливо заглядывающая в окно. Двое, принадлежащие друг другу. Отныне и навсегда.

Моя? Моя?

Твоя, Мариан. Твоя.

Часть 5. Глава 1

Конец сентября, Великая Лесовина

Марина

Я кормила яблоком маленькую кобылку, которая аккуратно, с громким хрустом кусала сочный плод, касаясь моих рук бархатистыми губами. Она жевала и закатывала глаза от удовольствия, а я обнимала ее, гладила по лбу с белой звездочкой и испытывала такое счастье, которое, наверное, можно ощущать только в детстве.

Раздался свист кнута, и Люк погнал лошадь по кругу. Она в ужасе неслась прямо на горящее кольцо, а я кричала, потому что знала, что случится дальше.

Лошадка прыгнула и вспыхнула огнем, а Люк, превращаясь в Смитсена, сказал многоголосым голосом: «Вот так-то лучше!», – и потянул ко мне удлиняющиеся руки.

Я с трудом, как сквозь кисель, побежала от него, подбежала к умиравшей кобылке. Лошадь хрипела, билась и смотрела на меня мамиными глазами.

«Бей первой, дочка», – сказала она и...

– Марина Станиславовна, ваша смена!

Я с трудом отходила от кошмара, от этого отрывочного бреда, замешанного на подавляемых страхах. Что-то не везет мне со снами в последнее время. До этого не снилось почти ничего; ну не считать же снами однообразные пейзажи, будто смотришь из окна поезда на чужую жизнь в мелькающих деревнях и городах и на бесконечные поля с лесами. А тут как прорвало. Может, стресс от чрезвычайной ситуации так влияет?

«Отсутствие мужика на тебя так влияет», – фыркнул внутренний голос, и я мысленно показала ему неприличный жест.

– У меня уже есть мужчина, – сказала я себе в зеркало, активно работая зубной щеткой.

«Баловство у тебя есть, а не мужчина».

– Он мне нравится? – спросила я у себя и показала язык в пасте своему отражению.

«Пока будешь соображать, найдет себе другую кралю. И останешься без потрясающего секса. Курица».

– Потрясающего? Может, он в постели чурбан чурбаном.

«Угумс, – хмыкнул голос внутри. – Именно поэтому ты ему чуть не отдалась вчера на холме».

– «Чуть» не считается, – пропела я, умываясь холодной водой из рукомойника.

«Целуется он так, что каждая клеточка твоего организма кричит “Возьми меня!”»

– Ну ты и дура, Марина, – сказала я себе на прощание, вытираясь полотенцем.

Настроение, несмотря на кошмар, было хорошее. А затем мне стало не до кошмаров и не до поцелуев. Началась смена.

Люк

Люк Кембритч клеил усы и бороду. Дело это было серьезное, потому что его собственная иссиня-черная щетина отрастала уже через пару часов после бритья. И нужно было замаскироваться так, чтобы ее было не видно, но при этом не выглядеть неестественно.

Прямо с утра Кембритчу принесли извещение от Алмаза Григорьевича Старова. Маг сообщал, что будет готов принять господина Инклера в 14 часов 15 минут, если тот займет у него не более 10 минут. Люк обрадовался и этому, потому что застать Старова дома было невозможно. Но, видимо, оставленное письмо заинтересовало старого мага, и он снизошел-таки до встречи.

А после – к Байдеку. Хорошо, что грим не придется наносить дважды: клей противенько сушил кожу, и под «бородой» начинался зуд.

С Мариной сегодня встретиться не получится, а жаль. Вчерашний вечер доставил ему удовольствие, пусть и странного рода, потому что не привык виконт Кембритч к такой длительной осаде. Хотя... тем слаще будет победа. И пусть она пока не в его постели, но крепость уже дрогнула, и это дело нескольких дней. И, может, его отпустит наконец. Потому что собственное поведение сейчас далеко от рационального и взвешенного. Можно бесконечно отговариваться тем, что он не убежден ни сканированием, ни анализами, и поэтому следует за Мариной. Но это еще более нерационально. В мире не существует способа изменить ДНК и состав крови. Он это понимал. И значит, его

импровизированные маленькие проверки – просто ширма для себя самого, оправдание абсолютно несвоевременного и ненужного сейчас влечения.

А влечение, Люк точно знал, прекрасно лечится несколькими горячими любовными схватками на простынях. Затем женщиной насыщаешься, и становится неинтересно. Вот и теперь хотелось поскорее добиться своего, чтобы со спокойной совестью расстаться с неуступчивой медсестричкой и посвятить себя подготовке к унылому существованию в роли принца-консорта. Если поиски закончатся успехом, конечно. Есть какая-то высшая ирония в том, что каждый шаг к выполнению задания все крепче сжимает на его шее брачное ярмо.

Алмаз Григорьевич долго не открывал, и Люк трезвонил в ворота, стараясь, чтобы это звучало деликатно. Получалось что-то на манер детской песенки. А то кто знает этого старого перечника, судя по тону его письма, он может из принципа не открыть, если вдруг гость покажется слишком настойчивым.

Наконец, когда Люк уже начал рассуждать о том, насколько он готов повторить кадетские подвиги с перелезанием через забор и не подведет ли его нога в самый ответственный момент, калитка заскрежетала, и в проеме появился мрачный молодой человек в белом, заляпанном чем-то неаппетитным халате.

– Вы Инклер? К Деду? – спросил он тоскливо.

– Совершенно верно.

– Сочувствую. Спасибо за передышку, – буркнул парень, развернулся и пошел к миленькому двухэтажному дому, который мог бы принадлежать трепетной вдовушке, но уж никак не супермагу. Во всяком случае, его нежно-горчичный цвет, обилие цветов и кружевных занавесок на окнах навевали вполне веселенькие ассоциации.

Алмаз Григорьевич что-то сурово выговаривал двум стоявшим у двери, ведущей в подвал, заляпанным молодым людям, размахивая клюкой как оружием массового поражения. Поэтому Люк предпочел дожидаться конца воспитательного процесса. Хотелось курить, но Инклер не курил, а Кембритч любил чистоту образа.

Наконец последние гневные рулады затихли, и молодые люди гуськом (к ним присоединился и встречавший его парень) отправились обратно в подземелье. Точнее, в подвал, но вид у них был такой, будто они спускаются в камеру пыток. А старый маг, подойдя к Кембритчу,

хмыкнул, дернул себя за бороду и жестом пригласил пройти в дом. Старов был гораздо ниже Люка, с окладистой седой бородой и седыми же волосами, простым щекастым лицом старичка из сказки. Но глаза его смотрели пронзительно, и двигался он так, будто клюка была нужна ему, только чтобы колотить по спинам провинившихся помощников.

– Евгений Инклер? – сообщил Алмаз стенке, на которой было нарисовано нечто, напоминающее розовую собаку. Стенка раскрылась, оттуда вылетела бутылка виски и пара бокалов. Люк мысленно присвистнул, пока бутылка деликатно наполняла бокалы, смиренно замерев после на журнальном столике между ними. Маг, ничуть не стесняясь, отсалютовал ошарашенному «писателю» и сделал глубокий глоток.

– Стажеры, – пояснил он так и не попробовавшему алкоголь Люку, – ухитрились перекормить единственный мой экземпляр Тина Локунас. Ему под корни нужно подкладывать строго определенное количество корма, иначе мгновенно начинает расти и пытаться сожрать доброхотов. А эти недоумки решили поэкспериментировать с составом. Пришлось выбирать между студиозусами и моим любимчиком, и выбор был, честно признаюсь, нелегок.

– А что случилось? – спросил-таки Люк, пробуя великолепный виски.

– Взорвал я его, что случилось. Теперь вот оттирают... ученички.
– Старов снова хмыкнул. Поставил бокал. – Молодой человек, и зачем этот маскарад?

– О чем вы? – «не понял» Люк. Возникло ощущение, будто его, как мальчишку, сейчас возьмут за ухо.

– Вы что, не знали, к кому идете? – Алмаз Григорьевич протянул вперед руку, растопырил пальцы, сощурился, чуть скосив глаза. – Та-а-ак, кто тут у нас? – маг отхлебнул виски и взгляд его стал пронзительным. – Ага, близкое родство с Кембритчем. Помню его, помню, отирался раньше при дворе, редкостный засранец. Сын?

– Но как? – Люк любил удивляться, но сейчас стало не по себе.

– Аура, молодой человек, это не внешность, ее не переделаешь. Да не сжимайте вы бокал, так видеть и бесконтактно считывать ауру могут только несколько человек в мире.

– У вас хорошая память, – пробормотал Люк, делая крупный глоток и думая о том, что еще этот могущественный старик успел «считать».

– У меня хорошие стимулирующие мозг магпрепараты, – довольно хохотнул Алмаз Григорьевич. – Но я давно ограничиваю круг людей, с которыми общаюсь. Ну-с, рассказывайте, с чем пожаловали, молодой Кембритч?

– Скажите, – лорда охватил азарт, в голове мгновенно мелькнула мысль, – а если, например, вы увидите кого-то из пропавших принцесс Рудлог, вы их узнаете? Даже если они сменили внешность?

– Конечно, – отозвался маг, делая пасс рукой. Бутылка поднялась в воздух, наклонилась, забулькала жидкость, выливаясь в бокал. – Но зачем? Живут где-то девочки, да и пусть живут. И так настрадались, и я, старый дурак, не помог.

– Так они живы? – Ну хоть что-то.

– Живы, живы, – успокоил его маг. – Если бы ветвь пресеклась, нынешняя трясучка показалась бы легким поглаживанием. А так они хоть как-то сдерживают землю Рудлога. Даже удивительно – без всех обрядов, слабенько, но держат.

И Люк, наблюдая, как наполняется теперь уже его бокал, решился и рассказал о своих поисках.

– Понятно, – вздохнул маг, сосредоточенно делая глоток. – Вернуть наследницу на трон ради спасения страны – дело, конечно, благое. Я-то, признаться, совсем другим сейчас занят, в своей обсерватории... впрочем, вам это будет неинтересно. Благое дело, да. Но когда девочек обливали грязью и убивали их мать, кто-то из страны вступился? Нет, проглотили. Я не говорю о Севере, конечно, мы всегда были верны короне.

– Так вы мне не поможете? Не расскажете об амулете?

– О каком амулете? – рассеянно спросил маг, думая о чем-то своем.

Люк вздохнул и повторил рассказ Стрелковского.

– Я практически уверен, что, пойми я действие амулета и заклинания переноса, я их найду. Вы знаете, что это за артефакт?

– Конечно, знаю, сам его для Иринино папеньки делал, – отмахнулся Старов. Затем встал. – Вот что, молодой Кембритч, вы идите. А я подумаю. Ради того, чтобы посадить наследницу, которой

собираются манипулировать, на трон, я бы и пальцем не пошевелил. Но есть у меня и свои соображения. Посоветуюсь кое с кем и напишу вам ответ.

Люк поклонился и вышел, сопровождаемый криком «Не трогайте розы, они усыпляющие».

Итак, остается надеяться на добрую волю старика-рентгена. Ему бы в цирке выступить, аншлаги были бы обеспечены.

Алмаз Григорьевич, проводив виконта взглядом, плеснул себе еще виски и одним движением руки создал длинное Зеркало, разместившееся прямо над столиком. В Зеркале один за другим появлялись сильнейшие маги мира, занятые своими делами.

– Все пьешь, Алмазушко? – ехидно спросил один из них, напоминающий ворона, похоже, занятый сейчас препарацией чего-то неживого.

– Не завидуй, Черныш, твоя печень уже три раза отказывала. Да и по делу я. Коллеги, надо обсудить один деликатный вопрос...

Марина

Возвращалась со смены я бегом, потому что впереди была встреча с Марианом, а я страшно не хотела опаздывать. Зять предупредил, что времени у него будет немного перед вечерним дозором и проверкой постов, а мне очень хотелось побольше узнать о том, как живет Василинка, племяшки и вообще все их счастливое семейство.

Но сначала душ.

Вообще-то я иногда чувствовала неприятное и недостойное чувство зависти, когда думала о семье сестры. И ничего не могла с собой поделать. Одно время я даже была немного влюблена в Байдека, по-детски, конечно, но тем не менее некоторое смущение при общении осталось. Муж Василины был таким мужчиной, о котором могла бы мечтать любая женщина. Верный, сильный, серьезный, надежный. Я бы опасалась, не поддастся ли он чарам какой-нибудь дамочки из тех, что в изобилии обычно вьются вокруг офицеров, но Мариан настолько любил Ваську, что просто не замечал других женщин. Точнее, замечал, но не воспринимал их как существ противоположного пола. Даже к собакам он, кажется, относился теплее, чем к женщинам. Кроме Василины, конечно.

Из душа я вынырнула в полотенце, прикрывшись больничным халатиком, – все равно нормально вытереться в помывочном блоке

нереально, а натягивать одежду на мокрую кожу противно. Зашла в палатку.

На койке стояла огромная корзина дымчато-сиреневых цветов с темно-красными вкраплениями. Рядом лежала коробочка, обитая темно-синим шелком, размером с альбом для рисования. Я, улыбаясь и снимая халат, подошла, вытащила влажными пальцами записку.

«На память о нашем закате. Завтра заеду за тобой. Люк».

Нет, каков наглец, а?

Совсем уже неприлично улыбаясь под негодующие вопли внутреннего голоса о разжиженных мозгах и тупых, падких на сладкое девицах, я наклонилась и открыла коробку.

И застыла.

На блестящей сливочной подкладке лежали, словно брошенные небрежной рукой, светлые шелковые чулки с черной кружевной окантовкой. Очень длинное жемчужное ожерелье-капля – длинная нить, сложенная вдвое и перетянутая посередине драгоценной брошью. Если надеть украшение, оно как раз заканчивалось бы «каплей» на уровне моего пупка. Легкий светло-розовый шарфик-пояс, почти прозрачный, сквозь который хорошо было видно ожерелье. И еще одна записка.

«Наденешь? Хочу увидеть тебя в этом. Только в этом».

Я словно услышала его ироничный хрипловатый голос и дрожащей рукой потянулась к самому безопасному предмету – шарфику. Коснулась гладкой ткани... и он рассыпался тысячами волшебных лепестков, которые медленной прохладной волной проскользили по моему телу вниз, щекоча особо отзывчивые места крошечными разрядами статики, и, достигнув кончиков пальцев на ногах, быстро поднялись вверх горячим, чувственным потоком.

Колени подогнулись, задрожали, и пришлось опереться на койку, чтобы не свалиться.

Нет, он не наглец. Он наглая самоуверенная скотина!

В училище девчонки шептались о таких штучках, изготавливаемых на заказ за бешеные деньги магами. Творение называлось «Медовый поцелуй», или «Письмо страсти», ну или нечто такое же слащаво-медовое. И дарить его было столь же неприлично, как... ну, как дарить чулки и «каплю» с соответствующей запиской.

«Кажется, кто-то четко дает понять, чем закончится следующая встреча», – ехидно подтрунивал внутренний голос. Что-то я частенько начала разговаривать с собой.

– Да уж, понять это по-другому я при всем желании не могу... – Я аккуратно накрыла коробочку крышкой и отошла от нее.

«Зато ты точно знаешь, чего он от тебя хочет».

– Но хочу ли этого я?

«Не ври себе, а?»

– Заткнись, – в сердцах сказала я и пошла одеваться, пока внутренний голос глумливо распевал строки древней любовной поэмы: «Отдайся, дева белокрылая, мучителю желанному ночей твоих бессонных...»

Мариан ждал меня на террасе летнего кафе, расположенного в доме рядом с палаточным егерским лагерем. Я безбожно опаздывала, автобус тащился медленно, и я разглядывала город, потому что посмотреть его нормально так и не получилось. Разрушений было, к сожалению, много. Прекрасные двух- и трехэтажные здания с обрушившимися крышами, упавшие на тротуар заборы, потрескавшиеся стены. И все это – среди пышной зелени. Я в очередной раз удивилась и порадовалась тому, что никто не погиб.

Автобус тихо проехал центр, обогнул Часовую башню и подрулил к парку, где и стоял егерский лагерь. А вот и кафешка, через площадь. Миленько – изгородь с витой калиточкой окружала с десятков выставленных столиков, живые цветы, музыка.

Я издалека увидела мощную фигуру капитана Байдека и ускорила шаг. Он, сидя за столиком, разговаривал с каким-то человеком, но видно их было плохо. По площади туда-сюда шустро сновали автомобили, и пришлось обходить ее полукругом по тротуарам и светофорам, чтобы дойти наконец до вожденной калитки.

Незадолго до этого собеседник Байдека встал, пожал ему руку и направился к выходу. Я с любопытством взглянула на него – блондинчик, высокий, с бородой, на профессора-лингвиста похож. Он как-то странно посмотрел на меня, будто у меня зубная паста засохла в уголке губ (хотя, может, и засохла, собиралась я в состоянии сильного раздрая из-за чьих-то нахальных посланий). Вежливо придержал мне калитку, подал руку – перешагнуть через небольшой водоотвод – и ушел.

С Марианом мы проговорили почти час, и я просто млела рядом с ним. Как же повезло Васе! Хотя, с другой стороны, она сама укротила свое везение и заставила его делать так, как нужно было ей. И оказалась в выигрыше.

– Как думаешь, твои мальчишки скоро начнут перекидываться? – легко полюбопытствовала я. Об оборотнях я не знала практически ничего, и исследователь внутри меня не упустил возможности задать этот вопрос.

Мариан улыбнулся. Он вообще всегда улыбался, когда речь заходила о жене и детях.

– Как мне объяснил консультант, первые осознанные обороты чистокровных берманов начинаются с половым созреванием, лет в двенадцать-четырнадцать. До этого они неконтролируемы. Не знаю, как получится у нас. В любом случае, это будет не скоро.

– А как ты?.. – я запнулась, постеснявшись спросить, как часто он оборачивается сейчас и не пугаются ли дети. И не гоняет ли его Васька из дома в такие дни.

Последнее я, конечно, и так бы не спросила, потому что это девочкин вопрос, который можно обсудить с сестрой, валяясь в кровати, но мысли потекли именно в этом направлении.

Мариан понял мое любопытство, ответил, как всегда, медленно и спокойно:

– Я сейчас почти всегда могу контролировать оборот, Марина. Маг-консультант, к которому я обращался, дал почитать пособие для подростков-оборотней. Они, оказывается, активно издаются в Бермонте. С картинками, – Мариан усмехнулся. – Забавно было вернуться почти в кадетское прошлое и учиться тому, что истинные берманы умеют сами по себе.

Мы еще поговорили, я передала горячие приветы Васюте, маленькие подарки для детей, и затем двинулись на выход. Барон Байдек проводил меня до первого светофора, крепко и радушно обнял и направился в часть. Ну а я – отсыпаться.

Но на прощание, когда я уже уходила, Мариан тихо сказал:

– Марина, видела человека, с которым я разговаривал?

– Блондинчика? – я кивнула. – Столкнулись с ним на входе. А что такое?

– Он попросил дать ему интервью для книги. Якобы пишет про жизнь королевской семьи до переворота. Я, конечно, изложил официальные факты. Но я уверен, что он никакой не писатель. Похож на сыскаря. Я на них насмотрелся за время службы. Взгляд, повадки. Неосознанно тянется рукой к карману, играет ручкой как сигаретой, но сигарет нет. Бережет ногу, будто там мозоль или обувь не по размеру. Темные волоски на запястьях и светлые волосы с бородой. Слишком выверенный образ. По отдельности вроде и ничего, и объяснимо, но все мелкие детали вместе создают ощущение недостоверности. Может, я и перестраховываюсь, но попрошу своих людей за ним проследить. Не нравится мне это.

Я поежилась:

– Почему ты сразу не сказал, Мариан?

Он пожал плечами:

– Зачем? Мы с тобой прекрасно пообщались. А сказал бы сразу, ты стала бы дергаться и разговора бы не вышло.

Капитан, как всегда, был прав. А я, шагая обратно к автобусу, все выискивала глазами этого типа и нервно дергалась, будто ощущая на себе его взгляд. Совсем я забыла об осторожности с этим безумным режимом и морочащим мне голову Кембритчем. Будто все мы уже в безопасности. Будто не было Смитсена, убившего маму, потока сыщиков, разыскивающих нас, и переездов с места на место, чтобы только начать жить спокойно.

Люк сидел в припаркованном старом автомобиле и, не подозревая о своем провале, медленно провожал взглядом удаляющуюся девичью фигурку. Да уж, он чуть не «спалился» у входа, когда увидел перед собой Марину. Как ему удалось сориентироваться и не выдать себя, только богам известно. И если факт посещения девушкой кафе нареканий не вызывал – мало ли что Марине там могло понадобиться, – то вот общение с Байдеком, когда-то давно охранявшим вторую Рудлог и, по слухам, влюбленным в нее, уже походило на очередное странное совпадение. Кембритч видел, как долго разговаривали эти двое, как они обнимались. Было понятно, что их связывают теплые отношения. И, помимо заходящейся в крике интуиции, Люк явно чувствовал на периферии сознания ядовитый шепоток ревности.

– Марина Станиславовна, там вас ждут!

– Подождут. Спасибо, Катюш.

Выходя с внеплановой вечерней планерки под любопытствующими взглядами коллег, я, зажав сумочку под мышкой, сильнее запахнула легкую куртку, в очередной раз пожалев, что не заехала перед командировкой домой за вещами. Если бы не лорд Кембритч с его поцелуями, не мокла бы сейчас под дождем.

«Разве ты была против?»

– Заткнись, а?

Иссиня-черные тучи, зависшие над Лесовиной, отчетливо намекали, что готовят что-то поэффектнее нынешнего морозящего дождичка. В глубинах наступающих грозových облаков то и дело вспыхивали зарницы и глухо, далеко ворочался гром.

Люк ждал меня у машины, ничуть не смущенный капризами погоды. Высокий, худощавый, опасный. Для меня опасный, ага. Карие глаза, темные волосы, все тот же выдающийся нос, узкое рельефное лицо. Ну вот ни разу не красавец. Что же ты нашла в нем, Марина?

Улыбнулся краешком губ, привлек к себе, скользнув теплыми руками по бедрам, ткнулся в мокрую щеку быстрым поцелуем с запахом табака и свежей туалетной воды. Открыл мне дверь, сам уселся за руль.

– Я боялся, что ты не придешь, – хриплым голосом скользнул по мне, как давешние лепестки «Поцелуя страсти». Сам он смотрел на дорогу сквозь работающие на полную мощность дворники, немного шурясь от огней проносящихся навстречу машин. В салоне раздражающе пахло новой кожей, сигаретами и Люком.

– Была такая мысль, – признала я. Была, была, чего уж тут стесняться. Спрятаться, пересидеть у коллег, уехать гулять в город...

– Но ты все-таки здесь?

Пожала плечами, закручивая влажные волосы наверх. Куртка-таки промокла и неприятно холодила кожу.

– Не привыкла бегать от трудностей.

Люк хмыкнул, мазнул взглядом по моим бедрам. Да, милый, я в брюках.

– Ты надела чулки?

Вот, сразу проясняем диспозицию и планы на вечер.

– Нет, конечно, – я с удивлением взглянула на него.

Засмеялся хрипло, с удовольствием.

– Я так и думал. А жемчуг?

– Отдала волонтерам. На помощь детям, пострадавшим при землетрясении.

Он кивнул, потом укоризненно покачал головой:

– Ты знаешь, что оно было изготовлено в единственном экземпляре и стоит больше, чем две мои машины?

– Вот видите, какой вы щедрый и как сильно любите детей, лорд Кембритч, – ядовито ответила я, и он снова тихо засмеялся.

– Ты такая колючая, Марина. Голодная, наверное?

– Голодная, – призналась я. – И злая.

– То-то мне кажется, что ты сейчас прыгнешь и начнешь меня грызть. Скоро уже приедем. Везу тебя кормить и задабривать.

– Опять в пафосное место, где столовые приборы стоят больше, чем я зарабатываю за год?

– А что, – проговорил Люк своим невозможным голосом, снова скользнув по мне острым взглядом, – неужели тебе не понравился наш закат, Маришка?

И было абсолютно ясно, что говорит он вовсе не про закат.

Я не стала на это отвечать, да и зачем? Вранье бы выглядело кокетством, а сказать правду означало дать ему возможность продолжить игру на его условиях. Да и Кембритч сам все прекрасно знал.

Достала из сумочки сигареты, прикурила. Люк нажал на какую-то кнопку, плавно скользнуло вниз окно, и дым потек наружу, к несущимся мимо домам, смешиваясь с дождем, туманом и светом вечерних фонарей.

В этот раз он привез меня в крохотный двухэтажный бар, где по запотевшим стеклам высоких окон струились потоки воды, официанты были мрачны, посетители громкоголосы и во всю мощь играла тяжелая музыка. Разговаривать с таким звуковым сопровождением было невозможно. Кормили, впрочем, отменно, и я с удовольствием предалась чревоугодию, не обращая внимания на внимательный взгляд карих глаз Кембритча.

Затем мы пили крепкий обжигающий кофе из маленьких чашечек, как намек на то, что ночного сна нам не видать.

«Соблазнилась-таки?» – шепнула ехидна в моей голове.

«Ты заткнешься наконец или нет?!!»

– Ну что, готова к очередному сюрпризу? – спросил Люк небрежно, когда мы добежали до припаркованного автомобиля и забрались внутрь.

– Я начинаю бояться твоих сюрпризов, – пробормотала я, но он услышал, усмехнулся.

– Обещаю, ничего неприличного. Тебе понравится, слово Кембритча. Поехали?

– Поехали! – А что мне оставалось делать? Кричать, чтобы отвез домой?

«Могла бы и покричать, если бы не хотела...»

Ехали мы довольно долго, и я задремала, откинувшись на спинку сиденья. Люк пару раз что-то спрашивал, я отвечала невпопад, и он, видимо, понял, что нужно дать моему насытившемуся организму время прийти в себя. Но когда доехали, долго тормозил, уговаривал, я бурчала и ругалась, но все-таки вскочила, когда он пригрозил, что сейчас доставит мой бесчувственный организм к себе в апартаменты и там коварно надругается. Знал ведь, чем взять. Я курила, злилась и улыбалась, потому что сердиться на этого наглеца больше не было сил.

Видимо, мы приехали куда-то за город. Машина остановилась под широким козырьком огромного круглого здания, и рядом с нами уже стояло несколько не менее шикарных авто. Опять какой-то клуб для богатеньких?

– Марина, – голос Люка оторвал меня от размышлений, и я, затушив сигарету, обернулась к нему. – Мне надо завязать тебе глаза.

Ага, сейчас.

– Я же обещал, что не будет ничего неприличного, – он верно истолковал скептическое выражение, появившееся на моем лице. – Обещаю, что даже пальцем тебя не трону. Тебе понравится, ну не упрямся, Маришка.

– Ни за что, – я не отступила, хотя очень хотелось. – Я вам не доверяю, лорд Кембритч.

– Ну пожалуйста, детка, – прошептал он хрипло, наклоняясь ко мне. – Я совершил почти невозможное, договорившись о приезде в такое время. Всего несколько десятков шагов с завязанными глазами, неужто ты боишься?

Проклятый манипулятор!

Он аккуратно провел меня по гулкому коридору, открыл дверь. Запахло сухой травой и еще чем-то, знакомым с детства. Еще несколько шагов, какое-то движение, стук. Не отошедшее от сна сознание отказывалось складывать окружающие меня звуки и запахи в единую картину.

– Протяни руку, – проговорил Кембритч ласково, и я послушно вытянула руку вперед. Люк перевернул ее ладонью вверх, вложил что-то округлое и гладкое. И тут же моих пальцев что-то коснулось, захрустело, зачмокало.

Я, чувствуя, как тело крутит волнами паники, сорвала повязку. Мы находились на крытом ипподроме. Передо мной стояла маленькая кобылка с белой звездочкой на лбу и аккуратно, касаясь моей руки бархатными губами, с хрустом кусала яблоко.

Я перевела испуганный взгляд на обеспокоенное лицо Люка, чуть улыбнулась онемевшими губами, всхлипнула и упала в обморок.

Очнулась я от раскатов грома. Мерзкая вязкая тьма быстро отступала, и я приоткрыла глаза, часто заморгав от яркого света. Задрожала от холода, и затекшее тело закололи болезненные иголки, возвращая тепло и чувствительность. Кожа была липкой и влажной, видимо, от перенесенного адреналинового выброса. В ушах громко шумела кровь, и сердце колотилось как безумное.

Постепенно глаза привыкали к свету, и я огляделась, приподнявшись. Не моя палатка и точно не больница. Огромная комната в синих тонах, яркая люстра под потолком, большой телевизор на стене напротив, кресло с моей сумочкой, небрежно брошенной туда, и курящий мужчина у открытого окна. За окном была погодная катастрофа – стоял тяжелый гул от вспахивающего землю мощного ливня, барабанившего по подоконнику, не переставая грохотал гром, а частые молнии высвечивали профиль Люка, придавая ему выразительности.

– Закрой окно, а то вдруг шаровая молния залетит, – попросила я, и он оглянулся, бросил недокуренную сигарету в окно, закрыл створку.

– Боишься грозы? – уселся в кресло рядом с кроватью, положил ногу на ногу.

– Боюсь пожара, – ответила я, передернув плечами. Кожа противно зудела.

– И лошадей боишься? Интересно, почему?

– И лошадей. Детская травма, – я спустила ноги с кровати, оглянулась в поисках заветной двери.

– Извини, – Люк взял меня за руку, коснулся ее губами. – Я не ожидал, что будет такая реакция. Хотел сделать сюрприз неуступчивой девушке.

– Считай, сделал, – я отобрала у него руку, потому что моя ладонь тоже была влажной, как у истерички после приступа. – Не зря я отбрыкивалась, знала ведь, что добром не кончится. – Оглядела еще раз комнату. – Мы у тебя?

– Ага, – хрипло отозвался он, не сводя с меня странного взгляда.

– Покажи, пожалуйста, где ванная, и дай мне какую-нибудь футболку. – Кембритч прищурился, брови его взметнулись вверх. Боги, я полудохлая, а у него мысли только об одном. – И не смотри так, – фыркнула я, – мне жизненно необходимо смыть с себя адреналиновый пот и сменить одежду. И, раз я у тебя в гостях, организуй мне сладкий чай или шоколадку и апельсиновый сок, иначе минут через двадцать я буду погибать от мигрени.

– Будет сделано, моя госпожа, – Люк чуть насмешливо наклонил голову, встал сам и помог подняться мне.

Меня чуть-чуть шатало, но больше от слабости в ногах. Прислушалась к себе – не хотелось бы повторить незабываемый опыт обморока. Нет, нормально, не рухну. Я с наслаждением сняла противную, пахнущую страхом одежду и встала под горячие струи вместе с головой. Переночую у Кембритча, а завтра с утра – на работу. Не выгонит же.

«Вот и нашелся достойный повод остаться на ночь, да?»

– Не пори чушь. Мне сейчас противопоказаны любые нагрузки.

«Ну да, ну да», – противно хмыкнул внутренний голос.

Пока я приходила в себя в душевой кабинке, Люк деликатно сложил на плитку ванной у входа целый ворох одежды.

Промокнула волосы, натянула, морщась, свое влажное белье, но ощущения были такими мерзкими, что пришлось снять, застирать и повесить на горячий полотенцесушитель, скромно прикрыв полотенцем. Надеюсь, до завтра высохнет. Задумчиво посмотрела на склад одежды у входа. Та-ак, и что тут у нас? Весь гардероб богатого мальчика?

Остановилась на фиолетовой рубашке, которая из-за разницы в росте доходила мне чуть ли не до колен, влезла в серые спортивные штаны, повисшие на мне как шаровары. Пришлось затягивать тесьму, чтобы не сползали с попы, и закатывать штанины. Выглядела я довольно смешно, но главное – одежда была чистой и приятно легла к телу.

Сунула ноги в заботливо предоставленные хозяином апартаментов огромные мужские тапки, взяла в охапку остальную одежду и в таком виде вышла из ванной.

Гроза все громыхала, а Люк снова курил. Обернулся, окинул меня нарочито ленивым взглядом, засмеялся.

– Ты похожа на беспризорника.

– Зато я чистый и бодрый беспризорник. Куда сложить? – кивнула на одежду у себя в руках.

– Кинь в кресло, с утра горничная уберет, – отозвался он, все так же разглядывая меня с каким-то нездоровым интересом. – Сладкое на столике. Только что принесли.

Лорд Кембритч весьма оригинально интерпретировал мой запрос о шоколадке. Уж не знаю, как ему удалось сделать это за недолгое время, пока я блаженствовала в душе, но столик у стенки был сервирован так, будто мы не пообедали несколько часов назад в баре. Накрытое крышками горячее, закуски, выложенные рядами пирожные на длинном блюде, чайник с чаем на пробковой подставке, вино, коньяк, кувшин свежесжатого апельсинового сока.

– Внизу ресторан круглосуточно работает, – пояснил Люк, увидев мое удивление. – Позвонил, принесли в номер то, что было готово.

– А-ы-ы, – промычала я, садясь в кресло у стены и кусая сладкое хрустящее пирожное. Глюкоза радостно побежала по венам, питая послеобморочный мозг. – Вкусно, спасибо.

Он подошел, сел напротив, плеснул себе коньяка.

– Останешься со мной? – спросил хрипло и как-то выжидающе. Ну вот, опять. Я дожевала пирожное, аккуратно вытерла руки о салфетку.

– Лорд Кембритч, если вопрос в том, останусь ли я тут ночевать, то ответ – да. Если вопрос в том, буду ли я с вами спать, ответ – нет.

– Ну хватит, – раздраженно сказал он, со звяканьем отставляя бокал на стол. Я пожала плечами, потянулась за вторым пирожным, и

тут меня дернули наверх, поставили на ноги и поцеловали.

Все-таки он невероятно эгоистичная скотина!

Разгорающаяся злость сменялась жаркой слабостью и снова возвращалась. Меня крепко держали за затылок и талию, не давая вырваться, и Люк, пахнувший сигаретами и крепким алкоголем, буквально сминал мою волю, то жестко впиваясь в губы, то нежно лаская их. Я кусалась и царапалась, дергала ногами, но все попусту. В какой-то момент он просто перехватил мои руки и вжал меня в стенку, продолжая свое нападение. В голове шумело, будто я тоже хлебнула коньяка. А он, хрипло дыша, уже тянул одной рукой наверх мою рубашку, второй настойчиво водил по боку, от бедра к груди, по чувствительной, покрывающейся мурашками коже.

– Люк, нет, нет!!! Я не хочу! Только по моей воле! Только по моей воле! – кричала я ему в ухо, барабанила кулаками по плечам и пытаюсь опустить рубашку вниз. Он, словно не слыша меня, рванул ворот, посыпались пуговицы, и вместе с первым холодком меня окатила волна паники. Это не игра! Он же меня сейчас изнасилует! Голову сжал тяжелый обруч почти до потери сознания, ладони заледенели, их стало покалывать.

– Боги, – прошептал он хрипло, рассматривая мою грудь, а затем приподнял и ткнулся носом в один из сосков. Лизнул, втянул в себя, и я замерла на грани истерики. А Кембригч, почувствовав, что я прекратила сопротивляться, глухо и самодовольно пробормотал куда-то в область моего солнечного сплетения:

– Я же говорил, что тебе будет хорошо, злая девочка.

Вернулась оглушающая ярость, да такая, что я зашипела, больно вцепившись в его плечо зубами. Он легко тряхнул меня, мол, не ломайся, все равно будет по-моему. Пылающий ком ярости в моей груди вдруг потек по немеющим рукам, излившись обжигающими призрачными плетями, и я с рычанием отшвырнула Кембригча от себя потоком чистой силы.

– Ур-р-род! – запахнула рубашку, ноги подкосились, пришлось опереться на стенку. За окном грохотал гром. Люк поднимался на ноги, держась за спинку кресла, и в лице его не было раскаяния – только какое-то удовлетворение.

– Маленькая медсестричка полна сюрпризов, как я погляжу, – сказал он с насмешкой и медленно двинулся ко мне.

– Не подходи, – прорычала я, отступая по стене. Он двигался параллельно, а входная дверь была прямо за ним. – Не пожалею. Тварь!

– Скажи мне, Маришка, – Люк внимательно следил за мной, и глаза были холодными, изучающими, – откуда в тебе столько тайн? Почему ты всегда так прямо держишь спину, даже когда вымотана после смены? Почему твоя речь такая правильная, даже когда ты выходишь из себя? Почему равнодушна к драгоценностям и не смущаешься мест, где человек твоего класса просто растерялся бы? Откуда девочка, обучавшаяся на дому, знает этикет на уровне лучших школ столицы?

Снова захлестнула волна паники, и я стала прикидывать, удастся ли мне сейчас, если метнусь, пробежать мимо него к выходу. В горле стоял ком, хотелось закрыть пальцами уши, заорать и заставить его замолчать.

Но он продолжал, и с каждым предложением становилось все страшнее:

– В ресторане, куда мы ходили позавчера, сервируют столы полной выкладкой, как делается только в домах высших пэров королевства, и то на праздники. А ты ни разу не ошиблась с приборами. Откуда в тебе эти знания, Марина? Откуда ты знаешь барона Байдека? И почему боишься лошадей до такой степени, что падаешь в обмороки?

Я смотрела на него и не верила, что этот холодный, угрожающий человек – знакомый мне Кембритч. Он словно парализовывал меня своими словами, и я тряслась как мышка перед удавом.

«Теперь ты понимаешь, почему во сне он явился тебе Змеем?»

Внутри ревел поток, струясь по рукам, и от напряжения, от попытки сдержать его перед глазами плясали черные мушки. Но мозг выхватил фразу про Байдека, переварил, и меня осенило:

– Так это ты? Сыщик?

Он ухмыльнулся, и я, чувствуя, как темнеет в глазах от страха, ударила снова, со всей силы – так, что Люка просто смело и впечатало в стену, и он завалился набок со стоном. Жалости не было, этот человек угрожал мне и моей семье.

Надо бежать. Надо собрать девчонок, отца и уезжать прочь из страны. Но как добраться в столицу? Через телепорт меня никто не

пустит без директивы от главврача госпиталя.

Я беспорядочно металась по комнате, втискиваясь в свою одежду, надевая туфли. Белье оставлю на память предателю, все равно мокрое.

Схватила сумочку, подошла к нему. Наклонилась.

– Где ключи от машины?!!

Люк улыбнулся одними губами, в глазах плясало безудержное веселье, будто он наслаждался ситуацией. Он не шевелился. Надеюсь, я сломала-таки ему позвоночник и эта скотина до конца дней своих меня запомнит.

Я полезла по его карманам, раздраженно шипя, потому что ключей не было. Смяла ткнувшуюся в руку пачку сигарет, бросила на пол, растоптала ногой. Сунула в сумку телефон, сложенную пополам пачку денег. Ничего, не обеднеет.

Ключи нашлись в заднем кармане, и чтобы достать их, пришлось перегнуться через Кембритча. И когда я уже отодвигалась обратно, он хрипло шепнул, заставляя мое глупое тело болезненно сжаться:

– Красивая.

Я зажмурилась и изо всех сил, со злостью пнула его ногой в живот. Он судорожно выдохнул, сжал зубы. А потом ударила еще раз и еще. За «Марина, вы мне очень нравитесь». За обжигающие поцелуи. За крушение своей жизни и жизней сестер. За «наш закат». За проклятые чулки, лежавшие в моей сумочке. За то, что мне было так хорошо с ним.

Ушла не оглядываясь и только в лифте, посмотрев в зеркало, поняла, почему «красивая». Ко мне вернулась моя внешность. Думала, хуже уже быть не может. Теперь я как живой маяк для сыскарей всех мастей.

Когда машина Люка, все так же пахнувшая кожей, табаком и им самим, уже неслась по магистрали под бушующей ночной грозой в сторону Иоаннесбурга, я, не в состоянии больше сдерживаться, орала изо всех сил под басы ревущей аудиосистемы, пока не зазвенело в ушах, не затрясло и, наконец, не отпустило.

Люк Кембритч смог пошевелиться только через час. Дотянулся до растоптанных сигарет, нашел наименее пострадавшую, закурил, глубоко затянулся. Задание было выполнено. Марина никуда не

денется, а значит, и сестры тоже. Сейчас он только покурит, доползет до телефона и сделает нужные звонки.

В письменном столе у окна, в закрытом ящике, лежало письмо от Старова Алмаза Григорьевича. Его принесли накануне вечером. Старый маг был лаконичен:

«Кембритч,

Я обсудил с коллегами вашу просьбу.

Оставим детали. Возвращение наследницы дома Рудлог на трон необходимо. Я слишком увлекся своими исследованиями и упустил, насколько серьезно дестабилизирован Рудлог. Если наследницу не вернуть, стране и миру предстоят нелегкие времена. К сожалению, никакой возможности оставить девочек в покое нет – рано или поздно им все равно придется делать выбор. И если сделать его слишком поздно, последствия для страны будут катастрофическими. И трагическими, в том числе для них самих.

Амулет, как я уже говорил, изготовлен мной. В него влетено простейшее, но мощное защитное заклинание, единственная цель и суть которого – обеспечить при активации абсолютную защиту для живых носителей королевской крови и их родных в радиусе двадцати шагов. Амулет переносит их в самое безопасное для них место, меняет внешность, обеспечивает непроницаемость для магического сканирования и любых других проверок. Ментальные и физиологические параметры не меняются, но аппаратура дает сбой при изучении и выдает другие результаты, а сканирующие видят обычного человека. Только аура остается прежней, потому что изменить ее невозможно.

Полагаю, саму королеву амулет не перенес, потому что на тот момент, по рассказу полковника Стрелковского, она уже была на грани смерти.

Заклинание завязано на личный магический резерв каждой из принцесс и питается от него. Со временем становится немного слабее, но работать может долгие годы. Так как резервы у Рудлогов огромны, необходимо длительное физическое, психическое и мощное магическое истощение, наложенное на сильнейшие опустошительные эмоции, чтобы заклинание больше не имело ресурса для продолжения действия.

Других способов снять заклинание не существует. Даже я не мог бы сейчас убрать его, потому что за столько лет оно уже срослось с аурой девушек. Возможно, с несколькими коллегами мы могли бы попробовать. Но они решают действительно глобальные проблемы, на фоне которых ваша – просто мелкое недоразумение, и отвлечь их невозможно.

Удачи в поисках. Не наделайте ошибок, Кембритч. Не заставьте меня пожалеть о своем поступке. Обязываю вас обеспечить их безопасность, иначе прокляну.

Кстати, одна из девочек сейчас в Лесовине, вряд ли старшая, слишком слабая для старшей, но пламя ауры Рудлог я ощущаю уже несколько дней, с момента своего возвращения.

Старов».

Часть 5. Глава 2

Конец сентября, шоссе Великая Лесовина – Иоаннесбург

Марина

Я, нервно поглядывая на дорогу сквозь заливаемое ливнем стекло, быстро набирала телефон Валентины – нашей соседки в Орешнике. Видимость была почти нулевая, погода сошла с ума, а молнии и редкие встречные машины, проносящиеся мимо, заставляли меня сжиматься. Слава богам, что магистраль была широкая и почти прямая, иначе в какой-нибудь резкий поворот я бы точно не вписалась.

Все-таки я никогда не водила спортивные машины, и управление было сложным: чуть пережимаешь педаль – и уже летишь так быстро, что не можешь сориентироваться. Да и шла машинка, в отличие от моей старушки, легко, реагировала на малейшее движение руля, не грохотала и хрюкала, а с шипением скользила по дороге.

Да уж, проклятый Змей знает толк в автомобилях, гонщик все-таки. Урод лживый, лучше бы он в той аварии шею сломал! Скотина подлая! Предатель! И почему из всех миллионов жителей Иоаннесбурга мы встретили и решили подвезти именно этого подонка? Что за шутки богов такие? Если бы знала – проехала бы мимо. Никогда. Никогда больше никого к себе не подпущу. Хватит, уже подставила всех так, что хоть выворачивай руль – и в дерево.

При мысли о Люке меня снова затрясло, и я включила обогрев посильнее.

Будить Валентину было стыдно, трое детей в доме, но предупредить сестренку и отца важнее. Соседка долго не брала трубку, хотя телефон должен был перебудить весь дом. Затем что-то щелкнуло, и наступила тишина.

Странно. Я снова набрала ее телефон, но гудки не прошли. Видимо, отключила на ночь аппарат от сети. Что же делать?

Уже чувствуя тошнотворный привкус паники, набрала Василинку. Два номера, которые знала наизусть. Больше звонить некому.

Опять долгие звонки, но трубку сняли. Сонный голос экономки произнес:

– Да?

– Это Марина. Позовите к телефону хозяйку.

– Но... госпожа спит, – растерянно произнесла трубка, и я, не сдержавшись, заорала:

– Позовите Василину быстро!!!

Ойканье, торопливые шаги, тишина. Какое-то пиликанье в трубке – я посмотрела на нее, шел параллельный входящий звонок. Ага, сейчас. Так я и ответила.

Дождь стал еще злее, хотя казалось, больше уже некуда. Молнии вспарывали небо, а я упорно гнала вперед, слушая тишину в телефоне, периодически прерываемую входящими звонками. И кто это у нас такой упорный?

«А то ты не знаешь кто...»

– Тварь ползучая!!!

Я выругалась вслух, и тихий удивленный голос Васюши в трубке спросил:

– Марина, что случилось?

«Сестричка моя любимая... прости дуру...»

Начала рассказывать – все, с нашей первой встречи с Люком, и меня прорвало, зарыдала на середине рассказа. Пришлось свернуть на обочину, иначе суицидальный план стал бы реальностью. Рассказывала, давясь слезами, а сестра слушала без слов, мне иногда даже казалось, что связь прервалась, и я нервно спрашивала «Ты здесь?». «Здесь», – отвечал родной голос Васютки, и я продолжала плакать и рассказывать.

– Мариш, успокойся, – в голосе сестры проскользнули материнские нотки. – Где ты сейчас?

– Где-то в часе от Лесовины, Васюш. Еду к нам. Приеду, заберу девчонок, отца, если успею, и через границу. Там попросим убежища. Но, боюсь, не успею, если за нас взялись всерьез.

– Марин, разворачивайся. Приезжай к нам, Мариан нас защитит. Ангелинке позвоню сейчас.

Я снова почувствовала ревнивый укол в груди. «Мариан нас защитит», – сказала она. С такой спокойной, непоколебимой уверенностью. Ну почему ей достался идеальный мужчина, а мой первый опыт оказался настолько грязным?

– Я уже звонила Валентине, она не берет трубку. Зря мы сэкономили на телефоне. Теперь расхлебываем.

– Марин, я сейчас позвоню мужу. Он что-нибудь придумает. А ты езжай к Орешнику, делать нечего. Надеюсь, все обойдется. А что это за номер, новый твой? Я перезвоню, когда поговорю с Марианом. – И добавила уже мягче: – Не накручивай себя. Мы все забыли об осторожности, но не повезло только тебе. Твоей вины здесь нет, просто случайность. Мы все знали, что когда-нибудь это случится, рано или поздно.

Легче мне не стало, но я хотя бы выговорила. Попрощалась, положила трубку. Вытерла слезы, завела машину, хотя дождь не стал слабее.

Снова входящий вызов.

– Да?

– Бежишь, принцесса? – хрипловатая издевка самого ненавистного человека на Туре.

– Ты еще не сдох? Мало показалось?

– От тебя – хоть удавку, злая девочка.

Я зашипела, дернулась от пронесшейся навстречу машины, выругалась матом.

– Сбавь скорость, дурочка. Все равно не успеешь. Ты стране нужна живой. А лучше возвращайся. Больше не обижу, обещаю.

– Слушай, дойди до окна и выбросись из него, а? – боль и ярость от пережитого снова накрыли меня, перехватило дыхание.

– Не могу, – смешливо, словно забавляясь, отозвался он. – Ты сломала мне ногу. Повторно.

– Жалко, что не шею, – озвучила я наконец свою кровожадную фантазию и отключилась. Хотела выбросить телефон, но остановило то, что Василина обещала перезвонить. И я, упрямо нажав на педаль, ускорила и понеслась вперед.

Сидевший на полу Люк Кембритч отнял трубку от уха, улыбнулся, откинул голову на столик, где стоял телефон, и прикрыл глаза. Вместо того чтобы звонить Тандаджи и вызывать врача, он упорно дозванивался до Марины, зная, что у нее не выдержат нервы и она ответит. Скрыться не скроется – во-первых, все телефоны агентов оборудованы маячками, во-вторых, ей некуда ехать, кроме как к своей семье, а там-то их и возьмут. И действительно, только бы не разбилась. Этого он себе точно не простит.

Люк начал набирать номер начальника и не успел. С грохотом открылась дверь, и в гостиную один за другим стали заходить вооруженные люди в форме егерских войск Севера Рудлога. Заломили руки, отбросили трубку, подняли на ноги, и Кембритч чуть не заорал от боли. А затем быстрым уверенным шагом в комнату вошел знакомый виконту капитан Байдек.

– Где Марина? – сухо и тяжело спросил тот, быстро осмотрев номер. Отметил и перевернутый столик, и разбросанную одежду, и стол, сервированный на двоих. И состояние Кембритча.

– Здесь женское белье, кэп, – сообщил голос из ванной. Нежданные гости деловито перерывали апартаменты, особо не церемонясь.

– А вы ей кто? – инстинкт охотника был сильнее боли.

– Знакомый, – буркнул барон. – Вы арестованы за похищение человека, виконт. Сейчас вас отвезут в Управление, и там вам придется ответить на вопросы.

– Захватите мои сигареты, барон, – усмехнулся лорд Кембритч, кривясь от боли в сломанной ноге.

Получасом ранее барон Мариан Байдек слушал сухой отчет патруля, направленного проследить за Инклером. Машина журналиста была оставлена у апартаментов «Сиятельство». В отель за последние дни въехал только один человек, и звали его Люк Кембритч. По словам отследившего виконта служивого, Кембритч заезжал в палаточный госпиталь и ждал там девушку, которая добровольно села в его машину. Скорее всего, у них близкие отношения. Капитану показали фотографию, и на ней Байдек с тревогой узнал Марину.

После парочку довели до бара, подождали там, проследовали до ипподрома. А вот оттуда Кембритч выходил уже с бесчувственной спутницей на руках. Довез девушку до отеля и поднялся с ней в номер.

Этого было достаточно, и Байдек отдал приказ организовать группу захвата и выезжать на место.

К сожалению, возможности человеческого организма не безграничны, и под утро у меня стали слипаться глаза. Я гнала всю ночь, и до Орешника оставалось чуть менее трехсот километров, когда начала клевать носом. Пришлось заехать на отходящую от магистрали

лесную дорогу, припарковаться, посетить кустики и поспать хотя бы пару часов.

Задержка была смерти подобна, но немного обнадеживал тот факт, что часа через два после нашего разговора до меня дозвонилась Василинка и сообщила, что Змея Кембритча арестовали. Мариан, как всегда, оказался на высоте. Он обещал продержаться сыскаря под замком так долго, как позволяет закон. И оставалось надеяться, что проклятый лжец не успел сообщить никому информацию обо мне. То есть о нас. Все-таки мало я его приложила.

Мысли естественным образом перешли к внезапно проснувшейся силе. Раньше мне казалось, что я самая бездарная из всех сестер, даже перекидываться училась почти месяц, тогда как сестры освоили это за день. Даже Алина, в которой очень мало было от Рудлог, научилась быстрее. Единственное, что мне было дано, – «настройка» на сестер. Я всегда могла почувствовать, где они в данный момент находятся. Впрочем, в той или иной степени мы все друг друга ощущали, поэтому и игра в прятки у нас как-то не прижилась. Но я была настоящим живым компасом. Почти как мама – уж от нее-то спрятаться было нереально.

Это немного грело душу и утешало самолюбие, потому что Ангелина давно умела зачаровывать, Василина – успокаивать, и обе старшенькие, когда сердились, становились опасными для окружающих, вызывая локальные атмосферные аномалии. Пол и Алинка вообще научили нас всех полиморфии, хоть и после того как Полли чуть навсегда не осталась с лошадиной физиономией и другими частями тела. А я была бездарь бездарем.

И тут надо же – плети проклятий, как у мамы. И потоки силы. Именно такими она была демона, и теперь я тоже так могу.

Или не могу?

Я проснулась около восьми утра, и организм отчаянно требовал спать дальше. Подняла себя любопытством – смогу ли снова вызвать призрачные плети. Увы, в лесочке не шелохнулось ни деревца, как я ни старалась вспомнить и повторить ощущения, поэтому не стала больше терять время, села за руль и поехала дальше. Может, у меня это проявляется только в расстроенных чувствах, как ментальные атаки у Ангелины во время истерик?

Зазвонил телефон, незнакомый номер.

– Да?

Недоуменная пауза, мужской голос:

– Милая дама, разбудите Кембритча, будьте добры. Передайте, что с ним очень хочет поговорить его друг Майло.

– Не знаю никакого Кембритча, – буркнула я и отключилась. Телефон звонил еще несколько раз, но я не отвечала.

Очень хотелось есть и пить, но я боялась быть узнанной. Это в кино героини надевают черные очки, закутывают платком голову и смело ходят мимо ротозеев-сыщиков. Нет, может, этот способ и сработал бы, но вот беда – не было ни платка, ни очков. Разве что куртку на голову намотать. Тогда уж точно запомнят. Слава богам, по дороге попадались автоматические заправки без обслуживающего персонала. Машинка хоть и обладала дополнительным магическим усилителем топлива, все же только на нем ехать не могла.

По той же причине и по причине отсутствия документов на автомобиль я решила ехать не через Иоаннесбург, где патрули на каждом шагу, а по окружной, хоть это и прибавляло километров пятьдесят к пути. И выдерживать скоростной режим, хотя за ночь я к машине привязалась и перестала бояться скорости. Но не хотелось попадаться по глупости. И так уже... попалась. Так попалась, что стоит подумать об этом, и сразу начинают сжиматься зубы.

О нет, я не ненавидела этого негодяя. Я просто мечтала сделать ему больно за то, как он поступил со мной. За то, что я выдала семью. Больше во много-много раз, чем было мне. И сломанная нога мою кровожадность никак не успокаивала.

Так я размышляла, хмурясь и кусая губы, и аккуратно вела машину по ровной дороге под светлым, солнечным утром. До Орешника оставалось около трех часов пути, а Иоаннесбург плавно утекал влево от окружной, когда дорога передо мной пошла волной, машина запрыгала как заяц, я в ужасе вжала педаль тормоза в пол и унеслась на обочину. Деревья вокруг шатались как от сильного ветра, машины на трассе подбрасывало, крутило и выносило в кюветы, а земля все тряслась и тряслась, вызывая ощущение какого-то животного ужаса. Я несколько раз приложилась лбом о руль и головой о крышу машины, и от серьезных травм спас только ремень безопасности.

Вот это да...

Если в Лесовине было столько разрушений, то что же творится сейчас в столице? И не задело ли Орешник?

Два раза еще землю слабенько трянуло. Разумно было бы переждать, но я и так потеряла сорок минут. Беспокойство за родных заставило меня снова выехать на трассу, аккуратно огибая развернувшиеся и разъезжающиеся машины. Быстро ехать не получится, но хоть ползком, но к ним – забрать и уехать. Будем надеяться, что стихия отвлечет ищущих нас и даст нам время. Хоть немного времени.

Снова набрала Валентину. Тишина.

Что хоть происходит-то вокруг?

Радио шипело и плевалось, и я нажимала кнопки в поиске новостного канала. Ага, вот что-то похожее:

– ...премьер Минкен собирает экстренный парламентский совет и комиссию по чрезвычайным ситуациям. Все отряды спасателей уже работают на расчистке завалов. По предварительным данным, погибло восемнадцать человек, более ста шестидесяти ранены. Сильнее всего пострадал спальный район «Дубы». Многие раненые сами добираются до больниц, но врачи в первую очередь оказывают помощь тем, кому она нужна в экстренном порядке. Военным и егерским частям, за исключением тех, кто поддерживает порядок в Лесовине, приказано выдвигаться в столицу для помощи спасателям...

А еще через полчаса к бесконечно прокручиваемым новостям о разрушениях, жертвах и работе спасателей добавилось обращение премьер-министра к гражданам страны. И, прослушав его, я с тоской и злостью поняла, что уйти нам не позволят.

– Уважаемые сограждане, жители Рудлога. Сегодня для страны наступил страшный день. Склоняем голову перед многочисленными жертвами стихии и обещаем, что все службы отработают по максимуму. Вынуждены сообщить – скорее всего, это страшное землетрясение не последнее. Семь лет назад наш народ совершил ужасную ошибку, позволив оболгать королеву Ирину-Иоанну и совершить переворот. Королева была убита, принц-консорт и ее дочери, включая наследницу престола, исчезли. Сейчас мы все расплачиваемся за свое равнодушие и доверчивость. Если мы не восстановим линию Рудлог на троне, наша страна прекратит свое существование. Именно благодаря родовой магии монархической

семьи Рудлог земля наша была так стабильна. Поэтому мы в надежде, что нас услышат, обращаемся к принцессам и принцу-консорту Святославу Федоровичу.

Ваши высочества! Мы просим вас вернуться и занять то место, которое принадлежит вам по праву рождения. Мы гарантируем возвращение всех прав и вашу полную безопасность. Умоляем вас не оставить свою страну в такой тяжелый момент и простить нас за то горе, которое мы вам принесли.

И за этим через короткое время последовали быстрые сообщения новостных агентств. «Совет магов поддержал обращение премьера». «Его Священство хранитель Храма Всех Богов подтвердил, что нестабильность земли – следствие смещения потомков Красного с трона».

В Орешник я въезжала с ощущением, что нас обложили со всех сторон и скоро ловушка захлопнется.

Люка Кембритча привезли в Управление по чрезвычайным ситуациям Лесовины, где он допрыгал до камеры, старательно держа на весу сломанную ногу и ощущая острую боль при каждом движении. Носилки ему никто предоставлять не собирался. Хорошо, что есть койка и что сигареты не отобрали. Люк развалился на узком ложе, закурил измятую Марининым каблуком сигарету – она была почти целой. Ну и что, что отсутствовал фильтр, это ему сейчас не мешало.

Досадная задержка, но ему нужен всего один телефонный звонок, и Тандаджи его вытащит. Барон ой как не вовремя решил поиграть в защитника обиженных девиц. А вот и он, легок на помине, идет к камере и разговаривает с кем-то по телефону. А за ним еще двое подозрительных мужиков.

– Да-да, я понял. Ложись спать спокойно, – произнес он в трубку и отключился.

Открыл камеру, зашел внутрь. Люк сел, дернувшись от невыносимой боли, начал с любопытством разглядывать Байдека. Ну, с какой карты зайдете, капитан?

– Виконт, сейчас вас осмотрят врач и виталист, произведут необходимые манипуляции. После мы пообщаемся. Постарайтесь отвечать честно, мы здесь, на Севере, не очень-то любим шпионов.

– Мне нужно позвонить, капитан. – Люк знал, что ему откажут, но хотел послушать обоснование.

– Позвоните, когда поговорим.

– Почему вы не спрашиваете, где Марина? Вам ведь уже известно, где она?

– Ее местоположение мне неизвестно, – спокойно ответил барон и ушел.

Пока Люку срачивали кость и убирали гематому, он пытался догадаться, где же его обвели вокруг пальца. И, только погружаясь в целительный сон, Кембритч с раздражением вспомнил, что организм после вмешательства виталиста всегда отсыпается, если повреждение серьезное. Еще плюс как минимум четыре часа к срочной информации. Да Тандаджи его без приправ сожрет и будет прав.

Утром он проснулся, посмотрел на часы и не без привычного уже раздражения обнаружил, что проспал не четыре часа, а все шесть. Нога противно ныла и болела, и наверняка придется снова носить фиксирующий щиток, но если бы виталист не отработал по свежему перелому, Люк надолго оказался бы в гипсе.

– Итак, лорд Кембритч, с какой целью вы приехали в город?

«Вы действительно думаете, что я отвечу вам правду, Байдек?»

– Собрать информацию для книги, барон.

– Почему вы представлялись Евгением Инклером?

– Простые люди охотнее откроются Инклеру, чем лорду, барон.

– На кого вы работаете?

– Не понимаю вашего вопроса.

– Спецслужбы, госбезопасность, частные конторы?

– Да что вы, – засмеялся он, – я сам по себе.

– Кому вы хотели позвонить?

– Маме. Я очень люблю свою маму, барон. Не хочу, чтобы она волновалась.

Люк, прищурившись, глядел на капитана, но тот словно не замечал издевательского тона, внимательно смотрел на него и никак не хотел выходить из себя.

– Какие у вас отношения с Мариной Богуславской?

«А какие у вас отношения с ней, барон? Кто она вам, что вы так подставляетесь по службе из-за нее? Повод для задержания

смехотворный, девушку в номере не нашли, ни о каком похищении речи быть не может».

– Она симпатичная девушка, я за ней ухаживаю.

– Что случилось вчера вечером?

– Я хотел сделать сюрприз, покататься на лошадях. Марина упала в обморок. Я принес ее к себе в номер.

– Почему вы не отвезли ее в больницу?

Пожал плечами.

– Да как-то не подумал, барон.

– Что случилось в номере?

– Я повел себя слишком настойчиво, она испугалась и убежала.

– Вы пытались принудить ее к интимным отношениям?

Люк широко открыл глаза.

– Боги с вами, барон, я бы никогда так не поступил. Просто позволил себе немного сократить дистанцию.

Неправда. Был момент, когда у него сорвало крышу, а игра перестала быть игрой. И если бы Марина его не отшвырнула... он бы за себя не поручился. И это было удивительно – работа с объектами никогда не заставляла Кембритча терять голову. Всегда где-то на периферии сознания оставалась часть хладнокровного Люка, который контролировал процесс.

– Как вы сломали ногу? Почему в номере перевернута мебель?

– Споткнулся об столик, упал, сломал ногу. Пока полз до телефона, перевернул остальную мебель.

Ну-с, непрошибаемый капитан, что вы скажете?

Допрос казался бесконечным, шел уже по третьему кругу в разных формулировках, и Люк иногда для развлечения добавлял новые детали или чуть менял версии. Но Байдек словно не замечал этого. Наконец он взглянул на часы и сухо сообщил:

– Вопросы закончены. Сейчас вас проводят в камеру и дадут телефон.

И, хромая по направлению к камере, лорд Кембритч вдруг понял, что целью капитана егерских войск было вовсе не выведение его на чистую воду. Он просто тянул время.

Через полчаса после окончания допроса и быстрой планерки с подчиненными к капитану Байдеку вошел начальник местной полиции и сообщил, что из центра пришла задача как можно быстрее

освободить некоего лорда Кембритча и отправить телепортом в столицу, в королевский дворец.

Мариан сдержанно улыбнулся. Значит, все-таки госбезопасность. Могло бы быть и хуже. Времени он выбил, сколько мог, не нарушая закон, теперь дело за Мариной. А с человеком, принесшим столько боли его невестке, он разберется потом.

Немногим позже, когда Кембритча конвоировали к телепорту, Байдек невозмутимо сказал прихрамывавшему лорду, опирающемуся на костыль:

– Виконт, понятия чести не позволяют мне бить раненого человека. Но за вами будет долг, и, как только вы выздоровеете, я его требую.

– Всегда к вашим услугам, барон, – криво усмехаясь и не спрашивая, о каком долге речь, ответил Люк и зашел за ограждение телепорта.

Марина

Наш Орешник был основательно потрепан, и я быстро, со все возрастающим тревожным чувством катила к дому под удивленными взглядами отрывающихся от разбора завалов местных жителей. Бóльшая часть домов выстояла, но были и разрушенные, в основном в деревенской части, там, где стояли хлипкие самостройки. Безмятежная золотящаяся осень и деревенские домики с рухнувшими крышами, расколотые, с треснувшими окнами, испуганные люди, рыдающие, обнимающиеся, кого-то откапывающие, машины спасателей и «скорые» – все это создавало жутковатый контраст. Мне казалось, я насмотрелась на это в Лесовине. Но там был чужой город, и я была занята пациентами, было не до сантиментов.

Видимо, к Орешнику я все-таки привязалась, поэтому и было так больно. И страшно за Ангелинку, Каролишу и отца. По идее, сестры на момент катастрофы должны были быть уже в школе, а вот отец оставался дома.

Я издали увидела, что нам не повезло. Дом раскололся почти напополам, крыша съехала на землю, и в темной трещине, как белесые внутренности какого-то больного животного, виднелись наши вещи, посуда, печка, присыпанные осколками потолка и белой штукатуркой. Очень символично и вовремя, обратного пути нет. Затем я заметила огни «скорой» во дворе, и сердце сжалось. Кто?

Подъехала, выскочила из машины, не закрыв дверь, рванулась к дому. Отец стоял, обнимая Каролинку, а около него жались друг к другу трое сыновей соседки, Валентины, с зареванными мордажами. Сама она лежала на носилках в салоне «скорой», белая как мел, без сознания. Судя по всему, черепно-мозговая.

– Марина? – отец напряженно посмотрел на меня, удивленно на машину. – Что случилось? К тебе вернулась твоя внеш...

– Нас нашли, отец, – перебила я, он непонимающе нахмурился, потом побледнел. – Надо уезжать, пока не поздно. Где Ани?

– В школе. Она прибежала, привела Каролину и убежала обратно. Там рухнула крыша спортзала, под ней физрук и стажерка. За частью детей не пришли родители... А я остался за няньку, видишь. Думали пока в Валентином доме переждать.

– Я поеду за ней. Собери, что сможешь, по минимуму.

– Марина... что произошло?

– Потом, отец. Все расскажу потом.

Опять автомобиль петлял между снующих туда-сюда людей и выезжающих «скорых», а я неожиданно и не к месту задумалась, что очень привязалась к машинке. Видимо, так перенервничала, что мозг решил подкинуть нейтральную тему для ослабления напряжения. Нет, она определенно была создана для меня. Я подтянула кресло к рулю, потому что Змеище длиннее меня раза в два, – и все, мое. Ни за что не отдам. Пусть это будет первая приятная мне компенсация от мерзавца. Точнее, вторая, если считать эндорфины, которые я получила от соприкосновения своих ног с его животом.

«Вас найдут по машине в два счета», - заметил внутренний голос.

– И правда...

Я затормозила у школьного участка и побежала к зданию школы. Она почти не пострадала, а вот крыша спортзала сложилась «домиком», и стены пошли трещинами. У школы суетились учителя, ученики старших классов. На травке, чуть в отдалении от зданий, сидели дети помладше и смотрелись так одиноко и потерянно, что у меня сжалось сердце. Кто-то был перевязан, кто-то нет. И опять поразил контраст между свежестью травы стадиона, золотом деревьев, мирными песнями птиц и совсем взрослыми, тревожными лицами ребят.

Не люблю детей. Но как я могла не понять их горя? Я словно увидела себя. Когда неизвестно, что с родителями, когда твой мир сотрясается и рушится по чьей-то злой воле. Только в их случае это был злой каприз природы.

Ангелина шла от школы к детям с несколькими полотенцами, бутылками воды и аптечкой, увидела меня, чуть затормозила, но даже не моргнула. Выдержка у нее всегда была на высоте. Мне же хотелось заорать: «Бежим, что же ты так медленно идешь?!», но я вовремя сдержалась. Зачем привлекать лишнее внимание? Подошла ближе, пока сестра раздавала воду. Дети тянулись к ней как к единственной опоре в мире.

– Ани, нас нашли, – тихо сказала я. – Надо бежать.

– Поняла, – произнесла она серьезно, наливая воду на полотенце и пытаясь оттереть спекшуюся кровь с лица одного из мальчишек.

«Рассечение», – машинально оценила я, и руки сами потянулись к аптечке. Пока я обрабатывала шишки, ссадины и ранки, поняла, что такое шизофрения. Это когда одна часть тебя кричит: «Что ты делаешь, дура, быстро взяла сестру за шкуру и поехали», а вторая спокойно себе смачивает стерилизатором марлевые тампоны, ощупывает головы-руки-ноги и вообще ведет себя так, будто нас не накроют с минуты на минуту.

– Слышала заявление премьера? – спросила я у сестры, когда мы в какой-то момент снова оказались рядом.

– Нет, когда? – хладнокровно ответила Ани. – Что-то интересное?

Приходилось говорить так, чтобы мальцы ничего не поняли.

– Умоляют вернуться. Утверждают, что так можно остановить землетрясения. Гарантируют безопасность и прочее.

Ангелинка презрительно хмыкнула, выразив и мое мнение об этих гарантиях и просьбах.

– Как нашли?

Я опустила глаза, внутри все сжалось – так бывает, когда натворила дел и надо идти признаваться.

– Я виновата. Расскажу потом. Надо ехать, Ани. Еще нужно думать, как будем забирать Пол и Алинку.

– Хорошо. Алину они не тронут ближайшие семь лет, у МагУниверситета универсальная защита для студентов. А Пол так и не появлялась.

Мы потратили еще десяток драгоценных минут на объяснения встревоженным детям, что Ангелина Станиславовна должна уйти, потом пришлось вызвать коллегу Ани и объясниться уже с ней, отговорившись разрушенным домом и необходимостью обихаживать детей соседки. Я старалась не реагировать на недоверчивый взгляд старой учительницы, чуть дольше, чем нужно, задержавшийся на мне, и ее напряженное, вспоминающее лицо. Наконец мы поехали к дому, а я кратко и сухо пересказала Ангелинке историю своего общения со Змеем, избегая интимных моментов и особых эмоций. Рассказала и про открывшуюся и пропавшую вновь силу, и что после ночного столкновения с Люком слетела моя «маскировочная» оболочка. Было очень стыдно.

– Почему ты так спокойна, Ани? Я повела себя как безмозглая идиотка и подставила нас всех.

– Марина, – сестра задумчиво покачала головой, – мы все слишком расслабились. Рано или поздно кого-то из нас вычислили бы. Твоя встреча с сыскарем – простая случайность.

Она повторила почти слово в слово то, что мне сказала ночью Васюша, но стыд никуда не ушел, он жег внутри кислотой, и горло сжималось, и глаза уже были на мокром месте. Лучше бы она на меня наорала или обозвала как-нибудь.

Боги, а это еще что такое? Не успели...

Над расколотым домиком висели три военных лисолета с нашим гербом на бортах – взмывающим ввысь огненным соколом Рудлогов на белом и золотом фоне, а с трапов быстро спускались люди, оцепляя двор по периметру. Отца и детей я не видела. Затормозила в начале улицы и тупо наблюдала, как рушатся планы на нашу свободу. И почему я не настояла на срочном отъезде? Гуманизм меня погубит. Хотя вряд ли бы это нам что-то дало, кроме захватывающей погони по магистрали. Лисолет в три раза быстрее самого скоростного автомобиля.

– У них Каролинка и отец, – твердо произнесла Ангелина. – Мы не можем уехать.

Я медленно кивнула. Конечно, не можем.

Мы затормозили у ворот, где уже собирались любопытные соседи, прошли во двор под внимательное молчание группы захвата. Их было

человек пятьдесят – целая маленькая армия для нас. Просто комплимент какой-то.

Отец устало сидел на лавке, Каролина настороженно поблескивала глазами из-под его руки. Он о чем-то говорил с темноволосым человеком, и издали на мгновение мне показалось, что это Люк. Сердце ёкнуло, и в голове снова вспыхнула ярость. Но отец что-то сказал мужчине, кивнув на нас, тот обернулся – это точно был не Люк. Ниже ростом, смуглый, невозмутимый, старше Кембриджа лет на пятнадцать. С погонями подполковника секретной службы Рудлога. Он пошел к нам, не улыбаясь, с каким-то высокомерным выражением на лице, впился взглядом в меня. Ангелина, грозная, с прямой спиной, выступила чуть вперед, словно закрывая меня от него.

«Сейчас прикажет нас схватить», – отстраненно подумала я.

Но подполковник опустил на одно колено и склонил голову.

Ангелина

– Ваше высочество кронпринцесса Ангелина, ваше высочество принцесса Марина. Меня зовут Майло Тандаджи, я руководитель подразделений государственной безопасности Рудлога. Позвольте заверить вас в моей верности. Я начал службу еще при вашей матушке и все эти годы служил в надежде на ваше возвращение. Пожалуйста, выслушайте меня.

– А если не выслушаем, – звонко и зло произнесла Ангелина, – эти милые люди, – она кивнула на заполнивших наш участок солдат, – помогут вам перенести нас туда, где выслушать придется?

Офицер поднял голову, в глазах его на миг мелькнуло недоумение.

– Ваше высочество, это ваши гвардейцы. Они, как и я, никогда не причинят вам вреда и не поступят против вашей воли.

– А если я прикажу убираться отсюда и оставить нас в покое? Не боитесь рисковать шеей? Премьер и парламент вам этого не простят.

Ангелина испытующе глядела на Тандаджи, но лицо тидусса было таким спокойным, будто не он сейчас решал судьбу королевства.

– Ваше высочество, я прошу только об одном разговоре. Никто из правительства, включая премьер-министра, пока не в курсе, что мы вас нашли. Слишком долго искали, и только удача одного из сотрудников позволила мне сейчас стоять перед вами.

Марина, та самая нежданная «удача», зашипела, и наследница предупреждающе взяла ее за руку.

– Если вы откажетесь, обещаю, мы доставим вас туда, куда вы пожелаете.

– Извините, подполковник, но я не верю вам, – сухо ответила Ангелина. – Наш опыт не располагает к доверию. Встаньте, будьте добры.

Начальник разведуправления медленно поднялся, словно размышляя о чем-то. За его спиной Святослав серьезно поглядывал на наследницу, что-то тихо, успокаивающе говоря Валентининым мальчишкам. Ангелина огляделась. Справа от принца-консорта был их разрушенный дом, а за ним – дом Вали. А вокруг – полуразрушенный Орешник. И другие города области, куда пришло горе. А в двухстах километрах на северо-восток – сердце страны, Иоаннесбург, столица, отходящая от удара стихии и оплакивающая своих мертвых.

– Что я могу сделать, чтобы убедить вас, ваше высочество?

Ани покачала головой. Ничего. Наверное, ничего.

– Я могу поклясться на крови на проклятие, принцесса. Этой клятвы будет достаточно? – и смуглый тидусс замер в ожидании ответа.

Первая Рудлог помолчала и молчала так долго, что любой бы начал дергаться. Но не этот невозмутимый тип. Марина недоуменно сжала ее руку, чуть потянула, намекая, что надо бы уходить и думать тут нечего.

– Я приму от вас и ваших людей клятву верности, если вы посчитаете нужным ее принести. И только после этого выслушаю. У вас есть необходимый инвентарь? – наконец сказала старшая Рудлог.

«Инвентарь», вообще-то запрещенный законами королевства, как и любая атрибутика ритуалов темных, нашелся. Видимо, секретной службе законы не писаны, и Тандаджи заранее был готов к тому, что принцессы не кинутся ему на шею с криками «Спаситель наш!». Ангелина хмуро подумала, что недоценила офицера. Хотя когда в секретной службе служили обычные люди?

Странное это было действие – когда к ней, державшей в руках плоский черный камень с небольшой иголочкой посередине, подходили один за другим солдаты и офицеры, отдавали кровь, шипящую на холодном камне как на раскаленной сковородке, и

произносили короткую клятву: «Я клянусь, что верно служу и буду служить королевскому дому Рудлог и никогда не сделаю ничего ему во вред». Это выглядело так, будто принцессе приносят жертву, как какой-то языческой богине.

Марина стояла по правую руку, отстраненно глядя на все это, и кулаки ее были сжаты.

Когда все закончилось, Тандаджи забрал кровный камень, и Ангелина с облегчением выдохнула. Этот предмет будто вступал с ней в противодействие – слишком чужая, слишком тяжелая энергия тянула руки к земле, и ощущение было такое, словно держишь отвратительную холодную склизкую пиявку. Хотя по своей сути этот камень и был пиявкой.

– Теперь вы позволите поговорить с вами, ваше высочество? – Тандаджи аккуратно завернул камень в плотную черную материю, передал подошедшему офицеру.

– Да. Но прежде, – принцесса оглядела притихших и насторожившихся гвардейцев, – кто у вас старший?

– Майор Васильев, моя госпожа, – поклонился невысокий усатый мужчина, больше похожий на пекаря, нежели на военного.

– Майор, мы пройдем в дом соседки, чтобы не мозолить глаза жителям Орешника. Разговор будет долгим, поэтому прошу вас организовать своих людей для помощи в разборе завалов и вывозе раненых. Используйте листолеты, раз уж они так удачно тут оказались, потому что «скорых» не хватает. В километре ниже школа, там тоже нужна помощь. У школы дети, которым некуда идти, в городке много семей, оставшихся без всего. Нужно, чтобы у них был кров и питание, пока они не восстановят дома.

– Будет сделано, моя госпожа, – сдержанно ответил майор.

А Марина подумала о том, насколько же высок у этих людей авторитет Тандаджи – гвардейцы без всякого сомнения приняли тот факт, что эта уставшая полная женщина и есть их властительная госпожа и она имеет полное право принимать клятвы и отдавать приказы.

Марина

Ангелина, Тандаджи и отец сидели за столиком на Валькиной кухне, которая, несмотря на треснувшее стекло, валяющиеся на полу предметы и распахнутые шкафчики, была все еще уютной и

безмятежной. За окнами майор строил людей и зычным голосом отдавал приказы. Соседи уже разошлись, и правильно, своих дел полно.

А я вспомнила, что безумно голодна, и, раз сестра зачем-то решила оттянуть момент отъезда, начала готовить – надо было накормить детей, которые тихо как мышата сидели в гостиной перед телевизором.

Взбивая яйца и натирая в миску сыр, я краем уха прислушивалась к разговору. И он мне, как и настрой старшенькой, не нравился. Ангелина никогда не была сентиментальной или доверчивой, но сейчас я не видела на ее лице даже малейшего скепсиса. Хотелось бы верить, что она просто сдерживает эмоции. Ведь верить этим... лицемерам глупо и опасно. Я уже в этом убедилась.

– ...Несколько недель назад стало известно, что переворот и убийство вашей матери спровоцировали не только ослабление магического фона, но и постепенное падение Стены, ваше высочество...

О какой Стене они говорят? Я снова взглянула на сестру и отца – по всей видимости, они понимали, о чем идет речь.

– ...в результате мы оказались практически без первой линии сдерживания возможных вторжений. Но не это самое неприятное. В Милокардерах проснулись драконы, и есть вероятность полагать, что они могут напасть на Рудлог.

Драконы? Он это серьезно?! Может, сотрудников наших спецслужб поразило какое-нибудь заболевание мозга? А Ангелинка-то молодец, даже не улыбнулась. Смотрит спокойно, пьет чай.

На руку плеснула капелька горячего масла, и я сжала зубы, чтобы не привлекать внимание и не перебивать тидусского сказочника. Чего только не придумают, чтобы заманить Ани обратно на каторгу.

– ...а наша страна оказалась под угрозой уничтожения. Если вы не примете решение вернуться на свое законное место, землетрясения будут происходить все чаще, пока весь Рудлог не превратится в руины.

Понятно. Они все там проклятые манипуляторы. А я-то думала, это мне уникальный экземпляр попался.

– Да, я слышала эту версию, – холодно согласилась Ангелина. – Кто может подтвердить, что необходимо именно возвращение на трон? Есть ли возможность в частном порядке решить этот вопрос? Я могу

тихо приезжать к алтарному камню раз в несколько лет, отдавать кровь и уезжать. И все это без короны у меня на голове.

– Я могу вызвать сюда ректора МагУниверситета, Александра Свидерского, – деловито предложил Тандаджи. – Именно он с коллегами забил тревогу и выяснил, что пустой трон и катастрофы взаимосвязаны.

Они были сейчас чем-то похожи – моя сестричка и этот непростой господин начальник разведки. Невозмутимостью, наверное.

– Знакома, – кивнула Ангелина. – Пообщаться с ним необходимо, сделаем это позже. Итак, предположим, я соглашаюсь. Что я еще должна знать?

Майло Тандаджи чуть изменился в лице, едва уловимо, и я насторожилась.

– Для того чтобы ваша кровь имела необходимую силу, вам придется не только короноваться, но и выйти замуж. На тех же условиях, что и ваша матушка за первого мужа.

Я увидела, как нахмурился отец. Он, как и я, слушал молча, но не скрывал напряжения. Зато Ангелина будто и не слышала. Или слышала, но не придавала значения как чему-то несущественному.

– Еще что-то?

– Все, моя госпожа.

Я плюхнула куски омлета на тарелки, добавила хлеб, побежала в гостиную, к мерцающему телевизору – быстро отдать еду детям и бежать обратно, только бы не пропустить ничего. Кажется, шли новости. Я вручила младшим мальчишкам обед, развернулась еще за двумя тарелками, мимоходом взглянула на экран.

– Ангелина, иди сюда, – позвала я, глядя на транслируемую картинку.

Сестра зашла, застыла за спиной, как и отец. На экране показывали то сверху, будто с высоты птичьего полета, то приближаясь, огромную площадь Победоносца, расположенную перед Высоким Советом и нашим дворцом.

И эта площадь была сплошь заполнена людьми. Наверное, там были десятки, а то и сотни тысяч. Мужчины и женщины, старики и дети. Они молча стояли. Почти все – на коленях. На крупной, неудобной брусчатке плаца. Держали свечи и молчали.

Камера выхватывала напряженные лица, руки, держащие нарисованные на тетрадных и альбомных листиках плакатики.

«Простите нас».

«Спасите нас».

«Мы хотим жить».

У меня закружилась голова, будто я летела под откос и ничего не могла с этим сделать. Повернулась к сестре, желая понять, не собирается ли она сделать глупость, но там все было очевидно.

– Нет! – крикнула я со злостью, перевела взгляд на маячившего в двери кухни подполковника. – Ани, это наверняка они и организовали! Не поддавайся, умоляю! Это же очевидный эмоциональный шантаж! Ты не можешь приносить себя в жертву ради этих людей! Ты не можешь решать за нас! Никто из них и пальцем не пошевелил, когда убивали маму! Разве они стоят этого?

Я уже знала ответ, но хотелось рвать и метать. В горле стало горько, словно я хлебнула полыни.

– Люди стали приходить на площадь сразу после заявления премьера Минкена, – сказал Тандаджи, никак не реагируя на мои обвинения. – Вы нужны им, принцесса. Вам необходимо встретиться с министрами и Высоким Советом.

– Да заткнитесь вы уже! – рявкнула я, схватила сестру за руку, прижала к себе.

– Ангелиночка, пожалуйста... мы уедем... не надо...

Но моя старшая сестра отняла руку, будто я была ей чужой, и повернулась к тидуссу.

– У меня будут условия, которые не понравятся парламенту, подполковник.

Тандаджи неуловимо улыбнулся.

– Я очень рассчитываю на это, моя госпожа.

Майло, конечно же, кое-что утаил. Рано или поздно информация о том, что предполагаемый супруг будущей королевы – тот самый Кембритч, который повел себя с младшей Рудлог словно бультерьер, дойдет до Ангелины. Но сейчас важно не испортить момент, а эта пикантная подробность могла не просто испортить – обрушить все усилия Тандаджи, свести их к минус бесконечности. Сейчас нужно было умолчать, а потом, когда Ангелина увязнет во всей этой

монархической суете, – рассказать. И пусть рассказывает кто-нибудь другой, не он. Вот, Минкен – дипломат, пусть сам и разбирается.

Тандаджи вспомнил, как впервые в жизни орал на Кембритча, задавая один и тот же вопрос: какого хрена он вообще полез со своими проверками? Почему нельзя было просто сообщить о своих подозрениях и письме мага? Почему не подумать мозгом, которого в тупой голове лорда меньше чайной ложки, к каким политическим последствиям это может привести?

На самом деле подполковник понимал, почему Люк решил сам расколоть этот орешек. Это была его охота, а Кембритч был слишком азартен и самолюбив, чтобы прийти к начальнику с простыми предположениями. Но это не отменяло того факта, что Люк чуть не пустил к демонам самое важное дело в его жизни.

И еще кое-что насторожило Тандаджи. Обычно ехидный и спокойный как мул даже под начальническим гневом Кембритч, отпускающий покаянные шуточки в ответ на выговоры, на сей раз молчал. И выглядел каким-то потерянным. Ничего не ответил на его «А теперь пошел вон, лечиться», просто развернулся и, сильно хромя, вышел. И Тандаджи нюхом старого разведчика чувствовал витающую в воздухе недосказанность, сильно нервирующую его. Он не любил упускать важные детали, а сейчас ощущение было именно такое.

Перед отлетом из Орешника Майло вызвал из лифтолета руководителя группы менталистов. И отдал приказ поработать с каждым жителем городка. Так, чтобы на рассказ посторонним о семье Богуславских стоял надежный, но совершенно безвредный блок.

А Люк, приехав домой, первым делом набрал номер с кодом Лесовины и долго слушал гудки, звонил снова и снова, пока трубку не сняли.

– Дом безумного мага, – мрачно проскрипел юношеский голос ему в ухо.

– Алмаз Григорьевич может подойти? Это Евгений Инклер, у меня важная информация.

– Он в лаборатории и ноги мне оторвет, если я его потревожу. Извините.

– Он вам ноги оторвет, если не потревожите, это я гарантирую. Слушайте, молодой человек, и передайте в точности и прямо сейчас.

Их нашли, и, скорее всего, через два-четыре часа они будут в Высочном Совете. Думаю, им не помешает авторитетная поддержка.

– Не-е-е-ет, – протянул парень, – я в логово к Деду точно не полезу. Я не самоубийца.

Люк тихо втянул в себя воздух. Все-таки даже для его хваленой выдержки иногда наступает предел.

– Как вас зовут, молодой человек?

– А вам зачем? – не сдавался практикант. Кажется, Кембрич начал понимать, почему для Алмаза выбор между растением-людоедом и любимыми студентами был так непрост.

– Сделаете, что сказал, – получите компенсацию за моральные страдания. Пятьдесят тысяч руди. Клянусь богиней.

Студент помолчал.

– Меня зовут Дмитро Поляна, я учусь в столичном МагУниверситете на седьмом курсе. Сейчас все передам. Если останусь жив, ищите меня там.

Люк положил трубку, чувствуя, как разнылась проклятая нога. Сейчас в душ, а потом он напьется. Со вкусом и размахом.

Завтра все уже будет по-другому.

Через два часа в кабинете ректора Магического университета Александра Свидерского открылось Зеркало, и оттуда шагнул самый невыносимый из всех его преподавателей. И пребывал этот человек отнюдь не в хорошем настроении.

– Отлично, все бестолочи здесь, – пробурчал он, окинув взглядом мирно пивших до его прихода чай бывших учеников, а ныне ректоров, придворных магов и титулованных ученых. Они смотрели на него как на оживший ночной кошмар.

– Алмаз Григорьевич! – Виктория подскочила, бросилась обниматься.

– Все такая же эмоциональная, – недовольно высказался старый маг, тем не менее приобнял повисшую на нем выпускницу его лучшего курса. Виктория улыбнулась, а Старов, обойдя ее, глянул на застывших с чашками мужчин.

– Я говорил, Свидерский, что твой образ жизни тебя до добра не доведет, – сварливо сказал маг, цепко оглядывая сильно постаревшего

ученика. – Потом зайдешь ко мне, поговорим. Мой кабинет не трогали?

– Нет, – Александр с трудом поднялся, пошарил в ящике своего стола, протянул ключ. – А вы какими судьбами, Алмаз Григорьевич?

– Решил провести с тобой индивидуальный практикум по визуальному считыванию ауры, ученичок, – ехидно отозвался старый кошмар, пролевитировав к себе ключ. – Но раз вы все здесь, практикум будет групповой. Моя личная разработка, я нескольких коллег своего уровня научил, да еще монархи по силе крови своей умеют. И вам пора, вы резерва достаточно набрали, да и я давно собирался вас натаскать, а тут и повод хороший. Отправь птичку в Высокий Совет, там вот-вот появятся девицы Рудлог, надо поприсутствовать, придержать дураков. Как каркнет – зови меня. Я – работать, пока не будет информации, не мешать, а то прокляну.

И он вышел из двери, как всегда оставив после себя неприятное впечатление – будто и не было многих лет после выпуска, достижений, регалий и прочей чепухи, бледнеющей рядом с этим могущественным стариком.

Часть 5. Глава 3

Конец сентября, зал Высокого Совета, Иоаннесбург

Ангелина

В парламенте царило уныние, иногда прерываемое кратковременными ссорами между достопочтимыми мужами и дамами. Все были на пределе, и дело явно шло к совсем не благородному мордобою. Делегаты разных партий плевались друг в друга оскорблениями, хватали за грудки, оппозиция, выступая, порицала премьера Минкена, принявшего решение известить население страны о поиске принцесс, да еще и раскрыть все карты, униженно моля сбежавших девчонок вернуться. Ведь под такие гарантии ими будет сложнее управлять!

Премьер, наблюдавший за дебатами с каменным лицом, в очередной раз сравнивал парламент времен королевы Ирины, где он был далеко не первым членом Лоялистской монархической партии, и нынешний бардак, больше напоминающий битвы грузчиков в порту. Все-таки твердая рука для эффективной работы необходима, особенно этим упивающимся собственной значимостью аристократам. Иначе получается, как сейчас, – потерянное впустую время, интриги и тормозящее на каждом шагу законотворчество. Да и как может быть иначе, если большинство находящихся в зале думает прежде всего о своей выгоде и о том, как ослабить конкурентов, и мало кто готов работать ради страны и для страны. Слава богам, что верные люди еще оставались, их было около трети, и это примиряло премьера с остальными пустословами.

Над делегатами, словно насмехаясь, нависала пустая защищенная королевская ложа, сверкая мерцающим гербом рода Рудлог. И море людей, что стояли за окнами со свечками, тоже совсем не добавляло спокойствия. Потому что испуганный народ непредсказуем.

Народу подвезли туалеты, регулярно делались объявления, что на поиск принцесс направлены все силы, но граждане все прибывали. И это мощное народное движение, произошедшее без организаторов и финансирования, на одной вере в чудо, порождало в отдельных высокородных парламентариях то банальную зависть, то злорадство:

«Пока все было хорошо, никто и не вспоминал о принцессах Рудлог», то высокомерие и снисходительность по отношению к простому люду. Ведь практически у всех аристократов были имения в других странах, и эвакуироваться они успели бы. В отличие от тех, кому не повезло родиться в роду с благородной кровью.

Министр Минкен прекрасно понимал, что эвакуировать семьдесят миллионов человек населения страны невозможно. Однако Генеральный штаб с первых известий о возможной катастрофической серии землетрясений работал над планами спасения, договаривался с соседями о размещении беженцев, проверял телепорты, грузовые листолеты, железные дороги. Пусть это будут не миллионы, а сотни тысяч – он сделает все, что сможет, если не случится чудо и не состоится явление принцесс народу и последующая коронация. А сам премьер уйдет последним, если получится, как и положено капитану тонущего корабля.

Минкен любил свою страну, хотя никогда не произнес бы этого вслух, чтобы к эпитетам, в изобилии сыпавшимся на него от оппозиции, не прибавилось что-то вроде «любитель дешевой народной славы». Он едва заметно поморщился. Вот и сейчас с трибуны вещал, артистично подыгрывая себе жестами – то жестко рубя воздух, то воздевая руки к небу, – лидер аристократической Либеральной партии, Кембритч. Он грозно гвоздил кабинет министров, разведслужбу, армию и лично Минкена за недостаточные, половинчатые, смехотворные усилия по поиску принцесс, говорил о необходимости устроить облаву по всей стране, пусть это неэтично, но ради спасения государства просто обязательно, и медленно, но верно двигался к предложению о смещении премьера.

«Какой же идиот, – думал Минкен, быстро, чтобы не терять время, просматривая сводки о погибших и раненых, – страны скоро не станет, а он все лезет наверх, словно нет ничего важнее».

Сегодня импичмент премьеру не грозил, потому что Кембритч никак не мог договориться с небольшими внепартийными фракциями о разделе портфелей и должностей после его смещения, но это точно было делом ближайших дней.

– ...коллеги, – надрывно вещал граф Кембритч, – наш долг перед народом требует срочных активных действий! Необходимо перевернуть каждый дом, каждый город и найти наконец беглых,

уклоняющихся от долга перед государством принцесс. Нам нужна наследница! Никто не считает возможным заставить ее после обнаружения управлять государством, но пусть пройдет все необходимые обряды, выйдет замуж, восстановит Стену и занимается, чем хочет! Я бы даже сказал, что ее присутствие в политической жизни было бы нежелательным и опасным!

Часть однопартийцев лорда одобрительно гудела, часть их противников гудела неодобрительно. Чисто две пчелиные семьи у одного стакана с патокой. Гудение нарастало, и премьер с раздражением почувствовал первые пульсирующие признаки ослепляющей мигрени.

И когда вдруг наступила оглушающая тишина, он даже не понял сразу, что случилось. У входа, перед лестницей в королевскую ложу, позади разоряющегося Кембритча, в окружении нескольких гвардейцев стоял Майло Тандаджи. А рядом с ним – две женские фигуры, в одной из которых Ярослав Минкен узнал принцессу Марину.

От невыносимого облегчения закололо сердце, сдавило грудину, и он потянулся в карман за сердечными таблетками. Быстро кинул парочку под язык. Ай да Тандаджи. Вот же сукин сын! Фокусник! Погоди у меня, тихушник тидусский, я тебе покажу, как сюрпризы устраивать.

Наклонился к микрофону.

– Лорд Кембритч, все вами сказанное, безусловно, представляет художественную ценность. Однако предлагаю закончить речь, чтобы начальник разведуправления мог представить своих спутниц.

Кембритч обернулся, как-то невнятно булькнул, и Тандаджи оттеснил его от трибуны.

– Господа парламентарии, счастлив представить вам их высочеств кронпринцессу Ангелину и принцессу Марину.

Девушки стояли и смотрели в зал, зал в оцепенении смотрел на девушек, пока в полной тишине не раздался издевательский смех графа Кембритча.

– Минкен, всегда знал, что вы готовы пойти на подлог, чтобы не потерять кресло. Коллеги, вы действительно верите, что это они? А где тогда остальные?

Он говорил без микрофона, но слышно его было хорошо.

– Ладно, – граф снова оглянулся на девушек, – молоденькая действительно немного похожа на третью дочь королевы. Но старшая!..

Часть оппозиционной фракции вышла из оцепенения и угодливо захихикала, выкрикивая что-то вроде «Нашли дураков!».

Ангелина чуть нахмурилась, и в зале повеяло морозцем. Старожилы парламента, заставшие еще ураганы ярости королевы, моментально и инстинктивно сориентировались, вцепились в кресла, зашикали на разошедшихся коллег. Только Кембритч не успокаивался, что-то орал, потрясая руками, пока старшая из прибывших не поморщилась раздраженно и не подошла к нему, встав лицом к лицу и тихо повелев застывшему от такой наглости лорду:

– Спать!

Скандалист всхрапнул и мешком свалился на трибуну, а та, кого называли Ангелиной, повернулась и обвела притихший парламент строгим взглядом, от которого ежились даже самые молодые и наглые.

– Меня заверили, – произнесла она звучно и спокойно, – что страна стоит на пороге катастрофы, и я не имею права держаться в стороне. Я оставила налаженную жизнь, и это решение далось мне крайне нелегко, не говоря уже о том, что по известным причинам я в принципе не чувствую перед вами каких-либо обязательств. Я пришла не ради вас, а ради них. – И, несмотря на то что она не сделала ни жеста, все поняли – принцесса говорит о сотнях тысяч людей, молча стоявших на площади Победоносца.

Ангелина оглядела парламент. Старики смотрели на нее с опаской и надеждой, молодежь – с любопытством. И все без исключения – с недоверием и настороженностью.

– И что я вижу? Вместо напряженной работы – балаган и ругань. Спасибо графу Кембритчу, – она чуть склонила голову в сторону мирно спящего оратора, – теперь я понимаю, какое будущее меня ожидает. И сразу хочу предупредить, что его мечты так и останутся мечтами. Слушаю, лорд Стаховский.

– Госпожа, – вставший старейший член оппозиционной партии так и не назвал ее по титулу, – простите нас, но вы должны понять наше недоверие. Ваша внешность...

– Моя внешность изменилась в результате действия последнего заклинания матери, которое перенесло нас из дворца, – жестко сказала

кронпринцесса, не дав скептику договорить. – И снять его не получается.

Парламентарий немного смутился при упоминании королевы, но не отступил.

– Еще раз прошу извинить нас, – повторил он под тихий одобрительный гул части смелеющих на глазах коллег, – но дело настолько важное, что мы должны исключить любую возможность подлога. Даже после той впечатляющей демонстрации, которую мы наблюдали. Как мы можем быть уверены, что вы и есть ее высочество Ангелина, а не просто обладаете некоторыми магическими способностями?

– Коронация не состоится, если я не Рудлог, – невозмутимо напомнила она. – Обряд просто не начнется.

– Мы не знаем, как поведет себя обряд, если линия прервалась, – возразил упрямый оппозиционер под громкие шепотки уже почти расслабившихся аристократов. – Возможно, он примет новую линию, как произошло в Блакории.

– В Блакории полтора века назад короновали второго принца инляндских Инландеров, это королевская семья, – уже немного раздраженно напомнила наследница, испытывая острое желание развернуться и уйти. Судя по успокаивающему голосу Тандаджи, что-то объяснявшему тихо ругающейся Марине, не она одна хотела уйти.

Но сделать этого ей не дали. Сзади раздалось легкое потрескивание, словно растянули металлическую пластину. Ангелина, обернувшись, увидела мерцающую ртутью плоскость большого Зеркала, из которого один за другим, чуть не наступив на спящего, вышли известный ей Старов Алмаз Григорьевич, с трудом узнанный ректор МагУниверситета Свидерский и еще трое незнакомых людей. Марина смотрела на это явление магов народу с таким же изумлением, как и сама Ангелина. А парламент в очередной раз замолк – Свидерского знали все, а старая гвардия прекрасно помнила и придворного мага, служившего во времена Константина Рудлога.

– Здравствуйте, ваше высочество, – произнес Алмаз Григорьевич, оглядывая ее. – Мда, наверное, перестарался я с амулетом.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась она. – Немного перестарались, верно, хотя это было оправдано. Но, к сожалению, сейчас это создало некоторые трудности с идентификацией.

– Решим. Прошу, подождите секундочку, – попросил Алмаз, словно не замечая напряженно молчащий Совет. Ангелина кивнула, чувствуя на своей спине несколько сотен изучающих взглядов. Старик тем временем поманил к себе хмурых спутников. – Смотрите в область солнечного сплетения, на руки, ступни, голову через второй интеррационный спектр. На солнечное сплетение, Мартин! Не отлынивай, не экономь силу, иначе не увидишь ничего. А теперь медленно переводите в первый теневой спектр. На границе вы должны увидеть основные линии ауры, шесть линейных потоков от сплетения к конечностям и макушке. Есть? Это клетка ауры.

– Есть, – отозвался Свидерский.

– Есть.

– Есть.

– Да, вижу.

– Теперь расфокусировали зрение. Сейчас появится свечение и уникальный рисунок.

Лица уважаемых магов горели азартом, словно у подростков перед уроком про пестики и тычинки. А Ангелина спокойно стояла, расправив плечи, будто это изучение было вполне уместно и лучшего времени найти было нельзя.

– У всех Рудлог рисунок ярко-алый, с вкраплениями белого и золотого огня. Стихийные спирали видите? Посмотрите на ее высочество Марину, сравните, характерная вязь потоков. – Все по команде перевели взгляд на хмурую третью принцессу. – Не перепутаете. Ну хватит, основу поняли, дальше сами.

Маги нехотя поднимали головы, подходили ближе к краю трибуны.

– Господа, – произнес Свидерский, – мы свидетельствуем, что перед вами стоит наследница дома Рудлог, ее высочество Ангелина-Иоанна. Соответствующее заявление готовы сделать для телевидения и подписать необходимый документ. Предлагаю не терять времени и перейти к сути. Ваше высочество?

– Спасибо, Александр Данилович, – с некоторым облегчением сказала Ангелина и снова повернулась к Высокому Совету. – Господа, я подготовила список условий, при выполнении которых я соглашусь на коронацию. Господин Тандаджи сейчас озвучит их и раздаст вам письменные экземпляры. Вы можете обсудить их, но на это я даю не

более часа. Время я терять не намерена. Затем определитесь с участниками переговоров. Мы будем ждать вас в Оранжевом зале.

Минкен встал, чуть ли не с отеческой гордостью глядя на принцессу. Он мысленно аплодировал ей. Любопытно, что за условия она подготовила, но в любом случае спор предстоит жаркий и по существу. Сердце уже отпустило: он точно знал, что теперь все будет хорошо.

Марина

Мы сидели за большим овальным столом в зале переговоров. Стены его, видимо, для умиротворения договаривающихся сторон были выкрашены в нежно-персиковый цвет. А окна, в отличие от зала Высокого Совета, выходили в королевский парк, за которым находился наш дворец. Туда я старалась не смотреть.

Оранжевым этот зал можно было назвать только с большой натяжкой, но, наверное, «оранжевый» для именовавших его звучал солиднее, чем «персиковый». А может, наша элита считала недостаточно брутальным подписывать важнейшие договоры в зале цвета дамского будуара.

Я машинально отметила, что мозг опять принялся думать о всякой ерунде и что меня снова начало клонить в сон. Видимо, организм решил, что с него хватит, и устремился в откат после нервозности последних суток.

Буквально через пару минут после нашего с сестрой прихода в Оранжевый зал зашли и господа маги, так удачно (или неудачно, но моя точка зрения была в меньшинстве) появившиеся ранее в зале Совета. Ректор Александр Свидерский, по всей видимости, остался на растерзание парламентариям. Старик Алмаз нас представил, сам же сел шушукаться о чем-то с Ангелиной, отведя ее в уголок, на высокие кресла. А его сопровождающие принялись сверлить меня взглядами, то хмуря лоб, то расслабляя веки, и выглядело это как встреча слабовидящих, страдающих нервными тиками.

– Может, мне встать и покрутиться? – спросила я, когда эта пантомима надоела. Ани из своего угла бросила на меня укоризненный взгляд. Да, надо бы постараться и придержать свой ехидный язык, раз предстоит снова возвращаться к столь «желанной» роли принцессы крови.

– Простите, ваше высочество, – мягко улыбнулась единственная женщина, Виктория Лыськова. – Профессиональная привычка, невежливо получилось.

Коллеги Виктории, черноволосый и рыжий, сидели по обе стороны от нее как разноцветная стража. Симпатичные такие, на заумных профессоров вообще не похожи. И разные. Тротт – холодный, породистый инляндец, будто и не слышал моих слов, продолжая свои упражнения и что-то записывая на лежащей тут же писчей бумаге. Второй – барон с труднопроизносимой фамилией – лохматый, широкий, с веселым взглядом, немедленно прекратил импровизированный гипноз, извинился, улыбнулся. Я невольно улыбнулась в ответ. Очень обаятельный мужчина. Очень. Ректор блакорийской МагАкадемии, ага. Я бы на месте родителей поостереглась студенток в его заведение отдавать.

«Был уже один обаятельный».

Да, после зажигательного выступления Кембритча-старшего стало понятно, в кого сынуля такой мерзавец.

Из зала Совета, дверь в который находилась напротив входа в Оранжевый зал, поначалу не доносилось ни звука – две двери и коридор надежно изолировали нас от бурных обсуждений внутри, но, видимо, градус дискуссии там неуклонно повышался, потому что периодически я начала слышать возмущенные крики и тревожный гул.

Дверь в наш зал открылась, шум на мгновение стал громче, а в помещение шагнул премьер Минкен. За ним две девушки-официантки вкатили тележку, заставленную едой.

Они начали сервировать стол, а премьер остановился на полпути и легко поклонился.

– Ваши высочества, мы не знакомы лично. Позвольте представиться, Ярослав Михайлович Минкен. Я исполняю обязанности премьер-министра Рудлога и местоблюстителя вашего трона.

Ангелина благожелательно улыбнулась.

– Рада приветствовать, лорд Минкен. Вы хорошо справляетесь, судя по всему.

– Как я могу не справляться? – галантно ответил Ярослав Михайлович. – Я всегда верил, что вы вернетесь, и мне не хотелось стыдиться того, в каком состоянии я передам вам страну.

– Благодарю, лорд, – Ангелина кивнула на кресло рядом с собой. – Присаживайтесь, поговорим.

– Я взял на себя смелость распорядиться, чтобы накрыли легкий полдник, если вы не против.

Я скептически посмотрела на девушек, расставляющих закуски. Если даже Ангелина будет против, не заставляйте же их убирать все обратно?

– Не бойтесь лишних ушей? – с любопытством спросила сестра, поглядывая на суетящуюся прислугу.

– Это девочки Тандаджи, – сдержанно улыбнулся премьер. Официантки, словно не слыша их, закончили сервировать стол и вышли.

– Вы решили не принимать участие в обсуждении условий, лорд Минкен?

Он пожал плечами.

– Не вижу смысла. У нас нет выбора, а ваше желание обезопасить себя от повторения того, что случилось семь лет назад, вполне оправдано. Собственно, камнем преткновения стали только пункты о возвращении магически заверенной вассальной клятвы и согласования с вами назначений всех высших должностных лиц. Остальное со скрипом, но принято. Сейчас они там покричат, поругаются, выплеснут возмущение и придут торговаться со встречными предложениями.

– Любопытно, с какими же?

Мне тоже было любопытно.

– Это уж как фантазия моих коллег разыграется. Скорее всего, попробуют сохранить за собой право назначать глав комитетов, инспектировать деятельность правительства. Позвольте совет – примите хотя бы несколько их условий. Тем самым вы позволите им сохранить лицо и отступить, оправдавшись тем, что хоть что-то они отстаивали.

– Чтобы выиграть в большом, пожертвуй малым, – пробормотала я, чем заработала одобрительный взгляд от премьера. Ну чисто добрый дядюшка. Зря Ангелина так расположена к нему, ведь все равно он ведет свою игру. Или она это понимает?

– А какой для вас интерес поддерживать нас, премьер? – не хотела ведь открывать рот, но вся ситуация меня раздражала до безумия.

Минкен снисходительно улыбнулся, отчего раздражение только усилилось.

– Меня бы сместили в ближайшие дни, ваше высочество. А в моем возрасте наблюдать, как самолюбивые недоучки рушат то, что ты строил и сохранял столько лет, очень непросто. Поэтому даже если я не останусь на посту, то хотя бы буду уверен, что страна в надежных руках.

Льстец и хитрец.

– Останетесь, – твердо пообещала Ангелина, и он склонил голову:

– Как вам будет угодно, моя госпожа.

Все уже переместились за стол. Алмаз Григорьевич подсел к своим магам, и они снова стали обсуждать ауры, спектры и прочую околوماгическую лабудень, периодически поглядывая то на меня, то на Ангелинку. Я пила кофе, игнорируя их, и вообще впала в пограничное между сном и явью состояние. Голоса жужжали с обеих сторон – с одной коллег распекал Григорьевич, с другой тихо общались сестра с премьером, – но я не понимала ни слова. Пока в ушах не прозвучало имя. Люк Кембритч.

– Вы серьезно? – сердито и резко говорила Ангелина Минкелю. Когда это они успели начать спорить? – Неужто других кандидатур не нашлось? У меня сложилось крайне негативное мнение об этом человеке. Он абсолютно некорректно повел себя с Мариной. Да и его отец не вызывает у меня желание видеть его в семье. Я категорически против, Ярослав Михайлович.

О чем это она? Голова просто отказывалась соображать.

– Странно, – задумчиво сказал премьер, – виконта рекомендовал Тандаджи как одного из лучших агентов. И при общении он показался мне очень достойным человеком, безусловно преданным стране. Он не похож на отца, поверьте. Собственно, без него мы вас и не нашли бы.

– Это тоже не добавляет ему очков, – холодно ответила Ани.

– Выбор небольшой, моя госпожа. Кембритч наиболее родовитый из неженатых дворян страны. А если он где-то вызвал негатив... К сожалению, я совершенно не в курсе случившегося... но, возможно, это было допустимо в нынешней критической ситуации?..

– Значит, я выйду за менее родовитого. Или поищем в других королевских семьях. Человек, который станет принцем-консортом, по

крайней мере, не должен быть мне неприятен, и тем более у него не должно быть конфликта с кем-то из моей семьи.

Понятно. Значит, Змея прочат в супруги моей сестре. Прямо водевиль какой-то получается.

Я должна бы злиться и поддерживать сестру, но я была так измотана, что даже обида и злость казались какими-то тусклыми и тихими, будто покрытыми толстым слоем запыленного стекла.

– Ваше высочество, – это Алмаз Григорьевич решил вмешаться в разговор, в своей неподражаемой манере наплевав на этикет. – Хочу напомнить, что чем знатнее род вашего супруга, тем сильнее его кровь, а значит, тем сильнее ваши будущие наследники. К тому же с Кембритчем я общался, он не показался мне чудовищем. Немного самоуверен и нагловат, но это свойство молодости. При этом въедлив, методичен, последователен.

Я все-таки покраснела и наконец-то разозлилась, вспомнив, как методично и последовательно этот «достойный человек» преследовал меня, изображая влюбленность, играя на жалости, симпатии и любопытстве.

– Ваше высочество, – немного озадаченно вторил Минкен, – естественно, никто не пойдет против вашей воли и не будет навязывать вам нежеланного мужа. Но, во-первых, насколько мне известно, единственным подходящим кандидатом из других королевских семей был инляндский принц, ныне женатый на Диане Форштадтской. И, во-вторых, мне все-таки кажется, что произошло какое-то недопонимание или недоразумение. Повторюсь: когда я обратился к Майло Тандаджи с просьбой найти вас, из нескольких тысяч агентов государства он порекомендовал мне именно виконта Кембритча. А Майло не тот человек, который стал бы втягивать в это дело того, кому не доверял бы полностью.

Ангелина недовольно молчала, напряженно поглядывая на меня. Я старательно и равнодушно пила кофе.

– Сами понимаете, никаких утечек о процессе поиска или ненадежности исполнителя мы позволить себе не могли. Это могло бы привести к вам тех, кто не желает возвращения монархии и не верит в предстоящую катастрофу. Кембритч-младший с Тандаджи сработали настолько чисто, что никто – ни Кембритч-отец, ни я – не знали об их успехе.

«А если бы я была осторожнее, то и не узнали бы».

– Перед заданием я просматривал его досье. Он, являясь для света лишь бездельником и мотом, на протяжении шести лет успешно вел двойную жизнь и ни разу не засветился. На счету Кембритча два десятка заданий повышенной государственной важности, и при этом до последнего я не знал о его работе на секретную службу.

– Вы ничего не потеряли. Я вот была бы счастлива и дальше не знать. – Ну кто тянет меня за язык?

– Надеюсь, Тандаджи поделится со мной деталями этой операции, – с интересом глядя на меня, сказал премьер.

– А я надеюсь, что не поделится, – огрызнулась и опять поймала недовольный взгляд Ангелинки.

– Тем не менее он блестяще справился с заданием, принцесса.

– У него была хорошая мотивация: стать вторым человеком в стране, не так ли? – немного совладав с собой, едко произнесла я.

Минкен покачал головой.

– Решение по кандидату было принято оппозицией недавно, после чего виконта поставили в известность и получили его согласие. И он сам сообщил нам об этом решении, дав возможность оценить последствия. Ваши поиски мы ведем с середины лета. Больше двух месяцев.

Я мысленно положила в копилочку своей ненависти информацию о том, что Люк уже знал, что предназначен Ангелине, когда обнимал меня, соблазнял своим ненавистным голосом и пытался затащить в постель. Ах, это же недоразумение и «допустимые в критической ситуации методы». Кембритч уже оправдан в глазах политиков, и мое мнение не в счет.

Я прекрасно понимала: у них не было другого выбора, кроме как искать и найти нас, и у Ангелины нет другого выхода, кроме как вернуться на трон и спасти Рудлог, а моя злость просто от бессилия. Но простить Люку свой страх, свою глупость и слабость я не могла.

Сестра с сомнением смотрела на меня, а я, сжав губы – на нее.

– Кстати, – будто ни к кому не обращаясь, пробурчал Алмаз, – ведь именно Кембритч позвонил мне и сообщил, что вам потребуется поддержка.

Наступила пауза.

– Решать тебе, Ани, – сказала я наконец вполне светским тоном. – Если он так блестящ, умен и прекрасен, то сами боги велели использовать этот экземпляр для обогащения семейного генофонда. В конце концов, безопасников у нас в роду еще не было. Я обещаю быть с ним смиренной и вежливой. Но сильно надеюсь, что наше общение будет сведено к минимуму, потому что методы лучшего агента не произвели на меня впечатление.

По-моему, у меня получилось. Я бы сама себе поверила.

– Ваше высочество, но вассальную клятву отменил еще ваш прапрадед в качестве жеста доброй воли после перехода на парламентский тип правления!

– И мы все видели, к чему это привело, лорд Билецкий, не так ли? – холодный голос сестры как ледяная водичка для умывания.

Я в очередной раз разлепила глаза и придала лицу суровое выражение. От меня ничего не требовалось, кроме как не спать и маячить живой укоризной парламентариям. Но торговля сильно затягивалась, за окнами уже темнело, массивные люстры зала сияли огнями, неприятно раздражая глаза, официантки несколько раз меняли опустевшие бутылки с питьевой водой и закуски, а договориться все не получалось. Я прикидывала, насколько шокирую почтенное собрание, если достану сигарету и выйду покурить, потому что никотиновая ломка вызывала учащающиеся приступы злости и держать язык за зубами становилось все труднее.

– Я настаиваю, – продолжала сестра, – чтобы главы аристократических семей взяли на себя наследуемые и распространяемые на всех членов рода вассальные обязательства по отношению к монарху. В ином случае я не представляю возможным нашу будущую совместную работу.

Делегация зашла в Оранжевый зал ровно через час после того, как мы удалились из зала Совета, и выглядели делегаты так аккуратно и величественно, будто не было всей этой жаркой ругани, отголоски которой мы слышали даже через две двери и коридор. Десять человек: лидеры партий, фракций, старейшие члены парламента и тяжело ступающий за ними Александр Свидерский – он сразу направился к коллегам. Величественность почтенных мужей, правда, немного терялась на фоне светло-персиковых стен, и я, кажется, начала понимать замысел дизайнера.

Пришел и внеурочно выпавшийся Кембритч-старший, который, дождавшись своей очереди представления, очень мило и покаянно извинился перед Ангелиной и мной, рассыпался в сожалениях, оправдываясь нервами, кризисом, отсутствием веры в чудо, собственной бестолковостью и самонадеянностью, и так далее и тому подобное. Пока он упражнялся в самоуничижении, я окончательно убедилась в том, что яблочко от яблони недалеко падает и Люк – настоящий лицемерный сын своего папаша.

Это ж надо, так искусно притворяться. Жаль, что у Кембритча-старшего хватило ума попытаться исправить первое впечатление. Глупый враг всегда предпочтительнее умного и умеющего правильно оценивать ситуацию.

Ангелина с улыбкой приняла извинения, но глаза ее остались холодными. Кажись, сестричка вполне уже освоилась в мире политики и интриг. А вот мне такой высший пилотаж недоступен, что в принципе неудивительно. До переворота я успела лишь закончить школу, мне было шестнадцать. Я только-только начала выезжать и участвовать в дипломатических и официальных мероприятиях, тогда как Ани имела семилетний опыт за плечами.

– ...также я не понимаю, почему должна отказываться от права утверждать кабинет министров. Это принципиальный инструмент для синхронного управления страной.

– Но мы предполагали, что вы будете слишком заняты для прямого управления, – деликатно озвучил Билецкий предложение оставить политику опытным мужам и сохранить представительскую функцию.

– Господа, – жестко сказала наследница, – я хочу, чтобы вы меня слышали. То, что я вообще оставляю Высокий Совет как законотворческий орган, – это свидетельство моей доброй воли. По справедливости, я должна распустить вас и сосредоточить всю полноту власти в своих руках. Поэтому либо вы принимаете этот пункт, либо дальше мы не идем. В свою очередь, могу предоставить вам право квартальных инспекций работы министров и подготовки отчетов для меня.

По лицам переговорщиков было понятно, что это слабое утешение. Они вообще проигрывали по всем статьям, и если Ани где-

то и шла на уступки, то несущественные. Никогда не думала, что сестричка обладает такой волчьей хваткой.

Снова захотелось курить, и я поднялась, прихватив сумочку. Пусть думают, будто мне срочно приспичило, тем более что то один, то другой участник торгов периодически степенно удалялись в коридор и возвращались через некоторое время заметно повеселевшими.

У дверей дежурили «девочки Тандаджи», и я попросила показать мне место, где можно предаться пагубной привычке, не опасаясь, что меня кто-нибудь увидит. С каменным лицом меня препроводили на узенький балкончик, заросший пологом вьюна, и я с наслаждением раскурила сигарету, вдыхая успокаивающий и приводящий мысли в порядок дым.

Напротив, за парком, в сгущающемся полумраке белело здание нашего дворца, и я отрешенно смотрела на него, не желая впускать в голову настойчивые воспоминания.

– Не помешаю, ваше высочество?

Лохматый веселый маг с теплыми карими глазами напугал меня так, что я еле сдержалась, чтобы не закричать. Он, видимо, понял по моему лицу, что не стоило так подкрадываться.

– Извините, принцесса, не хотел вас пугать. Алмаз Григорьевич попросил сопроводить вас, чтобы избежать возможного нападения.

– Ничего страшного, – я взяла вторую сигарету. – Просто задумалась.

– Зачем вы курите? – спросил он, проходя на узкий балкон. – Это же дрянь, только травите свой молодой и красивый организм.

Широкий такой, крепкий. И голос уверенный, но мягкий, никакой душераздирающей хрипотцы.

– Алмаз Григорьевич, случайно, не просил вас меня заодно удочерить? – В отсутствие дипломатов можно ведь и не сдерживаться, правда? – А то я себя почти как перед папочкой почувствовала.

Маг, видимо, не ожидал такого отпора, потому что, подняв руку, озадаченно потер макушку, отчего прическа пришла в еще больший беспорядок. Окинул меня внимательным взглядом и снова улыбнулся самой классной улыбкой на свете.

– Простите, принцесса. Наверное, у меня сегодня привычка выработается перед вами извиняться. Мои студентки курят, и я их

иногда отчитываю, вот и тут... не удержался. Сам знаю, как эта гадость затягивает и как трудно потом бросить.

– Вы курили? – скорее для поддержания разговора любопытствовала я.

– Лет двадцать назад, – махнул рукой блакориец. Вообще, я заметила, он был очень подвижный. Потянул плечи назад, разминая мышцы, покрутил головой из стороны в сторону.

– Задолбался там сидеть, – признался он, увидев мой взгляд. – Вы тоже?

Я кивнула, улыбаясь. Барон фон какой-то там был простым и игривым, как добродушная собака, и прекрасно осознавал свою привлекательность. Так и тянуло погладить.

– Барон, к сожалению, не запомнила вашего имени...

– Мартин фон Съедентент, леди, – представился блакориец. – Можно просто Мартин, не мучайте себя моей фамилией. К моему прискорбию, предков не выбирают, как и имя рода. Сколько людей уже сломало об него язык, не перечсть.

– Барон фон Съедентент, – проговорила я, и он усмехнулся. – Может, опишете, как вы видите мою ауру? Я краем уха слышала ваши упражнения, очень любопытно было бы увидеть себя со стороны.

– Ну-у-у... – мужчина облокотился рядом со мной на балкон, и пришлось вежливо выдыхать дым в сторону, – она выглядит как ровный бутон пламени в три ваших роста, в клетке потоков. Начинается от ступней, закручивается в области солнечного сплетения, касается ладоней и темени и стремится ввысь. В ней как снежинки в свете фонаря то появляются, то исчезают родовые узоры. Белые спирали, плетеные ажурные структуры и большой ярко-золотой знак огня. Это очень красиво.

– Вы стихами не балуетесь, барон? Очень поэтично получилось.

– Было по молодости, – откликнулся он, – но не в этом причина. Хороший маг не может не быть поэтом. Когда видишь мир через призму магических спектров, поначалу задыхаешься от невыносимой красоты и яркости сущего. Потом привыкаешь, но описать это сухими словами невозможно. Хотя... у Макса получается.

– Макс – это ваш коллега? Рыжий и чрезмерно серьезный?

– Да, в точку. Он самый. Мы все учились у Григорьевича, с тех пор прошло уже бесчисленное количество лет, а старик нами так же

помыкает. Но и делится знаниями, когда в настроении. Нам до него как котяткам до тигра.

– А мне он показался милым, – рассмеялась я.

– Просто у вас похожее чувство юмора, принцесса. Поверьте, его до сих пор в МагУниверситете вспоминают с ужасом. А уж практиканты к нему попасть боятся больше, чем быть отчисленными. Самые отчаянные идут.

– Ладно, – сказала я со вздохом. С магом было легко и весело, но нужно было возвращаться в банку со скорпионами. – Пора идти, спасибо за компанию.

– Это было для меня удовольствием, – подмигнул блакориец, пропуская меня вперед.

– И для меня, – в тон ему ответила я, чувствуя, что в груди медленно расслабляется напряженный нервный ком, застывший там со вчерашнего вечера.

– ...ни в коем случае! Мои сестры должны иметь полную свободу. Никаких договорных браков. Никакого участия в политической работе. Только если они добровольно захотят этим заняться, и то я подумаю. Раскрывать их местоположение я тоже не собираюсь. Я не настолько доверяю вам, господа, чтобы до вассальной клятвы давать вам в руки такой мощный инструмент давления.

Ангелина сердилась, была очевидно уставшей и выйти покурить не могла. Я на секунду почувствовала укол вины, что оставила ее одну с этой стаей старых коршунов. Но коршуны тоже были изрядно поникшие и потрепанные, да и в глазах их была капитуляция.

Ярослав Минкен, сидевший по левую руку от Ангелины, смотрел на коллег с плохо скрываемым торжеством.

– А как насчет замужества, ваше высочество? Вас устраивает наш кандидат? – Это Кембритч, можно было и не смотреть.

– Вашего сына, – с плохо скрываемым сарказмом произнесла Ангелина, – мне рекомендовали с самых разных сторон.

– Д-да, – немного растерялся старый интриган, – он очень разносторонний человек. Умеет вести себя в свете, этичен, – (я хмыкнула), – спокоен. Он будет хорошим мужем и не посрамит дом Рудлог. И наша семья отвечает всем условиям. Помолвку необходимо заключить как можно скорее, дабы остановить катастрофу. Каково ваше решение?

Да, каково, сестричка?

– Я не могу решать, не пообщавшись с кандидатом, – ответила Ани. – К сожалению, не имела удовольствия быть знакомой с ним до переворота. Завтра мы можем встретиться и поговорить. А сейчас давайте уже подпишем итоговый документ, сделаем заявление для прессы и успокоим людей.

И все посмотрели на горящую сотнями тысяч огней площадь Седрика Победоносца.

– Марина, – тихо сказала сестра, когда мы шли в пресс-центр. – Одно твое слово, и я откажусь от этого брака и не стану с ним встречаться. Но времени на поиск других кандидатов очень мало. Ты что-то чувствуешь к нему?

Мы обе знали, каким будет мой ответ. Но если это нужно для успокоения твоей совести, сестренка, то я возьму все на себя.

– Нет, конечно, Ани. Я с самого начала говорила, что его поведение для меня подозрительно, и не подпускала близко. Он просто преследовал меня, и я не всегда имела силы проявить характер. Жаль, что он оказался таким настырным и теперь мы не можем жить, как раньше.

– Случилось все, как случилось, Марин. Возможно, просто пришла пора вернуться туда, где наше место по праву рождения. Столько случайностей, начиная с вашей встречи, мне уже кажутся закономерностью.

– Возможно, – эхом пробормотала я.

За час до пресс-конференции все новостные агентства, телеканалы и радио, в том числе и заграничные, запустили объявления о приближающемся чрезвычайном включении, связанном с безопасностью государства. Люди на площади передавали информацию из уст в уста, и вскоре площадь уже гудела, тревожно-выжидательно, с надеждой вглядываясь в светящиеся в темноте окна Высокого Совета и прислушиваясь к потрескивающим и периодически проверяемым техниками репродукторам. Люди в столице, уставшие от переживаний и слез сегодняшнего дня, разместились перед телевизорами. В больницах способные ходить раненые сползались в общие холлы для просмотра обещанных новостей, в палаточных

лагерях оставшиеся без крова собирались под громкоговорителями. Страна замерла в ожидании.

Люк успел уже изрядно набраться ко времени начала конференции и сквозь туман в голове слушал сначала выступление господина Минкена, который объявил о том, что наследница нашлась. Затем последовало заявление титулованных магов во главе со знакомым ему Алмазом – они говорили о том, что внешность принцессы изменена вследствие маскировочного заклинания, и снимается оно только при наличии определенных условий, которые невозможно воссоздать из-за нехватки времени. Вот принцесса Марина случайно выполнила эти условия, посмотрите, еще одно доказательство их словам. И маги со всей ответственностью подтверждают, что стоящая рядом с ними женщина и есть ее высочество принцесса Ангелина-Иоанна, наследница дома Рудлог.

И наконец слова самой кронпринцессы Ангелины. О том, как ей жаль, что возвращаться приходится в столь трагический момент. О том, как она глубоко сочувствует родным жертв этой ужасной трагедии. Что, несмотря на личную трагедию, произошедшую семь лет назад в ее семье, из-за которой она и живет с чужим лицом, она не могла остаться в стороне. И приложит все усилия, чтобы как можно быстрее провести необходимый для успокоения земли ритуал. Впереди напряженная работа, и она рада, что члены парламента единогласно поддержали ее предложения, которые позволят государственному аппарату функционировать слаженнее и эффективнее.

Члены парламента стояли рядом как нахохлившиеся грачи в своих строгих костюмах, и вид у них был кислый. Но они достаточно вдохновенно подтвердили все сказанное принцессой, не преминув, правда, намекнуть, что спасительницу страны нашли в основном их стараниями и чуть-чуть работой спецслужб.

Люк ухмыльнулся, опрокидывая еще бокал коньяка.

Значит, это и есть его будущая жена. Жесткая как сталь и крепкая как камень. Несмотря ни на что, приятная внешность, прямая спина, уверенный голос. Даже через экран чувствуется исходящая от нее сила, и окружающие люди это ощущают, немного отступают, не будучи в состоянии находиться рядом. Любопытно будет встретиться с ней. Интересно, если Ангелина сама откажется от брака с ним, будет ли это считаться закрытием долга перед Его Священством?

Взгляд Люка то и дело обращался к Марине, которая, отступив в сторону от остального народа и микрофонов, отвернулась и о чем-то говорила по телефону. Его телефону.

Нога заныла, и он усмехнулся, вспоминая ярость третьей принцессы дома Рудлог.

Какая же она невероятная, ошеломительная красавица, а с ее характером – просто обжигающее пламя. Сгоришь и не заметишь, как потеряешь себя.

По телевизору журналисты начали задавать вопросы, а за окном вдруг – блистать и разрываться разноцветные фейерверки. Город выдохнул, поверив в свершившееся чудо, а самые нетерпеливые уже вышли праздновать.

Гуляния продлятся всю ночь, несмотря на разрушенные дома и неспящих врачей в больницах. Люди на площади, начавшие рыдать и обниматься с первых слов графа Минкена, транслируемых через громкоговорители, дождутся конца конференции, споют многотысячным хором государственный гимн, а потом начнут потихоньку расходиться с верой в то, что именно они вымолили у небес это чудо.

И, возможно, будут не так уж неправы.

А Люк, прихватив с собой целую бутылку виски и пару пачек сигарет, побредет в свою спальню и пройдет через волшебную дверь на южные пшеничные луга с далекими темнеющими синью Милокардерами, за которыми садится багряное солнце. Там он будет сидеть до поздней ночи, напиваясь до звона в голове, пока милосердный алкоголь наконец не разгонит бессвязные, но от этого не менее пугающие мысли.

Василина и Мариан, уложив детей, тоже смотрели новости, и ей было тревожно за сестер, а ему – за нее. Раздался звонок, и горничная сообщила, что звонит госпожа Марина. На экране Марина общалась по телефону, а Василинка слушала ее в трубке, чувствуя спиной крепкое и надежное тело обнимающего ее мужа.

– Васюш, – сказала Марина тихо, – не могу долго говорить. Прошу тебя, не рассказывай Ани о том, что я говорила тебе про отношения с Кембритчем. И вообще никому не рассказывай. Прошу, не нужно. Обещаешь?

– Мариан знает, – сказала Василина, не понимая, чем вызвана просьба сестры.

– Твой муж болтать не будет. А ты? Обещаешь?

– Хорошо, Мариш. Как Ангелина? Как отец, Каролинка?

– Отец остался с младшенькой в Орешнике, Васюш. Нечего ей тут делать. А Ангелина в своей стихии. С ней все будет хорошо. Потом поведаю, как она сделала старых политиканов, не моргнув и глазом.

– А с тобой? С тобой все хорошо, сестричка?

И Василине очень не понравилась пауза перед тем, как Марина ответила утвердительно.

– Надо ехать к ним, Мар, – произнесла баронесса Байдек задумчиво, после того как они уже выключили телевизор и переместились в спальню. – Девочкам нужна поддержка. Ты отпустишь меня?

– Я возьму отпуск и поеду с тобой, – ответил муж.

Она и не сомневалась.

Часть 5. Глава 4

Конец сентября, Иоаннесбург

Драконы

Нории в последний раз облетел ночной город, вернувшись с далекого полета на юг. Драконы поделили Рудлог на сектора и методично, каждую ночь прочесывали их, двигаясь по часовой стрелке и отдаляясь все дальше от столицы, но пока поиски успехом не увенчались. Времени оставалось все меньше, Владыка уже чувствовал зов Белого города, но вернуться без искомого не мог.

Конечно, можно было летать туда-сюда, напаивая Истаил своей силой и возвращаясь в Иоаннесбург на поиски, но полеты на такие расстояния тоже не давались легко, что бы ни придумывали ранее люди о драконах. И сила, отданная Пескам, восстанавливалась далеко не мгновенно.

Поэтому и спешил Нории, пытаясь охватить как можно больше территории Рудлога, и они, двигаясь с севера, уже почти добрались до юга. Но время текло неумолимо, а оставалась еще добрая половина страны. Неужто не могли Рудлоги захватить поменьше земли под государство? Хотя, памятуя Седрика, они не привыкли отдавать то, что попало им в руки.

Владыка мягко приземлился на крышу гостиницы, обернулся и пошел спать. Завтра будет новый день и новые поиски. Он не отступится и требует с рода Рудлог их долг.

Светлана уже больше двух недель существовала в каком-то безумном режиме. Днем она работала, вечером закрывала смену, ехала в круглосуточную библиотеку и там старательно изучала всю доступную информацию о королевской семье, надеясь найти хоть намек, куда они могли подеваться. Возвращалась в гостиницу она поздно, когда драконы уже летели, расправив крылья, над страной, и ворочалась в холодной кровати, пахнувшей гостиничным порошком и кондиционером, открывала окна, вглядываясь в небо и вдыхая свежий осенний воздух. Город мигал тысячей огней, а где-то там ее драконы (она уже привыкла называть их так) искали свою принцессу.

И Светлана одновременно и хотела, чтобы ее нашли, и боялась этого, потому что тогда ее сказка закончится.

Зато под утро, когда она, укутавшись в два одеяла, давно и крепко спала, потому что никогда не получалось дожидаться Чета на ногах, а за окном черное покрывало ночи начинало светлеть и мерцать белеющими звездами, кровать прогибалась под весом вернувшегося мужчины, пахнувшего осенью и ветром, и становилось тепло и спокойно. А потом – горячо, и сладко, и безумно хорошо.

Он взял ее на третий день их знакомства и вторую ночь после его танца с богом, и она не сопротивлялась, так как уже все для себя решила. Второго такого ей не найти, а тратить драгоценное утекающее время на сомнения и игры в кокетство глупо. Пусть, пусть он думает, что она такая же, как ее подруги. Зато у нее в жизни будут хоть эти несколько дней счастья и личного волшебства. А может, ей невероятно повезет, и от красноволосого воина со светящимися татуировками на теле у нее останется крохотное чудо – сын или дочка.

Наутро после поездки в храм Света проснулась одна, с больной головой, кое-как привела себя в порядок и пошла на работу, игнорируя многозначительные переглядывания других администраторов, заметивших, как она кладет ключ от номера гостя в соответствующую ячейку. Целый день девушка как робот отдавала ключи, улыбалась, принимала номера у выезжающих, заводила анкеты в базе и думала о случившемся. Не выдержав, проверила, не съехали ли ее необычные знакомые, но номера все еще числились за ними. И Света мучилась любопытством, гадая, где же они, и смущалась, думая о том, как вести себя с Четери. И вообще – нужна ли она им дальше, такая трусливая и обычная.

Но страхи оказались напрасны – к концу смены гуляющие где-то целый день драконы вернулись, тепло с ней поздоровались и уселись напротив стойки, на мягких диванчиках у низкого стола. Чет сидел к администраторской стойке лицом, и Света с волнением ловила его взгляды и ленивые улыбки, краснея как дурочка и сердясь на себя за это. Он же все видел и все понимал, понимал, как действует на нее, и делал это специально!

– Проголодалась? – спросил Чет, вставая навстречу, когда Светлана подошла к ждущим ее драконам, обнял, будто так правильно и нужно, поцеловал теплыми губами в висок. Девушка в смущении

выглянула из-под его руки – но остальные не смотрели на нее с презрением или упреком, а наоборот, вполне себе одобрительно улыбались.

– Ага, – Света расслабленно прижалась к мужчине. Пусть видят девочки, пусть видят гости. Пусть даже ее уволят за неподобающее поведение, но она не в состоянии вырваться из его рук.

– Мы тоже. Отвезешь нас туда, где вкусно и много кормят? А мы расскажем, что ищем. Точнее, кого.

– Машина же осталась возле храма, придется забирать ее оттуда, – пробормотала Светлана.

– Ну и прекрасно, – пророкотал из-за спины Чета Валерий, которого на самом деле звали Нории. – Заодно занесем Красному жертву, чтобы не серчал больше.

В ресторане Четери сидел рядом, обнимая ее. Медленно, словно нехотя водил пальцами по спине и плечу, отчего в голове становилось пусто, и Света никак не могла сосредоточиться на том, что рассказывал Нории.

– Мы с Энти вчера ночью, после того как ушли из храма, решили наконец-то полетать над городом. Столица с высоты глазами моего дракона – это огромный узор из аур разных цветов: там, где много домов, – это пестрый ковер сияния, там, где мало, – отдельные пятнышки. Какие-то огоньки сильные, высокие, это значит, что там живет маг, или аристократ, или очень одаренный человек. Но большинство – слабые, почти прозрачные, как у всех обычных людей.

У той, кого мы ищем, огонь так силен, что других рядом с ней просто будет не заметно. Но в городе ее нет. Зато в районе Магического университета, который ты нам показывала позавчера, я увидел маленький огонек того же цвета, что ищу я. Это не может быть старшая принцесса, но вероятно, кто-то из родственников. И сегодня днем мы съездили посмотреть поближе. Совсем маленькая девушка, скорее всего, младшая сестра. Это хорошая зацепка: если проследить за ней, обнаружим и старшую.

– Принцесса? – Светлана вынырнула из неги, растекающейся по телу от теплой руки на спине, и недоуменно переспросила: – Какую принцессу вы ищете?

– Пропадающую наследницу Рудлог, конечно, – ответил за рассказчика Четери. – Нории надумал жениться, видишь ли.

– Так, – сказала девушка твердо, отстраняясь от дракона, чтобы вернуть рассудку ясность. – А теперь расскажите-ка мне все с самого начала.

И они рассказали, в перерывах отдавая должное долгожданному ужину и запивая его прекрасным вином. И про пятьсот лет заключения, и про вымирающий драконий род, и про то, что только старшая Рудлог может спасти их народ и превратить Пески в цветущее государство, которым они были раньше.

К концу рассказа Светлана спросила:

– А вы не боитесь мне это рассказывать? Вдруг я пойду к властям и сдам вас? Я же чужой вам человек, а вы так откровенны. Это очень неосторожно.

– Ага, – Четери встал, одной рукой поднял ее, второй схватил неоткупоренную бутылку с вином. – Пошли уже, чужой человек.

– Гроза... Чет... – предостерегающе начал Энтери.

– Никогда против воли, сколько можно напоминать? – весело огрызнулся воин-дракон, увлекая Светлану за собой к дверям ресторана.

– Боишься? – спросил глухо у дверей номера, обнимая сзади за талию и уткнувшись губами ей в макушку, пока Света дрожащими руками пыталась вставить ключ.

– Нет, – она постаралась, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри все тряслось от страха и предвкушения.

– Ну и правильно. Не нужно меня бояться, Светлана.

Ключ никак не хотел вставляться, и Четери взял его из слабеющих рук, вставил, нажал, зашел в номер. Она застыла на пороге, просто не зная, как себя вести, и наблюдая, как он достает с полок бокалы, открывает вино.

Обернулся.

– Нет, так дело не пойдет. Иди ко мне, женщина.

И так как она осталась на месте, подошел сам, поднял, заставив обхватить его бедра ногами, прижал к двери крепким горячим телом – так, что ей стало нечем дышать. Подождал немного, пока она расслабилась, вздохнула судорожно, а затем поцеловал, жадно, жарко – и девушка поплыла, хватаясь за его плечи, сжимая его ногами, только чтобы он не отпускал ее больше никогда.

– Вку-у-усная-я-я, – пророкотал дракон уже не человеческим голосом и посмотрел на нее наливающимися вишневым цветом глазами.

Света заскулила, но не от страха, а от возбуждения, и снова потянулась к нему, потому что он тоже оказался очень вкусным и был нужен ей как воздух, чтобы продолжать жить дальше. Целовала и стаскивала с него футболку, боясь, что он отступится и все закончится, не начавшись, и гладила обжигающую кожу и крепкие руки, держащие ее.

– Не боишься? – пророкотал Чет ей в губы, задирая юбку и срывая белье. Света отчаянно замотала головой, пока он низко и властно рычал ей в шею что-то на незнакомом языке, а его руки творили такое, отчего она кричала и билась, покрываясь испариной, не в силах вынести его движений.

Он взял ее там же, у двери, так и не сняв с нее одежду, глядя в глаза и не позволяя отвести взгляд, заполнив собой все пространство вокруг и внутри нее. Он был безжалостным ураганом, сметающим волю и поднимающим в небо, бушующей грозой, пронзающей тело, и теплым летним ветром, успокаивающим и ласкающим после последних судорог и всхлипов. И в любви, как и в бою, он тоже был воином, неутомимым и веселым, в чем она убедилась, когда после первой яростной битвы они переместились-таки в постель.

В эту ночь братья-драконы летали одни, потому что Четери принадлежал только ей.

Нории проснулся от резко ударившего в голову чувства опасности, спрыгнул с кровати, готовясь отразить нападение, развел руки, устанавливая щит. В номере никого не было, за окном мирно светило солнце, не дошедшее еще до полудня. Он досадливо тряхнул волосами, отчего вплетенный ключ хлопнул Владыку по разгоряченной адреналином коже. Двинулся к ванной – не лезть же обратно в кровать, хоть он и вернулся с облета под самое утро, – и был сбит с ног мощным толчком, сотрясшим гостиницу, а потом еще и еще одним.

Летели на пол бокалы, справочники с полок и телефон, кровать, трясаясь, съехала почти на середину комнаты, качалась люстра, угрожающе звеня хрустальными подвесками. Приоткрытое окно

хлопало и дрожало, но стекло оставалось целым. Кричали от ужаса люди где-то в соседних номерах, а земля гудела и свистела, будто закипающий чайник.

Светопреставление закончилось, и Нории поднялся на ноги.

Необычное чувство беспомощности, однако. Почти забытое.

Чета в соседнем, не менее разгромленном номере, не оказалось, и дракон рассеянно подобрал чудом уцелевший единственный бокал, аккуратно ступая по разбитому стеклу, прошел к бару и, достав бутылку вина, налил и сел на подоконник – ждать. Через десять минут раздались шаги – сначала друг заглянул, по всей видимости, к нему в номер, затем зашел к себе.

– Со Светланой все в порядке? – спросил Нории. Нетрудно догадаться, куда в первую очередь поспешил Четери.

– Испугалась, ушиблась, в остальном все хорошо, – легко откликнулся Чет, хватая бутылку и отпивая прямо из горлышка.

Владыка внимательно посмотрел на него. Мастер выбит из равновесия? Так беспокоится за очередную свою девчонку?

– Ты привязался к ней. Как поступишь, когда придется улетать?

Красноволосый воин пожал плечами, снова отхлебнул вина, но сказал другое:

– С каких это пор земля под Рудлогом беспокойна, Нори-эн?

– Видимо, с тех пор, когда люди решили посягнуть на наследников Красного. Помнишь, Седрик приглашал нас на ритуал питания Стены? Он говорил, что это держит землю. У нас в Песках защита построена без регулярных кормлений стихийного духа кровью, поэтому непривычно было.

– Не помню, – пробурчал Чет. – Я тогда был занят.

Точно, был занят. Двумя не очень застенчивыми служанками.

– Что будем делать, если не найдем ее, Нории? Если ее нет в живых?

Хозяин Белого города помолчал, глядя в окно. Он вспоминал иссушаемые зноем земли, измученных солнцем людей, тем не менее сохранивших верность Владыке.

– Вы ничего не будете делать, Четери. А у меня есть еще одна возможность оживить Пески. Если отдам себя до капли.

– Даже не думай, – зло процедил друг. – Оставишь наше племя без Владыки?

– Новый родится рано или поздно, ты же знаешь.

– Пока он вступит в силу, песок снова заберет города. Бессмысленная жертва.

– Не заберет. Не в этом случае.

– Даже не думай, – повторил воин-дракон. – Иначе я сам тебя убью.

Нории улыбнулся, с тоской глядя в окно. Неужели все зря и надежды нет?

– Энтери следит за девушкой?

– Да, но она никуда не выезжает. Только в университете и в общежитии находится. Даже в город не выходит.

– Пора бы с ней пообщаться. Дождемся брата и решим, как вывести ее на разговор. Надо подружиться, завоевать доверие. Только как подружиться с совсем маленькой девочкой?

– Я пас – я по девочкам постарше, Нории, – хохотнул Чет, но тут же посерьезнел и, словно что-то вспомнив, отпил вина. – Может, похитить и заставить говорить, внушив нужные эмоции?

– Это крайний случай, друг. Не хотелось бы пугать ребенка. Надеюсь, и не придется, – мрачно проговорил Владыка-дракон, снова уставившись в окно. Там выли сирены, машины остановились, преграждая дорогу «скорым» и пожарным, люди, выбежавшие из многоэтажных домов, либо стояли, застыв в шоке, либо рыдали, либо собирались группами и бурно общались. Каждый выплескивал пережитый страх, как мог.

Через полчаса в номер Чета позвонила Светлана и, волнуясь, попросила включить телевизор. Они молча прослушали обращение премьер-министра к прячущимся принцессам, затем его повтор. Новостные картинки сменялись, являя хаос, людское горе и разрушения.

– И что теперь? – спросил Чет через какое-то время

– Теперь будем ждать, – Нории улыбнулся. – Если она жива и кровь Красного в ней не менее сильна, чем в Седрике, обязательно вернется. За свое Рудлоги бьются, не жалея себя, – он помедлил, – и других.

А еще через несколько часов он замороженно смотрел с крыши гостиницы на огромный, выше домов и деревьев, столб бушующего пламени, который быстро двигался сквозь город к центру. Даже

начавшее клониться к закату солнце меркло рядом с ним, и Владыке-дракону хотелось перекинуться, расправить крылья и подлететь, искупаться в этом жаре, согреться. Точно такое же чувство Нории испытывал рядом с Седриком.

Это была его будущая жена, абсолютно точно. Ведь никто другой не мог пылать ярче, кроме самого Красного воина.

– Я полечу, – сказал он Чету и Энтери. Позвоночник уже кололо предвкушением, и сдерживаться сил почти не было.

– Сможешь удержать отвод глаз? – серьезно спросил брат, принимая одежду, которую снимал Владыка.

– Пока смогу. На несколько дней сил хватит.

И он прыгнул с крыши, на лету оборачиваясь в гигантского белого дракона, чуть не задел крылом провода, когда разворачивался, чтобы взмыть вверх. Люди внизу попадали из-за мощного потока воздуха от его крыльев – задирали головы, смотрели, но ничего не видели.

Владыка за несколько минут добрался до центра, некоторое время парил над площадью, наблюдая за невиданным скоплением кающегося народа, затем подлетел к зданию Высокого Совета, над которым переливалась алым и белым аура сильнейшей Рудлог. Сел на крышу, расправив крылья и чувствуя, как огненная стихия проникает внутрь и пьянит как прекраснейшее вино на свете. И стал ждать. Когда-нибудь она выйдет из здания.

На крыше гостиницы двое красноволосых мужчин некоторое время молча наблюдали за удаляющимся Владыкой, понимая друг друга без слов. Наконец-то слабая тень надежды превратилась в уверенность, что раскаленные песчаные барханы снова станут пышными зелеными лугами с пасущимися на них стадами овец, верблюдов и лошадей, иссохшие солончаки вернут себе славу чистейших лазурных озер с ключевой водой, а люди прекратят умирать от голода, солнца и болезней. Белые города снова начнут жить, а драконий род будет избавлен от угасания и забвения.

Энтери ушел спать – он летал всю ночь и утром поехал следить за студенткой МагУниверситета, а Четери зря прождал Светлану в своем номере. Иногда она приходила к нему сразу после смены, перед тем как уехать в библиотеку, краснела, застывала у дверей, а он наблюдал за ней, наслаждаясь ее смущением и желанием. Ему нравилась эта

игра, нравилось и то, что следовало далее. Сегодня Света не пришла, и дракон чувствовал, что раздражается. Пусть хоть небо упадет на землю, но он для нее должен быть на первом месте. Подождал еще, поражаясь своему недовольству и нетерпению, ругнулся сквозь зубы и пошел вниз сам.

В холле гостиницы стояла толпа заезжающих туристов, которым все было нипочем. Девочки-администраторы, красные и растерянные, объясняли недовольным гостям, что часть номеров повреждена, в некоторых выбиты стекла.

– Сейчас в целые номера переносят дополнительные кровати, извините, пожалуйста, придется подождать, пока вы можете пройти в ресторан, там бесплатное питание специально для вас, вам будет компенсирована разница в стоимости, обязательно, – тараторила Светлана раз за разом. А туристы громко возмущались, ругались, отпускали язвительные и оскорбительные замечания, требовали жалобную книгу, клялись, что больше сюда ни ногой, а Светлана все извинялась, успокаивала и объясняла, пока у дракона не лопнуло терпение.

Четери пробился через галдящую толпу, обогнул стойку и громко спросил у нее:

– Света, кому и сколько нужно дать золота, чтобы тебя заменили?

Она скривила губы и ничего не ответила, даже не посмотрела на него, и Чет понял, что девушка на грани истерики.

– Люди, – гаркнул он зычно, перекрывая гомон толпы, – тихо!

Народ притих, настороженно глядя на странного красноволосого человека.

– Слушайте меня: тем, кто рассядется по диванам и будет терпеливо ждать своей очереди, я полностью оплачу проживание здесь.

Туристы неуверенно оглядывались на диванчики, а Света напряженно застыла у монитора, и ему почему-то казалось, что она злится. Остальные администраторы с любопытством посматривали то на него, то на свою коллегу.

– Я не шучу, – добавил он уже тише. – Девочки, подсчитаете и выдадите мне, сколько золота... точнее, руди, я должен буду отдать.

– Хорошо, – кивнула одна из администраторов, наблюдая, как туристы, волоча за собой чемоданы и сумки, ручейками потекли к

мягким креслам и диванам. А Четери схватил Свету за руку и потянул за собой.

– Почему ты злишься, женщина? – недоуменно спросил в лифте, потому что Светлана была напряжена и отводила взгляд. – Разве я не спас тебя от этих шакалов?

Она вздохнула, словно успокаиваясь, потом еще раз и еще.

– Четери, – сказала таким тоном, как маленькому, – это моя работа. Я обязана с ней справляться. Ты сейчас осложнил мои отношения с коллегами, потому что я ушла, а они остались работать за меня. Показал куче народу, что ты платишь за мое время. Как я буду смотреть в глаза гостям и девочкам? За кого они меня примут? За очень дорогую шлюху?

– Ты говоришь глупости, Света, – уверенно сказал самый непонятливый дракон на свете, обнимая ее. Но она не расслабилась, как обычно рядом с ним, а уперлась руками ему в грудь, подняла глаза – в них был гнев.

– Ты улетишь со дня на день, – крикнула она звонко и зло, он даже услышал эхо в шахте лифта, – а мне здесь оставаться, работать с этими людьми! Терпеть насмешки, сочувственные взгляды, шепотки! Хорошо, если не вызовут к управляющему и не уволят! Ты совсем не думаешь обо мне, Чет!

Щелкнули двери лифта, раскрываясь, и он схватил ее на руки, понес в номер, не обращая внимания на людей в коридоре.

– Я думаю о тебе, женщина, – прорычал ей на ухо, а она грустно покачала головой. Он тоже начинал злиться, ведь он помог ей, а она не оценила, да еще и накричала за что-то непонятно-женское.

– Ты о себе думаешь, – сказала она тихо, когда Четери уже занес ее в номер, стал нетерпеливо срывать с нее и себя одежду, зная единственный способ помириться и доказать ей, как сильно он о ней думает. Девушка покорно поднимала руки, переступала через юбку, но опять не глядела на него, и от этого внутри что-то скручивалось и болело.

Унял желание, потянул к себе, усадил на колени и начал гладить по спине, так, как она любила.

– Света-а-а, посмотри на меня. Чего ты хочешь?

– Тебя, – призналась так же тихо и печально, поднимая на него серые глаза.

– Так я же здесь, – Чет нетерпеливо уткнулся ей в плечо, провел языком, поцеловал, сжал руками бедра, притягивая к себе.

– Это ты сейчас здесь, – прошептала девушка после долгой паузы, совсем неслышно.

Он понял, напрягся.

– Светлана, Светочка. Я же ничего не обещал. Я думал, ты понимаешь. Там, где я – там нет тебе места.

– Я все понимаю, – сказала она уже спокойно и улыбнулась. – Не переживай, я просто устала. Обними меня крепче, Чет.

И он обнял, и поцеловал, и долго, сладостно любил ее, пытаясь вернуть былую легкость их отношениям. Но они вдруг перестали быть игрой, и болезненная нотка ее будущего одиночества неприятно колола его, не позволяя полностью и безудержно, как раньше, отдаваться настоящему.

Светлана в тот вечер не пошла в библиотеку – все государственные учреждения были закрыты, город ждал чуда, и люди стекались на площадь Победоносца. Вместо этого она побродила по улицам, заглянула в маленький, совсем не богатый храм, где статуи богов были в половину человеческого роста и стояли не на земле, а в специальной нише, на возвышении.

Там девушка долго молилась о том, что известно только ей одной, а Богиня Воды и Любви ласково смотрела на нее чуть раскосыми глазами и немного укоризненно косилась на Белого Целителя Жизни. Но, возможно, Свете это только казалось.

И после храма она не вернулась в гостиницу ждать своего дракона, а села на автобус и уехала на окраину города, к родителям. Еще днем звонила, спрашивала, все ли в порядке, и папа с мамой ее успокоили. А потом поняла, что очень соскучилась, и решила приехать.

Обеспокоенные долгим отсутствием дочери, ее добрые и такие домашние родители поили дорогую гостью самодельным травяным чаем с ягодами, собранными летом, кормили приготовленными папой пирожками, обнимали, расспрашивали о работе и немного волновались из-за ее отстраненности. Спать она легла в своей детской, и снился ей белый тусклый город, занесенный сыпучим песком, шепчущим ее имя, и по-матерински обнимающая ее Синяя Богиня, прохладная и текучая, которая гладила Свету по волосам и обещала,

что у хороших девочек все обязательно бывает хорошо. А уходя из сна, Богиня-Вода вручила ей тонкий тяжелый ключ, очень похожий на тот, что был вплетен в волосы Нории-Валерия, который льдинкой поместился в Светиных ладошках и медленно там растаял.

Четери, дождавшись осенней ранней темноты, привычно воспарил с крыши в расцветенное фейерверками небо, отправившись на поиск Владыки.

Нории, совершенно голый, сидел на крыше дворца, и Чет, обернувшись, приземлился чуть позади.

– Не удалось ее увидеть, – сказал хозяин Белого города, не оглядываясь. – Внизу масса охраны и сигналок, а она переместилась из Совета прямо во дворец. Буду ждать. Лети обратно, я позову, когда вы будете нужны.

– Я сменю тебя утром, – ответил Мастер, помолчав. Он тоже чувствовал тепло ауры красной принцессы, но видел ее смутно, как полупрозрачные потоки горячего воздуха.

– Нет, не нужно, – холодно произнес Владыка. – Я хочу все сделать сам.

– Я прилечу, – настойчиво повторил Чет, – под самое утро, когда все еще будут спать. И сейчас подожду. Она ведь спит?

– Спит.

– Тогда не изображай тут петуха на насесте. Отлучишься на часок, поешь, в уборную сходишь. Или будешь охрану удивлять, мочась с крыши им на головы?

Нории поморщился – Чет иногда бывал по-солдатски грубоват и прямолинеен.

– Если упустишь ее, – сказал неохотно, признавая правоту старейшего из них, – накажу.

– Не пугай, – рассмеялся воин, – и так на тебя страшно смотреть.

Четери вернулся в гостиницу незадолго до полуночи, надеясь, как всегда, обнаружить в своей комнате замерзшую Светлану и согреть ее так, как он привык. Тем более что тело еще ею не насытилось. Но номер оказался пуст, в кровати никто не ждал, и Мастер нахмурился, подавляя недовольство. Заказал такси с веселым, радостным шофером, распеваящим гимн Рудлога, который крутили по радио, поехал к библиотеке, чтобы забрать Свету от ненужных уже газет. Но двери заведения были закрыты. Поехал обратно – проверить, не вернулась

ли. Не вернулась. Забеспокоился до чесотки в лопатках, ведь если она не пришла к нему, значит, точно что-то случилось. Подошел к ночному администратору на стойке, широко улыбаясь, и выпросил телефон Светланы. Он так и не удосужился взять у девушки номер, хоть драконы и прикупили себе по трубке еще на второй день.

Долго шли гудки, и наконец сонный мягкий голос недовольно пробормотал в трубку:

– Алло?

– Светлана, ты где? – облегчение, и злость, и жалящие мысли о том, где она спит и с кем она спит. Он же ничего о ней не знает, может, она замужем давно и у нее пятеро детей?

– А кто это? – немного растеряна, видимо, не отошла еще ото сна.

– Это Четери, Света, – так, надо выдохнуть и не думать о том, что она его не узнала.

– Чет? – теперь удивление и беспокойство. – Не думала, что ты позвонишь. Что-то случилось, нужна помощь?

– Я тоже хочу узнать, что случилось, – процедил он в трубку. – Где ты? Почему не осталась у меня?

– Я у своих родителей, Четери, – устало сказала Светлана, словно мягко упрекая за то, что разбудил ее из-за такой ничтожной причины. А он вместо вины почувствовал облегчение. Не у мужа, не с детьми. – Я и сама не думала, что поеду к ним, поэтому не сказала тебе. Завтра буду на работе.

Дракон помолчал, прислушиваясь к себе.

– Чет? – позвала напряженно, будто чувствовала, как он злится.

– Говори адрес, – наконец произнес Чет, – и открой окно.

– Не сходи с ума, – попросила она.

– Адрес, Света.

Он прилетел через пятнадцать минут, прыгнул в окно, около которого она, замерзшая и недовольная, ждала, ругаясь про себя на неугомонного дракона и боясь, что услышат или войдут родители. Как был, обнаженным, схватил ее в охапку, сжимая до боли, словно наказывая за отсутствие. И понес в кровать – яростно доказывая что-то непонятное даже для него самого.

Светлана так и не поспала нормально этой ночью. Просто периодически проваливалась в сон в перерывах между его жадными ласками, подрагивая в полудреме и прижимаясь к своему неистовому

любовнику, когда он отдыхал и гладил ее влажное тело. Она устала не кричать и сдерживать стоны от его напора, устала всматриваться в лицо с горящими вишневым светом глазами, пытаюсь найти там что-то важное и необходимое ей. И только под раннее утро, когда он ушел, подарив ей легкий поцелуй, а до звонка будильника оставалось не более полутора часов, Света, свернувшись калачиком в ставшей сразу холодной постели, мгновенно уснула, измотанная, как никогда в жизни.

Марина

Пресс-конференция наконец-то закончилась, Ангелина величественно всех поблагодарила, поднялась и вышла. А за ней потянулись и остальные – дипломаты, маги и я.

– Ну что, нужно это отпраздновать, – жизнерадостно сказал, кажется, князь Василёвский, когда мы снова оказались в Оранжевом зале. На столе, весело подмигивая округлыми хрустальными боками, уже стояли наполненные фужеры с шампанским, окруженные чашами с клубникой, фруктами, икрой в тарталетках и прочей радостью. Я мысленно застонала. Нет, еще и алкогольного праздника я точно не выдержу.

– Праздновать будем, когда убедимся, что земля успокоилась, – охладила направившихся к столу дипломатов Ангелина, и ее ледяной тон словно заморозил всех на месте. – А просто перекусить можно, – милостиво добавила сестра, но, по всей видимости, аппетит она уже им перебила. – Ярослав Михайлович, можно вас на пару слов? – Ани обернулась к премьеру.

Минкен подошел, и они вполголоса начали что-то обсуждать.

Краем глаза я увидела, как маги во главе с Алмазом, обойдя пристыженных дипломатов, как ни в чем не бывало набрали себе тарелки с закусками, шампанского и начали все уминать. Правда, это совсем не походило на празднование, скорее на обедание. Старый маг сказал, что они ставили охранки вокруг дворца, пока Ангелина отвечала на вопросы, а бедный лохматый Мартин в это время держал щит перед сценой – вдруг в толпе журналистов оказался бы убийца или маг-наемник? Так что опустошающие стол волшебники просто восстанавливали силы.

А вот и фон Съедентент – помахал мне рукой, широко улыбнулся, потряхнул темными волосами. Я легонько кивнула, насмешливо глядя на

него. Смотреть на мага было, откровенно говоря, приятно. Этот мужчина просто распространял вокруг себя волны сокрушительного обаяния. Хотя они явно не действовали на стоящую рядом смуглую Викторию – она посмотрела на Мартина, скривила губы, затем перевела взгляд на меня и подмигнула. Типа: «Ну мы-то с вами способны не поддаваться ему».

Не знаю, как она, а насчет себя я была не уверена.

«Ну-ну, оказывается, нам нравятся плохие мальчики?»

«Этот мальчик хороший».

«Ну-ну».

Ангелина тоже заметила наши переглядывания, прищурилась. Ну и ладно, будет лишнее доказательство, что к Кембритчу я равнодушна. Кто с разбитым сердцем стал бы флиртовать с другим, если от момента разбиения прошло менее суток?

«Ты, например».

Внутренний голос набирал обороты, а я постепенно уходила в себя, почти засыпая, но при этом упорно и вежливо улыбаясь, когда ко мне подошла Ани и потянула за собой.

– Приготовили наши комнаты, Марина. Минкен сказал, что они начали восстанавливать интерьеры с момента начала наших поисков, чтобы мы сразу могли въехать. Горничных наняли, охрану, поваров. Весь персонал, если кратко.

– Какая предусмотрительность, – пробурчала я, двигаясь за ней к двери. В другом состоянии я бы и за все сокровища мира не вернулась туда, где все напоминало о маме и нашей прошлой жизни. Но сейчас меня можно было положить прямо на стол, между икрой и клубникой, на глазах изумленных верноподданных, и я бы заснула без всяких угрызений совести.

– Ваши высочества, извините, что дергаю, старый совсем, памяти нет, забыл сказать кое-что, – умирающим голосом проскрежетал сзади Алмаз Григорьевич – мы не дошли до спасительной двери всего пары шагов. Старый маг, от одного взгляда которого немного бледнели профессора и придворные маги, оторвался от четверки своих спутников и вполне себе живенько нас догонял. На лицах его коллег царил непередаваемое облегчение. – Дамы, – сказал он уже нормальным тоном, – я настоятельно не рекомендую вам до принятия вассальной клятвы, а лучше до коронации и свадьбы, выходить на

улицу. Будем использовать Зеркала, но предупреждаю, поначалу может немного мутить.

– Зачем такие предосторожности, Алмаз Григорьевич? – недоуменно спросила Ангелина. – Минкен заверил меня, что во дворце и вокруг полно охраны, да и щиты вы поставили на наши покои, и сигналки на территории...

– Знаете, – заговорщически проговорил он, открывая дверь и предлагая нам выйти, – я всегда учу своих обалдуев, что хороший маг должен доверять не только фактам, но и интуиции. А я хороший маг, – скромно добавил Старов. Дед определенно нравился мне все больше. – И интуиция кричит мне, что нужно перестраховаться. Я буду спокоен, только когда мы накроем щитом всю территорию дворца, но его нужно запитывать на артефакты по периметру, а чтобы разместить их, нужно несколько дней. Эти красавцы, – он мотнул головой на последовавших за нами охранников, – конечно, неплохи, но против снайпера или сильного мага ничего сделать не смогут.

Я вспомнила, как замертво падали на пол зала телепорта телохранители, пытающиеся защитить нас от Смитсена, и у меня закружилась голова, как перед давешним обмороком. Зачем, зачем мы снова в это полезли? Стоило ли столько прятаться, чтобы сейчас подставляться?

– Вы не преувеличиваете? – криво и недоверчиво улыбнулась Ангелина. Нервы у нее всегда были крепче моих.

– Я весь вечер ощущаю, будто над нашими головами нависает опасность, – серьезно и строго сказал Старов, и сестра кивнула.

– Мне тоже не по себе, – неожиданно согласилась она. – Затылок покалывает.

А вот мне было нормально, во всяком случае, ничего сверхъестественного я не чувствовала, кроме желания покурить и заснуть. Но это были совсем обычные и привычные желания. Даже родные, можно сказать.

– И кто будет водить нас через Зеркала? – поинтересовалась сестра, когда мы прошли по коридору и зашли в маленькую аккуратную комнатку с рядом кресел и экраном проектора на стене.

– Сегодня и завтра, перед вассальной клятвой, – я. Дальше – как получится, но, скорее всего, кто-то из моих учеников, Виктория или

Мартин. И, если вы позволите, я возьму на себя поиск придворного мага.

– Конечно, – благосклонно ответила сестра, наблюдая, как появляется мутное высокое Зеркало. Наши охранники стояли сзади, безразлично глядя на постепенно проявляющуюся зеркальную и блестящую поверхность.

– Так, глаза закрываем и вперед. Не знаю я, как давно вы Зеркалами пользовались, поэтому напомним: некоторое время не будете чувствовать опоры под ногами и понимать, где верх-низ. Ваше высочество, идете? – это он Ангелине.

– Прошу прощения, принцесса, но сначала мы, проверим, что на той стороне. Обратно пройти сможем? – пробасил один из охранников, видимо, главный, и Алмаз кивнул, посторонился. Через минуту немного позеленевший телохранитель вылез обратно и пробурчал: «Чисто все, можно идти».

Когда-то, на заре своего жокейского опыта, я недостаточно плотно затянула подпругу, и милая кобылка Лаванда, резко затормозив, перекинула меня через голову. Я только чудом ничего не сломала, но мгновения, когда летишь кувырком и не можешь сгруппироваться, потому что теряешь ощущение тела в пространстве, запомнила. Вот при переходе через Зеркала появлялось такое же чувство, только крутило подольше и не швыряло о землю.

– Вот и отлично, – бодро сказал Старов, выходя из Зеркала последним. Мы стояли у наших комнат в Семейном крыле, в том самом коридоре, по которому убегали в день переворота. – Спокойной ночи, ваши высочества. Если возможно, уделите мне завтра несколько минут перед вассальной встречей в Церемониальном зале, я бы очень хотел узнать, как сработал амулет и куда вы попали.

– Конечно, – произнесла Ангелина, и маг удалился. Удивительный старик. То дурачится как дитя, то запугивает своих «обалдуев», то общается на уровне лорда первой крови. Наверное, в его возрасте и при его могуществе можно позволить себе быть тем, кем хочешь.

«А вот кем хочешь быть ты, Марина?»

Кровать стояла на том же месте, занавески и обои были того же цвета. Даже фотографии с моими кубками и маленькой мной сохранили и развесили по стенам, как раньше. Были там и наши общие

фотографии с мамой, но я не стала подходить ближе и смотреть. Почти все выглядело как семь лет назад, но это уже был не мой дом.

Выпуская сигаретный дым в открытое окно, я со всей отчетливостью поняла, что хочу вернуться в свою больницу, отучиться и работать дальше и никогда-никогда не возвращаться во дворец. Но сейчас я просто не могла оставить Ангелинку одну.

Тело чесалось, видимо, на нервной почве и требовало помыва.

Душевая в тех же цветах, зеркало на том же месте, красные и белые полотенца с вензелями нашего дома. Я тупо стояла под струями воды, и спать уже не хотелось: перегуляла пик сонливости. Затылок ломило, а в голову настойчиво лезли картинки нашего бегства и страха. Эти стены просто довели надо мной, и из неврастенички я хорошими темпами превращалась в параноика.

В результате я, как маленькая, под ничего не выражающими взглядами охраны пробралась к сестре в комнату и попросилась поспать с ней. Мне показалось, что Ангелина обрадовалась. Наверное, не мне одной здесь было плохо и тяжело. Только вот ей не сбежать обратно, как мне. И все равно придется нести эту ношу одной.

Обнявшись, как в детстве, мы наконец-то заснули.

Церемония принесения вассальной клятвы была назначена на полдень, в Большом Церемониальном зале, и дворец с самого утра оживал, заполняемый суетящимися слугами и прибывающими аристократами.

После легкого завтрака на нас напали модистки и стилисты, которым предстояла непростая задача выбрать и подогнать подобающие случаю платья за несколько часов, а также сделать из неухоженных принцесс нечто блистающее и впечатляющее. От этих людей исходил азарт, от меня – раздражение. Пачка сигарет, лежащая на столике в гостиной моих покоев, мозолила глаза, мозг требовал кофе и шоколадку, а примерки все продолжались. Беда в том, что на официальные церемониалы требуется одеваться в цвета нашего дома, но при этом желательно не выглядеть как национальный флаг. И если Ангелинке как наследнице был допустим еще и золотой, то я должна была выбирать между красным и белым. Хорошо хоть цвет аксессуаров был не регламентирован.

Это был день Ангелины, поэтому я решила не выделяться и выбрала белый. Мне он, как блондинке со светлой кожей и ярко-

голубыми глазами, категорически не шел, и замученные модистки искали тот самый оттенок, который позволил бы мне не выглядеть привидением в саване или трепетной невестой перед обмороком.

Остановились на блеклом светло-жемчужном платье из мягкой драпированной ткани, закрывающем колени и руки на три четверти. Максимально допустимый v-образный вырез, аккуратный запах на груди. Единственная дань королевским цветам – светло-коралловый широкий пояс с золотыми бляхами по бокам.

Что ж, за местного доктора в белом халате меня никто не примет, но и выделяться не буду.

Модистки убежали подгонять платье, подбирать обувь и украшения к нему, а я, сердито мотнув головой на приближающуюся стилистку, метнулась к столику, открыла окно и наконец-то закурила. Набрала со змеева телефона номер Валентины – вдруг отец рядом и ответит?

– Алло?

– Отец, это Марина. Видел новости?

– Видел. И Ангелина вчера звонила, рассказала все вкратце. Просила приехать на церемонию. Но я не поеду, Марин, Валентина в больнице надолго, за детьми некому смотреть. Справитесь без меня?

– Конечно, – улыбнулась я в трубку. Отец наконец-то мог от души о ком-то позаботиться, а то когда мы все повзрослели и разлетелись, одной Каролинки ему явно не хватало. Иногда я поражалась, сколько же в нем терпения и любви к нам всем, хотя родными ему были только младшенькие.

Как-то я спросила, почему он к нам так относится, а отец пожал плечами и ответил: «Вы ее дети, а значит, и мои».

Великая любовь. Наблюдая такую, просто невозможно не сравнивать и не желать, чтобы тебя любили так же бесконечно сильно.

– Как соседи, не достают?

– После вчерашнего эфира с Ангелиной все как с ума сошли. Приходят делегациями, любопытствуют, просят помощи. Гвардейский отряд им хорошо помог, теперь вот считают, что я всесилен. Оставленная охрана для них не помеха, чуть ли не через заборы перелезают, поэтому я попросил не мешать, успокоятся когда-нибудь.

– Потерпишь? После коронации посмотрим, что сделать для них можно.

– Конечно, потерплю. Марин, забыл сказать, с утра приезжал твой главврач, искал тебя. Очень переживал. Я ему ничего не сказал. Что делать будешь?

Я задумалась. Олег Николаевич мне плохого ничего не делал, даже предлагал обучение.

– Я позвоню ему позже, папа. Спасибо. Надеюсь, скоро увидимся.

– Пусть защитят вас боги, дочка, – глухо произнес он и отключился.

Я положила трубку, взяла дотлевающую сигарету, затянулась, когда телефон зазвонил снова. Я немного нервно взяла трубку, но номер был Васькин, и я нажала на «Ответить».

– Привет, сестренка!

– Привет. Вы где сейчас, Марин?

– Во дворце, – откликнулась я, – нам подготовили комнаты.

– Я так и думала. Мы приезжаем, Марин.

Я сначала и не поняла, куда они приезжают. А когда сообразила – испугалась. Ладно мы, но у Василинки трое малышей, и подставлять их под возможный удар безответственно.

– Васюш, здесь нас охраняют так, будто вокруг кружат полчища врагов. На улицу не выходим, сидим в своих покоях. Я даже курю в окно, – и я, затянувшись, медленно выпустила дым в распахнутую створку. – Да и Ангелина настояла, чтобы нас не привлекали к государственным делам. Думаю, вам не надо светиться.

Я оглянулась: стилистка расставляла на столике перед зеркалом бесконечное количество баночек с тенями, помадами и тонами и делала вид, что ничего не слышит.

– Я уже все решила, Мариш, – сестра не растеряла нашего фамильного упрямства. – И Мариан меня сопровождает, он только что от командира, взял отпуск. Едем к телепорталу Лесовины. Мы побудем до коронации, а потом уедем обратно. Мальчишек оставили на Симона, а дочка со мной.

– Сестренка, я как-то могу тебя отговорить?

– Нет. Ты бы тоже приехала.

– Приехала, – признала я, нервно жуя фильтр сигареты.

– Скажи Ани, что мы скоро будем. И прикажи нас встретить, через полчаса выйдем на телепорт-вокзале Иоаннесбурга.

– Хорошо, Васюш.

Отключившись, я выглянула в коридор и попросила охранников организовать доставку баронессы Василины Байдек с мужем и дочерью во дворец, в покои второй принцессы. Заглянула к Ангелине. Та сидела перед зеркалом, и строгая стилистка укладывала ей волосы. Пожилая ухоженная и суховатая личная ассистентка зачитывала наследнице план дня.

– Вася приезжает, – сообщила я, когда сестра повернулась. – С малышкой и мужем. Я уже распорядилась, их встретят.

– Я так и думала, что она не станет скрываться, – ответила Ангелина, улыбаясь, а я в очередной раз поразилась тому, как мои старшенькие похожи образом мыслей. – Вероника Сергеевна, – ассистентка подняла голову, – в покои второй принцессы срочно нужны модистки, горничные и няня. Попросите кого-то из ваших помощниц, пусть ассистирует принцессе и введет ее в курс дела. И еще: вы слышали, ее высочество будет с мужем и ребенком, поэтому пусть немедленно добавят в обстановку то, что необходимо.

Через час королевский листолет доставил во дворец барона и баронессу Байдек с дочкой. Василина, в отличие от сестер, смотрела на дворец, не чувствуя тоски. Это было похоже на возвращение в разрушенный дом после войны – даже если здесь развалины, даже если мама мертва, здесь она ближе к ней и к себе, чем где бы то ни было. И Василина решила первым делом сходить на семейное кладбище, навестить мамину могилу и попрощаться с ней по-настоящему.

Барон Байдек, сидевший в листолете в кресле напротив, наблюдал за кормящей дочку и поглядывающей в окно женой с легкой тревогой. Он понимал, зачем она поехала к сестрам – их привязанность друг к другу, готовность защищать и помогать всегда бросалась в глаза. Но что, если Василина захочет остаться здесь? Он, конечно, будет с ней, что бы она ни решила, и не позволит себе давить на нее, но их такая налаженная, хорошая, уютная жизнь в лесном имении его предков останется в прошлом.

А упорно выжидавший случая увидеть свою добычу дракон ошеломленно наблюдал, как к нему приближается еще один огромный и согревающий даже издали столб пламени. Они были так похожи, что Нории поначалу даже подумал – это наследница, и был готов

действовать. Но вовремя заметил, что пламя уже окольцовано и усмирено. В нем виднелись темно-фиолетовые всполохи того оттенка мудрости, который женская аура может приобрести только после состоявшегося замужества и рождения детей.

Мариан

Барон Байдек, держа на руках дочь, затисканную тетями при бурной встрече, наблюдал, как суетятся вокруг жены модистки. До церемонии оставалась пара часов, и бедолаги пребывали на грани истерики, пытаясь за короткое время подобрать наряд на пышную фигуру его Василины.

Хотя он искренне не понимал, зачем это – в дорожном костюме она и так выглядела прекрасно.

– Разрешите? – к дочке робко протянула руки няня. Байдек уже осмотрел женщину с ног до головы, отмечая чистые короткие ногти, светлые белки глаз – значит, не болеет ничем, – свежую, аккуратно выглаженную одежду, отсутствие мелких пуговиц и украшений, здоровые зубы, уверенные движения. Возраст няни приближался к возрасту его матери, и барон, поколебавшись, все-таки передал Мартинку Софье Сергеевне. Малышка даже не проснулась. А Мариан должен был кое-что проверить – понимал, что здесь его женщинам куда опаснее находиться, чем в поместье. Ангелина, ранее выслушав его, дала добро и отдала необходимые распоряжения.

– Василина. – Принцесса повернула голову. – Я отлучусь на полчаса.

Супруга кивнула, улыбнувшись, и он тоже улыбнулся в ответ.

Байдек, выйдя из комнаты, сразу подошел к двум стоявшим у дверей телохранителям.

– Приветствую, ребята. Кто у вас начальник охраны?

– Нет его, – неохотно пробурчал один из охранников. – Пока всем управляет Тандаджи.

– Где его можно найти?

– В Зеленом крыле. Оно с противоположной стороны от этого.

Барон быстро прошел сквозь дворец, отмечая и суету, и расставленную охрану, провожающую его настороженными взглядами. Он был в форме егерских войск короны, а северян здесь видели редко. Назвав свое имя, Мариан спросил у сотрудников, сидящих у входа в Зеленое крыло, где кабинет Тандаджи. К нему за спину сразу

пристроились двое парней: проводить, ну и скрутить в случае чего. Капитан не возражал. Пусть каждый делает свою работу.

У входа в кабинет обыскали, но корректно, без нахальства. И только потом один из сопровождающих, постучав в дверь и дождавшись короткого «Да!», заглянул и сообщил, что к начальнику прибыл барон Мариан Байдек.

– Пропустите, – уверенно приказал хозяин кабинета, и капитан Байдек наконец-то попал в святая святых Зеленого крыла.

Аскетизм, темные тона, бардак на столе, накурено, как в кабаке, душно, и сам начальник Управления госбезопасности – смуглый, в возрасте, но почти без морщин, с равнодушным лицом и темными миндалевидными глазами.

Начальник разведуправления в кабинете оказался не один – в кресле, дымя сигаретой, сидел недавний арестант Байдека, лорд Люк Кембритч. Значит, его догадка верна, и ниточки тянутся сюда, в госбезопасность. Что ж, операция по поиску принцесс и правда была проведена блестяще, однако сей факт не умаляет желания поучить виконта общению с девушками. Но это подождет.

Кембритч, опираясь на трость, встал, исподлобья посмотрел вошедшему в глаза. В этом взгляде было и недоумение от того, что здесь делает северянин, и воспоминания о пребывании в камере, и общая неприкрытая неприязнь.

– Барон.

– Виконт.

Они не подали друг другу рук, и разбить вязко застывающее между мужчинами напряжение, как и вынудить их отвести взгляды, смог только голос Тандаджи:

– Люк, сядь, тебе вредно много стоять.

Кембритч нервно дернул подбородком, но сел, закурил новую сигарету. Господин начальник, не обращая внимания на раздраженного подчиненного, перевел взгляд на Байдека.

– Барон, мне передали пожелание будущей королевы. Но я, признаюсь, не уверен, что ваша компетенция позволяет оценивать уровень охраны дворца. Уверю вас, я все предусмотрел.

– Я не претендую на то, чтобы контролировать вас, господин Тандаджи, – спокойно ответил капитан. – Я приношу свои извинения за то, что своей частной инициативой отрываю вас от дел. Но я обязан

заботиться о безопасности своей семьи как единственный дееспособный мужчина. У меня свежий взгляд, большой опыт охраны, и, возможно, я увижу то, что пропустили ваши люди.

– В чьей это семье вы единственный мужчина? – Люк сощурился, повернул голову сначала в сторону Байдека, потом к начальнику. Тандаджи, явно забавляясь, откинулся на спинку кресла.

– Разрешите, барон?

Мариан кивнул. Какая разница, сейчас или через пару часов, когда об этом узнает все королевство.

– Люк, позволь представить тебе мужа второй принцессы Василины-Иоанны Рудлог.

Вместо того чтобы разозлиться, Кембритч оглядел его с ног до головы и весело ухмыльнулся.

– Охренеть. Значит, о том, где могут быть принцессы, вы не знаете, представления не имеете и крайне удивлены, что к вам обращаются с такими вопросами? Ай-ай, барон, разве кодекс чести Севера не говорит, что врать – нехорошо?

– Наш кодекс чести ставит защиту своих женщин во главу угла. И, по крайней мере, я не довел одну из них до истерики и обморока, пытаясь изнасиловать у стенки, – ледяным тоном парировал Байдек, глядя Люку в глаза. Да, подлый прием. Да, его противник замер, дернул уголок рта, затаился. Но удовлетворения это не принесло, а принесло скорее неприятное чувство оттого, что не сдержался, когда нужно было, и ответил на провокацию.

– Это было оправдано, барон. И я получил за это сполна, – наконец произнес лорд Кембритч, похлопывая себя по сломанной ноге тростью. – Уж поверьте.

– Не оправдано и не сполна, виконт. За вами долг.

– Я уже сказал – в любое время, барон.

– Хватит, – холодно оборвал их Тандаджи, постукивая карандашом по столу. – Барон, присаживайтесь. Убьете его потом. Что конкретно вы хотите увидеть?

Байдек остался стоять.

– Я обратил внимание, когда мы подлетали к дворцу, что на крыше нет охраны. Я бы поставил там снайперов – они поддержат охрану парка, установят наблюдение за окнами и закроют возможность подниматься из дворца на крышу.

Тандаджи покачал головой.

– Лестница заблокирована, пройти во дворец никто не сможет, как и выйти наверх. На крышу попасть невозможно.

– Ничего невозможного не бывает, господин Тандаджи. При должном умении можно забраться туда из окон третьего этажа. Снять охрану парка, затем спуститься к комнатам их высочеств.

Майло снова побарабанил карандашом по столу.

– Вы правы. Что-то еще?

– Мне нужен план дворца и парка, а также схема расстановки охраны.

– Вы их получите, барон.

Марина

Принять вассалитет у более чем семисот дворянских семей – примерно как провести две сложные операции на сердце, одну за другой. Необходимо, срочно, вопрос жизни и смерти, но утомляет так, что не чувствуешь ног, спины и времени суток. Вот и я, стоя справа от сидящей на троне Ангелины, старалась не перемигиваться с ноги на ногу и периодически перебрасывалась с Василиной фразами, но чтобы это не выглядело так, будто мы сплетничаем о подходящих к трону по очереди аристократах. Ани смотрелась грозно и величественно – в длинном платье, темно-красном, цвета крови, явно выбранном с намеком. Ее темные волосы были уложены «короной», на которой закрепили сверкающую белым и красным диадему.

Светло-золотистый Церемониальный зал с высокими окнами, задрапированными красными занавесками, с гербовыми знаками Рудлогов на стенах был полон народу, и стоять напротив нескольких сотен изучающих тебя людей не доставляло никакого удовольствия.

Я то и дело ловила на себе взгляды. Любопытные, раздраженные, усталые, недоумевающие. Но Васюше приходилось хуже. Ее представили прямо перед церемонией, вместе с Марианом, и только способный заморозить огонь взгляд Ангелины остановил шепотки и разговоры, медленно переходящие в гул. Я не слышала, что они говорили, но прекрасно понимала. Какой скандал! Мезальянс! Почему она так выглядит? Говорят, у нее трое детей, по стопам матушки пошла... Барон не дурак, воспользовался ситуацией, повезло... А это точно ее высочество, ведь магическая пятерка подтвердила подлинность только двух принцесс?

Я понимала это и наливалась яростью, в отличие от спокойно улыбающейся Василины и Мариана с каменным лицом. Скандализировало возмущенную толпу и то, что сестра выбрала платье в цветах Севера, небесно-голубом и коричневом, демонстрируя, что она прежде всего – жена своего мужа и только потом уже – вторая принцесса Рудлог. И когда наконец в зал вошли запаздывающие господа маги, я готова была порвать и их, и волнующуюся аристократию.

– Простите, ваше высочество, – покаялся Алмаз, – чрезвычайное происшествие у моих практикантов, пришлось отлучиться. Мы готовы.

Ангелина наклонила голову, и маги снова подтвердили подлинность принцессы, теперь уже второй. Поэтому когда началась церемония, нервы у всех были на пределе.

«Я клянусь в моей верности быть преданным с этого мгновения монархической семье Рудлог и хранить всем ее членам свое почтение по совести и без обмана. И вся моя семья клянется в верности и невозможности навредить вам прямо или косвенно, по злему умыслу, и? если это случится, пусть проклята будет моя семья во веки веков, если только не простит нас монарх или кровью не смоет предательство».

Глава рода прокалывал палец и прикладывал его к магическому договору, заверяющему клятву, который лежал тут же, на треноге.

«Я принимаю вашу клятву и обещаю не применять ее к вам во зло или для принуждения к бесчестному», – ритуально отвечала Ангелина, и аристократ с поклоном отходил, чтобы выразить свое почтение уже нам с Василинкой. «Счастливы видеть вас, ваши высочества». Мы кивали – надеюсь, получалось благосклонно, – перебрасывались парой вежливых, ничего не значащих фраз, а в это время церемониймейстер уже объявлял следующего лорда или леди, если главой семьи была женщина.

Я наклонилась к Василине, спросила с любопытством:

– А почему я не вижу никого из баронов Севера, сестра? Разве они освобождены от клятвы?

– Все мужчины Севера проходят военную службу, когда им исполняется двадцать, Мариш, – шепотом ответила Василина, вежливо кивая очередному проходящему лорду. – Бароны приносят военную клятву, она не была изменена и является немного адаптированной

вассальной клятвой. Ну и еще это знак почета, знак, что мы помним – они не признали заговорщиков и остались верными нашему дому.

– Граф Джон Уильям Кембритч! Виконт Лукас Бенедикт Кембритч!

Прекрасно, он еще и Лукас Бенедикт.

К трону явно обрадованно спешил Кембритч-старший, а за ним медленно, сильно хромая, – самый ненавистный человек на свете.

Мне было приятно, что он хромал. Лучше бы он полз, конечно, с перебитыми ногами. Но и так неплохо.

Василина предупреждающе сжала мою руку, и я поняла, что оскалилась, как перед прыжком. Надеюсь, для толпы сплетников и лицемеров это выглядело как улыбка. Довольно с нас шепотков на сегодня.

«Я, лорд Джон Уильям Кембритч, клянусь...»

Люк не смотрел на меня, а я никак не могла оторвать от него взгляд. Все такой же некрасивый, худой, нескладный. Все такой же привлекательный. Ненавижу!

«Я принимаю вашу клятву...»

Он мазнул по нам взглядом, задержавшись почему-то на Мариане, и снова почтительно опустил голову. Глаза у Люка были потухшие и уставшие, с темными кругами под ними, будто он не спал ипил всю ночь. Хотя, скорее всего, так и есть.

– Ваше высочество, – это опять старший Кембритч, – позвольте представить вам моего сына, виконта Лукаса Кембритча.

Толпа замерла и затаила дыхание. И я тоже.

– Рада познакомиться, виконт, – спокойный голос Ангелины, – я слышана о вас.

Он еще сильнее опустил голову, будто ожидая чего-то.

– После церемонии жду вас в кабинете, обсудим наше дальнейшее... взаимодействие.

– Как скажете, ваше высочество, – склонился почтительно. Толпа взбудораженно выдохнула. А Кембритчи уже шли к нам.

– Ваши высочества, позвольте выразить вам наше почтение, – приторный голос старшего лорда, будто выигравшего только что вагон зефира.

Люк поднял голову, посмотрел прямо на меня.

– Как ваше здоровье, виконт? – почти ласково спросила я.

Он усмехнулся одними глазами и произнес своим невозможным хриплым, царапающим душу голосом:

– Благодарю за заботу, ваше высочество. Ничего страшного.

«А жаль», – подумала я. И он явно прочитал это на моем лице, потому что глаза его сверкнули прежним азартом, прежде чем потухнуть снова.

Часть 5. Глава 5

Конец сентября, королевский дворец, Иоаннесбург

Ангелина

У ее высочества кронпринцессы Ангелины-Иоанны затекло все тело. Болели ноги в туфлях на каблуках, которые она не носила уже много лет, тугой корсет, с помощью которого ее округлости упаковали в платье, нещадно натирал и врезался в тело. Диадема оказалась тяжелее, чем она помнила, и ощутимо напрягала шею. От тяжелых серег опухли и горели мочки ушей, а кольца передавливали пальцы. Да и филейная часть на жестком троне уже почти потеряла чувствительность.

Раньше все это переносилось как-то незаметно.

Но и тогда, и сейчас никто бы не подумал, что принцесса испытывает какие-то неудобства. Держать спину прямой, а лицо спокойным – именно этому их с Василинкой учили с младенчества. И старые навыки никуда не делись, откуда-то выплыли и величественный наклон головы, и царственные жесты, и строгий взгляд.

Только вот она променяла бы все это на свои старые тапочки и потертые домашние штаны. Если бы это было возможно.

Когда многочасовая церемония закончилась, кронпринцесса намеренно неспешно покинула зал. Никакой слабости перед подданными.

Впереди поздний обед в почти семейном кругу, и перед ним хотелось переодеться во что-то более удобное. На обед в качестве гостя был приглашен Алмаз Григорьевич – не из-за особого расположения, а потому, что перед церемонией поговорить, как планировалось, не получилось, а после обеда весь день был расписан по минутам. Хотя она куда с большим удовольствием пообщалась бы с сестрами и Марианом, покачала бы крошечную, пахнущую молоком и особым, сладким детским запахом племянницу, нацеловала бы ей пальчики и наворковала кучу взрослых глупостей. Но это потом. Сначала дела.

Пока с принцессы снимали красное платье и корсет, и после, под быстрым контрастным душем, Ани вспоминала, как рождались младшие сестры.

Василинкино появление Ангелина помнила очень смутно, потому что сама была почти младенцем. А вот вечно кричащая и требующая внимания Маринка ввергла семилетнюю принцессу в ужас. Казалось, мама все время уделяет ей – третья принцесса отказывалась есть, спать и играть, если королевы не было рядом. В результате Ирина сдалась и носила маленькую террористку в слинге с собой на все совещания и дипломатические встречи, пока Марина не подросла, да и кормила ее грудью дольше всех остальных дочерей. Наверное, поэтому мамина связь с Мари была настолько крепкой.

Полли была активной, крепкой и любознательной и почти сразу начала держать голову. Она и села, и поползла, и пошла раньше сестер, и при этом могла долго заниматься сама с собой, играть и тихо гукать, повышая голос, только когда нужно было сменить пеленки.

Алинка, наоборот, была слабенькой и постоянно жалобно хныкала, но старшей принцессе шел уже пятнадцатый год, Ани с любопытством ощущала в себе отголоски взрослого материнского чувства и с удовольствием возилась с младшенькими, пока ей не пришла пора выезжать. Как раз на второй год ее светской жизни пришлось рождение Каролины, и ей кронпринцесса уже не могла уделять столько внимания. Но с Каришей рядом всегда были младшие. Пока их жизнь не изменилась – после переворота Ани постаралась заменить малышке мать. Насколько это вообще было возможно.

Первая Рудлог вышла из душа, и горничная накинула на нее мягкий, впитывающий воду халат, отмечая некую рассеянность и усталость ее высочества. Еще бы, столько часов высидеть на троне, так и с ума сойти можно. Лучше уж вот такой честный труд, чем бесконечные церемонии и разговоры. Так думала горничная, смывая остатки косметики с лица своей госпожи.

А принцесса думала о том, как тревожно, что от Полли и ее группы до сих пор нет вестей, и что нужно будет после коронации придумать, как видеться с Алишей, не раскрывая ее инкогнито. Иначе никакой учебы у девочки не получится, замучают просьбами, навязыванием дружбы, завистью и подколками. Жаль, что у сестры нет телефона. С другой стороны, можно попросить кого-то из четверки

магов передать ей письмо и трубку. Или того же Алмаза Григорьевича, решено. А пока связываться с ней слишком опасно; впрочем, Алинка – девочка умная и сама высовываться не будет.

За обедом Алмаз примерил на себя роль души компании, веселя сестер и сдержанно улыбающегося Мариана байками о своих практикантах. Ангелина, переодетая в удобные туфли на плоской подошве, мягкие брюки и элегантную трикотажную блузку, расслабленно ела, стараясь не думать о том, что в кабинете ее давно уже ждет чужой высокий человек с холодными и пустыми темными глазами и упрямым ртом, которому предстоит стать ее мужем.

– Алмаз Григорьевич, – напомнила Ангелина магу, – вы хотели узнать, как подействовал мамин амулет переноса.

– Да-да, ваше высочество, – ответил Старов рассеянно, – извините, увлекся. Дело в том, что амулет создавал я, и главным условием было обеспечить мгновенную и максимальную безопасность членам королевской семьи. Как я понимаю, это и было достигнуто. Внешность ваша изменилась, это я понял. А вот куда вы территориально попали в результате его активации? Очень любопытно.

– В поместье к барону Байдеку, господин Старов.

Маг пожевал губами, что-то прикидывая.

– Удивительно. Я бы мог предположить, что вас перенесет за границу, к дружественному сильному монарху, или к кому-то из родственников, ведь амулет автоматически считает кровных родственников наиболее безопасными. Или к тому, кому абсолютно доверяла королева. Но почему к вам? Извините, барон. У вас в предках не было никого из Рудлогов?

– Абсолютно точно нет, – кратко ответил капитан Байдек.

– Вы... э-э-э-э... не были тогда помолвлены с ее высочеством Василиной? Это могло стать якорем амулета...

– Нет. Мы не виделись до того три года, – нехотя произнес барон.

– И я никак не мог претендовать на звание доверенного лица королевской семьи.

– Но что-то же должно быть, – упорствовал старый маг. – Алгоритм действия амулета крайне прост, он завязан на близости и доверии между теми, кто переносится, и принимающей стороной.

Василина немного покраснела, глянула на мужа.

– Я лечила барона своей кровью, Алмаз Григорьевич. Могло ли это как-то повлиять?

– Конечно! – радостно воскликнул маг, а сидящая рядом с ним Марина с недоумением посмотрела на Васю. Потом она обязательно расспросит, при каких таких обстоятельствах Василина его лечила и как именно их кровь это делает. И почему сестра молчала об этом?

– Конечно, – повторил Алмаз Григорьевич уже сдержаннее. – Кровная связь самая сильная, ведь предполагается, что вы доверяете человеку настолько, что добровольно отдаете самое ценное, что есть у членов семьи Рудлог. Оригинальное решение и непредсказуемое, что важно, – увлеченно продолжил он.

– Господин Старов, – Ангелина отложила приборы, взяла стакан с минеральной водой. – Все это прекрасно, но как снять изменение внешности? Я уже поняла, что вы этого сделать не можете. А кто может?

– Не кто, а что, – снова он забыл, что перед ним не студенты, и тон поменялся на ворчливо-лекционный. – Кстати, Кембритч тоже интересовался амулетом и принципом его действия. Буквально за пару-тройку дней до того, как вас нашли. Я так понимаю, он вычислил именно вас, ваше высочество? Судя по тому, что вы единственная со своей внешностью? – обратился он к Марине с любознательной непосредственностью.

Средненькая что-то невнятно промычала, напрягся Мариан, а Ангелина нахмурилась. Не нравилась ей реакция третьей сестры на имя Кембритча. Что бы она ни говорила. И почему муж Василины так сверкает глазами?

– Я описал ему, что заклинание держится на силе вашей ауры и из-за силы этой может работать бесконечно. И только крайнее моральное, физическое, психическое и магическое истощение, сильнейший стресс или испуг перерезает питание. Все силы уходят на поддержание организма, и в этом случае любые заклинания просто слетают.

– Ах, вот оно что, – пробормотала Марина с непонятым выражением на лице. – Совершенно верно, уважаемый Алмаз Григорьевич, видимо, благодаря этому знанию, которое вы ему любезно предоставили, мы и сидим сейчас здесь.

– И это хорошо, – совершенно серьезно ответил старый маг. – Каждый должен быть на своем месте, тогда и мир перестанет трясти. А ваше место именно здесь. Я в свое время не осознал полностью опасности, которая вам грозила, и недооценил противника, посчитав, что дворцовые и приглашенные маги прекрасно справятся с блокировкой любого темного. И в том, что погибла ее величество Ирина, и в том, что вам пришлось бежать, есть значительная доля моей вины. Но нельзя все время бегать от себя. И если моя информация, данная Кембритчу, привела к тому, что в Рудлоге восстанавливается законная монархическая династия, то я могу только порадоваться.

– Мы тоже все очень рады, господин Старов, – поспешила вежливо ответить Ангелина, справедливо опасаясь, что Мари сейчас скажет поучающему деду что-нибудь резкое. Но сестра только сильнее поджала губы и поднесла ко рту чашку с чаем. Что же произошло у них с Кембритчем, что слетело заклинание амулета? Как там говорил Алмаз... истощение, испуг, стресс?

Кембритч действительно ждал Ангелину в кабинете под присмотром ассистентки. Встал, медленно, неловко поклонился.

– Ваше высочество.

Принцесса жестом отпустила помощницу, отметив про себя, что виконт старается не морщиться, хотя и бледность, и слишком крепко сжатые на набалдашнике трости пальцы показывали, как ему больно.

– Виконт Кембритч. Присаживайтесь, пожалуйста. Спасибо, что дождались.

Он иронично улыбнулся одними губами, словно говоря: «Разве я мог не дождаться?», – но сел. Ангелина тоже прошла за стол, расположившись напротив. Помолчала, глядя на него, и ее будущий муж не опускал глаз.

– Виконт, – наконец сказала наследница, – почему вы дали согласие на свадьбу со мной? Каковы ваши мотивы? Вам импонирует роль принца-консорта или вы хотите поддержать партию отца?

– Ни то, ни другое, ваше высочество, – спокойно ответил Кембритч. – Таким образом я отдаю свой долг за помощь в вашем поиске. Я дал обещание и намерен его выполнить. Если вам будет угодно, конечно.

– Обещание отцу? – пронзительный взгляд, буквально подчиняющий своей силой.

– Нет, отец ни при чем. У нас не настолько близкие отношения, чтобы он имел на меня влияние.

– Тогда кому же?

Виконт помолчал, постучал рукой по карману, словно собираясь достать что-то, отдернул руку.

– Простите, ваше высочество, – хрипловатый серьезный голос, – но мне не давали благословения говорить об этом, посему я лучше промолчу. Могу лишь заверить, что от таких долгов не отказываются.

Ангелина снова рассматривала потенциального супруга, и он не дергался под ее взглядом. Значит, силен и не истеричен, уже хорошо, и нервы крепкие.

– Если бы не было этого договора, как бы вы отнеслись к возможному супружеству, лорд?

Он снова улыбнулся, уже более расслабленно.

– А как бы вы отнеслись к нему, принцесса, если бы не существующие обстоятельства?

Не подобострастен. Тоже хорошо.

– Я вас поняла, лорд Кембригч. В таком случае возникает вопрос – насколько комфортным может быть наш союз? Я не имею возможности отвлекаться на проблемы со стороны мужа. Мне нужна будет безусловная поддержка. Вы должны понимать, что я не потерплю ни измен, ни дебошей.

– Я понимаю свой долг, моя госпожа, – проговорил он, чуть наклонив голову. Что было в его глазах? Упорство? Печаль? Смирение? – Уверяю, я никогда не заставлю вас жалеть о своем решении.

– Очень надеюсь на это, виконт. Как вы относитесь к детям?

Кажется, она все-таки сумела его прошибить, потому что в темных глазах плеснуло недоумение.

– К детям?

– Да, к детям, – нетерпеливо произнесла Ангелина, внимательно глядя на лорда. – Свадьба предполагает определенные супружеские обязательства и появление наследников. И им, наравне с матерью, нужен хороший, авторитетный и достойный отец, способный воспитывать их.

Странная это была ситуация – когда двое равнодушных друг к другу людей спокойно, как деловую сделку, обсуждают вопросы совместного проживания, нахождения в одной постели и появления

детей. Странная и неловкая, но необходимая, чтобы потом не получить сюрпризов.

– Я не очень много общался с детьми, – ответил наконец Кембритч, – и совершенно не умею этого делать. Просто нет опыта. К чужим детям меня никогда не тянуло. Как будет со своими – не знаю. Нужно пробовать, а я пока даже представить не могу, что это такое.

Принцесса кивнула, словно благодаря за честность.

– Спасибо, лорд. Правильно ли я понимаю, что вы готовы работать над тем, чтобы мы прожили жизнь без эксцессов, во взаимном уважении? Со своей стороны я готова взять на себя те же обязательства, которые требуются от вас. Никаких истерик, измен, спокойное разрешение конфликтов, уважительное отношение к личному пространству другого, поддержка в трудных ситуациях.

– Да, ваше высочество.

Снова молчание, но уже такое, будто самая сложная часть переговоров пройдена и осталось обсудить мелочи.

– У вас есть какие-то тайны, привычки или пороки, о которых я должна знать? Пристрастие к наркотикам, к играм, алкоголю, извращениям, связи с преступным миром, дети от других женщин, тайные браки?

Он усмехнулся, и принцесса, несмотря на строгость тона, тоже легко улыбнулась в ответ. Разговор все более походил на собеседование при устройстве на работу.

– Я принимал наркотики очень давно, около шести лет назад. Курю, употребляю алкоголь, но не алкоголик. В извращениях не замечен, связи с преступным миром только в рамках работы. Детей и жен нет. В Инляндии был профессиональным гонщиком, сейчас увлекаюсь любительскими гонками, но сломанная нога не позволяет к ним вернуться.

– Хорошо, – Ангелина вдруг снова посерьезнела, словно что-то вспомнила, тон стал холодным. – Виконт, вам придется объясниться. Я очень немного знаю о вашей роли в обнаружении нашей семьи. Знаю, что вы случайно встретили сестер у торгового центра, они подвезли вас и заночевали в вашем доме. Знаю, что вы несколько раз встречались с Мариной, последовали за ней в Лесовину, и там произошло что-то, о чем она рассказывать отказывается, но что послужило толчком для снятия заклинания амулета. Старов сказал,

будто это возможно только при сильнейшем переутомлении, истощении или мощной эмоции – страхе или истерике. Что произошло на самом деле? Я вижу, как негативно реагирует на вас сестра, и должна понимать, насколько глубокие она имеет для этого основания. Никаких конфликтов в семье быть не может.

Люк

Под испытующим взглядом своей будущей королевы, супруги и госпожи Люк Кембритч выпрямился, поиграл желваками, снова поискал пальцами сигареты и наконец медленно и неохотно, но заговорил. Раз уж разговор настолько откровенен, надо разбираться до конца, чтобы потом никаких недомолвок не было.

И все-таки насколько же подавляет ее сила! Сейчас-то он привык, а поначалу хотелось уткнуться глазами в колени и молчать. Трудное ему предстоит время, да. И как же хочется курить!

– На следующий день после того как ваши сестры подвезли меня до дома, я дал задачу своей охране выяснить, кто они такие. Дело в том, что мне сразу бросилось в глаза несоответствие изысканных манер девушек, умение поддержать беседу, знание этикета и их одежды и материального состояния. Стало просто любопытно, а я привык удовлетворять свое любопытство.

Его собеседница снова спокойно кивнула, словно принимая во внимание эту черту характера и предлагая продолжить.

– И тут, буквально через час, мне предлагают принять участие в поиске сестер Рудлог, имена четырех из которых совпадают с именами моих гостей. И последовательность старшинства такая же. Я не мог не увидеть вопиющего совпадения и решил разрабатывать и эту версию. Чтобы, если не повезет, отбросить ее и идти дальше.

Кембритч снова поводил пальцами по карману, ощущая под пальцами пачку сигарет, сжал руку, положил ее на трость. Покачал ладонью туда-сюда. Было очень сложно описывать то, что происходило, отбрасывая эмоции – азарт погони, вдохновение, любопытство, интерес к тайне, желание, сомнения, нервное ожидание от того, сработает очередной ход или нет, удовольствие. Но это личное, его не выразишь словами и никогда ни с кем не поделишься так, чтобы поняли правильно.

– Я решил сблизиться с Мариной, чтобы проверить ее. И, дабы не вызывать подозрений, сыграл влюбленного. Хотя, признаться, она все

равно не поддавалась и подозревала. Она упоминала, где работает, поэтому найти ее не составило труда. Договорился с начальством Марины, чтобы взяли у персонала анализ крови под благовидным предлогом, проверил ее менталистом и пластическим хирургом. Все собранные данные указывали на то, что она не принцесса, и я решил, что версия закрыта. Но когда мне пришлось ехать в Лесовину, чтобы встретиться с Алмазом Григорьевичем и бароном Байдеком – мы проверяли всех, кто имел какое-либо отношение к вашей семье, – я знал, что Марина тоже там. И интуиция заставляла меня продолжать проверки.

Пару раз мы увиделись, а потом я встретился с Алмазом Григорьевичем, который объяснил мне принцип действия амулета. И почему ни анализы, ни сканирование не показало истины. И рассказал, как снять чары. Вы ведь в курсе?

– Да, виконт, – Ангелина тоже погрузилась в молчание, обдумывая его сухую речь.

– Я напугал ее дважды, ваше высочество. Намеренно выбрал этот путь, ведь страх – самая сильная эмоция, самая искренняя и неконтролируемая. Марина уже была измотана своим графиком и количеством раненых в Лесовине, и требовалось только создать ситуацию, в которой она не сможет контролировать эмоции и раскроется. Сначала я привез ее на ипподром, вспомнив, что она до переворота занималась конным спортом, а потом, во время штурма дворца, толпа сожгла конюшни. Я предполагал, что ей станет неприятно, хотел выбить из равновесия, но не ожидал, что это будет настолько действенно, что она упадет в обморок.

Ангелина нахмурилась, сжала губы.

– Но это не все?

– Не все. После того как Марина пришла в себя, я решил дожать ее и заставил поверить в то, что собираюсь ее изнасиловать.

Жесткий взгляд от наследницы, в комнате загулял ветерок, щеки закололо морозцем.

– А вы собирались, виконт?

– Нет, конечно, – прямо ответил Люк, глядя в глаза принцессе. – Никакого сексуального насилия в планах не было. Впрочем, Марина сумела постоять за себя, немало меня удивив. Видимо, страх не только вернул ей внешность, но и каким-то образом спровоцировал выброс

силы, такой мощный, что она смогла отшвырнуть меня, как котенка. Собственно, – он невесело усмехнулся, – перелом ноги – это подарок от нее.

– Легко отделались, – кривя губы и размышляя о сказанном, Ангелина покачала головой. – Вам повезло, что это была Марина. Будь на ее месте я или Василина, могли и живым не уйти или жить дальше со спекшимися мозгами. Но я рада, что у сестренки проснулись родовые способности. Пусть и благодаря вам. – Она снова помолчала. – Вы страшный человек, виконт. Я понимаю ваши мотивы, но скажите, разве вам не было ее жалко?

Он хотел сказать, что да, было, но под взглядом этих холодных глаз покачал головой.

– Ваше высочество, я не святой и за время работы на Тандаджи вел множество объектов. Изображал друга, покровителя, родственника, влюбленного, охваченного страстью. Ко многим привязываешься, но цена слабости обычно очень велика. Чуть даешь слабинку и позволяешь себе не сделать что-то необходимое в данной ситуации, как задание с треском проваливается. А в этом случае у нас просто не было времени на дальнейшее хождение вокруг да около. Мне, скажем так, полуразрушенная Лесовина служила наглядным напоминанием о том, что жалость – недопустимая роскошь. Простите, но говорю как есть. Очень жаль, что пришлось так поступить, но...

– ...но если бы можно было вернуться в прошлое, вы бы все равно поступили так же, да, лорд Кембритч? – принцесса закончила за него фразу, и Люк опустил голову, подтверждая.

Он ждал – сейчас она скажет, что брак в таких условиях состояться не может. Но Ангелина произнесла совсем другое:

– Вы умеете ставить интересы государства выше личных интересов и чувств, виконт. Я разделяю этот подход и вас понимаю, несмотря на то что вашим, как вы выразились, «объектом» стала моя сестра. Думаю, мы сможем поладить. – И, пока его последняя надежда избежать женитьбы осыпалась звенящими осколками, заменяемая долгом и данным словом, добавила: – Но вы сейчас же поговорите с Мариной и постараетесь добиться ее прощения. Вы входите в нашу семью, и обид быть не должно. Прессе и придворным о состоявшейся помолвке можно объявить вечером, и чем скорее состоится свадебный

обряд, тем меньше вероятность, что стихия ударит еще по какому-нибудь крупному городу.

В голове было пусто, и будто кто-то другой встал, с поклоном предлагая заготовленное фамильное кольцо, и другой произнес нужные слова:

– Согласен, ваше высочество. Так вы окажете мне честь и станете моей женой?

– Да, виконт. Прелестное кольцо, – Ангелина покрутила его в руках, рассмотрела. – К сожалению, на мои нынешние пальцы оно не налезет, даже на мизинец. Я сохраню его, а для демонстрации подданным использую что-то из имеющегося.

– Конечно, ваше высочество.

– Ангелина, лорд Лукас. Жаль, что все так быстро и нелепо, но нам надо приучать себя называть друг друга по имени.

– Конечно, Ангелина.

Перед тем как нанести визит Марине, Люк Кембритч долго и с наслаждением курил на гостевой террасе, меняя одну сигарету за другой. А оставленная в кабинете наследница после ухода будущего супруга позволила себе несколько минут слабости и осталась сидеть в кресле, зябко обхватив плечи. Но расслабляться и отступать времени не было, и она, помедлив пару минут, вызвала ассистентку, чтобы организовать ужин в честь помолвки и короткое интервью счастливой пары журналистам.

Сидящий на крыше Владыка-дракон вовремя услышал поднимающихся в его убежище людей. Скрытый пологом невидимости, мягко отдаляясь и переступая босыми ногами, когда кто-то подходил слишком близко, он внимательно следил за тем, как небольшой отряд рассредоточивается по периметру крыши. Оборудует позиции, расчехляя и устанавливая какое-то оружие, в котором Нории пока не разобрался, и системы наблюдения, похожие на бинокли, которые он уже видел в кино.

Убежище переставало быть уединенным, но находиться за спинами людей, сидеть, прислонившись к кирпичной стене, было даже забавно. Улетать он не собирался – тепло аур двух сильнейших Рудлог давало достаточно сил, ну а физиологические потребности можно решить ночью, когда на смену прилетит Чет или Энтери. Они, конечно,

не смогут приземлиться, но парить высоко над парком и дворцовым комплексом, следя за передвижениями едва видимых для них аур, смогут. И если только появится возможность проникнуть во дворец или старшая выйдет на улицу – драконы будут действовать.

Забавно, но после почти суток наблюдения он стал выделять в огне двух пылающих аурофакелов слабый, подавляемый ими огонек. Еще одна сестра, видимо. Огонек был гораздо больше, чем у девочки из МагУниверситета, подавляюще больше, чем у большинства людей, но все же не шел ни в какое сравнение с огромными кострами старших сестер. Тем не менее он иногда ощущал его робкое касание, но не смел греться, чтобы не поломать. Слишком мало энергии для того, чтобы насытить дракона.

Он стал различать оттенки и вкус огня. У старшей он был холодноват и тревожен, но горел с такой мощностью, что грел как солнце, и хотелось расправить крылья и просто парить в нем, поднимаясь в небо. Напитавшиеся линии ауры Нории ночью светились так, что он мог бы работать маяком где-нибудь в гавани, и только полог невидимости спасал его от обнаружения.

А у второй сестры огонь был теплый, страстный, сильно напоенный мужской энергией, поэтому дракон старался не трогать его, хотя это было практически невозможно. И тогда, если он начинал дремать, в сознание врывались горячие картины чужой близости, заставляющие его любящее женщин тело напрягаться и просить разрядки. Вторая, безусловно, была любима и счастлива. И муж ее был настоящим счастливымчиком, получившим доступ к этому богатству.

Сейчас начинало смеркаться, и Владыка терпеливо ждал брата, надеясь, что он не пропустит группу людей на крыше и догадается остаться в небе. Там они и обменяются новостями, прежде чем Нории отправится отдыхать.

Марина

– Госпожа, лорд Лукас Кембрич просит о встрече.

Выдохнуть, закрыть глаза, успокоить ярость, вспыхнувшую белым светом под веками.

– Спасибо, Мария. Я не принимаю.

Прошло несколько минут, и я с интересом прислушивалась к двум голосам за дверьми гостиной моих покоев. Снова вошла Мария.

– Госпожа, простите меня, но он настаивает. Говорит, что усядется у порога и будет ждать вас там. Мне попросить телохранителей, чтобы его удалили из Семейного крыла?

Ну кто бы сомневался, что он добьется своего. Он же всегда добивается.

– Проси войти, Мария. Затем сделай нам кофе и уйди.

– Хорошо, госпожа.

Я сидела в кресле у открытого окна, рядом с кофейным столиком, на котором свидетельницей моего пагубного пристрастия стояла красивая пепельница с некрасивыми окурками. Второе кресло стояло с другой стороны столика, так что сидевшие располагались друг к другу вполоборота. Буквально несколько минут назад в этом кресле сидела Василина, кормя Мартинку, пепельница же была безжалостно выставлена за окно, а я все переживала, что даже в проветренной комнате остался никотин, вредный младенцу.

Розовая круглая племяшка как маленький поросенок причмокивала, закатывая глазки с сытой поволокой, урчала и хрюкала, теребила ручкой бусы на груди сестры. И, глядя на то, как склоняется и смотрит на нее Василина, мне, наверное, впервые в жизни захотелось взять в руки карандаш и бумагу и нарисовать их. Рисовать я умела сносно – в школе нас учили. Но никогда не делала этого для себя.

Хотя нет, лошадок своих я рисовала. Но это было давно.

И визит человека, которого я видеть не хотела, оторвал меня от карандашного наброска. Пусть это были лишь контуры, но эскиз дышал умиротворением, коего в душе у меня не наблюдалось.

Открылась дверь, раздались неровные тяжелые шаги. Кажется, он подошел достаточно близко, потому что я почувствовала запах табака и туалетной воды, но упорно дорисовывала руки Василины, которые поддерживали малышку с такой лаской и силой, будто оберегали ее от всего мира.

– Спасибо, что согласились принять меня, ваше высочество, – сказал Кембритч совсем близко, и пришлось поднять глаза. Выглядел он, как и в зале церемоний, неважно.

– Вы не оставили мне выбора, – сухо ответила я, переворачивая рисунок. – Было бы нелепо начинать наше пребывание здесь со скандала. Что за дело привело вас ко мне?

Он постоял, опираясь на трость.

– Можно мне сесть, моя госпожа?

Я почувствовала укол стыда и чуть не передернула плечами, отгоняя это неуместное чувство.

– Садитесь. Вы как-то оробели, лорд Кембритч. Раньше вам не требовалось мое разрешение на ваши действия.

Он понял, что я не о разрешении сесть, потому что, опустившись в кресло, внимательно посмотрел на меня. И я ответила спокойным взглядом.

– Ваша сестра согласилась стать моей женой, ваше высочество.

– Поздравляю, – я так же в упор смотрела на него, и Люк не отводил взгляда. И снова, как в первую встречу, я с ужасом почувствовала, как меня несет навстречу ему, будто мир превратился в скоростную трассу, и свернуть, уйти от столкновения невозможно. Моргнула неловко, опустила голову, но сразу же подняла.

– Рада узнать, что ваши усилия не остались без достойного вознаграждения, лорд.

– Я работал не за вознаграждение, ваше высочество.

Конечно. Это было по велению души.

– Тем не менее это приятный бонус, не так ли?

«Меньше эмоций, Марина!»

– Это большая честь для меня и моей семьи, – почти равнодушно ответил он.

– Не сомневаюсь, лорд Кембритч. Так зачем вы пришли?

Зашла горничная с кофе, аккуратно расставила чашки, шоколад, сливки. Мы молчали, наблюдая за ней, и Люк постукивал пальцами по рукоятке трости. Звучало раздражающе. Наконец девушка присела в книксене и вышла, а я перевела взгляд на своего нежеланного собеседника.

– Вы курите здесь? – спросил он вместо ответа.

Я кивнула на пепельницу, сама потянулась за сигаретой.

– Не стесняйтесь.

И, проигнорировав протянутую зажигалку, сама прикурила, приводя мысли и чувства в порядок.

– Ее высочество Ангелина высказала пожелание, чтобы я извинился перед вами. Так как я сам собирался это сделать, не счел возможным откладывать.

И зачем мне его извинения, если он все равно не раскаивается? Или предполагается, будто я поверю, что он поступил бы иначе? Спасибо, нет.

– Вы заранее прощены, – холодно ответила я. – Можете не утруждаться. Мне уже объяснили, что вы действовали в интересах государства. Я обещаю, что не стану создавать вам проблем. А после свадьбы я уеду, так что вы будете избавлены от моего общества.

– Куда вы собираетесь? – он аккуратно стряхнул пепел, взял чашку, глотнул кофе, а я смотрела на его пальцы и вспоминала эти руки на своем теле.

Я хотела ответить, что это не его дело. Но ответила другое:

– Ани любезно разрешила нам самим строить свою жизнь. Вернусь на работу, выучусь на врача. Это все, – я обвела взглядом гостиную, – не для меня. Мне нужна свобода.

Люк усмехнулся и стал похож на себя прежнего, живого.

– Я вас понимаю.

Помолчал, наблюдая, как я подношу к губам чашку с кофе.

– Мне бы хотелось, чтобы все было иначе, Марина.

Хрипловатый голос, разбивающий в прах всю броню моего самообладания. Видят боги, мне стоило огромных усилий сдержать слезы.

– Сейчас об этом говорить поздно, лорд Кембритч. Тем более, – я постаралась улыбнуться с превосходством и уйти от опасной темы, – я получила с вас компенсацию. Прекрасная машина.

– Спорткар последней модели, блакорийский, – с грустью сказал Люк. – Модель прокачивали специально для меня.

– Да? А мне показалось, что для меня. Вы ведь не будете требовать, чтобы я ее вам вернула?

Кембритч покачал головой, и в глазах его было... восхищение?

– Я переоформлю на вас документы, принцесса. Но, – добавил он после паузы, – я бы хотел, чтобы хоть эта девочка осталась со мной.

Ну зачем ты так со мной? Ну зачем, Люк?

– Закажете себе такую же, лорд.

– Такой уже не будет, принцесса.

Разговор-прощание, разговор-прощение выдохся, и мы долго молча курили, пили кофе, подливая его из кофейника, снова курили, и было вполне уютно, несмотря ни на что, и не было неловкости или

потребности что-то сказать. Да и что тут говорить? Что теперь уже скажешь?

Он ушел, тихо попрощавшись, а я даже не отреагировала. За окном темнело, красное солнце играло с ветвями дубов и ив. Я ела шоколад, и не плакала, и думала о прошлом и будущем, пока меня не выдернула из темного морока мыслей горничная, пришедшая помочь переодеться к ужину в честь помолвки наследницы.

«Сегодня вечером ее высочество кронпринцесса Ангелина-Иоанна Рудлог и виконт Лукас Бенедикт Кембритч объявили о своей помолвке, – жизнерадостно вещала с экрана сильно накрашенная и одетая в вечернее платье репортерша. – В королевском дворце в данный момент продолжается торжественный ужин, на котором, помимо жениха с невестой, присутствуют члены королевской семьи и аристократы королевства. По понятным обстоятельствам эта помолвка станет самой короткой за всю историю первейших домов материка. Завтра в полдень состоится коронация ее высочества, которая по традиции пройдет в воинском амфитеатре, там, где всегда короновались властители дома Рудлог.

Напомним, что традиционно будущий король, перед тем как принять корону, должен был выдержать бой с теми, кто заявит свое право на трон. А за руку принцессы сражаться должен был ее избранник, что доказывало его право и силу.

И только после того как все претенденты были повержены, начинался обряд коронации. Сейчас, конечно, эта варварская традиция не соблюдается, последний бой, судя по летописям, состоялся несколько сотен лет назад. Но сама коронация по-прежнему проходит на арене для боев под ликом Красного Воина, покровителя и первопретка семьи Рудлог.

Сразу после коронации королева и ее избранник сочетаются узами брака...»

Я выключила телевизор. Смотреть там не на что, на ужине я присутствовала. Правда, сбежала оттуда так быстро, как только позволяли приличия, шепнув сестре, что у меня разболелась голова и я пошла спать. Чуть позже ушли и Василюк с Марианом – я слышала их тихие голоса через дверь. А бедная Ани осталась там одна. Но извини, сестренка, я честно отсидела пресс-конференцию, отвечая на редкие вопросы, – всех в большей степени волновали жених с

невестой, а не я, но несколько любопытствующих нашлось и на меня. Выдержала почти полтора часа на ужине, стараясь не смотреть на спокойное лицо Кембритча и восхищаясь тем, как ты безмятежна и доброжелательна. Хотя я представляю, как тебе было одиноко и страшно. Прости, я должна была остаться и поддерживать тебя так, как ты всегда поддерживала меня. Но в какой-то момент я почувствовала, что не выдержу тостов за здоровье, не вынесу этой толпы, где нет ни одного человека, который мог бы сесть со мной, выслушать, обнять и сидеть так всю ночь, и закричу во весь голос.

«Опять расклеилась, тряпка».

«Отвали».

«Хватит страдать, ты же Рудлог. У тебя просто слишком много нерастроченной энергии. Тебе надо размяться, снять напряжение».

И правда. Я выпалась и, хотя часы уже показывали около одиннадцати, не было привычной тяжелой головы и слипающихся глаз. Работа моя ранее предполагала серьезные физические и эмоциональные нагрузки, и сейчас мне катастрофически не хватало привычного движения и адреналина. Хоть иди и прыгай в ледяную ванну, чтобы получить необходимую встряску и отвлечься.

Рука сама потянулась к сигарете, я распахнула окно, и в проем ворвался влажный осенний воздух. Из парка пахло сыростью и свежееопавшей листвой. За окном была свобода.

«Не дури».

«Я только посижу немного».

Я выключила свет, накинула на плечи теплый кардиган, залезла на подоконник, свесив ноги вниз. В двух метрах под окном темнела земля, и очень хотелось спрыгнуть и погулять там, где я гуляла еще маленькой. Но я сдержалась, памятуя о том, что нужно быть благоразумной. Пусть будет хоть такая иллюзия свободы. Ну ничего, скоро я уеду и свободы возьму столько, сколько захочу.

Дым белесой призрачной лентой стремился ввысь, вдоль стен дворца, а я сидела, привалившись к раме, и мысли текли легко, ни на чем особо не задерживаясь. Удивительно, но я не боялась больше оставаться в своей комнате. Куда страшнее было бы сейчас пойти спать в комнату к сестре и думать, что завтра она уже будет спать здесь не со мной.

– Ваше высочество, это вы?

– Нет, не я, – пробормотала я, пытаюсь разглядеть стоявшего под окном человека. Ах да, барон фон Съедентент собственной персоной.
– Вы что тут делаете, барон?

– Проверяю сигналки, принцесса, – маг подошел ближе, и его лицо оказалось на уровне моих лодыжек. – А вы, значит, хулиганите?

– Да какое там, – грустно отозвалась я, рассматривая его макушку и блестящие в темноте глаза. – Тут даже шагу невозможно в сторону сделать. Душно в комнате, а выйти нельзя.

– Это для вашей же безопасности, ваше высочество, вы же знаете.

– Знаю, конечно, – ответила я, болтая ногами. Внутри крепло желание, которое меня не посещало очень давно, еще с неформальной моей юности: вытворить нечто безбашенное вроде прыжка с вышки или похода ночью на кладбище. Нечто, что даст мне необходимую дозу адреналина и позволит забыть о завтрашнем дне.

– Хотите, я вас украду? – добродушно предложил блакориец словно в шутку.

– Хочу, – в тон ему ответила я, – но, боюсь, мне это не поможет.

– А что поможет?

Внимательные глаза, поблескивающие в темноте, светились участием, которого мне так не хватало. Или мне казалось, что светились, что там в ночи-то разберешь. И я решилась.

– Барон.

– Слушаю, принцесса, – сказал он с ироничной почтительностью. Будто мы играли в игру, где все было понарошку.

– А вы можете создавать Зеркала?

– Конечно, – кивнул он. – Вам нужно куда-то попасть?

– Я оставила машину в пригороде, у дома отца. Хочу забрать ее.

– Прямо сейчас? – Ну вот, и в его голосе появилось смешливое удивление, как будто маг потешался над моим сумасбродством.

– Почему бы и нет? Машина проедет в Зеркало?

– В Алмазыча – может быть. В мое – точно нет.

– Понятно, – протянула я расстроено.

«Что на тебя нашло? Ты на самом деле собиралась куда-то ехать?»

– Но я могу доставить вас до вашего дома, если позволите считать образ с вашей головы, а обратно доберемся на машине. Хорошая хоть машина-то? – он оперся на стенку, поглядывая на меня.

– Ваша, блакорийская. «Птенец», кажется.

Барон фон Съедентент присвистнул.

– Ого. За такой машиной и не грех сходить. Они же только на заказ выпускаются, под конкретного владельца. Стоят бешеных денег, я так и не решился потратиться.

– И зря, – мы уже болтали, как старые знакомые. – Она того стоит.

– Да я больше по мотоциклам, – пояснил маг, отступая от стенки и протягивая руки.

– Прыгайте, поймаю. Пойдем за вашей машиной.

– Сейчас, только ключи возьму.

И я прыгнула.

Зеркало вывело во двор нашего дома. Было тихо и промозгло, от земли тянуло сыростью.

Он стоял как разрубленный топором сундук, светя белыми мазаными стенами и темнея разломами. Окна Валентинино дома не светились, видимо, отец и дети уже легли спать. Я не стала их тревожить.

Машину я нашла у въезда во двор и тихонько завела ее, радуясь привычному ласковому урчанию. Барон оставался снаружи, осматривая автомобиль, затем залез на соседнее сиденье, покачал лохматой головой.

– Обалдеть. «Птенец» этого года, с ускорителями, планерами и магическими аккумуляторами. Откуда она у вас?

– Подарили, – коротко ответила я, запуская аудиосистему. Вот не надо расспросов, а?

Он, видимо, понял, потому что замолчал, оглядывая салон и приборную панель.

Я медленно выехала из засыпающего Орешника на трассу и там уже вдавила педаль газа по полной, улетая вперед, обгоняя под басы роковых композиций медленно ползущие машины, наслаждаясь мелькающими мимо огнями и смазанными полосами оград. Я слилась с несущейся по трассе машиной, сосредоточилась на дороге, понимая подсознательно, что легкий толчок или поворот руля – и я потеряю управление. Но все равно прибавляла и прибавляла скорость, пока в крови не вскипел наконец адреналин и не пошел откат – слабость в мышцах и гул в голове.

До Иоаннесбурга, куда на своей старой машинке я ехала не меньше двух часов, мы добрались за полчаса, и я, признаться, совсем

забыла про своего спутника. Вспомнила, только когда аккуратно вырुливалась по столичным проспектам, покосилась на него. Не испугался ли?

Блакореиц заметил мой взгляд, улыбнулся широко, встряхнулся.

– Мне нужно будет отомстить вам, ваше высочество. Так страшно мне даже в первую практику с нежитью не было. Придется покатаать вас на моем байке. Вот там будет скорость!

– Запросто, – согласилась я, опять чувствуя себя семнадцатилетней оторвой. – Ловлю на слове.

Мартин снова взглянул на меня и теперь уже совсем по-мужски, с интересом, который ни с чем не спутаешь, понизил голос.

– Договорились. Вот после коронации и покатаемся.

Слово «покатаемся» у него вышло очень порочным.

«Ой, дура!»

Машинка мягко подкатила к ограде дворцового парка, я закрыла ее и шагнула в открытое Зеркало. Вышла у своего распахнутого окна. Криков «Где она?!» слышно не было, значит, авантюра прошла удачно.

Забыла отступить от Зеркала, и вышедший Мартин ткнулся мне в спину. Я бы полетела лбом в стену, если бы он не поддержал меня за талию.

Теплые мужские руки, мужчина, прижавшийся к спине. До одури захотелось повернуться и поцеловать его, чтобы забыться, стереть все из себя и с себя.

«У тебя адреналиновое пике, идиотка, оно всегда на отходе сопровождается возбуждением!»

Дыхание, шевелящее волосы на затылке.

Нет.

Не те руки, не тот мужчина.

– Я вас подсажу, держитесь, ваше высочество, – сказал он спокойно, отступая назад. Понял, почувствовал? Или сам решил, что интрижка с высочеством может дорого обойтись?

Присел, сложил руки замком, и я, оттолкнувшись, завалилась на подоконник, подтянула ноги.

– Спасибо, барон, что не оставили девушку скучать.

– Я получил удовольствие, ваше высочество.

Он поклонился и удалился, а я, посмеиваясь от собственной глупости, пошла в душ.

В темноте ночи высоко над королевским дворцом парили два белых дракона.

«Коронация завтра в полдень, брат. Будет там же, где Седрик принял корону. И сразу после этого – свадьба».

«С кем?» – если бы спящие внизу люди могли слышать переговаривающихся драконов, то оглохли бы от рева.

«С каким-то местным аристократом. Они торопятся».

«Я не допущу этого. Есть древний обычай, он признается богами».

«Поединок за руку принцессы?»

«Да!»

«Но она нужна нам в Песках, брат».

«Разберемся, Энти-эн».

«Тебе надо отдохнуть перед боем. Я подменю тебя и сообщу, если что-то будет не так».

«Хорошо, брат».

Часть 5. Глава 6

1 октября, день коронации, Иоаннесбург

Марина

– Господин Тандаджи, вы не перегибаете с конспирацией? – звенел из соседних покоев возмущенный голос старшей сестры, которой, как и всем нам, еще до восхода солнца сообщили, что церемония переносится на четыре часа назад. – Мало того, что мне еще нужно упаковаться в пыточную конструкцию, по недоразумению считающуюся свадебным платьем, и дорисовать лицо, так у меня ведь на одиннадцать утра планировалась встреча с главами королевских домов материка!

– Они уже здесь, моя госпожа, – успокаивающий и ровный тон Тандаджи, как тепленький ромашковый чай. – Их разместили со всеми подобающими почестями, пообщаться вы сможете после свадьбы. А время мы меняем, чтобы запутать возможных злоумышленников...

– Вы меня путаете, черт подери!

Я улыбнулась, меланхолично глядя на себя в зеркало. Парикмахер старательно крутила у меня на голове нечто кудряво-зыбкое. Ангелина нервничала и в своем раздражении звучала точь-в-точь как мама, распекающая не вовремя попавшего под руку подданного. Это у нас всех общая черта характера – держим лицо до последнего, но из-за какой-нибудь мелочи можем сорваться в совершенно женский скандал.

Сегодня мы должны быть в красном, и только Ани – в золотом.

В дверь пухленьким бочком скользнула Василина, одна, без дочки. Она была уже с прической и напоминала упитанную светловолосую аллегория плодородия, из тех, что изображаются лениво возлежащими на поляне в окружении жадно глазающих на них лесных духов. Платье ей тоже подобрали под стать – похожее на серенитский хитон, только длинное и с закрытой грудью.

– Твой стилист – поклонница серенитской живописи? – я хихикнула, а Васька озабоченно покрутилась перед высоким зеркалом, установленным в углу гостиной.

– Что, так плохо?

– Наоборот, хорошо, сестренка. Так и хочется отщипнуть от тебя кусочек, – и я сделала кровожадное лицо, но тут же вернула вежливую маску обратно – чтобы не сердить парикмахера. Она и так хотела обрезать мои длинные светлые волосы, чтобы «уложить по моде». Кто семь лет проходил брюнеткой с волосами чуть ниже плеч, меня поймет – блондинистая и некрашенная грива до попы до сих пор приводила меня в восторг, хоть и была жутко неудобной. Поэтому я разрешила только подровнять волосы и придать им форму.

– Мариан тоже так говорит, – мягко улыбнулась сестра, и я, не сдержавшись, тяжело вздохнула. Чуткая Вася поймала мой взгляд в зеркале. – Марин. Все в порядке?

– Нет, – ей я не могла врать, – но это пройдет.

Она покачала головой.

– Дай мне поговорить с Ани, пока вы не совершили ошибку и...

– Ни в коем случае, – прервала ее я. – Ты обещала, Васют.

– Знала бы, что увижу тебя такой, не обещала бы, – очень строго и серьезно произнесла моя старшая сестра.

– Какой, Васюш?

– Такой же погруженной в себя, как после смерти мамы, Мариш. Мне страшно за тебя. В прошлый раз тебя сорвало...

Я выразительно глянула на ненужную при этом разговоре парикмахершу и сменила тему. Тем более что я не хотела об этом говорить.

– Мы так и не сходили к ней на могилу.

– Я была.

– А мне страшно, Васюш.

– И мне было страшно. Но нужно, Марин.

– Да... после свадьбы...

– Я схожу с тобой перед тем, как мы уедем.

– Спасибо, сестренка.

Амфитеатр был заполнен до самых краев. Невыспавшиеся аристократы, их жены и дети, приглашенные промышленники и воротилы бизнеса, которых тоже в предрассветный час озадачили переносом церемонии на восемь утра. Но пришли все. Королевские семьи материка, сидящие в ложах их фамильных цветов. Многочисленная охрана. Маги, закрепляющие над чашей амфитеатра поблескивающие и переливающиеся щиты. Статуя Красного Воина, на

пьедестале перед которым лежала корона дома Рудлог. Рассевшиеся на коленях полукругом около статуи священники Триединого и младших богов, с ритуальными гонгами в руках. Красные круглые ковры, покрытые символами долголетия, процветания и плодовитости, – им было не менее двух сотен лет, и использовались они только для коронации. На них должны стоять будущая королева с избранником во время церемонии.

Я вышла из Зеркала вслед за сестрами и Марианом и тут же увязла в светлом влажном песке. Песок этот прекрасно подходил для боев, но совсем не подходил для девушек на каблуках. Но что поделаешь, традиция. Впереди Мариан аккуратно поддержал жену, чуть не свернувшую себе ногу на этом импровизированном пляже. Ангелина же, в тяжелом парчовом платье цвета темного старого золота и с забранными наверх темными волосами, будто не чувствуя неудобства, медленно приблизилась к ожидающей ее царице Иппоталии.

Так как мамы не было, довести невесту до избранника и представить богу как будущую королеву выпало знатнейшей из присутствующих женщин. И я замороженно глядела на статную царицу, которая, несмотря на возраст – она была даже старше мамы, – сохранила какую-то тягучую гибкость и привлекательность. Я видела Иппоталию в детстве всего пару раз, и сегодняшняя встреча казалась очередным приветом из прошлого.

Зазвучали гонги, и люди, заполнившие амфитеатр, замолчали. Гонги продолжали звенеть – пронзительно, торжественно и тревожно. Царица ласково улыбнулась Ани, что-то сказала ей и протянула руку. И под мерный перелив звуков, эхом перекликающихся друг с другом, повела мою сестру к ожидающему ее у расстеленных ковров Кембритчу. А мы остались стоять позади, на положенном месте, в пятнадцати шагах от статуи Бога-Огня.

Было по-осеннему зябко, дул свежий ветерок, звенели гонги, народ на трибунах напряженно молчал, а я заставила себя смотреть, как Люк берет Ангелину за руку и поворачивается к Красному Воину. Царица, поклонившись богу и произнеся ритуальную фразу представления наследницы, отступила к нам. Кембритч тоже был одет по традиции – в красный камзол, символизирующий его вступление в дом Рудлог, белую рубашку с широким воротом, штаны, заправленные

в высокие сапоги. И выглядел он при этом как герой карнавала. Ну или мне хотелось, чтобы он так выглядел. На самом деле виконт смотрелся очень впечатляюще и казался старше и спокойнее, чем я помнила его.

Он напряженно дернул головой, словно почувствовал мой взгляд и собрался оглянуться, и я приросла к земле рядом с нахмурившейся Василиной и ее мужем. Не смей на меня смотреть. Не смей, Люк!!! Мы уже попрощались. Теперь твоя судьба рядом с тобой.

Удары гонгов слились в непрерывный звон, и Его Священство, встав с колен, начал петь молитву-обращение к Красному. Голос у него был слабый, но он удивительным образом возносился над звуками древних инструментов, и слова молитвы слышали все, даже те, кто находился на самых дальних рядах амфитеатра.

*Прими, божественный кузнец,
Огонь дающий и берущий,
Живое пламя Творца,
Дочь свою, наследницу твоей крови,
Плоть твою в поколениях,
Под длань твою...*

Один за другим вставали остальные священники, оставляя гонги стоять на земле, и присоединялись к песне-молитве.

*...Дай ей мудрость и всемильность,
Дай ей силу и ретивость,
Дай ей долгой жизни,
Пусть имя ее запомнят в веках...*

И вот вокруг лежащей у ног Красного короны начало разливаться марево, сначала полупрозрачное, словно просто колышущийся над мостовой жаркий воздух, оно постепенно поднималось ревушим божественным пламенем, охватывая статую и превращая ее в яркую огненную фигуру с горящими глазами. Одновременно с этим сам по себе звякнул первый оставленный на песке гонг, затем другой, и вот они уже взмыли в воздух полукругом перед поющими жрецами и начали отбивать ритм.

Та-а-ам-бон-бон. Та-а-ам-бон-бон. Та-а-ам...

Я смотрела на спину сестры и пыталась представить, что она чувствует сейчас, будучи так близко к изначальному пламени нашего первопредка. Страшно ей? Любопытно? Все равно?

Я же была в эйфории – то было первое божественное чудо, которое я видела сама, и, когда это настолько наглядно и близко, становятся жалки и смешны как наши споры с лицейскими друзьями-атеистами, так и философствования почтенных профессоров богословия. Все не так сложно, все близко и понятно. Я тянулась к этой обжигающей стихии, хотела прикоснуться к ней, почувствовать ее. И ощущала себя обиженной маленькой девочкой, которой показали торт на высоком столе и сообщили, что его сейчас съест кто-нибудь другой.

*...Дай ее избраннику твердости и крепости,
Дай им здорового потомства,
Пусть тот, кто хочет сразиться с ним,
Заявит свое право сейчас или молчит вовек...*

На другом конце города взбешенный Владыка врезал в челюсть ворвавшемуся в номер и разбудившему его брату и, страшно рывкнув, выпрыгнул из окна, на лету разворачиваясь в огромного дракона. Уже не стесняясь ничего и никого, не слушая криков ужаса видящих его снизу людей, огромный ящер молнией полетел к амфитеатру, в ярости обещая себе разорвать проморгавшего перенос церемонии Энти, если он не успеет и коронация все-таки состоится.

– Других претендентов на руку принцессы нет! Время выбора истекло! Можно начинать коронацию! Благослови дочь свою на трон и наследие твое, Красный Отец! – торжественно объявил Его Священство, кланяясь Огню и выливая в него драгоценное ароматное масло. Огонь взмыл выше статуи, соглашаясь, и корона, светящаяся, будто раскаленная, медленно поднялась в воздух под ритмичный звон гонгов и двинулась к Ангелине.

– Красота, – выдохнула рядом со мной Василинка, и я молча кивнула. Венец нашего дома, словно лепестками цветка, был обвит танцующим и меняющимся белым, красным, оранжевым, золотым пламенем, двигался высоко – на уровне глаз пылающего Бога-Огня – и не спеша, позволяя проникнуться красотой момента, направлялся к старшей сестре.

Огненный Бог развел руки и проревел:

– БЛАГОСЛОВЛЯЮ СИЛЬНЕЙШУЮ ДОЧЬ МОЮ!

Я почувствовала, как на глазах от восторга вскипают слезы, а в низу живота легкими крыльями порхают страх перед сверхъестественным и неземное счастливое возбуждение, не имеющее отношения к сексуальному. Это было так, будто я долго-долго о чем-то мечтала и наконец получила. Захотелось упасть на колени от счастья и восторга.

И в этот момент по ушам ударил резкий звук, будто лопнула огромная струна. Сверху заблестали разряды, но я не могла поднять головы. Потому что пылающая корона наших предков пролетела над застывшей Анжелиной и направилась ко мне. Ани обернулась, и я увидела ее огромные непонимающие глаза и бледное лицо.

Завизжали люди, а я, каменя, беззвучно крича от ужаса и предвкушения, смотрела на приближающуюся корону, опаляющую меня нестерпимым жаром. Неужели?.. Протянула к ней руку...

...но меня отшвырнуло будто котенка, позарившегося на хозяйские сливки. Я упала на спину и увидела, как, остывая и постепенно принимая нормальный цвет, сияющий венец опускается на голову оставшейся стоять Василины.

Дальше взгляд выхватывал только куски происходящего.

Выгибающаяся дугой и закатывающая глаза Василина, падающая на руки Мариана.

Ангелина и Люк, бегущие к нам, что-то кричащая царица Иппоталия. Застывший Его Священство и звенящие гонги.

Огромная белая крылатая тень, стремительно летящая вниз.

Полный ужаса ор людей, и Люк, выхватывающий пистолет и начинающий стрелять в чудовище.

Крик не приходящей в сознание Василины, повышающийся до невыносимого, и красное свечение, окутывающее ее фигуру и жгущее руки крепко прижимающего ее к себе мужа.

Угрожающий рев остывающего Бога, застывшего с поднятым вверх кулаком.

Зубастая пасть, подхватывающая Ангелинку за тяжелую юбку и уносящая сестру ввысь.

Начинающие падать вокруг люди, и крик новой королевы, набирающий обороты.

Ее тело бьют судороги, она выгибается, с нее падает корона, но это ничего не меняет, и у Мариана не получается зажать ей рот. Он

прижимает ее телом к песку и что-то говорит мне, но я не слышу его и вижу только открывающийся рот. Читаю по губам.

– Помоги! – просит он. – Помоги же!

Я, борясь с головокружением, подползаю к ним, хватаю горячую, не прекращающую кричать сестру за голову и судорожно пытаюсь вспомнить, как это делала мама. Как замыкала выброс на себе.

– Василина, василек, – зовет Мариан, и в его голосе столько страха, что я начинаю рыдать. Прижимаю ладони к вискам бьющейся и выгибающейся сестры и представляю, как забираю себе лишнюю энергию. Ничего не получается, проходит мгновение, второе... И вдруг она открывает совершенно черные глаза, у нее начинает меняться лицо, а в мои ладони словно бьет убийственная электрическая дуга, выжигающая все внутри и ослепляющая мозг белоснежным искрящимся светом. Я отшатываюсь, еще успеваю увидеть, как отлетает Мариан, и теряю сознание.

В божественных чертогах беспокойно – Красный в ярости крушит хрупкие призрачные стены, выжигает пламенем их с Водой дворец, и в небесах над столицей начинает ворочаться темная гроза. Богиня-Вода плывет к нему сквозь бушующее пламя, а остальные держатся чуть позади, не решаясь подойти к обезумевшему брату.

– Чем ты недоволен? – спрашивает она, опускаясь перед ним на колени и заглядывая в лицо супругу.

– Вы пошли против меня! По традиции королевой должна быть старшая! – ревет он, замахиваясь на нее, но останавливает кулак у спокойного лица и, пошатываясь, смотрит на нее с виной и ужасом. Ударившего не простит, это он знает точно.

– По Правилу ею должна стать сильнейшая, – мягко говорит его божественная супруга и трется щекой о кулак, умиротворяя и успокаивая. Как и всегда. – Правило сильнее традиции. Ты сам установил Правило!

– У нее трое детей, брат, – произносит подошедший Белый Целитель, – и муж, который причастился и усилился ее кровью. Их брак произошел по древнему обряду. Ее ветвь сильнее. Ее огонь горячее.

– Старшая может родить детей и стать сильнее, – рычит окруженный со всех сторон Огонь. – Я устроил ей мужа с сильной

кровью!

– Может и не родить, – говорит Желтый, вставая рядом с братом. – Вторая сейчас пылает ярче. Пусть ее Огонь меньше, но греет мощнее. Правило не учитывает возможного будущего. Отступишь.

– Ты должен им пятьсот лет и много сотен жизней. Отступишь, – повторяет эхом Зеленый Пахарь, кладя руки на плечи их божественной супруге: все-таки сейчас его сезон. Но Богиня-Вода не обращает на него внимания, ласково гладит огненного мужа по бедрам, трется о него телом.

– Отступишься? – спрашивает она искушающе, и в голосе ее обещание. – За тобой долг, возлюбленный муж мой.

Зеленый медленно делает шаг назад под горящими глазами брата и качает головой. Они все любят свою божественную сестру, но только двое из них способны убить за право быть с ней. И один стоит перед ним.

– Обряд весь нарушен, – ворчит Божественный Воин, угасая, в который раз покоряясь этой женщине.

– Ничего, – веселясь, отвечает Белый, и его глаза смотрят сквозь пространство, – сейчас его выполняют до конца.

– Посмотрим или?.. – спрашивает Богиня, улыбаясь мерцающим красными огнями глазам супруга. Тот рычит, хватая ее за волосы, поднимает рывком, а она смеется, льнет к нему в поцелуе, оборачивается вокруг него водяным вихрем, и они исчезают под печальным взглядом Зеленого.

– За мной будет долг, брат, – доносится до него рев Красного, и Белый обнимает Хозяина Лесов, отвлекая от скрывшихся любовников и обещая, что сейчас будет весело.

Василина

Приходящие в себя на трибунах люди с недоумением наблюдали, как поднимается в воздух, словно паря, молодая женщина с очень светлыми волосами и в платье, которое заметно велико для нее. Разводит руки и медленно крутится вокруг своей оси, а затем опускается на землю. И тут же прыгает, приземлившись у статуи застывшего в угрожающей позе бога, оказываясь лицом к растерянным, испуганным людям.

С небес тянуло сухим жаром, сверкали молнии, стеной надвигался дождь, а раскаты грома напоминали вибрирующие стоны и рокочущий

смех. Женщина тоже смеялась, поднимая лицо к небу, и ее тонкая фигура словно светилась изнутри. Далеко за спиной безумной королевы пришел в себя ее муж, завертел головой, ища взглядом супругу, поднялся и побежал к ней. Рядом с очнувшимся бароном виконт Кембритч придерживал на руках принцессу Марину, обтирал ей лицо, тряс и звал ее.

Королева Василина, с улыбкой оглядывая притихших подданных, вдруг протянула к ним руки и прошептала:

– Идите ко мне.

И этот сладкий, манящий шепот отдался безумным желанием в телах ближайших неженатых мужчин.

Вот Алмаз Григорьевич Старов делает два шага вперед и застывает, словно пытаюсь совладать с собой. Вот Его Священство падает и корчится, борясь с невыносимым для просветленного плотским желанием. Жрецы опускаются на колени, ползут к ней, останавливаются, снова ползут и молятся, молятся хриплыми голосами, пытаюсь найти защиту у божественных господ. Двинувшиеся было вперед маги под резкие окрики справившегося с собой Старова ставят ментальные щиты и зажимают уши.

– Идите, – снова ласково позвала она, но теперь ее было слышно даже на дальних трибунах. Там начали подниматься мужчины, стремясь вперед, к своей королеве. Матери и сестры хватили их за руки, висли на шеях, пытаюсь не пускать, но они упорно шли вперед, ведомые одним желанием – быть с этой женщиной.

– Гюнтер! – отчаянно и пронзительно прокричала царица Иппоталия, становясь перед пребывающей в трансе Рудлог и выставляя щиты. Сколько она сможет удерживать их, непонятно. – Нам нужны все! Сейчас будет бойня! Я не удержу щит против этой толпы!

Старов попытался помочь ей, но все, на что его хватило, – это накрыть щитами ползущих священников, которые, почувствовав, что наваждение спало, начали приводить в чувство Его Священство.

– Идем, Тали, – проревел в ответ из ложи блакорийский король. Но ложи их величеств высоко и далеко, а приближающиеся очарованные мужчины близко. Огибая щит серенитской царицы, мимо зовущей других жены пронесся барон Байдек, встал у щита, снимая мешающий камзол и рубашку.

А к нему уже бежали с намерением снести препятствие на пути к желанной женщине.

– Не подходить! Моя! – прорычал Мариан в лица ближайших, но его не услышали, напали, и он с размаху впечатал кулак в лицо первому бросившемуся на него. В толпе мужчин тоже тут и там вспыхивали драки, все пытались обойти или отшвырнуть соперников. Но первая волна бегущих уже накатывалась на занявшего оборону капитана.

– Уходи за щит! Продержимся чуть-чуть! – прокричала Байдеку царица, но он помотал головой и ударил следующего, потом еще и еще, вертясь и рыча. Мужчины падали как подкошенные, но всё нападали на него, мешая один другому, сражаясь друг с другом, толкаясь у щита. Их было слишком много, и не все они были слабаками, но Мариан, словно обезумев, бился за свою женщину, не желая, чтобы хоть кто-то коснулся ее.

– Идите, – опять прошептала она из-за его спины, залиvisto расхохотавшись, и Байдек пропустил удар, от которого на мгновение в глазах потемнело, сплюнул кровь.

Краем глаза барон с удивлением увидел Кембритча, вставшего рядом с ним плечом к плечу – он почему-то избежал общего безумия. Виконт, неловко припадая на сломанную ногу, тоже орудовал кулаками, сломанная трость валялась на земле, и ему было куда тяжелее, да и удары он пропускал чаще.

– Гюнтер! – снова закричала царица. – Нейтрализатор! Она же сейчас весь город с ума сведет!!!

Сверкали молнии, хохотала королева, маня к себе мужчин, сквозь ряды которых, словно волнорез, двигался блакорийский король, на ходу бормоча заклинания. За ним клином шли Демьян Бермонт и Луциус Инландер, но все они были еще далеко. Император Хань Ши неподвижно смотрел на творящееся безобразие из своей ложи, положив одну руку на колено, а другой держа за загривок своего младшего неженатого сына.

Гремел гром, Кембритч качался, пропуская удары, по лицу его текла кровь, смешанная с дождевой водой, а сзади опять раздалось зовущее:

– Идите!

Барон заревел, в ярости и отчаянии выворачиваясь из-под нападающих, задрал голову к небу и обернулся гигантским медведем, расшвыривая тех, кто оказался поблизости. Глаза его были залиты кровью, и он был готов убивать за свою женщину.

– Не убивай, – тревожно закричала сзади Иппоталия, а окровавленный мужчина рядом изумленно прохрипел что-то нецензурное. Но Байдек едва слышал их, взбудораженный запахом крови и агрессии, но все-таки не бил когтями, отшвыривая посягнувших на его самку тыльными сторонами лап, и угрожающе ревел, обнажая клыки. Инстинктивный страх оказался сильнее вожделения, и кто-то уже пятился назад, кто-то просто останавливался, приходя на мгновение в себя, но сзади все еще напирала и дрались люди. Рядом с Марианом вдруг, тяжело дыша, упал на землю его неожиданный помощник, и запах его крови неприятно резал ноздри.

Протолкнулись наконец вперед их величества, и он снова предупреждающе зарычал, качнулся к новой угрозе. Но перед ним встал Демьян Бермонт, показывая пустые ладони, поднятые вверх.

– Мы не тронем твою женщину, брат. Мы хотим помочь. Пропусти, – и в его голосе тоже был слышен рык большого зверя. – Тихо, брат, тихо. Я свой. Я такой же, как ты.

Медведь опустил на четыре лапы, наклонил голову, словно прислушиваясь и косясь налитыми кровью глазами, несколько раз рыкнул, раздувая ноздри, но пропустил тройку королей к державшей щит царице. Снова поднялся на задние лапы, скаля зубы на застывших перед ним мужчин. Раненые у его ног стонали и пытались отползти.

Байдек не оборачивался, охраняя свой рубеж, только ступил чуть вперед, чтобы закрыть собой хрипло дышащего Кембритча, который пытался встать на ноги. Минутная заминка у его противников закончилась, и на него снова начали бросаться самые храбрые дворяне и офицеры, даже кто-то из охранников, и их глаза были пусты.

А за спиной зверя трое глав первых домов материка окружили сияющую королеву, и она зашипела, глаза посветлели, а у рук начало клубиться призрачное пламя.

– Не смотрите ей в глаза, – предупредила Иппоталия, стоявшая к ним спиной, а добродушный басок Гюнтера сообщил:

– Не мальчики, знаем. Не суетись, Тали. Сейчас мы ее нейтрализуем.

Королева развернулась и хлестнула проклятиями по сторонам, словно проверяя силы, и клубящиеся мглой плети оказались неожиданно мощными.

– Никак не замкнуть контур, – нервно бросил Луциус, пока остальные, так же, как и он, старались дотянуться друг до друга, удерживая при этом персональные щиты от атакующей Рудлог. Но попытки проваливались одна за другой.

– Император! – гулко заорал Гюнтер, получив чувствительный тычок в грудь и проехав назад на ногах несколько метров. Василина захохотала, поворачиваясь к рыжему Луциусу и раскручивая клубящуюся плеть уже в его сторону. – Хорош отсиживаться! Нам нужен стабилизатор!

Император Хань Ши, недовольный непочтительным обращением, скривил губы, но все-таки не спеша встал в своей ложе. С его плеч красиво соскользнула меховая накидка, и он, прежде чем начать действовать, наставительно сказал пришедшему в себя сыну:

– Держи свои глаза открытыми.

Тонкий, седой, узкоглазый и изящный, император Ши величественно протянул вперед сухую руку, и от его пальцев змеей заструилось желтое свечение, разливаясь в широкую реку поверх голов дерущихся с рычащим медведем и волнистым водопадом опускаясь на треугольник монархов.

– Старый позер, – проворчал блакорийский король, чувствуя, как стабилизируются и синхронизируются их энергии. По лицам двоих его коллег было понятно, что они того же мнения.

Треугольник вспыхнул четким контуром, и Василина замерла внутри. Царица Талия устало отпустила щит – теперь он держался сам по себе. Дерущиеся мужчины разом обмякли. Кто-то упал без сил, кто-то сразу начал оказывать помощь тем, с кем только что бился насмерть. Со всех сторон уже бежали их родные – убедиться, что все в порядке и никто не погиб в этой эпической битве за королеву.

Демьян Бермонт, отряхивая руки, быстро подошел к замершей виновнице чудовищного переполоха, нажал ей на виски и начал обратный отсчет, как и семь лет назад с ее матерью. Василина дернулась, и от нее к нему побежал мощный избыток силы, от попыток сдержать который бермонтский король заскрипел зубами, выдыхая

воздух, как ошпаренный. И наконец отшатнулся, успев-таки завершить начатое.

Королева с жалобным стоном упала на песок.

Медведь повернулся на ее крик и начал биться о щит, пытаясь попасть к ней, и проломил-таки, под ошарашенными взглядами королей и царицы. Он на ходу обернулся в обнаженного мощного мужчину, схватил свою жену на руки, втягивая носом воздух и скалясь на обалдевших монархов.

– Она жива, жива, – успокаивающе прошептал бледный как смерть Бермонт, – сейчас очнется.

– Это потому что она была не запечатана! И малой коронации не было! – возмутилась Талия с заметными истерическими нотками в голосе, и мужчины зашикали на нее, чтобы не раздражать медведя.

Но Мариан баюкал жену на руках, шептал «Василина, Василина», прижимал к себе, оставляя на ней следы своей и чужой крови. И она наконец открыла глаза, щурясь и со страхом глядя на окровавленного мужа. У барона была рассечена бровь, сломан нос и волосы запеклись от крови – видимо, кто-то хорошо приложил его по голове. Василина задрожала, из глаз потекли слезы.

– Мариан, что же я натворила?

– Все хорошо, василек, – сказал он ей, улыбаясь, – теперь уже все хорошо.

Где-то вокруг них жрецы и маги помогали пострадавшим, монархи тоже не брезговали целительством, Алмаз Григорьевич вызвал виталистов. Министр Минкен тут же на песке бойцового поля требовал организовать поиски старшей принцессы. Виконту Кембритчу обрабатывали раны, и Люк, посмеиваясь, переговаривался с кем-то из знакомых, кто совсем недавно с ним дрался, и одновременно требовал у Минкена включить его в поисковую миссию.

Далеко от них осматривали так и не пришедшую в себя принцессу Марину. Немного взъерошенный Тандаджи двигался от группы к группе и предупреждал о сохранении государственной тайны, благо журналистов на тайнства никогда не приглашали.

Но подробности коронации все равно долго еще гуляли по стране, обрастая совсем уж невероятными деталями и придавая правящей чете почти божественный статус.

Четери услышал зов Владыки, когда Света только-только ушла из его номера. Он все еще был расслаблен и умиротворен, как после напряженного выигранного боя, руки хранили ее запах, в душе было спокойно и хорошо. Светлана ночью была тревожной, тихой и привычно отзвучивой на его страсть, но ничего не спрашивала и ни о чем не просила. А Чет так и не смог определиться. Он решил, что обдумает все утром, когда лишаящая его способности внятно мыслить девушка уйдет.

Но оказалось, что времени не было.

– Света, – быстро сказал дракон в трубку, когда она ответила своим теплым голосом, – все поменялось. Мне нужно улететь сейчас.

– Конечно, – ответила она тихо.

– Светлана, – заговорил он, торопясь, – пожалуйста, дожись меня. Я вернусь за тобой. В номере оставляю деньги на оплату номера. Дождешься?

В голове снова прозвучал Зов, теперь угрожающий и раздраженный, и сопротивляться ему не было сил. Четери прыгнул в окно, оборачиваясь, трубка полетела на мостовую, и он не слышал, что ответила его женщина.

– Ты не вернешься, – печально повторила Света в замолчавшую трубку, не обращая внимания на крики людей на улице. Третий белый дракон за последние полчаса рядом с их гостиницей. За это время успело приехать телевидение, но новость о выпрыгивающем из окна красноволосом мужчине, оборачивающемся в огромного ящера, показали только на следующее утро, потому что сегодняшней эфир весь был посвящен сенсационной коронации.

Зато на следующий день в народ просочились слухи о похищении драконом старшей принцессы, и, сложив два и два, журналисты всю крутили уникальный ролик, доводя народ до паники, а коллег Светланы – до визга и восторга.

Правда, Света восторгов коллег уже не застала. Держащее нос по ветру начальство вовремя смекнуло, что к чему движется, и уволило ее задним числом за неподобающее поведение и нарушение профессиональной этики. А на выходе из гостиницы девушку арестовали сотрудники Управления госбезопасности – за государственную измену и пособничество похитителям.

Но Четери ничего этого не знал. Он стремительно несся над страной за Нории, закинувшим драгоценную добычу себе меж крыльев, держась чуть позади и снизу, чтобы защитить от возможного нападения или преследования или сменить, когда кончатся силы. И что было у него на уме, Владыку не интересовало. Он летел домой, на юг.

А вот что было на уме у похищенной принцессы, Нории интересовало, и даже очень. Но если бы он сумел прочесть ее мысли, вряд ли бы оные ему понравились. Возможно, послушав выразительную ругань своей потенциальной супруги, он бы даже немного усомнился в правильности своего решения и предстоящей счастливой семейной жизни. Потому что Ангелина была в крайней стадии раздражения, и от убийства дракона ее удерживало только осознание того, что, получись у нее его проклясть, – и падать они будут вдвоем. Поэтому она завернулась в верхнюю плотную юбку своего свадебного платья, чтобы хоть немного согреться, вцепилась одной рукой в шип красного костяного гребня, спускающегося по шее похитителя, и старалась не думать о том, что будет делать, когда захочет в туалет или спать. Дракон был теплый, но мышцы, перекачивающиеся под ней от работы крыльев, сильно укачивали и заставляли все время сжимать ноги и балансировать, чтобы не свалиться. Принцесса думала о неудавшейся коронации, и ей было грустно, о несостоявшейся свадьбе – и ей было легко. Она переживала за Василину и свалившийся на сестренку неподъемный и нежеланный груз. И еще ей было немного страшно – от незнания, что ждет ее впереди.

Энтери, брат Владыки, тоже летел позади и думал о том, что сделает с ним Нории, когда они вернутся в Белый город. И ему тоже было страшно, но не за себя, а за Таисию, которая может его и не дождаться.

Королева Василина, сидевшая на троне в Церемониальном зале и принимавшая поздравления от немного потрепанных и сильно удивленных подданных из числа тех, кто не оказался в лазарете, не боялась, а тосковала. По оставленному дому под Лесовиной, по сыновьям, по их спокойной и совсем не публичной жизни, по себе прежней, не являющейся источником опасности для окружающих. Буквально несколько минут назад она чуть не снесла выбросом силы огромную, заставшую еще ее прапрадеда люстру просто потому, что

стоявший сзади министр Минкен, наклонившись, о чем-то внезапно спросил ее. Присутствующие аристократы и придворные побледнели, но не отступили и стали поздравлять ее в усиленном режиме. И пусть царствующие собратья и старый маг Алмаз Григорьевич пообещали обучить ее, сейчас приходилось контролировать каждое движение и мысль. И Василине, в отличие от Ангелины, это давалось с трудом.

Не было страшно и ее мужу, принцу-консорту Мариану Байдеку, стоящему у королевы за спиной и цепко оглядывающему зал. По сравнению с теми минутами, когда он чувствовал ужасающую, непривычную беспомощность, будучи не в силах спасти супругу от ломающей и подчиняющей ее изнутри силы, и моментами боя, когда на мгновение показалось, что он не сможет отстоять Василину от обезумевших мужчин и доказать свое право владеть ею, их новый статус был ерундой. Главное, что с женой снова все в порядке, а с остальным они справятся. И даже угрожающе качающаяся с жалобным звоном люстра не вызывала в этом мужчине сомнений.

Сомнения в данный момент одолевали Полину Рудлог, которая была не в курсе произошедших с ее семьей перипетий, зато отлично знала, что за то, чем она занималась в данный момент, в стране, в которой она сейчас находилась, грозила смертная казнь. Бермонт был самым закрытым государством на материке, и в туристических буклетах статьи о нем пестрели предупреждениями «Очень опасно!» и «Обязательно придерживайтесь маршрутов». Да и туристы сюда ездили больше немного сдвинутые на риск, чем любители достопримечательностей. Пока Полине везло, но рассматриваемый объект охранялся почище, чем их семейная сокровищница, и она беспокоилась и тревожилась.

Тревожно было и ее младшей сестре Алине. Мало того, что не все получалось в учебе, так теперь еще постоянно казалось, что за ней кто-то следит. Сон не приносил облегчения, хотя она усердно занималась вечерами и, несмотря на гуляющую общагу, примерно ложилась спать в десять вечера. А теперь, когда Алина узнала, что сестер нашли, о коронации и похищении Ангелины, вопрос сохранения инкогнито встал с новой силой. Вряд ли у нее получится спокойно доучиться, если в университете выяснят, кто она. Алина, чтобы успокоиться, как всегда, набросала план действий, и тревога немного ушла, сменившись необходимостью браться за домашние задания.

Для Люка, виконта Кембритча, насущной необходимостью в данный момент было лежать в палате Королевского лазарета, смиренно молчать и слушать разоряющегося Тандаджи, словно потерявшего после скандальной коронации и промаха с похищением наследницы все свое хваленое спокойствие. В принципе, ничего нового он не услышал. На вопрос, к какой поисковой группе он может присоединиться, ему было сказано, что присоединиться он может только к толпе слюнявых идиотов, потому что только идиот может ради хорошей драки ползть под кулаки и получить вдобавок к снова поехавшей ноге еще и трещины в ребрах. И что, возможно, эту ногу стоит просто отрезать, чтобы сотрудник был избавлен от драк и обиженных женщин, смирно сидел в кабинете и думал головой. Которая, как ни странно, осталась цела, хоть он и получил по ней сегодня много раз. И что сейчас виконт, раз уж он счастливо избежал участи принца-консорта, освобождается от работы, пока не станет снова лицом похож на человека, а не на попавший под автомобиль баклажан.

Тандаджи так расстраивался, что Люк осмелился предложить ему курнуть пару щепоток тидусской травы, которую, он точно знал, начальник всегда носил с собой. За это Кембритч получил еще с десяток нелестных эпитетов, во время озвучивания коих успел дотянуться до пачки и закурить. Тем не менее глава Управления госбезопасности приоткрыл окно палаты, достал самокрутку и затянулся-таки. И наконец-то вошел в то самое невозмутимое состояние, в котором обычно пребывал. И даже пообещал не отрывать Люку голову после выздоровления, а еще раз подумать о новом задании. Если к тому времени неугомонный Кембритч не сломает себе еще что-нибудь.

В соседней с виконтом палате лежала принцесса Марина. И ей не было ни страшно, ни тревожно, ни весело. И курить ей тоже не хотелось. Потому что она еще не пришла в сознание после сокрушительного, выжигающего удара своей сестры.

А за окном продолжалась гремящая гроза, каких никогда не бывало осенью. Только летом, в самый зной, так крутятся и клубятся свинцово-фиолетовые тяжелые тучи, непрерывно сверкая молниями и грохоча сухим долгим громом. А косые мощные струи дождя словно обновляют мир, смывая старое, пыльное и высохшее и обещая, что все

теперь будет по-другому. Только после таких гроз воздух чист, свеж и животворящ, как в первый день после сотворения мира. И пусть скоро эта гроза пройдет, оставив после себя над столицей прозрачное, высокое, светлое осеннее небо, но катаклизмы на этом не закончатся.

В мире, невидимая простому глазу, закручивалась новая гроза, несущая и страх, и огонь, и разрушения. И пусть не все переживут ее такими, какими были до нее, – люди всегда жили и будут жить с верой, что все грозы когда-нибудь уходят, оставляя после себя солнце, чистоту и обновление.

Конец первой книги. Вторая книга серии
<https://author.today/reader/152917/1248494>

Ноябрь 2014 – март 2015 г.

Друзья, рада приветствовать вас в мире Туры! Спасибо за ваши награды и отклики, мне очень приятно читать ваши впечатления в комментариях. А для других читателей ваши впечатления - возможность оценить, стоит читать книгу или нет.

До встреч в новых томах) И не забывайте подписываться на авторскую страницу, чтобы не пропустить выкладку новых книг, конкурсы и скидки.

Ваша автор, Ирина Котова.